Жан Жорес
Социалистическая история Французской революции

III

Жан Жорес

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОГРЕСС»

Ж. Жорес
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
III

Жан Жорес

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Жан Жорес

*

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС» · МОСКВА · 1979

Jean Jaurès

*

HISTOIRE SOCIALISTE DE LA RÉVOLUTION FRANÇAISE

ÉDITIONS SOCIALES
PARIS 1970

Жан Жорес

*

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Том

III

РЕСПУБЛИКА
(1792)

Перевод с французского
Под редакцией
доктора исторических наук
А. В. АДО

Перевод тома III выполнен:
А. О. Зелениной, *Д. Л. Каравкиной* и *Е. В. Рубининым*

Редактор *Н. В. Рудницкая*

Редакция литературы по истории

© Перевод на русский язык «Прогресс», 1979

Ж $\frac{10605-218}{006(01)-79}$ 34—79

1602020200

ТОМ

ТРЕТИЙ

*

РЕСПУБЛИКА

1792

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

10 августа —
21 сентября 1792 г.

Постраничные ссылки и комментарии, а также Дополнительные замечания в конце тома написаны А. Собулем.

Примечания, обозначенные звездочкой, написаны А. В. Адо.

Глава первая

*

КОММУНА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Заканчивая изложение истории Законодательного собрания, я показал, что уже на следующий день после 10 августа все партии думали о том, как бы овладеть революционным движением и обеспечить себе возможно большее влияние на будущий Конвент [1]. Парижская коммуна обладала большой властью. Она хотела ее сохранить и расширить. 10 августа именно она взяла на себя главную ответственность и одержала победу. В то время как Законодательное собрание колебалось, она подготовила и осуществила штурм. Следовательно, в этот момент она была решающей силой Революции; она притязала на то, что она и есть сама Революция. Коммуна говорила, что она допустила дальнейшее существование Законодательного собрания только из своего рода терпимости и политического благоразумия, дабы не создавать перерыва между деятельностью Законодательного собрания и Конвента. Но в эти последние дни свои Собрание обладало не подлинной, а заимствованной властью [2].

Это народ Парижа вновь облек его властью; это революционная Коммуна, так сказать, доверила ему временное управление Францией, но под контролем самой Коммуны [3]. Якобинский клуб,

1. См.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции. Т. II, с. 603, «Последствия 10 августа».
2. Там же, т. II, с. 599, «Повстанческая Коммуна указывает Собранию, в чем состоит его долг».
3. О народных воззрениях в этой области см.: А. Собуль. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. Народное движение и революционное правительство. 2 июня 1793 года — 9 термидора II года. М., 1966, с. 267, «Народный суверенитет»; с. 282, «Восстание».

где собирались делегаты секций, стал на точку зрения Коммуны. Он был почти полностью согласен с нею. Из опасения быть наводненным на следующий день после победы 10 августа умеренными патриотами, с опозданием присоединившимися к движению, когда ясен стал успех, Якобинский клуб совсем прекратил прием новых членов [4]; таким образом он оставался незатупившимся острием Революции. Депутат Антуан сказал в Якобинском клубе 12 августа [5]:

«Народ вернул себе свой суверенитет, а когда суверенитет вновь принадлежит народу, то не существует никакой иной власти. кроме власти первичных собраний; само Национальное собрание продолжает осуществлять некоторую власть только в силу доверия, оказываемого ему народом, который почувствовал необходимость сохранить этот объединяющий центр и тем самым доказал, сколь мягок был его суд».

Итак, приходившая к концу власть Законодательного собрания была властью зависимой. Но не ограничит ли Коммуна свою власть Парижем? Это было бы противоречием, ибо, пока Национальный Конвент не собрался, Революция воплощена в Коммуне и Коммуна, как Революция, должна распространять свою власть на всю Францию. Вечером 10 августа Робеспьер, мастер точного расчета, уже понял, что влияние революционной Коммуны будет огромным; и он старался еще более расширить ее власть. В своей гордости он, несомненно, испытывал острое наслаждение при мысли об унижении Законодательного собрания, где теперь преобладали жирондисты; кроме того, вполне естественно было думать, что раз толчок, данный Коммуной, привел к Революции, то толчок этот должен передаться всей стране.

«Коммуна,— заявил он в Якобинском клубе вечером 10 августа,— должна принять эту важную меру, а именно направить в восемьдесят три департамента комиссаров, дабы они разъяснили им наше истинное положение; начать должны федераты, написав каждый в свой департамент» [6].

Это было подчинение влиянию Парижской коммуны всей революционной Франции, и если бы этот план удалось осуществить, то выборы в Национальный Конвент протекали бы под воздействием Парижской коммуны, враждебной как жирондистам, так и фейянам. Это было бы немедленное возвышение мощной робеспьеристской партии с маратистским левым крылом.

Первой заботой революционной Коммуны было пополнить свои ряды, включив славные революционные имена. Робеспьер был делегирован в Генеральный совет Коммуны секцией Вандомской площади; с 11 августа он стал принимать участие в его заседаниях [7].

МАРАТ ВДОХНОВЛЯЕТ КОММУНУ

Марат делегирован не был, но поддерживал с Коммуной постоянную связь. В эти горячие дни он был ее вдохновителем и ее журналистом; в номерах своей газеты от 13 и 16 августа Марат, обычно столь мрачный и недоверчивый, проявляет безудержную радость и гордость, намечая программу действий Коммуны, как человек, уверенный в том, что к его словам прислушаются [8]:

«О вы,— восклицает он,— достойные комиссары парижских секций, подлинные представители народа, остерегайтесь ловушек, какие вам расставляют его вероломные депутаты, остерегайтесь их соблазнов; отчасти именно вашему просвещенному и мужественному патриотизму жители столицы обязаны своим успехом, а отечество будет обязано своим триумфом. Оставайтесь на своем посту ради нашего покоя, ради вашей славы, ради спасения страны. Не бросайте кормила государственной власти, переданного в ваши руки, пока Национальный Конвент не избавит нас от деспота и его гнусного рода; пока он не устранит чудовищных пороков Конституции, служащих вечным источником анархии и бедствий; пока он не обеспечит политическую свободу на незыблемых основах».

---

4. «La Société des Jacobins. Recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris» par F.-A. Aulard, t. IV, Paris, 1892, p. 194, заседание 12 августа 1792 г.
5. Ibidem, p. 195. Антуан (1720—1793) — председатель суда бальяжа Буле, депутат третьего сословия от бальяжа Саргемин в Генеральных штатах, мэр Меца, представитель департамента Мозель в Конвенте. Антуан был направлен согражданами для вручения Национальному собранию петиции с требованием возврата министров-патриотов; принимал активное участие в подготовке восстания 10 августа.
6. Maximilien Robespierre. Œuvres. T. VIII: «Discours (3e partie). Octobre 1791 — septembre 1792». Édition préparée sous la direction de M. Bouloiseau, G. Lefebvre, A. Soboul, Paris, 1954, p. 427; «La Société des Jacobins», t. IV, p. 193. [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения, Т. II, М., 1965, с. 7.— *Прим. ред.*] О комиссарах Коммуны в департаментах см. документы, опубликованные П. Кароном (P. Caron): «Les missions du Conseil exécutif provisoire et de la Commune de Paris dans l'Est et le Nord. Août — novembre 1792». Paris, 1953; Idem. La première Terreur (1792). I: «Les missions du Conseil exécutif provisoire et de la Commune de Paris». Paris, 1950.
7. См.: F. Braesch. La Commune du 10 Août 1792. Étude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 décembre 1792. Paris, 1911, p. 262.
8. «L'Ami du peuple, journal politique et impartial», 13 août 1792. Заголовок: «Народ, обманутый своими представителями, или Новая измена отцов-сенаторов после взятия Тюильрийского дворца». [См.: Жан Поль Марат. Избранные произведения. Т. III, М., 1956, с. 105—113.]

И в следующем номере от 16 августа [9]: «Воздадим хвалу и безумству Совета в Тюильри, трусости контрреволюционеров из национальной гвардии и штаба швейцарцев, глупости и вялости Людовика Капета, переходу жандармов [на сторону народа], смелости народа, доблести федератов и парижских гвардейцев-санкюлотов. Победа увенчала правое дело; она свергла деспота и его приспешников, привела в замешательство прогнившее большинство сената, положила конец его дерзким происка м, придала решимость депутатам-патриотам Коммуны, упрочила их влияние, подорвала власть департамента, трибуналов и мировых судей, продавшихся двору, уничтожила контрреволюционный штаб, повергла в ужас врагов Революции, вернула свободу добрым гражданам и дала народу возможность проявить свою власть, поразив мечом правосудия злоумышленников. Но плоды этой блестящей победы вскоре будут утрачены, если депутаты-патриоты Коммуны не останутся на своем посту и не употребят всю свою энергию на укрепление свободы.

Людовик Капет и его семья являются заложниками; не позволять ни одному из его приспешников приближаться к нему и не спускать с него глаз — вот верное средство перерезать нити всех контрреволюционных заговоров.

Назначить декретом награду за голову каждого из бежавших Капетов, предателей и мятежников, — шесть миллионов за каждого — было бы верным средством захватить этих заговорщиков, заставить дезертировать, со всем их оружием и снаряжением, неприятельские полки, уберечь от расточения национальное имущество и избежать пролития крови патриотов. Нет более действенной меры, чем эта, для возвращения государству свободы, мира и благоденствия; вот уже два года, как я предлагаю ее, и всякий здравомыслящий человек должен признать ее правильность; и как раз поэтому Собрание постоянно ее отвергало. Пришло наконец время декретировать ее. Друзья отечества, требуйте этой меры во весь голос и будьте уверены, что это не будет безуспешно, ибо ныне ваши представители идут вперед, когда их подталкивают. Другая не менее срочная мера — принять декрет об открытии арсеналов, чтобы немедленно вооружить всех граждан — друзей Революции. Потребовать такого декрета должен военный министр; вскоре мы увидим, настоящий ли он патриот, ибо в течение месяца в стране не должно остаться ни одного национального гвардейца, который не был бы вооружен [10].

Именно Коммуна должна немедленно вооружить всех добрых граждан столицы и обучить их владеть оружием с тем, чтобы Париж мог отразить удары отчаявшихся врагов, если они осмелятся поставить все на карту.

Коммуна также должна ускорить создание лагеря у ворот Парижа и распорядиться о том, чтобы были возможно скорее

заняты все прилегающие высоты, мера, которую я предложил более года назад.

Коммуна также должна ускорить суд над предателями, содержащимися в тюрьме Аббатства, и не позволить ускользнуть от меча правосудия штабу швейцарской гвардии под предлогом опасности поссориться с тринадцатью швейцарскими кантонами, если им будет отказано в выдаче этих заключенных [11].

Коммуна должна воспрепятствовать тому, чтобы декрет, предписывающий продажу имуществ эмигрантов, превратился в насмешку, она должна распорядиться о немедленной продаже тех имуществ, что находятся в столице, в том числе Бурбонского дворца и всех особняков, какими владеют эмигранты в Париже; должна добиться передачи Люксембургского дворца в руки нации и потребовать половину выручки от продажи этих имуществ для раздела между неимущими столицы, содействовавшими взятию Тюильрийского дворца и победе отечества [12].

Все добрые граждане должны призвать линейные войска потребовать для себя права выбирать своих офицеров, права, недавно предоставленного национальной жандармерии; сегодня я вновь обращаюсь с этим призывом [13].

Парижская коммуна должна упорядочить продовольственную администрацию, позаботиться об изобилии продовольствия в столице и объявить войну гнусным скупщикам.

...Отечество только что спасено из бездны благодаря пролитию крови врагов Революции, средству, на которое я беспрестанно указывал, как на единственно действенное. *Если меч правосудия*

---

9. «L'Ami du peuple», 16 août 1792. Заголовок: «Расширение ужасного заговора двора с целью уничтожить огнем и мечом всех патриотов столицы; меры, безотлагательно необходимые для обеспечения общественной свободы; необходимость, наконец, почувствовать важность момента». [См.: Ж. П. Марат. Избранные произведения, Т. III, с. 113 и след.]
10. Ношение оружия — один из главных атрибутов народного суверенитета, суверенный народ должен быть вооруженным. См.: А. Собуль. Парижские санкюлоты..., с. 271.
11. *Чрезвычайный уголовный* трибунал был учрежден Законодательным собранием 17 августа 1792 г.
12. Имущества эмигрантов были переданы в распоряжение нации 30 марта 1792 г. Это было подтверждено декретом от 27 июля. Продажа имуществ эмигрантов была определена декретами от 14 августа и 2 сентября 1792 г. [Фактически декретом 11 ноября 1792 г. продажа эмигрантских владений была приостановлена и развернулась после законов 3—6 июня и 25 июля 1793 г., принятых якобинским Конвентом.— *Прим. ред.*] Возмещение неимущих патриотов за счет имущества врагов Революции — типичная черта народного мышления. См.: А. Собуль. Парижские санкюлоты..., с. 337, истолкование в этом духе вантозских декретов.
13. Выборность офицеров, составлявшая особенность батальонов волонтеров, была распространена на всю армию законом об *амальгаме* от 21 февраля 1793 г.

поразит наконец интриганов и нарушителей долга, от меня больше не услышат призыва к народным расправам, жестокому средству, какое может предписать народу, доведенному до отчаяния, единственно закон необходимости и какое всегда оправдывает преднамеренное бездействие законов [14].

Комиссары Коммуны уже провели в жизнь многие меры, рекомендованные мною как необходимые для торжества свободы, такие, как содержание под стражей в качестве заложников семьи Капетов, запрещение контрреволюционных газет, суровое преследование врагов общества, изгнание скупщиков и торговцев звонкой монеты. Они прославили себя и многими другими прекрасными проявлениями гражданской доблести [15]. *Они действуют превосходно. Если они и дальше будут действовать с такой же энергией до тех пор, пока конституция не будет пересмотрена Национальным Конвентом, если все министры проявят себя патриотами, а народ будет внимательно за ними наблюдать, то я сочту общественное спасение обеспеченным, преисполнюсь спокойствия и снова возьмусь за перо только для переработки конституции.* И в самом деле, какую иную задачу мне осталось бы выполнить? Я вел войну с вероломными уполномоченными народа, с изменниками отечества, с недобросовестными чиновниками, с интриганами, с негодяями всякого рода; но сейчас злодеи скрываются, чтобы более не появляться или чтобы появиться в облике мирных граждан, послушных законам. Это — все, чего я мог желать.

И затем, разве не увидел я сейчас осуществление своих предсказаний, которые до сих пор еще не были подтверждены событиями? Я предсказал Мотье, что не успеют чернила в моей чернильнице иссякнуть, как он станет притчей во языцех наций и предметом ненависти народа; и вот уж они на исходе [16].

Я предсказывал Байи, что его повесят; и вот его бюст повешен рядом с бюстом господина Мотье. Не моя вина, если не нашли оригинал, чтобы заменить бюст; стоило ему только показаться публично, и его песенка была бы спета [17].

Год назад я предсказывал, что род Капетов будет свергнут с трона. И вот он уже почти что низложен».

Это — клики торжества и решительной победы; но вдруг вновь раздается возглас тревоги: «Впрочем, мы должны остерегаться, как бы нас не усыпили; будьте уверены, что контрреволюционеры собирают силы. Мы должны опасаться, как бы Мотье не двинул против нас своей армии. Опасаться, как бы нас не осадили все роялистские немецкие и швейцарские полки. Пора бы уже было парижской гвардии занять прилегающие высоты. Пора бы уже было дать приказ всем муниципалитетам королевства сообщать с курьером обо всех передвижениях войск, которые могли бы приблизиться к столице. Пора бы уже было сместить все продавшиеся двору административные власти. Шестеро министров

уже должны были бы находиться в цепях. Пора бы уже арестовать контрреволюционных членов Собрания — Ламетов, Дюма, Воблана, Пасторе, Дюбайе. Будем надеяться, что наши парижские комиссары будут бдительными».

Итак, Марат, незадолго перед 10 августа столь подавленный, что хотел бежать, как бегут, бросая безнадежное дело [18], теперь полон уверенности. Может быть, впервые с начала Революции он пишет о людях, облеченных полномочиями власти: «Они действуют превосходно». И он с наивной гордостью воображает, будто они лишь осуществляют его замыслы. Он забывает, что между хладнокровно совершаемыми казнями, которые он часто и неизменно предлагал, и взрывом 10 августа нет ничего общего. Но влияние Марата на революционную Коммуну действительно было велико. Она обладала силой, решимостью и быстротой действий, каких Марат не ожидал более от народных властей, чересчур разрозненных и разобщенных.

ДЕЛО ДИРЕКТОРИИ ПАРИЖСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА

Прежде всего Коммуна восстает против всех ограничений ее законом. 12 августа, на основании краткого доклада Гитона де Морво, Законодательное собрание приняло решение об избрании новой директории Парижского департамента из расчета по одному члену от каждой из 48 секций [19]. Но с самого начала Революции между департаментскими директориями, избираемыми путем двустепенных выборов, и муниципалитетами, избиравшимися народом прямым голосованием, существовал конфликт.

И Коммуна могла опасаться, как бы новая директория, хотя и избранная под влиянием революционных событий, не стала вскоре действовать наперекор народному движению, чьим органом она была [20]. На заседаниях Коммуны и Якобинского клуба

14. Призыв к народному правосудию; см. ниже описание сентябрьских избиений, с. 70.
15. См.: F. Braesch. La Commune du 10 Août, p. 346.
16. Речь идет о Лафайете. См.: «L'Ami du peuple», 19 et 21 août 1792. После тщетной попытки двинуть свою армию на Париж Лафайет 19 августа 1792 г. перебежал к австрийцам.
17. Байи — бывший мэр Парижа; преданный суду Революционного трибунала, Байи был приговорен к смерти и казнен 10 ноября 1793 г.
18. См.: «L'Ami du peuple», 22 juillet 1792. «Мотивы, вызвавшие уход Друга народа».
19. «Moniteur», XIII, 390; «Archives parlementaires», XLVIII, 32. Гитон де Морво (1737—1816) — химик, генеральный прокурор-синдик департамента Кот-д'Ор в 1790 г., депутат Законодательного собрания, затем Конвента.
20. Об этом деле и о связанном с ним конфликте между Коммуной и Законодательным собранием см.: F. Braesch. Op. cit., p. 416.

были заявлены резкие протесты. Депутат Антуан воскликнул в Якобинском клубе [21]: «Народ вновь взял верховную власть в свои руки, и тем не менее Национальное собрание сегодня приняло декрет об избрании парижскими секциями директории. Что за жажда директорий томит Национальное собрание? Неужели оно не понимает, что в стране одни лишь директории объединились против свободы? И зачем к тому же нужны директории? Неужели еще верят изречению аристократа Монтескье о необходимости равновесия властей? Нет, власти не уравновешивают одна другую, они уничтожают одна другую. Национальное собрание начало с того, что стало рабом короля, и именно поэтому народ сверг королевскую власть. *Совершенно не нужна директория, которая бы противилась мерам патриотического муниципалитета.* Я не хочу сказать, что Национальное собрание, принимая этот декрет, имело такое намерение, но утверждаю, что оно оказалось не на высоте положения, что оно не понимает того, что собой представляет народ и в чем состоит его суверенитет».

Это была теория почти неограниченного суверенитета революционной Коммуны. Генеральный совет Парижской коммуны направил в Собрание делегацию. От ее имени выступил Робеспьер [22]:

«Генеральный совет Коммуны направляет нас к вам по делу, касающемуся общественного спасения. После великого выступления, когда суверенный народ вновь завоевал свободу, между народом и вами не может более быть посредника. Вы знаете, что общественная свобода обязана своим рождением распространению просвещения. Итак, всегда руководясь тем чувством патриотизма, которое возвысило народ Парижа и всей Франции до той ступени величия, какой он достиг, вы можете, вы даже должны понять слова правды, которые он скажет вам устами своих делегатов.

Мы пришли говорить с вами о декрете, принятом вами сегодня утром относительно организации новой директории департамента. Народ, вынужденный сам печься о своем спасении, позаботился о своей безопасности, избрав делегатов. Надо, чтобы те, кого он сам избрал своими должностными лицами и кто должен принимать самые энергичные меры для спасения государства, обладали всей полнотой власти, подобающей суверену; если вы создадите другую власть, которая будет господствовать над властью прямых представителей народа или уравновешивать ее, то сила народа перестанет быть единой и в механизме вашего правления будет существовать вечный зародыш разногласий, которые еще породят преступные надежды у врагов свободы. Чтобы избавиться от этой власти, разрушительной для его суверенитета, народу придется еще раз взяться за оружие отмщения. В этой новой организации народ видит между собой и вами

некую высшую власть, которая, как и прежде, только затруднила бы действия Коммуны. Когда народ спас отечество, когда вы распорядились о созыве Национального Конвента, который должен прийти вам на смену,— что иное остается вам, как не удовлетворить его желание? Или вы боитесь положиться на мудрость народа, пекущегося о спасении отечества, которое может быть спасено только им? Свободу утратили, учредив власти, находящиеся в противоречии между собой; сохранить ее можно будет только посредством единства, посредством прямой связи представителей с народом. Благоволите успокоить нас насчет опасной меры, которая может разрушить то, что совершил народ; благоволите сохранить нам средства спасти свободу. Только тогда вы разделите славу героев, стремящихся к счастью человечества; только тогда, завершив свою деятельность, вы уйдете, благословляемые свободным народом.

Мы заклинаем вас проявить особое внимание и утвердить постановление Генерального совета Парижской коммуны [23], чтобы не приступали к созданию новой директории департамента». (*Громкие аплодисменты.*)

И в самом деле, как могло Собрание спустя два дня после 10 августа не аплодировать делегатам революционной Коммуны? Но втайне оно должно было быть оскорблено и встревожено. По существу, Робеспьер был прав. Раз Законодательное собрание, колебавшееся накануне 10 августа и даже склонное поддержать Лафайета, предоставило революционному народу Парижа, организовавшемуся в Коммуну, заботу о спасении — с опасностью для его жизни — отечества и свободы, раз оно должно было признать эту стихийно возникшую революционную власть, не следовало противодействовать этой власти народного и национального спасения, как выражению новой законности, и связывать Коммуну, пока она не завершит своего дела. Не следовало стеснять ее устаревшими формами враждебной законности. Собрание поняло это или, во всяком случае, этому покорилось. Тюрио поддержал предложение Коммуны несколькими трезвыми и сильными словами [24]:

«Мы убеждены в том, что при нынешних обстоятельствах необходимо, чтобы между представителями народа и Парижской

---

21. «La Société des Jacobins», t. IV, p. 197.
22. Maximilien Robespierre. Œuvres. T. VIII: «Discours», p. 429. См.: E. Hamel. Histoire de Robespierre, t. II, Paris, 1866, p. 379.
23. «Procès-verbaux de la Commune de Paris (10 août 1792—1er juin 1793)». Extraits publiés par M. Tourneux, Paris, 1894, p. 14.
24. «Moniteur», XIII, 399; «Archives parlementaires», XLVIII, 79. Тюрио (1753—1829) — адвокат, выборщик от Парижа в 1789 г., депутат Законодательного собрания, затем Конвента от департамента Марна.

коммуной царила гармония, что именно это единство должно привести к общественной свободе. Необходимо, особенно в настоящий момент, упростить механизм управления; ибо, чем проще механизм, тем лучше он действует. И особенно в настоящий момент между народом и вами не должно быть никаких посредников».

Собрание отменило свой декрет и постановило, что новая департаментская директория будет осуществлять свой контроль лишь над финансовой деятельностью Коммуны. Но Законодательное собрание, несомненно, было задето и несколько напугано словами Робеспьера. Он отвел Собранию весьма унизительную и подчиненную роль. Он считал народ Парижа и представлявшую его Коммуну средоточием всего революционного права, и, когда он требовал, чтобы «делегаты народа» могли обращаться к Собранию непосредственно, он фактически требовал, чтобы Коммуна могла прямо отдавать приказания или — если угодно — повелительные указания Законодательному собранию. Это жестоко уязвило самолюбие депутатов, особенно жирондистов, которые, подчинившись силе обстоятельств, изложенных Робеспьером, под влиянием оскорбленной гордости начинали возводить на Коммуну обвинения в стремлении к диктатуре. И затем, сколько времени продлится это революционное право Парижской коммуны? Если Коммуна смогла именем 10 августа подчинить себе Законодательное собрание, то не захочет ли она также господствовать над самим Национальным Конвентом, который, в конце концов, был творением именно Революции 10 августа? И главное, если уже теперь все революционное право казалось сосредоточенным в Парижской коммуне, то не превратят ли первичные избирательные собрания всей Франции — направляемые делегатами Коммуны — новый Конвент в расширенное подобие Парижской коммуны? Велико же должно было быть уже в эти первые дни беспокойство Жиронды. Даже монтаньяр Тюрио, поддерживая предложение Робеспьера, как будто особенно настаивал на исключительном характере обстоятельств. Тем самым он предназначал чрезвычайной власти Коммуны довольно скорый конец. Но Коммуна, добившись отмены декрета о создании директории, одержала значительную победу.

МЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

Эту столь ревностно отстаиваемую власть Коммуна энергично использует для проведения революционных мер общественной безопасности и мер национальной обороны. Это Коммуна выносит 12 августа постановление «о помещении Людовика XVI и его семьи в замок Тампль». И для сопровождения его из Люк-

сембургского дворца в Тампль она направляет своего прокурора Манюэля, басонщика Мишеля, автора трагедии поэта Леньело и сапожника Симона, который будет позже надзирать за дофином [25].

На том же заседании 12 августа она выносит постановление о передаче в ее руки почтового ведомства и о закрытии всех контрреволюционных газет или, как говорится в протоколе, «всех аристократических изданий, в том числе: «Ами дю руа», «Газетт юниверсель», «Газетт де Пари», «Эндикатёр» (вдохновляемого Адрианом Дюпором), «Меркюр де Франс», «Журналь де ла кур э де ла виль» и «Фёй дю жур» [26].

Она призывает к своему барьеру директора почтового ведомства и отдает ему приказание не рассылать ни одной роялистской или фейянтистской газеты; таким образом Коммуна предупреждает всякую попытку контрреволюции сеять панику в департаментах и бунт в армиях. Она заключает под стражу авторов и издателей всех «антипатриотических» газет; она распределяет между издателями-патриотами их печатные станки, шрифты и инструменты. Она приказывает директору почтового ведомства удалить из своей администрации всех служащих, чуждых «духа Революции», дабы никакая измена в канцеляриях

---

25. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», Paris, 1894 p. 14. См.: F. B r a e s c h. La Commune du 10 Août, p. 403. Манюэль—прокурор Коммуны, депутат Конвента от Парижа, вышел из его состава 19 января 1793 г., гильотинирован 24 брюмера II г. (14 ноября 1793 г.). Мишель — басонщик, комиссар секции Бобур, служащий полиции. Леньело — выборщик и комиссар секции Вандомской площади, депутат Конвента от Парижа, автор трагедий «Агис» (1782) и «Риенцо» (1804). Симон — сапожник, комиссар секции Французского театра, позднее надзиравший за дофином в тюрьме Тампль; казнен 10 термидора II г. (28 июля 1794 г.) [Дофин — младший сын Людовика XVI, Шарль Луи, ставший наследником престола после смерти брата в 1789 г. и помещенный вместе с королевской семьей в замок Тампль после восстания 10 августа 1792 г. Решением Совета Коммуны от июня 1793 г. Антуан Симон, член Коммуны и член клуба Кордельеров, был назначен воспитателем дофина и оставался им, находясь в Тампле, до января 1793 г.— *Прим. ред.*]

26. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 14. Редактором «L'Ami du roi, des Français, de l'ordre et surtout de la vérité» был Монжуа; редакторами «Gazette universelle, ou Papier-nouvelles de tous les pays et de tous les jours» были Буайе и Серизье; редактором «Gazette de Paris» был дю Розуа; редактором «Indicateur, ou Journal des causes et des effets» был Бер-Дюолан, политическое лицо газеты определял Дюпор; редакторами «Journal de la cour et de la ville» были Брюн и Готье де Сионне, по прозвищу Крошка Готье; редактором «La Feuille du jour» был Паризо. Фактически эти газеты роялистского направления перестали выходить 10 августа 1792 г. Продолжала выходить только газета «Меркюр де Франс».

не занесла контрреволюционного яда в кровь нации [27]. Это было смелое решение, ибо Революция впервые посягнула на «свободу печати», которую она до сего времени энергично отстаивала. Но враг был у границ, а измена гнездилась в сердце отечества. Фактически Революция объявила осадное положение, направив эту меру против захватчиков и изменников. Предпринимая этот смелый шаг, Коммуна весьма ловко прикрылась авторитетом Законодательного собрания; во всяком случае, сообщив Собранию об этих решительных постановлениях, она приобщила его к ним. Леонар Бурдон, возглавлявший одну депутацию Парижской коммуны, заявил Собранию 12 августа [28]:

«Благодаря принятым Коммуной мерам газеты поджигателей не будут более отравлять ни столицу, ни департаменты. Их печатные станки и шрифты будут использованы для служения Революции».

Председатель, жирондист Жансонне, ответил ему: «Национальное собрание с удовлетворением услышало о принятых вами мерах для обеспечения спокойствия Парижа и *для пресечения распространения полных яда сообщений аристократических газет. Оно призывает вас и впредь быть бдительными*» [29].

Итак, сама Жиронда одобрила в этот момент то, что можно назвать «безличной диктатурой» революционного народа Парижа.

В этот же день Коммуна распорядилась об аресте Адриана Дюпора, Дюпона де Немура, Лашенэ, Рюльера (брата историка), Сансон-Дюперрона, мирового судьи секции Моконсей, Каппи, полицейского чиновника, и Бори, бывшего муниципального чиновника, заведующего складами зерна (Гранж-Бательер). Их бумаги были опечатаны, как и бумаги центральной канцелярии мировых судей, которых почти всех подозревали в связях с двором и в фейянтизме [30].

Мало запретить враждебные газеты, надо было сделать так, чтобы ни один курьер, ни один гражданин не смог разжечь гражданскую войну, искажая события, клевеща на Париж. Коммуна, так сказать, заперла ворота Парижа; в огромном революционном городе она парализовала все силы контрреволюции, стекавшиеся со всех концов Франции к королю, к «Кобленцскому дворцу», как называли федераты Тюильри. Была запрещена выдача пропусков кому бы то ни было, за исключением лиц, на которых возложено снабжение города Парижа продовольствием, или тех, которым поручена доставка декретов Национального собрания. Домовладельцам и квартиронанимателям было вменено в обязанность сообщать о проживающих у них иностранцах в комитет своей секции, который должен был в течение двадцати четырех часов представить их список [31].

Было решено, что комиссары отправятся в окрестности Парижа в радиусе четырех лье, чтобы собрать сведения о людях, проживающих на этих окраинах столицы [32].

Была принята еще одна полицейская мера, было решено, что ни один священник не может появляться в церковном облачении, если он не находится при исполнении своих обязанностей [33].

На том же заседании 12 августа Коммуна выносит постановление о том, что площадь *Побед* будет отныне именоваться площадью *Национальной победы* и что статуя Людовика XIV будет заменена обелиском, на котором будут начертаны имена граждан, павших за отечество в день 10 августа [34].

Наконец, как бы для того, чтобы захватить руководство внешней политикой и придать ей революционное направление, Коммуна выносит постановление о том, что Национальному собранию будет направлена просьба объявить от имени Франции, что нация, отказываясь от всяких завоевательных планов, отнюдь не отказывается помогать соседним государствам, пожелавшим избавиться от порабощения [35]. Это был смелый ответ на вторжение врага.

Стремясь сделать для короля невозможной всякую попытку бегства, Коммуна выносит 13 августа постановление о том, что вокруг башни [Тампля] должен быть вырыт ров; но главное внимание Коммуна уделяет мерам национальной обороны. «Сорока восьми секциям разрешается немедленно организовать вооруженных граждан в различные роты; всякие различия, ущемляю-

---

27. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 15. См. также: B u c h e z et R o u x. Histoire parlementaire de la Révolution française, XVII, 51.
28. «Archives parlementaires», XLVIII, 69; F. B r a e s c h. La Commune du 10 Août, p. 351. Леонар Бурдон (1754—1807) — учитель в пансионе, комиссар секции Гравилье, депутат Конвента от департамента Луаре.
29. «Archives parlementaires», XLVIII, 69. Жансонне (1758—1793) — адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда.
30. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 15. Адриан Дюпор, Дюпон де Немур — бывшие депутаты Учредительного собрания. Лашенэ — командир 6-го легиона парижской национальной гвардии, 17 августа предстал перед Чрезвычайным уголовным трибуналом и был оправдан. Рюльер — полковник парижской кавалерии, убит во время сентябрьских событий, как и Сансон-Дюперрон. Бори — член муниципалитета в 1790 г. и умеренного клуба Сент-Шапель. [В этом клубе в 1791 г. собирались парижские выборщики в Законодательное собрание — сторонники фейянов. — *Прим. ред.*]
31. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 16 (от 12 августа 1792 г.). Жорес приводит здесь текст протокола без кавычек.
32. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 16.
33. Ibid. См. это постановление Коммуны в «Le Moniteur», XIII, 394. «Общее собрание Коммуны, принимая во внимание, что... духовное облачение, вызывающее негодование народа, может послужить поводом к оскорблениям тех, кто продолжает его носить...»
34. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 17; «Moniteur», XIII, 394.
35. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 17.

щие равенство, будут упразднены; эполеты будут для всех чинов только шерстяные; в силу декрета, объявившего всех граждан *активными*, вооружены будут все жители, за исключением бродяг» [36]. Это была мера, предшествовавшая всеобщему набору.

Тем временем меры общественной безопасности продолжаются. «Арестованы господа Лапорт, интендант цивильного листа, и дю Розуа, *критик из «Газетт де Пари»*. Их бумаги опечатаны, как и бумаги генерального комиссара швейцарцев и граубюнденцев Андриона и господ Биго де Сент-Круа и д'Абанкура» [37].

Отдан приказ арестовать всех офицеров штаба национальной жандармерии и всех камердинеров короля [38]. Но Коммуна преследует не только видных или явно связанных с контрреволюцией лиц. Многочисленные обвинения, исходящие от секций, естественно, побуждают ее арестовывать всяких сомнительных лиц. В протоколе заседания от 13 августа говорится: «Отданы распоряжения об аресте разных малоизвестных среди публики лиц и об опечатании их вещей»[39]. Здесь таилась большая опасность произвола и ошибок, против которой вскоре поднимутся резкие протесты даже со стороны демократов из «Революсьон де Пари» [40]. Но в эти первые дни, в обстановке продолжающегося возбуждения борьбы, еще не раздается ни одного голоса протеста.

Весьма антиклерикально настроенная Парижская коммуна отдает монастырским общинам распоряжение о выселении в трехдневный срок. «Эти логова аристократии будут опечатаны». И охрана печатей в течение этих трех дней доверяется самим монахиням под страхом лишения их пенсии [41].

В тот же день, 13 августа, секретарем Коммуны избирают молодого Жана Ламбера Тальена, жаждущего влияния и громкой известности и умевшего произносить цветистые речи, исполненные ложного пыла [42].

Я не могу подробно останавливаться на арестах, совершенных по распоряжению Коммуны. Их перечень можно найти в чрезвычайно интересных протоколах ее заседаний, опубликованных Морисом Турнё [43]. Отмечу последовавшие в течение нескольких дней аресты камеристок королевы г-жи де Наварр и г-жи Базир; первой камеристки королевы г-жи Тибо; камеристки наследного принца г-жи Сен-Брис; гувернантки детей короля г-жи Турзель; девицы Полины Турзель; Марии Терезы Луизы Савойской Бурбон-Ламбаль; первого камердинера короля и наследного принца г-на Лоримье де Шамийи [44]; г-на де ла Рош дю Мэн [45]; бывшего камердинера старшего из братьев короля г-на Магонтье; г-жи де ла Бретеш, бывшей заведующей гардеробом г-жи д'Артуа [46]; бывшего главного редактора-издателя (совместно с Байи) «Просеверваль дез электёр» [47] г-на Дюверье; господ Лажара, д'Эрминьи, Пленвиля, Ла Рени, Кассака, Шартона, братьев Шартон, Миллена, Барре, Крепэна, Обри, Лапьерра, Кентэна, Ларшена, Аклока и Кюрни, из числа которых многие принадлежали к штабу нацио-

нальной гвардии [48]. По правде сказать, это ожесточение против высших королевских слуг кажется немного ребяческим, и героическая Коммуна, взявшая на себя в ночь на 10 августа такую огромную ответственность, несколько роняет свое достоинство, преследуя этих титулованных лакеев. Она, несомненно, надеялась вырвать у этих мужчин и женщин какие-нибудь разоблачения, касающиеся королевской семьи. Быть может, также Совет Коммуны чувствовал, что, для того чтобы продлить свою революционную власть, он должен, если можно так выразиться, продлить революционный кризис и самими розысками самых безвестных участников великой драмы поддерживать яркое впечатление и жгучие воспоминания о ней.

---

36. Ibid., p. 18. В 1789 г. буржуазной национальной гвардии была придана форма организации по дистриктам; она была разделена на 60 батальонов; закон от 12—23 сентября 1791 г. сохранил эту структуру организации, оказавшуюся в противоречии с делением Парижа на 48 секций согласно закону от 21 мая 1790 г. Секции непрерывно протестовали против такой аномалии: они не могли свободно располагать своей вооруженной силой. Декрет от 19—21 августа 1792 г. узаконил постановление Коммуны от 13 августа 1792 г. С этого времени парижская национальная гвардия была разделена на 48 *вооруженных секций*, в которые имели доступ все граждане.
37. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 18. Лапорт, 17 августа представший перед судом Чрезвычайного уголовного трибунала, был казнен 24 августа. 25 августа его судьбу разделил дю Розуа. Биго де Сент-Круа (1744—1803), бывшему министром иностранных дел с 1 по 10 августа 1792 г., удалось, после того как он проводил королевскую семью до зала заседаний Законодательного собрания, переправиться в Англию, где он и умер. Д'Абанкур, бывший с 21 июля 1792 г. военным министром, преданный суду Верховного трибунала в Орлеане по обвинению в оскорблении нации, был убит в Версале 9 сентября вместе с другими обвиняемыми, которых Фурнье-Американец должен был доставить в Париж.
38. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 19.
39. Ibid., p. 41.
40. «Révolutions de Paris», главный редактор — Прюдом, сотрудники — Шометт, Марешаль, Фабр д'Эглантин.
41. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 20.
42. Ibid., p. 20. Тальен (1767—1820) — письмоводитель у прокурора, в начале Революции — фактор типографии газеты «Le Moniteur», после 10 августа 1792 г. секретарь-протоколист Парижской Коммуны, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза.
43. См. также с. 17, прим. 23. Жорес очень точно следует тексту протоколов, изданных М. Турнё.
44. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 41, заседание 19 августа 1792 г.
45. Ibid., заседание 20 августа 1792 г. Ла Рош дю Мэн был приговорен к смертной казни 17 мессидора II г. (8 июля 1794 г.)
46. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 50, заседание 19 августа 1792 г.
47. Ibid., заседание 24 августа 1792 г. Дюверье (1755—1839) — выборщик и заместитель депутата от Парижа в 1789 г.
48. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 25, заседание 15 августа 1792 г. Лажар — полковник штаба, командир полка нацио-

ЭГАЛИТАРНЫЙ ЦЕРЕМОНИАЛ

Порой к действиям Совета Коммуны примешивалось нечто немного театральное и суетное. Было вполне понятно, что он распорядился уничтожить все пережитки феодального порядка, все гербы, еще остававшиеся на парижских домах, что он приказал «всем гражданам, занимающимся торговлей и имеющим лавки и магазины, в течение двух недель уничтожить вывески, изображения и все эмблемы, напоминающие народу о временах рабства» [49]. Это понятно, так как в часы острого кризиса и ожесточенной борьбы символы прошлого походят на вызов. Более опрометчивым был приказ разрушить ворота Сен-Дени и ворота Сен-Мартэн, к исчезновению которых даже революционный буржуа из центра Парижа, несомненно, отнесся бы с сожалением [50]. Впрочем, этот приказ остался невыполненным; но он, по-видимому, свидетельствовал о несколько беспорядочной и нервозной деятельности. К тому же было ли действительно осуществлением равенства в смерти установление для всех граждан одинакового погребального церемониала? Да, всех граждан отвозят на кладбище в одинаковых гробах, и число факелов одно и то же; но одни оставляют в наследство жене и детям нищету и отчаяние, а другие — богатство и могущество. К чему в таком случае весь этот показной ритуал мнимого равенства? К тому же далекое от стремления отделить церковь от государства постановление Коммуны превращало священника в чиновника, обязанного оказывать всем равные услуги, который, будучи оплачиваемым государством, не должен получать вознаграждение от граждан. Таково представление, еще и поныне существующее во Франции у многих крестьян о правильном решении вопроса взаимоотношений между церковью и государством. «В ответ на жалобы многих граждан на незаконные поборы конституционного духовенства Совет предписывает выполнять декреты, касающиеся упразднения побочных доходов * [священников]; всех граждан, равных перед законом, будут хоронить при участии двух священников; превышать это число запрещается; ни двери дома покойника, ни церковные врата не должны затягиваться траурной материей. Должность церковных старост и особые скамьи для них упраздняются [51].

Генеральный совет, считая, что в тот момент, когда царство равенства наконец установлено благодаря священному восстанию справедливо возмутившегося народа, это драгоценное равенство должно осуществляться повсюду;

считая, что, поскольку совершаемые ныне при погребении религиозные церемонии противоречат этим священным принципам, долг представителей Коммуны — установить во всем это драгоценное равенство, которое столь многочисленные, объединившиеся между собой враги стремятся уничтожить;

считая, что в свободной стране все суеверные и фанатические идеи должны быть уничтожены и уступить место чувствам здравой философии и чистой морали;

считая, что служители католического культа оплачиваются нацией и не могут, не преступая своего долга, требовать вознаграждение за совершение обрядов этого культа;

считая, наконец, что между богатым и бедным, в течение всей своей жизни равными перед лицом закона и разума, не может быть различия в тот момент, когда они сходят в могилу,

Генеральный совет, заслушав прокурора Коммуны, постановляет:

1. В соответствии с принятыми ранее законами все ныне существующие в черте города кладбища будут закрыты и перенесены за городские стены.

2. Считая со дня опубликования настоящего постановления, все погребальные обряды, совершаемые служителями католического культа, будут единообразными.

3. Ни в одном погребении не могут участвовать более двух священников, не считая несущих тело.

4. Всякого рода сопровождения факельщиков запрещаются.

5. Поскольку нация платит жалованье служителям католического культа, ни один из них не вправе ни требовать, ни даже получать какие-либо деньги за совершение религиозных погребальных или иных обрядов.

6. С сего дня всякого рода побочные доходы священников, даже добровольно уплачиваемые, упраздняются.

нальной гвардии, с 16 июня по 24 июля 1792 г. военный министр. Д'Эрминьи — выборщик, помощник заместителя начальника штаба национальной гвардии. Пленвиль — заместитель начальника штаба национальной гвардии. Братья Шартон — речь идет, несомненно, о двух братьях *Шерон*, один (Луи Клод) был депутатом Законодательного собрания от департамента Сена и Уаза, другой (Франсуа) — главным редактором «Журналь де Пари». Миллен — главный редактор «Журналь дю суар де ла сгонд лежислатюр». Барре — прокурор, член администрации Парижского департамента. Лапьерр — полковник штаба парижской национальной гвардии. Аклок — пивовар, командир батальона национальной гвардии, один из защитников Тюильри 10 августа 1792 г. Кюрни — член администрации Парижского департамента.

49. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 48, заседание 21 августа 1792 г.

50. Ibid. Ворота Сен-Дени и Сен-Мартэн и все триумфальные арки —«эмблемы феодализма и деспотизма».

* Речь идет о плате (casuel), которую священники, помимо своего постоянного дохода, взимали с верующих за отправление церковных обрядов (свадьбы, крестины, похороны и т. д.) и которая была отменена Учредительным собранием, установившим постоянное жалованье для священников.— *Прим. ред.*

51. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 55, заседание 23 августа 1792 г.

7. Всякий священник, который потребует или получит какое-либо вознаграждение за крестины, венчание, погребение или совершение другого обряда, будет смещен.

8. С сего дня равным образом запрещаются всякого рода траурные драпировки, будь то на дверях дома умершего, на дверях или даже внутри храма.

9. Поскольку улицы принадлежат всем, никто не может распоряжаться ими для своих частных нужд; ввиду этого все лица, руководящие похоронными шествиями и *другими уличными церемониями какого-нибудь культа*, смогут занимать для своих процессий только одну сторону улицы, с тем чтобы другая оставалась совершенно свободной для экипажей и для граждан, идущих по своим делам.

10. Однако из предыдущей статьи будет делаться исключение, когда будут отдавать последние почести гражданам, погибшим при защите свободы.

11. Поскольку Конституция отменила преимущества и привилегии всякого рода, никто не может иметь в храме особое место; ввиду этого помосты и другие места, предназначенные для церковных старост, для членов церковного совета или для братии, упраздняются».

Все это представляет собой довольно странную смесь. Ясно, что под предлогом сохранения равенства Коммуна старается все более и более ограничить отправление культа. Народный гнев против неприсягнувших священников еще не распространился на все христианство в целом, и революционная Коммуна не осмеливалась запретить все религиозные церемонии, но ограничивала и лишала блеска процессии, похоронные шествия. И в одной из ее мотивировок проскальзывает владевшая ею мысль: заменить христианскую религию естественной философией и моралью. Она довольно робко и неловко предваряет то, что через несколько месяцев станет эбертизмом, и еще маскирует под видимостью регламентации роскоши решительную войну, которую отныне она намерена вести против церкви и христианства.

Но порой ее мысль прорывается, например в постановлении от 17 августа [52]: «Генеральный совет, желая служить общественному делу всеми имеющимися в его распоряжении средствами, полагая, что можно извлечь огромные средства для защиты отечества из множества всякого рода *причудливых изображений, обязанных своим существованием плутовству священников и простодушию народа*, постановляет, что все *бронзовые распятия, аналои, бронзовые ангелы, черти, серафимы и херувимы должны пойти на литье пушек.*

Из церковных решеток будут изготовлены пики».

Это совсем новый для Революции язык, который должен был уже встревожить Робеспьера.

ПЕРВЫЕ ТРЕНИЯ

Но пока Коммуна, уже избравшая из своей среды Наблюдательный комитет [53], создавала настоящее правительство, пока она множила распоряжения об аресте подозрительных лиц и занималась перлюстрацией отправляемых по почте писем, пока она начинала проводить решительную антихристианскую политику и одновременно занималась организацией национальной обороны, пока она приказывала ковать пики, призывала рабочих и женщин изготовлять палатки для лагеря под Парижем, пока она революционизировала военную организацию, упраздняя батальоны национальной гвардии и создавая из поголовно вооруженной секции боевое соединение, и, для того чтобы подчеркнуть характер Революции 10 августа, после слов: «IV год Свободы» — решила прибавить: «I год Равенства» [54],— против нее росли враждебность и недоверие. В своем беспредельном тщеславии мэр Петион был уязвлен той довольно жалкой ролью, какую он играл 10 августа. Посаженный под замок революционной Коммуной, которая отстранила его под предлогом его же защиты, он с той поры хорошо понимал, что его власть была только номинальной. Подлинным мэром Парижа благодаря своему влиянию в Коммуне был Робеспьер [55]. И Петион лишь изредка появлялся в Генеральном совете Коммуны, где его самолюбие не находило более удовлетворения. Малопомалу он сблизился с Жирондой. Последняя с возрастающим раздражением терпела власть Коммуны [56]. Она еще не осмеливалась нанести удар, но выжидала, пока первоначальная бурная популярность революционной Коммуны пойдет на убыль. Даже монтаньяров из Законодательного собрания, даже таких людей, как Шудьё и Тюрио, начинали смущать подчас диктаторские повадки Парижской коммуны. Если к этому добавить тревогу, вызванную не всегда законными арестами, и раздражение торговцев, которых в их делах стесняли ограничения в выдаче пропусков и непроницаемая ограда вокруг Парижа[57], то рост глухой оппозиции

---

52. Ibid., p. 35, заседание 17 августа 1792 г.
53. О Наблюдательном комитете Парижской коммуны, организованном 14—15 августа 1792 г., см.: F. Braesch. La Commune du 10 Août, p. 362.
54. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 20, заседание 13 августа. Точная формулировка — «IV год Свободы и I год Равенства».
55. Явное преувеличение.
56. См.: F. Braesch. La Commune du 10 Août, chap. IV, p. 386, «Ouverture de la lutte entre la Commune et le parti girondin (10—29 août)».
57. «Запретить выдачу пропусков кому бы то ни было, за исключением лиц, на которых возложено снабжение города Парижа продовольствием, или тех, которым поручена доставка декретов Национального собрания». («Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 16, заседание 12 августа 1792 г.

Коммуне станет понятен. Конфликт между нею и Законадательным собранием был неизбежен. Пагубное несогласие! Ибо именно эти тайные трения между всеми властями, эта своего рода анархия, это отсутствие согласия между Коммуной и Законодательным собранием были причиной ужасных сентябрьских избиений, которые столь долго волновали чувства людей, восстанавливая их против Революции.

КАРА ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ 10 АВГУСТА

После 10 августа народ больше всего волновал вопрос о том, какую кару понесут убийцы парижского народа, заговорщики и изменники. Федераты, революционеры предместий, двинувшись 10 августа против Тюильри, «против Кобленца», глубоко сознавали правоту своего дела. Это на защиту отечества, на защиту свободы поднялись они, и всякое сопротивление короля, нарушившего свою клятву, было в их глазах преступлением. Это преступление усугублялось устроенной западней: когда народ думал, что он проникнет во дворец без пролития крови, швейцарцы открыли огонь и нанесли наступавшим сильный урон. Замысел контрреволюции показался народу чудовищным и дьявольски хитрым: пропустить народ, чтобы он оказался между двух огней — между огнем дворцового гарнизона и огнем национальной гвардии, размещенной в тылу штурмовавших колонн. Отсюда и возникла смертельная, жаждавшая крови ненависть к швейцарцам и их офицерам, к штабу национальной гвардии. Швейцарцев, уцелевших в бою и скрывшихся в помещении Собрания, едва удалось спасти от народного гнева; для этого понадобился мощный голос Дантона [58].

Потребовалось обещание, что все заговорщики немедленно предстанут перед военным судом, который будет их судить и покарает с такой же быстротой, с какой шел бой. Ужасен был призыв к спокойствию, обращенный Коммуной к народу днем 11 августа: «Суверенный народ! Отложи свое мщение. Объятое сном правосудие сегодня вновь вступит в свои права. Все виновные умрут на эшафоте» [59].

Но народ роптал, препоручая свое отмщение и свою защиту палачу. Не хотят ли затянуть дело, увильнуть? Взрыв страстей был столь велик, что даже сам Робеспьер вопреки своей привычке к сдержанности и осторожности закончил свою пламенную речь, прославлявшую события 10 августа, следующими грозными словами [60]:

«Сколь велик был народ во всех своих действиях! Те, кто нашел во дворце какие-нибудь вещи или деньги, сочли своим долгом отказаться от захваченной у врага добычи. Они отнесли ее в На-

циональное собрание или в Коммуну. На осуществление права победителей они смотрели, как на кражу. В своей щепетильности они дошли даже до крайности. С теми, кто счел возможным присвоить себе кое-какие вещи, принадлежавшие тиранам и их сообщникам, народ расправился сам; он был жесток, желая быть справедливым.

Великие боги! Народ карает в лице этих несчастных одну только видимость преступления, а все тираны, которые его душат, ускользают от кары за свои злодеяния! Богатые эгоисты, тупые вампиры, разжиревшие от крови и грабежей, посмейте только назвать народ разбойником; посмейте только высказать наглые опасения за свое презренное имущество, добытое ценой низостей; отважьтесь дойти до источника ваших богатств, до источника нищеты людей, вам подобных; взгляните на их бескорыстие и их бедность, достойную уважения, а затем на свои пороки и богатство и тогда уж говорите, кто разбойники и злодеи. Жалкие лицемеры, оставьте себе свои богатства, заменяющие вам душу и добродетель, но оставьте другим свободу и честь. Так нет же, они поклялись в вечной ненависти к разуму и равенству! Как только народ появляется, они прячутся. Как только народ удаляется, они плетут заговоры. Они уже возобновили свою клевету и интриги. *Граждане! Вы только тогда будете жить в мире, если будете зорко следить за всеми изменами и ваша рука будет занесена над головой всех предателей*».

Но народ хотел опустить эту занесенную руку. Все же можно было ввести в рамки это великое движение гнева и страсти. Правосудие могло свершиться, можно было найти и без промедления покарать тех, кто нес прямую ответственность за мятежное сопротивление изменнического двора, не дав тем самым воли кровожадным инстинктам.

Но для этого нужны были быстрые, решительные и согласованные действия всех революционных властей. Налицо же были непоследовательность, колебания и конфликт. Сначала, 11 августа, Национальное собрание решает учредить военный суд, который будет судить швейцарцев, их офицеров, а также офицеров нацио-

---

58. Не понятно, на какой именно факт Жорес здесь намекает. Дантон не был депутатом Законодательного собрания. Принося присягу в качестве министра юстиции, Дантон заявил перед Собранием: «Там, где начинается дело правосудия, там должна кончаться народная месть».
59. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 10; B u c h e z et R o u x. Histoire parlementaire de la Révolution française, XVII, 46.
60. «Le Défenseur de la Constitution», édition critique par G. Laurent (Paris, 1939), № 12, p. 365, «Détails intéressants des événements du 10 août et des jours suivants». [См.: М а к с и м и л и а н Р о б е с п ь е р. Избранные произведения в трех томах. Т. II, М., 1965, с. 17—18.]

нальной жандармерии, обвиняемых в том, что они приказали стрелять в народ. Затем обнаруживается, что это представляет трудности. Прежде всего, военный уголовный кодекс не содержит точного определения преступления, состоящего в контрреволюционных действиях, которое подлежит каре.

Кроме того, участниками преступления были не только военные. 14 августа Собрание по предложению Тюрио отменяет свой первый декрет и учреждает уголовный суд: «Дело это совсем не подлежит компетенции военного суда; его следует передать обычным судам... а так как имеется много присяжных, не пользующихся доверием граждан, то я требую, чтобы вы разрешили секциям избрать по двое присяжных обвинительного жюри и по двое присяжных судебного жюри» [61].

Но пока Собрание топталось на месте в поисках процедуры репрессий, народ вообразил, что виновных стараются спасти и что его обманывают. Коммуна, мало озабоченная поддержанием популярности Законодательного собрания, сама распространяла такие слухи. Она выдвинула следующее возражение против декрета, принятого по предложению Тюрио: приговоры обычных судов подлежат апелляции в Кассационном суде [62]. Таким образом, возникнут проволочки, создастся неуверенность.

15 августа Коммуна направила в Собрание делегацию. И на этот раз от ее имени выступил Робеспьер [63]: «Законодатели! Если общественное спокойствие, а главное, свобода требуют покарать виновных, то вы должны желать, чтобы это совершилось быстро; и вы должны обеспечить средства для этого. С 10 августа жажда мщения народа еще не получила удовлетворения. *Не знаю, какие непреодолимые препятствия мешают этому...*

Принятый вами декрет нам кажется недостаточным... Народу нужно правительство, достойное его. Ему нужны новые суды, созданные для этого случая... Народ спокоен, но он не спит. Он хочет наказания виновных, и он прав... Мы вас просим избавить нас от установленных властей, к которым мы не питаем никакого доверия, упразднить эту систему двух судебных инстанций, которая, приводя к проволочкам, создает безнаказанность; мы требуем, чтобы виновных судили комиссары, назначенные от каждой секции, и этот суд должен быть последней и высшей инстанцией».

Робеспьер был прав. Только революционный трибунал, внушающий народу полное доверие и быстро выносящий приговоры, мог обеспечить осуществление репрессий и ввести их в определенные границы. Но не превратился ли бы этот трибунал, действующий под давлением ожесточившегося народа, просто в суд мести? И к чему лицемерное соблюдение законных форм? Почему не дать излиться народной ярости, если она непреодолима? Прежде всего я утверждаю, что организация революционного правосудия устраняла возможность многих ошибок, многих внезапных проявлений зверских инстинктов, и я добавлю, что для дела свободы плохо,

когда народное мщение похоже на бойню. Если и есть в этом какое-то лицемерное соблюдение общественных приличий, то почему бы народу не извлечь из него пользы? И зачем ему обагрять свои руки кровью, имея в своем распоряжении послушных ему судей?

Собрание немедленно переслало петицию Коммуны в Чрезвычайную комиссию двенадцати [64]. Как раз в тот момент, когда революционная законность проявляет такую неуверенность, на Собрание обрушивается тяжелое известие, в связи с которым выдвигаются страшные предложения. Делегация Коммуны едва успела закончить свое выступление, как на трибуну поднимается Мерлен из Тионвиля [65]: «Я объявляю Собранию, что, быть может, в настоящий момент перед Тионвилем вырыты траншеи. Пруссаки и австрийцы захватили аванпосты Сьерк и Родемак. Отец сообщает мне, что все его сограждане скорее готовы погибнуть на валах, чем сдаться. (*Громкие аплодисменты.*) Наблюдательный комитет получил более четырехсот писем, доказывающих, что план и время этого нападения были известны в Париже; что именно в Париже находится очаг заговора Кобленца. *Я требую, чтобы жены и дети эмигрантов стали для нас заложниками и чтобы они несли ответственность за зло, какое могут причинить нам иностранные державы, объединившиеся с эмигрантами*».

Итак, начинается страшная и тяжелая борьба. То, что начинается, не обычная война. Враг наступает не для разрешения какого-то спора между двумя государствами или для аннексий какой-то территории. Он идет, чтобы свершить мщение в интересах одной из борющихся сторон. И завтра, если он окажется победителем, он будет убивать патриотов, убивать их детей и жен, а поскольку это будет происходить в интересах эмигрантов, то разве

---

61. «Moniteur», XIII, 425; «Archives parlementaires», XLVIII, 134.
62. См.: «Moniteur», XIII, 430. Декрет был принят по докладу Бриссо. 14 августа 1792 г. Коммуна в течение дня направила несколько депутаций в Собрание с предложением безотлагательно декретировать учреждение «трибунала, который должен судить убийц народа» («Moniteur», XIII, 425). В этот же день Генеральный совет Коммуны поручил Робеспьеру, Тальену и Одуэну составить адрес к Собранию. (E. Hamel. Op. cit., t. II, p. 384.)
63. Maximilien Robespierre. Œuvres. T. VIII. «Discours», p. 436.
64. «Moniteur», XIII, 430. «Собрание декретирует принцип, что судить виновных будет народный суд, который — для определения вида наказания — будет обращаться к Чрезвычайной комиссии, а она будет докладывать об этом на текущем заседании».
65. «Moniteur», XIII, 430; «Archives parlementaires», XLVIII, 181. Мерлен из Тионвиля (1762—1833) — адвокат, в начале Революции член муниципалитета в Тионвиле, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Мозель.

не справедливо применить к ним закон возмездия? Ужасная тождественность! Ясно, что это первый сигнал к сентябрьским избиениям; ибо в тот день, когда революционные страсти достигнут такого накала, что жены и дети эмигрантов должны будут заплатить за насилия и преступления, совершенные эмигрантами, разве кто-нибудь сможет ввести в законные формы это зловещее сведение счетов? Первым движением Законодательного собрания было принять предложение Мерлена. В этот день, в эту минуту Собрание в глубине души согласилось на кровавые репрессии, не удивительно, что в день избиений у него не было ни силы, ни твердого намерения вмешаться. Потрясенное, оно в глубине души на мгновение увидело и смирилось с явлением кровавого призрака. Едва декрет был принят, как поднялись протесты; сам Мерлен заявил: «В той мере, которую я предлагаю, следует видеть лишь средство помешать пролитию потоков крови».

Но разве мог он думать, что разъяренных эмигрантов, только и мечтавших об избиениях, остановил бы страх репрессий против их семей? Собрание придало своему декрету другую форму. Возлагая всю ответственность на заговорщиков, оно казалось озабоченным тем, чтобы предать их законному суду: «Считая, что причиной бедствий, обрушившихся на Францию, являются измены и заговоры эмигрировавших дурных граждан; считая, что общественное спасение требует пресечения их убийственных замыслов всеми средствами, допускаемыми справедливой обороной, и что суровость мер надежнее и быстрее приведет к победе над врагами государства, Национальное собрание декретирует, что вопрос не терпит отлагательства.

Декретировав неотложность, Национальное собрание декретирует, что отцы, матери, жены и дети эмигрантов обязаны оставаться на месте своего жительства в соответствующих муниципалитетах под охраной закона и надзором муниципальных должностных лиц, без разрешения коих они не могут покинуть его под страхом ареста.

Настоящий декрет будет безотлагательно разослан во все департаменты для немедленного исполнения».

Это было равносильно объявлению заговорщиками или по меньшей мере подозрительными всех родственников эмигрантов; это значило провозгласить, что они опутали сетью измены всю Францию; а какой вывод мог сделать из этого торжественного заявления народ, если не тот, что в час серьезной опасности всех изменников надо казнить? Так жестокая логика завязавшейся борьбы вела к избиениям. И в тот самый момент, когда Законодательное собрание объявило о бесчисленных заложниках оказавшейся под угрозой Революции, враг, вступив на землю Франции, совершал худшие насилия. Пруссаки и австрийцы, раздраженные медлительностью кампании, встречаемые при вступлении во Францию враждебностью стихий и людей, мокшие под ливнями, натал-

кивавшиеся при захвате каждой деревни на сопротивление засевших в засаде патриотов, позволяли себе чудовищные бесчинства.

К тому же разве им не твердили, что они сражаются не с людьми, а с дикими зверями? И разве манифест их генерала, герцога Брауншвейгского, не был полон зловещих угроз? Таким образом, естественную жестокость человека, который сражается и находится под постоянной угрозой и у которого инстинкт самосохранения выливается в дикую ярость, как бы разжигали со всех сторон. Солдаты грабили, жгли, отбирали все вплоть до пеленок грудных детей. 23 августа вечером виконт де Караман пишет из лагеря под Лонгви барону де Бретёй [66]: «Вступление войск во Францию ознаменовалось весьма предосудительными эксцессами, которые были быстро пресечены посредством очень суровых наказаний. *Грабеж был ужасен*, но король разжаловал и отрешил от должности командира особенно усердствовавшего полка, а два грабителя были повешены... *Австрийцы тоже грабили жестоко, но правосудие не было ни столь неукоснительным, ни столь суровым и не предусматривало возмещения нанесенного ущерба*».

Именно в тот час, когда Революция готовилась ответить на насилие насилием, на убийство убийством, на избиение слабых, детей и женщин таким же избиением детей и женщин, зверства захватчиков не знали предела. Так завязывался страшный узел взаимного кровопролития.

Парижская коммуна на своем заседании 19 августа подтвердила декрет Собрания, но в более острой форме. Она вернулась к первоначальной редакции предложения Мерлена и произнесла страшное слово «заложники», перед которым Собрание отступило.

«Обсудив средства обуздать этих обезумевших людей, которые, не краснея, берутся за оружие против своих братьев и сограждан; считая, что наши враги, по-видимому, имеют коварное и преступное намерение захватить город Париж, все преступление которого в том, что он — колыбель свободы; *считая, что лучшее средство прекратить их преступные бесчинства — это взять в качестве заложников единственных людей, какие могут быть им дороги*, если ярость еще не задушила в их сердцах голоса природы, Совет постановляет направить в Национальное собрание обращение, *призывающее его поместить жен и детей эмигрантов в надежное место*»[67].

«Надежное место»— эти слова звучат несколько зловеще. Коммуна в отличие от Законодательного собрания не ограничивается запретом женам и детям эмигрантов покидать место своего жительства и тем самым свободно передвигаться. Она хочет, чтобы их

---

66. «Le comte de Fersen et la cour de France. Extraits des papiers... de Fersen», publiés par le baron R. M. de Klinckowstrom. Paris, 1878, 2 vol., t. II, p. 352.
67. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 41; см.: F. Braesch. Op. cit., p. 356.

собрали вместе, то есть, в сущности, заключили в тюрьму и держали под угрозой ножа гильотины. Окажется ли возможным умерить, упорядочить и подчинить законным формам и каким-то сдерживающим гарантиям назревающие взрывы ярости?

УЧРЕЖДЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ТРИБУНАЛА

На том же заседании 15 августа, когда Робеспьер изложил пожелания Коммуны, Собрание уступило им лишь отчасти. По *докладу Бриссо* оно устранило проволочки, вызываемые подачей кассационных жалоб [68].

«Считая, что совершенные 10 августа преступления чересчур многочисленны, чтобы вынесенные по ним приговоры могли оказать ожидаемое обществом воздействие, а именно: послужить примером, если эти приговоры будут подлежать обжалованию;

принимая во внимание, что уже при учреждении военного суда, предназначенного для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных во время экспедиции в Монс и Турне, Собрание точно таким же образом декретировало, что вынесенные приговоры не подлежат ни апелляции, ни кассации *,

Национальное собрание декретирует, что судебные решения по делам о преступлениях, совершенных в день 10 августа, или о преступлениях, связанных с событиями этого дня, не будут подлежать кассации, вследствие чего осужденные не смогут обращаться в Кассационный суд».

Видя, как Бриссо благоприятно высказался по важному пункту петиции, представленной его соперником — Робеспьером, можно было бы подумать, что в этот период острого кризиса эти два человека сблизились. Может быть, если бы они достигли согласия относительно энергичного и быстрого отправления революционного правосудия и в то же время относительно необходимости воспрепятствовать народным самосудам, они избавили бы, пожалуй, Революцию от сцен кровавых побоищ. Но нет, острое соперничество между ними продолжалось и проявилось даже в этом вопросе. Робеспьер требовал двух вещей. Он требовал отмены права подачи кассационной жалобы, и с этим от имени Комиссии двенадцати Бриссо согласился. В то же время Робеспьер требовал, чтобы не ограничились обновлением состава присяжных, но обновили и состав судей.

Это было логично, и, поскольку создавался революционный трибунал, предназначенный для быстрых и исключительных действий, надо было, чтобы он состоял из совершенно новых людей. В этом Комиссия двенадцати отказала Робеспьеру, и Бриссо в своей газете мелко торжествует по поводу того, что в этом вопросе он нанес Робеспьеру поражение. В газете «Патриот франсэ» мы читаем [69]: «Г-н Робеспьер возражает от имени революционного

муниципалитета против создания трибунала, который должен судить заговорщиков 10 августа; он требует, чтобы граждане, избранные секциями, выполняли одновременно функции присяжных обвинительного жюри, присяжных судебного жюри и судей. Это предложение, противоречащее принципам, на которых основан институт присяжных, противоречащее всем принципам вообще, было передано в Чрезвычайную комиссию [двенадцати]. Через несколько часов доклад об этом был сделан г-ном Бриссо. Он ясно доказал неприемлемость петиции г-на Робеспьера, не отвечавшей желанию Коммуны. Коммуна требовала только запрещения передачи дел в Кассационный суд».

Все это мелко и гадко. Что означает такая попытка изолировать Робеспьера от делегировавшей его Коммуны? Что означает эта язвительная и высокопарная ссылка на принципы, когда с отменой права кассации была потрясена в интересах Революции вся система судопроизводства? Что означает также это извращение мысли Робеспьера? Он вовсе не требовал выполнения присяжными функций судей, а требовал обновления состава судей, как и состава присяжных.

Эти придирки и жалкое соперничество отвратительны. В то время как Робеспьер испытывал горделивую радость, излагая от имени Коммуны указания, равносильные приказам, Бриссо злословил и старался унизить Робеспьера.

Но надо было, однако, решиться упорядочить вопрос о судьях, поставленный Парижской коммуной. И через два дня после появления пренебрежительной и оскорбительной статьи Бриссо Собрание самой логикой вещей было вынуждено вынести постановление об избрании новых судей. На необходимость дополнить половинчатое решение от 15 августа указал Эро де Сешель [70]:

«Господа, вы вчера приняли декрет об образовании нового обвинительного жюри и судебного жюри для разбора преступлений, совершенных 10 числа сего месяца. Эта мера казалась вам необходимой, чтобы устранить нехватку в существующем составе

---

68. «Moniteur», XIII, 432; «Archives parlementaires», XLVIII, 184.

* В конце апреля 1792 г. в результате пораженческих действий командования французские войска, ведшие наступление в Бельгии на Турне и Монс, потерпели неудачу; солдаты, подозревая измену, убили генерала Дийона и четырех лиц, заподозренных в шпионаже. 9 мая Законодательное собрание приняло декрет о создании при каждой армии чрезвычайного трибунала для суда над солдатами, приговоры которого не подлежали обжалованию.— *Прим. ред.*

69. «Le Patriote français», № 1103, 17 août 1792.

70. «Moniteur», XIII, 444; «Archives parlementaires», XLVIII, 298. Эро де Сешель (1759—1794)—помощник прокурора Парижского парламента, в 1790 г. судья трибунала I округа, в 1791 г. королевский комиссар при Кассационном суде, депутат Законодательного собрания от Парижа, а затем Конвента от департамента Сена и Уаза.

присяжных и ввиду того недоверия, какое вызывали к себе некоторые из них вследствие своих политических взглядов. Это новое жюри сформировано. Но теперь, дабы дать ему возможность действовать, вам остается дополнить мудрые предписания вашего декрета, распространив их на существующий департаментский суд, обладающий недостатками такого же рода и, по-видимому, требующий от вас принятия тех же мер. И в самом деле, господа, если после того, как вы создали новый состав присяжных, вы сохраните судей, ныне ведающих рассмотрением обычных правонарушений, то вы не достигнете поставленной вами цели; вы парализуете оба жюри. Вопреки своему намерению вы отдалите законное возмездие».

Итак, Собрание декретировало, что новые судьи должны быть назначены в соответствии с обычными формами. Что же выиграл Бриссо в результате своих жалких придирок? А то, что, пока продолжались эти необъяснимые проволочки, гнев и раздражение народа усиливались. Прошла неделя с того дня, когда было обещано свершение правосудия, и казалось, что Собрание, завязнув в бесконечных процедурных затруднениях, пыталось хитрить, не желая держать свое собственное слово и стараясь уклониться от своего обязательства. Коммуна использовала эти подозрения народа против Собрания. На заседании 17 августа она заставила Законодательное собрание выслушать следующие угрожающие слова [71]:

«Если бы победителем оказался тиран,— сказал делегат Коммуны,— то в столице уже было бы воздвигнуто 1200 эшафотов и более трех тысяч граждан заплатили бы головой за тяжкое, в глазах деспота, преступление — осмелиться стать свободными. А французский народ, одержавший победу над самым ужасным заговором, восторжествовавший над самой черной изменой, еще не отомщен! Разве для суверенного народа принципы правосудия не те же, что и для порабощенного?»

И он закончил свою речь требованием, прозвучавшим, как набат: «Как гражданин, как должностное лицо народа, объявляю вам, что сегодня в полночь загудит набат, ударят сбор. Народ устал ждать, когда он будет отомщен. Берегитесь, как бы он сам не свершил правосудия. Я требую, чтобы вы безотлагательно обсудили вопрос об избрании от каждой секции по одному гражданину для создания Уголовного трибунала. Я требую, чтобы Людовик XVI и Мария Антуанетта, жаждущие крови народа, насытились видом того, как течет кровь их подлых приспешников».

Жиронда не ответила на эти полные угроз слова, предвещавшие кровопролития. Может быть, перед этим делегатом Коммуны, осуществившей восстание 10 августа, она чувствовала себя парализованной воспоминанием о своих колебаниях или боялась сурового отпора? Или Бриссо был способен нападать только на Робеспьера? На этот раз говорил не Робеспьер, и газета Бриссо доходит

до восхваления «энергичного языка» делегата Коммуны. Можно подумать, что в этот момент Бриссо старается угодить Коммуне, чтобы изолировать Робеспьера и затем вернее нанести ему удар. Что за беспредельная мелочность! И в то время как Жиронда молчала, именно монтаньяры выступили с протестом против жесткого языка Коммуны.

Порыв негодования охватил неустрашимого Шудьё, того, кто еще 10 августа под ропот Собрания первым потребовал низложения короля [72]. Ему казалось, что уголовный трибунал, создания которого требовали в подобных выражениях, был бы лишь орудием убийства и кровавой инквизиции. Содрогаясь от ужаса, он прервал речь делегата Коммуны. Он сам рассказал об этой прекрасной и сильной сцене, когда деятельный и смелый человек выступил одновременно как поборник милосердного правосудия [73]:

«Я не даю этому петиционеру продолжать. Я устремляюсь к трибуне и говорю: Собрание не может долее слушать такие неподобающие речи, тем более из уст человека, который предстал перед вами как должностное лицо народа. Люди, выступающие перед вами с подобными предложениями, а именно — учредить суд инквизиции, не могут быть друзьями народа. Полагаю, я тоже имею право говорить от имени народа, ибо не раз доказал, что я его друг, отстаивая его свободы. Но я хочу, чтобы его просвещали, а не льстили ему. Вы провозгласили решение; его должно быть достаточно; а если вашим декретам не хотят повиноваться, то не надо их издавать. Присвоить себе право диктовать вам законы не значит пользоваться правом подачи петиций; это значит злоупотреблять им. Я всегда буду протестовать против создания трибунала, который будет произвольно распоряжаться жизнью граждан, и надеюсь, что Собрание разделит мое мнение на этот счет».

Шудьё зашел очень далеко, поскольку в условиях этого чрезвычайного кризиса высказался против создания какого бы то ни было революционного трибунала. Очевидно, Коммуна своим многократным и настойчивым вмешательством вызвала раздражение даже у демократов крайне левой Собрания; именно Гора первая осмелилась явно противиться революционной Коммуне. Другой монтаньяр, Тюрио, тоже протестовал против этих притязаний на господство, а главное, опасаясь за Революцию, которую, казалось,

---

71. «Moniteur», XIII, 443; «Archives parlementaires», XLVIII, 297.
72. «Moniteur», XIII, 443; «Archives parlementaires», XLVIII, 297. Шудьё (1761—1838) — товарищ прокурора при президиальном суде Анжера, общественный обвинитель при суде дистрикта, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Мен и Луара.
73. Шудьё оставил «Mémoires et notes», которые были опубликованы в Париже в 1897 г. с предисловием и замечаниями В. Баррюкана (V. Barrucand).

преследовала после 10 августа навязчивая идея о мести и крови, он напомнил ей в нескольких прекрасных словах о ее высоком духе гуманности [74].

«Недопустимо, чтобы какие-то люди, не ведающие истинных принципов, не знающие закона, не изучившие Конституции, являлись сюда, чтобы подменить своей частной волей общую волю. Надо, чтобы все жители Парижа знали, что мы не должны сосредоточивать все наше внимание только на Париже. Надо, чтобы каждый акт Законодательного корпуса носил на себе печать всеобщности, любви к закону. Поскольку в настоящий момент вас стараются убедить в том, что готовится движение, новое восстание, поскольку в настоящий момент, когда все должны чувствовать, что самая настоятельная необходимость — это необходимость единения, народ стараются еще взбудоражить, я требую, чтобы Законодательный корпус проявил решимость скорее умереть, чем потерпеть малейшее посягательство на закон, и принял декрет о направлении комиссаров в секции, дабы призвать их уважать закон. Нам не нужны должностные лица, уступающие первому побуждению обманутого народа. Нам нужны должностные лица, горящие священным огнем любви к отечеству, исполненные глубочайшего уважения к закону. *Я люблю свободу, люблю Революцию; но, если бы для ее укрепления понадобилось совершить преступление, я предпочел бы заколоться. Нам надлежит принять лишь одну меру: сплотиться и всюду проявлять любовь к закону, любовь к общественному благу.* **Революция — это дело не одной только Франции; мы ответственны за нее перед всем человечеством. Надо, чтобы когда-нибудь народы могли благословлять Французскую революцию»** [75].

Замечательные слова человека большого сердца! Слушать Тюрио радостно и утешительно. В то время как Коммуна, черпая свою силу в страстном стремлении народа к мщению, не желает напомнить ему о долге гуманности, в то время как Робеспьер, зная о раздражении, какое его вмешательство вызывает у Жиронды, изливает свое язвительное высокомерие, в то время как Бриссо опускается до жалкого плутовства, Тюрио думает о том, что если Революция запятнает себя кровью, то народы не увидят в ней высокий образец человечности. И он взывает к партиям, взывает к соперничающим личностям: «Объединитесь, дабы Революция могла остаться гуманной». Да, это были великие слова, но их не услышали!

БОРЬБА МЕЖДУ КОММУНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ

Конфликт между Коммуной и Собранием обострялся. Парижские революционеры, спасшие Революцию и Францию с помощью собравшихся в Париже федератов, намеревались продлить революционную деятельность столицы даже после созыва Конвента. В проекте конституции, представленном 17 августа в Якобинском клубе, секция Рынка невинных требует для Парижа исключительной роли [1]: «Декреты, которые Конвент издаст для введения Конституции и постоянных законов... станут обязательными только после их одобрения первичными собраниями. Декреты простого административного характера не будут подлежать их одобрению. *Однако, если бы Конвент принял какие-нибудь весьма опасные меры, то Парижская коммуна, более способная действовать, чем другие коммуны, ввиду близости своего местопребывания, сможет потребовать от Конвента и обязать его вторично обсудить эту меру*» [2].

---

74. «Moniteur», XIII, 443; «Archives parlementaires», XLVIII, 297.
75. Мерлен из Тионвиля выступил против посылки комиссаров Собрания в парижские секции, «дабы призвать их уважать закон». Предложение Тюрио было отложено. («Moniteur», XIII, 443.)

1. «La Société des Jacobins», Recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris» par F.-A. Aulard, IV, 213; M. Tourneux. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution française, t. II, № 8469.
2. О концепциях народного суверенитета и прямой демократии см.: А. Собуль. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966, с. 267 и др.

ОЖЕСТОЧЕНИЕ МАРАТА

Такие речи уже стали внушать депутатам тревогу, и они начали разоблачать проекты навязать «диктатуру» Парижа.

Марат со своей стороны удвоил ожесточение своих нападок. Через три дня после своей оптимистической статьи от 16 августа, где он говорил, что благодаря воздействию Коммуны все идет прекрасно, он обвиняет Законодательное собрание, этих «подлых отцов-сенаторов из Манежа, предающих народ и старающихся оттянуть суд над изменниками до прихода Мотье, который двигается со своей армией на Париж, чтобы перерезать патриотов»[3]. Именно в этот момент, покинутый своими солдатами, Лафайет бежал и был заключен в одну из австрийских крепостей [4]. Но в характере Марата было верить худшим слухам, в его намерения входило вызывать негодование и ожесточение.

«Французы! Это действительно верно, что Национальное собрание возобновило свои адские происки и продолжает их с бесстыдством, наглостью и дерзостью, достаточно ясно свидетельствующими о его презрении к вам и о его намерении вновь наложить на вас оковы. Пока оно боялось вашего гнева, как низко оно льстило вам, как угождало, как завлекало вас! Тогда высшим законом государства было спасение народа. Вы одни были сувереном. Оно гордилось быть в числе санкюлотов... Едва вы сложили оружие и перестали проливать преступную кровь, как оно стало думать только о том, как бы усыпить вашу бдительность».

И он бьет в набат, призывая к резне: «*Но в чем состоит долг народа? Существуют только два решения. Первое — ускорить суд над изменниками, заключенными в тюрьму Аббатства, привлечь к этому уголовные суды и Собрание и, если изменники будут оправданы, расправиться с ними, не считаясь с новым трибуналом и с негодяями — составителями предательского декрета. Второе решение, более верное и разумное,— отправиться с оружием в руках в Аббатство, вырвать из него изменников, особенно швейцарских офицеров и их сообщников, и перебить их всех. Какое безумие желать суда над ними! Он уже состоялся; вы захватили их с оружием в руках, поднятым против* [*вашего*] *отечества, вы перебили солдат; почему же щадите вы их офицеров, несравненно более виновных? Глупо было слушаться усыпителей, советовавших считать их военнопленными. Они — изменники, которых следовало немедленно уничтожить, ибо на них ни в коем случае нельзя смотреть иначе*».

Действительно ли столь отвечала интересам Революции после победы расправа со швейцарскими наемниками, которые, следуя вековой традиции своих соотечественников, стреляли, чтобы защитить своего господина, короля Франции?

«Граждане,— продолжает Марат,— я вам предсказывал это и повторяю вновь,— ваши враги снова строят против вас козни;

их возглавляют развращенные члены Собрания и особенно адская клика Бриссо—Гюаде; их диктатор [Лафайет] уже готов появиться».

Итак, перебить заключенных, закрыть Жиронде доступ в Конвент — вот какова была 19 августа 1792 г. программа Марата. Она осуществится в два приема: 2 сентября 1792 г. будут перебиты заключенные, а 31 мая 1793 г. устранены жирондисты [5].

РОБЕСПЬЕР ОТКАЗЫВАЕТСЯ БЫТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ТРИБУНАЛА

Однако, по-видимому, двумя днями ранее Законодательное собрание уже отказалось от пагубной системы оттяжек и проволочек. Был образован Уголовный трибунал, и в подтверждение своей лояльности и революционной силы он 18 августа избрал Робеспьера своим председателем [6]. Робеспьер отказался. Что бы ни говорили его защитники, это была непростительная слабость с его стороны [7]. Амель (впрочем, историк весьма добросовестный и честный) еще хвалит его за это: «По соображениям, деликатность которых все оценят, Робеспьер отказался взять на себя доверенные ему высокие обязанности, исполняя которые он в некотором роде был бы и судьей, и стороной»[8]. Это действительно и было то извиняю-

---

3. «L'Ami du peuple», 19 août 1792.
4. См. выше, с. 15, прим. 16. Лафайет в конце концов был заключен в Ольмюцкую крепость [современный Оломоуц.— *Ред.*] в Моравии; он был освобожден 19 сентября 1798 г.
5. Жорес, пожалуй, поторопился возложить ответственность за сентябрьские избиения на Марата. Эта статья Марата от 19 августа 1792 г.— единственная, на которую можно было бы сослаться, чтобы возложить на Друга народа главную ответственность за устроенную народом расправу, начавшуюся 2 сентября, то есть через две недели после ее появления. Марат имеет здесь в виду только одну тюрьму — тюрьму Аббатства и только одну категорию виновных — швейцарских офицеров и их сообщников; он не упоминает ни присягнувших священников, содержавшихся в тюрьме Карм, ни подозрительных аристократов, содержавшихся в тюрьме Ла Форс. В следующем номере газеты Марата, от 21 августа 1792 г., нет и намека на народную расправу. «Ами дю пёпль» вышла вновь только 13 сентября 1792 г., после избиений.
6. В ночь с 17 на 18 августа 1792 г. были назначены судьи Чрезвычайного трибунала; первым по списку стоял Робеспьер («Moniteur», XIII, 449). В силу статьи 2 декрета председателем первой секции трибунала должен был стать Робеспьер, названный первым; он отказался.
7. О причинах этого отказа см. письмо, посланное Робеспьером в газеты («Courrier des 83 départements», 24 août 1792; «Gazette nationale», 28 août 1792). Это письмо воспроизведено в: «Moniteur», XIII, 544; Buchez et Roux. XVII, 211; G. Michon. Correspondance de Maximilien et Augustin Robespierre (Paris, 1926—1941, 2 volumes), v. I, p. 153. [См.: Переписка Робеспьера. Л., 1929, с. 136—137.— *Прим. ред.*]
8. E. Hamel. Histoire de Robespierre, v. II, p. 385.

щее обстоятельство, на которое ссылался Робеспьер: «С самого начала Революции я боролся против большинства тех, кто виновен в преступлениях против нации. Я изобличил большинство их, я предсказал все их посягательства, когда в их гражданскую доблесть все еще верили; я не мог стать судьей тех, чьим противником я был, и я должен был помнить о том, что если они и были врагами отечества, то они объявили также себя моими врагами.

Этот принцип, правильный при любых обстоятельствах, особенно применим в данном случае; правосудие народа должно быть достойно его; надо, чтобы оно было не только быстрым и беспощадным, но и внушало уважение. Исполнение этих новых обязанностей было несовместимо с доверенными мне обязанностями представителя Коммуны; надо было выбирать; я остался на своем прежнем посту, убежденный в том, что именно там я должен отныне служить отечеству».

Жалкий софизм, обманываться им было бы унизительно. Речь здесь совсем не шла о личной вражде; и Робеспьер чаще всего воздерживался от личных выпадов. К тому же в делах такого рода каждый гражданин одновременно и судья, и сторона; и какой революционер, какой патриот, участник событий 10 августа, не мог бы тоже сослаться на то, что он был прямым врагом тех, кого надо было судить? Но разве Дантон под этим предлогом отказался от поста министра юстиции? [9] Нет, напротив, было чрезвычайно важно, чтобы председателем Уголовного трибунала стал человек, пользовавшийся полным доверием Революции.

Это служило народу гарантией твердости и искренности, в которых он нуждался. И в то же время, сильный доверием, какое он внушал, председатель Революционного трибунала мог оставаться умеренным и справедливым. Может быть, от Робеспьера зависело, если бы он согласился, избавить Революцию от резни, которой требовал Марат и зловещим предчувствием которой отныне был охвачен весь Париж. Робеспьер уклонился из боязни ответственности и из обдуманного честолюбивого расчета. Согласившись, он должен был бы открыто взять на себя бремя суровых приговоров, какие пришлось бы вынести во имя отечества, которое предали, и поруганной свободы. Ему пришлось бы также взять на себя еще более тяжелую ответственность перед до крайности возбужденным народом за оправдательные приговоры. Либо он склонялся бы перед всеми мстительными порывами народа и с роли судьи скатился бы до роли палача, либо же, если бы он порой сопротивлялся и противопоставлял гуманность и благоразумие ярости мщения, он рисковал, служа Революции, утратить частично свое влияние. Робеспьер не любил брать на себя решающие функции, когда точные действия влекут за собой определенную ответственность. Он предпочитал роль советчика, когда умело уравновешенные слова и искусные комбинации тактических ходов позволяют уклониться от определенной и прямой ответственности[10].

Может быть, если бы у него хватило мужества согласиться, то у народа не было бы яростного взрыва нетерпения и подозрительности, происшедшего в сентябрьские дни. Может быть, Коммуна, предоставившая народу в сентябре полную свободу действий, вмешалась бы, чтобы остановить движение, в общем направленное как против Уголовного трибунала, который обвиняли в неспособности и медлительности, так и против узников.

И если бы Робеспьер, исполняя эти трудные и грозные обязанности, утратил на какое-то время часть своего революционного влияния, то он пожертвовал бы им, служа Революции. Он не решился на это и из честолюбивого эгоизма отказался от такого риска. Отказом этим, думается мне, он взял на себя большую долю ответственности за сентябрьские события. Когда Амель в своем непомерном усердии апологета доходит до восхваления его отказа от «прибыльной» должности, то он досадно умаляет значение всего вопроса и самого своего героя. Когда Амель прибавляет, что Робеспьер, отказавшись от всякого официального положения, убедительно доказал свое политическое бескорыстие, то он злоупотребляет правом на безупречность. В итоге Робеспьер, отойдя в сторону из предосторожности и расчета, открыл путь Марату и его кровожадной мечте [11].

ЯКОБИНЦЫ И ВЫБОРЫ

Тем временем Шабо ясно заявил 20 августа на заседании Якобинского клуба, что федераты должны оставаться революционной силой, чтобы оказывать давление на сам Конвент [12]. «Пусть федераты не расходятся, пусть не покидают Парижа, *пусть оста-*

---

9. Министр не должен судить. [*Примечание А. Матьеза.*]
10. Жорес здесь забывает, что 27 июля 1793 г. Робеспьер стал членом Комитета общественного спасения и взял на себя в нем самую тяжелую, политическую ответственность.
11. Обвинения, бросаемые Жоресом, мне кажутся такими же пристрастными, как и защита Амеля. Робеспьер слишком часто в самые критические моменты доказывал свое мужество и бескорыстие, чтобы его можно было обвинить в трусости или в расчете. Он мог согласиться стать председателем трибунала, только отказавшись от политической роли, какую играл в Коммуне и будет играть в Избирательном собрании [то есть в собрании выборщиков во время выборов в Конвент. — *Ред.*]. Он счел своим долгом остаться на посту, чтобы бороться с жирондистами, которым он с полным на то основанием не доверял. Что касается избиений, то ни он, ни кто другой не в силах были предотвратить их. [*Примечание А. Матьеза.*]
12. «La Société des Jacobins», IV, 227. Шабо (1759—1794) — настоятель монастыря капуцинов в Родезе, епископальный викарий конституционного епископа в Блуа, депутат Законодательного собрания, а затем Национального Конвента от департамента Луар и Шер.

ются здесь, чтобы держать Национальный Конвент под своим контролем.

Может случиться, что те, кто войдет в Национальный Конвент, еще пожелают возвращения королей; но пусть храбрые парижане держатся стойко, ибо никогда короли не простят им того, что они на несколько месяцев свергли их с трона. Правда, цивильный лист временно упразднен *, но он еще существует в виде банковских касс, имуществ эмигрантов, состояний бывших крупных сеньоров и богатых капиталистов, которые принесли бы величайшие жертвы ради того, чтобы восстановить столь благоприятный для них порядок вещей.

Если бы Национальный Конвент вздумал покинуть Париж, то я — говорю это во всеуслышание — в третий раз ударил бы в набат: остановите негодяев!»

Итак, еще до того, как Конвент собрался, даже еще до того, как он был избран, парижская революция готовилась наблюдать за ним, не позволить ему покинуть Париж, чтобы держать его под своим контролем. Однако Шабо не следует до конца за Маратом: он обращает оружие Коммуны против роялистов, против умеренных, против фейянов, но он не угрожает прямо жирондистам. Они голосовали за предание Лафайета суду. Значит, они по праву составляют часть Революции.

«Если с вами останутся 220 членов Собрания, голосовавшие против Лафайета,— прибавляет Шабо,— то я считаю возможным утверждать, что общественное дело спасено. Если же, наоборот, в Национальный Конвент пройдет большинство нынешнего Законодательного собрания, то держите оружие наготове и будьте начеку».

Итак, Жиронду допускали [к участию в Конвенте], но под надзором Парижской коммуны.

В таком же духе был составлен избирательный манифест Якобинского клуба, обнародованный 22 августа [13]. Он допускает участие Жиронды, но превращает Париж в стража Революции. «Успех нашего дела зависит от нашего выбора... Собрание разрушило разделяющую стену, возведенную между гражданами Учредительным собранием; оно упразднило без возмещения все феодальные повинности, за исключением тех, относительно которых первоначальными титулами будет доказано, что они являются ценой уступки земли [14].

Очень немногие бывшие сеньоры могли бы представить такие доказательства. Собрание осудило королей, священников, эмигрантов и связанных с ними дворян, буржуазную и финансовую аристократию — словом, всех наших врагов. Оно восстановило царство равенства, призвав весь без различия народ к осуществлению им своего суверенитета [15].

Наша задача — укрепить это царство, и мы можем это сделать, удалив из собраний выборщиков всех тех, кто защищал, пусть даже косвенно, двор и духовенство, эмигрантов и их приверженцев. Нам нетрудно сделать выбор: большинство нации составляют патриоты. Следовательно, если они сумеют объединиться, то они смогут сделать полезный для них выбор. Поскольку выборщикам будут платить по 3 ливра в день, а также оплачивать их переезд из расчета по 3 су за каждое лье, то нет необходимости быть богатым буржуа, священником или бывшим дворянином, чтобы согласиться на эту благородную миссию, и если большинство выборщиков поддерживает Революцию 10 августа 1792 г., то наши новые депутаты не замедлят укрепить ее посредством Конституции, соответствующей Декларации прав и интересам подавляющего большинства.

На тех из наших представителей, кто был верен народу, вам указывает общественное мнение, и *у вас есть их список, ибо это те, кто голосовал за обвинительный декрет Лафайету*. Сравнительная таблица, которую мы вам посылаем, поможет вам до конца понять, кто ваши друзья и кто враги. Среди ваших депутатов Учредительного собрания есть такие, как Петион, Робеспьер, Бюзо, Антуан, Королле, Грегуар, Лепелетье, Дюбуа де Кранс, славный папаша Жерар и другие верные защитники прав народа; правда, их немного, но именно поэтому они еще более достойны получить ваши голоса. Эти люди доказали, чего они стоят [16]...

Братья и друзья! Если 224 представителя народа, только

---

* 10 августа 1792 г., после победы народного восстания, Законодательное собрание постановило, что впредь, до решения Конвента, король будет временно отстранен от своих обязанностей, а выплата по цивильному листу будет также упразднена до решения Конвента. Вопрос был решен окончательно декретом Конвента от 21 сентября об упразднении во Франции королевской власти.— *Прим. ред.*

13. «La Société des Jacobins», IV, 233.
14. Речь идет о декрете от 17 августа 1792 г. относительно отмены без возмещения постоянных и случайных повинностей. [Кроме тех, происхождение которых от первоначальной уступки земли будет доказано подлинными документами.— *Ред.*] См. данное издание, т. II, с. 604, «Упразднение феодальных рент без возмещения».
15. Своим декретом от 21 августа 1792 г. Законодательное собрание действительно установило всеобщее двухстепенное избирательное право [для мужчин.— *Ред.*], поскольку оно отменило отстранение слуг от участия в выборах, предусмотренное ранее декретом от 11 августа. [Однако в пояснительном декрете от 27 августа 1792 г. оно устранило из всех политических] собраний граждан, «находящихся в постоянном услужении у частных лиц». См.: А. О л а р. Политическая история Французской революции. М., 1938, с. 271—272.— *Ред.*]
16. Бюзо был депутатом Генеральных штатов от третьего сословия бальяжа Эврё; Антуан — от бальяжа Саргемин; Королле — от сенешальства Эннебон; Грегуар — от духовенства бальяжа Нанси; Лепелетье де Сен-Фаржо — от

что рисковавшие жизнью под огнем убийц и не испугавшиеся мести Тюильри, получат ваши голоса, как и 40 неподкупных из Учредительного собрания, то отечество спасено. Они заставят остальных членов национального представительства идти по пути чести; но если Конвент будет состоять из одних только новых депутатов, то, как бы добродетельны они ни были, *возможно, мы обретем спасение только в своем мужестве и в новом восстании*».

Итак, Общество якобинцев, где, впрочем, имелось много жирондистов, официально рекомендовало, и притом всей Франции, кандидатов-жирондистов. Но Париж оставался как бы высшей апелляционной инстанцией: в самом Париже демократы-робеспьеристы и Коммуна отвели все жирондистские кандидатуры.

Колебания Жиронды перед 10 августа подорвали ее авторитет; и Париж хотел быть представлен более энергичными революционерами. Демократы говорили во всеуслышание, что если бы не двухстепенная система, еще сохраненная при выборах в Конвент, то народ сразу отдал бы свои голоса друзьям Дантона, Марата и Робеспьера. 12 августа Антуан заявил в Якобинском клубе [17]:

«Одна из главных причин наших бед — в системе выборов, применяемой Законодательным собранием. Пока у вас будут собрания выборщиков, выбор ваш будет плох. Разительный пример тому ощутимое различие, которое можно видеть между муниципалитетами, избранными народом прямым голосованием, и департаментскими властями и судами, избранными собраниями выборщиков. Лучшее, единственное средство сделать хороший выбор — это предоставить его самому народу, всему народу, и никому другому, кроме народа. Решительно настаиваю на этом требовании, *так как без этого Конвент окажется не лучше нынешнего Законодательного собрания*».

Робеспьер тоже жалуется в «Дефансёр де ла Конститюсьон» на то, что Законодательное собрание сохранило собрания выборщиков [18]. Но он констатирует, что Собрание предоставило первичным собраниям довольно широкую свободу действий. «Было бы также желательно, чтобы для выборов в Национальный Конвент Собрание занялось выработкой более простой и более краткой системы выборов, которая бы более благоприятствовала осуществлению народом своих прав.

Надо было бы упразднить бесполезное и опасное посредничество корпуса выборщиков и обеспечить народу возможность самому выбирать своих представителей. Собрание следовало больше рутине, чем принципам. Но оно достойно похвалы за то, что предложило эту систему выборов только в форме рекомендации и совета и тем самым отнеслось с уважением к суверенитету народа, объединенного в первичные собрания».

Шабо заявил 22 августа в Якобинском клубе: «Декретированная система выборов никуда не годится, и если бы я тогда не был занят выполнением доверенного мне поручения — собрать всех швейцарцев, то я бы не сошел с трибуны, пока не добился бы более благоприятной для народа избирательной системы — прямых выборов.

Я опасаюсь влияния этой системы не для Парижа, где люди слишком просвещенны, чтобы колебаться при избрании выборщиков, но для департаментов. Администрация департаментов большей частью настолько развращена, что о декрете относительно выплаты выборщикам одного экю в день не будет — как я опасаюсь — вовремя сообщено, и тогда в этой местности снова будут выбраны богатые люди, и мы вновь получим аристократический корпус выборщиков».

Однако ни одно первичное собрание не воспользовалось имевшейся в его распоряжении возможностью принять другую систему выборов. Даже в Париже демократы ограничились тем, что передали выбор, сделанный собраниями выборщиков, на утверждение первичных собраний и ввели открытое голосование. По предложению Робеспьера, его секция, секция Вандомской площади, 27 августа приняла постановление в этом духе:

«1. В принципе все уполномоченные народа должны быть назначаемы непосредственно народом, то есть первичными собраниями; метод избрания депутатов Национального Конвента через посредство собраний выборщиков был принят только в силу необходимости.

2. Дабы по возможности были устранены недостатки, присущие этой системе, выборщики будут подавать голоса открыто и в присутствии публики.

3. Дабы сделать эту меру предосторожности более действенной, они соберутся в зале Якобинского клуба, а избранные выборщиками депутаты будут подвергнуты проверке и испытанию секциями в первичных собраниях, чтобы таким образом большинство могло отвергнуть людей, недостойных доверия народа».

Робеспьер добился того, что постановление секции стало постановлением муниципалитета; 28 августа оно было расклеено по всему Парижу [19].

дворянства города Парижа; Дюбуа-Крансе — от третьего сословия бальяжа Витри-ле-Франсуа; Жерар, пахарь, — от Реннского сенешальства.

17. «La Société des Jacobins», IV, 195. Об Антуане см. выше, с. 11.
18. «Le Défenseur de la Constitution», № 12, p. 358. Робеспьер требует всеобщего прямого избирательного права, осуществляемого народом, а не двухстепенного, осуществляемого «назначенными им выборщиками». [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. II, М., 1965, с. 12.— *Ред.*]
19. M. Tourneux. Bibliographie..., № 6162; См.: F. Braesch. La Commune du 10 Août, p. 568.

ЖИРОНДА ПРОТИВ КОММУНЫ

Итак, в Париже выборы должны были протекать под революционным и робеспьеристским влиянием. Жиронда была как бы устранена с арены выборов в Париже. Она почувствовала силу этого удара и тотчас же подумала о том, как ей нанести Коммуне ответный удар. Газета Бриссо «Патриот франсэ» писала 29 августа: «Власти, установленные для того, чтобы придать политической машине революционное движение, должны прекратить свое существование вместе с окончанием этого движения, ибо эти власти могут быть лишь диктатурой, а длительная диктатура, как и диктатура нескольких дней, может быть только могилой для свободы. Пока временные комиссары Парижской коммуны осуществляли только руководство Революцией 10 августа, занимались только преследованием заговорщиков и надзором за теми, кого можно было обвинить в участии в заговоре, у патриотов не вызывали тревоги полномочия, которые, будучи порождены брожением, должны кончиться вместе с ним и поглотиться суверенитетом народа; но как только стало очевидно, что эти комиссары сохраняют свою диктаторскую власть, узурпируют права Коммуны, распускают и создают новую администрацию, которую она одна могла распускать и создавать, распределяют места, назначать на которые могла только она одна, что они отстраняют избранных и любимых народом должностных лиц, наконец, совершают действия, которые не могут быть оправданы обстоятельствами, тогда у добрых граждан наконец открылись глаза; они поняли, что они дважды завоевывали свободу не для того, чтобы отдать ее в руки интриганов, и что они не должны воздвигать на развалинах королевского и патрицианского деспотизма *еще более жестокий и ненавистный деспотизм*».

Это было объявление войны. На следующий день «Патриот франсэ» подчеркивает: «Невозможно снова вернуть в рамки законности власть, которую временно, ради спасения отечества, поставили выше законов; естественное для всякой власти стремление толкает ее к узурпации; судите, легко ли заставить ее отказаться от того, что в силу обстоятельств или временного волеизъявления могло быть предоставлено ей сверх [ее полномочий]. Всякий, кто размышлял о природе власти и о вечных законах, действующих в области морали, должен был предвидеть, что диктаторская миссия Парижской коммуны, необходимая в начальный момент Революции 10 августа, полезная в течение нескольких последующих дней, кончит тем, что станет опасной в размерах, прямо пропорциональных оказанным ею услугам, так как было очевидно, что она продлит применение революционных средств и после кризиса, сделавшего их необходимыми».

Тон был умеренный, ход рассуждений — искусный, но вы-

вод — весьма решительный. Революционную власть Коммуны невозможно вернуть в рамки законности; значит, ее следует уничтожить. В эти последние августовские дни Жиронда нанесла Коммуне много ударов. Сначала некоторые умеренные секции, как секция Ломбар и секция Хлебного рынка, отозвали из Коммуны своих комиссаров и таким образом пробили брешь во временном муниципалитете.

Затем, когда Коммуна вызвала друга Бриссо, журналиста Жире-Дюпре, чтобы потребовать от него объяснений по поводу его нападок на Генеральный совет Коммуны, то Жире-Дюпре не явился и ответил резким письмом, он также подал в Законодательное собрание жалобу на «произвольные» действия Коммуны. Законодательное собрание немедленно вызвало к себе членов Генерального совета Коммуны (они тоже не явились) и 31 августа отменило, как противоречащее свободе личности, постановление против Жире-Дюпре [20].

Наконец, Ролан, глубоко преданный Жиронде, 30 августа пожаловался на то, что Коммуна, захватив функции всех властей, дезорганизовала их [21]:

«Я получил точные сведения о продовольственных запасах, имеющихся в столице, и принял соответствующие меры совместно с Продовольственным комитетом города Парижа; но комитет, которому я полностью доверял, только что был отстранен временными представителями Коммуны, как и г-н Кузэн, который возглавлял его. Вследствие такой дезорганизации вся работа комитета приостановилась, и при таком положении вещей я более не отвечаю за снабжение Парижа».

По-видимому, при доброй воле разрешить эти административные конфликты было бы легко. Но в действительности назревал большой политический конфликт. Ролан прибавил: «Собрание возложило на меня личную ответственность за сохранность королевского имущества. Я назначил инспектором хранилища этого национального имущества г-на Рету, человека честного и очень сведущего в искусстве. Он только что пожаловался мне на то, что из хранилища изъяли маленькую, украшенную серебром пушку, внесенную в перечень вещей, за которые он несет ответственность. Он сообщил мне, что то же лицо унесло бумаги, важность которых мне неизвестна». Мелочный и сварливый Ролан под влиянием своего мрачного настроения преувеличивал трудности, которые более свободный и терпимый ум, быть может, легко бы преодолел. Но Жиронда хотела довести дело до конца.

---

20. «Moniteur», XIII, 585; «Archives parlementaires», XLIX, 142. Постановление Коммуны было отменено, как «посягающее на свободу личности и свободу печати».
21. «Moniteur», XIII, 575; «Archives parlementaires», XLIX, 111.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РАСПУСКАЕТ КОММУНУ

Часть населения Парижа устала от несколько беспокойной, нарушающей законный порядок и угрожающей деятельности Коммуны. И в Законодательном собрании даже монтаньяры начинали приходить в раздражение. Унижая Собрание, Коммуна унижала их. Более того, при их высоком революционном сознании необходимости национального единства, концентрации власти они опасались, как бы беспорядочная деятельность Парижской коммуны не причинила вред единству усилий и борьбы. Жиронда весьма искусно дала высказаться раздраженным монтаньярам. Тюрио, говоривший в весьма гуманном тоне, но не желавший играть на руку Жиронде, отчасти защищал Коммуну. Но Шудьё и Камбон коснулись самой сути вопроса. Камбон воскликнул [22]: «Для того чтобы Собрание укрепило свое положение, важно, чтобы оно добилось передачи ему полномочий, данных народом этим временным муниципальным должностным лицам; *ибо если они не наделены этими полномочиями, то они узурпаторы и, как таковые, должны быть наказаны*».

В своих заметках Шудьё сам комментирует свое выступление [23]: «Я взял слово после Камбона и сказал: «Пора обратить внимание Законодательного корпуса на поведение нынешнего муниципалитета Парижа. Полностью признавая, что он оказал в ночь с 9 на 10 августа большие услуги, я не могу признать в нем народное представительство. Многие парижские секции уже выдвинули возражения против его создания, которое могло быть узаконено только восстанием; но когда все возвращается к порядку, то Коммуна должна подчиниться ему. Это собрание состоит из одних только комиссаров, выбранных для согласования действий, относившихся к 10 августа; в результате оно в силу своего частного авторитета возвысилось до муниципалитета; оно присвоило себе полномочия, которые не были предоставлены ему; может быть, в момент кризиса оно и поступило правильно; но когда опасность миновала, оно должно разойтись, и его члены сами должны вернуться к положению простых граждан. Его теперь обвиняют в том, что оно всему мешает и все дезорганизует. Оно даже позволило себе отстранить мэра Парижа; подобное состояние не может быть более терпимо, так как оно привело бы нас к полному расстройству»».

И Шудьё прибавляет: «Обстоятельства действительно были крайне трудными, еще не успокоившиеся народные страсти надо было сдерживать и направлять; *энтузиазм нации был великой силой, но при условии, если его не растрачивать в противоречивых движениях*; каждый день можно было видеть, как наряду с самыми благородными порывами рождались необдуманные или коварные предложения, преподносившиеся под видом революционных».

Собрание решило положить этому конец. Жиронда, имея такую опору и как бы под прикрытием части монтаньяров, сочла себя достаточно сильной, чтобы распустить Коммуну. И в тот же день, 30 августа, по требованию Гранженёва и на основании краткого доклада Гюаде Собрание приняло следующее постановление [24]: «В течение 24 часов парижские секции изберут каждая двух граждан, которые, объединившись, образуют временно, до будущих выборов Парижского муниципалитета, Генеральный совет Парижской коммуны.

После выборов, предписанных предыдущей статьей, комиссары, избранные 48 секциями и после 10 августа временно заменявшие Генеральный совет Коммуны, немедленно прекратят осуществление своих функций в нем.

Мэр Парижа, прокурор Коммуны, члены муниципального бюро и члены муниципального корпуса, находившиеся при исполнении своих обязанностей 10 августа сего года, будут продолжать исполнять свои обязанности, пока не будут сменены».

Собрание не ограничилось роспуском Коммуны. Оно как бы предъявило ей обвинение, приняв предложение Камбона, потребовавшего представления формальных документов об избрании временных комиссаров.

Я полагаю, что Жиронда строила себе некоторые иллюзии. Она, несомненно, ожидала от всех этих декретов большего, чем они могли ей дать, так как новые избранники секций были бы исполнены почти того же революционного духа. Однако Жиронда могла надеяться, что новая Коммуна, уже не окруженная ореолом славы событий 10 августа, будет обладать меньшим могуществом и меньшим престижем и что поэтому национальная власть окажется выше революционной муниципальной власти.

КОММУНА СОПРОТИВЛЯЕТСЯ

Как ответила Парижская коммуна на декрет о своем роспуске? На вечернем заседании 30 августа, как только стал известен декрет Собрания, в ратуше разразилась буря. Началось с того, что один пылкий оратор в громовой речи призвал народ выступить против Собрания. Раз оно, сказал он, преследует героев 10 августа; раз оно требует формальных документов от людей, которых наделила мандатом только собственная смелость и сама

22. «Moniteur», XIII, 575, заседание 30 августа 1792 г.; «Archives parlementaires», XLIX, 111. Камбон (1756—1820) — негоциант, в 1790 г. муниципальный чиновник в Монпелье, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эро.
23. Речь все еще идет о заседании Законодательного собрания 30 августа 1792 г.
24. «Moniteur», XIII, 571, 578; «Archives parlementaires», XLIX, 111, 118.

Революция; раз оно таким образом вызывает к своему барьеру Революцию 10 августа, значит, надо Революцию эту продолжить и завершить. После того как Революция выступила против королевской власти, надо выступить против Собрания, которое готовится отомстить за королевскую власть.

Но этот чересчур решительный совет не нашел отклика. Коммуна, по-видимому, сперва хотела ограничиться пассивным сопротивлением: она останется и в случае надобности потребует от секций подтверждения своих полномочий. Секции Монтрей и Финистер сразу же подтвердили полномочия своих комиссаров [25]. Таким образом Коммуна получила бы законную инвеституру, в общем соответствовавшую декрету Законодательного собрания, и, однако, продолжала бы действовать революционная Коммуна.

Но сама эта тактика не лишена колебаний. Секция Лувра не хочет принимать решение немедленно. Она сначала желает узнать в точности содержание декрета Собрания. Секция Фонтэн-Монмартр предписывает своим комиссарам повиноваться декрету Собрания.

Отсюда раскол и бессилие. И был момент, около половины первого ночи, когда казалось, что Генеральный совет Коммуны закроет свое заседание, не приняв никакого решения, и тем самым признает себя побежденным. Но тут вновь ожил революционный инстинкт. Совет постановил исключить всякого, кто предложит закрыть заседание. И он решил направить во все департаменты и во все муниципалитеты адрес с протестом, вместе с протоколами заседаний Коммуны начиная с 10 августа 1792 г.

Это был своего рода призыв к Франции и к Революции, направленный против декрета Собрания. Марат, почувствовавший, что и на него обрушился тот же удар, какой был нанесен Коммуне, распорядился расклеить 31 августа листовки самого резкого содержания, направленные против Законодательного собрания [26]. И секретарь Коммуны Тальен предстал от ее имени у барьера Собрания, чтобы протестовать против вчерашнего декрета [27]:

«Вы возведены нами на высоту представителей свободного народа; вы сами дали нам почетное звание представителей Коммуны и пожелали сноситься непосредственно с нами. Все совершенное нами санкционировал народ. (*Аплодисменты граждан на трибунах.*) Это не кучка мятежников, какими их хотят представить, это миллион граждан. Спросите их о нас, и они всюду скажут вам: «Они спасли отечество». Если кто-нибудь из нас посмел нарушить свой долг, то мы требуем от имени Коммуны их наказания. На нас было возложено спасение отечества, мы поклялись в том, и мы отстранили мировых судей, недостойных этого высокого звания, мы распустили фейянтистский муниципалитет. Мы не отдали ни одного распоряжения в ущерб свободе добрых граждан, но ставим себе в заслугу то, что наложили секвестр на имущества эмигрантов.

Мы распорядились арестовать заговорщиков и передали их в руки судов ради их собственного спасения и ради спасения государства; мы изгнали монахов и монахинь, чтобы продать дома, которые они занимали; мы закрыли газеты, которые помещали поджигательские статьи, так как они разлагающе действовали на общественное мнение. Мы производили обыски в домах. Кто приказал нам это? Вы! [28]

Оружие, отобранное у подозрительных лиц, мы принесем вам, чтобы передать его в руки защитников отечества; мы распорядились арестовать сеявших смуту священников, они заперты в одном частном доме, и через несколько дней земля свободы будет очищена [путем высылки] от их присутствия [29]. Нас обвиняют в том, что мы дезорганизовали администрацию, и особенно продовольственную администрацию, но кто виноват в этом? Сами администраторы. Где были они в дни опасности? Большинство из них все еще не появилось в ратуше.

Секция Ломбар выступила перед вами против нас, но желание одной-единственной секции не может свести на нет желание явного большинства других парижских секций. Вчера граждане, находившиеся у нас на трибунах, вновь признали нас своими представителями; они нам поклялись в том, что сохраняют доверие к нам. Если вы нанесете нам удар, то нанесете его и народу, совершившему Революцию 14 июля, укрепившему ее 10 августа и готовому поддерживать ее и впредь. Теперь он находится в первичных собраниях, он осуществляет свой суверенитет. Спросите его, и пусть он решит нашу судьбу. Участники событий 10 августа хотят только справедливости, они хотят лишь повиноваться воле народа».

Трибуны рукоплескали. Защитительная речь была искусной и сильной. И действительно, Коммуне можно было ответить

---

25. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 73. Секция Федератов тоже подтвердила полномочия своих комиссаров.
26. В действительности листовки Марата были датированы 26, 28 и 31 августа 1792 г.: «Марат, Друг народа,— мужественным парижанам»; «Марат, Друг народа,— своим согражданам»; «Марат, Друг народа,— друзьям отечества». См.: J. Massin. Marat. Paris, 1961, p. 210, 212. [См.: Жан Поль Марат. Избранные произведения. Т. III, М., 1956.— *Ред.*]
27. «Moniteur», XIII, 586; «Archives parlementaires», XLIX, 144. О Тальене см. выше, с. 23.
28. 28 августа 1792 г. Законодательное собрание разрешило производить домашние обыски в поисках спрятанного оружия. («Procès-verbal de l'Assemblée législative», XIV, 19.)
29. Кое-кто хотел видеть в этой фразе («и через несколько дней земля свободы будет очищена от их присутствия») пророческий намек на сентябрьские избиения. Речь идет попросту о высылке священников-смутьянов в Гвиану; решение по этому вопросу было принято Законодательным собранием 26 августа 1792 г., порядок высылки был определен постановлением Генерального совета Коммуны от 29 августа.

только так: вы не являетесь законным выражением суверенитета, вы являетесь выражением и как бы продолжением революционного события. Но потрясение, отзвук, вызванный этим событием, не может постоянно влиять на политический порядок, и наступает час, когда стихийная революционная сила, мало-помалу исчерпавшая себя в своих же результатах, должна быть заменена упорядоченным функционированием социальной системы.

Нация поддерживала революционную Парижскую коммуну ради сохранения завоеваний 10 августа и утверждения демократии. Поэтому сами монтаньяры чувствовали, что вся нация готова к этой великой задаче. И отныне Коммуна могла и должна была мало-помалу вернуться на свое прежнее место. Ее прокурор Манюэль прибавил к словам Тальена следующее [30]:

«Национальное собрание издало вчера два декрета: первым декретом оно распускает временную Коммуну, вторым объявляет о великих заслугах этой Коммуны перед отечеством; комиссары вправе быть недовольными либо первым, либо вторым из этих декретов».

Нет, выдвинутая Манюэлем альтернатива отнюдь не была неизбежной. Можно было прославлять революционную деятельность Коммуны, не превращая самой Коммуны в независимую от закона и навеки установленную власть. Шудьё в своих заметках говорит по этому поводу: «Со стороны Манюэля это была чистейшая уловка, так как не было никакого противоречия в том, чтобы сначала объявить о больших заслугах временной Коммуны перед отечеством в день 10 августа и в последующие дни, а затем пожелать, чтобы она перестала выполнять свои функции, которые были только временными и могли стать опасными вследствие того расширительного толкования, какое она им придавала».

Председатель [Законодательного собрания] Делакруа ответил твердо и высокомерно [31]:

«Все установленные власти проистекают из одного источника. Закон, из которого они проистекают, определил их обязанности. Создание временной Парижской коммуны противоречит существующим законам: она — порождение чрезвычайного и неизбежного кризиса. Но когда эти опасные обстоятельства миновали, то с их исчезновением должна прекратить свое существование и временная власть.

Неужели, господа, вы захотите опозорить нашу прекрасную Революцию, поведав всей стране о предосудительном поведении Коммуны, восставшей против общей воли, против закона? Париж — большой город, который благодаря своему населению и находящимся в нем многим национальным учреждениям соединяет наибольшие преимущества. Но что сказала бы Франция, если бы этот прекрасный город, облекая временный совет диктаторской властью, захотел отмежеваться от остальной страны, если бы он захотел уклониться от исполнения общих для всех законов

и оспаривать власть у Национального собрания? Но Париж не подаст подобный пример. Вчера был принят декрет. Национальное собрание исполнило свой долг, вы исполните свой».

У входа в Собрание собралась толпа, правда немногочисленная. Она не вела себя угрожающе, но все-таки кое-кто был настроен угрюмо и был возбужден. Граждане, допущенные к барьеру, выразили опасение, что делегаты Коммуны подвергаются в Собрании опасности: «Мы пришли от имени народа, который ждет у дверей, с требованием пропустить нас в зал, чтобы мы могли увидеть находящихся здесь представителей Коммуны. Если понадобится, мы умрем вместе с ними». Чудовищное подозрение, отражавшее нараставшее возбуждение умов! Манюэль распорядился задержать петиционеров.

Велико было замешательство Робеспьера. Он ненавидел Жиронду, и Коммуна была для него необходимой опорой, но он был ревнителем законности и не хотел дать увлечь себя на путь открытого сопротивления декретам и законам Собрания, которые, несмотря на все, выражали волю суверена. К тому же он чувствовал, что народ Парижа не был единым и что Петион, проявлявший недовольство, мог нанести Коммуне весьма чувствительный удар, если бы она каким-нибудь неосторожным и незаконным шагом рискнула вызвать неодобрение.

Робеспьер, пребывая в замешательстве, произнес 1 сентября на заседании Генерального совета Коммуны, собравшегося под председательством Югенена, уклончивую речь [32]. С одной стороны, он заявил, что Генеральный совет Коммуны зашел слишком далеко по пути уступок, когда двумя днями ранее вновь открыл двери комитетов — продовольственного и других — администраторам, заседавшим в них до 10 августа. Робеспьер требовал, чтобы их подвергли чистке в их секциях. Но с другой стороны, после того как он сурово осудил маневры, направленные против Генерального совета Коммуны, после того как он оправдал и превознес его деятельность, он закончил заявлением о необходимости подчиниться декрету Собрания.

Народ, по словам Робеспьера, не был ни развращен, ни запуган; поэтому он сумеет воздать по заслугам тем, кто боролся за него, и нет никакой опасности в том, чтобы согласиться на новые выборы и вновь вручить народу полученную от него власть.

---

30. «Moniteur», XIII, 587; «Archives parlementaires», XLIX, 145.
31. «Moniteur», XIII, 587; «Archives parlementaires», XLIX, 145. Делакруа (1754—1794) — адвокат, в 1790 г. генеральный прокурор-синдик департамента Эр и Луар, депутат Законодательного собрания, затем Конвента.
32. Maximilien Robespierre. Œuvres. T. VIII: «Discours», p. 449.

О, когда Робеспьер говорил это, какой жгучей ненавистью должно было наполняться его сердце к Жиронде, которая, нанося удар Коммуне, рассчитывала уничтожить одно из средств его влияния и заставляла его в этот момент либо пойти на весь риск восстания, либо подвергнуть себя упрекам в модерантизме со стороны возбужденной Коммуны!

Впервые после 10 августа Робеспьера не послушались. Коммуна отнеслась с уважением к его принципам. Она постановила напечатать его речь, бывшую красноречивым оправданием всех действий революционной Коммуны, но отказалась согласиться на свой роспуск. Ее прокурор Манюэль напомнил совету о его клятве «умереть на своем посту и не покидать его до тех пор, пока отечество будет находиться в опасности» [33]. Совет Коммуны постановил, что он будет по-прежнему исполнять свои обязанности. Это было открытое восстание, но оно оказалось бессильным. Накануне, то есть как раз в тот момент, когда для поддержки протеста Тальена было бы необходимо мощное выступление толпы, народ в общем остался равнодушен.

Жирондисты, которые после угрожающих речей, прозвучавших на заседании Коммуны 30 августа, могли на какой-то момент испугаться революционного выступления против Собрания, быстро почувствовали, что Париж не вмешается. Газета Бриссо, с трудом умеряя победный тон своей обычной доктринерской сдержанностью, констатирует бессилие Коммуны [34]:

«Временные комиссары Коммуны явились к барьеру, чтобы как бы апеллировать к народу против закона, который кладет конец их полномочиям. *Требование это, показавшееся некоторым патриотам твердым и смелым, было, напротив, явным свидетельством слабости всех партий, которые захотели бы восстать против власти представителей французского народа, единственного и неделимого суверена. Если судить по тому, что происходило на заседании временного Генерального совета [Коммуны] в четверг* [35], *то ясно, что он не ограничился бы простым появлением у барьера, если бы народ поддержал его. Но народ, несмотря на выступление подручных агитаторов, сохранял обескураживающее спокойствие*».

Эта ирония должна была жестоко уязвить деятелей Коммуны, и жажда мести и гнев сжигали их сердца.

СОБРАНИЕ ОТСТУПАЕТ

Однако, как отмечает «Патриот франсэ», вскоре прошел слух, что Законодательное собрание отменило свой декрет о роспуске Коммуны. Это было не совсем верно, но декрет, определявший организацию новой Коммуны, был изменен. Новый декрет гораздо больше щадил уязвленное самолюбие революционной Коммуны. Согласно этому декрету, каждая секция вместо двух комиссаров

сможет избрать в Генеральный совет Коммуны шестерых; и декрет устанавливал, что «комиссары, исполняющие свои обязанности в парижской ратуше с 10 августа сего года, останутся членами *Генерального совета Коммуны, если они не будут сменены их* секциями».

Итак, революционная Коммуна как бы включалась в рамки обширной законной Коммуны; Генеральный совет Парижской коммуны должен был быть доведен до 288 членов, помимо муниципальных чиновников, мэра, прокурора Коммуны и их заместителей. Но сама Коммуна в целом была как бы вновь облечена полномочиями, за исключением отдельных случаев, когда секции приняли бы противоположное решение. Кроме того, Собрание объявляло, что если число членов Генерального совета Коммуны увеличивалось таким образом, то это делалось для того, чтобы последний мог справляться со всеми тяготами, со всеми обязанностями, какие должны возникнуть перед ним в связи с грозящими отечеству опасностями.

Тюрио, старавшийся загладить обиды и сохранить великую революционную роль Парижа, воспрепятствовав в то же время диктаторским поползновениям Коммуны, сформулировал мотивировочную часть нового декрета в духе широкого патриотического примирения [36].

Но, несмотря на эти усилия внести умиротворение, предпринятые благороднейшими представителями страны, теми, кто был чужд как легкомысленному и честолюбивому тщеславию Жиронды, так и деспотической гордости Коммуны, между Собранием и Коммуной продолжали существовать резкие разногласия, недоверие и ненависть. И соперничество и подозрения раздирали сердца именно тогда, когда опасность для отечества возрастала.

---

33. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 76.
34. «Le Patriote français», № 1119, 2 septembre 1792.
35. Четверг — 30 августа 1792 г.
36. Тюрио начал с сообщения об осаде Вердена. «Я полагаю,— заключил он,— что можно было бы примирить меры, которые диктует нам необходимость, с уже принятым декретом...»

ВТОРЖЕНИЕ

С тех пор как 15 августа Мерлен сообщил об осаде Тионвиля, враг в своем вторжении, подобном тяжелой туче, продвигался с востока на запад: 20 августа был обложен Лонгви [1], эти «железные ворота Франции».

23 августа Мерлен из Тионвиля вновь поднялся на трибуну, чтобы рассказать о насилиях, об актах варварства чужеземных орд, и он вновь повторил свое страшное предложение взять в качестве заложников жен и детей эмигрантов [2]: «В трех письмах мне сообщают, что бич войны опустошает наши деревни, что приспешники тиранов огнем и мечом гонят перед собой несчастных жителей департамента Мозель. Этими варварскими ордами, этими пруссаками командуют наши соотечественники, французы-мятежники. Один из них, г-н Бертранде, ныне состоящий на прусской службе, ознаменовал свой приход грабежами и убийствами. Я уже требовал от вас мер, которые должны быть продиктованы единственно интересами государства; при таких обстоятельствах сама чувствительность должна умолкнуть во имя человечества. Я вновь требую, чтобы жены и дети варваров, опустошающих пограничные департаменты и идущих во главе врагов-чужеземцев, дабы вонзить меч в грудь отечества, были взяты как заложники и ответили нам за притеснения и кровь наших соотечественников».

Эти слова упорного сторонника взятия заложников были встречены рукоплесканиями и ропотом. Тюрио снова выразил свое негодование и свое сострадание: «Во Франции не найдется палача, способного убить ребенка на руках матери за то, что его отец поднял оружие против отечества». Собрание, растроганное этими словами, отклонило беспощадное предложение Мерлена.

Но мрачная туча войны росла на горизонте, окрашиваясь в кровавые тона.

23 августа город Лонгви, плохо защищенный полуразрушенными крепостными валами и плохо обороняемый трусливой буржуазией, обезумевшей при первых всполохах грозы, сдался врагу [3]. Велико было негодование в Париже.

ДАНТОН

Дантон понял, что нельзя было допустить и на минуту, чтобы общественный дух пал под тяжестью этой первой неудачи, и 28 августа в мужественной и сильной речи он потребовал, чтобы Собрание приняло энергичные меры [4]. Дантон хотел ответить врагу поистине высоким порывом мужества. В истории свободных народов, подвергавшихся опасности, не было произнесено более сильных слов.

«Временная исполнительная власть, — сказал Дантон,— поручила мне сообщить Национальному собранию о мерах, принятых ею для спасения страны. Я рассмотрю эти меры как народный министр, как революционный министр. Враг угрожает королевству, но враг взял только Лонгви... Вы видите, что грозящие нам опасности преувеличены. Собрание должно показать себя достойным нации. *Мы свергли деспотизм судорожным напряжением сил. Мы заставим деспотизм отступить только судорожным напряжением всех сил нации.*

Вы распорядились произвести тридцатитысячный набор в Парижском и соседних департаментах [5]. Вполне благонамеренные, но встревоженные люди на какой-то момент подумали, что это ополчение должно быть набрано в одном только Париже; они боялись, что *центр Революции* вдруг будет лишен своих самых храбрых защитников. Это заблуждение было рассеяно, и я могу вас заверить, что секции прилагают величайшие усилия к тому, чтобы набрать приходящийся на их долю контингент. *До сего времени мы вели только показную войну, в духе Лафайета. Надо вести более беспощадную войну. Пора сказать народу, что он должен всей массой обрушиться на врагов.*

---

1. Об осаде Лонгви Законодательному собранию было сообщено 24 августа 1792 г. («Moniteur», XIII, 519.)
2. «Moniteur», XIII, 514; «Archives parlementaires», XLVIII, 665.
3. О сдаче Лонгви было сообщено 25 августа 1792 г. на вечернем заседании Законодательного собрания. («Moniteur», XIII, 535.)
4. D a n t o n. Discours. Édition critique par A. Fribourg. Paris, 1910, p. 167.
5. Декрет Законодательного собрания о наборе в Парижском и соседних департаментах 30 тыс. человек был принят 26 августа 1792 г.

Во время кораблекрушения экипаж бросает в море все то, что может угрожать ему гибелью. Точно так же все, что может повредить нации, должно быть исторгнуто из нее, а все, что может принести ей пользу, должно быть отдано в распоряжение муниципалитетов при условии уплаты возмещения владельцам. Исполнительная власть назначит комиссаров, чтобы они проводили в департаментах ее влияние и ее принципы [6]. Она полагает, что в помощь им вам тоже следовало бы назначить своих комиссаров, дабы объединение представителей обеих [исполнительной и законодательной] властей оказало более благодетельное и более быстрое действие. Мы вам предлагаем объявить, что каждому муниципалитету будет разрешено взять лучших, хорошо снаряженных людей, которыми он располагает. До сего времени ворота столицы были закрыты, и для этого были основания. Важно было схватить изменников, но если бы надо было арестовать 30 тыс. изменников, то их следовало бы арестовать завтра, *чтобы завтра же Париж сообщался со всей Францией*. Мы требуем, чтобы вы нам разрешили делать обыски в домах. В Париже должно быть 80 тыс. исправных ружей. Хорошо! Те, кто вооружены, должны тотчас же устремиться к границам. Каким образом народы, завоевавшие свободу, пользовались ею? Они устремлялись навстречу врагу, а не ждали его. Что сказала бы Франция, если бы Париж в оцепенении ожидал появления врагов? Французский народ захотел быть свободным и будет им. Вскоре сюда будут направлены крупные силы. В распоряжение муниципалитетов будет предоставлено все, что окажется необходимым, с обязательством выплатить возмещение владельцам. Все принадлежит отечеству, когда отечество в опасности».

Это был великий и широкий порыв вдохновения. Дантон обладал замечательной способностью побеждать трудности, соперничество, ненависть, гася их в вихре кипучей деятельности. Он не упрекает, не спорит. Он не противопоставляет Собрание Коммуне и Коммуну Собранию; он не составляет, подобно Ролану, перечня убытков и жалоб. Он призывает всех направить все силы на спасение отечества и свободы, и, обратив энергию всех к достижению этой возвышенной цели, он надеется примирить их, даже не напоминая им об их раздорах. Он умеет пылкой и в то же время строго рассчитанной речью возбудить благороднейшие страсти и пощадить интересы тех, кто встревожен.

В час опасности все становится достоянием отечества, но граждане получат возмещение за все то, что отечество возьмет для своей защиты. И каков его способ положить конец тому, что было произвольного и беспорядочного во власти Коммуны? Он никого не бранит и ни с кем не спорит. Он провозглашает себя «революционным» министром и таким образом связывает свою власть с тем же событием, из которого вышла революционная Коммуна. Он именует ее так же, как требует, чтобы именовали

его, и таким образом как бы объединяет свое дело с делом Коммуны. Но в то же время он призывает Собрание действовать, назначить комиссаров, которые по всей Франции будут помогать комиссарам исполнительной власти.

Разве столь энергичными действиями Собрание не восстановит к своей выгоде равновесие властей, лишив Коммуну возможности жаловаться? Наконец, Париж, изолируясь, живя в замкнутом кругу недоверия и запретов, начертанном Коммуной, рискует создать атмосферу лихорадочного возбуждения и ослабить себя. Для огромного кипучего города вредно жить как бы окруженным стеной подозрений. Вредно приучать Париж, окружив его этой тесной оградой, смотреть на себя как на обособленный мир, узкий и непроницаемый. Нехорошо приучать Францию жить так, словно Париж отделен от нее пропастью.

Пусть восстановят связи между Парижем и Францией. Но в тот момент, когда Дантон как будто осуждает систему тщательного надзора, установленную Коммуной, он дает ей явное удовлетворение, распорядившись о проверках и обысках в домах по всему Парижу. После осуществления этой великой меры национального спасения кто осмелится порицать Коммуну за проявленную ею после 10 августа более робкую инициативу? И ответственность за эту великую меру революционного надзора разделяют исполнительная власть, предлагающая ее, Законодательное собрание, одобряющее ее, и Парижская коммуна, осуществляющая ее. Все несогласные и враждующие между собой силы объединяются, постигают друг друга и компрометируют себя участием в одном и том же акте.

В чем тут дело? Уж не собирается ли Дантон свести все революционные насилия к одному или к двум дням? Не собирается ли он подвергнуть граждан, тайна жилища которых будет нарушена, всем неистовствам подозрений? Но заметьте, что Дантон, сказав о необходимости схватить изменников, говорит затем главным образом о необходимости захватить оружие. Итак, Революция в течение двух или трех дней будет обыскивать Париж главным образом в интересах отечества, с целью реквизиции оружия. И солдаты революционной Франции пойдут с песнями к границе, быть может унося с собою раздиравшие город раздоры и ненависть партий, дабы очиститься от них под неприятельским огнем.

Я слышу, как все это бурлит и трепещет в словах Дантона,

---

6. См. публикации Карона (P. Caron): «La première Terreur (1792)». I: «Les missions du Conseil exécutif provisoire et de la Commune de Paris». Paris, 1950; «Les missions du Conseil exécutif provisoire et de la Commune de Paris dans l'Est et le Nord. Août-novembre 1792». Paris, 1953, documents.

словно в бурном и прозрачном потоке, питаемом водами горных вершин. Ни одной злобной или низкой мысли, ни одного клеветнического выпада. Это Марат и Робеспьер говорили, что, пожалуй, было бы опасно лишить Париж его защитников. Дантон успокаивает эти беспокойные умы: надо, чтобы из Парижа, как и со всех концов Франции, народ всей массой обрушился на врага. Но хотя он и пытается рассеять это чрезмерное недоверие Марата и Робеспьера, он отнюдь не обвиняет их в недостатке патриотизма, тогда как газета Бриссо язвительно замечает 31 августа [7]: «Вопреки всем усилиям Робеспьера и Марата ослабить воинственный порыв граждан и помешать им устремиться на помощь своим братьям по оружию Париж не опозорит себя трусливым эгоизмом». О, сколь великодушен Дантон и сколь высок его дух в сравнении с этими жалкими мыслями!

ДОМАШНИЕ ОБЫСКИ

29 августа Собрание по докладу Шудьё декретировало [8]: «Во всех коммунах страны муниципальные должностные лица или граждане, ими уполномоченные, будут проводить обыски в домах для установления количества патронов, оружия, числа лошадей, повозок и тележек, имеющихся у граждан.— Общее собрание каждой секции города Парижа изберет по 30 комиссаров для производства обысков, предусмотренных предыдущей статьей. Указанные комиссары немедленно приступят к делу, будут действовать возможно быстрее и должны закончить эти меры в недельный срок с момента опубликования настоящего декрета.— Как только обыски, предусмотренные статьей первой, будут закончены в Париже, всем, пожелавшим того, будут выданы пропуска в соответствии с законами, действовавшими до 10 числа сего месяца.— Муниципалитетам разрешается отбирать оружие у всех подозрительных граждан и раздавать его тем, кто пожелает встать на защиту свободы и равенства.— Все граждане, у которых будет найдено спрятанное оружие, о каковом они не заявили, в силу этого обстоятельства будут рассматриваться как подозрительные, и их оружие будет конфисковано».

Декрет был быстро проведен в жизнь, и вскоре в Париже заставы были открыты. Любопытно, что в тот момент, когда доступ в Париж вновь был открыт для Франции в интересах торговли и обмена, в тот момент, когда Собрание, вновь приобщая Париж к жизни нации, казалось, клало конец узкореволюционной жизни Коммуны, это такое естественное, такое объяснимое событие породило у находившихся вдали друзей королевской семьи самые несуразные предположения. Ферзен пишет 3 сентября барону де Бретёй: «Мнения о том, что побудило открыть парижские заставы и выпускать из города без пропусков, различны; согласно

мнению, которое кажется мне наиболее распространенным, негодяи хотели таким образом обеспечить себе возможность скрыться, и в один прекрасный день мы увидим, как они бросят Париж, предоставив его полной анархии»[9].

Какое странное заблуждение! Именно для облегчения бегства при приближении чужеземцев парижские революционеры открыли заставы! И притом по совету Дантона!

7. «Le Patriote français», № 1119, 2 septembre 1792. Статья датирована 31 августа.
8. «Archives parlementaires», XLIX, 78. В принципе эти меры были декретированы 28 августа 1792 г. в итоге краткого обсуждения, состоявшегося после речи Дантона. («Moniteur», XIII, 565; Buchez et Roux. XVII, 138.)
9. «Fersen et la cour de France», t. II, p. 358.

Глава вторая

*

СЕНТЯБРЬСКИЕ ИЗБИЕНИЯ

ВЕРДЕН В ОСАДЕ

Тем временем враг осадил Верден. Шудьё сообщил Собранию, что комендант гарнизона Борепер в двух своих письмах заверил его в том, что скорее умрет, чем сдаст крепость [1].

Но встревоженное Собрание находилось в сомнении, не капитулирует ли, подобно Лонгви, этот город, плохо укрепленный и плохо обороняемый населением, город, где были сильны аристократы и роялисты. Первого сентября вечером курьер привез Собранию известие, что Верден получил от герцога Брауншвейгского требование сдаться [2]. Город еще держится; но, с одной стороны, ответа, данного городом на это требование, в пакете, доставленном курьером, не оказалось, что свидетельствовало о крайней сумятице и о неминуемом кризисе; с другой стороны, в пакет была вложена прокламация совета обороны Вердена, угрожавшая всем тем в городе, кто «посягнет на собственность». И можно было предположить, что подозрительно настроенный народ, опасаясь измены части фейянтистской и роялистской буржуазии, поднялся и следит за домами богатых жителей. Как тут не появиться предчувствию близкой катастрофы?

Но если Верден будет взят прежде, чем Дюмурье сможет послать из Седана подкрепления, то дорога на Париж будет открыта; до слуха Революции, так сказать, впервые, донесся храп прусских лошадей. И то великое судорожное напряжение всех сил нации, о котором говорил Дантон, всколыхнуло огромный город. Он должен защищаться, ведь враг будет беспощаден. Разве он пощадит патриотов, если он готовится расправиться с умеренными, даже с фейянами? Он хочет в корне уничтожить всю Революцию. Разве Ферзен, узнав, что Барнав находится в руках у ре-

волюционеров и обвиняется ими в сообщничестве с двором, чувствует жалость к этому молодому человеку, который после Варенна пытался спасти короля и королеву, скомпрометировал себя ради них и, быть может, погибнет, потому что найденные в Тюильри бумаги указывают на его связи с двором? Нет, Ферзен пишет 29 августа г-ну де Сильверспарре [3]: «Барнав и Ш. Ламет арестованы, *и я надеюсь, что они будут казнены*, никто не заслужил этого больше, чем они».

Итак, холодная жестокость благовоспитанных людей соединилась бы с яростью вооруженных зверей, чтобы уничтожить малейшие проявления революционной жизни. О Париж, поднимись! О Революция, защищайся!

КОММУНА ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЕННЫЙ НАБОР

В Коммуне патриотическое воодушевление было огромным, и думается мне, что, не строя никаких расчетов, в порыве благородной веры она первая взялась за организацию обороны.

«Прокурор Коммуны сообщает,— говорится в протоколе утреннего заседания 2 сентября,— что враг находится под Верденом, что в настоящий момент он осаждает его и что не пройдет и недели, как город этот, единственная крепость, лежащая между Парижем и врагом, будет вынужден сдаться. Прокурор требует, чтобы все граждане тотчас же собрались и сегодня вечером расположились лагерем на Марсовом поле, а завтра утром, возможно раньше, выступили под стены Вердена, чтобы либо погибнуть там, защищая свободу, либо очистить землю Франции от ее врагов. Это предложение принято единогласно» [4].

Но как передать этими холодными словами воинственный пыл и всю силу жизненного инстинкта, который в самом сердце Революции восставал против угрозы уничтожения?

---

1. «Moniteur», XIII, 594, 595; «Archives parlementaires», XLIX, 192. Борепер (1738—1792) — кадровый офицер, комендант Верденской крепости; муниципальный совет потребовал от него, чтобы он сдал город пруссакам; он предпочел застрелиться, чем сдаться. Конвент велел поместить его прах в Пантеоне.
2. «Moniteur», XIII, 595. «Этот генерал заявляет, что их Императорское и Королевское Величества намереваются только восстановить власть Его Христианнейшего Величества, короля Франции, над городами и местностями, которые займут их армии, и что города и жители, которые не сдадутся, испытают все превратности военных операций и ярость солдат».
3. «Fersen et la cour de France», t. II, p. 357. Сильверспарре — чиновник министерства иностранных дел в Стокгольме.
4. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 77; B u c h e z et R o u x, XVII, 359; см.: F. B r a e s c h. La Commune du 10 Août, 1792. Paris, 1911, p. 462.

Делегаты Коммуны отправляются в Законодательное собрание и оглашают там воззвание, с которым Коммуна обратилась к Парижу [5]:

«Граждане! Враг у ворот Парижа. Верден, который задерживает его, может продержаться не более недели. Его защитники поклялись скорее умереть, чем сдать крепость, это значит, что они возведут ради вас вал из собственных тел. Ваш долг — поспешить к ним на помощь. Граждане! Встаньте тотчас же под свои знамена; соберемся на Марсовом поле, пусть будет немедленно сформирована армия в 60 тыс. человек! Погибнем под ударами врага или истребим его!»

В этом воззвании нет ни единого слова, которое не было бы обращено против врага, ни одной мысли, острие которой не было бы направлено к границе. Нет ни единого, даже скрытого намека на внутренних врагов, на заговорщиков и изменников; его озаряет яркое и чистое пламя свободы и любви к отечеству.

Верньо, словно желая подчеркнуть, что перед лицом общего долга все разногласия между Коммуной и Жирондой отступают на задний план, ответил делегатам Парижа словами, исполненными красноречия, пышного и в то же время четкого по мысли, и благородного мужества, без всякого бахвальства [6].

«Сегодня,— воскликнул он,— Париж должен показать себя во всем своем величии! Узнаю его мужество в только что предпринятых им мерах, и теперь можно сказать, что отечество спасено. Враг в течение нескольких дней наступал, и у нас было лишь одно опасение: как бы граждане Парижа, в своем ложно понятом рвении, не занялись больше составлением петиций и предложений, чем отражением внешних врагов. Сегодня, когда они узнали о действительных опасностях, грозящих отечеству, мы больше ничего не боимся. (*Аплодисменты.*) По-видимому, план наших врагов состоит в том, чтобы двинуться на Париж, оставив позади себя крепости и наши армии. Но этот поход будет подлинным безумием с их стороны, а для нас самым спасительным проектом, если только Париж осуществит задуманный им великий план.

И право, пока чужеземные орды будут двигаться вперед, наши армии, недостаточно сильные, чтобы их атаковать, окажутся достаточно сильными, чтобы их преследовать, изматывать, перерезать их коммуникации с армиями, расположенными за пределами Франции. И если в каком-либо определенном месте мы внезапно противопоставим им грозный фронт, если храбрая парижская армия атакует их с фронта, в то время как с тыла они будут окружены преследующими их батальонами, то они будут поглощены той самой землей, которую они осквернили своим кощунственным походом. Но эти радужные надежды омрачаются одним обстоятельством, скрывать которое не следует. У наших врагов есть одно сильное средство, на которое они очень рассчитывают: сеять панику. Они сорят золотом, посылают эмиссаров раздувать слухи, распро-

странять тревогу и смятение; а вы ведь знаете, что существует такая низменная порода людей, которые теряют человеческий облик при мысли о малейшей опасности.

Я хотел бы, чтобы можно было отметить эту породу людей с человеческим лицом, но без души, собрать всех их в одном городе, например, в Лонгви, который стали бы называть городом трусов *(аплодисменты)*; соединение в нем этих отбросов природы избавило бы добрых граждан от пагубной чумы, от этих людей, всюду сеющих уныние, расхолаживающих патриотические порывы, принимающих карликов за гигантов, летящую перед эскадроном улан пыль за вооруженные батальоны и всегда отчаивающихся в спасении отечества. *(Новые аплодисменты.)* Пусть Париж сегодня проявит величайшую энергию, пусть противится этим паническим страхам, — и победа вскоре увенчает наши усилия. Герои 14 июля и 10 августа! Это к вам обращаюсь я; да, Собрание может рассчитывать на ваше мужество.

Но почему оборонительные укрепления лагеря, разбитого под стенами этого города, не выдвинуты дальше вперед? Где лопаты и заступы и где все орудия, какими был воздвигнут алтарь Федерации и выровнено Марсово поле? При устройстве этих празднеств вы проявили большое рвение; в бою, без сомнения, вы проявите его не меньше; вы воспевали и прославляли свободу; надо защищать ее. Теперь нам придется низвергать не бронзовых королей, а королей, окруженных мощными армиями. Я требую, чтобы Парижская коммуна согласовала с исполнительной властью меры, какие она намерена принять [7]. Я требую также, чтобы Национальное собрание, которое в настоящий момент является скорее огромным военным комитетом, чем законодательным корпусом, тотчас же послало и ежедневно посылало в лагерь по двенадцать комиссаров, но не для того, чтобы пустыми речами убеждать граждан работать, а для того, чтобы копать землю самим. *(Громкие аплодисменты.)* Ибо теперь не время для речей. Надо копать могилу нашим врагам; иначе каждый их шаг вперед будет могилой для нас».

На трибунах речь Верньо была встречена всеобщим одобрением. По-видимому, в это утро 2 сентября, через три дня

---

5. «Moniteur», XIII, 599; « Archives parlementaires», XLIX, 200; «Procès-verbaux de la Commune», p. 78. Эта прокламация, разумеется, была напечатана и расклеена.
6. «Moniteur», XIII, 600; «Archives parlementaires», XLIX, 200.
7. На утреннем заседании 2 сентября Коммуна приняла ряд постановлений о мерах обороны (создание постоянного военного комитета, реквизиция лошадей и оружия, формирование в каждой секции отрядов вооруженных людей, готовых выступить...). См.: «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 78. С 3 по 15 сентября Париж покинули и отправились на театр военных действий 18 635 человек: артиллеристов, жандармов, гусар и егерей, а также простых волонтеров.

после постановления о роспуске Коммуны, грозившая отечеству опасность примирила Коммуну и Собрание. Великий оратор Жиронды приветствует Париж как центр, как движущую силу национального сопротивления.

Был ли указанный Верньо план обороны предусмотрен Дюмурье? Последний будет маневрировать, чтобы остановить продвижение врага, и преуспеет в этом, проявив поразительную ловкость. Но он, несомненно, предусматривал и случай прорыва, когда он не смог бы остановить вторжение. И тогда у него не оставалось бы иной тактики, как отступить, чтобы затем преследовать неприятельские армии на их пути к Парижу. Все погибло бы, если бы Париж дрогнул. Напротив, все было бы спасено, если бы Париж держался стойко и выступил навстречу врагу, ибо тогда тот был бы зажат в клещи между преследующими его армиями и столицей. Дюмурье, без сомнения, изложил друзьям свои общие тактические планы. И после капитуляции Лонгви, после осады Вердена Верньо, не веря более в возможность сразу остановить вторжение, присоединился к такому плану обороны, при котором первостепенную роль играл Париж. Таким образом, помимо огромной революционной роли, столица должна была, по плану жирондистов, сыграть и огромную военную роль. Как же могли в этот момент не стереться все недоразумения между Парижем и Жирондой?

Когда Верньо осуждал панические настроения, то стремился ли он только укрепить сопротивление чужеземцам? Или же он хотел предупредить ужасные внутренние потрясения, безумие убийств и кровопролитий, на какие толкает страх? О, как могла бы гордиться революционная Франция, как могло бы торжествовать человечество, если бы все сердца и все умы могли проникнуться ясным и пламенным духом великого оратора! Какой славой покрыла бы себя Революция, если бы она смогла возвыситься не только над врагом, но и над внутренними взрывами ярости и жестокой мести, порождаемыми страхом!

РЕЧЬ ДАНТОНА

В сердцах слушателей еще звучала взволновавшая их речь жирондистского оратора, когда на трибуну поднялся Дантон и, как писала газета Карра, раздался его «громовый голос» [8]. Его речь, более краткая, более настойчивая, еще более взволнованная, чем речь Верньо, тоже была человечной и свободной от смутных страстей:

«Господа, для министров свободного народа большое удовлетворение сообщить ему, что отечество будет спасено. *(Аплодисменты.)* Все поднялось, все всколыхнулось, все горят желанием сражаться.

Вы знаете, что Верден еще не во власти наших врагов; вы знаете, что его гарнизон поклялся уничтожить первого, кто предложит сдаться. Одна часть народа направится к границам, другая будет рыть окопы, третья с пиками в руках будет защищать наши города изнутри.

Париж поддержит эти великие усилия. Комиссары Коммуны обратятся к гражданам с торжественным призывом вооружиться и выступить на защиту отечества. Именно в настоящий момент, господа, вы можете заявить, что столица имеет перед всей Францией большие заслуги. Именно в настоящий момент Национальное собрание станет подлинным военным комитетом.

Мы требуем, чтобы вы вместе с нами помогли направить это благородное движение народа, назначив комиссаров, которые окажут нам поддержку в осуществлении этих великих мер.

Мы требуем, чтобы всякий, кто откажется служить лично или отдать свое оружие, карался смертью. *(Аплодисменты.)*

Мы требуем, чтобы гражданам были даны указания для руководства их действиями. Мы требуем, чтобы в департаменты посылались курьеры, дабы осведомлять их об издаваемых вами декретах.

Набат, который должен прозвучать, отнюдь не будет сигналом тревоги; он будет залпом по врагам отечества. *(Громкие аплодисменты.)*

Чтобы их победить, господа, нам нужна смелость, смелость и еще раз смелость — и Франция будет спасена».

Ударить в этот возвещающий тревогу набат, о котором говорил Дантон, решила на своем утреннем заседании Коммуна. И я задаю себе вопрос, не боялся ли Дантон, что он пробудит в сердце Парижа мрачные и зловещие мысли. Мне кажется, что его слова о набате не только прекрасный образ; Дантон старается очистить грозный и печальный колокольный звон, который должен был прозвучать над Парижем, от всего, что могло быть в нем тревожного и гнетущего, сохранив за ним лишь его героический смысл.

Было около трех часов дня, когда пушка на Новом мосту дала сигнал тревоги, который повторили все парижские колокола. Набат довел до исступления патриотизм столицы. Граждане хватались за оружие, поспешно выбегали из домов, читали расклеенные Коммуной афиши [9] и группами, непрестанно нараставши-

---

8. «Moniteur», XIII, 601; «Archives parlementaires», XLIX, 209; Danton. Discours, p. 171. Карра руководил «Annales patriotiques et littéraires de la France».
9. В этот день, 2 сентября 1792 г., на стенах домов Парижа было расклеено много афиш Коммуны. Наиболее важная, перечислявшая «самые существенные меры», принять которые постановила Коммуна, начиналась словами: «К оружию!.. Граждане!.. К оружию, враг у наших ворот». («Moniteur», XIII, 590; Buchez

ми, устремлялись на Марсово поле, чтобы записаться в армию и, если надо, получить там приказ немедленно выступить. Славное движение всего народа!

ИЗБИЕНИЯ [10]

Но пока эти толпы спешили на большую равнину Марсова поля, среди них начали раздаваться зловещие речи:

«Как? Мы уходим, и завтра, когда мы покинем Париж, чтобы отправиться к границе, когда здесь не останется ни одного патриота, в столице будут хозяйничать враги свободы. Разве вы не знаете, что один казненный вчера злодей сообщил, что в тюрьмах подготовляется большой заговор? Да, в тюрьмах. Они сделались логовом аристократов и священников; эти негодяи уже предрекают отечеству скорую гибель. Уже видели, как они подают друг другу таинственные знаки, а после падения Лонгви они так и сияют от радости. Подумать только, что они ускользнули от ожидавшей их участи, что нам обещали отомстить им, а изменники все еще живы! Даже швейцарские офицеры, убившие 10 августа наших братьев, все еще живы и завтра смогут встать во главе заговорщиков! Когда все они — штаб национальной гвардии, швейцарские убийцы, наглые дворяне, неприсягнувшие священники — взломают двери тюрем и провозгласят контрреволюцию в городе, оставшемся без патриотов, мы окажемся зажатыми между внешним и внутренним врагом. Что подумают патриоты в армиях, когда там узнают, что в самом очаге Революции торжествует измена? Нет, нет, надо казнить изменников; если суд трибуналов столь медлителен и робок, то свободу должен спасти суд народа. Всего лишь несколько дней прошло после траурной церемонии в честь жертв 10 августа; но какое значение имеют для них эти пустые обряды, эти внешние символы скорби? [11] Надо за них отомстить, а мы своей трусливой снисходительностью к убийцам, готовым начать все сначала, сделали, напротив, их смерть бесполезной. Отправимся в тюрьмы, и пусть изменники умрут!»

И вот после полудня и вечером 2 сентября группы возбужденных людей устремились к тюрьмам, где содержались контрреволюционеры: к Аббатству и к Консьержери. Они приказывают принести списки арестованных и тут же устраивают суд над всеми заключенными, причастными к событиям 10 августа или замешанными в заговоре двора; затем произносится зловещая фраза: «Освободите его!» [12] А у ворот тюрьмы ждут мстители с пиками; заключенный падает под ударами обезумевшего народа. Бойня продолжалась весь вечер, всю ночь, и порой ярость убийства переходила в садизм, и тела жертв подвергались бесстыдному надругательству. Так, низменные страсти были утолены над трупом г-жи де Ламбаль [13]. Убийцы надели на пику ее голову

и попытались подойти к тюрьме Тампль, чтобы показать этот страшный трофей королевской семье [14]. Избиения продолжались все утро 3 сентября до двух часов дня [15]. Но зачем рисовать во всех подробностях эту мрачную картину? К чему долго рассуждать об этих печальных вещах? Правомерность Революции от этого не уменьшилась ни на йоту. Ибо нельзя судить о совершавшихся огромных социальных переменах по кратковременной вспышке ярости. Но мне не нравятся туманные и трусливые оправдания ее. Несомненно, что это избиение безоружных узников, если оно и объясняется зловещими слухами, встревожившими умы, означало помрачение рассудка и попрание человечности.

Нелепо было предполагать, что после ухода волонтеров в Париже совсем не осталось бы патриотов и что несколько сотен

---

et R o u x, XVII, 407.) По мнению Бюше и Ру, афиши такого содержания появились на улицах в два часа дня.

10. О сентябрьских избиениях написано много работ, например: J. G r e n t e. Les martyrs de septembre à Paris. Paris, 1919; J. H é r i s s a y. Les journées de septembre 1792. Paris, 1945. Мы располагаем единственной серьезной критической работой, а именно: P. C a r o n. Les massacres de septembre. Paris, 1935.
11. Память о погибших 10 августа поддерживалась церемониями, следовавшими одна за другой в течение почти всего августа и возбуждавшими вместе со скорбью жажду репрессий. После восстания по улицам Парижа в течение нескольких дней непрерывно проходили похоронные процессии, всюду вызывавшие гнев толпы. Особенно волнующими были похороны марсельских федератов в секции Марселя, состоявшиеся в воскресенье 12 августа, в 4 часа дня. После погребения всех жертв все еще устраивались манифестации в их память. Каждая секция прославляла своих погибших. Наконец, в воскресенье 26 августа 1792 г., в Тюильри состоялась большая траурная церемония, устроенная Коммуной; эта церемония имела в виду возбудить не только чувство скорби, но и чувство мести.
12. См.: P. C a r o n. Les massacres de septembre, p. 27 (chap. II: «Les tribunaux populaires»). Отметим очень общий характер этого краткого рассказа Жореса. Процедура везде была быстрой, но разной. В зависимости от происхождения обвиняемого, характера дела, настроения судей и публики она варьировала от простого установления личности до краткого допроса и даже до допроса по всем правилам, с обсуждением, которое предшествовало вынесению решения.
13. Для Карона речь идет о «версии, хотя и очень старой, но тем не менее похожей на легенду». (Op. cit., p. 62.)
14. Этот факт спорный. См.: P. C a r o n. Op. cit., p. 61, n. 2. «Показательны расхождения в рассказах об одном и том же событии двух находившихся вместе очевидцев».
15. Избиения начались после полудня 2 сентября 1792 г. в тюрьмах Карм и Аббатства. Вечером 2 сентября или в ночь со 2 на 3 сентября они распространились на три другие тюрьмы: Консьержери, Шатле и Ла Форс. Утром 3 сентября начались избиения в семинарии Сен-Фирмен и в арестном доме для приговоренных к галерам при монастыре бернардинцев. Во второй половине дня 3 сентября то же произошло в башне тюрьмы Бисетр. Наконец, 4 сентября — в Сальпетриер.

контрреволюционеров могли бы диктовать там свою волю. Это нелепое предположение было вызвано страхом, а страх, даже когда он приобретает мрачную форму кровавой жестокости, не является революционной силой. Если бы люди, убивавшие в Аббатстве, в тюрьме Ла Форс, в Консьержери, сохранили хотя бы немного здравого смысла, хотя бы немного душевного равновесия, то в момент просветления они задали бы себе вопрос: прибавляют ли эти избиения сил Революции? И они бы почувствовали, какую дрожь отвращения будут еще долго вызывать эти избиения у человечества. Они также представили бы себе, как под влиянием своего рода болезненной навязчивой идеи партии станут — если можно так выразиться — бродить вокруг мест кровопролития, обвиняя одна другую. Дело опять-таки не в том, чтобы установить, были ли лично достойны уважения люди, по собственному почину взявшие на себя роль судей и палачей. Мне не по душе многие лицемерные защитительные речи современников, восторгающихся «духом справедливости» народа лишь потому, что он пощадил и выпустил из тюрьмы арестованных за долги. Только если бы участники сентябрьских избиений были пьяными скотами, ничего не соображающими, они могли бы спутать политических заключенных, бывших единственными виновниками их тревоги, с беднягами, арестованными за то, что они не заплатили жалованье кормилице своих детей. Это ребячество — ставить им в заслугу подобный «акт правосудия».

Впрочем, повторяю еще раз, вполне возможно, что многие из людей, таким образом трусливо и бесполезно совершавших убийства, были честными, преданными и храбрыми патриотами. Вполне возможно, что они думали послужить Революции и отечеству и были готовы сами пойти на смерть после того, как предали смерти других. Но дело не в том. Речь идет не об их качествах, а об их поступках; поступки же их были вызваны страхом и слепой яростью, порожденной страхом. Именно поэтому они и отвратительны; кроме того, они неразумны, так как в глазах всего мира и истории причинили Революции несравненно больше зла, чем ей могли бы причинить даже выпущенные на парижские улицы заключенные, которых убили.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Какова была в этой довольно отвратительной драме ответственность партий и установленных властей? Признаюсь, что не могу сказать это с уверенностью. Побуждения большинства политических деятелей в тот момент остаются для меня неясными и мало понятными. Несомненно, что Революция ничему не препятствовала; власти, все власти вмешались либо слишком поздно, либо вяло. Революция могла принять меры при первом же извес-

тии об этих избиениях. При желании она могла бы им помешать. Никакого непреодолимого движения не было; сердца воодушевлял священный патриотизм и революционный пыл, и главным предметом ненависти был враг у границ. Виновники избиений были малочисленны, и их было бы легко рассеять и, быть может, даже переубедить [16]. Надо было убедительно разъяснить им замечательные слова Тюрио, приведенные мною выше: «Мы ответственны за Революцию перед всем человечеством» [17].

Предположите на минуту, что, вместо того чтобы время от времени посылать колеблющихся и робких эмиссаров, которые, не будучи в состоянии помешать избиениям, становились их официальными свидетелями, все установленные власти направились бы к тюрьмам. Предположите, что все Законодательное собрание, вся Коммуна, а также и весь Исполнительный совет сообща оказали бы сопротивление проявлениям этой дикой ярости самой малой части народа. Предположите, что Дантон, Робеспьер, Верньо один за другим стали бы взывать к величию и гуманности Революции; оружие выпало бы из рук убийц. Но никаких совместных и решительных мер установленные власти не приняли [18].

Коммуна была извещена первая. Она возобновила свое заседание 2 сентября в четыре часа дня; вот что говорится в протоколе: «Офицер национальной гвардии сообщает [в самом начале], что многие лица были убиты в пути и что народ начинает проникать в тюрьмы.

Совет поручает комиссарам, г-дам Данже, Марино, Джеймсу, Мишони, Легийону, Моннёзу, направиться в тюрьмы, *чтобы взять там под свою защиту лиц, арестованных за неуплату жалованья кормилицам, за долги, а также по гражданским делам* [19].

---

16. См. у Карона главу об организаторах избиений. («Massacres de septembre», p. 103.) «По традиции считается, что виновники избиений или, точнее, исполнители были немногочисленны. Обосновано ли это? Решить это невозможно. У нас нет ни одного документа, официального или официозного, который содержал бы малейшее достойное доверия указание по этому вопросу. Даже современники не знали, какого мнения держаться на этот счёт».
17. Речь Тюрио в Законодательном собрании по поводу учреждения Чрезвычайного трибунала 17 августа 1792 г.
18. Чтобы понять это невмешательство властей, следует взглянуть, что написано о сентябрьских избиениях в «Воспоминаниях женщины из народа» («Souvenirs d'une femme du peuple») «Хотя и содрогаясь от ужаса, на эти действия смотрели как на справедливые». О сентябрьских событиях следует судить, учитывая обстановку революционного кризиса, одновременно социального и национального.
19. Данже — бакалейщик, комиссар секции Попенкур; Марино — художник по фарфору, комиссар секции Пале-Руаяль; Джеймс — преподаватель английского языка, комиссар секции Катр-Насьон; Мишони — продавец прохладительных напитков, комиссар секции Рынка; Легийон — комиссар секции Нотр-Дам; Моннёз — галантерейщик, комиссар секции Плас-Руаяль.

Прокурор Коммуны требует, чтобы каждой секции было предложено вступиться за тех из своего округа, кто находится в заключении по вышеупомянутым делам, а также за военных, арестованных за нарушение дисциплины.

В связи с предложением выпустить из Сент-Пелажи заключенных, находящихся там только за долги и признанных таковыми при проверке тюремных списков, Совет постановляет открыть тюрьму Сент-Пелажи. В виде поправки предлагается выпустить из тюрьмы всех, находящихся там за долги или за неуплату жалованья кормилицам, а также по гражданским делам. Принято».

Итак, совершенно очевидно, что первым движением Коммуны было облегчить положение только заключенных за долги. И уже одним тем, что она не занималась другими узниками, она выдавала их на расправу. Она официально разделила заключенных на две категории: на тех, кого не следовало убивать, и на остальных. Такова была первая мысль Коммуны, и хотя она впоследствии вернется к более гуманным чувствам, но эта ее первая мысль, существовавшая, несмотря ни на что, помешает всяким решительным мерам [20].

Откуда идет это снисходительное самоустранение Коммуны? Неужели она не обладала достаточной широтой души и мысли, чтобы подняться над этими кратковременными взрывами ярости и подумать о гуманности и о будущем? В каком бы возбужденном состоянии она ни находилась, мне кажется маловероятным, чтобы она полагала опасным для Революции предоставить судить этих обвиняемых Уголовному трибуналу, учрежденному 17 августа.

Боялась ли она создать впечатление, что она отрекается от Марата, своего вдохновителя, своего почти официального журналиста, еще 19 августа указавшего народу путь в Аббатство и советовавшего устроить избиения? После 10 августа она так часто обвиняла правосудие в медлительности, а законные власти — в колебаниях, что она не посмела вмешаться, чтобы остановить «суд народа», наконец совершавшийся. К тому же кто знает, не случилось ли бы так, что она, остановив это народное движение, тем самым предала бы его вдохновителей мщению закона? Чтобы остаться безнаказанным, оно должно было победить. А может быть также, несмотря на происшедшее утром кажущееся примирение и лестные излияния Верньо, Коммуна, уязвленная в своем самолюбии, как и в своей власти декретом Собрания, распускавшим ее, была не прочь показать Законодательному собранию, что оно, избавившись от революционной Коммуны, не избавилось от революционного народа. «Оно сокрушило нас; теперь оно испытает, до каких пределов доходят страсти народа, когда они разгораются стихийно, без всякого удержу». Наконец, судя по признакам, о которых сейчас пойдет речь, я полагаю, что в этом народном движении, в этом грозном волнении, вновь смешавшем все понятия законности, Коммуна усматривала повод продлить свою револю-

ционную власть и навязать себя заканчивающему свою деятельность Законодательному собранию и будущему Конвенту [21]. Во Франции как раз происходили выборы; события, казалось, накладывали печать Революции даже на законные власти, создававшиеся в условиях подобного кризиса.

Но Коммуна колеблется. После того как она послала комиссаров для защиты только арестованных за долги, она — если судить по протоколу — как будто опомнилась и подумала, но сколь неуверенно и робко, распространить свое покровительство на всех заключенных! «Назначаются комиссары, которые отправятся в тюрьму Аббатства для защиты заключенных». Несколько ниже —«один из членов [Генерального совета] рассказывает о том, что происходит в Аббатстве; вступившие в армию граждане, боясь оставить свой город во власти злонамеренных людей, не хотят покидать его, пока все негодяи, стрелявшие 10 августа, не будут истреблены».

Очевидно, Коммуна предоставляет событиям развиваться; но, чтобы снять с себя ответственность, «Совет постановляет немедленно направить в Национальное собрание четырех комиссаров для доклада о том, что в настоящий момент происходит в тюрьмах, и о мерах, какие можно было бы принять для охраны заключенных» [22].

Итак, Коммуна хотела переложить на Законодательное собрание бремя ответственности за эти ужасные события. Второе в этот день заседание Собрания началось в шесть часов вечера. Делегация Генерального совета Коммуны явилась к барьеру со следующим заявлением [23]: «Вокруг тюрем собираются толпы, и народ хочет взломать их двери. Тщетно большинство членов Генерального совета Коммуны обращалось к народу повсюду, где уже существо-

---

20. Несколько иной взгляд высказывает П. Карон (op. cit., p. 274): «...Что предпринять? Размышлять времени нет. Прежде всего Совет решает обеспечить безопасность некоторых категорий неполитических заключенных. В то же время он предписывает принять меры, дабы успокоить толпу; они терпят неудачу...»
21. Возможно, что эти политические расчеты сыграли некоторую роль; но мы не думаем, чтобы они были решающими. Большая часть членов Генерального совета в силу их революционного прошлого и тех условий, при которых они получили свой мандат, готовы были если и не одобрить избиения, то, во всяком случае, их оправдать. Выбор между патриотами 10 августа и контрреволюционерами был ими уже сделан, и, особенно вначале, они должны были легко примириться с этим пролитием нечистой крови.
22. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 80; Buchez et Roux. XVII, 364. О позиции Генерального совета Коммуны см. суждение П. Карона (op. cit., p. 277): «Было бы ошибкой считать, что Совет состоял из одержимых и что его политика была лишена осторожности и умения. Изучение его роли приводит к противоположному мнению».
23. «Moniteur», XIII, 602; «Archives parlementaires», XLIX, 216.

вала опасность. Со многими узниками уже расправились. Время не терпит. Народ готов выступить к границам страны, но справедливо обеспокоен намерениями значительного числа лиц, арестованных и обвиняемых в контрреволюционных преступлениях». По предложению Базира, друга Дантона, Собрание тотчас же назначает двенадцать комиссаров [24]. Но я не слышу ни одного возгласа сострадания, не слышу протеста Тюрио. Кажется, что Собрание молчаливо выполняет тягостную формальность. При последних лучах заходящего осеннего солнца комиссары присутствуют при избиении, бессильные помешать ему; старый Дюзо, переводчик Ювенала, возвращается в Собрание [25]: «Депутатам, которых вы послали, чтобы успокоить народ, с большим трудом удалось пробиться к воротам Аббатства. Там мы пытались заставить выслушать нас. Один из нас встал на стул, но едва он произнес несколько слов, как громкие крики заглушили его голос. Другой оратор, г-н Базир, пытался заставить себя выслушать, хитро начав свою речь; но, когда народ понял, что он высказывает неугодные ему взгляды, он заставил его замолчать. Каждый из нас обращался к соседям слева и справа, но миролюбивые намерения тех, кто слушал нас, не могли передаться тысячам собравшихся людей. Мы ушли, и тьма не позволила нам видеть происходящее, но я не могу успокоить Собрание насчет дальнейшего хода этого прискорбного события. Народ возбужден до такой степени, что никого не слушает. Он боится быть обманутым».

И это все. Под покровом темноты избиения продолжались, но Собрание оставалось бездеятельным. Оно позволило совершиться ночному делу. В эти страшные и смутные часы, при общем смятении чувств, почти невозможно проникнуть в сокровенные мысли людей. Быть может, Собранию казалось, что после кризиса 10 августа оно утратило связь с народом и не имело на него никакого влияния. Быть может, оно думало, что отечество, которому угрожал вторгшийся враг, нуждалось во всяких, даже диких, проявлениях энергии и что, подавив эксцессы народа, оно рисковало погасить его порыв. И в то же время я вижу в этом самоустранении прискорбный расчет. Собрание и Коммуна, застигнутые этим ужасным кризисом в самый острый момент своей борьбы, старались переложить ответственность друг на друга. Коммуна, вместо того чтобы действовать энергично, обратилась к Собранию за советом. И некоторые жирондистские политики, несомненно, думали и шептались о том, что надо было бы возложить ответственность на Коммуну. Если она предоставит народу свободу действий, она запятнает себя кровью; если она его подавит, она вступит сама в борьбу с крайними силами, которые развязала. В номере газеты Бриссо от 3 сентября я различаю первую, еще очень осторожную и сдержанную попытку обвинить Коммуну:

«Воскресенье, 2 сентября. Парижский муниципалитет, сознавая опасность, угрожающую отечеству, и с итая своим долгом

предпринять максимальные усилия, чтобы воодушевить граждан, постановил на своем сегодняшнем утреннем заседании ударить в набат, собрать народ на Марсовом поле и сформировать армию в 60 тыс. человек для отправки в Шалон или в любое другое место; *цель этого плана была весьма похвальная, хотя события доказали, что следовало бы проявить больше умеренности...* Образовались многочисленные толпы... среди них какие-то *люди* доказывали, что, прежде чем отправляться на борьбу с внешними врагами, надо избавиться от врагов внутренних; они говорили, что надо напасть на тюрьмы, особенно на Аббатство, где заключены заговорщики. Эта мысль распространилась, и едва успел пробить набат, как часть людей направилась к Аббатству и к тюрьме Карм, где содержались неприсягнувшие священники; там была устроена резня; *жертв* было множество. Мы не можем сообщить никаких подробностей; сообщения должны быть точными, а пока циркулируют разные версии; достоверно только то, что было пролито много крови». Здесь кроется не одно только сдержанное порицание. Газета Бриссо очень осторожно дает понять, что *люди*, находившиеся в толпе, выполняли чей-то приказ. А главное — она явно готовится приписать «резню» (именно это слово употребляет она) неосторожности Коммуны, ее потребности в возбуждающей театральности и внешних эффектах.

На следующий день, 3 сентября, «Патриот франсэ» возвращается к заседанию 2 сентября. И здесь ясно обнаруживается антагонизм, парализовавший все усилия проявить гуманность. Газета пишет: «Через некоторое время комиссары Коммуны сообщают, что множество вооруженных и безоружных людей устремилось к тюрьмам; Коммуна требует, чтобы Национальное собрание пришло ей на помощь. *Что могло сделать Национальное собрание, если Коммуна исчерпала все имевшиеся у нее средства, а если она не исчерпала их, то чего пришла она требовать от Национального собрания*? Представители народа не задавали себе этих вопросов, они послушались лишь замирающего голоса законов и зова гуманности; они тотчас же направили в тюрьмы двенадцать комиссаров.

Нетрудно было предвидеть, каков должен был быть успех этой меры, *продиктованной скорее усердием, чем благоразумием*. Комиссары возвратились в отчаянии от бесполезности своих усилий,

---

24. Базир (1764—1794) — адвокат, член администрации Дижонского дистрикта, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кот-д'Ор.
25. «Moniteur», XIII, 603; «Archives parlementaires», XLIX, 219. Дюзо (1728—1799) — постоянный секретарь герцога Орлеанского, член первой Парижской коммуны в 1789 г., депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от Парижа. Дюзо опубликовал в 1770 г. перевод сатир Ювенала.

скорбя о том, что у них на глазах убивали тех, кого они хотели спасти».

Это, конечно, неверно. Предпринятая Собранием мера не была столь энергичной, как ее описывает Бриссо, и если оно послушалось «замирающего голоса законов и зова гуманности», то с душой, находившейся во власти иных мыслей. Сам Бриссо, в сущности, порицает попытку комиссаров. Он видит в демарше Коммуны только ловушку и хочет, чтобы Собрание, полностью уклонившись от вмешательства, возложило всю ответственность на Коммуну. Итак, пока продолжалось кровопролитие, которое столь долго и столь ужасно использовали против Революции, соперничество партий и людей втайне парализовало душу Собрания. Робеспьер маневрировал, как и Жиронда, действуя против нее.

РОБЕСПЬЕР ОБЛИЧАЕТ ЖИРОНДУ

На том же вечернем заседании Коммуны 2 сентября, когда, подобно зловещим ударам в дверь, то и дело поступали сообщения о новых казнях, выступили Робеспьер и Бийо-Варенн [26]. Но посоветовал ли Робеспьер проявлять милосердие, произнес ли он слова, исполненные гуманности? Нет. В этот кровавый вечер в нем, казалось, молчали все чувства, кроме чувства ненависти. И он вовсе не разделяет ярости народа, обрушившегося на изменников, на пособников королевской власти. Робеспьер обвиняет жирондистов. Среди всеобщего смятения этот человек, терпеливо ведущий подкоп, не теряет из вида своей цели, продиктованной ненавистью. И в то время как народ разит врагов, он старается поразить соперников. У меня перед глазами следующие поразительные строки протокола: «Г-да Бийо-Варенн и Робеспьер, изливая свои гражданские чувства, выражают глубокую скорбь по поводу нынешнего положения во Франции. Они разоблачают перед Генеральным советом заговор в пользу герцога Брауншвейгского, которого одна могущественная партия хочет сделать королем французов» [27]. Это убийственное обвинение он выдвигал против Жиронды. И к чему спорить об именах, которые он произнес, как это делает г-н Эрнест Амель? [28] «Два имени, быть может, три,— говорит Амель,— вырвались у Робеспьера, имена Карра́ и Бриссо; и когда на заседании Конвента 25 сентября Верньо упрекнул Робеспьера — о котором, сказал он, он всегда говорил не иначе как с уважением,— в том, что тот приписал ему, Бриссо, Гюаде, Ласурсу и др. участие в заговоре, разоблаченном на заседании Коммуны в ночь со 2 на 3 сентября, Робеспьер встал и в сознании своей правоты решительно заявил: «Это — ложь». На что Верньо ответил: «Я буду рад опровержению, которое докажет мне, что Робеспьера тоже могли оклеветать». Никто не стал оспаривать опровержение Максимилиана, и из ответа, какой Робеспьер дал

Луве, вытекает, что он действительно назвал только двух или трех лиц, уже изобличенных его коллегами, как не переставших порочить Генеральный совет Коммуны» [29].

Удивительные последствия предубеждения; и какой угодливой софистике позволяет увлечь себя честный историк! Разумеется, Робеспьер назвал всего два или три имени, но среди них было имя Карра, одного из самых активных журналистов Жиронды; было имя Бриссо, считавшегося вождем жирондистской партии. И если Робеспьер после того, как он назвал или когда он называл этих людей, обвинял «могущественную партию», то он обвинял всю Жиронду. Но если бы даже он обвинял только Карра и Бриссо, то в те трагические часы, когда слова могли убить, это поистине было очень серьезно.

В этом вопросе Робеспьер не может оправдаться. 5 ноября [30] он скажет: «Путем гнусного сопоставления осмелились намекнуть, что я стремился поставить под угрозу безопасность кое-кого из депутатов, обвинив их перед Коммуной в те дни, когда происходили казни заговорщиков. Я уже ответил на эту клевету, напомнив, что я перестал бывать на заседаниях Коммуны еще до этих событий, какие мне не дано было предвидеть, как и внезапные и чрезвычайные обстоятельства, которые привели к ним. Нужно ли вам напоминать, что о гонениях, замышляемых против Коммуны двумя или тремя лицами, о коих идет речь, говорили до меня некоторые мои коллеги, что они разоблачали план оклеветать защитников свободы и внести раскол в ряды граждан как раз в тот момент, когда надо было объединить их усилия, чтобы задушить заговоры внутри страны и дать отпор чужеземным врагам? *И что это за чудовищное утверждение, что разоблачить человека и убить его — одно и то же*? В какой республике мы живем, если должностное лицо, высказывающее свободно в муниципальном собрании свои суждения о зачинщиках опасного заговора, рассматривают лишь как подстрекателя к убийству!»

Софизм бросается в глаза: не всегда, но именно в ночь со 2 на 3 сентября подобное обвинение в измене является подстрекательством к убийству. Я не выясняю, действительно ли Робеспьер так редко бывал в Коммуне в этот период, как он изображает.

---

26. Бийо-Варенн (1756—1819) — преподаватель светских наук в коллеже в Жюйи [знаменитый коллеж, основанный ораторианцами.— *Ред.*], адвокат, заместитель прокурора Коммуны после 10 августа 1792 г., депутат Конвента от Парижа.
27. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 81; Maximilien Robespierre. Œuvres. T. VIII: «Discours», p. 457.
28. E. Hamel. Histoire de Robespierre, t. II, Paris, 1866, p. 415.
29. См. ответ, данный Робеспьером Луве в Конвенте 5 ноября 1792 г. (Maximilien Robespierre. Œuvres T. IX: «Discours», p. 77.)
30. «Moniteur», XIV, 390; «Archives parlementaires», LIII, 158; «Quatrième lettre à ses commetants». Éd. G. Laurent, Paris, 1961, p. 52.

Первого сентября он там произнес длинную речь. 2 сентября он там выступал снова. Невозможно представить себе, чтобы его, когда он председательствовал в своей секции Вандомской площади на собраниях выборщиков, избиравших депутатов в Конвент, не держали в курсе всего происходящего в Коммуне. Точно так же он хорошо знал, как сильно Коммуна ненавидела Бриссо и всю Жиронду.

Ведь чуть ли не от имени Жиронды секция Ломбар потребовала роспуска Коммуны, и в сердцах осталось чувство непримиримой вражды. Поэтому, когда Робеспьер, с его авторитетом, начинает уверять этих людей, что Жиронда принадлежит к партии герцога Брауншвейгского, что она хочет возвести на французский трон именно того, кто подписал манифест, требующий уничтожения революционной Франции и Парижа, то он, что бы он ни говорил, оттачивал кинжалы [31]. Как? Народ убивает заключенных, чтобы у себя за спиной не оставить изменников. И он пощадил бы самых злостных изменников — тех, кто, под присвоенным себе и оскверненным именем патриотов, хочет выдать Францию прусскому генералу и еще более усилить порабощение позором поражения? Нет, нет, с ними тоже надо покончить! Достаточно этой мрачной выдумке, которой Робеспьер придает веру и значение, выйдя из Генерального совета Коммуны, распространиться в народе, возбужденном до крайности, и избиения приобрели бы еще более широкие размеры! Обвинение, сформулированное Робеспьером, тяготело втайне к политике Марата: уничтожить одновременно роялистов, фейянов и жирондистов.

Доказательством того, что разоблачения Робеспьера не были безобидными, служит отданное Коммуной на следующий же день распоряжение об обыске у Бриссо. Это утверждает и сам Бриссо в газете «Патриот франсэ» [32]: «Я полагаю, что дал достаточно веские и непреложные доказательства своего патриотизма, чтобы быть вне подозрений; но клевета не считается ни с чем. Вчера, в воскресенье, на меня и на часть депутатов Жиронды, а также и на других столь же честных людей было возведено обвинение. Нас обвинили в том, что мы хотим выдать Францию герцогу Брауншвейгскому, что мы за это получили миллионы и сговорились бежать в Англию. И это меня, вечного врага королей, который не ждал 1789 г., чтобы проявить свою ненависть к ним! Я — сторонник короля! Да я скорее готов тысячу раз умереть, чем когда-либо признать этих деспотов, а тем более — иностранца!

Граждане! Против меня выдвинули обвинение в 10 часов вечера, а в этот час в тюрьмах убивали! Подобное обвинение вполне могло возбудить против меня негодование народа, и оно уже возбудило его. Честные души, полагающие, что, прежде чем поверить и покарать, надо убедиться, потребовали осмотра моих бумаг; и вот сегодня в семь часов утра ко мне явились три комиссара Коммуны. Как депутат, я мог бы возражать против подобного рас-

следования, но, когда отечество в опасности, каждый гражданин, кто бы он ни был, должен по первому же требованию закона открыть все, что у него на уме.

В течение трех часов комиссары весьма тщательно рассматривали все мои бумаги; я предоставил их им с готовностью человека с безукоризненно чистой совестью. Я сожалел лишь об одном — о том, что этот народ, в глазах которого меня оклеветали и который я не перестаю защищать, что весь этот народ не был свидетелем этого испытания.

Вот его результат: «Произведя самое тщательное обследование всех бумаг указанного г-на Бриссо и изучив их, мы, не найдя в них ничего такого, что показалось бы нам направленным против общественных интересов, оставили ему все его бумаги. Подписали: Бертелон, Гермёр, помощник комиссара, Кусто, по прозванию Миньон».

Но какую горечь в душах оставляла эта борьба!

КОНДОРСЕ ЗАЩИЩАЕТСЯ

Кондорсе, первый изложивший положения республиканской философии в то время, когда Робеспьер отказывался от имени республиканца [33], великий Кондорсе тоже был вынужден в этот день 3 сентября доказывать, что он не тайный агент герцога Брауншвейгского. Робеспьер виновен в том, что он способствовал помра-

---

31. Не следует, однако, забывать, что жирондист Карра восхвалял герцога Брауншвейгского в «Annales patriotiques» от 25 июля, как раз в тот момент, когда началось вторжение. Историк Жиронды Гёц-Бернштейн допускает, что Робеспьер был вполне искренен, «так как в Париже, и не только в его партии, но и среди фейянов и в дипломатических кругах, Бриссо уже в течение полугода считали продавшимся Англии». (См.: Goetz-Bernstein. La diplomatie de la Gironde, p. 276, и отзыв об этой книге в «Annales révolutionnaires», 1912, t. V, p. 710.) Добавим еще, что 3 сентября министр иностранных дел Лебрен поручил французскому уполномоченному в Цвейбрюккене Депорту завязать переговоры с Пруссией и высказал ему свое восхищение герцогом Брауншвейгским, этим героем, как он его назвал, который против своего желания вел с нами войну. («Danton et la paix», p. 47.) [*Примечание А. Матьеза.*]
32. «Le Patriote français», № 1121, 4 septembre 1792. Протест Бриссо датирован 3 сентября, он помещен также в «Moniteur», XIII, 622; см.: Buchez et Roux. XVII, 429.
33. Кондорсе, будучи членом файетистского клуба 1789 г., после Варенна думал о республике только с задней мыслью поставить во главе ее «героя Нового и Старого Света». Ранее он выступал против всех народных мер: против отмены дворянских титулов, конфискации имуществ духовенства, Декларации прав, выпуска ассигнатов и т. п. (См. мою статью в «Revue critique», 30 janvier 1905.) [*Примечание А. Матьеза.*]

чению умов в эти трагические дни. Какой славой покрыла бы себя находившаяся под угрозой Франция, если бы в час смертельной опасности она сохранила свой светлый ум, свою стойкость и гордость! Мне отвратительны те, кто похитил у нее эту высшую славу. Мне отвратительны те, кто, помрачив клеветой беспокойные умы, смешал день и ночь в хаосе неопределенности: из этого хаоса сияющая свобода выйдет, волоча за собой мрачные лохмотья глупости и ненависти. Итак, Кондорсе оправдывается. «Мне сказали,— пишет он в «Кроник де Пари» [34],— что меня обвиняют в желании сделать королем Франции или французов герцога Брауншвейгского. Прибавляют, что на этот смехотворный план меня вдохновило английское золото.

Не стану отвечать на обвинение в подкупе: в этом отношении у меня не было даже слабой заслуги в виде отказа, ибо я достаточно известен, чтобы какой-либо министр в Европе мог вообразить, что меня можно купить.

Что касается передачи трона герцогу Брауншвейгскому, то я могу лишь удивляться тому, как можно после высказанного мною в июле 1791 г. мнения о нелепости и опасностях королевской власти подозревать меня сегодня в том, что я верю в великие преимущества перемены династии [35].

Мне об этом иногда говорили, и я всегда отвечал, что эта политическая мера, полезная, быть может, в те времена, когда идея о независимом от воли народа королевском праве еще имела сторонников, была бы лишь опасна в тот момент, когда прогресс просвещения привел к исчезновению этого нелепого предрассудка. И в самом деле, всякая смена династии приводит к появлению претендента, и тогда необходимость бороться против этого претендента, подавлять его сторонников порождает законы, направленные против свободы! И с какой легкостью те, кто защищает права народа, превращаются в защитников свергнутой династии!

Поэтому возможно, что республиканец будет держаться мнения, что следует сохранять правящую династию, пока явная, вполне доказанная измена не сделает удаление ее возможным без больших потрясений, как это случилось в июне 1791 г. и после этого еще раз. Но никогда, и особенно теперь, этот республиканец не захочет новой династии, так как она может быть только средством увековечить королевскую власть. В Англии республиканцы, участвовавшие в Конвенте 1688 г.*, не хотели, чтобы Вильгельм или его жена получили королевский титул.

Я поддерживаю в Англии связь только с двумя или тремя лицами, ревностными сторонниками Французской революции и к тому же чуждыми английскому правительству или настроенными против него. После Революции я перестал писать князю Генриху Прусскому, так как знал, что он не одобрял ее принципов. Я пишу только тем людям, которым могу, не оскорбив их, сказать все, что думаю».

И он закончил так: «Наибольшая опасность этих обвинений не в том, что они обманывают граждан насчет людей, чья преданность интересам народа могла бы быть ему полезной; она заключается в распространении нелепых слухов, с помощью которых стремятся посеять уныние среди жителей пограничных департаментов».

Ответ прекрасный, свидетельствующий о спокойствии и силе: при воспоминании об обширной переписке философов за мглою ярости, на миг окутавшей душу отечества, открываются широкие горизонты XVIII в., полные тихого света. Но какое падение для Робеспьера принудить Кондорсе выступить с этой защитой!

Теперь нам кажется весьма странным, что Робеспьер мог выдвинуть столь нелепое обвинение, и, по правде сказать, я не верю, что он был вполне чистосердечен; мне хорошо известно, что, оказавшись перед выбором между монархией Людовика XVI и еще неведомой и пугающей республикой, многие умы искали промежуточных и химерических комбинаций. Но между этим и обвинением Жиронды в заговоре с герцогом Брауншвейгским лежит пропасть [36].

КАРРА И ГЕРЦОГ БРАУНШВЕЙГСКИЙ

Мне также известно, что жирондистский журналист Карра писал о герцоге Брауншвейгском в загадочных и неосторожных выражениях. Но какой это опять-таки слабый предлог для полного яда обвинения!

Г-н Амель, упорно стремящийся оправдать Робеспьера, восклицает [37]: «Разве недавно один из главных органов Жиронды — «Анналь патриотик» жирондиста Карра — не восхвалял бесстыдно герцога Брауншвейгского как раз накануне появления подписанного им наглого манифеста? И наконец, разве Карра не предложил довольно многозначительно его кандидатуру в качестве короля?»

---

34. «Chronique de Paris», № 260, 5 septembre 1792.
35. 8 июля 1791 г. Кондорсе произнес с трибуны «Социального кружка» речь: «О республике, или необходим ли король для сохранения свободы?»
* Во время «славной революции» 1688–1689 гг. в Англии Конвентом был назван собравшийся в январе 1689 г. парламент, получивший чрезвычайные полномочия, который объявил Якова II Стюарта «отрекшимся от престола» и передал королевскую власть штатгальтеру Голландии Вильгельму Оранскому. — *Прим. ред.*
36. Жорес забывает, что в номере «Annales patriotiques» от 18 мая 1792 г., через месяц после объявления войны, Кондорсе, за своей подписью, выступил с восхвалениями князя Генриха Прусского и герцога Брауншвейгского. Таким образом, мнение Карра не было в жирондистской партии единичным. [*Примечание А. Матьеза.*]
37. E. H a m e l. Histoire de Robespierre, t. II, p. 416.

Здесь поклонение своему герою, по-видимому, одерживает верх над столь честной совестью историка и приводит его к своего рода исторической фальсификации. Г-н Амель знает и должен был бы сказать, что герцог Брауншвейгский в течение многих лет пользовался среди философов и вольнодумцев популярностью, что он слыл за человека широких взглядов, что прошел слух, будто он был против войны и вел ее весьма неохотно. Карра, человек, способный на безрассудные порывы и обладавший чрезмерно пылким воображением, считал ловким ходом, когда война уже началась, разъединить Пруссию и Австрию, делая вид, будто можно рассчитывать на либерализм герцога Брауншвейгского. План, быть может, опасный, но не оправдывающий ни обвинения со стороны Робеспьера, ни инсинуаций его историографа. Амель, без сомнения, намекает на заметку, опубликованную Карра в «Анналь патриотик» от 21 июля. Вот она:

«Несколько кратких замечаний о намерениях пруссаков в нынешней войне. Ничего не может быть глупее, чем верить и хотеть заставить других поверить, будто пруссаки стремятся уничтожить якобинцев, тех самых якобинцев, в которых они видели самых явных и яростных врагов Австрийского дома и неизменных друзей Пруссии, Англии и Голландии. Тех самых якобинцев, которые с самого начала Революции не переставали громко требовать разрыва договора 1756 г.[38] и заключения союзов с Бранденбургским и Ганноверским домами, в то время как писаки из «Газетт юниверсель», направляемые Австрийским комитетом Тюильри, не переставали превозносить Австрию и оскорблять Берлинский и Гаагский дворы.

Нет, эти дворы не столь близоруки, чтобы желать уничтожения якобинцев, придерживающихся столь счастливых взглядов для династических перемен и в случае надобности способных оказать Бранденбургскому и Ганноверскому домам важные услуги против Австрийского дома. Неужели вы думаете, что знаменитый герцог Брауншвейгский не знает, что ему думать обо всем этом, и не видит ясно мелких плутней вокруг его армии Австрийского комитета Тюильри и Венского двора, желающих направить против него все силы французов и перенести очаг войны подальше от бельгийских провинций? Неужели вы думаете, что он позволит Кауницу себя обмануть? Нет, он будет выжидать и бездельничать со своей Кобленцской армией, с этими жалкими хлыщами-князьями и с бывшими дворянами-эмигрантами, пока мы не примем окончательного решения насчет изменников, которым мы доверили исполнительную власть, и насчет разумной политики. Этот герцог Брауншвейгский — самый великий воин и самый искусный политик в Европе, это человек весьма образованный, весьма просвещенный и весьма любезный; быть может, ему не хватает только короны, не скажу, чтобы стать самым великим королем на земле, но чтобы стать подлинным восстановителем свободы в Европе. Если он прибудет

в Париж, то держу пари, что его первым шагом будет появление в Якобинском клубе, где он наденет красный колпак. У герцогов Брауншвейгского, Бранденбургского и Ганноверского несколько побольше ума, чем у Бурбонов и представителей Австрийского дома».

Под этим стоит подпись Карра. И конечно, все это отдает дурным вкусом и детской дипломатией. Жирондисты отличались крайней самонадеянностью. Бриссо завел среди них моду обсуждать вопросы внешней политики, и они говорили о ней с невероятным легкомыслием, искажая или преувеличивая все ее особенности до карикатурности. Мысль, что газетная статья может поссорить Пруссию с Австрией, по меньшей мере смешна. Неуместно и смехотворно протягивать этому неприятельскому генералу какую-то сомнительную приманку в виде королевской власти, даже если война, в принципе объявленная три месяца назад, фактически еще не началась.

Это не значит, что в дипломатических фантазиях Карра не было доли истины, и совершенно верно, что колебания герцога Брауншвейгского могли бы повлиять на весь ход кампании прусской армии. Верно и то, что Дантон, этот проницательный революционный гений, постарается вскоре разъединить Пруссию и Австрию. Но статья Карра походила на фиглярство.

По правде говоря, при более пристальном рассмотрении всех обстоятельств трудно сказать, что предлагал столь бесстрашно Карра герцогу Брауншвейгскому, усердствуя в своем туманном дипломатическом фиглярстве: корону Франции или корону Австрии. Я лично склоняюсь к последнему предположению [39]. Он, по-видимому, давал понять Пруссии, что если она покинет Австрию и эта последняя будет побеждена Революцией, то на габсбургский

---

38. Намек на перемену союзов в результате Версальского договора между Францией и Австрией от 1 мая 1756 г.
39. Снисходительное отношение Жореса побуждает его забыть о том, что 4 января 1792 г. Карра предлагал якобинцам призвать на французский престол английского принца и что это его предложение было лишь повторением его мыслей, высказанных в одной из его статей, появившейся 25 августа 1791 г. Карра неоднократно повторял, что он не считает республику возможной во Франции. В молодости Карра был приговорен судом Макона к двум годам тюрьмы за кражу со взломом; был журналистом, разъезжал по Европе, служил секретарем у господаря Валахии, затем у пресловутого кардинала Рогана, получил от прусского короля крупную сумму за посвящение ему одного из своих сочинений, затем получил от Бриенна место в Национальной библиотеке, писал на разные темы, особенно о финансах, выступая против Калонна; был тесно связан с мнимой баронессой д'Эльдерс, шпионкой штатгальтера. Поэтому многим Жан Луи Карра казался интриганом, авантюристом, способным служить своим пером державам. [*Примечание А. Матьеза.*]

трон взойдет друг Пруссии, герцог Брауншвейгский, укрепив таким образом прусский королевский дом и свободу.

Но, во всяком случае, каков бы ни был смысл этой смехотворной болтовни, невозможно допустить, чтобы Робеспьер, такой недоверчивый и подозрительный, усмотрел в этом серьезный заговор, подлинный план Жиронды заменить Людовика XVI герцогом Брауншвейгским. Через десять дней после этих выкрутасов жирондистского вертопраха, когда действительно появился манифест герцога Брауншвейгского, Карра должен был почувствовать себя сконфуженным, и он постарался вывернуться. Под первым впечатлением от манифеста он сначала лепетал нечто невнятное: «В своей декларации и в своих угрозах герцог Брауншвейгский проявил такую сумасбродную дерзость, что можно подумать, будто это одна игра с целью заставить нас сменить династию» [40].

Карра явно запутался, ибо в чью пользу затевал бы эту смену династии герцог Брауншвейгский, ненавидимый теперь революционной Францией? Затем, 6 августа, новая версия [41]: «У нас есть также веские основания полагать, что Людовик XVI платит прусской армии, выступившей против нас, и что это было одним из условий Берлинского двора, на которых он решился двинуть свои войска. Вскоре будут обнаружены новые мерзости, о которых мы еще не имели представления, и я заранее содрогаюсь при мысли о том, что будет, когда потрєбуют отчета у национального казначейства и заглянут на дно наших касс». Под этим стоит подпись Карра.

Революционно-дипломатический флюгер повернулся. Теперь герцог Брауншвейгский оказался наемником Людовика XVI. Ни одна партия никогда не была столь плодовита на необдуманные и компрометирующие высказывания, как Жиронда; но здесь налицо такая вопиющая непоследовательность, что она должна была бы рассеять все подозрения. В номере «Анналь патриотик» от 13 августа под рубрикой «Германия» помещена еще одна заметка, окончательно лишающая Робеспьера всякого оправдания: «Кроме своего манифеста и дополнения к нему, герцог Брауншвейгский только что опубликовал сообщение о мерах, принятых контрреволюционными кабинетами с целью вернуть Францию под прежнее иго. Прежде всего, на завоевание всей Франции он смотрит как на легкое дело и заканчивает свое романтическое решение мыслью оставить во Франции в качестве постоянного гарнизона шесть австрийских полков, шесть прусских, два пьемонтских, три испанских и несколько отрядов, которых потребуют у курфюрстов. Все эти планы, продиктованные аристократическим сомнамбулизмом, свидетельствуют, несмотря на всю свою смехотворность, о том, что внешние враги Франции сильно рассчитывают на изменников внутри страны. Французы! Будьте бдительны к тому, что происходит вокруг, уничтожайте предателей внутри страны; когда вы очистите от них свою землю, объявите всему миру, что

вы хотите быть свободными, и тираны исчезнут, как и их рабы». Странные приготовления к возведению герцога Брауншвейгского на королевский трон!

В понедельник 20 августа Карра требует, чтобы линейные войска были преобразованы в национальную гвардию и чтобы солдаты выбирали всех своих офицеров вплоть до полковников [42]. «Эта мера,— говорит он,— к тому же вполне справедливая и соответствующая истинному пониманию политического равенства, окажет самое благотворное действие на наши армии и самое устрашающее на армии коалиции тиранов; это будет удар молнии, который, поразив все троны Европы, заставит пресловутого фанфарона герцога Брауншвейгского побледнеть и отступить до Берлина» [43]. Карра преувеличивает; но как мог Робеспьер воспользоваться такими туманными и пустыми словами, некогда произнесенными этим легкомысленным человеком и опровергнутыми столькими противоположными утверждениями, как мог он воспользоваться ими как предлогом, чтобы в жестокий и кровавый вечер 2 сентября рискнуть бросить чудовищное обвинение?

Наконец, в номере газеты от 3 сентября, но в статье, датированной 2 сентября, Карра обращается с горячим патриотическим и революционным призывом ко всем французам, способным носить оружие: «Французы, свободные люди, все те, кто способен носить оружие, все те, кого пламя патриотизма делает в десять раз более сильными и ловкими, чем солдат Франца и Вильгельма, ежедневно получающих по 10 крейцеров и по 100 палочных ударов, спешите возвести грозный пояс укреплений, под защитой которого выстрелами из пушек и ружей, пиками и косами вы прогоните эту стаю волков и бешеных собак во главе с хвастливым Брауншвейгом и наглым Клерфэ [44]. Пусть по-прежнему гремит набат, пусть его звуки еще несколько дней несутся по всей стране от севера до юга, от востока до запада, и пусть он возвестит всему миру о поражении тиранов и полном разгроме их приверженцев. Да, пусть не более чем через месяц это сборище пруссаков и австрийцев, жертв высокомерия и ярости своих безрассудных вождей, исчезнет с лица нашей священной земли!»

Так пылкие излияния Карра, несколько легкомысленные и подчас пошлые, доходят до энтузиазма. И он заканчивает статью непринужденной и широкой картиной, где поднявшаяся свободная

---

40. «Annales patriotiques et littéraires», № 226, 3 août 1792.
41. «Annales patriotiques et littéraires», № 228, 8 août 1792.
42. Робеспьер не мог рассматривать такое предложение, дезорганизующее армию, иначе как еще одно доказательство того, что Карра помогал намерениям врага. [*Примечание А. Матьеза.*]
43. «Annales patriotiques et littéraires», № 233, 20 août 1792.
44. Клерфэ (1733—1798) — австрийский генерал, 18 марта 1793 г. способствовал поражению Дюмурье под Неервинденом.

Франция обладает некой непреодолимой и первозданной мощью великих переселений народов.

Это как бы величественное возвращение к простоте жизни в нарождающемся мире: «Выступая в этот грозный поход, объединяйтесь в роты по сто человек, и пусть каждая из этих рот имеет на повозках запас муки, бобов, фасоли, сухарей (это важно, так как при некоторых обстоятельствах вы можете оказаться без продовольствия); пусть богатые разделят свои запасы и деньги со своими братьями, боевыми товарищами; пусть для похода будут взяты все имеющиеся в стране лошади; пусть лавки и мастерские предметов роскоши будут на это время закрыты и временно прекратится торговля, и пусть вся Франция, ощетинившаяся штыками и пиками, со всех сторон в едином порыве обрушится на эту нечестивую и кощунственную банду чужеземных наемников и всю целиком сметет ее с лица земли! Друзья, выполним в точности эти меры, и мы можем ни на йоту не сомневаться в победе, примера которой нам не сможет дать ни прошлая, ни будущая история».

Поистине, словно первобытные племена чудом приводятся в движение на цивилизованной, богатой, свободной и ласковой земле [45]. Словно мощное и целительное дыхание густых лесов проникает в грудь воинов, и холмы, долины и равнины словно наполняют повозки Революции всеми своими дарами. В то время как Карра в своем воодушевлении доходит до красноречия и поднимается над своими обычными пошлостями, в то время как его сердце бьется в унисон с тревожно гудящими колоколами находящегося в опасности отечества, как раз в эту минуту Робеспьер обвиняет его, его и его партию, как сообщников герцога Брауншвейгского. Я нарочно привел, и это было необходимо, столь многочисленные выдержки, важные тексты, которые, я могу утверждать это, задолго до 2 сентября в корне уничтожили клевету, которую Робеспьер распространил вновь.

Я нарочно показал, и это было необходимо, как г-н Амель, обычно столь скрупулезный в своих цитатах, когда надо защитить Робеспьера, здесь так поверхностно касается их. Но что сказал бы сам Робеспьер, этот великий клеветник, сам столь оклеветанный, если бы как раз в тот момент, когда он насильственно зачислял Карра и Жиронду на службу к герцогу Брауншвейгскому, он узнал, что сам он начинает внушать агентам королевы некоторое доверие? 6 сентября Ферзен пишет барону де Бретёй, что можно надеяться на то, что часть членов революционного трибунала, созданного 17 августа, покинет его состав «*по примеру своего председателя Робеспьера, подавшего в отставку и, кажется, желающего стать меньшим негодяем. Робеспьер этот имеет много сторонников среди якобинцев, и, быть может, удастся использовать эти разногласия* [между Петионом и Робеспьером, причину которых Ферзен искажает]; *но следует делать это с большими предосторожностя-*

ми, чтобы не подвергнуть вновь опасности королевскую семью» [46].

Итак, Робеспьер стал внезапно внушать надежду доверенным людям королевы, потому что, когда он отказался от поста председателя Уголовного трибунала, тем, кто смотрел издалека, показалось, что он не одобряет революционного насилия. Сколько порождающих растерянность и нелепых слухов! Но одним из наиболее нелепых, несомненно, был тот, который на ночном заседании 2 сентября Робеспьер довел до сведения Коммуны. Нет, как бы велико ни было его недоверие, как бы велика ни была его мрачная склонность верить дурному, немыслимо, чтобы он воспринял трагически приведенные мною речи Карра. Нет, это умышленно, обдуманно, ради важного политического замысла бросил он в этот час свое обвинение [47].

ЗАМЫСЕЛ РОБЕСПЬЕРА

Каков был этот замысел? Луи Блан, которому не был известен протокол заседания Коммуны, где записано столь важное выступление Робеспьера, полагает, что на проведении обыска у Бриссо настоял Марат. Он пишет: «Наблюдательный комитет, в котором главенствовал Марат, имел дерзость отдать в этот день распоряжение об обыске у Бриссо, на бумаги которого крайне нагло был наложен арест». Известно, что Марат, введенный неожиданно как раз в этот день, 2 сентября, в Наблюдательный комитет Коммуны, действовал в нем весьма решительно [48]. Вполне вероятно, что мандат на обыск у Бриссо был подписан Наблюдательным комитетом. Но решающее обвинение против Бриссо выдвинули именно Бийо-Варенн и Робеспьер. На следующий день Бриссо открыто возложил ответственность за произведенный у него обыск именно

---

45. Подобное «приведение в движение» было бы, в сущности, нелепым и бесполезным. Оно принесло бы больше зла, чем пользы, вызвав неописуемый беспорядок, выгодный только противнику. [*Примечание А. Матьеза.*]
46. «Fersen et la cour de France», t. II, p. 360.
47. За это обвинение, о котором столь пространно говорит Жорес, желая его опровергнуть, Робеспьер подвергся 24 октября 1792 г. резким нападкам со стороны Бриссо в его памфлете «A tous les républicains de France» (B u c h e z et R o u x. XX, 123), а 29 октября — со стороны Луве, выступившего в Конвенте («Moniteur» XIV, 343).
48. Наблюдательный комитет Коммуны был образован 11 августа 1792 г. и окончательно сформирован 14 и 15 августа. Существуя отдельно от администрации полиции Коммуны, он выполнял функции политической полиции, доверенные муниципалитетам декретом от 11 августа 1792 г. С 15 по 30 августа он состоял из четырех администраторов, среди которых были Панис и Сержан, и еще 15 членов. Марат был туда назначен постановлением от 2 сентября 1792 г. О роли Наблюдательного комитета см.: P. C a r o n. Op. cit., p. 283.

на Робеспьера. И наконец, в речи 5 ноября Робеспьер не отрицает, что он обвинял кое-кого из жирондистов. У него была двоякая цель. Прежде всего он хотел сохранить связь с Коммуной, этой на редкость жизнеспособной силой. В этот ужасный день он не мог остаться в стороне, не навлекая на себя подозрения в равнодушии. В героическую ночь с 9 на 10 августа он уже предоставил Коммуне действовать самостоятельно и одной пойти на риск. Он присоединился к ней только на следующий день после победы [49]. И он с необычайным искусством использовал само это самоустранение, чтобы польстить Коммуне. Это она, она одна спасла отечество; и Робеспьер сумел, так сказать, извлечь пользу из своего отсутствия, чтобы еще усилить революционную гордость Коммуны 10 августа. Какими великими были эти люди, если они обладали заслугами, на какие не мог претендовать сам Робеспьер! Но 1 сентября, все еще осыпая их похвалами, к которым они были весьма чувствительны, поддержав их сильной защитительной речью, принятой ими, учитывая неопределенные настроения общественного мнения, с признательностью, Робеспьер, казалось, заколебался.

Он усомнился в правах Коммуны. Он посоветовал ей подчиниться декрету о роспуске. Таким образом, в конечном итоге он считал ее силой, исчерпавшей себя. Но вот на другой день после издания декрета, нанесшего ей удар, Коммуна проявила поразительную жизнеспособность. Колеблющееся и смущенное Собрание отменило свой декрет. А главное, при первом известии о поражении и о проявленном героизме эта революционная Коммуна, которую считали погребенной под пеплом законности, загорелась вновь подобно великому пламени. Это она взяла на себя, так сказать, руководство национальной обороной. Это она подняла весь Париж. Робеспьер, если бы он не солидаризировался с нею, утратил бы связь с народом, с этой животворной силой. Вот почему Робеспьер поспешил польстить Коммуне, восхваляя ее страстную ненависть к Жиронде. В тот момент, когда вследствие переживаемого отечеством кризиса все подозреваемые в измене или даже в равнодушии были обречены на гибель, он снабдил Коммуну самыми ужасными доводами против Жиронды, якобы сообщницы и прислужницы герцога Брауншвейгского. Он превосходно умел наносить такие полные яда смертельные удары.

Когда Лафайет пал столь низко, когда его презирали и ненавидели, то именно с Лафайетом путем тонких умозаключений и коварных рассуждений связал Робеспьер Жиронду [50]. Теперь Лафайет исчез, и закрывшиеся за ним двери австрийской тюрьмы несколько предохраняют его от непопулярности и озлобления. К тому же жирондисты, проголосовав за декрет о привлечении его к суду, разрубили смертельный узел, которым Робеспьер связал их с генералом-фейяном. Главный предмет ненависти — герцог Брауншвейгский. Значит, надо объединить Жиронду с герцогом Брауншвейгским. Какое более грозное оружие против своих соперн-

ников мог найти Робеспьер? И какую большую радость мог он доставить Коммуне, которую он хотел привязать к себе? Это избавляло его от необходимости определенно солидаризироваться с нею или с ее Наблюдательным комитетом в кровавом деле, совершавшемся в Аббатстве, в Консьержери. Достаточно было его ненависти к Жиронде. Она делала его, так сказать, неуязвимым для событий, ограждала от всякой иной непосредственной ответственности.

Но в этот вечер 2 сентября Робеспьер старался не только связать парижскую Революцию с собой нерушимыми узами, узами общей ненависти. Он думал о будущем. Вновь, как и после 10 августа, и еще смелее, чем 10 августа, Коммуна приобретала облик правительства. Она удвоила свою энергию. Так же как 10 августа она конституировалась, присоединив к части прежнего муниципалитета новые элементы — пылких революционеров, так и в этот день, 2 сентября, она, если можно так выразиться, придала Революции новое дыхание. К ее Наблюдательному комитету перешла почти вся власть, и этот Наблюдательный комитет, включив революционным путем в свой состав Марата, проявлял непреклонное желание окончательно избавиться от опеки Законодательного собрания и подготовить свое решающее влияние на Конвент [51]. Вечером 2 сентября он взял на себя официальную ответственность за избиения в следующей страшной записке:

«Товарищи! Именем народа вам предписывается судить всех без исключения заключенных в Аббатстве, кроме аббата Ланфана, которого вы поместите в безопасное место. Ратуша, 2 сентября. Подписали: Панис, Сержан, администраторы» [52].

Итак, Робеспьер оказался перед лицом нового революционного правительства, которое еще более смело продолжало дело Коммуны 10 августа. И поскольку это правительство возникло

---

49. О присутствии Робеспьера в Якобинском клубе 10 августа свидетельствуют отчеты клуба. Впоследствии Коммуна удостоит его медали борцов 10 августа. [*Примечание А. Матьеза.*]
50. Знаменательно, что жирондисты не отстранили Лафайета сразу после 10 августа и Лафайет в своих мемуарах изображал дело так, будто он даже получил от них заманчивые предложения. Кондорсе писал в дневнике, что Лафайет одобрял свержение короля. Клавьер, временно назначенный военным министром, направил Лафайету письмо, исполненное обходительности. См. мемуары Лафайета (t. III, p. 386 et suiv). [*Примечание А. Матьеза.*]
51. Жорес приписывает слишком много как Наблюдательному комитету Коммуны, так и Марату. О вступлении Марата в Наблюдательный комитет см. критический анализ Карона: P. C a r o n. Les massacres de septembre, p. 284.
52. Панис (1757—1832) — адвокат, член администрации полиции Коммуны 10 августа, депутат Конвента от Парижа. Сержан (1751—1847) — гравер и учитель рисования, член Коммуны 10 августа, депутат Конвента от Парижа. Об этой записке Паниса и Сержана см. критическое исследование Карона: P. C a r o n. Op. cit., p. 289. Карон сомневается в подлинности этого документа, опубликованного 20

в результате первых неблагоприятных известий и первых опасностей, то какую силу обрело бы оно, если бы национальный кризис обострился? Следовательно, отныне Коммуна выступает как решающий элемент Революции независимо от того, окажется ли революционная власть Коммуны увековеченной в определенной форме или же, преобразованная и постепенно введенная в законные рамки, Коммуна будет оказывать лишь прямое воздействие, давление на установленные власти. Этой силе надо было придать политический вес. Ей не следовало ограничиваться только избиением узников. Именно тогда и вмешивается Робеспьер, чтобы извлечь из этой революционной силы Коммуны решающий политический результат. Мне кажется почти несомненным, что в этот момент Робеспьер надеялся на почти полное уничтожение Жиронды; я имею в виду уничтожение ее политического влияния. Он был убежден в том, что она представляла большую опасность для Революции, что она ослабляла ее энергию, которая растрачивалась на никчемные честолюбивые интриги. Он страдал от мысли вновь встретиться с ней, сильной и, быть может, господствующей в будущем Конвенте. Какой ловкий ход, если бы удалось закрыть ей доступ в него! Ведь в тот момент, когда происходили сентябрьские события, выборы уже начались; 26 августа состоялись выборы собраний выборщиков, которые постепенно приступали к выборам депутатов [53]. Если бы кое-кто из вождей Жиронды оказался дискредитированным и замешанным в деле по обвинению в измене, то на всю партию распространилось бы пагубное для нее недоверие. И жирондистские кандидатуры можно будет отвести не только в Париже, но и в провинции. Или если даже собрания выборщиков выберут людей, сочувствующих Жиронде, последние будут вынуждены отречься от нее; таким образом в Конвент придет преданное Робеспьеру большинство.

Когда Наблюдательный комитет на своем дневном заседании 4 сентября дошел до того, что отдал приказ об аресте Ролана, который Дантон отменил, то он, в сущности, только доводил до крайности политику Робеспьера. Едва успел Конвент собраться, как Робеспьер наметил программу действий нового Собрания; в первую очередь он предложил уничтожить Жиронду [54]:

«Граждане! Хотите вы избежать новых ошибок и новых бедствий? Начните с признания перемены, которую последняя революция внесла в ваше положение. До упразднения дворянства и королевской власти интриганы, помышлявшие лишь о том, чтобы разбогатеть на развалинах двора, боролись рядом с друзьями свободы и разделяли с ними звание патриотов. Этим объясняются различные метаморфозы многих людей, чья гражданская доблесть испарялась в тот же момент, как она начинала мешать осуществлению их честолюбивых расчетов. Тогда нация казалась разделенной на две партии — на роялистов и защитников народного дела. *Сегодня, когда общий враг повержен, вы увидите, как те, кого*

смешивали воедино под именем патриотов, неизбежно разделятся на две группы. Одни захотят установить Республику для себя, другие — для народа, в зависимости от существа мотивов, возбуждавших до сего времени их революционное рвение. Первые будут стараться изменить форму правления сообразно аристократическим принципам и интересам богачей и государственных должностных лиц; вторые будут стремиться основать ее на принципах равенства и общественного блага [55]. Вы увидите, что партия первых будет расти за счет всех тех, кто поднимал знамя роялизма, за счет всех дурных граждан, какую бы роль они ни играли до сего времени; в партию вторых войдут только люди честные, искавшие в Революции свободы для своей страны и счастья для всего человечества. Интриганы объявят им войну, еще более жестокую, чем та, какую вели с ними двор и аристократия. Они будут стараться погубить их путем тех же махинаций и той же клеветы; они будут тем опаснее, что они захотят захватить все посты и всю правительственную власть. Что же будет, если они употребят все средства для развращения и обмана общественного мнения?

Сегодня общественное мнение уже не может более распознавать врагов свободы по явным признакам роялизма и аристократии; надо, чтобы оно распознавало их по более тонким признакам — отсутствию гражданских чувств и интриганству. *Оно бы только ошибалось или колебалось в своей пагубной нерешительности, если бы продолжало делить людей в соответствии с прежними наименованиями. В Республике существуют лишь две партии: партия добрых и партия дурных граждан, то есть партия французского народа и партия честолюбцев и корыстолюбцев*».

Итак, Робеспьер не хочет более держаться старой классификации, и даже когда якобинцы рекомендовали выборщикам всех тех, кто голосовал за предание Лафайета суду, то они, по его мнению, применили устаревший способ деления. Среди *патриотов* имеются две группы: те, кто, упразднив королевскую власть, хочет

жерминаля IV г. (9 апреля 1796 г.) в «Gazette française». «Не считая невероятным, что Панис и Сержан написали 2-го вечером эту записку в защиту аббата Ланфана, мы не можем принять приведенный в «Gazette française» текст, ибо он не содержит достаточных гарантий подлинности» (p. 296).

53. Более точно — первичные собрания секций избирали *выборщиков*, которые, образовав избирательное собрание (собрание выборщиков) Парижского департамента, выбирали депутатов: здесь речь идет о двухстепенных выборах. О выборах в Конвент см. ниже, с. 117.
54. «Lettres de Maximilien Robespierre à ses commettants». Édition critique par G. Laurent, Gap, 1961, № 1, p. 17 (II, «Exposé des principes et but de cette publication»). [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. II, М., 1965, с. 52—53. — *Ред.*]
55. Робеспьер подчеркивает здесь глубокие причины антагонизма между монтаньярами и жирондистами. Те же мысли он выскажет снова в своих речах в марте — апреле 1793 г.

расчистить место народу, и те, кто хочет расчистить место для себя. И последние — самые опасные враги нации и *дурные граждане*. При такой четкой, такой решительной концепции, которую Робеспьер не боится излагать в конце сентября, как мог он не попытаться уничтожить могущество жирондистов в начале сентября, когда грозные события, казалось, давали ему средство для этого? Значит, он вполне умышленно, на основании глубоко продуманного плана, направлял против Жиронды с вечера 2 сентября неукротимую силу революционной Коммуны. Робеспьер был тогда согласен с Маратом в том, что жирондистов следует ставить в ряд с фейянами. Он не посягал или почти не посягал на их жизнь, но хотел одним ударом уничтожить все их шансы на захват власти.

План его ни к чему не привел, и Жиронда в целом избегла удара. Жирондисты не были избраны в Париже, но во Франции их влияние оставалось значительным.

МАНИФЕСТ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНЫ

Это произошло не потому, что у революционной Коммуны в сентябре не хватило смелости. Обыск у Бриссо и распоряжение об аресте Ролана — шаги очень смелые. Более того, вечером 3 сентября Коммуна обратилась ко всей революционной Франции с воззванием, в котором она открыто объявила о своем намерении сохранить власть в своих руках ради спасения Революции [56]. Она выдавала себя за проводника воли нации. Она ставила себя даже выше декретов Собрания:

«Можно ли было подумать, что после недавних заявлений самого Национального собрания уже втихомолку замышляются новые заговоры и что они обнаружатся именно в тот момент, когда Национальное собрание, позабыв о своем заявлении, что Парижская коммуна спасла отечество, поторопится распустить ее в награду за ее пламенную гражданскую доблесть. Вызванное этим известием всеобщее негодование заставило Национальное собрание почувствовать срочную необходимость объединиться с народом и, отменив декрет о роспуске Коммуны, вернуть ей полномочия, какими оно ее облекло.

Гордая *полным доверием нации*, которое она будет стараться все более и более заслужить, находясь в центре всех заговоров и готовая погибнуть ради общественного спасения, Коммуна лишь тогда с гордостью сочтет, что она до конца выполнила свой долг, когда получит ваше одобрение, которое является предметом всех ее желаний и *в котором она будет уверена только тогда, когда все департаменты санкционируют* меры, принятые ею для общественного спасения; исповедуя принципы самого совершенного равенства, не находя в этом для себя иной привилегии, кроме при-

вилегии оказаться в первых рядах сражающихся, она поспешит удовольствоваться ролью самой незначительной коммуны в стране, как только нечего будет страшиться.

Предупрежденная о том, что против нее движутся орды варваров, Парижская коммуна спешит сообщить своим братьям во всех департаментах, что часть ярых заговорщиков, содержавшихся в тюрьмах, была казнена народом; эти акты правосудия народ считал необходимыми для того, чтобы, устрашив террором, сдержать легионы изменников, укрывающихся в стенах Парижа, как раз в тот момент, когда он собирался выступить против врага; вне всякого сомнения, нация после длинного ряда измен, приведших ее на край пропасти, поспешит одобрить эту столь полезную и столь необходимую меру, и все французы, подобно парижанам, скажут себе: «Мы идем на врага, и мы не оставим у себя за спиной бандитов, чтобы они уничтожили наших жен и детей» [57].

Подписали: Дюплен, Панис, Сержан, Ланфан, Марат, Лефор, Журдёй, члены Комитета общественного спасения, учрежденного при мэрии» [58].

Этот смертоносный манифест был очень смелым и свидетельствует о больших надеждах, которые питала Коммуна в сентябре. Она действительно сокрушает Законодательное собрание и выступает как подлинная национальная власть. Она стремится создать широчайшую федерацию революционных коммун, действующих подобно Парижской, и обещает им, щадя их самолюбие, что, как только Революция будет спасена, Парижская коммуна затеряется среди множества остальных коммун. Наконец, она пытается толкнуть другие города, другие коммуны на такие же казни, какие были совершены в Париже, чтобы связать их неразрывными узами общей кровавой ответственности. Это, без сомнения, правительство, старающееся упрочить свою власть. Если бы его послушались, то выборы протекали бы под знаком своего рода демократического и патриотического террора и Жиронда, в которую целил Робеспьер, пала бы не в мае 1793 г., а в сентябре 1792 г.[59]

---

56. Речь идет не о воззвании Коммуны, как пишет Жорес, а о циркуляре ее Наблюдательного комитета. Об этом важном документе см. критическое исследование Карона: P. C a r o n. Op. cit., p. 296. Верньо огласил этот циркуляр в Конвенте 25 сентября 1792 г. («Moniteur», XIV, 40.)
57. Этот последний абзац — важнейшее место этого знаменитого циркуляра, вызвавшего ожесточенные нападки Ласурса и Верньо 25 сентября 1792 г. («Moniteur», XIV, 40.)
58. Речь идет о Наблюдательном комитете Коммуны, учрежденном 11 августа 1792 г., в который Марат вошел 2 сентября. См. выше, с. 89, прим. 48. О Панисе и Сержане см. выше с. 91, прим. 52. Ланфан был комиссаром секции Сицилийского короля (впоследствии секция Прав человека). Об этих лицах и их революционной карьере см.: F. B r a e s c h. La Commune du 10 Août, Index.
59. Несомненное преувеличение. П. Карон пишет: «Практически этот манифест не оказал того

ОСУЖДЕНИЕ ИЗБИЕНИЙ

Но этот столь смелый, столь четкий план натолкнулся на три препятствия. Во-первых, как бы далеко ни распространялась эпидемия убийств, кровопролитие почти повсюду внушало ужас. Расправа с узниками из Орлеана, несколько дней спустя перебитыми в Версале, была лишь последним кровавым всплеском этого мрачного волнения, которое уже почти везде утихло [1]. Совершенно верно, что жирондистские газеты осмеливались сначала протестовать против казней 2 и 3 сентября лишь очень слабо. Даже Кондорсе не поддержал протеста и только потребовал, чтобы народ отвлекли от «вспышки мести внутри страны» и направили его усилия к гораздо более великим и более важным целям. Но если те, кого избиения удручали и возмущали, сдержанно и туманно выражали порицание, то даже те, кто их одобрял, испытывали чувство замешательства и беспокойства. Газета Прюдома «Революсьон де Пари» сообщает о них в номере от 1—8 сентября под заголовком «Правосудие народа».

Она объясняет их и оправдывает мнимым заговором в тюрьмах:

«По условному сигналу все парижские тюрьмы в один и тот же час должны были открыться, заключенные при выходе были бы вооружены ружьями и другим боевым снаряжением, которое мы дали аристократам время спрятать, заранее, за несколько дней, объявив о домашних обысках; в тюрьме Ла Форс имелись нужные для этого припасы... Эти банды вырвавшихся на волю демонов, к которым присоединились бы притаившиеся в своих особняках со дня св. Лорана [10 августа] все аристократы, под командованием

офицеров-изменников, посланных в Аббатство, начали бы захватывать главные посты и находящиеся там пушки».

Таковы были первые слухи[2]. Теперь о самих избиениях узников.

«Народ ожидал их [узников] у ворот, чтобы убить их в порядке общественного обвинения. Когда казнь свершалась, раздавались возгласы: «*Да здравствует Нация!*», словно для того, чтобы возвестить, что свободный народ, как и человеческое тело, обязан ради своего политического здоровья отсекать свои пораженные гангреной члены. Кровь лилась, и каждый из тех, у кого было оружие, казалось, оспаривал у другого честь содействовать этому великому акту правосудия... Депутаты ничего не могли поделать. Нечистая кровь изменников отечества лилась и лилась».

Дальше идет настоящая апология:

«Из военных сообщений народу стало известно, что уланы отрезают уши каждому муниципальному должностному лицу, попавшему к ним в руки, и безжалостно прибивают их гвоздем к макушке; неужели в этот момент открытой войны народу непростительно прибегнуть к репрессиям? Ему также известно, что во многих особняках Парижа те из аристократов, которым не удалось бежать после событий 10 августа, проводят время, сидя вокруг небольшой гильотины красного дерева: ее ставят на стол во время десерта и кладут под нож куклы с головами, похожими на наших лучших должностных лиц и представителей; когда голова падает, то из туловища, устроенного, как флакон, льется красная как кровь жидкость; все присутствующие, особенно женщины, спешат намочить платки этой «кровью», которая оказывается приятной ароматной водой; запах ее с наслаждением вдыхают в ожидании времени, когда можно будет проливать потоками чистую кровь патриотов. А еще не хотят предать забвению подробности мщения

действия, какого ждали от него его авторы. Но он должен был оказать другое, непредвиденное и значительное... Противникам комитета этот документ был известен, и они не преминули воспользоваться этим оружием. Они раздобыли его текст, придали ему широкую огласку и с успехом использовали его во время жирондистской кампании осенью 1792 г. Таким образом он надолго приобрел важность, совершенно несоразмерную его первоначальному реальному значению». («Les massacres de septembre», p. 302.)

1. 9 сентября 1792 г. в Версале было убито 44 заключенных, доставленных туда из Орлеана.
2. Нельзя забывать, что вся пресса, даже жирондистская и «Революсьон де Пари» в особенности, способствовала после 10 августа возбуждению народного гнева, помещая соответствующие сообщения. Редактор «Революсьон де Пари» в № 164 (от 25 августа — 1 сентября) рисует зловещую картину того, что произошло бы, если бы не революция 10 августа: Париж был бы занят врагом, на улицах воздвигли бы виселицы, Сент-Антуанское предместье было бы предано огню, жены и дети патриотов были бы убиты...

народа, хорошо знающего, что́ его ожидает, если он снова попадет под иго аристократии!»

Да, это апология, это защитительная речь, но уже чувствуется, хотя после этих событий прошло всего лишь четыре или пять дней, что автор статьи старается изо всех сил и требует, чтобы их предали забвению. Порой, во время его рассказа, кажется, что его беспокоит запах бойни.

«Народ, разместивший один из своих трибуналов последней инстанции у подножия большой лестницы бывшего Дворца правосудия, проявил там ту же доблесть и ту же мстительность; *мостовая двора была залита кровью, гора трупов* являла ужасное зрелище человеческой бойни».

Очевидно, даже у тех, кто защищал дело доведенного до крайности народа, пробудилось чувство ужаса и сострадания, восставшее против ослепления ярости и против всех принципов убийства из патриотизма. Автор статьи сетует на то, что не пощадили чувствительности Парижа:

«Площадь у Моста менял имела такой же вид, что и двор Дворца правосудия: груды трупов и ручьи крови. *Но если народ всецело отдался чувству злобы, то его должностные лица недостаточно следили за тем, чтобы скрыть следы. Они должны были присутствовать при уборке тел и заставить лучше соблюдать правила приличия. Было так просто чем-нибудь прикрыть повозки с трупами и избавить граждан от этого зрелища на протяжении долгого пути, который надо было совершить, чтобы перевезти их — на виду у всех — на кладбище Кламар!*»

Но что это за правосудие, которое надо скрывать! Несомненно, в Париже уже замечалось какое-то нервное потрясение; увлечение убийством сменилось своего рода протестом и отвращением. И в этом была, для Коммуны, причина слабости.

Но что более характерно и на что, если я не ошибаюсь, не указал ни один историк, так это то, что даже Марат осудил сентябрьские избиения или, во всяком случае, сожалел о них. Да, сам Марат, который в номере своей газеты от 19 августа советовал парижскому народу их устроить, а 2 сентября хотел распространить их благодетельное влияние на всю Францию. Не менее двух раз в октябре 1792 г., месяц спустя после сентябрьских событий, он назвал их «пагубными». В номере его газеты от 11 октября (четверг) говорится [3]:

«Прежде чем приступать к рассмотрению бумаг, члены комиссии, обсуждая *пагубные события 2 и 3 сентября*, спросили членов комитета, не погубил ли кто-нибудь из них невинных».

В номере от 14 октября (воскресенье) говорится:

«Клевета под прикрытием ненависти к угнетению и несправедливости — слишком избитое оружие политических мошенников — разнеслась с трибуны Законодательного собрания и из канцелярий Ролана во все концы страны, *чтобы изобразить Парижскую*

коммуну как орду людоедов из-за пагубных событий 2 и 3 сентября» [4].

Пагубные! Это слово, напоминающее гомеровский эпитет, неизменно применялось Маратом к сентябрьским событиям. Кто поверил бы этому? Мне хорошо известно, что в октябре Марат подвергался яростным нападкам. Но сами уступки, какие он делает общественному мнению, свидетельствуют о силе общественного движения против резни, устроенной в Аббатстве и в тюрьме Ла Форс. Весьма поучительно видеть, как теоретик убийства, человек беспощадной системы, который мог оправдаться перед историей только самóй своей непреклонностью, дрогнул перед инстинктивным осуждением милосердных сердец, как он сам смутился среди всеобщего смущения и поддался всеобщему чувству человечности. Мне также хорошо известно, что в своем смущении он не дошел до полного отрицания и 8 ноября, снова отвечая на нападки всех своих врагов, превозносит свою убийственную систему *:

«Но я бросаю им вызов: пусть найдут в моих писаниях что-либо иное, кроме доказательства необходимости отрубить несколько сот преступных голов для сохранения трехсот тысяч невинных голов, пролить несколько капель нечистой крови во избежание пролития потоков чистой крови, то есть уничтожить контрреволюционеров, чтобы спасти отечество; *к тому же я ведь советовал народу совершить казни, охваченный приступом ожесточения, порожденного во мне скорбью при виде того, как законы помогают изменникам и заговорщикам ускользнуть от меча правосудия*. И я призываю своих хулителей отдать эти мои советы на суд мудрых людей, и если я не получу его одобрения, то согласен прослыть людоедом. Да, именно самая чистая любовь к человечеству, самое священное уважение к справедливости заставили меня на несколько мгновений отказаться от философской умеренности, чтобы обрушиться на самых беспощадных их врагов. Отзывчивые и справедливые сердца, к вам взываю я, выступая против этих людей с ледяной душой, которые равнодушно, без всякого волнения смотрели бы, как гибнет род человеческий. Вспышки ярости, испытываемой вами при виде целой нации, увлекаемой в пропасть горсткой злодеев, — вот мое оправдание. И общественное спасе-

---

3. С 25 сентября 1792 г. газета Марата стала называться «Journal de la République française, suite de L'Ami du peuple». Марат сохранял это название до 11 марта 1793 г. С 14 марта 1793 г. вместо нее стала издаваться «Le Publiciste de la République française».
4. П. Карон приводит еще много выдержек в таком же духе из газеты Марата в период с осени 1792 г. до весны 1793 г. («Les massacres de septembre», p. 189.) Одобрение без всякого пыла, к которому с 25 сентября 1792 г. примешиваются выражения сожаления; впоследствии они становятся еще более явными.

* См.: Ж. П. Марат. Избранные произведения. Т. III, М., 1956, с. 181. — *Прим. ред.*

ние, которого всегда достигали эти народные выступления, будет моим единственным ответом на клевету».

Но естественное возвращение Марата к беспощадной теории не может умалить значения сожаления, дважды выраженного им по поводу «пагубных событий 2 и 3 сентября» [5]. Для гордого теоретика это не только падение, возвращавшее ему обыкновенные человеческие чувства. Его сожаления имели и политический характер. Если я не ошибаюсь, Марат в глубине души был огорчен тем, что резня скомпрометировала революционную Коммуну, где он главенствовал. Революционная энергия, проявившаяся 10 августа, наполовину иссякла, но тяжелое положение отечества возродило Коммуну для нового порыва. Быть может, действуя более осторожно и больше считаясь с чувством гуманности, она смогла бы взять в свои руки руководство национальным движением и стать хозяйкой Парижа. Тогда Жиронда погибла бы сразу и без пролития крови, и Франция, руководствуясь безошибочными советами Марата, избавившись от внешнего и внутреннего врагов, вступила бы на путь славы, свободы и мира. Прискорбны избиения, взволновавшие слабых людей и вызвавшие против Коммуны возмущение, порожденное пошлым состраданием! Они помешали осуществлению плана, в котором мысль Марата сочеталась с мыслью Робеспьера. Очевидно, в октябре Марат упрекает себя за эту резню, считая ее промахом, ибо она дала Жиронде и глупо-чувствительным людям столько оснований для резких порицаний, кажущихся справедливыми. Итак, по признанию главного «сентябриста», именно в этом и заключалось первое препятствие, о которое разбились политические чаяния Коммуны [6].

Во-вторых, не подлежит сомнению, что всю Францию быстро охватило недоверие к притязаниям Парижской коммуны выступать от лица нации. Болезненное отношение к этому вопросу монтаньяров, особенно демократов с Юга, таких, как Камбон [7], было по меньшей мере таким же, какое проявляла Жиронда. Наконец, как последствие всего происходившего, над людьми внезапно нависла устрашающая тень диктатуры. Если в Париже повелевает Коммуна, а во Франции повелевает Париж, то люди, господствующие в Коммуне, будут благодаря ей господствовать над Парижем и над Францией. Но ведь влияние Дантона, Робеспьера, Марата на Коммуну огромно. Следовательно, эти три человека, объединившись, будут использовать, как они пожелают, главный рычаг власти. Приближается диктатура «триумвирата» [8].

Законодательное собрание очень быстро поняло, что, взывая к чувству человечности, стремлению людей к безопасности, взывая к чувству недоверия в провинциях и ненависти к диктатуре, оно могло бы взять реванш у Коммуны, снова захватить власть и обеспечить будущему Конвенту широкий национальный авторитет, в котором воплотились бы чаяния всех революционных партий.

ДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Жиронда, которой сыграли на руку ошибки и притязания Коммуны, а также чрезмерная и неловкая клевета Робеспьера, на некоторое время вернула себе все свое влияние. 3 сентября можно было подумать, что в ее руках сосредоточена вся исполнительная власть. Дантон отошел в сторону. Обладая поразительным революционным чутьем, он предвидел, что не утихавшее после 10 августа возбуждение, усугубляемое волнениями после первых поражений и растущей опасностью, толкнет народ на насильственные действия. И 2 сентября он пытался направить всю бурную энергию народа на защиту отечества. Но ему все же не удалось с помощью этого возвышенного отвлекающего маневра помешать избиениям. Он не упорствовал. Он не считал своим долгом революционного министра и патриота вступать в борьбу с этими пошедшими по ложному пути народными силами. Как можно переплавлять колокола, когда они должны бить в набат, возвещая об опасности для свободы?

Итак, он со своей стороны предоставил событиям идти своим чередом и, быть может, в чем его обвиняет г-жа Ролан, даже не оспаривал у Коммуны печати правосудия, которой она скрепила свой убийственный манифест [9]. Но он защищал Ролана и, несомненно, убедил Наблюдательный комитет в том, что последний переходит всякую меру. В ожидании окончания этой мелкой бури, которая, так сказать, сопутствовала великой буре в защиту свободы и отечества, Дантон берег свою популярность и свои силы для борьбы за дело национального спасения.

---

5. Значительно более, чем дважды. См. выше, прим. 4.
6. Здесь Жорес искажает картину. Монтаньяры осудили избиения, но они не ставили под сомнение их политический смысл: это значило бы поставить под сомнение само восстание 10 августа. «Все, что произошло в эти дни революции, восстания, события 2 и 3 сентября прошлого года, было лишь продолжением событий 10 августа; те же причины вызвали те же последствия: не было иного различия, кроме различия в обстоятельствах, а именно: вторжение, наступление врагов извне и измена внутри страны, породившие недоверие и опасения, и еще различие — народные расправы» (доклад Азема в Конвенте от 16 июня 1793 г.). Азема, депутат от департамента Од, был умеренным монтаньяром, ранее жирондистом. Он выражает то мнение о причинах избиений, которое, в общем, было мнением Национального Конвента в июне 1793 г.
7. Камбон (1756—1820) — торговец, в 1790 г. член муниципалитета Монпелье, депутат Законодательного собрания, затем Конвента от департамента Эро.
8. Здесь Жорес повторяет тезис Жиронды, не подвергая его критическому разбору.
9. В письме к Банкалю от 5 сентября 1792 г., во время самих событий, г-жа Ролан называет Дантона «главарем этой банды». («Lettres de Mme Roland», publiées par Cl. Perroud. 1900—1902, 2 vol., t. II, p. 434.)

Во всяком случае, он не растравлял полными яда словами, как это делал Робеспьер, раны, нанесенной чувству гуманности. 7 сентября он вмешался, чтобы запретить направлять в Париж разных лиц, арестованных в его окрестностях, и этим спас их [10]. Он намеревался потребовать предать забвению, полному забвению, все ошибки, всю злобу. Таким образом, он предоставил заботу о восстановлении порядка тем из своих коллег по Временному Исполнительному совету, которые принадлежали к Жиронде.

3 сентября Ролан и Серван обратились оба к Собранию. Ролан, министр внутренних дел, выступал во имя Революции; Серван, военный министр,— во имя национальной обороны. Письмо Ролана, несмотря на некоторый налет подчеркнутого и раздражающего стоицизма, было осторожным и рассудительным. Он не поддался соблазну отомстить Коммуне за длительные мелочные ведомственные раздоры, возникавшие между ними, не стремился уязвить ее. Вначале он изложил разумную и широкую теорию революций, которые в своем порыве, необходимом для уничтожения тирании, не всегда могут сразу остановиться у рубежа, указанного философами. Он достаточно искренне отдал должное Коммуне [11]:

«Временная Коммуна оказала [стране] большие услуги, она не нуждается в подтверждении этого мною. Но я от всего сердца воздаю ей должное. Теперь временная Коммуна заблуждается, продолжая осуществлять революционную власть, которая никогда не должна быть продолжительной, иначе она может стать разрушительной».

Он решительно подчеркнул, что новый Генеральный совет должен быть совещательным, а не исполнительным органом, и старался добиться возвращения исполнительной власти мэру Петиону. О вчерашних событиях он говорил со сдержанной горестью. но иногда в ней чувствовалась угроза:

«Вчера был день, события которого, быть может, следует предать забвению. Я знаю, что народ, грозный в своем мщении, вносит в него и известную справедливость; в своей ярости он не обрекает на смерть всякого, кто попадется ему на глаза; он направляет свой гнев против тех, кого, по его мнению, чересчур долго щадил меч закона и кого возникшая опасность побуждает его немедленно уничтожить.

Но я знаю, как легко негодяям и изменникам употребить во зло эту вспышку, и посему ее надо остановить. Я знаю, что мы обязаны объявить всей Франции, что исполнительная власть не могла ни предвидеть эти эксцессы, ни помешать им; знаю, что долг установленных властей — положить им конец либо признать себя упраздненными. (*Громкие аплодисменты.*) Знаю также, что это заявление вызовет против меня озлобление некоторых подстрекателей. Так пусть же они берут мою жизнь; я хочу сохранить ее только ради свободы и равенства...»

И он закончил призывом к Собранию либо поддержать его, либо принять его отставку:

«Я готов оставаться на своем посту до самой смерти, если я на нем приношу пользу и если меня считают полезным; я подам в отставку и уйду со своего поста, если кто-нибудь будет признан более достойным занимать его или если молчание законов лишит меня всякой возможности действовать».

Собрание ответило ему долгими аплодисментами и криками одобрения. В этом письме Ролан еще сохраняет равновесие. Он, по-видимому, склонен предать забвению печальные вчерашние события и не использовать их в борьбе партий. Но это равновесие неустойчивое, и Ролан явно испытывает искушение сделать избиения орудием полемики против врагов Жиронды.

Серван в свою очередь утверждает, что это враги, внешние враги, сеяли рознь среди граждан, распуская злостные слухи [12]:

«Чего только роковым образом не внушают нам, чтобы ввести нас в заблуждение! К каким только средствам не прибегают, чтобы заставить нас истреблять друг друга! Здесь людей, подписавших какие-то петиции, обрекают мщению народа, там угрожают собственности. В то время как в пограничных департаментах распространяют слухи, будто французский трон предложили герцогу Йоркскому, в Париже говорят, что по воле Собрания на него должен снова взойти Людовик XVI. Париж способствует измышлениям врагов свободы. Поэтому весьма важно немедленно пресечь эти действия и предупредить их последствия.

Итак, я предлагаю Собранию: 1) составить обращение к народу, дабы вывести его из заблуждения насчет всех этих лживых утверждений, и пусть обращение это направят с комиссарами исполнительной власти; 2) пусть Собрание пошлет комиссаров во все парижские секции, чтобы разъяснить им происходящее; 3) пусть Национальное собрание заседает непрерывно, день и ночь; 4) пусть национальная гвардия всегда будет под ружьем, в достаточном числе для поддержания порядка; 5) пусть Париж будет освещен ночью; 6) наконец, пусть декреты, изданные Собранием

---

10. Жорес намекает здесь на Адриана Дюпора, освобожденного по распоряжению Дантона. Но Дантон, услуги которого, как и Дюпора, оплачивались из сумм цивильного листа, спасая своего сообщника, спасал самого себя. По тем же причинам (не из гуманности, а из личной заинтересованности) он добился выдачи Талейрану, Талону и Шарлю Ламету паспортов, которые позволили им бежать в Англию. [*Примечание А. Матьеза.*]
11. «Moniteur», XIII, 611; «Archives parlementaires», XLIX, 265, 270. Речь идет о письме Ролана к Законодательному собранию, в котором он осуждает избиения, но без горячности, признавая наличие смягчающих обстоятельств: «Вчера был день, события которого, быть может, следует предать забвению».
12. «Moniteur», XIII, 610; «Archives parlementaires», XLIX, 265, 270.

по этим важным вопросам, будут обнародованы в торжественной форме».

Почти тотчас же Жансонне предложил от имени Комиссии двенадцати следующий декрет, который был принят без прений [13]:

«Считая, что беспорядок и смута — одна из наибольших опасностей для отечества; что французский народ, исполненный уверенности в успехе сопротивления усилиям всех объединившихся против него врагов, может обречь себя на поражение только в случае, если станет предаваться приступам отчаяния и исступлению достойной сожаления анархии; считая, что минута, когда бы безопасность личности и собственности перестали признавать, была бы минутой, когда частные распри, придя на смену действию закона, дух групповщины, заменивший любовь к свободе, и ярость проскрипций, прикрывающаяся маской ложного усердия, зажгли бы вскоре по всей стране факелы гражданской войны, оставили бы нас беззащитными перед атаками приверженцев тиранов и подвергли бы всю Францию опасностям всеобщего потрясения;

считая, что представители французского народа не напрасно поклялись отстаивать свободу и равенство или же умереть на своем посту; что они должны дать нации отчет во всех предпринятых ими усилиях для сохранения этого драгоценного сокровища; что всеобщее доверие, которым они облечены, является верной гарантией готовности всех добрых граждан присоединить свой голос к их голосам и объединиться с ними для спасения отечества;

считая, что негодование всей Франции и потомков обрушится на всех тех, кто посмел бы сопротивляться власти, которой их облекла вся нация и которую вплоть до тех дней, уже очень близких, когда соберется Национальный Конвент, в первую очередь должны признавать свободные люди;

считая, что наиболее опасными врагами народа являются те, кто стремится ввести его в заблуждение, толкнуть на крайности, порожденные отчаянием, и отвлечь от мер, предписанных для его защиты и способных обеспечить его безопасность;

считая, наконец, что необходимо спешно напомнить населению столицы о его достоинстве, о его характере и об его обязанностях, Национальное собрание декретирует, что дело это не терпит отлагательств.

Национальное собрание, декретировав неотложность, декретирует следующее:

Статья 1. Муниципалитет, Генеральный совет Коммуны и главнокомандующий парижской национальной гвардии обязаны употребить все средства, какие доверием их сограждан предоставлены в их распоряжение, и отдать в подведомственной им области все необходимые приказы для обеспечения личной безопасности и неприкосновенности собственности граждан.

Статья 2. Всех добрых граждан призывают сплотиться более, чем когда-либо, вокруг Национального собрания и установленных властей и содействовать всеми имеющимися у них средствами восстановлению порядка и общественного спокойствия.

Статья 3. Исполнительная власть представит в течение дня отчет о мерах, принятых ею для ускорения отправки войск в различные лагеря, созданные под Парижем, и для укрепления высот, прикрывающих этот город.

Статья 4. Мэр Парижа будет ежедневно в полдень давать Собранию отчет о положении в городе Париже и о мерах, принятых во исполнение настоящего декрета.

Статья 5. Члены муниципалитета, Генерального совета Коммуны, председатели всех секций, главнокомандующий национальной гвардией, командиры ее секционных подразделений обязаны явиться в течение дня к барьеру Национального собрания, чтобы лично принести там присягу защищать всей своей властью свободу, равенство, безопасность граждан и их собственности и, если понадобится, умереть во имя исполнения закона.

Статья 6. Председатель каждой секции потребует такой же присяги от жителей своего округа.

Статья 7. По всей Франции установленные власти принесут ту же присягу и примут ее от граждан.

Статья 8. Настоящий декрет будет торжественно провозглашен и передан комиссаром Национального собрания в каждую из сорока восьми секций».

Сорок восемь комиссаров были немедленно избраны. Я обнаружил в их списке имена наиболее видных жирондистов: Гюаде, Бриссо, Жансонне, Дюко, Ласурс, Верньо, а также имена монтаньяров: Камбон, Тюрио, Ромм — и друзей Дантона: Базир, Шабо.

Луи Блан находит, что декрет Собрания страдал неопределенностью и неясностью [14]. Мне главным образом кажется, что он запоздал. Еще накануне, при первых же известиях об избиениях, Собрание должно было более энергично защищать честь Революции. Но Луи Блан забывает, что Собрание не располагало для того надежными средствами. Кроме того, оно не могло применить насилие против революционного народа. Луи Блан удивляется тому, что Собрание не воспретило более решительно избиения узников, и тому, что оно только в условной форме говорит о посягательствах на личную безопасность граждан. Слишком ясно заговорив о вчерашних убийствах, Собрание было

---

13. «Moniteur», XIII, 610; «Archives parlementaires», XLIX, 275.
14. Луи Блан в своей «Histoire de la Révolution française» (1869, t. VII, p. 171) осуждает формулировки декрета от 3 сентября: его составители пользовались неясными выражениями и обошли слово «тюрьма», которое там следовало употребить «во что бы то ни стало, смело и во весь голос».

бы вынуждено привлечь к ответственности убийц, а оно не могло сделать это, не взбудоражив весь Париж, не создав опасного отвлечения сил к выгоде вторгшегося врага. По-видимому, в этот день, 3 сентября, Собрание полностью исполнило свой долг. Следовало прекратить избиения; но не следовало делать амнистию невозможной.

ВЕРНЬО ПРЕДЛАГАЕТ ОТСТАВКУ КОМИССИИ ДВЕНАДЦАТИ

На следующий день, 4 сентября, Национальное собрание снова проявляет свое упорное намерение не уступать Коммуне и Марату. Этот кризис больно ранил благородную и чувствительную душу Верньо. Он был весьма восприимчив к резким упрекам народа по адресу Комиссии двенадцати, которую он возглавлял. Она колебалась накануне 10 августа и снова сомневалась, не зная, следует ли вступить на путь репрессий. И народ упрекал ее: если ему пришлось поднять восстание и убивать, то не по ее ли вине? Горьким должно было быть разочарование Верньо, когда он узнал об избиениях и о возобновлении Коммуной своих притязаний через несколько часов после его благородной речи, казалось сплавившей воедино патриотизм Коммуны и патриотизм Собрания [15]. Быть может, он задавал себе вопрос, не является ли Комиссия двенадцати, внушающая отвращение наиболее пылким людям из народа, препятствием на пути примирения, и скорее с грустью, чем с горечью, предложил Собранию отставку Комиссии двенадцати [16]. Быть может, также он хотел потребовать, так сказать, новой инвеституры и рассчитывал вызвать протест Собрания против клеветы Робеспьера: «Долг общественного деятеля, когда о нем распространяется клевета и недоверие становится всеобщим, отказаться от своих обязанностей и слиться с толпой. Между тем, господа, о Чрезвычайной комиссии распространяли нелепые слухи, и комиссия достаточно уверена в своей честности и громко заявляет, что она отвечает за свои действия и готова отчитаться в них. Принятые на веру общественным мнением, слухи *эти проникли в Генеральный совет Коммуны* и в парижские секции. В этот момент кризиса, когда высказываются подозрения, ваша Чрезвычайная комиссия считает себя обязанной отказаться от полномочий, возложенных вами на нее, тем более что это не будет опрометчивым шагом».

Верньо, очевидно, имеет в виду слова Робеспьера, обвинившего всю партию Жиронды в замысле возвести на трон герцога Брауншвейгского или герцога Йоркского. И тут Жиронда прибегает к инсценировке всеобщего протеста [17]. Увы! Как разгораются страсти, до какой смертельной крайности доходит соперничество!

Я сказал, что эти августовские и сентябрьские дни были как бы прологом к Конвенту: это как бы увертюра к нему, когда все главные мотивы, все величественные или грозные мелодии, которые вскоре зазвучат во всю ширь, уже были намечены. Ласурс с ожесточением, заставляющим предчувствовать будущую неуравновешенность Жиронды, изобличает виновников анархии. Он обвиняет так открыто, словно называет их по именам, Робеспьера и Марата. «Члены вашей комиссии должны пользоваться уважением общества, а их обвиняют, на них клевещут, их преследуют. Непрерывность выполнения ими своих обязанностей становится предлогом для интриганов. Пора отнять у них этот предлог, приняв отставку, о которой мы вам заявляем. Здесь, с этой трибуны, мы сумеем защитить от интриганов ту свободу, то равенство, те священные права народа, в предательстве которых нас обвиняют. Здесь, с этой трибуны, мы будем ограждать, мы будем просвещать народ, который наглецы толкают на преступление. Здесь, с этой трибуны, мы будем бороться с тем кровожадным тираном, который нам угрожает политической смертью, анархией. Здесь, на этой трибуне, среди коллег, уважающих нас, мы будем ждать смерти от меча свирепых победителей, которым наши обвинители продают отечество и вместе с изменниками открывают ворота страны» [18].

Какая суетная горячность! И какое высокопарное легкомыслие, которое впоследствии погубит ее, уже теперь проявляет Жиронда! Отставка Комиссии двенадцати была нелепостью, если она не была попыткой примирения, залогом умиротворения. Между тем она подает в отставку с проклятиями. Не прошло и суток с тех пор, как министр — друг Жиронды говорил: эти события, пожалуй, надо предать забвению. А Ласурс с трибуны воскрешает их в памяти, рисуя в кровавых красках; он произносит против главных действующих лиц непоправимые слова. Что за непоследовательность, что за безрассудство!

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ КАМБОНА ПРОТИВ КОММУНЫ

Но Камбон не признает этих театральных жестов. Он не принадлежит к Жиронде, однако ему ненавистны притязания Коммуны и он хочет, чтобы Собрание ответило на них, оказав поддержку Комиссии двенадцати. Его речь отличается крайней

---

15. О речи Верньо от 2 сентября 1792 г. см. выше, с. 67, прим. 6.
16. «Moniteur», XIII, 618; «Archives parlementaires», XLIX, 338.
17. «Со всех концов зала требуют перейти к повестке дня». («Moniteur», XIII, 618.)
18. «Moniteur», XIII, 618; «Archives parlementaires», XLIX, 338.

резкостью и представляет большой исторический интерес, так как это уже не жирондистская клика, а вся революционная Франция Юга протестует устами Камбона против притязаний Парижской коммуны на захват власти [19].

«Господа! Чрезвычайная комиссия просит вас обновить ее состав. Национальное собрание уже отклонило это предложение; сегодня члены Комиссии вам говорят: нас оклеветали в Коммуне, в секциях; мы не можем быть полезны отечеству. О господа! Неужели вы не понимаете, что, после того как членов комиссии оклеветали в комитетах, их будут преследовать вплоть до трибуны [Собрания]? Неужели вы не видите, что хотят дискредитировать, что хотят погубить истинных друзей свободы? Пора наконец, чтобы вы действовали, как того требует положение.

Пора нам отказаться от этой беспечности или осторожности, каждый день ставящей под угрозу общественные интересы, пора нам сказать, хотим ли мы сохранить полномочия, которыми нас облек французский народ, *или же мы уступим власть, суверенитет Парижской коммуне.*

Если все французы должны подчиняться ее законам, то будем иметь мужество покориться; положим голову на плаху, как поступали в Риме; мы заслужим это. Но если в душе у нас еще живо повелительное чувство долга, если мы сохранили еще какое-то представление о священном характере полномочий представителей Франции, то восстанем еще более открыто против посягательств, с помощью которых их хотят заставить признать себя виновными. Членов вашей комиссии, людей, чье усердие и дела оправдали ваше доверие, обвиняют, на них клевещут, и они хотят подать в отставку. Отдавая им должное, я был против новой организации, которую они предложили вам некоторое время назад, так как не считал эту форму совместимой со свободой; но я не хотел, не считал возможным их обвинять. Основания, какими я руководствовался тогда, те же, что и сегодня. Во имя свободы и независимости нации мы не примем эту отставку; будем презирать и научим наших коллег презирать этих трусливых клеветников, эти низкие происки интриганов, которые будут легко расстроены вашей твердостью и ясно выраженной волей нации. (*Аплодисменты.*)

Они, члены этой комиссии, говорят вам, что не могут долее выполнять свои обязанности, в связи с которыми против них выдвигают обвинение, и прибавляют, что будут отстаивать интересы своих доверителей с этой трибуны. Нет, господа, если вы уступите клеветнику, преследующему их в комиссии, то он будет преследовать их и на трибуне, и во что же превратится тогда народное представительство? Что станет со свободой, равенством? Я дрожу за судьбу своего отечества, *я уже слышу шепотом произносимые слова о протекторате, о диктатуре, о триумвирате.* Францию обрекают на все раздоры, вызываемые борьбой

честолюбий, на все ужасы анархии. Я вижу, как поднимается призрак, который, упразднив королевскую власть, неустанно говоря о народе, уничтожит в свою очередь и царство счастья и равенства и будет признавать только месть; и тогда этот народ будет тщетно звать нас на помощь; нам только останется вместе с ним проливать слезы. (*Громкие аплодисменты.*)

Однако те, кто надеется довести Францию до этого предела бедствий, ошибаются. *Если Париж станет добычей этих людей, более кровожадных, более преступных, а главное, более подлых, чем враги, осквернившие наши пограничные земли и убивающие там мирных пахарей вместе с их женами и детьми; если эти презренные клеветники благодаря нашей слепоте и слабости станут свирепыми властителями, то — поверьте мне, господа! — благородные граждане Юга, поклявшиеся сохранить свободу и равенство в своей стране, придут на помощь угнетаемой столице.*(Громкие аплодисменты.)

И право, в моих родных местах, в южных департаментах, живут французы, горячо преданные свободе. Я говорю о марсельцах, об этих благородных патриотах, которые, узнав, что двор готов погубить отечество, бросились в Париж, чтобы потребовать упразднения королевской власти, и 10 августа подали нам столь прекрасный пример отваги. (Аплодисменты.) *Так вот, господа, они доверяют своим депутатам, и если бы, к несчастью, свобода оказалась побежденной и они были бы вынуждены отступить, не имея возможности обрушить на новых тиранов свою ненависть, свою жажду мести и смерти, то я не сомневаюсь в том, что они устроили бы у своих неприступных очагов священное убежище для несчастных, которым удалось бы избежать секиры французских Сулл.* (Дважды повторяющийся взрыв аплодисментов.)

Свою речь я заканчиваю предупреждением тем развращенным агитаторам, тайная цель которых состоит лишь в одном — добиться своего избрания в Национальный Конвент. (Аплодисменты.) *Я скажу им: вы можете вводить в заблуждение народ и восстанавливать его против Национального собрания, но берегитесь; вы стремитесь занять место этих представителей народа; поверьте, завтра появятся другие интриганы, которые в свою очередь сбросят вас и с лихвой заплатят вам за все зло, которое вы причинили своим предшественникам.* (Громкие аплодисменты.) *Наше отечество терзают интриганы, бунтовщики; может быть, пруссаки платят им за то, чтобы все дезорганизовать* (аплодисменты), *и, когда они заставят нас истреблять друг друга, они захватят наших жен, наших детей, наших стариков; они бросят их в оковы и разграбят наше имущество. О господа, предупредим эти бедствия, пресечем эти злодеяния, сохраним свое достоинство и перейдем к обсуждению очередных вопросов».*

---

19. «Moniteur», XIII, 618; «Archives parlementaires», XLIX, 338.

Собрание и часть посетителей на трибунах возгласами высказали свое одобрение Камбону. Какое озлобление! Впервые в речах деятелей Революции проскальзывает забота о самосохранении. Порыв ветра от взмаха «секиры Суллы» коснулся их чела. И словно печальные призраки, чьи очертания вырисовываются перед воспаленным взором, взаимные обвинения приобретают более определенную форму. Робеспьер и Марат, сосредоточившие всю власть в руках Коммуны, где они господствуют, вызывают подозрение в стремлении к диктатуре. Камбон, противопоставляя марсельских федератов, участвовавших в событиях 10 августа, Коммуне 10 августа, требуя от Юга предоставления «неприступного убежища» для оказавшихся под угрозой представителей, подтверждает обвинение в федерализме. Взаимные клеветнические выпады заостряются как ножи, и души переполняются героизмом, страданием и ненавистью. Люди сильны и будут делать свое дело. Но они будут его делать, терзая, ненавидя и убивая друг друга. Пусть судьба и наше благоразумие оградят пролетариат от этих насильственных форм Революции! В головах, в сознании всех этих людей, которые падут жертвами взаимных проскрипций, уже в сентябрьские дни 1792 г. вырисовывается чудовищно искаженный образ вчерашних друзей, нынешних соперников и завтрашних убийц.

КОММУНА ПЫТАЕТСЯ ПРЕКРАТИТЬ ИЗБИЕНИЯ

Очевидно, 4 сентября революционная Коммуна и ее Наблюдательный комитет потерпели поражение. Они более не могут подчинять себе Собрание, распространить сентябрьский террор на всю Францию и уничтожить в зародыше жирондистские кандидатуры. Генеральный совет Коммуны отмежевывается от своего Наблюдательного комитета, не выражая ему, однако, своего неодобрения. Прежде всего он пытается прекратить избиения. На вечернем заседании 3 сентября «секция Нового моста требует от Коммуны назначения комиссаров, чтобы положить конец мщению народа, желающего убить привратника тюрьмы Консьержери, г-на Ришара» [20]. Коммуна постановляет выпустить воззвание о необходимости предоставить «наказание виновных законному суду». А главное, Коммуна явно склоняется перед декретами Собрания: «Секретарь оглашает [опять-таки на вечернем заседании 3 сентября] принятый накануне декрет Национального собрания об организации Генерального совета, предусматривающий, что упомянутый совет будет состоять из 288 членов, не считая муниципальных служащих, мэра, прокурора Коммуны и его заместителей». Не возникает никакого протеста. «Совет заслушивает чтение декрета, в котором говорится, что Генеральный совет и муниципалитет немедленно

представят отчет о положении в Париже. Для этой цели совет назначает комиссаров». Итак, это было полное подчинение решениям Собрания. Наконец, прежде чем разойтись, «Генеральный совет, *сильно встревоженный и взволнованный жестокими средствами, применяемыми против узников*, выбирает комиссаров, чтобы успокоить возбуждение и вернуть к истинным принципам тех, кто, возможно, был введен в заблуждение; кроме того, он решает, что их будут сопровождать два конных жандарма и что они смогут прибегать к вооруженной силе» [21].

Постановление — вполне определенное, но в нем сквозит волнение. Петион, находившийся с 10 августа в зависимом положении и, как печальная, немая тень, сопровождавший делегации Коммуны в Собрание, вновь обретает голос и власть. Именно он ежедневно лично или письменно осведомляет Собрание о положении вещей, заверяет его в том, что умы успокаиваются, что все сердца обращены против общего врага, чужеземцев. И чувствуется, что в этой роли Петион вновь расцветает, подобно тому, как цветок, долго прозябавший в тени, раскрывается навстречу солнцу. В его удовлетворенном тщеславии есть какое-то неизменное умиление.

4, 5 и 6 сентября Коммуна, проявляя скорее благие намерения, чем энергию, вновь пытается противодействовать избиениям. 4 сентября «совет, глубоко огорченный известиями, которые ему опять доставили из Аббатства, посылает туда двух комиссаров, чтобы восстановить спокойствие. Прочитав письмо одного комиссара, посланного в тюрьму Ла Форс, совет направляет еще шестерых комиссаров, чтобы они постарались остановить карающую преступников руку мстителей» [22].

Коммуна, по-видимому, не хочет или не смеет принять решительные меры. Но видно также, что она не старается отделаться принятием постановлений; она страдает от своего бессилия. 5 сентября Коммуна «постановляет, что узники тюрьмы Ла Форс, содержащиеся в настоящее время в Сен-Луи-де-ла-Кюльтюр, будут переведены в тюрьму Сент-Пелажи. Для этой цели совет назначает комиссарами господ Бодуэна и Лекамю; их будет сопровождать вооруженная сила». Перевести полностью всех узников оказалось невозможным, так как 6 сентября «совет заслушивает письмо г-на мэра, сообщающего, что в тюрьме Ла Форс казни продолжаются. Совет посылает за г-ном мэром, приглашая его прибыть в ратушу, чтобы обсудить средства прекратить вызванное ими возбуждение. Кроме того, совет постановляет выпустить прокламацию по этому поводу». И вскоре после этого

---

20. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 87.
21. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 88—89; Buchez et Roux. XVII, 391—396.
22. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 91; Buchez et Roux. XVIII, 255, 256.

«господа члены совета, с г-ном мэром во главе, отправляются в тюрьму Ла Форс, чтобы призвать граждан к исполнению закона, охраняющего неприкосновенность личности и собственности граждан» [23].

Движение за возврат к гуманности, к милосердию столь сильно, что член Наблюдательного комитета Сержан (один из тех, кто 2 сентября подписал распоряжение «судить всех заключенных Аббатства») старается оправдаться [24]. В четверг 6 сентября, на вечернем заседании Генерального совета Коммуны, «г-н Сержан указывает на гнусные средства, к каким прибегают, чтобы оклеветать народ; он рисует его доброту, великодушие, справедливость; *он жалуется на распространение диких слухов об ограблении магазинов и домов богатых людей*. Он пространно говорит о том, что народ дал доказательства своего уважения к собственности; он высказывает мысль, что, для того чтобы сделать кого-нибудь добродетельным, надо показать, что готов поверить в его добродетель; он закончил требованием, чтобы Генеральный совет опубликовал прокламацию, которая, дав народу почувствовать его добродетели, заставит его опасаться их запятнать. Ему поручают составить эту прокламацию и тотчас же представить ее в совет» [25]. Правда, Сержан хочет предостеречь народ Парижа главным образом против всякой мысли о «грабеже», против всякого посягательства на «собственность»; но если он обходит молчанием избиения, если он уклоняется от порицания или осуждения их, то он также и не рискует их восхвалять. И его молчание уже является своего рода осуждением. Умеренная часть Коммуны не захотела оставить за Наблюдательным комитетом преимущество, которое тот завоевал бы, давая благоразумные советы, и 7 сентября «г-н мэр сообщает, какими средствами пользовались враги общественного блага, чтобы заставить смотреть с ужасом на граждан Парижа. Он уверяет, что враги эти распространяют проскрипционные списки с целью напугать население этого огромного города и изгнать из него всех иностранцев. Он предлагает составить обращение к 82 департаментам с изложением принципов, какими руководится огромное большинство граждан, и официально заверить, что ко всем людям и к отдельным лицам в этом городе всегда относились с уважением. Это предложение встретило сильную поддержку и вызвало аплодисменты; *единогласно* постановили поручить составление этого обращения г-ну мэру» [26].

Это было ответом на воззвание от 3 сентября, которое от имени Наблюдательного комитета, или Комитета общественного спасения, Марат, Сержан и Панис направили всем коммунам Франции [27]. В течение четырех дней, по-видимому, происходит полная перемена, и от крайних революционеров власть в Коммуне переходит к умеренным. Более того, вернув Петиону господствующее положение, Коммуна как будто возвращается к по-

ложению, существовавшему даже до 10 августа, и отдает всю власть старому, «законному» муниципалитету. Таковы последствия реакции, наступившей после избиений 2 и 3 сентября [28].

В ряде случаев Коммуна кажется озабоченной тем, чтобы умерить народное движение. 6 сентября «секция Санкюлотов просит разрешения снять решетки приходской церкви Сен-Медар для изготовления пик. Совет не обсуждает этого вопроса и переходит к очередным делам, мотивируя это тем, что церкви, оставленные для отправления богослужения, останутся в том состоянии, в каком они находятся» [29].

Впечатление умеренности, умиротворения, какое производила тогда Коммуна, было столь велико, что в нее стали поступать предложения всеобщей амнистии. Все граждане Парижа, подписавшие знаменитые петиции 20 тыс. и 8 тыс. в связи с событиями 20 июня и против создания лагеря под Парижем, после 10 августа были поставлены как бы вне закона. Во всяком случае, на них не распространялось обычное политическое право, и они были поставлены в положение пассивных граждан как раз в тот момент, когда прежнее различие между активными и пассивными гражданами было упразднено. Они не допускались к голосованию в секциях. Им запрещалось участвовать в первичных собраниях. И вот, вечером 4 сентября, в атмосфере сострадания, наступившей после ужасов 2 и 3 сентября, в Коммуну вносится предложение «забыть антигражданское поведение 20 тыс. и 8 тыс. петиционеров и *смотреть на них как на братьев*». Коммуна нашла, что ее хотят чересчур далеко увлечь по пути примирения и снисходительности, и постановила перейти к рассмотрению очередных дел, «мотивируя это тем, что хорошо сохранять в сердцах всех граждан уважение к собственности и неприкосновенности личности, а не слепо брататься с людьми, не жалея сил проповедовавшими роялизм, или предаваться вредной

---

23. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 94, 96; Buchez et Roux. XVIII, 264, 265. Бодуэн — комиссар секции Арси; Камю (а не Лекамю) — комиссар секции Май.
24. О Сержане и об этом распоряжении см. выше, с. 91, прим. 52.
25. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 97; Buchez et Roux. XVIII, 266. См.: F. Braesch. La Commune du 10 Août, p. 531. Эта прокламация была опубликована и расклеена.
26. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 100. Это обращение к департаментам не было найдено.
27. См. выше, с. 94, прим. 56.
28. Социальный страх и вызванная им реакция обнаружились сначала среди имущих, собственников и коммерсантов. Начиная с 4 сентября 1792 г. некоторые секции поспешили явиться к барьеру Собрания, чтобы принести клятву, предписанную декретом от 3-го числа, уважать «безопасность граждан и их собственности».
29. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 96; Buchez et Roux. XVIII, 266.

терпимости, которая могла бы нанести ущерб общественным интересам». Великий урок для тех, кто верит в то, что кровопролитие приносит пользу революции! Первый его результат — это, так сказать, распространение чувства жалости, быстро переходящего за пределы, которые диктуют благоразумие и осторожность. Новая попытка была сделана 6 сентября. «Секция Май просит совет предать забвению списки подписавших антигражданские петиции и смотреть на этих граждан как на братьев. Генеральный совет переходит к очередным делам, мотивируя это тем, что опасно включать в число патриотов граждан, чья гражданская доблесть до 10 августа была более чем сомнительна» [30]. Но «члены депутации были приглашены присутствовать на заседании в качестве гостей», следовательно, шаг этот не был признан преступным. Да и в самой Коммуне наступило великое умиротворение. Она чувствовала потребность в братстве, в забвении, в мягкости.

ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНЫ [31]

И словно для того, чтобы открыть перед народом славный путь великих свершений, Коммуна вся целиком берется за дело национальной обороны. 3 сентября она призывает всех граждан департаментов присоединиться к гражданам Парижа и направиться к границе. За проявленную небрежность она отзывает членов своего Военного комитета. Она взывает к добровольной самоотверженности, отвергает принудительный набор и жеребьевку и полагается на гражданскую доблесть и военную отвагу Парижа. С 3 по 22 сентября она поручает секциям составить списки всего оружия, имеющегося у оружейников и позолотчиков, и установить на него цены, изучив счета. Она резервирует для национальной обороны возможно большее число рабочих, в которых была тогда нужда повсюду, и постановляет, «что строительные работы будут прекращены, когда это окажется необходимым, а снятые с них рабочие будут получать на оборонительных работах ту же плату, какую они получали на своих прежних местах». Коммуна отправляет на изготовление пик железные решетки закрытых церквей и железо, имеющееся в тюрьме Тампль; она обязывает всех граждан доставлять железный лом в Арсенал и в Дом инвалидов, где его использовали для изготовления артиллерийских зарядов. Она договаривается с министрами относительно производства пушечных лафетов. Она предписывает комиссарам секций отправиться «к лавочникам и ко всем торговцам охотничьими принадлежностями, чтобы получить от них дружескую декларацию о количестве пороха и свинца, имеющемся в их лавках». Она обращается к парижским женщинам, к работницам с полным величия призывом: «Гражданки! Ге-

неральный совет Коммуны полагает, что ваш патриотизм не должен пропадать втуне; вы, вместе со всеми гражданами, захотите своим трудом содействовать спасению нашего общего отечества. Для лагеря под Парижем нужны палатки; эти палатки еще не изготовлены; время не терпит; ведь вы не откажетесь ускорить обеспечение безопасности столицы? *Защищать вас поручено гражданам, а вам мы предоставляем славное преимущество содействовать этой защите; поспешите в наши церкви, идите туда работать, изготовлять лагерное имущество; это будет для вас возможностью действенно послужить отечеству, облагородить ваш труд и вместе с нами содействовать общественному спасению*» [32].

Коммуна собирает в ратуше все ружья, найденные при обысках в домах; она увозит из церквей свинцовые гробы, чтобы переплавить их на пули [33]; она раздает секциям сотни квинталов железа для изготовления пик; она приказывает перевезти в ратушу 20 тыс. пар башмаков, находившихся на складах в Сен-Дени, чтобы организовать их распределение. И, опасаясь, как бы рабочая сила не была отвлечена от работ по общественному спасению спросом на рабочие руки, который был велик повсюду, она как бы передает парижских рабочих в распоряжение отечества: «Слесарям, тележникам, сапожникам, кузнецам и другим рабочим профессий первой необходимости предлагается оставаться в Париже, пока звучит набат, возвещающий об опасности для отечества». Коммуна вотирует субсидии для вооружения волонтеров. С ее стороны это огромные патриотические усилия, благородные и планомерные.

Можно сказать, по улицам Парижа веет сильный и благодатный ветер, уносящий запах крови. Как бы желая покончить с тяжелыми воспоминаниями, Коммуна решает, что все вещи, принадлежавшие узникам,— белье, драгоценности — будут переданы их наследникам и имеющим на то право. И наконец, желая подчеркнуть, что кризис миновал, что возобновятся обычные мирные торговые сделки, она открывает заставы и решает, что со среды 12 сентября «Биржа будет открыта для всех купцов,

---

30. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 98; Buchez et Roux. XVIII, 268. Если Генеральный совет Коммуны и намеревался решительно воспрепятствовать попыткам беспорядков и грабежей, то он не был расположен идти дальше. В ряде секций, и в том числе в секции Май, брала верх реакция и намечалась коалиция между сторонниками жирондистов и остатками партии фейянов. Отсюда и решение Генерального совета Коммуны.
31. См.: F. Braesch. La Commune du 10 Août, p. 464, «Organisation de la défense nationale par la Commune de Paris».
32. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 86, утреннее заседание 3 сентября 1792 г.
33. Ibidem, p. 85; статья 8 постановления от 3 сентября 1792 г. «Этот труд возьмут на себя инвалиды».

деловых агентов и других граждан» [34]. Таким путем Коммуна старается успокоить и вновь привлечь на свою сторону торговую и финансовую буржуазию.

Таким образом, Марат за несколько дней утратил всякую возможность сделать революционную Коммуну орудием своей политики, и ему пришлось продолжать борьбу одному посредством полных ярости и ожесточения статей и листовок [35].

Робеспьер не мог более льстить себя надеждой, без сомнения возникшей у него вечером 2 сентября, что под влиянием революционных действий Коммуны, которые быстро распространятся на всю Францию, политическое влияние Жиронды будет сломлено почти одним ударом. Нет более ни молниеносных ударов, ни драматических крушений. Отныне маратисты и робеспьеристы, с одной стороны, и жирондисты — с другой, будут вести между собой перед выборами и сразу же после них повседневную, упорную и в то же время мелочную и яростную борьбу.

Глава третья

*

ВЫБОРЫ В КОНВЕНТ

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПАРТИЯ

У революционных партий, несмотря на все их расхождения, была одна общая задача. Робеспьеристы и жирондисты были одинаково заинтересованы в том, чтобы добиться признания страной Революции 10 августа и устранить контрреволюционную коалицию роялистов, священников и фейянов. К тому же смятение, вызванное борьбой между Робеспьером и Бриссо, еще не передалось Франции.

Как после 20 июня, так и после 10 августа, перед огромным большинством граждан стоял только один вопрос: следует ли повернуть вспять, освободить короля и возвратить ему, хотя бы частично, его власть? Или же надо покончить с монархией, окончательно лишить ее возможности изменять и вредить? Во многих местах контрреволюция не решалась прямо вступить в борьбу; мощные удары, нанесенные народом 20 июня и 10 августа, на-

---

34. Ibidem, p. 113; заседание 12 сентября 1792 г. Утром 6 сентября Генеральный совет распорядился о «свободном передвижении на всем протяжении Парижского департамента» и ослабил охрану застав. (Ibidem, p. 95.)
35. См.: «L'Ami du peuple», 13, 15, 19 septembre 1792. Заголовок номера от 15 сентября: «Отвратительные уловки, успешно используемые в департаментах, чтобы послать в Конвент изменников, всегда проявлявших себя самыми жестокими врагами народа...» Листовки Марата: «Честным французам» («Aux bons Français», 8 septembre 1792); «Своим согражданам выборщикам» («A ses concitoyens, les électeurs», 10 septembre); «Друзьям отечества» («Aux amis de la patrie», 18 septembre); «Жерому Петиону, мэру Парижа» («A Maôtre Jérôme Pétion, maire de Paris», 20 septembre 1792).

шли отклик в самых отдаленных концах страны, и сила народа испугала тех, кого она не увлекла за собой.

Например, в Вандее, где бывший мэр Делуш и бывший дворянин Бодри д'Ассон в июле 1792 г. подняли крестьян, натиск контрреволюции на Брессюир [1] был отражен; все патриоты были вооружены, и в конце августа контрреволюционные крестьяне не осмелились явиться в первичные собрания. Они не осмелились принять участие в собрании выборщиков, состоявшемся в Шатеньре 2 сентября [2]. К тому же неприсягнувшие священники запрещали им, как угождение дьяволу, всякое участие в деятельности, связанной с исполнением революционных законов. Поэтому на выборах в Вандее контрреволюция не сумела дать почувствовать всю свою силу. Однако она пыталась хитростью лишить нового мандата депутатов Законодательного собрания, особенно Гупийо, которого она жестоко ненавидела [3]. Она распространила слух, что Законодательное собрание будет продолжать заседать одновременно с Конвентом, который займется исключительно конституционными вопросами. Поэтому депутаты Законодательного собрания не могут быть избраны в Конвент. Этот ложный слух пришлось официально опровергнуть.

Во многих районах Франции роялисты и фейяны вступали в сговор, чтобы сеять панику. Религия уничтожена, утверждали они, Франция брошена в пучину неведомого; в ней не прекращаются революции: после 14 июля — 5 октября, затем Варенн-ский кризис и первое временное отрешение короля от власти, потом 20 июня, затем 10 августа. Одни волнения ведут к другим волнениям, и пропасть разверзается за пропастью.

Европе неосторожно брошен вызов, и, чтобы освободить плененного короля, чтобы спасти его или отомстить за короля-мученика, на нас ринутся армии и народы. Лонгви уже пал, Верден и Тионвиль осаждены. Сколько крови! Сколько слез! Сколько тягот! Сколько опасностей, сколько разрушений! Курс ассигната падает, и это обесценение ассигната приводит к повышению цен на продукты. Начинается таксация цен на зерно. Вскоре ополчатся на собственность. У землевладельцев, конфискуя их земли, потребуют средств на гигантскую и безрассудную борьбу, а конфискованные таким образом земли будут проданы за бесценок или разделены между оборванцами, бездельниками и поджигателями. После дворянина — священник, после священника — богатый буржуа, после богатого буржуа — владеющий землей пахарь. Вскоре буржуазия окажется на дне пропасти вместе с дворянством и духовенством, и «аграрный закон», это неизбежное следствие республики, установление которой подготовляется, довершит дело, поставив всех на один уровень [4].

Для Революции, несомненно, было счастьем, что о событиях 2 и 3 сентября в большинстве районов страны узнали только тогда, когда депутаты в Конвент уже были избраны или по меньшей

мере выборщики уже энергично высказались в революционном духе. Если бы о сентябрьских событиях узнали и заговорили раньше, то они, разумеется, не изменив общего характера выборов, во многих местах, возможно, вызвали бы большое смятение и ослабили бы—в силу скрытого давления реакции и беспокойства—революционный и национальный порыв.

Революционная партия не везде одержала победу без труда и сопротивления. Я уже отметил, сославшись на Шассена, опасную тактику контрреволюционеров в Вандее [5]. В Руане концентрация сил старого порядка и крупной промышленной буржуазии, фейянтистской и умеренной, представлялась грозной. Так, я прочел в «Патриот франсэ» от 3 сентября следующее любопытное письмо из Руана:

«Рад сообщить вам, что в нашем городе царит мир, но это ненадолго: *здесь множество фейянов — приверженцев двора, и их поддерживают все установленные власти; якобинцев здесь недостойно третируют; носильщики, прислуга сеньоров, «рыцари кинжала» должны голосовать в первичных собраниях и устранить всех патриотов. По этому случаю рабочие наших мануфактур получили подарок: им угрожают, что их оставят без работы, если они не выберут тех, кого им укажут наши негоцианты. Департаментщики* [члены администрации департамента] *рыщут по деревням, скупая голоса, и рассказывают всякие ужасы о Национальном собрании. В Гавре, Дьепе, Кодбеке положение такое же, как в Руане*».

Это была напрасная тревога, так как ни один из кандидатов, которых опасался корреспондент Бриссо, не был избран, и победу одержали «патриоты». Но несомненно, что среди нации, впервые призванной голосовать на основании всеобщего избирательного права, и даже среди самого народа было немало реакционных

---

1. Брессюир — главный город кантона в дистрикте Шатильон-сюр-Север (Дё-Север). В августе 1792 г. Брессюир был осажден крестьянами из Пуату. См.: H. B o u r g e o i s. Bressuire, 1902; I d e m. Études sur la Vendée militaire, 2e série, p. 82. Бодри д'Ассон, родившийся в Люсоне в 1755 г., был одним из главарей брессюирского восстания 1792 г., впоследствии командовал одной из частей роялистской армии, был убит при атаке Ле Мана в 1793 г. Делуш — печник, мэр Брессюира, действовал вместе с Бодри д'Ассоном, один из главарей восстания.
2. Шатеньре — главный город дистрикта в департаменте Вандея.
3. Гупийо, именуемый Гупийо из Фонтене (1753—1823),— секретарь уголовного трибунала в Вандее, депутат Законодательного собрания, затем Конвента.
4. См.: Ж. Ж о р е с. Социалистическая история Французской революции. Т. II, с. 387, «Аграрный закон».
5. Основные работы Ш. Л. Шассена о Вандее следующие: C h.- L. C h a s s i n. Études documentaires sur la Révolution française. La préparation de la guerre de Vendée, 1789—1793. Paris, 1892, 3 vol.; «La Vendée patriote, 1793—1800». Paris, 1893—1895, 4 vol.; «Les pacifications de l'Ouest, 1794—1800». Paris, 1896—1899, 3 vol. Это сборники документов.

элементов, и представители старого порядка и крупной умеренной буржуазии благодаря своему общему влиянию могли бы увлечь за собой даже часть невежественного и нищего пролетариата.

В Монтобане демократы, революционеры восторжествовали не без борьбы. Революционные элементы объединил вокруг себя протестантский пастор Жан Бон Сент-Андре, человек суровый, но гибкий, чью жизнь и деятельность подробно описал в своей замечательной книге Леви-Шнейдер [6]. Богатая кальвинистская буржуазия вначале полностью встала на сторону Революции. Как вся промышленная и имущая буржуазия, она видела в ней гарантию развития. Кроме того, Революция означала для нее безопасность ее веры, наконец завоеванную свободу вероисповедания. Революционные настроения буржуазии Монтобана особенно усилились в 1790 г. и отчасти в 1791 г. в связи с ожесточенным фанатизмом католиков. Но когда буржуазия наконец получила уверенность в свободе, когда гнет католической церкви показался ей окончательно сломленным, она захотела покоя в рамках Конституции 1791 г., и ее встревожили республиканские брожения, последовавшие за бегством в Варенн; ее встревожили демократические требования рабочего люда — требования для каждого человека права голоса и участия в политической жизни. В Якобинском клубе, где она господствовала, Жан Бон Сент-Андре, все более и более жаждущий демократии, вскоре пришел в столкновение с буржуазной олигархией и породил в душе ее страх.

Однажды, требуя политического равноправия, он воскликнул: «Сукновал нисколько не хуже фабриканта» [7]. Буржуазия стала его сторониться. Но ремесленники, рабочие, особенно рабочие-протестанты, революционные настроения которых отличались некоторой мистической экзальтацией, стекались на демократические проповеди Жан Бон Сент-Андре. Вопреки всем стараниям умеренных и фейянов он, хотя и с некоторым трудом, был избран в Конвент.

Но, несмотря ни на что, продвижение Революции по всей стране было почти непреодолимым. Я уже говорил о том, насколько этому способствовали декреты Законодательного собрания о феодальных правах [8]. Более того, к этому времени была почти закончена продажа церковных имуществ. Семей, которые купили эти имущества и тем самым непоправимо скомпрометировали себя, было много во всех коммунах, и они потеряли бы все — собственность и, быть может, жизнь, — если бы Революция потерпела неудачу.

Даже в Вандее к концу 1792 г. церковь утратила почти все свои владения. В дистрикте Фонтене церковные имущества были

оценены в 12 577 тыс. ливров; на 1 сентября 1792 г. их было продано более чем на 10 млн. ливров. Во всем департаменте Вандея предназначенные к продаже имущества оценивались в 28 273 344 ливра; на 1 сентября 1792 г. их было продано на сумму 23 811 186 ливров [9]. Итак, везде, даже в самых непокорных районах, Революция обрела почву, пустив много корней; сам факт появления этой революционной собственности оказывал на первичные собрания и на собрания выборщиков чрезвычайно сильное влияние.

Но решающее воздействие на умы непосредственно оказывали три крупные силы. Прежде всего, революционная власть, установленная Собранием после 10 августа, — Временный Исполнительный совет был единственной фактической властью. Он был правительством. И попытка возврата к монархии означала бы не только уничтожение всех завоеваний Революции, но и начало анархии. Стремление к порядку в соединении с великими революционными интересами сплачивало французский народ вокруг новой власти. А последняя в своих взаимоотношениях с собраниями выборщиков не боялась выступать в роли советчика и действовать в качестве правительства.

МАНИФЕСТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО СОВЕТА

Временный Исполнительный совет составил 15 августа манифест и обратился с ним к собравшимся выборщикам. Его повсюду зачитывали даже во время выборов. На собраниях выборщиков читалось и составленное Кондорсе изложение мотивов, в котором Законодательное собрание разъясняло причины Революции 10 августа. Большое впечатление произвели найденные в Тюильри документы, доказывавшие, что король долго и нагло всех обманывал,

---

6. Жан Бон Сент-Андре (1749—1813) — пастор в Монтобане, депутат Конвента от департамента Ло, префект департамента Мон-Тоннер и генеральный комиссар в департаментах левого берега Рейна в 1801 г. О нем см.: L. Lévy-Schneider. Le conventionnel Jean Bon Saint-André. Paris, 1901, 2 vol. О Монтобане см.: D. Ligou. Montauban à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution, 1787—1794. Paris, 1958.
7. Жан Бон Сент-Андре был сыном сукновала.
8. См.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции. Т. II, с. 604, «Упразднение феодальных рент без возмещения».
9. Жорес с полным основанием настаивает на этой стороне вопроса. Важно было бы также уточнить, кому достались эти национальные имущества; уж наверное, не крестьянам, взиравшим на результаты этой операции только с горечью. Об этом важном вопросе см.: M. Faucheux. L'insurrection vendéenne de 1793. Aspects économiques et sociaux. Paris, 1964, p. 319, «La vente des biens nationaux».

используя суммы цивильного листа для поддержки врагов Революции [10].

И наконец, главное: по всей Франции единение революционных партий было почти полным. Разногласия робеспьеристов или маратистов с жирондистами, столь резкие в Париже, не получили еще распространения в провинциях. Издалека Верньо и Робеспьер казались народу союзниками, делавшими одно общее дело, только несколько иными средствами. Такому согласию способствовал предвыборный циркуляр Якобинского клуба, рассматривавший как единое целое всех депутатов, голосовавших против Лафайета [11].

В сущности, на голосование ставились события 10 августа, и, кого бы втайне ни предпочитали выборщики — Бриссо ли, Робеспьера или Дантона, — все они давали один и тот же ответ. Люди, которые вскоре вступят в ожесточенную борьбу друг с другом, были избраны одним и тем же собранием выборщиков, при одном и том же настроении и для одной и той же цели.

ИЗБРАНИЕ БЮЗО

Монтье в своей работе о Робере Ленде отмечает именно это настроение в департаменте Эр [12] : «Председателем собрания выборщиков 329 голосами из 565 голосовавших был избран Бюзо, секретарем — судья гражданского суда в Берне Дюруа. Решающим при выборах было отношение к событиям 10 августа; все избранные, каковы бы ни были отличия их взглядов, держались мнения, что необходимо провозгласить низложение короля. Первым депутатом 449 голосами был избран Бюзо [13] ; затем шли избранный 407 голосами Робер Тома Ленде, епископ Эврё, его брат Робер Ленде, депутат Законодательного собрания (полномочия которого кончались), избранный 532 голосами. Были еще избраны адвокат Дюруа (из Берне), Ришу (из Андели), Лемарешаль (из Рюгла), Топсан (из Кийбёфа), Буйеро, сборщик налогов в дистрикте Берне; затем заместителями депутатов были избраны Валле, Савари и Дюбюск, которых Бюзо объявил депутатами без нового голосования, вместо Альбитта, Карра и Бриссо, избранных в других департаментах и согласившихся их представлять [14].

Поэтому и выборы в департаменте Эр трудно назвать жирондистскими. На деле их участники были глубоко враждебны королевской власти, и их настроение было явно республиканским. Только в ходе последующих событий мы увидим, как среди депутатов от департамента Эр произойдет глубокий раскол. Р. Ленде, Т. Ленде, Дюруа, Буйеро встанут на сторону монтаньяров, тогда как Валле, Савари, Ришу, Лемарешаль и Топсан во главе с Бюзо примкнут — впрочем, довольно нерешительно — к Жиронде, а после исчезновения Бюзо будут обычно занимать места среди депутатов *Болота* неопределенной ориентации».

Несомненно, и у тех, и у других уже имелись затаенные мысли. Бюзо был слишком искушен в политике и умом и сердцем слишком тесно связан с Жирондой, чтобы не знать о происходящем в Париже и о том, какая ненависть уже несколько месяцев раздирает там партию Революции. Он не занял бы с первых же заседаний Конвента столь явно непримиримой позиции, если бы его настроение давно уже не определилось и не приняло крайнего характера. Он, правда, всегда указывал на то, что он вовремя не узнал о сентябрьских избиениях и об их истинном характере и поэтому не мог должным образом воздействовать на собрание выборщиков и предостеречь его от анархических и диктаторских притязаний Парижа. Он говорит об этом дважды в своих «Мемуарах», написанных в конце 1793 г. и в 1794 г., когда он, значась в проскрипционных списках, скрывался, чтобы избежать гибели [15].

«После того как я председательствовал на всех собраниях выборщиков, я был избран первым депутатом от департамента Эр в Национальный Конвент. Могу сказать, что я не жаждал этой чести; я был счастлив, спокоен и почитаем у себя дома. *Я еще не знал во всех подробностях о событиях 2 сентября, я еще не знал хорошо положения в Париже и не мог еще предвидеть, куда это может нас завести, но предчувствие, от которого я не мог отделаться, вызванное дошедшими до меня кое-какими фактами, возвещало мне новые опасности, каким я должен подвергнуться, и беды, какие должна навлечь на меня моя непоколебимая честность.* Но мог ли я отказаться от этой новой жертвы ради моей страны?» [16]

Итак, Бюзо не оспаривает, что он был осведомлен о событиях в Париже, о растущем соперничестве между Жирондой и Робес-

10. О найденных в Тюильри документах см.: M. Tourneux. Bibliographie de l'histoire de Paris..., t. I, p. 312.
11. См. это обращение в связи с предстоящими выборами, разосланное аффилиированным обществам и датированное 22 августа 1792 г., у: F.-A. Aulard. La Société des Jacobins..., t. IV, p. 233.
12. A. Montier. Robert Lindet... Paris, 1899. Робер Ленде (1746—1825) — королевский прокурор в податном округе Берне, прокурор-синдик того же дистрикта, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эр, член Комитета общественного спасения.
13. Бюзо (1760—1794) — адвокат в Эврё, депутат от третьего сословия бальяжа этого города, председатель уголовного суда департамента Эр после роспуска Учредительного собрания, депутат Конвента; 2 июня 1793 г. был принят декрет об его аресте вместе с другими жирондистами; был найден мертвым в поле близ Сен-Мань (Жиронда).
14. См.: J. Guiffrey. Les Conventionnels. Listes par départements et par ordre alphabétique des députés et des suppléants à la Convention nationale. Paris, 1889, p. 19. По вопросу избрания Бюзо см.: L. Dubreuil. L'élection de Buzot à la Convention.—«Annales révolutionnaires», 1921, p. 372.
15. Мемуары Бюзо были изданы Добаном (Paris, 1866) вслед за мемуарами Петиона.
16. Buzot. Mémoires. Paris, 1866, p. 41.

пьером; он даже предчувствовал, что Жиронда вызовет грозный кризис, вступив в борьбу с Парижем, но он сетует на то, что не мог уже в момент выборов ввязаться в бой, разжигая страсти вокруг сентябрьских событий. В другом месте он явно упрекает своих друзей жирондистов в том, что они не предостерегли достаточно ясно страну именно в тот момент, когда такое предостережение могло бы принести наибольшую пользу, то есть во время выборов.

«Надо признать, — пишет он, — что прежде всего виноваты журналисты того времени и особенно депутаты Законодательного собрания, не сообщившие в свои департаменты ни о положении в самом Собрании, ни о положении в городе Париже. Наиболее отважные из них только и делали, что сглаживали ошибки, оправдывали нарушения, скрывали крайности и преступления. Если бы они дали нам узнать правду, *если бы они осмелились сказать ее собраниям выборщиков, Франция была бы спасена, а вместе с ней — свобода, мир, счастье. Чтобы осуществить это, достаточно было бы одного решения, принятого собраниями выборщиков.* Надо было только предписать депутатам собраться где-нибудь вне Парижа, и Марат, Дантон и Робеспьер со своими приверженцами не вошли бы в состав Национального Конвента; ничего не было предусмотрено, Конвент собрался в Париже, и все погибло».

Странное заблуждение гордой души, в сущности слабой и ожесточившейся! В конечном счете Бюзо сожалеет о том, что во время выборов не было дано сигнала начать борьбу против Парижа. Он забывает, что в тот момент, когда Революция должна была бороться против королевской власти, находившейся в плену, но еще сохранявшей свое влияние, и против вторгшихся чужеземцев, она не могла объявить войну Парижу, не погубив себя при этом. Каково было бы изумление страны, каково было бы ее смятение, если бы вместо того, чтобы выбирать между королевской властью и нацией, ей пришлось бы выбирать между Бриссо и Робеспьером, между Роланом и Дантоном! Это — доведенный до безумия дух групповщины, дух сектантства.

К счастью для Революции и для Франции, у Жиронды не хватило ни времени, ни решимости, чтобы использовать сентябрьские события в избирательной кампании. Как! Неужели в тот час, когда революционное сознание нуждалось в полной ясности, единстве и порыве, его следовало взбудоражить и внести в него раскол, что обратилось бы против него самого? Неужели ему следовало предложить загадку сентябрьских событий, где почти невозможно установить ответственность партий и отдельных лиц, вместо того чтобы предложить ему великий и ясный вопрос о Республике и свободе? Повторяю еще раз, это было бы преступлением.

В своем жирондистском и провинциальном фанатизме Бюзо заходит так далеко, что не ограничивается тем, что лишает Париж положения столицы. Он не ограничивается сожалением о том, что

Конвент заседал в Париже. Он не ограничивается тем, что настаивает на этом в самых грубых и пошлых выражениях:

«Если бы во время выборов было известно об истинном положении в Париже, то Франция была бы спасена. Никогда Конвент не открыл бы своих заседаний *в этом месте*».

Нет, он еще указывает, что Конвент, собравшийся вне Парижа, закрыл бы свои двери Дантону, Робеспьеру, Марату, избранникам Парижа, которые, несомненно, были бы осуждены за убийство, анархию или диктатуру. Париж вне закона! Париж, уничтоженный политически! Вот безумная мечта, осуществления которой Бюзо, к своему сожалению, не сумел подготовить во время выборов. И это не полные отчаяния речи побежденного, не воображаемая и запоздалая месть обреченного изгнанника. С момента своего появления в Конвенте, 24 сентября 1792 г., он говорит с трибуны тем же языком, выражая те же сожаления по поводу выборов [17]:

«Чуждый парижским революциям, я прибыл в уверенности, что здесь я вновь обрету мой независимый дух, что ничто не заставит меня сойти с пути, который я себе наметил. Однако неблагоприятные слухи, рассказы о кровавых сценах внушили мне отвращение. *И если бы об этих сценах, во всей их ужасной реальности, стало известно в глубине наших провинций, то, возможно, законодатели, наши избирательные собрания предписали бы вам заседать в другом месте*».

Что за странный язык — «*парижские революции*», словно они имели местный характер, словно события 14 июля и 10 августа были только парижскими! Но сами сожаления Бюзо и его упреки своим друзьям журналистам — Бриссо, Карра, Кондорсе, депутатам, то есть Верньо и членам Комиссии двенадцати, показывают, что руководители Жиронды не связывали сентябрьские события с выборами. Таким образом, революционный порыв не был потушен. Таким образом, революционная партия смогла противопоставить всем врагам Революции 10 августа, роялистам и фейянам, еще нетронутую силу своего единства. И даже сам Бюзо, хотя он, в общем, был осведомлен о событиях, хранил молчание. Он не осмелился нарушить моральное единство, спасшее свободу и отечество в этот поистине решающий час, когда рождался Конвент.

Это не значит, что обе партии не старались использовать выборы к своей выгоде. Многочисленные посланцы Парижской коммуны повторяли в провинциях имя Робеспьера и превозносили его [18]. Но часто сама их горячность, их двусмысленные

17. «Moniteur», XVI, 39; «Archives parlementaires», LII, p. 126.
18. См.: P. Caron. La première Terreur (1792). I: «Les missions du Conseil exécutif provisoire de la Commune de Paris». Paris, 1950.

и внушавшие тревогу заявления насчет собственности вредили их делу. По всей стране на первом месте были депутаты жирондистов. В департаментах популярность Ролана, говорившего с королем решительным языком и после 10 августа возвратившегося победителем в правительство, еще не была поколеблена, и она распространялась на жирондистские кандидатуры.

Может быть, в тот момент Робеспьер пожалел о том, что он сам лишил себя возможности быть членом Законодательного собрания на основании закона о непереизбрании; он, несомненно, почувствовал, что отдал соперникам весь блеск власти и главные орудия действия. Это Верньо был председателем Комиссии двенадцати, это он предлагал решающие декреты. Поэтому издали стране казалось, что именно Жиронда воплощает великие революционные силы. Со стороны Ролана было также весьма ловким ходом послать собраниям выборщиков оправдание событий 10 августа, которое от имени Законодательного собрания составил знаменитый Кондорсе, философ и друг Жиронды, подвергшийся нападкам Робеспьера и прославляемый Бриссо. Мысль Жиронды казалась, таким образом, как бы слившейся с мыслью Революции. Казалось, это она наложила свою печать на все совершившиеся великие события. Награда, разумеется, чрезмерная, но в принципе справедливая для людей, берущих на себя прямую ответственность за действия. Жирондисты посредством своих еще весьма влиятельных газет и очень широкой переписки выдвигали и поддерживали одни кандидатуры и боролись против других. Газета Бриссо изо дня в день следит за выборами с напряженным вниманием. С 6 сентября она начинает сообщать их результаты. В номере от 7 сентября говорится: «Известий из южных департаментов пока еще нет; мы надеемся увидеть среди депутатов людей, столь горячо отстаивавших свободу; мы уверены, что клевета, которую подлые жабы изрыгают против них, не подорвет общественного уважения к ним».

Иногда газета дополняет списки кандидатов, составленные Жирондой. «Мы упустили,— пишет газета в номере от 9 сентября,— включить в список кандидатов одного из тех людей, которые более всего заслужили право участвовать в составлении конституции, основанной на философских принципах; это — *Н. Бонвиль*, автор многих философских и политических сочинений. *Я особенно рекомендую его выборщикам из департаментов. В глазах парижских интриганов у него нет никаких заслуг.* По этой же причине мы рекомендуем и патриота Реаля» [19].

10 сентября Жиронда уже считает победу несомненной и уверена, что обеспечит себе большинство, которое не будет ни фейянтистским, ни робеспьеристским. «Патриот франсэ» пишет: «На основании хороших результатов выборов в департаментах здесь начинают возлагать превеликие надежды на будущее собрание».

И газета с радостью отмечает избрание одновременно в нескольких местах некоторых жирондистов, особенно тех, кто руководит газетами Жиронды. Из крайне левых только Робеспьер был избран в двух местах: в Париже и в своем родном департаменте Па-де-Кале. Дантон и Марат избраны только в Париже. Напротив, жирондистские журналисты избираются одновременно в нескольких местах, что свидетельствует о популярности и влиянии их газет [20]. Горса был избран в департаментах Орн и Сена и Уаза; Бриссо — в департаментах Эр, Луаре и Эр и Луар; Кондорсе — в департаментах Эна и Жиронда; Карра — в департаментах Сона и Луара, Буш-дю-Рон, Шаранта, Эр, Луар и Шер, Орн, Сомма [21]. Жирондист, который придал красному знамени его революционную символику, пользовался в то время, как мы видим, широкой популярностью.

Итак, Жиронда не боялась во время избирательной кампании намекать на острую борьбу, которая начала раздирать Революцию. Она предостерегала выборщиков в департаментах против клеветы «разбойников», то есть друзей Робеспьера и эмиссаров Коммуны. Она не поколебалась противопоставить департаменты Парижу. Но, повторяю, в департаментах эти слухи о борьбе между революционерами пока находили лишь слабый отзвук. Величие событий и размеры опасности возвысили выборщиков, и они главным образом думали о том, какое правительство дадут они отечеству, какие преграды воздвигнут перед иностранными деспотами. С некоторым удивлением узнавали они, что между друзьями Революции существуют раздоры.

МАРСЕЛЬ

В самом Марселе и на провансальском Юге, где так сильно кипели страсти, так возбуждены и просвещены были умы, революционный народ ничего не знал о глубоких разногласиях, существовавших в Париже. В живом рассказе о предвыборном

---

19. Никола де Бонвиль (1760—1828) — литератор, один из основателей «Социального кружка», выборщик от города Парижа. Его кандидатуру предложил Луве, возражал против нее Марат. Реаль (1757—1834) — прокурор при суде в Шатле, в 1792 г.— заместитель прокурора Парижской коммуны; его кандидатуру тоже предложил Луве, и против нее возражал Марат.
20. Горса был редактором «Courrier des départements», Бриссо — редактором «Patriote français», Кондорсе — редактором «Chronique de Paris», Карра — редактором «Annales patriotiques».
21. Горса отдал предпочтение департаменту Сена и Уаза, Бриссо — департаменту Эр и Луар, Кондорсе — департаменту Эна (он был также избран в департаментах Эр и Луаре), Карра отдал предпочтение департаменту Сона и Луара.

периоде в департаменте Буш-дю-Рон, оставленном нам Барбару [22], прекрасно ощущаешь это удивительное смешение взволнованности и искренности, отличавшее тогда революционный народ этого большого города и всех охваченных революционным пламенем городов, окружавших его, словно меньшие очаги — главный. Нельзя забывать, что Барбару — ярый жирондист и что в тот момент, когда он писал нижеприводимые строки, он бежал и скрывался. Нельзя забывать, что едва он был избран в Конвент, как многие избиратели отреклись от него вследствие систематической кампании, какую он вел против Робеспьера. Очень возможно, что он из мести придал зарождавшемуся тогда в Марселе демократическому движению слишком ярко выраженный маратистский оттенок. Но мне хочется отметить, что в этот момент столь бурное пламя марсельской революции было единым. Для демократов Юга раздоры между Робеспьером и Жирондой были еще новостью; и они наивно осведомляются о них у Барбару. Кажется, будто последнего, даже преследуемого, даже когда над ним нависает уже тень смерти, еще согревает и опьяняет этот чудесный луч жизни, эти яркие и горячие воспоминания. Печальный и гордый Бюзо совершенно не сохранил этих ослепительных впечатлений. Когда Барбару после 10 августа возвратился в Марсель, чтобы направлять избирательную кампанию в интересах Жиронды, всем марсельским демократам казалось, что он воплощает в себе пламенную душу Революции, яркий свет желанной Республики.

«Когда распространилась весть о моем приезде, лучшие патриоты сбежались обнять меня. Мой дом был окружен и наводнен гражданами. Появился оркестр. Все пели сочиненные в мою честь провансальские песни и «Марсельезу». Так же был встречен и Ребекки [23]. Я всегда с умилением вспоминаю, что когда пели последний куплет гимна:

Вперед, плечом к плечу шагая!
Священна к родине любовь.
Вперед, свобода дорогая,
Одушевляй нас вновь и вновь!

то все граждане, находившиеся в доме и на улице, опустились на колени. В этот момент я сидел на стуле, и меня на нем удержали. Боже мой, какое зрелище! Слезы текли у меня по лицу. Если в то мгновение я воплощал для них свободу, то я, во всяком случае, могу гордиться тем, что защищал ее со всем мужеством.

Но далеко не все в городе были такими же патриотами. В Марселе, наводя ужас, господствовала банда негодяев, которых изрыгали дома разврата. Для них не существовало ни законов, ни судей. Сильные благодаря молчанию мэра... и исступлению народа, всегда готового убивать тех, на кого ему укажут как на его врагов, они беспрепятственно вешали неугодных им людей

и использовали всеобщий страх, чтобы вымогать деньги у богатых. Как только мы узнали об этих ужасах, мы — Ребекки и я — подумали о средствах пресечь их. Но надо сказать, что почтенным людям недоставало смелости, а административным властям — доблести, чтобы можно было прямо напасть на этих разбойников». Только учредив революционный трибунал, Барбару и Ребекки смогли справиться с этим движением и умерить его [24]...

«Комиссары Законодательного собрания распорядились об аресте, на основании весьма неясных подозрений, граждан из соседних с Марселем департаментов и доставили их в Марсель. Если бы не этот трибунал, то их бы убили; но в их поведении, при более тщательном расследовании, не было установлено ничего предосудительного, и народ, увенчав их лавровыми венками, утвердил оправдательное решение трибунала». Значит, гнев и недоверие революционного народа Марселя не дошли до яростного исступления; но кому не видно, что при таком накале страстей народ всецело был готов поддержать политику Робеспьера и Марата? Любопытно к тому же, что сам Барбару, тесно связанный на протяжении нескольких месяцев в Париже с революционным движением, посещал Марата и за несколько дней до 10 августа он едва не увез Марата в Марсель, когда тот отчаялся в Революции и в себе самом. Барбару объясняет это с некоторым смущением [25]:

«Один человек, пользующийся доверием Марата, повел меня в кафе на Гревской площади, а оттуда к одной женщине, у кото-

---

22. Барбару (1767—1794) — сын марсельского негоцианта, студент, изучавший право и естественные науки в Париже; по возвращении в Марсель, перед созывом Генеральных штатов, был секретарем Марсельской коммуны в начале Революции; депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон. См.: «Mémoires de Barbaroux», первое критическое издание, осуществленное А. Шабо (Paris, 1936). Жорес пользуется первым изданием мемуаров Барбару, выпущенным его сыном Оже Барбару в серии Бервиля и Барьера (Berville et Barrière) (éd. Baudouin frères, Paris, 1822).
23. Ребекки (1744—1794) — марсельский негоциант, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон; подал в отставку 9 апреля 1793 г., покончил с собой в Марселе 12 флореаля II г. (1 мая 1794 г.).
24. Стараниями Барбару и Ребекки был учрежден народный трибунал по примеру трибунала, учрежденного Законодательным собранием в Париже 17 августа 1792 г.; состав этого трибунала был избран 32 секциями города 22 сентября 1792 г., он начал действовать 1 октября. Деятельность трибунала была весьма благотворной: он судил быстро и справедливо, вынес много оправдательных приговоров и успокоил возбуждение в народе.
25. Этот эпизод произошел, несомненно, в мае 1792 г., после принятия Собранием 3 мая обвинительного декрета против Марата. Полиция энергично разыскивала Марата с 3 мая по 15 июня 1792 г. «L'Ami du peuple» выходил редко.

рой в девять часов вечера состоялась встреча [с Маратом]. Он настоятельно просил меня переправить его в Марсель; он переоденется жокеем, сказал он мне; я ничего не обещал, боясь оказать дурную услугу родине. Однако, полагая, что страдания еще более омрачат его рассудок, я постарался как-то утешить его. Я тогда думал, что его кровожадные речи были бредом расстроенного ума, а не излияниями его жестокой души. Я хорошо узнал Марата только тогда, когда увидел подписанное им письмо, в котором Комитет общественного спасения Парижской коммуны призывал все муниципалитеты Франции устроить у себя такую же резню, какая была 2 сентября» [26].

Старания Барбару отречься от всякого сочувствия Марату понятны. Обвинять Робеспьера в стремлении к диктатуре и быть доверенным лицом человека, беспрерывно требовавшего революционной диктатуры, вести совместно с Жирондой ожесточенную кампанию против сентябрьских «убийц» и быть другом того, кто советовал учинить эти избиения,— это слишком противоречиво. Напрасно ссылается Барбару на то, что циркуляр от 3 сентября впервые открыл ему глаза. Марат давно уже слыл в Революции теоретиком систематических убийств. Истина очевидна, и состоит она в том, что Барбару, при своей восприимчивости и впечатлительности, не устоял против обаяния великого имени Марата, странного и грозного, и не испытывал к нему глубокого внутреннего отвращения. Марат в номере своей газеты от 9 октября подтверждает эту своего рода кратковременную связь с Барбару [27]:

«Несмотря на их оскорбления, я ничего не имею лично против кого-либо из этих господ, даже против Ребекки с его столь язвительным языком. *У меня были частные встречи с Барбару в то время, когда он еще не был одержим страстным желанием играть какую-то роль; это был добрый малый, которому нравилось у меня учиться*». Личность Марата и некоторые мысли его внушали марсельской демократии не больше страха, чем самому Барбару. Потому-то сам Барбару и сообщает нам, подвергая суровой критике собрание выборщиков департамента Буш-дю-Рон, состоявшееся в Авиньоне, о том, что оно приветствовало сентябрьские избиения [28].

«Представьте себе собрание из 900 человек [29], как правило мало образованных, с трудом выслушивающих умеренных людей, но без оглядки идущих за крайними, и в этом собрании множество людей, жадных до денег и должностей, вечных доносчиков, подозревающих волнения или их преувеличивающих ради того, чтобы получить доходные поручения; интриганов, искусно сеющих клевету, мелкие подозрительные души; несколько человек добропорядочных, но необразованных; несколько просвещенных, но не имеющих мужества; многочисленных патриотов, лишенных чувства меры и философии; таков был состав выборщиков де-

партамента Буш-дю-Рон. Один штрих обрисует его лучше, чем эта весьма несовершенная картина. *При известии об избиениях 2 сентября в зале раздались аплодисменты.* Тем не менее мне удалось подчинить это собрание своему руководству; но я должен сказать, что обязан этим только огромному авторитету, который мне придавало пользовавшееся уважением общественное мнение Марселя».

Итак, перед нами разгоряченные и легко возбудимые люди, готовые дойти в своих революционных действиях до политики Марата. Но эти же люди, это же собрание не имеет никакого представления о Робеспьере и получает его от Барбару: «В последних заседаниях я имел случай высказать слишком быстро позабытые истины. Некий марселец написал из Парижа марсельскому [Якобинскому] Обществу письмо, осуждавшее Робеспьера. Общество, будучи в нерешительности, обратилось ко мне и попросило меня сообщить свое мнение об этом человеке [30]. Письмо, адресованное председателю избирательного клуба, было прочитано секретарями, и собрание потребовало, чтобы я изложил ему свое мнение, которое я собираюсь сообщить клубу. Я не колебался; я рассказал о попытках, предпринятых Робеспьером в отношении Ребекки, Пьера Байя и меня, чтобы достичь диктатуры при помощи марсельцев. [Это весьма смелое обвинение Барбару вскоре выдвинет перед Конвентом.] Можно ли было предполагать, что его перестали терзать эти честолюбивые замыслы, если из публикуемых сообщений было видно, что, возглавив Парижскую коммуну, он стремился подчинить себе Законодательный корпус? Зачем нужны эти толпы парижских ко-

---

26. «Mémoires de Barbaroux», éd. A. Chabaud, p. 140. О циркуляре Наблюдательного комитета Парижской коммуны см. выше, с. 94.
27. «Journal de la République française», № 15, 9 octobre 1792. См. также № 42 от 10 ноября 1792 г.
28. Собрание выборщиков департамента Буш-дю-Рон для избрания депутатов в Конвент заседало в Авиньоне 2—10 сентября 1792 г. Напомним, что Авиньон тогда входил в департамент Буш-дю-Рон; департамент Воклюз был создан 25 июня 1793 г.
29. Имевших право голоса там было не более 778 человек, но Барбару, вероятно, включает в указанное им число всех присутствовавших, «народ-свидетель». По словам Дюрана де Майана (1729—1814), тоже бывшего участником этого собрания, «400 выборщиков Марселя, десятая часть которых не имела дохода, необходимого для уплаты одной марки серебра, никому не давали возвысить свой голос. Барбару был их идолом». («Histoire de la Convention nationale», Paris, 1825.)
30. Речь, несомненно, идет о письме, написанном Эбраром 29 августа 1792 г. из Парижа Монбриону. («Mémoires de Barbaroux», éd. A. Chabaud, p. 289.) Эбрар был носильщиком, Монбрион — шерстомоем, членом комитета по делам переписки клуба на ул. Тюбано в Марселе; именно в качестве члена этого комитета он и получил письмо Эбрара.

миссаров, пользующихся в департаментах неограниченной властью и главным образом восхваляющих Робеспьера? Для чего повсюду уже распространяют клевету на будущий Конвент, для чего эти афиши Марата, который открыто требует назначения протектора? За что же 10 августа проливали свою кровь марсельцы: за властителя или за свободу? За равноправие департаментов или за муниципальное правительство, которое подчинило бы департаменты Парижу, как были подчинены провинции Риму? Затем я обрисовал характер Робеспьера, жаждавшего мести, господства и крови, и предсказал, что он станет тираном своей страны, если у Конвента не хватит мужества нанести ему удар. Речь эта, несомненно, произвела впечатление, потому что тут же было решено послать батальон для охраны Национального Конвента [31]. Этот батальон был набран и выступил через несколько дней после отъезда депутатов» [32].

Итак, почти тогда же, когда Робеспьер в Парижской коммуне чудовищно клеветал на Жиронду, утверждая, что она намеревалась возвести на трон герцога Брауншвейгского, молодой Барбару, извращая вплоть до клеветы стремления людей и возможный ход событий, обвинял Робеспьера в желании при помощи Парижской коммуны разжечь фанатизм и поработить всю Францию. Робеспьер ложно возбуждал против Жиронды смутное недоверие устрашенных патриотов. Жиронда возбуждала против Робеспьера республиканские чувства и гордость городов Юга. Братский обмен ожесточенной клеветой под грохот пушек вторгшегося врага.

Но в собрании выборщиков департамента Буш-дю-Рон явно не существовало никакой сектантской предвзятости, никакого фракционного духа. Те же люди, которые только что аплодировали известию о сентябрьских избиениях, возмущались теперь диктаторскими поползновениями Парижской коммуны и поручали Барбару выразить их отношение к Робеспьеру. Барбару злоупотребил их доверием в пользу своих жирондистских привязанностей. Он также злоупотребил их доверием, стремясь руководить выборами в большей степени, чем то следовало для искреннего и свободного волеизъявления народа.

«Выборы закончены. Почему мы, Ребекки и я, должны упрекать себя за то, что оказали на них влияние? Ведь интриги плелись в пользу столь презренных людей, что мы сочли своим долгом поддержать кандидатуры, казавшиеся нам более достойными» [33].

Но марсельская демократия не отдавала предпочтения какой-либо одной партии. И сам Барбару спешит заметить:

«За исключением нескольких человек, репутация которых не нуждалась в подтверждении, мы жестоко ошиблись во всех остальных» [34].

Это значит, что многие из них перешли на сторону Горы. Так революционный народ Прованса сохранил в неприкосновенности

свою свободу для участия в последующих революционных событиях.

По существу, несмотря на явное, хотя и поверхностное влияние Барбару, выбор, сделанный авиньонским собранием, ни в коей мере не был отмечен духом сектантства или фракционности. Это — бьющая под горячим солнцем мощная струя революционной силы, и мимолетные и неопределенные оттенки, которые она приобретала в зависимости от времени дня, не имели никакого значения. Важна была лишь та сила, с какой она била, та хлещущая через край жизненная энергия и вера. Таким образом, в департаменте Буш-дю-Рон, как и в департаменте Эр, несмотря на присутствие и деятельное вмешательство двух влиятельных и ярых жирондистов, вся национальная и революционная сила вздымается единой волной.

Совершается великий акт единения во имя свободы и отечества. Выборщики департаментов выступают все вместе против королевской власти, низвергнутой 10 августа, против изменников, поддерживающих ее, против фейянов, служащих ей и щадящих ее. Они находятся главным образом под влиянием Жиронды, чьи представители занимают наиболее значительные посты и обладают наибольшей властью и возможностью действовать; но они еще не разобрались во взаимоотношениях различных революционных групп, боровшихся друг с другом в Париже. Они — за Революцию в целом вместе со всеми революционерами, а разделяющие революционеров вопросы даже не ставятся серьезно. Для Революции в том была в то время великая сила!

ПАРИЖ

Напротив, в Париже народ явно делает выбор. Он резко отводит всех жирондистов, всех тех, кто был близок Жиронде, Кондорсе так же, как Бриссо. Первым он выбирает Робеспьера, затем

---

31. Формирование и отправка этого второго батальона были вызваны совсем не речью Барбару. 3 сентября марсельский клуб, узнав о падении Лонгви, решил потребовать от муниципалитета отправки «в дополнение к посланному в Париж батальону, обессмертившему себя 10 августа, еще одного батальона численностью от 300 до 400 человек». Этот батальон получил название Батальона *21 января*, так как в этот день он был выстроен у эшафота Людовика XVI.
32. Некоторые депутаты сразу после своего избрания возвратились в Париж. Батальон 21 января выступил из Марселя 16 сентября 1792 г., он вернулся обратно 20 марта 1793 г. В Париже Барбару хотел превратить его в жирондистскую гвардию.
33. «Mémoires de Barbaroux», éd. A. Chabaud, p. 171.
34. Далее Барбару перечисляет депутатов, избранных собранием выборщиков департамента Буш-дю-Рон, и дает им краткую характеристику. Среди этих депутатов от департамента были пламенные монтаньяры: Моиз Бейль, Бай, Гране, Гаспарен, Ровер. Из умеренных назовем мэра Авиньона Дюпра, Дюрана де Майана, Ребекки.

Дантона, Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенна, Демулена, Марата, Паниса, Сержана, Фабра д'Эглантина, Робеспьера-младшего, а также герцога Орлеанского, превратившегося в Филиппа Эгалите. Таким образом, Париж посылает в Конвент, если можно так выразиться, Коммуну во всех ее элементах [35].

Правда ли, что, как утверждали жирондисты, выборы в Париже происходили в обстановке террора? Они протекали очень бурно. Собрания выборщиков не хотели голосовать молча; они потребовали публичного обсуждения разных кандидатур; поэтому собрания выборщиков превращались в шумные клубы. Возможно, что страх перед еще всесильной Коммуной заставил граждан, не поддерживавших ее направления, отказаться от участия в первичных собраниях. Вероятно также, что жирондистским кандидатам было трудно давать объяснения и защищаться перед собранием выборщиков. Народ резко порицал жирондистов за их долгие колебания по вопросу о низложении короля и за их враждебность к Коммуне. Очевидно, они не смогли противостоять этой буре. И одно это доказывает, что выборы не были подтасованы насильственно. Ибо, имей Жиронда в Париже точку опоры в общественном мнении, она была достаточно организована, достаточно искусна и имела достаточную поддержку министра внутренних дел, чтобы попытаться дать бой и расстроить террористические происки меньшинства; но она почти без боя признала себя побежденной. Отмечу лишь один резкий и мелодраматический протест Ги Керсена, но в газете Бриссо, а не с трибуны собрания выборщиков [36]:

«Древние изображали клевету с кинжалом в руке; и в самом деле, клеветники и убийцы — братья. Если меня сегодня оклеветали с трибуны собрания выборщиков, то я знаю, что завтра я, вне всякого сомнения, могу быть убит... Тот, кто меня обвиняет в том, что я хотел утвердить фейянтизм на обломках якобинства,— клеветник; тот, кто меня обвиняет в том, что я изменил свое мнение по вопросу отрешения от власти короля,— лжец... Заявляю, что открывать публичную трибуну, с которой обсуждение отдельных кандидатур разрешается только тем, кто непосредственно заинтересован в том, чтобы опорочить и не допустить подачи голосов за кого-нибудь, кроме них, есть посягательство на Права Человека».

Тщетный протест, заглушенный криками народа. Впрочем, Жиронда и не протестовала; она с горечью ждала своего реванша от департаментов.

В Париже, если можно так выразиться, великими выборщиками * были Робеспьер и Дантон. Дантон, которого газета Прюдома довольно грубо упрекает в снисходительности к представителям искусства, мало подготовленным к роли законодателей, выступает в пользу Фабра д'Эглантина, остроумного и талантливого автора комических произведений, и великого художника Давида [37]. Дантон хотел проявить свое широкое понимание жизни и показать,

что революционное правление должно не уничтожать, а вдохновлять и возвышать искусство.

Марат был избран не без сопротивления [38]. Это еще один признак осуждения убийств, проявившегося сразу после сентябрьских избиений. Газета Прюдома, хотя и старалась прослыть крайне демократической, нещадно обвиняет Марата. Правда, между «Ами дю пёпль» и «Революсьон де Пари» существовало соперничество из-за влияния и сбыта. Но газета Прюдома не рискнула бы выступить с язвительными нападками, если бы популярность Марата была в зените.

«Нам не нравится, что Марат, всегда слишком занятый самим собой, изливает чувства, *плохо согласующиеся с моралью* законодателя-патриота. Проскрипционные списки, которые он предлагает время от времени публике, не всегда беспристрастны и справедливы, что крайне необходимо при столь суровых мерах. Порой Марат забывается до такой степени, что его можно принять за сторонника диктатуры... Марат вел себя совсем не столь мужественно, сколь он смел в своих памфлетах. Он держался настолько в тени, что его стали считать давно покинувшим отечество или умершим. Вещать истину из глубины подземелья — значит искажать ее... Лишь для поповской лжи надо укрываться во мраке. Другие, помимо Марата, говорили столько же истин и столь же суровых, не прячась. Горса и кое-кто еще ни на один день не пре-

---

35. См.: «Assemblée électorale de Paris. 2 septembre 1792, 17 frimaire an II. Procès-verbaux de l'élection des députés à la Convention...» par E. Charavay, Paris, 1905. Были еще избраны: Манюэль, генеральный прокурор-синдик Парижской коммуны; Лавиконтери, литератор; Лежандр, мясник; Раффрон, бывший поверенный в делах Франции в Тоскане; Робер, литератор; Дюзо, член Академии надписей и изящной словесности; Фрерон, литератор; Бове, врач; Осселен, поверенный; Давид, художник; Буше, выборщик от секции Французского театра; Леньело Жозеф Франсуа, литератор; Тома, лиценциат права.
36. Керсен (1742—1793) — морской офицер, председатель Парижского собрания выборщиков в 1789 г., заместитель депутата Законодательного собрания от Парижа, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза.
* Намек на великих выборщиков, курфюрстов, крупнейших князей так называемой «Священной Римской империи германской нации», за которыми с XIII в. было закреплено право избрания императора.— *Прим. ред.*
37. Фабр д'Эглантин (1755—1794) — артист и драматург, секретарь Дантона в министерстве юстиции после 10 августа 1792 г. Давид (1748—1825) — художник, получил в 1775 г. Римскую премию. Фабр был избран в Конвент 16 сентября 1792 г. семнадцатым депутатом от Парижа (400 голосов), Давид — 17 сентября двадцатым депутатом (450 голосов).
38. Марат был избран в Конвент от Парижа 9 сентября 1792 г. седьмым депутатом 420 голосами, получив 40 голосов сверх абсолютного большинства.

кращали своих трудов; они писали в самый разгар бури и ничуть не боялись. Марат же много раз умолкал, и притом надолго. Подобно парфянам *, он наносил удары, убегая с поля битвы. Мы говорили, что Марат принес бы в Конвенте кое-какую пользу, и мы говорим это и теперь; но мы не говорили, что Конвент будет без Марата плохим, и пусть он не думает стать его героем» [39].

Газета Прюдома, очень внимательно и бережно относящаяся к крайним мнениям, не стала бы говорить таким языком в том же номере, где она оправдывала сентябрьские избиения (номер от 1—8 сентября), если бы Марат был предметом поклонения народа. Но еще более знаменательна речь, произнесенная в защиту Марата в Обществе якобинцев 7 сентября капуцином-расстригой Шабо, ставшим посмешищем предместий. Этот Шабо тоже женился на «австриячке»— богатой невесте, дочери приехавшего из Вены финансового авантюриста [40]. Из его слов видно, на какое сопротивление наталкивалась кандидатура Марата и с каким полупренебрежительным отношением к нему избрали его парижские выборщики.

«Я еще раз поднялся на трибуну, чтобы поговорить с вами о кандидатах или, скорее, об одном кандидате: я имею в виду Марата. *Я уже говорил о нем многим лицам: они пожимали плечами при одном упоминании его имени.* Так вот! Я заявляю, что сам я отдам свой голос ему. Людям, которые не очень верят в его таланты, я отвечаю, что он обладал мужеством, мало кому свойственным, мужеством всегда оставаться одним и тем же с самого начала Революции. Но склонить на сторону Марата надо не этих людей; надо склонить в его пользу тех, кто называет его смутьяном. *А я утверждаю, что его следует выбрать именно потому, что он — смутьян. В Англии каждый раз, когда какой-нибудь член палаты общин проявляет себя как ярый смутьян, выступающий против правящей партии, двор старается привлечь его на свою сторону путем подкупа, и он вскоре становится конституционалистом. То, что в Англии двор делает благодаря людской продажности, мы во Франции должны делать ради общественного блага.*

...У него горячая голова в том же смысле, что и у меня, то есть у него горячее сердце, а умеренные склонны не понимать этого различия, и я вам ручаюсь, что это один из самых холодных умов, какие только существуют. Марата упрекали в кровожадности, например, в том, что он, *возможно*, способствовал убийствам, недавно совершенным в тюрьмах; но в этом случае он действовал в духе Революции, так как, когда храбрейшие патриоты уходят к границам, было бы противоестественно подвергать остающихся здесь опасности нападения со стороны заключенных, которым обещали оружие и свободу для того, чтобы они перебили нас.

Говорят, что он кровожаден, потому что не раз требовал крови аристократов, крови продажных членов Учредительного собрания.

Но известно, что в планы аристократов всегда входило и все еще входит перерезать всех санкюлотов. Однако, поскольку число последних относится к числу аристократов, как девяносто девять к одному, то ясно, что тот, кто требует убийства одного, дабы предотвратить убийство девяноста девяти, совсем не кровожаден.

Он также и не смутьян, так как, хотя он и предложил отдать санкюлотам вещи аристократов, его нельзя обвинять в том, что он подстрекал их к смуте. Что касается плана раздела земель, который ему ставят в вину, то он слишком дурного мнения о нравах своих сограждан, чтобы когда-либо попытаться выступить с подобным предложением, ибо раздел земель и собственности может быть совершен только среди вполне честных и добродетельных людей, а Марат, повторяю, далеко не такого высокого мнения о своих современниках, чтобы внести подобное предложение.

Прибавлю еще для сведения всех умеренных, что если все упреки по его адресу были справедливы и раз его изображают дезорганизатором, то следовало бы привлечь его к организации; а поэтому умеренные, говорю я, должны провести его в Конвент. По этой же причине его должны провести туда аристократы; так как Национальный Конвент не властен будет над свободой печати и контроль над этой областью будет принадлежать только народу, то Марат, если он не войдет в Национальный Конвент, будет выступать в печати против аристократов, и народ, разумеется, не станет мстить за них; следовательно, в интересах аристократов ввести Марата в Конвент, чтобы дать ему занятия, которые отвлекут его от намерения преследовать их.

Ревностные патриоты тоже должны провести Марата в Конвент; ибо, хотя состав депутации от Парижа и обещает быть удачным и я надеюсь, что остальные избранники будут такими же, как те, кто уже выбран, не следует льстить себя надеждой, что департаменты пошлют вам одних только Робеспьеров, Дантонов, Колло д'Эрбуа, Манюэлей и Бийо-Вареннов; поэтому я утверждаю:

---

* Излюбленной военной хитростью древних парфян было притворное отступление,— оборачиваясь на скаку, они поражали врагов меткими стрелами.— *Прим. ред.*

39. «Révolutions de Paris», № 165, 1—8 septembre 1792. Однако в своем предыдущем номере от 25 августа — 1 сентября газета горячо поддерживала кандидатуру Марата. «Но писатель-революционер, о котором нельзя забывать... это Марат, Друг народа. Да, Марат должен быть избран в Конвент одним из первых... Марата должно ввести в Конвент подобно тому, как в тесто кладут дрожжи, чтобы выпечь хороший хлеб».

40. «La Société des Jacobins», IV, 261; «Assemblée électorale de Paris», p. XXX. Шабо (1756—1794)— член ордена капуцинов из Мийо, генеральный викарий епископства Блуа, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Луар и Шер, женился на сестре австрийских банкиров, братьев Фрей, бежавших в Париж; о своем браке он объявил в Якобинском клубе 5 октября 1793 г.

если даже мы будем уверены в том, что нас, бешеных, будет в Национальном Конвенте пятьдесят человек, то это не причина, чтобы пренебречь введением в него пятьдесят первого. Итак, я повторяю: пылкие, ревностные патриоты должны еще провести в него Марата».

В этой странной предвыборной рекламе я обращаю внимание читателя на грубость ума и души этого распустившегося капуцина. Жестокие и кровавые парадоксы Марата проникнуты такой страстной искренностью, таким гневом и острым страданием, что к тяжкому впечатлению, какое они оставляют у вас в душе, примешивается и доля уважения. Шабо превращает их в тяжеловесные, грубоватые монастырские шутки, и они становятся отвратительными. Но я хотел подчеркнуть, что Шабо, по-видимому, выражал мнение многих из тех, кто голосовал за Марата. Они надеялись унять, нейтрализовать и погасить это нестерпимое для них пламя.

О человеке, в котором Париж чувствовал бы биение своего сердца, следовало бы говорить в Якобинском клубе иначе. Избрав прежде всего и в первую очередь Робеспьера [41], Париж тем не менее не хотел полностью отдаться в его власть. Устраняя Жиронду, Париж попросту хотел подчеркнуть свое желание покончить с полумерами, со слишком уклончивыми и хитроумными комбинациями и вызвать у революционной Франции решительный порыв к свободе и победе. И в сущности, департаменты, когда они выбирали большинство угодных Жиронде людей, тоже не намеревались отдаться в полное распоряжение жирондистов. Как и Париж, провинциальная Франция прежде всего хотела подтвердить Революцию 10 августа, покончить с королевской изменой и придать силы и энергию своему новому, подлинно народному правительству.

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРОВ[1]

В первичных собраниях и собраниях выборщиков теоретические вопросы, по-видимому, мало обсуждались. О новой форме правления никто и не думал рассуждать. В Якобинском клубе, правда, завязалась теоретическая дискуссия о лучшей форме правления; при этом Террассон ясно предлагал федеративное правление. Отмечу, однако, что дискуссия открылась только 10 сентября, то есть по окончании выборов, что она велась почти исключительно между Террассоном и Шабо и почти сразу прекратилась. Франция думала о более неотложных вопросах: что делать с королем? Как его судить? И разрешить их можно было, только предоставив представителям народа неограниченные полномочия. Собравшись, они вместе примут наилучшие меры для спасения отечества. Пусть они знают только одно: привилегий более не существует, и если преступление короля доказано, то он, как всякий преступник, должен сложить голову на эшафоте. Когда король умрет, когда умрет королевская власть, избранники народа сумеют организовать суверенную власть народа.

Вопрос о собственности нигде не ставился серьезно. Несомненно, что ремесленники, рабочие, «сукновалы, которые нисколько не хуже фабрикантов» [2], присутствовали на первичных собраниях, как они присутствовали и на собраниях в клубах, где выдвигались кандидатуры. Но у них не было никакого идеала, который они

---

41. Робеспьер был избран 5 сентября 1792 г. первым депутатом в Конвент от Парижа 338 голосами, то есть получив 75 голосов сверх нужного большинства.

1. Всеобъемлющего исследования о выборах в Конвент не существует.
2. Слова Жан Бон Сент-Андре; см. выше, с. 120—121, прим. 6 и 7.

могли бы противопоставить принципу буржуазной индивидуальной собственности, освобожденной и прославляемой Революцией. Они только хотели демократического порядка, который в своем развитии гарантировал бы все права и способствовал пробуждению всех жизненных сил.

На этих выборах пролетарии, очевидно, нигде не играли первостепенной роли. До нас не дошло ни одной яркой речи наемного труженика — рабочего или крестьянина. В Конвент был избран один-единственный пролетарий [3], и я даже полагаю, что почти ни один из пролетариев не был послан первичными собраниями в собрания выборщиков. В этих последних, почти исключительно буржуазных по своему составу, преобладали и господствовали администраторы, юристы, врачи, хирурги. Было много и земледельцев, но земледельцев — собственников и зажиточных арендаторов.

Вот, например, список профессий людей, представленных в собрании выборщиков дистрикта Фонтене в городе Шатеньре [4]: негоциант, судья в суде дистрикта, общественный обвинитель, член департаментской администрации, секретарь администрации дистрикта, секретарь департаментского уголовного суда, поверенный, мировой судья, член департаментской администрации, генеральный прокурор-синдик департамента, департаментский инженер, мировой судья, землевладелец, прокурор коммуны, секретарь мирового суда, приходский священник, пахарь, землевладелец, арендатор, приходский священник, землевладелец, офицер национальной гвардии, токарь, пахарь, секретарь мирового суда, мировой судья, хирург, письмоводитель муниципалитета, землевладелец, приходский священник, мэр, прокурор коммуны, мэр, нотариус, арендатор, арендатор, хирург, землевладелец, мэр, земледелец, мэр, земледелец, хирург, мировой судья, мэр, мэр, секретарь мирового суда, земледелец, юрист, землевладелец, нотариус, землевладелец, офицер национальной гвардии, землевладелец, арендатор, мэр, секретарь мирового суда, муниципальный чиновник, торговец, торговец, торговец дровами, прокурор коммуны, член администрации дистрикта, земледелец, епископальный викарий, земледелец-собственник, фермер, мэр, прокурор коммуны, земледелец, земледелец, земледелец, земледелец, землевладелец, земледелец, землевладелец, мировой судья, лекарь, земледелец, нотариус, арендатор, земледелец, земледелец, земледелец, булочник, торговец, землевладелец и т. д.

Та же картина и во всех других дистриктах. Если бы мы имели по всем департаментам такие списки, какие нам дает по Вандее в своем замечательном труде Шассен, то мы, несомненно, установили бы с небольшими отклонениями те же характерные особенности.

В собраниях выборщиков очень большое место принадлежит должностным лицам Революции и в их лице судейской буржуазии, из которой они главным образом и набирались. Но нельзя забывать, что это были выборные должностные лица, воплощавшие

в себе весь пыл и живительную страсть самого народа; нельзя забывать, что именно им угрожал, в частности, манифест герцога Брауншвейгского и что, участвуя в Революции, они рисковали головой. Наемные труженики, пролетарии не были призваны играть первостепенную роль отнюдь не из-за пренебрежения или консервативного недоверия к ним. Но, поскольку тогда у них не было иных интересов, кроме интересов Революции, почему бы не доверить охрану ее тем, кто открыто и официально высказался в ее пользу?

Всеобщее избирательное право было только что созданным институтом. Оно было введено всего несколько дней назад и осуществлялось впервые. Поэтому пролетариат не мог завоевать ни малейшей частицы политической власти; он не имел ни одного представителя среди должностных лиц и выборных членов администрации департаментов, дистриктов и коммун. Но политический руководящий состав формируется не случайно; в 1792 г. революционная сила принадлежала еще буржуазии и только буржуазии [5].

ПРОФЕССИИ ИЗБРАННИКОВ

Но эта буржуазия, если можно так выразиться, не была классовой, явно противопоставлявшей себя пролетариям. В Конвенте было некоторое число негоциантов, несколько промышленников, в частности два владельца металлургических предприятий. Но в общем предприниматели были мало представлены в Конвенте. Даже в городах с крупной промышленностью, таких, как Руан, где, как мы видели, предприниматели горячо участвовали в избирательной борьбе, даже там, где имелось много умеренных элементов, кандидатами (впрочем, незадачливыми) имущей буржуазии были юрисконсульты вроде Туре [6].

Департамент Нижняя Сена, где промышленность развивалась весьма стремительно, посылает в Конвент Альбитта, юриста из Дьепа, Пошоля, мэра Дьепа, бывшего ораторианца, Арди, врача из

---

3. Ноэль Пуэнт; см. далее, с. 143, прим. 17.
4. Департамент Вандея.
5. «Конвент не мог быть верным отражением соотношения сил в стране... По своему составу новое собрание вышло из меньшинства, отвергавшего всякий компромисс и увертки перед лицом опасности. Санкюлоты — участники «великих дней», сторонники террора и регламентации — не обладали в нем последовательными выразителями своего мнения; Гора представляла их в нем не полностью, не имея еще собственной экономической и социальной программы, и поборники «аграрного закона» видели, что они подвергаются единогласному осуждению». (G. Lefebvre. La Révolution française, 3e éd., p. 285.)
6. Туре (1746—1794) — адвокат в Руане, депутат третьего сословия Руанского бальяжа в Генеральных штатах, судья Кассационного суда.

Руана, Иже, судью из Кани, Эке, мэра Кодбека, Дюваля, секретаря центрального бюро мировых судей в Руане, Венсана, члена администрации дистрикта Нёшатель, Фора, судью из гаврского суда, Лефевра, сборщика налогов из дистрикта Гурнэ, Блютэля, мирового судью из Руана, Байёля, мирового судью из Гавра, Мариетта, мирового судью из Руана, Дубле, земледельца из Лондиньера, Рюо, приходского священника из Ивто, Буржуа, судью из нёшательского суда, Делаэ, поверенного из Кодбека.

Кто был избран в Конвент от департамента Тарн, где суконная промышленность тогда была столь развита и где промышленная буржуазия была столь могущественна и энергична, что несколько месяцев спустя после 31 мая она вовлекла весь департамент в федералистское движение, причем понадобилась вся энергия Бодо [7], чтобы ее сломить и успокоить? Ласурс — протестантский священник, Лакомб Сен-Мишель — артиллерийский офицер, Соломьяк — председатель департаментского уголовного суда, Камма (Campmas) — член департаментской администрации, Марвежуль — член администрации дистрикта Гайак, Доберменил — выборщик из Кастра, Гузи — юрист, Рошгюд — бывший граф, Мейер — член администрации департамента [8]. Ни одного промышленника, ни одного негоцианта. Правда, протестантская промышленная буржуазия питала полное доверие к Ласурсу и через его посредство была тесно связана с Жирондой [9].

В департаменте Жиронда из двенадцати депутатов трое были негоциантами: Дюко, Буайе-Фонфред и Дюплантье; остальные девять — членами администрации или адвокатами [10]. В департаменте Буш-дю-Рон, где действовали весьма могущественные интересы, среди депутатов не было ни одного купца. Мэр Авиньона Дюпра, богатый шелкоторговец, был избран благодаря своей революционной деятельности в Конта-Венессене, а не интересам, какие он представлял [11].

В департаментах Мёрт и Мёз, где были столь развиты металлургическая и стекольная промышленность, где жили столь влиятельные и предприимчивые владельцы металлургических заводов, не был избран ни один фабрикант [12].

От департамента Изер, где я уже отмечал, ссылаясь на Ролана, поразительно бурную промышленную деятельность, наблюдая которую Барнав, несомненно, и разработал свою экономическую теорию Революции, не было избрано ни одного промышленника [13]: Бодран — судья вьеннского суда, Женевуа — председатель гренобльского суда, Сервона — нотариус и мировой судья, Амар — член директории Гренобльского дистрикта, Прюнель де Лиер — мэр Гренобля, Реаль — глава администрации Гренобльского дистрикта, Буасьер — член администрации департамента, Женисьё — судья гренобльского суда.

В департаменте Рона и Луара, в районах Лиона, Роанна и Сент-Этьенна, где могущество промышленности было безраздельным

и имело давние корни и где оно уже вызывало социальные конфликты, что говорит о чрезвычайной экономической зрелости [14], почти все мандаты получает буржуазия в лице членов администрации, судей, врачей, юристов или «интеллектуальная» буржуазия: Шассе — судья из Вильфранша, Дюпюи — судья из Монбризона, Витэ — мэр Лиона, Дюбуше — врач из Монбризона, Беро — мировой судья из Вальбенуата, Прессавен — хирург, заместитель прокурора коммуны, Мулен — мэр Монтаньи, Мише — судья в Вильфранше, Патрен — естествоиспытатель, Форест — судья из роаннского суда, Жавог — член администрации дистрикта Монбризон, Лантена — врач [15].

Единственным прямым представителем торговли был Кюссе, лионский негоциант [16]. И естественно, что от этого района, где класс рабочих и ремесленников столь значительно продвинулся в социальном развитии, в Конвент был послан рабочий, один-единственный рабочий — Пуэнт-младший (Ноэль), оружейник из Сент-Этьенна [17].

---

7. Бодо (1763—1837) — врач из Шароля, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сона и Луара.
8. «Les Conventionnels. Listes par départements et par ordre alphabétique des députés...» par. J. Guiffrey, Paris, 1889, p. 59.
9. Ласурс (1763—1793) — пастор из Кастра, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Тарн, гильотинирован вместе с жирондистами 10 брюмера II г.
10. «Les Conventionnels...», p. 23. Адвокаты: Верньо, Гюаде, Жансонне, Же де Сент-Фуа, Гарро. Члены администрации: Гранженёв, по профессии юрист, Делэр, Лаказ, по профессии негоциант, Бергоэн (Bergoeing).
11. См. выше, с. 133, прим. 34. См. «Les Conventionnels...», p. 9. Дюпра (1760—1793) — муниципальное должностное лицо, впоследствии мэр Авиньона, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон, гильотинирован вместе с жирондистами 10 брюмера II г.
12. См. «Les Conventionnels...», p. 38. Департамент Мёрт: четыре члена администрации, двое судей, один епископ, один земледелец. Департамент Мёз: пятеро судей, три члена администрации. См.: C h r. P f i s t e r. Les assemblées électorales dans le département de la Meurthe, le district, les cantons et la ville de Nancy. Nancy, 1912.
13. См. настоящее издание, т. I, с. 135, «Дофине», и с. 136, «Барнав и экономическая теория революции».
14. См. настоящее издание, т. I, с. 116, «Лион», и с. 123, «Лионские рабочие».
15. «Les Conventionnels...», p. 51.
16. Кюссе (1759—1796) — шелкоторговец из Лиона, депутат Конвента, замешанный в деле Гренельского лагеря, последовавшем за раскрытием «заговора во имя равенства» Бабёфа, был приговорен к смертной казни и расстрелян.
17. Ноэль Пуэнт (1755—1825) — рабочий-оружейник из Сент-Этьенна, депутат Конвента, после прекращения его заседаний был прикомандирован к оружейной мануфактуре Бержерака; секретарь уголовного суда Дордони в VI г. Чесальщик шерсти Армонвиль, избранный от департамента Марна, также заседал в Конвенте. [*Примечание А. Матьеза.*]

Надо признать, что это был довольно серый человек, не оставивший следов в истории революционного движения. Я обнаружил только два изложенных им письменно мнения: по поводу суда над Людовиком XVI и по поводу его осуждения [18]. Своей высокопарностью и банальной претенциозностью они похожи на писания, в которых пробуют свое перо писатели-рабочие и поэты-рабочие, не обладающие достаточной смелостью и пониманием, чтобы говорить простым и сочным народным языком.

«Граждане, я не притязаю рассеять солнцем философии тьму софизмов, которой окутывают вопрос о том, можно ли и надо ли судить убийцу французской нации». Это — вступление [19]. Пуэн даже имел слабость сочинить во время этого великого кризиса шесть более чем бесполезных стихотворных строк:

«Коль варварство жестокое тирана злого
Находит покровителей, о родина моя!
От ярости его тебе еще страдать придется.
Но если слабый голос мой никто и не услышит,
Чего б ни стоило, тебе служить я буду,
Все силы положу, всю кровь мою отдам!»

Если бы Пуэнт поручил изложить свое мнение какому-нибудь коллеге, то тому не пришло бы в голову делать это в таких стихах; кроме того, привычка к стихосложению и забота о правильности синтаксиса, свойственные буржуа XVIII в., позволили бы ему избежать грамматической ошибки в пятой строке. Стихи эти принадлежат, несомненно, самому Пуэнту. Итак, департамент Рона и Луара послал в Конвент рабочего, в общем достаточно образованного и сносно владевшего языком.

Он сознавал особую важность своего избрания. В заголовках своих печатных мнений он сам всегда писал: «Печатное мнение Ноэля Пуэнта, *рабочего-оружейника из Сент-Этьенна*». И каждый раз он намекает на свое социальное происхождение. «Не принадлежа к числу людей,— говорит он в первом,— развивавших свои ораторские способности, я никогда не отличался красноречием». А содержание его второго напечатанного мнения (15 января 1793 г.) было весьма значительным. Он резко упрекает Конвент за его колебания и вялость [20]: «Граждане, потомки будут удивляться, узнав, что представители французского народа, основатели обширной и огромной Республики, так долго не могли решить судьбу тирана — клятвопреступника и убийцы. Они будут удивляться тому, что, хотя у вас в первый же день, когда вы собрались, хватило мужества ниспровергнуть трон и упразднить королевскую власть, вам оказалось мало двух месяцев, чтобы устроить суд над деспотом, низложенным за столько совершенных им преступлений и жестокостей. Они будут удивляться тому, что вы потратили столько драгоценного времени на рассмотрение дела убийцы, когда одна мысль о его гнусных преступлениях возмущает человека до глубины души. Наконец, они будут удивляться тому, что Национальный Кон-

вент, *состоящий из свободно избранных людей, всех без различия званий*, что Конвент, облеченный великой нацией неограниченными полномочиями, Конвент, на который она возлагала свои последние надежды и который должен был служить для народа последним оплотом, с корнем вырвав и тиранию и гнет, проявил такую медлительность и слабость в вынесении приговора самому свирепому и кровожадному тирану, когда-либо существовавшему». Тон, несмотря на некоторую высокопарность, выразительный и резкий. И когда мы будем присутствовать на процессе короля, мы с удовлетворением вновь услышим сильные слова из уст рабочего. Но в настоящий момент я прежде всего хочу отметить то представление, какое Пуэнт составил себе о Конвенте: источник силы Конвента состоит в том, что в него входят люди всех званий; депутат-рабочий не задается вопросом, правильно ли представлены в Конвенте в их истинном соотношении все жизненные силы нации. Если рабочий, пусть даже один, вошел в Конвент и только от воли выборщиков зависело избрать туда многих рабочих, то это действительно великое событие. История прошлого не знает ни одного собрания, где были бы представлены люди всех званий: ни в собраниях античности, которые исключали рабов, ни в собраниях варваров, куда входили только свободные люди, ни в английской палате общин, куда имели доступ только землевладельческая аристократия и буржуазная олигархия.

Да, впервые в истории самый смиренный из людей, рабочий, занимавшийся физическим трудом, пролетарий, наследник раба, был призван осуществлять верховную власть. Рабочий фабрики, призванный судить короля и осуждающий колеблющуюся и разъединенную буржуазию за ее медлительность, фабричный рабочий, грубоватый мастер молотка и долота, устанавливающий законы вместе со всей нацией и для всей нации, — это было великое зрелище и, если можно так выразиться, революция в Революции. Ноэль Пуэнт заслуживает признательности за то, что он почувствовал это. Он еще раз подчеркивает свое происхождение из народа:

«Последнее средство адвокатов Людовика — воззвать к народу. Я далек от желания узурпировать национальный суверенитет; это значило бы самому лишать себя своих собственных прав, так как я *действительно* вышел из народа» [21].

---

18. В действительности после Ноэля Пуэнта остались не «два изложенных письменно мнения», как утверждает Жорес, а семь различных печатных изданий; шесть «Comptes rendus...», две «Discours...», одно «Opinion...»; все они были напечатаны по распоряжению Национального Конвента.
19. «Opinion de Noël Pointe, ouvrier armurier de Saint-Etienne, membre de la Convention Nationale, sur le jugement de Louis XVI», заседание 30 ноября 1792; «Archives parlementaires», LIV, 302.
20. «Archives parlementaires», LVII, 285.
21. Удовлетворительной биографии

Очевидно, рабочий-оружейник придает здесь слову «народ» смысл более глубокий, более пролетарский, чем тот, который ему часто придавали тогда в политическом языке. Он думает о заводах, откуда он вышел, хороших и суровых товарищах по мастерской. И когда он прибавляет:

«Что касается меня, то я ценю общественное уважение выше богатства и жизни и не намерен разделять с моими нерешительными коллегами позор и бесчестье, которые они заслужат. Я пришел из своего департамента с незапятнанным именем и хочу возвратиться туда, ничем себя не запятнав»,— то он, несомненно, еще не забыл строгих наказов своих друзей и товарищей по работе, рабочих-металлургов Сент-Этьенна: «Во всяком случае, действуй прямо и твердо и докажи всем, что рабочий не предаст Революции». Разумеется, он не противопоставляет рабочих буржуазии, он не намечает никакой классовой политики; но по тому резкому тону, каким он объявляет своим коллегам, что покинет Конвент, если они не проявят ни энергии, ни решимости, чувствуется новая, особая сила, сознающая свою самобытность. В этих словах рабочего-оружейника Пуэнта я нахожу отзвук пламенных и гордых слов, какими обменивались в мастерских рабочие Сент-Этьенна, Лиона и Роанна, когда была выдвинута кандидатура Пуэнта. Это, конечно, не более чем хилый и слабый росток; но это показатель того, каким мог бы быть рост рабочего класса, если бы остались в силе всеобщее избирательное право и республиканская свобода, если бы демократия сохранила свои чистые формы.

Немало рабочих присоединились бы к рабочему-оружейнику из Сент-Этьенна в больших национальных собраниях, многие рабочие проникли бы в выборные муниципалитеты промышленных городов, и власть буржуазии вместо того, чтобы свестись к эгоистической олигархии угнетателей, должна была бы проникнуться правом рабочих. Ни буржуазия, ни само буржуазное общество не представляют собой непроницаемого целого. Слово «буржуазия» обозначает класс, не только сложный и смешанный, но и изменяющийся и подвижный. У революционных буржуа Конвента и у цензитарных буржуа времен Луи Филиппа, несомненно, было много общих идей и общих интересов. Буржуа-легисты из Конвента выступили бы против коммунизма, против социального преобразования собственности так же горячо, как буржуа-капиталисты времен Луи Филиппа. И все же у них был иной идеал, иная душа. Легисты Революции были озабочены упрочением величия буржуазии, но не буржуазного эгоизма. Они отнюдь не посягали на принцип индивидуальной собственности, такой, как ее определили римское право, распад феодальной системы и рост буржуазии. Но в интересах Революции и ради спасения нового общества они были вполне способны потребовать от имущих больших жертв, дать отпор их алчности, обуздать силой их эгоизм и вознаградить на-

род за его столь необходимую для Революции помощь политическими правами и социальными гарантиями. Они были скорее легистами буржуазии, чем самой буржуазией. И если Революция послала в Учредительное и Законодательное собрания и в Конвент лишь незначительное число негоциантов [22], то это произошло не только потому, что негоциантам и промышленникам нелегко было оторваться от своих дел, не сосредоточенных, как теперь, в Париже благодаря административным советам акционерных обществ; не только потому, что промышленники и коммерсанты не обладали в такой мере, как легисты, навыком к публичным выступлениям, столь необходимым при демократии, но и потому, что Революция инстинктивно не хотела отметить свое великое дело печатью классовой узости, потому, что Революция, явившаяся следствием экономического роста буржуазии, а также всего развития человеческой мысли, хотела, чтобы общая воля нации и широкое понимание человеческих отношений нашли выражение в законе. Поэтому после 10 августа Законодательное собрание, несомненно, легче, чем это сделало бы буржуазное собрание, состоящее из промышленников, капиталистов и фабрикантов, которые не в состоянии были отрешиться от мысли об иерархии на заводе, провозгласило всеобщее избирательное право. И легисты Конвента воплощают в себе всю нацию в целом, *людей всех званий*, как сказал рабочий Пуэнт; они — носители революционной демократии, и сент-этьеннский рабочий, выражающий чаяния наиболее пламенной, наиболее сознательной части французского пролетариата той эпохи, обращается к буржуазным легистам Конвента отнюдь не как к людям другого класса, а как к союзникам, несколько избалованным судьбой и своими талантами, которые нуждаются в том, чтобы совершенно новая и непосредственная революционная сила оживила их энергию и устранила колебания.

Ноэля Пуэнта не существует. См.: J. P e n a u d. Un conventionnel inédit: Noël Pointe.—«La Révolution française», 1883, t. V, p. 551; t. VI, p. 607, 700, 800, 866, 967, 1076; R. V i l l e p e l e t. Un dernier mot sur Noël Pointe.—«Bulletin de la Société historique et archéologique du Périgord», 1922, p. 323.

22. Статистический анализ состава депутатов третьего сословия в Учредительном собрании по профессиям дает нам следующие цифры: должностные лица (королевские прокуроры, субделегаты, судьи, советники бальяжей, сборщики налогов) — 278; адвокаты, нотариусы — 166; лица свободных профессий (большей частью врачи) — 31; землевладельцы, земледельцы, пахари — 67; негоцианты, банкиры, владельцы металлургических предприятий — 85, то есть 13%; не уточнены профессии 21 человека; всего 648 членов.

Огромное большинство представителей третьего сословия в Учредительном собрании составляли легисты, а не предприниматели; то же самое наблюдалось и в Конвенте.

БОЯЗНЬ «АГРАРНОГО ЗАКОНА»

Впрочем, собрания выборщиков, из которых вышел Конвент, были резко враждебны не только всякому грабежу и анархии, но и всякому законному посягательству на право собственности. Весть о событиях 2—6 сентября дошла до них почти в тот момент, когда они по окончании выборов собирались разойтись. События эти вызвали среди них довольно сильное смятение. Ибо, если народ Парижа не повинуется больше законам, если он подменяет собой революционное правосудие, совершение которого было отложено, если он убивает контрреволюционеров, то пример может оказаться заразительным, и не приведет ли он повсюду к уничтожению закона? Мстя врагам Революции, не собирается ли народ отнять у них жизнь и лишить их имущества? И когда он привыкнет распоряжаться, как хозяин, владениями эмигрантов, распределять их без вмешательства закона, когда вскоре, в силу естественного и почти неизбежного развития событий, он перейдет к захвату имущества фейянов, умеренных буржуа-ретроградов, которые могут показаться ему сообщниками эмигрантов и короля, то какова будет та грань, что укажет, где начинается право собственности? Постепенно, под предлогом Революции, вся законно установленная собственность станет добычей этих дерзких людей. После сентябрьских дней и насильственных действий народа инстинкт самосохранения заставлял имущих людей, всех имущих — как буржуа, так и крестьян, — опасаться осуществления «аграрного закона». Перестав быть призраком, он, казалось, приобретал определенные очертания. Поэтому во многих собраниях выборщиков либо заявлялись решительные протесты против всякой мысли об «аграрном законе», либо торжественно подтверждалось право собственности. Это было мерой предосторожности против сторонников насилия. Это было также ответом на язвительные толки контрреволюционеров, всюду объявлявших «аграрный закон» логическим и неизбежным следствием самой Революции.

В Монтобане, расположенном совсем близко от Керси, где, как мы видели, крестьяне насильственно и без выкупа отменили все феодальные повинности задолго до того, как по этому поводу был издан закон, демократы, по-видимому, боялись, что деревенские революционеры наложат руку на имущества эмигрантов и народ разделит их вместо того, чтобы передать нации. Собрание выборщиков обратилось к гражданам Ло со следующим призывом [23]:

«На нас напали внешние враги; они осквернили землю свободы, их нечестивое оружие принесло опустошение и смерть. Но защитники отечества, линейные войска и национальная гвардия стоят на страже. Вам же следует бороться с другими врагами... с теми внутренними врагами, которые, *пробравшись в вашу среду*, *прикрываясь личиной патриотизма*, *подрывают священные права собственности*, безопасность, вселяют в ваши души жестокость и хотят

толкнуть вас к анархии, побуждая вас, насколько это в их силах, наносить самые губительные удары политической, гражданской и религиозной свободе... Граждане! Ни одно общество не может существовать без неизменного уважения к неприкосновенности собственности. Декларация Прав Человека, это столь дорогое для всех французов евангелие, утверждает этот основной принцип... *Расхищать собственность под предлогом того, что расхищаемые предметы принадлежат врагам государства, — значит ли это уважать собственность*? Карать бунтовщиков может закон, и только закон; Законодательный корпус *передал в распоряжение нации имущества тех*, кто покинул свое отечество и возвращается с оружием в руках, чтобы его поработить; *следовательно, эти имущества более им уже не принадлежат, они стали национальными имуществами*: наносить им ущерб или мошеннически собирать с них доходы — значит лишать нацию, лишать самих себя ценных ресурсов в критических обстоятельствах, когда французский народ вынужден бороться против лиги вступивших в заговор королей [24].

Но если вы должны уважать собственность, то еще гораздо больше должны вы уважать личность! Они, без сомнения, преступники, эти чудовища, которые, ненавидя свободу и равенство, хотят похоронить их под руинами опустошенной Франции; они тысячу раз преступны, эти мнимые служители бога-миротворца, ибо, презирая одновременно законы божеские и человеческие, они нагло проповедуют бунт, наполняют души своих легковерных последователей сомнениями и боязнью и, вселив в них страх перед будущим, превращают их в варваров по убеждению и вменяют им в долг самые отвратительные преступления. Дайте этой религиозной чуме беспрепятственно уйти, покинуть страну, и пусть зараженные ею зловредные существа унесут ее к нашим соседям, благожелательным к ним! *Закон, граждане, закон — вот лозунг, объединяющий всех добрых граждан!*»

Итак, революционеры-демократы могли опасаться, что часть народа выйдет за рамки закона, что народ заменит мятежным священникам наказание высылкой из страны смертной казнью и опередит анархическим разделом земель эмигрантов их законную продажу. Если бы этим стихийным и беспорядочным действиям всюду была дана воля, то Революцию захлестнули бы самые свирепые насилия. Например, на каком основании и по какому праву крестьяне присвоили бы себе имущества эмигрантов или общинные

---

23. Собрание выборщиков департамента Ло заседало со 2 сентября 1792 г. Оно избрало десять депутатов, всё граждан состоятельных, в большинстве монтаньяров и сторонников казни короля.
24. На имущества эмигрантов был наложен секвестр согласно законам Законодательного собрания от 9 февраля и 30 марта 1792 г. См. настоящее издание, т. II, с. 609—615, «Вопрос об общинных землях и землях эмигрантов».

земли? Сколько возникло бы кровавых раздоров между участниками дележа, добивающимися получения лучшей доли! Следовательно, было необходимо властное вмешательство закона для упорядочения этих обширных операций, будь то продажа земель эмигрантов мелкими участками в пользу нации, находящейся под угрозой, или раздел по определенным правилам общинных земель.

Ужасная альтернатива для Революции, которая была вынуждена то прибегать для своего спасения к стихийному взрыву народной силы, как это было 14 июля и 10 августа, то сдерживать и обуздывать ее дисциплинирующим воздействием закона! Без превосходной экономической и идеологической подготовки, которая делала Революцию непобедимой, последняя была бы десять раз уничтожена, оказавшись между этими противоречивыми потребностями. Но она всегда умела с поразительной силой и гибкостью использовать в решающий момент великую стихию коллективных действий героического народа и все же поддерживать в его душе почти религиозное уважение к закону, как к священному выражению общей воли. Таким образом Революция сумела если и не отстоять свой идеал целиком, то по меньшей мере успешно осуществить некоторые решающие меры, делавшие невозможным полный возврат к прошлому, и создать несколько великих прецедентов, ярких и сильных, которые подготовляли и возвещали вопреки неоднократному возвращению мрака реакции и порабощения окончательное торжество республиканской свободы и демократии.

Призыв собрания выборщиков Ло отражает почти единодушное мнение революционной Франции в сентябре 1792 г. Но наше представление об этих выборах, продолжавшихся от одной до двух недель, когда все живые силы Революции были сосредоточены в собраниях выборщиков, будет неточным, если мы не почувствуем, каким патриотическим пылом были охвачены все эти собрания.

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПЫЛ

Среди соперничества и интриг все с нетерпением ожидали прибывавших с границ вестей. Взят ли Лонгви? Держится ли Верден? Пусть Франция будет горнилом, и пусть Конвент выкует меч! Часто ход выборов прерывался хлынувшим потоком патриотических даров — писем с ассигнатами, драгоценностей, браслетов, принадлежавших как гордым крестьянкам, так и богатым буржуазкам: пусть все это золото будет переплавлено и пойдет на пользу свободе! В то время когда мужчины находились в собраниях выборщиков или в клубах, женщины собирались в церквах, но не для того, чтобы молиться — во всяком случае, их молитва была краткой,— а для того, чтобы трудиться, готовить снаряжение, шить палатки, военную одежду, а также щипать корпию. Почитайте парижские газеты: все церкви были заполнены женщинами-

патриотками, которые, следуя прекрасному призыву Коммуны, хотели послужить отечеству, облагородив свой труд [25]. Прочтите письма Леба и его отца [26]; повсюду, в департаментах Па-де-Кале и Нор, женщины, собравшись вечером в церкви и, конечно, принеся туда тонкие свечки, обычно прикреплявшиеся к колпаку над камином, вязали, шили, щипали корпию для раненых, порою прислушиваясь в ночной тишине к неясным звукам, доносившимся с границы: неужели неприятельская пушка стреляет уже в окрестностях Лилля? Иногда в церковь заходил какой-нибудь мужчина, революционер из поселка или из деревни, и обращался к этим женщинам с краткой речью, призывая их к стойкости в борьбе с предстоящими опасностями, к героизму и мужеству.

Матери! Это родина, родина свободы — наша великая мать!

Порою тот, кто непринужденно говорил с женщинами почти с порога церкви, куда его привлек свет, по их просьбе поднимался по ступеням кафедры. И ни одна из этих женщин не воспринимала это как насмешку или профанацию, хотя почти все они оставались верующими христианками. В их душе религиозные чувства их детства и юности, еще милые израненному сердцу, гармонически и естественно сочетались с высокими и святыми мыслями о свободе, об отечестве, о будущем. Но последние были сильнее. Если священник восстает против свободы, то пусть священника покарают; если старая религия пытается очернить новую веру, веру в свободное человечество, то пусть старая религия угаснет, и пусть в самой церкви мистическую лампаду заменит светоч священного труда, благодаря которому будут одеты, укрыты и получат помощь защитники свободы и права!

Так рождались новые мысли, так нарастали внезапные порывы, поднимавшие прежде склоненные головы и как бы раздвигавшие низкие своды старых церквей, привыкших к глухим словам покорности. Мужчины в лагерях или в ратушах, сражавшиеся или выбиравшие, то есть опять-таки сражавшиеся, женщины в церквах, занимавшиеся трудом, более ревностным, чем молитва,— все эти очаги испускали лучи, которые, соединившись, зажгли пламя Конвента.

---

25. Прокламация Генерального совета Парижской коммуны к гражданкам 48 секций (утреннее заседание 3 сентября 1792 г.). См. выше, с. 115 прим. 32.
26. Леба (1764—1794) — адвокат в Сен-Поль, член администрации департамента Па-де-Кале, депутат Конвента, гильотинирован 10 термидора II г. См.: L e b a s. Correspondance inédite... . Paris, 1837.

ПЕРВЫЕ СХВАТКИ МЕЖДУ ПАРТИЯМИ

Но партии, стремясь овладеть этим великим движением, его исказили или сломили. Жиронда могла считать себя победительницей, и, как мы видели, Бриссо 10 сентября уже выражал свою радость по поводу результатов выборов. Действительно казалось, что везде, кроме Парижа, победила Жиронда. Департаменты, хотя они определенно или резко не высказывались по адресу Парижской коммуны, Робеспьера и Марата, питали все же к ним некоторое недоверие. Во всяком случае, 15 сентября Марат признает свое поражение и чуть ли не призывает к восстанию [1]:

«Гнусные уловки, которые с успехом были пущены в ход в департаментах, чтобы направить в Национальный Конвент изменников, всегда проявлявших себя как самые ожесточенные враги народа. Страшные беды, которые явятся следствием недостойного выбора департаментов, если народ не останется на страже до окончания работ Конвента. Безусловная необходимость добиться того, чтобы он заседал в обширном помещении *без какой бы то ни было охраны.*— Узнав о предусмотренной декретом системе выборов депутатов в Национальный Конвент, я громко возмущался. [Речь идет о двухстепенных выборах.] Я видел в ней лишь хитроумное средство, примененное Собранием, чтобы наводнить верховный совет нации развращенными людьми, поручив избрание представителей народа собраниям выборщиков, избрание, которое, по сути дела, является правом первичных собраний. Я предвидел отвратительные интриги, посредством которых будут воздействовать на выборщиков, средства соблазна, которые будут пущены в ход для их подкупа, и я понял, почему выдвигались возражения против выборов, производимых непосредственно гражданами, собрав-

шимися в их секциях... То, что я предвидел, и произошло повсюду в стране; интриги, мошенничество, соблазны, продажность (Ролан, эта министерская кукла, сыпал пригоршнями золото, чтобы добиться избрания всех бриссотистских писак) — все было пущено в ход, чтобы оказать влияние на собрания выборщиков и провести в Национальный Конвент людей, обесчестивших себя антигражданственностью, заведомых изменников отечества, людей развращенных, подонки Учредительного и нынешнего собраний. Кто мог бы подумать, что среди депутатов окажутся такие, как Малуэ, Рабо, Туре, Тарже, Пасторе, Кондорсе, Дюмолар, Дюшатель, Верньо, Гюаде, Лакруа, Бриссо? [Насчет многих из них Марат ошибался: Малуэ, Туре, Тарже, Пасторе, Дюмолар не были избраны.]

Французы, чего вы ждете от людей такого сорта? Они окончательно погубят все, если немногочисленные защитники народа, призванные бороться с ними, не одержат верх и не смогут их раздавить. Если вы не окружите их многочисленными слушателями, если вы не лишите их пагубного талисмана — неприкосновенности, если вы не предадите их мечу народного правосудия, как только они начнут пренебрегать исполнением своих обязанностей, злоупотреблять вашим доверием и изменять отечеству, то они погубят вас навсегда. Не позволяйте Национальному Конвенту заседать в зачумленном воздухе зала Манежа в Тюильри. Приготовьте для него достаточно обширное помещение, чтобы на трибунах поместилось три тысячи граждан, со всех сторон открытое и совершенно без охраны, с тем чтобы депутаты были всегда под контролем у народа и не имели никакой иной защиты, кроме своей гражданской доблести и добродетели. Без этого вы тщетно будете возлагать свои последние надежды на Национальный Конвент. Изменники, призвавшие врагов свободы, окопавшихся в своем логове под защитой пушек контрреволюционеров, будут издеваться над народом, предадут его права и, подобно своим предшественникам, будут обращаться, как с разбойниками, с возмущенными патриотами, которые постараются призвать их к исполнению своего долга».

Итак, Марат заявляет, что большинство Конвента —«бриссотистское»; он ждет отныне спасения для Революции только от мощи народа, силой воздействующего на Конвент. Требуя, чтобы последний не имел охраны и таким образом всегда был бы под контролем народа, он дает Жиронде нужный ей предлог к вызову в Париж департаментской стражи. Жиронда могла бы пренебречь этими гневными выпадами, тогда еще совершенно бессильными. Но у нее тоже родилось пагубное намерение раздавить своих соперников. Смертельная ошибка! Ибо совсем не для того Фран-

1. «L'Ami du peuple», № 682, 15 septembre 1792. Жорес воспроизводит вначале заголовок этого номера газеты.

ция выбрала ее в Конвент. Между Францией и Жирондой возникло недоразумение. Франция оказала свое доверие не Жиронде, а Революции, хранительницей которой, как ей тогда казалось, была Жиронда.

ПЛАН ЖИРОНДЫ ПРОТИВ ПАРИЖА

По мере того как жирондисты будут все яснее обнаруживать свое стремление к исключительному господству, избравшие их будут впадать в своего рода грустное оцепенение. Но жирондисты, оглушенные и опьяненные своей победой, обезумевшие от ненависти к Робеспьеру, раздраженные против отвергнувшего их Парижа, кроме того, убежденные в том, что они с легкостью увлекут за собой всю департаментскую Францию, придумали план, чтобы покончить со своими врагами. Если бы у них было больше широты ума и души, если бы они оставили без внимания — вместо того, чтобы преувеличивать их значение, — отдельные и почти тщетные выпады Марата, если бы они сплотились вокруг Дантона, чтобы направить все свои усилия исключительно на спасение отечества и организацию свободы, то Париж вскоре сам отказался бы от своих предубеждений и вся революционная Франция, объединившись, основала бы бессмертную Республику. Но жирондисты притязали на безраздельное господство и руководство; малейшее противодействие воспринималось ими как нестерпимое оскорбление. Они хотели расцвести на вершине Революции как единственный яркий и ревниво красующийся цветок.

Их план родился почти сразу. Они задумали использовать сентябрьские избиения и возложить прямую ответственность за них на Коммуну и Робеспьера; они принялись старательно вселять растерянность в умы, сеять панику, доказывать, что, пока будет существовать влияние Парижа, не будет ни свободы, ни безопасности, что анархия, посягнув на отдельных лиц, посягнет и на собственность и что надо покончить со всеми дезорганизующими силами, действующими на руку врагу.

Часто говорили (и это повторяет Монтье [2]), что до 10 сентября жирондисты, и в частности газета Бриссо, не произнесли ни одного слова осуждения по поводу сентябрьских избиений. Это неверно; я уже указывал, как 3 сентября Бриссо старается, правда, почти исподтишка, возложить ответственность за них на Коммуну [3].

4 сентября тактика жирондистов становится более определенной, и вот каким образом Бриссо комментирует письмо Ролана, сообщающее о новых волнениях вокруг Аббатства и возлагающее на представителей сил общественного порядка ответственность «за жизнь хотя бы одного гражданина, незаконно принесенного в жертву» [4]. Бриссо говорит: «*Г-н Ролан заявляет, что он более не думает, что вторжение в тюрьмы и избиение узников были результатом стихийного возмущения народа; его действие не было*

бы столь длительным. Вооруженные люди все еще окружают тюрьмы и намереваются ворваться в подземелья, где, как они предполагают, спрятались заключенные. Угрожают жизни подписавших петицию двадцати тысяч. *Чудовища, с чьих рук каплет кровь,* явились в Наблюдательный комитет, чтобы потребовать их список, в выдаче которого им наотрез отказали». Но если избиения не являются результатом стихийного возмущения народа, если Ролан ошибся, как будто поверив этому в первый день, то не может уже быть и речи о том, чтобы все «предать забвению». Наоборот, надо выяснить, что это за сила организовала избиения [5].

Я не стану доискиваться, в какой мере избиения были стихийными или организованными. В данном случае это понятия весьма растяжимые. Девять лет спустя Ленде в своем письме к Серье [Serieys] по поводу его трагедии «Смерть Робеспьера», как мне кажется, сильно преувеличил роль организации [6]. Он пишет:

«Установленные власти [то есть Комиссия двенадцати Законодательного собрания, исполнительная власть и мэр Парижа] в полном единении осуществляли абсолютную власть. Народные массы были покорны и послушны, творя добро из любви и по велению чувства, творя зло по неведению.

Всякий раз, когда говорят о злополучных сентябрьских событиях, общественное негодование направляют против горстки гнусных палачей и против тупой или ослепленной яростью толпы. Подстрекателей не называют. Скажу вам откровенно, гражданин, что толпа была обманута, и если мы хотим внушить справедливое отвращение ко всем совершенным преступлениям, то надо иметь мужество назвать их зачинщиков; надо назвать тех, у кого возникло это ужасное намерение, кто составил такой план и хладнокровно, в течение многих дней, предлагал средства к его осуществлению. Есть люди, которые думают, что этому разгулу жестокости легко было противодействовать. Я думаю, что такой возможности не было. *Речь идет не о народном движении; все совершалось по приказу.* К властям питали уважение; все повиновалось им. Одно присутствие мэра заставило рассеяться толпу около тюрьмы

---

2. См. выше, с. 122, прим. 12 о Робере Ленде.
3. См. выше, с. 76.
4. Письмо Ролана было оглашено в Законодательном собрании 4 сентября 1792 г. («Moniteur», XIII, 619.)
5. Относительно версии об «организации избиений администрацией» см.: P. C a r o n. Les massacres de septembre..., p. 340. Автор заключает: «На основании ныне известных источников, организация избиений администрацией, как на это обычно ссылаются, должна быть признана легендой» (с. 357).
6. Серье (1755—1819) — накануне Революции учитель в пансионе, затем служащий книгохранилища, в котором были собраны книги из монастырских библиотек, затем служащий в ведомстве народного просвещения, при Империи литератор, автор трехактной трагедии в стихах «Смерть Робеспьера». («La Mort de Robespierre», Paris, an IX.)

Тампль. Достаточно было подписи прокурора Коммуны, подписи ее секретаря, чтобы возвратить граждан к жизни, к обществу. Я полагаю, что, если бы одна из трех господствующих властей отказала в своем согласии на то, что предлагалось, эти события никогда не запятнали бы Францию. Я даже думаю, что если бы один-единственный представитель одного из этих органов власти воспротивился им, то он один смог бы помешать всему».

В словах Ленде есть странная неувязка. То он говорит, что движение, будучи организованным, было непреодолимо, то он говорит, что, для того чтобы помешать ему, было достаточно одного-единственного представителя от одного из трех вышеупомянутых органов власти. Но в своем обвинении он заходит очень далеко. Жирондисты, господствовавшие в Комиссии двенадцати, мэр Парижа Петион и все правительство, включая Ролана, формально обвиняются в том, что они совершили, организовали или умышленно допустили сентябрьские избиения. На кого же еще ложится доля ответственности? Неопровержима косвенная ответственность Коммуны и даже Собрания [7].

Бесспорна также явная ответственность Марата и Наблюдательного комитета Коммуны, хотя и трудно определить ее степень. Но кто сможет определить долю участия в этом мрачном событии сил расчета и сил стихийности? Жирондисты не могли разыскивать «организаторов» избиений, не рискуя задеть при этом народ Парижа. Поэтому самое лучшее было бы проводить политику широкой амнистии и «предать все забвению».

Но они, напротив, старались обнажить рану и оживить и довести до крайности страх. 11 сентября, в момент, когда гуманные влияния явно возобладали в Коммуне, когда авторитет Петиона укрепился, когда Париж был спокоен, газета Бриссо одобряет странную, совершенно безрассудную инициативу [8]: «Дабы предупредить ужасные грабежи, замышляемые в Париже, и не допустить, чтобы граждане стали жертвами беспорядков, секция Аббатства предложила всем секциям создать всеобщую конфедерацию, объединяющую все секции и всех граждан, чтобы взаимно гарантировать друг другу сохранность их собственности и жизни: *каждый гражданин будет обязан иметь удостоверение, подписанное его секцией на основании свидетельств соседей; он должен всегда носить его при себе. Все караулы, конные стражники, патрули будут иметь право останавливать всех прохожих; не предъявившие удостоверения будут задержаны;* если у них не окажется удостоверения по забывчивости, то их будут отводить в их секции для опознания. Иностранцы должны иметь при себе паспорта, которые будут им служить удостоверением. *Как только какой-нибудь гражданин, имеющий удостоверение, потребует для себя или для охраны своего имущества помощи, все должны будут поспешить на его призыв и дом, улица, квартал, секция и весь город должны будут туда направиться*».

Это был бы жирондистский террор и непрекращающееся безумие. 13 сентября Ролан ответил на нападки Марата длинной сентиментальной и расплывчатой листовкой, полной самовосхваления [9]. И опять призрак убийства.

«Лишь несколько дней спустя я узнал, что и меня назвали в числе предателей; что именно 2 сентября тайный городской комитет выдал предписание о моем аресте. Не было ли это сделано для того, чтобы перевести меня в Аббатство, а затем *выпустить* вместе со злодеями?.. Пусть трусы или изменники подстрекают убийц, я жду их, я на своем посту; я исполняю свой долг и сумею умереть».

Какая напыщенность! И какое мелодраматическое упоминание о кинжалах в то время, когда в действительности нечего уже было опасаться! Какая несоразмерность между статьями Марата и всем этим официальным аппаратом опровержения и министерских сетований! Но вот вокруг сентябрьских событий завязывается официальная полемика, и роль Марата искусственно раздувают: «враг всех добрых граждан, друг беспорядка и сторонник резни» ставится Жирондой над Парижем, как чудовищный, кровожадный идол. Следовательно, надо прежде всего разбить этого идола, и, когда политика будет сосредоточена на Марате, когда он падет, пораженный общественным негодованием, для кого не ясно, что будет раздавлена и Коммуна, на которую он оказывал столь сильное воздействие? Для кого не ясно, что будет поражен и оратор Коммуны — Робеспьер? Для кого не ясно, что будет дискредитирован и Дантон, виновный в том, что Марат его щадил? И Жиронда сосредоточит в своих руках всю власть.

Пусть патриоты не боятся, что она будет недостаточно отстаивать свободу. Разве не по инициативе Гюаде 4 сентября все депутаты поклялись как граждане и как частные лица *бороться всеми своими силами против королей и королевской власти*? Итак, сила и умеренность, революционный пыл и гуманность, преданность отечеству и поддержание порядка, любовь к народу и уважение

---

7. Здесь мы только можем снова сослаться на работу П. Карона («Les massacres de septembre»). В третьей части, «Recherche des responsabilités», автор рассматривает роль в этом деле правительства (Законодательного собрания, Временного Исполнительного совета), Коммуны (Генерального совета, Наблюдательного комитета, мэра...) и, наконец, секций. Он заключает: «Мы считаем установленным, что речь идет о действии масс, которое явилось результатом не подготовки, а коллективной психологической готовности, в которой тщетно было бы пытаться различить влияние инициативы отдельных лиц и даже групп» (с. 469).
8. «Le Patriote français», № 1128, 11 septembre 1792. Фактически речь идет о секции Катр-Насьон, на территории которой находилось Аббатство. См.: Buchez et Roux. XVIII, 33.
9. «Moniteur», XIII, 673; Buchez et Roux. XVIII, 25.

к собственности — все соединит в себе великая жирондистская партия, ставшая самой Революцией. И жирондисты так и действуют, продолжая кружить вокруг сентябрьских ран.

ИЗБРАНИЕ МАРАТА ОСПАРИВАЕТСЯ

Был момент, когда жирондисты могли думать, что они заставят кассировать избрание Марата. Большинство кандидатов-демократов заявили Парижу, что они будут считать выборы депутатов собраниями выборщиков действительными, только если они будут утверждены первичными собраниями секций. По-видимому, такой род избирательного *референдума* серьезно не проводился, и против этого поднялись протесты.

«Между секциями, муниципалитетом и избирательным корпусом,— пишет «Патриот франсэ» в номере от 20 сентября,— загорелся довольно странный спор; шарлатаны, которые помыкают народом, восхваляя его суверенитет, еще до выборов кричали на всех перекрестках, что секции должны контролировать выбор депутатов, подвергнув их чистке путем голосования; за это те и принялись. Но как только их самих избрали, они запели по-другому. В силу суверенного права народа секции хотели проверить выборы, но тотчас же разъяренные ораторы, боявшиеся исхода собрания, кинулись на трибуну, чтобы предать анафеме дерзость народа, пожелавшего поставить их кандидатуры на голосование» [10].

Марат, легко поддающийся беспокойству, 15 сентября забил тревогу.

«В то время как избирательный корпус разделился на две партии, между которыми беспрерывно происходят столкновения из-за того, что каждая из них хочет провести в Национальный Конвент граждан, которых она считает наиболее достойными, или, вернее, тех, кто, как им кажется, лучше осуществит их планы, враги свободы действуют в секциях, чтобы добиться исключения из Национального Конвента самых пламенных защитников свободы.

Мне небезызвестны козни партии Бриссо против «Ами дю пепль» [11]. Они вполне под стать низости врагов этой газеты; но она считает ниже своего достоинства тратить время на то, чтобы их расстраивать. Другу народа нечего больше сказать, если его право на общественное доверие еще может быть поставлено под сомнение. Единственный долг, какой ему надлежит выполнить по отношению к своим согражданам, патриотам всех секций, которые могли бы быть введены в заблуждение,— это заявить им, что его самое горячее желание, чтобы они нашли много других представителей, имеющих больше заслуг перед отечеством».

Но если даже в парижских секциях существовала настолько сильная оппозиция Марату, что Жиронда могла надеяться на его поражение [12], то к чему эта политика запугивания? Разве не ясно,

что Жиронда сеет страхи умышленно, ради достижения исключительного господства своей партии? Это непростительно вдвойне. Прежде всего, она хорошо знала из опыта жестоких волнений в Конта, что только амнистия могла привести к восстановлению порядка, да и она сама громко требовала ее устами Верньо.

С самого начала Революции инициативу движения за освобождение в Конта захватили совсем не самые крайние. Против папства буржуазию и народ подняли шелкоторговцы Дюпра и Менвьель, владевшие «честно нажитым состоянием» [13]. Что бы произошло, если бы Дюпра пал духом или же крайне ожесточился от ужасной взаимной бойни, сделавшей борьбу кровопролитной?

НЕЛОГИЧНОСТЬ БАРБАРУ

Но именно Барбару, этот ярый враг Марата и Робеспьера, один из тех жирондистов, которые всячески старались сохранить и оживить мучительные воспоминания о сентябрьских событиях, пишет о Дюпра следующее:

«В Авиньоне и в Конта обе стороны совершили столько преступлений, что, для того чтобы их покарать, надо было бы покрыть эшафотами всю эту несчастную страну; поэтому он [Дюпра] и решил добиваться амнистии и добился ее благодаря рвению депутатов, рассмотревших этот вопрос с правильной политической точки зрения» [14].

---

10. Требование контроля за выборами Парижского собрания выборщиков со стороны первичных собраний секций было лишь тактическим маневром якобинских руководителей на тот случай, если бы оказались избранными депутаты умеренного или жирондистского толка. Поскольку монтаньяры одержали верх при избрании депутатов от Парижа (см. выше, с. 134, прим. 35), вопрос об этом более не поднимался: маневр этот мог обернуться против них. Отсюда и ирония Бриссо.
11. В тот момент Марат был мишенью объединенных атак жирондистов: нападок Барбару в Якобинском клубе, Ролана, который 13 сентября дает понять, что Марат продался герцогу Брауншвейгскому, Петиона, который 18 сентября в Коммуне называет Марата «желчным безумцем» и «преступником», и нападок Горса в его «Куррье дэ департеман...». См.: J. Massin. Marat..., p. 220.
12. Бесспорно, к середине сентября во многих парижских секциях настроение переменилось в пользу жирондистов. См.: F. Braesch. La Commune du 10 Août, p. 595.
13. О Дюпра см. выше, с. 142, прим. 11. Менвьель (1765—1793) — чрезвычайный депутат Авиньона в Учредительном собрании; избранный четвертым депутатом-заместителем в Конвент в числе депутации от департамента Буш-дю-Рон, он заменил сложившего свои полномочия Ребекки; гильотинирован вместе с жирондистами 10 брюмера II г.
14. «Mémoires de Barbaroux», éd. A. Chabaud, p. 98. Амнистия была вотирована Законодательным собранием 19 марта 1792 г.

Но в какой момент Барбару пишет эти строки? Во времена Конвента, через несколько месяцев после сентябрьских избиений. Но чтобы покарать их участников, разве не потребовалось бы также покрыть эшафотами весь Париж? И почему Барбару и его друзья не хотели распространить на Аббатство и тюрьму Ла Форс покров амнистии, как они это сделали по отношению к гласьерскому делу? Политическая выгода этого шага была бы значительно большей, ведь речь шла о том, чтобы путем справедливого забвения восстановить спокойствие и возродить согласие и энтузиазм в самом сердце Франции и Революции.

Но главное — Барбару должен был бы разъяснить своим друзьям жирондистам, что эти противозаконные вмешательства, эти притязания на господство, за которые они так резко упрекали Парижскую коммуну, можно было бы поставить в вину также коммунам департамента Буш-дю-Рон. В беспрестанных стычках с контрреволюцией, в беспощадной борьбе с роялистами Арля, с папистами Авиньона и Карпантра они привыкли действовать как суверенная власть. И тамошние революционные организации постоянно покушались на полномочия законной власти, «установленных властей». Это констатирует сам Барбару: «Если бы собрание [выборщиков] ограничилось избранием депутатов, я не стал бы упоминать об этом; но, побуждаемое бедами времени, оно *осуществляло широкие полномочия и наделило самого меня большой властью...* Уже на втором заседании сообщили о волнениях в Тарасконе, где у Революции было немало врагов. Поступавшие одно за другим письма сообщали нам о восстании во многих деревнях, об эксцессах в других, о полной дезорганизации в департаментском батальоне, роты которого вступили между собой в перестрелку в Арле, и о множестве интриг, которые ведутся в департаменте. *Его директория не проявляла никакой энергии, администрация дистриктов не пользовалась доверием, муниципалитеты были неспособны. Было высказано лишь одно мнение — взять на себя полномочия властей. При этом ссылались главным образом на то, что с 10 августа Франция находилась в состоянии революции. Подчеркивали необходимость решительными мерами подавить волнения. Власть приятна, и собрание [выборщиков] захватило ее. Затем оно поручило мне проводить в жизнь его постановления; это значило облечь меня исполнительной властью.* Я согласился в надежде таким образом предотвратить какое-нибудь зло; но я пожелал, чтобы в помощь мне был создан совет из двенадцати лиц. *Собрание предоставило мне их выбор*, и я набрал их из различных дистриктов среди наиболее рассудительных людей».

И Барбару вынужден еще прибавить [15]: «Затем избирательный корпус [собрание выборщиков] захотел объявить свои заседания непрерывными; но сделанные мной замечания и в еще большей мере сила обстоятельств, призывавших каждого вернуться к своим делам, побудили отвергнуть это предложение. Однако, прежде

чем разойтись, собрание доставило мне немало забот своим постановлением, предложенным председателем собрания Моизом Бейлем [16]... *Это постановление предоставляло избирателям* [второй ступени] *право отстранять в своем кантоне общественных должностных лиц и отдавать распоряжения об арестах. Я должен был преодолевать самолюбие каждого из них. Все же мне удалось сильно смягчить эту чудовищную власть лиц в рамках тех полномочий, которыми я их наделял. И поэтому мне не приходилось слышать, что она была пагубной»* [17].

Но разве все это не методы Парижской коммуны, внушающие такую тревогу? И что ответил бы Барбару, если бы ему сказали, что из его собственных слов вытекает, что Ребекки и он, распоряжавшиеся на выборах, были дуумвирами Прованса? Что ответил бы он, если бы ему сказали, что он лично уже играл роль диктатора Юга, приняв исполнительную власть, предоставленную ему незаконным актом собрания выборщиков, сам выбрав себе помощников и затем, несмотря на все предосторожности и смягчения, предоставив каждому члену собрания выборщиков незаконную власть, граничащую с произволом? Но было совершенно ясно, что будущий Национальный Конвент своим огромным моральным авторитетом, одной своей энергией мало-помалу подчинил бы закону все эти доблестные и благие, но беспорядочные силы. Он достиг бы этого как в отношении Парижской коммуны, так и в отношении провансальских коммун, без пустого вызова и без раздражающей полемики, но при одном условии — если бы он был энергичен и един. Но его уже заранее раздирали партийные разногласия, и через пять дней после выборов в департаменте Буш-дю-Рон Барбару, едва успев сложить с себя свои диктаторские полномочия на Юге, будет выдвигать в Париже самые ожесточенные обвинения против диктатуры Робеспьера [18]. О, эгоизм партий! О, роковое ребячество!

---

15. Ibidem, p. 175.
16. Моиз Бейль (1760—1815) — до 1789 г. скромный счетовод, член муниципалитета Марселя, затем генеральный прокурор-синдик департамента Буш-дю-Рон, депутат Национального Конвента, член Комитета общественной безопасности.
17. Прежде чем разойтись, собрание выборщиков вручило избранным им депутатам императивный мандат: оно оставляло за собой «право выносить решения о тех депутатах, которые изменят отечеству, либо проповедуя принципы, противные принципам свободного правления, либо пренебрегая доверенными им великими интересами или же нанося им урон».
18. Собрание выборщиков департамента Буш-дю-Рон состоялось в Авиньоне 2—10 сентября 1792 г. Затем Барбару провел «пять дней в Марселе» («Mémoires», p. 177), скорее всего с 11 до 16 сентября. Он приехал в Париж вместе с Ребекки и Пьером Баем «вечером 24 сентября». («Mémoires», p. 182.) В Национальном Конвенте он начал свои нападки на Робеспьера 25 сентября. («Moniteur», XIV, 46.)

КЛЕВЕТА БРИССО

Жиронда не упускает случая и раздувает все тревожные слухи, вместо того чтобы рассеивать их спокойной силой разума. Какова была вероятность того, чтобы «убийцы» задумали перерезать членов Конвента в день его первого заседания? Даже приведенная мною статья Марата требовала от народа только того, чтобы он держал Конвент под контролем и судил о нем по его делам. Какова была также вероятность того, что народ нападет на оставшихся членов Законодательного собрания? Тем не менее «Патриот франсэ» от 15 сентября пишет:

«Свирепая шайка, которая владеет кинжалом мести так же ловко, как стилетом клеветы, которая хочет путем террора завоевать себе господство, какого она не может добиться заслугами и талантами, которая хочет установить на развалинах всех органов власти опирающийся на проскрипции триумвират, *как говорят*, намерена запугать Национальный Конвент, ознаменовав большим кровопролитием первые минуты его существования. *Уверяют*, что она замышляет убийство всех членов Законодательного собрания, которые не будут избраны в Конвент». Это была поистине целая система ожесточенной клеветы на Париж, и Петион, тайный сообщник Жиронды, так сказать, усугубляет эти слухи своим двусмысленным способом борьбы с ними [19]:

«Граждане! В тот момент, когда мы более всего нуждаемся в спокойствии, мы более чем когда-либо возбуждены. Любой ценой нас хотят разъединить, натравить друг на друга. Сеют недоверие, льют яд клеветы; граждан смущают, терзают тревожными слухами. *Заранее сообщают об ужасных событиях с целью натолкнуть на мысль о них и спровоцировать преступление.* Это состояние возбуждения и тревоги становится невыносимым... Кто из вас не слыхал, что 20-е число этого месяца избрано днем мести и кровопролития? Слух этот распространяется не только в стенах нашего города, но и далеко за его пределами. Какую же цель могут преследовать эти смутьяны? Оклеветать народ и не допустить прибытия в Париж депутатов, которые направляются сюда со всех концов Франции для участия в заседаниях Национального Конвента. Могли ли бы наши враги избрать более благоприятный для осуществления своих намерений путь? Конечно, нет. Можете также не сомневаться, что у этих врагов имеются среди нас агенты, под лицемерной личиной патриотизма всюду разжигающие огонь гражданской войны».

И все это говорится по поводу беспочвенного слуха, который распространяла преимущественно жирондистская газета и которому верит Петион! Вот мошеннические проделки, заниматься которыми должна была просто полиция. Жулики надевали шарф членов муниципалитета и, используя патриотические чувства, отправлялись по домам собирать пожертвования будто бы для

солдат. Они реквизировали драгоценности и доходили до того, что насильно срывали их с женщин. Жиронда превращает этот простой разбой в составную часть плана, разработанного «подстрекателями». «Нетрудно было предвидеть,— говорит газета Бриссо,— что от резни перейдут к грабежам. Сегодня разбойники уже расхаживали по улицам и вырывали у прохожих часы, серьги, все их драгоценности под предлогом участия в военных расходах; но народ, на который всегда валят такие преступления, народ, который тщетно надеются изобразить как орду людоедов, народ задержал этих злоумышленников!»

Да и в самом деле, распущенная и переутомленная национальная гвардия была непригодна для несения обычной полицейской службы. Она небрежно охраняла здание, где хранилось королевское имущество, и проникшие туда ночью воры украли драгоценности [20]. Согласен, это было сенсационное происшествие, но только происшествие; послушайте же, что пишет газета Бриссо (17 сентября):

«Грабежи, начавшиеся несколько дней назад на улицах Парижа, были лишь пробой, после которой хотели приступить к расхищению национальной собственности и к кровавым проскрипциям. В этом огромном городе теперь обретается множество злодеев, жадных до крови и добычи и находящихся в распоряжении кучки бешеных людей, замышляющих разрушить государство, так как они хорошо знают, что могут царить только на развалинах. Министр внутренних дел сообщил, что этой ночью разбойники перелезли через стену, окружающую хранилище королевского имущества; они взломали двери и похитили вещи; украдены все драгоценности. Несколько воров было задержано, и, может быть, благодаря их показаниям удастся добраться до инициаторов этой кражи, которая *связана с широким хитрым замыслом и нынешним положением Парижа*. Вчера с трибуны собрания выборщиков выступали против исполнительной власти и *говорили об аграрном законе* и т. п.».

Итак, получалось, что все подстроено; легко объяснимые кражи — это не что иное, как осуществление таинственного плана всеобщего потрясения, втайне задуманного врагами Жиронды.

---

19. «Avis du maire de Paris à ses concitoyens». (Tourneux № 6181.) Это «предупреждение» без даты, расклеенное на стенах домов Парижа, относится к 16 сентября 1792 г., согласно сообщению «Le Patriote français» от 17 сентября.
20. В ночь с 16 на 17 сентября 1792 г. около сорока вооруженных человек проникли в хранилище королевского имущества, взобравшись на фонари бывшей площади Людовика XV, и захватили бриллианты короны. Это происшествие, о котором Ролан немедленно сообщил Законодательному собранию, рассматривали как политическую махинацию, а не как уголовное преступление. См.: «Moniteur», XIII, 726, 19 septembre 1792.

Ролан вмешивается, чтобы еще больше драматизировать положение: это — дело рук кого-либо из-за рубежа или какого-нибудь таинственного лица, которое таким образом вознаграждает своих подручных и, без сомнения, с помощью этих средств, достойных занимательного романа, идет к диктатуре.

«Кто же,— пишет Ролан Собранию 17 сентября,— кто же придал смелости людям, совершившим прошлой ночью столь значительную кражу? Кто они?.. Эмиссары, оплачиваемые Пруссией, *или негодяи, которые, действуя на свой страх и риск, обворовывают нацию, чтобы оплачивать своих агентов и сообщников?*»

Г-ЖА РОЛАН ОБВИНЯЕТ ДАНТОНА

Кто же это таинственное лицо, о котором Жиронда создала в сентябре мелодраматическую легенду? Это просто Дантон, да, Дантон. К тому времени Жиронда в своих страстях и заблуждениях дошла до подобного утверждения. Отношения между Роланом и Дантоном обострялись с каждым днем. Ролана, педантичного и желчного, раздражала широкая и смелая деятельность Дантона. Последний, пренебрегая административными частностями, целиком посвятил себя великому делу революционной организации; и жирондисты из Совета невольно подпадали под его влияние. С досадой и печалью такое признание вырывается у г-жи Ролан [21]:

«Вообразили, что одним из первых мероприятий Совета должна быть отправка в департаменты комиссаров с целью разъяснения событий 10 августа, а главное — для воодушевления людей на принятие оборонительных мер и проведение быстрого набора, необходимого нашим армиям для борьбы с врагами на границах, и т. п. Как только, одновременно с предложением об их отправке, возник вопрос об их назначении, Ролан попросил отложить его решение до утра, чтобы подумать о лицах, которых он мог бы указать. «Я беру все на себя,— воскликнул Дантон.— Парижская коммуна даст нам превосходных патриотов». Вялое большинство Совета доверило ему заботу об их подборе, и на следующий день он явился в Совет с совершенно готовыми предписаниями; надо было только вписать имена, которые он представил, и подписать. Едва взглянув на них и ничего не обсуждая, их подписывают. И вот появляются полчища малоизвестных людей, интриганов из секций или клубных крикунов, экзальтированных патриотов или еще более — патриотов из выгоды, большей частью без всяких средств к существованию, кроме тех, что они добывали или надеялись раздобыть во время общественных волнений, но очень преданных своему покровителю Дантону и увлеченных его нравами и непристойной доктриной; и это представители Исполнительного совета в департаментах Франции [22].

Эта операция мне всегда казалась одним из наиболее ловких ходов Дантона и самым унизительным уроком для Совета... Суть в том, что министерство внутренних дел, военное и даже морское министерства были слишком обременены работой, и мелочи слишком поглощали каждого, чтобы оставить ему время подумать о большой политике; следовало бы, чтобы Совет состоял из людей, которым надлежало бы только решать, а не управлять. Дантон находился в ведомстве, доставлявшем меньше всего хлопот; к тому же он очень мало утруждал себя исполнением своих служебных обязанностей и совсем ими не занимался; всем вертели его помощники, которым он доверил печать со своей подписью, и машина кое-как работала, но это не заботило его. Все его время, все его внимание были посвящены комбинациям и интригам, служившим его целям увеличения своей власти и своего состояния.

Он беспрестанно добивался в канцеляриях военного министерства отправки в армии своих людей; он находил средства заинтересовать их в поставках и различных сделках; он не пренебрегал никаким делом, где бы можно было выдвинуть этих людей, подонки развращенной нации, как накипь, всплывающие на ее поверхность при потрясениях и короткое время господствующие над ней; таким образом он увеличивал свое влияние и создавал партию своих сторонников».

Какое презрительное и полное ненависти суждение о людях, которых она не знала, об этих новых силах демократической революции, которые Дантон использовал прежде всего в интересах общественного порядка! Было разумно, заняв их делом, придать бурной энергии этих людей определенное направление. И эта большая политика, ослабляя столкновения честолюбий и аппетитов, вскоре установила бы революционное правление на очень широкой основе.

Дантон не предоставлял всего этим любящим риск отважным людям или, во всяком случае, предоставлял руководство только тем из них, кто наряду с энергией и инициативой обладал ловкостью и тонкой проницательностью. Он восхищался Дюмурье и, быть может, для того, чтобы сделать его более приемлемым для всех и, таким образом, укрепить национальную оборону, открывал широкий доступ на различные должности пламенным патриотам Коммуны. Тех, кого г-жа Ролан называет подонками, Дантон называл закваской. Роланы вели против него ожесточенную войну

---

21. Mme Roland. Mémoires (édition critique... par Cl. Perroud, Paris, 1905, 2 vol.), t. I, p. 97.
22. Об этих комиссарах Временного Исполнительного совета см.: P. Caron. La première Terreur (1792). I: Les missions du Conseil exécutif provisoire et de la Commune de Paris. Paris, 1950.

исподтишка. Напомню заметку, которую я уже частично цитировал:

«Враг всех добрых граждан, друг беспорядка и сторонник резни, публикующий свои проскрипции под осквернённым именем «Друга народа», включил в свой список всех министров, за *исключением г-на Дантона*» [23].

Так говорила газета Бриссо с явным намерением объединить Дантона с Маратом. Но *дословно* ту же заметку я нахожу в «Анналь патриотик» Карра [24]; следовательно, это — официальное сообщение министра внутренних дел, это из дома добродетельной четы Роланов пущена в Дантона отравленная стрела.

И вот теперь его обвиняют в краже королевского имущества из хранилища. Судите, на основании каких улик.

«Совершена кража из хранилища королевского имущества, миллионы попали в руки людей, которые должны воспользоваться ими, чтобы увековечить анархию, этот источник их господства.

На следующее утро после этой крупной кражи,— пишет г-жа Ролан [25],— в одиннадцать часов утра ко мне пришел д'Эглантин, переставший у нас появляться во время сентябрьских избиений; д'Эглантин, который в последний раз, когда он был у нас, сказал мне, как бы движимый глубоким пониманием критического положения Франции: «Никогда дела не пойдут на лад, если не будет концентрации власти; надо, чтобы Исполнительному совету принадлежала диктатура и чтобы ее осуществлял его председатель». Д'Эглантин не застал меня; я вышла из дому вместе с г-жой Петион; он ждал меня два часа; он все еще был во дворе, когда я вернулась, и вошел со мной в дом, хотя я и не приглашала его; он оставался у меня полтора часа, хотя я не предложила ему сесть; крайне лицемерным тоном он высказывал сожаления по поводу кражи этой ночью, лишившей нацию настоящих богатств; он спрашивал, нет ли каких-нибудь сведений о том, кто совершил ее; удивлялся тому, что никто ничего подобного не предвидел; затем он заговорил о Робеспьере, о Марате, которые начали поносить Ролана и меня, и отозвался о них, как о горячих головах, которым надо предоставить свободу действий, как людям благонамеренным и исполненным рвения, у них все вызывает тревогу, но их нечего опасаться; я дала ему высказаться, сама говорила очень мало и не выражала ни о чем своего мнения; он ушел, и больше я его ни разу не видела.

— Сегодня утром,— сказала я мужу, когда мы увиделись,— я принимала одного из воров, обокравших хранилище королевского имущества; он приходил разузнать, не подозревают ли его. — Кого же?— Фабра д'Эглантина.— Откуда ты знаешь?— Откуда? Такое смелое предприятие может быть только делом рук дерзкого Дантона; не знаю, будет ли эта истина когда-нибудь точно доказана, но я живо ее чувствую, и Фабр приходил только в роли его сообщника и его шпиона.

Семь месяцев спустя я узнала, что в тюрьме Бове находится большой мошенник по имени *Лефор*, задержанный с вещами из хранилища королевского имущества; он обвинял Дантона; но последнего не смеют привлечь к ответственности, так как его клика слишком могущественна».

И на основании этих жалких пересудов, этих «предчувствий» самонадеянной и мстительной женщины вся Жиронда клеветала на великого революционера. Пусть не ссылаются на то, что это было написано г-жой Ролан несколько месяцев спустя, когда разбитая уже Жиронда обвиняла Дантона в своем крушении. Г-жа Ролан говорит, что эта мысль явилась у нее сразу и что она ее высказала. Она не лжет. К тому же подчеркнутая мною странная фраза Ролана, несомненно, является отзвуком этого нелепого разговора министра с женой. И газета Бриссо, заявив, что кража связана с широким, хитрым замыслом, продолжает настаивать: «Это *весьма необычная* кража»,— говорит она. И мы знаем, какая вздорная инсинуация крылась за этими словами. Г-жа Ролан болтала в кругу своих друзей, жадно подхватывавших все, что могло повредить великому Дантону, виновному только в том, что после 10 августа он осмелился разделить власть с Жирондой. Для всякого здравомыслящего и трезвого человека ясно, что посещение Фабром д'Эглантином г-жи Ролан имело целью смягчить ожесточенную борьбу, которая шла между Роланами, с одной стороны, и Робеспьером и Маратом — с другой. И опять-таки Дантон, предвидя гибельные последствия раздоров, пытался достигнуть успокоения и примирения. И шаг, сделать который Дантон поручил своему другу д'Эглантину, обернулся против него самого вследствие ограниченности и высокомерия г-жи Ролан. Ну и что же! Если, использовав довольно безобидные волнения в столице, можно было запутать и погубить одновременно Робеспьера, Марата и Дантона, весь триумвират, то разве не стоило труда расставить сети и придать самым заурядным событиям мелодраматический и таинственный смысл? Однако совершенно ясно, что в наступившей после сентябрьских избиений атмосфере сострадания и стремления к порядку Марат вовсе не был заинтересован в том, чтобы скомпрометировать себя смехотворными историями с разбойниками: срывание серег или золотых колец с женщин ничуть не отвечало его трагическому идеалу. Сам Марат, и особенно Марат, осуждал это низкое жульничество и видел в нем (трогательная взаимность) маневр своих врагов. 15 сентября он пишет [26]:

---

23. «Le Patriote français», № 1137, 20 septembre 1792.
24. «Annales patriotiques», 21 septembre 1792.
25. M m e R o l a n d. Mémoires (éd. Cl. Perroud), t. I, p. 114. О Фабре д'Эглантине см. выше, с. 135, прим. 37. О Фабре и о краже из хранилища королевского имущества см.: L. J a c o b. Fabre d'Églantine, chef des «fripons». Paris, 1946, p. 137.
26. «L'Ami du peuple», № 682, 15 septembre 1792.

«Повсюду обнаруживаются новые заговоры. Вчера утром в Париже распространилась тревога, вызванная насилиями, чинимыми в различных кварталах над гражданками, которым наемные негодяи разрывали уши и калечили руки, срывая серьги и золотые кольца... Цель организаторов этих преступных козней состоит, по-видимому, в том, чтобы вселить ужас в души граждан и, сбивая их с толку мнимыми опасностями внутри страны, сорвать выборы в Национальный Конвент».

20 сентября Марат пишет [27]:

«Но этим отнюдь не ограничиваются их злодеяния [мнимых поборников справедливости]. Чтобы очернить временный муниципалитет, представить его Наблюдательный комитет неспособным устранить все помехи для интриганов, они подкупили шайку разбойников, чтобы ограбить хранилище королевского имущества и дома лучших граждан; они помогли этим негодяям, арестовав агентов муниципальной полиции, выставив мнимые патрули; они вселили ужас во все сердца, объявив об ограблении ломбарда, ратуши, мэрии, национального казначейства и опубликовав сообщение о том, что через несколько дней будет перерезан весь народ. В этом не будет ничего удивительного ввиду присутствия огромного числа авантюристов, дезертиров, бывших королевских телохранителей и злоумышленников, которыми кишат постоялые дворы под Парижем».

Совершенно очевидно, что временная Коммуна, удержавшаяся, несмотря на сентябрьские потрясения и вопреки декрету Законодательного собрания — который, впрочем, был изменен и смягчен и в силу которого заканчивавшее свою деятельность Законодательное собрание должно было передать заботу о судьбе страны сильному и молодому Конвенту,— в этот момент стремилась избежать даже видимости желания вызвать беспорядки. Все равно Жиронда сеяла панику, изобличая якобы кроющийся за мелкими и неизбежными вспышками волнений постепенно осуществляемый план.

Глава четвертая

*

СОЦИАЛЬНОЕ БРОЖЕНИЕ И ПЛАНЫ «АГРАРНОГО ЗАКОНА»

Жиронде представился удобный случай: она могла обвинить своих противников в стремлении осуществить «аграрный закон»; и она, не колеблясь, прибегла к методам, которые использовала в тот момент сама контрреволюция, дабы посеять в стране растерянность и тревогу.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ МОМОРО

Два эмиссара исполнительной власти, Дюфур и Моморо, члены Коммуны, развернули в Нормандии пропаганду, вооружившую против них всех собственников, как крестьян, так и буржуа [1]. Они проповедовали расширенную и дополненную Декларацию прав человека; они, в частности, добавили к ней следующие две статьи:

---

27. «L'Ami du peuple», № 684, 20 septembre 1792. Заголовок: «Observations de L'Ami du peuple aux Parisiens».

1. Дюфур, по прозванию Дюфур-старший, был золотых дел мастером. Моморо (1765—1794) — печатник, один из организаторов манифестации на Марсовом поле в июле 1791 г., член административной комиссии, заменившей директорию Парижского департамента после 10 августа 1792 г., гильотинирован вместе с Эбером 4 жерминаля II г. О миссии этих двух комиссаров исполнительной власти см.: P. Caron. La première Terreur. I: «Les missions du Conseil exécutif provisoire et de la Commune de Paris». Paris, 1950, p. 176, 194 (на с. 194 дана биографическая справка о Дюфуре). Дюфур и Моморо были посланы 29 августа 1792 г. в департаменты Кальвадос и Эр.

«Нация признает только индустриальную собственность; она обеспечивает ее безопасность и неприкосновенность.— Равным образом нация обеспечивает гражданам гарантию и неприкосновенность того, что ошибочно называют земельной собственностью, до того момента, пока не будут изданы соответствующие законы»[2].

Люди, неспособные к размышлениям, заявляют: это — социализм. Нет, это отнюдь не социализм в современном понимании этого слова. Современный социализм явился следствием промышленного развития, следствием усиливающегося с каждым днем антагонизма в промышленности между капиталистами и пролетариями. Социализм зародился в умах промышленных рабочих, и он был направлен на реорганизацию промышленного производства.

И только ввиду неизбежного развития, ввиду общественного характера всех форм производства в данном обществе собственность на землю превратилась в социальную проблему. А Моморо и Дюфур, наоборот, оспаривают только собственность на землю; они не ставят под сомнение промышленную собственность. Поэтому в известном смысле можно было бы утверждать, что они отнюдь не стремились к социализму, а лишь доводили до крайности буржуазное понимание собственности. Именно промышленная и движимая собственность характерна для буржуазии, она ее творение и ее триумф. Буржуазия может делить с дворянством и духовенством владение земельной собственностью; но что принадлежит исключительно ей, что составляет ее сущность— это именно промышленная собственность.

Революционная буржуазия не побоялась экспроприировать церковь и эмигрировавших дворян, и, хотя движимые богатства, акции эмигрантов тоже подлежали конфискации, главной заботой революции оставалась экспроприация земель. Стало быть, сохранять абсолютно и навечно промышленную собственность и одновременно оспаривать земельную собственность, к которой буржуазия только-только получила доступ, означало доводить до крайности и, если хотите, до парадокса буржуазную революционную мысль. И это вовсе не было открытием нового мира, новой правовой системы.

К тому же аграрная концепция Моморо была совершенно бесформенной; он вынашивал проекты «аграрного закона», он вызвал тревогу среди имущих, отказывая землевладельцам в звании собственников; но Моморо оказался неспособен не только сформулировать законодательство о земле, но хотя бы наметить его в самых общих чертах.

Будут ли все владения, изъятые у частных лиц, переданы коммунам? Однако наблюдалась, даже у крайних демократов, и особенно у них, совершенно обратная тенденция: они мечтали разделить земли коммун в пользу бедняков. Приступят ли к разделу земель? И кто именно будет допущен к этому разделу?

Если допустить к нему только жителей деревни, то какая же это будет несправедливость! И как отказать городским пролетариям, беднякам из огромных нищих предместий в предоставлении им доли имуществ, возвращаемых сообществу [нации], из которого промышленные рабочие не могли быть исключены? И наоборот, если допустить последних к разделу, то к какому глубокому потрясению, к какому печальному регрессу экономической жизни это бы привело! Если рабочие бросят работы в городе, чтобы начать обрабатывать свой надел земли, то это будет концом промышленной цивилизации, это будет возвратом к некоему исключительно сельскохозяйственному режиму, граничащему с варварством. Если же рабочие отдадут в аренду или продадут свои наделы, то «земельная собственность» опять будет восстановлена.

Оставалось лишь одно решение. Нация могла бы заменить собой всех собственников земли, по крайней мере тех, кто не обрабатывает свои наделы собственными руками. После того как она национализировала владения церкви и эмигрантов, она национализирует имущества землевладельцев-буржуа. Она их не будет продавать, ибо любая продажа земельной собственности отныне станет невозможной, но она будет получать с них доходы и употребит их на нужды общества. Однако против осуществления такой национализации, если следовать логике аграрной концепции, провозглашенной Моморо и Дюфуром, возникают неопровержимые возражения. Прежде всего, на каком основании отнимать у буржуа капитал, вкладываемый им в покупку поместья, в то время как у него в руках оставляют тот же капитал, если он поместил его в промышленную собственность, в акции компаний

---

2. Эта концепция права собственности рассматривается в связи с проблемой средств к существованию: право на существование главенствует над правом собственности. Сравните эти статьи Декларации прав Моморо с Декларацией, предложенной Робеспьером Конвенту в его речи от 24 апреля 1793 г.: «Право собственности есть право каждого гражданина пользоваться и распоряжаться той частью имущества, *которая гарантируется ему законом*». [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения. Ч. II, М., 1965, с. 321.] Таким образом, право собственности не является более естественным и неотъемлемым правом, предшествующим всякой общественной организации, как это утверждала Декларация прав 1789 г.; отныне оно должно было вписываться в социальные и исторические рамки, определяться законом. Обо всех этих проблемах см.: A. Lichtenberger. Le socialisme et la Révolution française. Paris, 1899. [См. русск. перевод: А. Лихтенберже. Социализм и Французская революция. СПб., 1907.— *Ред.*] Эта работа может показаться порой поверхностной и устаревшей, но пока ее нечем заменить. [Последним и лучшим исследованием этих проблем является капитальный труд советского историка А. Р. Иоаннисяна «Коммунистические идеи в годы Великой Французской революции». М., 1966.— *Ред.*]

или в государственные процентные бумаги? И во-вторых, не будет ли это вопиющей несправедливостью и даже контрреволюционным маневром — грабить ту часть патриотической революционной буржуазии, которая не побоялась вложить свои средства в покупку национальных имуществ, и в то же время охранять богатства буржуа трусливых или враждебно настроенных, которые не захотели компрометировать себя своими связями с Революцией?

Наконец, вся продажа того, что оставалось от церковных имуществ, вся продажа имущества эмигрантов, естественно, сразу прекратилась бы, и нация, вместо того чтобы располагать значительными суммами, которые она могла бы быстро получить путем продажи и которые были ей столь необходимы, могла бы только пользоваться доходами от национализированных владений.

Так со всех сторон вырастали непреодолимые препятствия.

Возможно, что Моморо и Дюфур, если бы они были вынуждены более сжато выразить свою мысль, свели бы ее к формуле Сен-Жюста, а именно к созданию национального земельного фонда ограниченных размеров, предназначенного для сельского хозяйства, земли которого отдавались бы в аренду гражданам, не владеющим землей и не имеющим к тому же источников заработка в промышленности. Так по крайней мере я объясняю себе мысли Сен-Жюста, о которых в свое время пойдет речь ниже.

Во всяком случае, общая и расплывчатая формула Моморо и Дюфура была весьма опрометчивой, поскольку, не наметив никакой системы, не подготовив никакого решения, она в то же время встревожила всех владельцев земли, всех крестьян, всех покупателей национальных имуществ и грозила повернуть против Революции всех друзей Революции. Серьезная опасность!

Бюзо, председательствовавшему на последних заседаниях собрания выборщиков в Берне, с трудом удалось защитить безрассудных пропагандистов от всеобщей ярости присутствующих [3]. Какой бы непоследовательной, какой бы бесформенной ни была мысль Моморо, она свидетельствовала тем не менее о возросшей смелости. До сих пор даже наиболее отважные революционеры вроде аббата Доливье [4] говорили о земельной собственности только в самых туманных выражениях. Но вот теперь, в результате народного восстания 10 августа, в результате революционного натиска Коммуны, провозглашается незаконность любой собственности на землю, будь то буржуазная, дворянская или церковная собственность. Более того, это положение [незаконной земельной собственности] включается в Декларацию прав человека, что ограничивает в высшей степени значение прежней статьи, утверждавшей право собственности [5]. Так заявило о себе новое социальное потрясение, еще неясное, но глубокое и широкое.

Это вызвало довольно сильное волнение, причем, на мой взгляд, вполне искреннее. После смелых, уже осуществленных экспроприаций земельных владений всякого рода Революция смут-

но чувствовала, что она вовлекается в еще более рискованные операции, и она опасалась, что, увлекшись, она может дойти в конце концов до «аграрного закона», тревожащего, неведомого, существо которого ее встревоженный взор не может разглядеть. По мере того как крепла демократия и росла сознательность народа, Революцию охватывало беспокойство, как бы не утратить равновесия в вопросе о собственности; и она без конца повторяла сама себе, словно пытаясь предохранить себя от искушения и от опасности, что собственность священна. В тот самый момент, когда народная сила, «рабочая» сила, становилась ей все более и более необходима, дабы восполнить слабость умеренной буржуазии, она задавала себе вопрос, не катится ли она по наклонной плоскости.

МАРАТ И ПРОЛЕТАРИИ

Еще накануне 10 августа Марат от имени бедняков испускал крики гнева, отчаяния, выдвигая требования, которые на следующий день после победы народа 10 августа легко могли обернуться угрозой «аграрного закона». Революции никогда не достигают победы, писал Марат 7 июля [6], «если против высших классов борется плебс, то есть только низшие классы нации. В момент восстания он может подавить своей массой; но какого бы преимущества он вначале ни добился, он всегда в конечном счете терпит поражение; потому что, будучи всегда лишенным просвещения, знаний, средств, оружия, руководителей, планов действий, он не имеет средств защиты против заговорщиков, вооруженных хитростью, лукавых и коварных... Если же люди образованные, зажиточные, интриганы из низших классов выступали вначале против деспота, то лишь для того, чтобы затем повернуть против народа, после того как они завоевали доверие и использовали силу народа, чтобы самим занять место изгнанных ими привилегированных сословий. *Таким образом, Революция была совершена и поддержана только низшими классами общества, рабочими, ремесленниками, розничными торговцами, земледельцами, теми несчастными, которых бессовестные богачи иначе не называют, как канальями, и*

---

3. Инцидент в Берне 8 сентября 1792 г. во время миссии Дюфура и Моморо получил наибольшую огласку. Критическое описание его см. у: F. E v r a r d. L'esprit publique dans l'Eure (juillet-septembre 1792).—«La Révolution française», 1914, t. 66, p. 153.
4. Об аббате Доливье см. настоящее издание, т. II, с. 390—393.
5. Статья 2 Декларации прав 1789 г. Право собственности является вторым «естественным и неотъемлемым правом человека» после права на свободу.
6. «L'Ami du peuple», 7 juillet 1792. Заголовок: «План революции, совершенно не удавшийся народу». (См.: Ж а н П о л ь М а р а т. Избранные произведения. Т. III, М., 1956, с. 79—86.)

которых надменные римляне называли пролетариями. Но чего никогда нельзя было бы предположить, это что Революцию совершили исключительно *к выгоде мелких земельных собственников*, легистов, приспешников крючкотворства».

Во вторник 10 июля из уст Марата опять вырывается жуткий вопль возмущения против социального неравенства, матери всякого рабства; номер имел отчаянный заголовок: *Изложение новых причин, препятствующих установлению свободы среди французов.*

«Посмотрим на вещи шире. Допустим, что все люди познали и полюбили свободу; *но огромное большинство их вынуждено отказаться от нее ради куска хлеба; прежде чем думать о свободе, приходится думать о том, как выжить.*

Почти по всей стране семь десятых населения плохо питаются, плохо одеты, ютятся в жалких жилищах, спят на жалких постелях. Три десятых влачат свои дни в лишениях, их прошлое, как и их настоящее, полно страданий; то же ожидает их в будущем. Их жизнь — цепь непрерывных мучений, они страшатся зимы, они боятся за свою жизнь. И сколько из них обречено на жестокую нищету, глядя на которую сжимается сердце; им не хватает даже одежды, даже пищи. Истощенные голодом, полураздетые, проведя целый день в поисках куска хлеба, они на ночь укрываются в берлоге, где круглый год валяются на куче навоза, подвергаясь всем превратностям времен года.

Во Франции невозможно и шагу ступить без того, чтобы не наткнуться на одну из таких удручающих картин, и чаще всего люди, избавляющие других от труда, делающего землю плодородной, сами нуждаются в куске хлеба, выращенного их руками.

И рядом с этими несчастными мы видим богачей, которые покоятся на пуховых перинах, под золочеными лепными потолками; чьи столы ломятся от самых отборных плодов, поставляемых им со всех концов света, чтобы потакать их чревоугодию, и которые в одну трапезу пожирают столько пищи, что ею можно было бы накормить сто семей. Эти недостойные баловни судьбы распоряжаются другими людьми, это их сделали хозяевами судеб народа».

Да, но теперь, когда все эти нищие, утопающие в кучах навоза, охваченные отчаянием, подняли голову после победы 10 августа, не потребуют ли они наконец своей доли в радостях жизни? И если верно, что Революция оказалась выгодной главным образом мелким «землевладельцам» и тем, кто, владея небольшим наделом земли, дождались освобождения его от церковных и феодальных повинностей, то не следует ли, чтобы распространить блага Революции на всех граждан, особенно на тех сельских пролетариев, которые выращивают хлеб, а сами не едят его досыта, обеспечить и им также клочок земли? Как видите, революционные буржуа могли предполагать, что нищий пролетариат потребует своего рода «аграрного закона» в виде вознаграждения за оказанную им Революции помощь.

Не будет ли логично, если она [Революция], встречающая все большую поддержку со стороны слоев, не имеющих собственности, в конце концов вообще уничтожит всякую собственность? Однако она воздерживается от парадоксальных и крайних выводов, которые, казалось, стали вдруг ее соблазнять. Когда, например, якобинцы на заседании 12 сентября [7] услышали речи одного федерата из Лиона о том, что «негоцианты города, отъявленные аристократы, используют войска, чтобы порабощать своих рабочих и лишать их плодов их труда, и таким образом, поставив их в самые жестокие бедственные условия, они обеспечивают себе средства раздавить их при малейшем сопротивлении»; когда оратор потребовал отвода войск, дабы оставить рабочих и хозяев один на один [8]; когда якобинцы установили, что в крупных промышленных городах Революция, по-видимому, идет к классовой войне, они стараются еще больше поставить право собственности надо всем. Иногда кое-кто из них, как бы теряя почву под ногами, защищал право собственности в настоящем, но наполовину отрицал его в будущем.

«РЕВОЛЮСЬОН ДЕ ПАРИ» ВЗЫВАЕТ К ВЕЛИКОДУШИЮ БОГАЧЕЙ

Всегда несколько недогадливая и тяжеловесная газета Прюдома, оглушенная воплями Жиронды, приняла всерьез малозначительное по масштабам движение, о котором я говорил. Она увидела в нем как бы прелюдию гражданской войны и призывает народ хотя бы на некоторое время к самопожертвованию (номер от 15—22 сентября):

«Своими ловкими происками исподтишка эти эмиссары тоже пытаются восстановить неимущие классы против богатых. Если эти коварные методы увенчаются успехом, то они будут иметь более быстрые и более эффективные последствия, нежели нашествие всех армий, вместе взятых. Наши враги будут торжествовать победу, узнав, что Париж стал ареной восстания против собственности. Уже сейчас граждане, встречаясь, торопятся оглядеть друг друга, стараясь отгадать мысли и намерения; уже припрятывают серебро. Что вы делаете, состоятельные жители Парижа?

---

7. «La Société des Jacobins», IV, 284.
8. «Я бы хотел, чтобы Общество составило петицию с требованием вывести из Лиона, как и из Орлеана, линейные войска, стоящие там гарнизоном». Ему ответили, что солдаты лионского гарнизона «настроены очень патриотично», «что же касается настроения жителей, то там, как и повсюду, большинство богатых — аристократы; но их очень мало, и они не осмеливаются показаться, а рабочие и вообще жители там настроены хорошо и патриотично». Это не было ответом по существу.

Берегитесь, подобные меры предосторожности порочат бедняка, они ставят под сомнение честность народа.

Народ всегда уважал «твое» и «мое», и его моралью всегда было: «Не делай другому того, чего не желаешь самому себе». *Народ, впрочем, знает, что эти ресурсы, мудро сберегаемые вами во времена изобилия, будут использованы для помощи ему при первом же крике нужды. Он правильно рассчитывает, что вы первыми предложите эти ресурсы в дар отечеству...* и не допустите, чтобы, растрачиваемые толпой, направляемой дурными советами, они не принесли никакой пользы общественному делу.

Пусть злонамеренные богачи сознательно не признают вас, почтенные бедняки, но пусть они узнают от вас, что не пришло еще время сокрушить аристократию богатых; настанет день, и он уже недалек, он наступит тотчас же после наших войн,— день, когда все состояния будут уравнены на основании закона.

Сегодня же закон может и имеет право лишь облагать богачей в соответствии с нуждами отечества».

Разумеется, во всех этих рассуждениях нет ни ясной точки зрения, ни какой-либо социальной философии, ни какого-либо плана строительства нового общества. Да и как могла эта буржуазная демократия, только что рожденная, сразу же вызвать к жизни другой идеал? Но то был уже признак брожения и смуты. Революция сразу инстинктивно выступила против этого неясного порыва. Даже сам Эбер в тот момент успокаивал богачей. Он им твердил, что без санкюлотов, без федератов, без волонтеров они давно уже пали бы под ударами герцога Брауншвейгского и что революционный народ спас их дворцы, их богатства. Как только журналисты ознакомились с новой Декларацией прав человека, предложенной Моморо, они тут же начали ее резко критиковать. И не только для того, чтобы поднять шум вокруг неосмотрительных действий Коммуны. Сама революционная совесть как бы испытывала некоторое смущение и не без тревоги пыталась определить свою позицию. Для социальной истории важно сопоставить эти документы, в которых отразилась еще недостаточно прояснившаяся мысль эпохи Конвента. Газета Прюдома, многословная и тяжеловесная, обращается к вновь избранным депутатам:

«Дать народу возможность немедленно воспользоваться благами, которые он сам создал,— вот настоятельный и неотложный долг; надо привлечь народ к Революции, как к его собственному детищу, и, поскольку он слишком многочислен, чтобы самому осуществить раздел своих имуществ, вы должны управлять ими, как он сделал бы это сам.

Мы уже говорили и повторяем вновь, что «аграрный закон» неосуществим; что это безумная идея, которая не могла родиться ни в одном уме; что ее выдвинули лишь для того, чтобы толкнуть вас к противоположной системе. Ни один человек в здравом уме

не может себе представить, чтобы был издан всеобщий закон, вследствие которого рождение или смерть каждого индивидуума неизбежно вызовет перемены, и эти перемены повлекут за собой полное разрушение государства; однако необходимо (ибо без этого нет равенства, а без равенства нет свободы) как-то выравнять состояния, дабы разрушить порочный принцип преобладания богатых над бедными.

Нельзя разрешать гражданину владеть землей, превышающей установленное количество арпанов, и, как бы это, возможно, ни показалось странным, что мы ставим великий вопрос о *народном просвещении* рядом с вопросом о *разделе земли*, мы считаем необходимым мимоходом заметить, что вы тем самым одновременно разрушили бы преобладание богатства над бедностью и преобладание знаний над невежеством; это столь опасное преобладание, которое сегодня является еще почти стопроцентным, будет снижено за пять-шесть лет до 60 процентов; и так постепенно, с течением времени, мы добьемся такого соотношения, которым ни промышленник, ни образованный человек никогда не смогут злоупотребить.

Если бы собрать весь народ — а вы не должны забывать, что вы всего лишь замещаете его, действуя от его имени,— он бы вам сказал, после того как осуществится эта мера: пока принятые вами меры не возымеют своего действия, остаются люди бедные и они не должны страдать; ибо плохи законы по сути своей и содержат они в себе разрушительный принцип, если находится в Республике хоть один человек, недовольный и угнетенный; *следовательно, до полного осуществления операции по уравнению состояний, которое свяжет всех нас воедино теми же узами, теми же естественными потребностями и теми же правами на пользование благами*, необходимо, чтобы тот, кто не имеет четырехсот ливров чистого дохода, ничего не платил наличными деньгами, абсолютно ничего; он будет уплачивать свой долг государству своим трудом, своим потреблением, защитой своего семейного очага, количеством своих детей... Кто же поможет оплатить неотложные общественные нужды? Имущества эмигрантов дадут вам часть средств на покрытие расходов, возросших вследствие войны... Справедливость обязывает вас, кроме того, обложить чрезвычайным налогом *заведомых врагов* свободы и равенства, чьи состояния и привилегии составляют самое большое богатство...»

Все это весьма расплывчато и очень грубо. Как, в какой форме, какими учреждениями будет подготовлено это уравнение состояний? Это покрыто мраком неизвестности, и в результате все сводится к освобождению бедняков от налогов и принудительному взносу с некоторых категорий подозрительных богачей.

КАРРА ОТВЕРГАЕТ «АГРАРНЫЙ ЗАКОН»

Газета Карра и газета Кондорсе более открыто и не без пыла обрушились на концепции Моморо и «аграрный закон». «Анналь патриотик» писала 20 сентября [9]:

«С самого начала Революции аристократы, не переставая, твердят об «аграрном законе», причем они вовсе не верят, что он может стать реальностью. Они прекрасно знают, что, несправедливый в принципе, он неосуществим на практике; но слова об «аграрном законе» казались им способными посеять в народе семена преступления и беспорядка; они сделали из него пугало для собственников с целью привлечь их на свою сторону. Их чахлая каста, цепляющаяся за пергаменты [дворянские грамоты.— *Ред.*], нуждалась в подкреплении; им нужно было, поелику возможно, привлечь к себе *порядочных людей* [10], *крупную буржуазию*; но льстивых речей для этого было далеко не достаточно. Более верным средством было внушить собственникам страх; и действительно, с помощью этого средства они приобрели кое-каких сторонников; но, поскольку все, что исходило от ярых аристократов, вызывало подозрения или пренебрежение, им пришлось надеть маску патриотизма и, прикрываясь ею, разглагольствовать об «аграрном законе»; вот это они и пытаются сегодня делать.

Стало быть, любой человек, который говорит об «аграрном законе», о разделе земель,— явный аристократ, враг общества, злодей, подлежащий уничтожению; ибо, если он даже не активный сторонник Кобленца, то, во всяком случае, интриган, связанный с какой-нибудь кликой или *с какой-нибудь кучкой капиталистов, которые в своей ненасытной алчности, спекулируя на общественном достоянии, пытаются отвратить легковерных граждан от покупки национальных имуществ, чтобы самим потом приобрести их за бесценок; или, наконец, с теми эгоистами-биржевиками, чьи портфели набиты бывшими королевскими процентными бумагами и которые жаждут поднять их курс, сея недоверие к земельным приобретениям! Все эти порядочные люди* обрабатывали народ в том же направлении. *К ним следует еще присоединить многочисленные семьи эмигрантов, которые видят, как приближается час продажи их имуществ, и хотели бы, чтобы страх перед «аграрным законом» сорвал эту продажу*, поскольку страх перед прусским оружием не смог это сделать.

Изучим, однако, этот призрак и посмотрим, может ли он когда-нибудь обрести реальность. Если бы народ постоянно не обнаруживал свой ужас перед грабежами, мы могли бы опасаться с его стороны каких-либо эксцессов в этом роде, но никак не раздела земель; ибо после восстания где гарантия возможности этого незаконного раздела? Следовательно, «аграрный закон» не может быть результатом оосстания. Может, его декретирует Национальный Конвент или Законодательный корпус? [11] Такое предположение недопу-

стимо; ведь для этого все члены, составляющие эти собрания, должны быть либо людьми невежественными, либо развращенными, что невероятно и невозможно; и если бы они даже приняли подобный декрет, то где та принудительная сила, которая в состоянии была бы провести его в жизнь? Я сам удивляюсь снисходительности, с какой я опровергаю подобные абсурдные утверждения, и прошу за это прощения у читателей...

То была бы поистине сказка о курице, несущей золотые яйца; нечего опасаться, что нация когда-нибудь одобрит принцип, разрушающий всякое процветание. Но было бы печально, если бы при помощи такого рычага удалось возмутить народ, взбунтовать его на свою погибель, поднять его на восстание и тем самым толкнуть в бездну, уготованную его врагами. Пусть люди, соединяющие в себе просвещенность и чистые помыслы, позаботятся рассеять невежество народа; пусть они объявят войну влиянию злонамеренных лиц, более опасному, пожалуй, нежели оружие прусских и австрийских разбойников».

Мне кажется, что газета Карра испытывает некоторые опасения. Если уж так необходимо рассеивать невежество народа в этом вопросе, если, чтобы объяснить распространение идеи «аграрного закона», приходится ссылаться на маневры капиталистов, на происки биржевиков, на ложные слухи, распускаемые эмигрантами; если все контрреволюционеры, часть финансистов-спекулянтов и мятежный авангард народа стараются, действуя в вольном или невольном согласии, распространить или поддержать эту идею, пробуждая ужас или надежду, то, очевидно, идея эта уже в какой-то мере утвердилась.

Напрасно Карра отвергает саму концепцию «аграрного закона»: не составляет никакого труда доказать ее наивность; но для части народа, для пролетариев, для неимущих эти слова *«аграрный закон»*, возможно, были лишь символом, призывом к более ощутимому равенству, к порядку, обеспечивающему более прочные гарантии и права. Под этими примитивными, ребяческими формами, возможно, бурлят могучие инстинкты, беспокойные страсти.

---

9. «Annales patriotiques», 20 septembre 1792. Статья датирована 19 сентября. Карра, служащий Королевской библиотеки, депутат Конвента от департамента Сона и Луара, был арестован на основании декрета от 2 августа 1793 г., гильотинирован вместе с жирондистами 10 брюмера II г.
10. «Порядочные люди»— те, кто обладает если не богатством, то, по меньшей мере, достатком. Об этом выражении и его употреблении см.: А. Собуль. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры, с. 227.
11. На своем первом заседании Конвент был единодушен в своем осуждении как диктатуры, так и «аграрного закона». 18 марта 1793 г. он принял декрет о смертной казни, которой «будет подлежать каждый, кто предложит «аграрный закон» или какой-либо иной закон, подрывающий земельную, торговую и промышленную собственность».

КЛООТС ОПРОВЕРГАЕТ МОМОРО

Газета Кондорсе тоже дважды откликнулась на это явление [12], и сам Анахарсис Клоотс, крупный банкир, космополит, *оратор рода человеческого*, выступил по этому поводу [13]. В своей критике он проявляет здравый смысл делового человека; он знает, каковы условия и законы буржуазного производства. Очень резко, как бы отвечая на реальную опасность, он ополчается против «аграрного закона»:

«Долой смутьянов!

Люди сумасбродные или коварные находят удовольствие в том, чтобы вселять страх в души собственников. Они хотели бы сеять раздоры между французами, которые живут на доходы от своих земель, и французами, которые живут на доходы от своего промысла. Этот проект дезорганизации состряпан в кобленцской лавочке; лжепатриоты надеются заработать популярность, провозглашая, что *земельные владения* всего лишь химера, которая должна растаять перед реальностью *промышленной собственности*. Эта галиматья не заслуживала бы даже опровержения, когда бы она не внушала тревогу простодушным гражданам, которые боятся гораздо больше потери своего наследственного достояния, нежели нашествия немцев; *эта галиматья способствовала падению Лонгви и Вердена больше, чем это предполагают*.

Тираны Европы вот уже три года распространяют демагогические писания аристократов, в которых ловко используют мнимую угрозу «аграрного закона». Будь такая угроза осуществлена, контрреволюция стала бы возможной; анархия избавила бы соседних королей от труда сплачивать свои силы против Франции. Узурпаторы ненавидят наше возрождение, *ибо оно возвращает собственникам все права, отнятые у них феодалами*.

Злокозненные люди призывают бедняка объявить войну богатому, но народ благоразумен; *он прекрасно понимает, что земля — основа промышленности и что одно не может существовать без другого. В деревне не станут слушать проповедников раздела земель, да и в городах, где бесчисленные мастерские были бы уничтожены из-за их безумной доктрины, они будут встречены враждебно. Рабочий, получающий от 30 до 40 су в день, богаче сейчас, имея руки и надежды*, чем если бы разделили наши 64 млн. арпанов пахотной земли между 27 млн. человек, ибо уже второе поколение их было бы осуждено на нищету, невежество, равнодушие и слабость, которые сделали бы их добычей первого же завоевателя.

Не стало бы более ни городов, ни дорог, ни плотин, ни почты, ни обмена письмами, ни печатников, ни бумаги, ни газет, ни журналистов, никакой, ни моральной, ни физической, опоры. *Коснеть в дикости, на куче навоза со своего жалкого арпана*, подверженного то заморозкам, то наводнениям,— вот какая участь ожидала бы

французских граждан. Любой поденщик, с самым скудным доходом, предпочтет свой каждодневный заработок гадательной удаче получения даже лучшего клочка земли, *тем более что цена рабочей силы при режиме свободы растет.*

Не требуется особой проницательности, чтобы предвидеть плачевные результаты нарушения принципа «*твое*» и «*мое*». *Поэтому последний рабочий громадной мануфактуры оттолкнет лицемера, который будет напевать ему о разделе складов и капиталов фабриканта, который в конечном счете обеспечивает работой тысячу двести рабочих семей.*

Самый тупой ремесленник поймет, что ограбление знаменитого Декрето обречет на голодную смерть три или четыре тысячи граждан. Пусть те, кто собирается проводить в жизнь свое поджигательское предложение, уберутся подальше от цивилизованного общества, ибо на них набросятся все жители города, все собственники и фермеры деревень, чье благосостояние основано на сбыте продукта их труда в многолюдных торговых городах. Благонамеренные умы, люди честные, истинные друзья рода человеческого должны стараться успокоить народ относительно бессильных проектов этой мерзкой клики.

С разделом земель дело обстоит так же, как с разделом рек; мы потеряли бы все доходы от рыбной ловли, от судоходства и от торговли вместе с водой. Чрезмерное кровопускание может убить самого здорового человека. И на что жалуются смутьяны? Разве новый порядок не стремится раздробить колоссальные состояния путем осторожных и охранительных мер. Право субституции, право старшинства и преимущественное право наследования по мужской линии отменены так же, как цехи, привилегии, сеньоральные и фискальные заставы [14].

Никто теперь не будет наживаться ни при дворе, ни при церкви, ни путем взыскания незаконных налогов; разбой биржевых спекулянтов не будет больше накоплять золото в руках неболь-

---

12. «Chronique de Paris», № 270, 18 septembre 1792; № 274, 22 septembre 1792.
13. Барон Клоотс, Жан-Батист (1755—1794) — известный под именем Анахарсиса Клоотса и прозванный «оратором рода человеческого», был сыном советника прусского короля, владельцем большого состояния, организатором «посольства рода человеческого», которое явилось в Учредительное собрание 19 июня 1790 г., депутатом Конвента от департамента Уаза; гильотинирован вместе с группой кордельеров 4 жерминаля VI г. Клоотс писал в «Chronique de Paris», одним из главных сотрудников которой был Кондорсе. Его статья появилась в № 270 от 18 сентября 1792 г.
14. Субституция — право, связанное с определенной дворянской собственностью, в силу которого землевладелец не может ее отчуждать и она переходит к его наследникам по мужской линии. Учредительное собрание уничтожило все помехи к отчуждению собственности и установило принцип полной экономической свободы («laissez faire, laissez passer»).

шой кучки финансистов. Мы презираем современных *гракхов*, но будем подражать *Гракху* античному [15], *распределяя общинные земли среди миллиона бедняков, распределяя обширные земли, ожидающие рабочих рук, на Корсике, на Мадагаскаре и в Гвиане.*

Творческое соревнование будет способствовать расцвету морской и континентальной торговли: общественное благосостояние будет возрастать благодаря более быстрому и более широкому обращению всех продуктов суши и моря.

Итак, успокойтесь, малодушные собственники, взвесьте мои слова. *Я бы хотел, чтобы комиссары Национального собрания дали решительный ответ руководителям администрации Реймса, которые, приняв клятву о равенстве, обнаруживают столь великое беспокойство за свои законные владения.* Надо доказать этим *пугливым гражданам, что так называемое бедное большинство* в высшей степени заинтересовано в сохранении так называемого богатого меньшинства. И это доказательство сегодня тем более необходимо, что мы ведем разорительную войну с помощью ассигнатов, чьим обеспечением являются национальные земли и леса, которые будут продаваться за бесценок, если страх перед «аграрным законом» помешает французским и иностранным капиталистам приобретать земельные участки во Франции. Национальный Конвент, без сомнения, опубликует инструкцию, чтобы внести успокоение в умы напуганных собственников» [16].

Я, разумеется, не собираюсь здесь обсуждать точку зрения крупного банкира. По существу вопроса он прав. Конечно, раздел земель — реакционная утопия, которая, осуществившись, вернула бы общество к состоянию варварства в области сельского хозяйства и к всеобщей нищете. Самое основное и самое плодотворное разделение труда — это разделение труда между городом и деревней, труда промышленного и труда земледельческого. Всеобщий раздел земель, который уничтожил бы это важнейшее разделение человеческого труда и разбросал бы семьи по крошечным земельным наделам, распылил бы усилия людей и снизил их эффективность: они бы думали отныне только об одном, как обеспечить свои самые примитивные, самые элементарные потребности. Анахарсис Клоотс прав, утверждая, что основой промышленности является земля, то есть она должна получать от земли сырье, которое она перерабатывает, и продукты, которые она использует.

Это, очевидно, предполагает, что продукты земли не все целиком потребляются деревней, а так должно было бы быть в случае равного раздела земель между всеми гражданами.

Клоотс имеет право утверждать, что эта операция была бы губительной для городских рабочих в такой же мере, как и для деревенских собственников; заработная плата обеспечивает рабочим гораздо больший достаток, нежели доход с нескольких арпанов земли, которые бы им предоставили. И это было очень ловким ходом — предостеречь рабочий класс *во имя его собствен-*

ных интересов от реакционной утопии, грозящей ему нищетой.

Но Клоотс этим не ограничивается. Он очень хорошо понимает, что под словами «раздел земель» фактически подразумевается раздел состояний. Сознательно или бессознательно, но вопрос отныне ставится именно так. Было бы невозможно приступить к разделу земельных состояний, не задаваясь вопросом о том, что же следует делать с другими состояниями; раздел земельных богатств неизбежно подсказал бы идею раздела промышленных богатств. Клоотс идет навстречу этой опасности, доказывая, что концентрация капиталов, промышленной и коммерческой деятельности является непременным условием крупного производства и широкого товарообмена. Совершенно справедливо, что расчленить крупное промышленное или коммерческое предприятие с целью разделить его между многими людьми — значит просто-напросто уничтожить его; раздел промышленной собственности — акт еще более бессмысленный и убийственный, чем раздел земельной собственности, ибо промышленный организм, более сконцентрированный, не вынесет без ущерба дробления, к которому в случае необходимости приспосабливается сельскохозяйственное производство. Клоотс хорошо понимает смысл грядущего великого капиталистического развития, и, как он ни старается несколько смягчить и завуалировать свой тезис, утверждая, что с помощью осторожных охранительных мер колоссальные состояния будут уменьшены, на деле он закрывает источники обогащения, которые были либо уже закрыты, либо уничтожены Революцией: придворные пенсии, церковные бенефиции. Он оставляет в полной неприкосновенности бьющие ключом главные источники обогащения буржуазии, а именно крупную торговлю, крупную промышленность. Он правильно говорит, что не бесчисленные скудные струйки, а только могучие потоки, мощные массы воды питают силы производства и богатства. Таким образом, он решительно противопоставляет идее застоя и распыленности сельского хозяйства смелый прогрессивный капитализм, которому суждено было господствовать весь современный период и который постепенно подготавливает элементы социалистического порядка.

Любопытная вещь! Тот же призрак «аграрного закона» и «раздела», который сто десять лет назад использовали для борьбы с буржуазной революцией, в наши дни используют для борьбы с революцией пролетарской. Именно нас, социалистов, сейчас обзывают разделителями и часто последователи тех революционных буржуа, которых в свое время обзывали разделителями враги Революции. И против нас тоже пытаются настроить крестьян, убеждая их, что мы собираемся приступить к всеобщему разделу земель. Ребяческий и абсурдный упрек, еще более несосто-

---

15. О проблеме общинных земель см. настоящее издание, т. II, с. 609.
16. См. выше, с. 179, прим. 11.

ятельный сегодня в отношении социалистов, нежели более века назад в отношении революционной буржуазии. Ибо если в конце 1792 г. существовала уже промышленная цивилизация, которую всеобщий раздел земель мог бы только разрушить, если уже тогда заработная плата индустриальных рабочих давала им больший достаток, чем тот, который они могли бы получить от жалкого клочка собственной земли, то во сколько же раз ужаснее было бы крушение сегодня, когда крупные города так колоссально разрослись, когда существует мощная промышленность и рабочий класс, выросший более чем в десять раз! Вряд ли есть необходимость добавлять, что в эту эпоху расцвета промышленности социалисты и не помышляют о расчленении, о дроблении громадных организмов. Нет, они не желают распылять на бесчисленные немощные струйки растущую силу могучей реки. Наоборот, они желают расширять и углублять эти реки современного крупного производства; они хотят соединить их между собой, дабы свести их в единую систему, одновременно централизованную и многообразную, несущую повсюду изобилие и жизнь. Единственное, чего мы не хотим, так это того, чтобы эти реки, следуя образному выражению Клоотса, эксплуатировало меньшинство и присваивало в ущерб трудовому сообществу выгоды от рыбной ловли, судоходства и движущей силы этих рек. Мы не собираемся ломать широкие рамки современного производства, мы хотим лишь установить в нем верховную власть организованного труда.

По страстному и настойчивому тону этого крупного банкира очевидно, что идея «аграрного закона» получила значительно большее распространение в умах, чем это обычно себе представляют. Или по крайней мере что собственники уже начали по этому поводу серьезно беспокоиться. То, что он рассказывает о членах администрации Реймса, весьма показательно. Принося присягу равенству, они боялись, что тем самым соглашаются на равный раздел состояний, на то, что вскоре назовут «фактическим равенством» [17]. И Клоотс не боится внушать, что Лонгви и Верден капитулировали лишь потому, что буржуазия этих двух городов усматривала для себя в пропаганде против собственности не меньшую угрозу, чем от вторжения врага.

Поэтому на западе, в центре, на востоке Франции, в Берне, в Реймсе, в Лонгви та же тревога, те же опасения.

Было бы наивно повторять, что в этой тревоге повинна одна только контрреволюция. Сколь бы ретроградной ни была по своей сути концепция «аграрного закона» и раздела земель, вполне естественно, что в ту эпоху она могла ввести в соблазн часть народа, наиболее обездоленного либо наиболее пылкого. Несмотря на уже весьма значительный рост мощи промышленности и движимого имущества, все же именно земля казалась еще, если можно так выразиться, субстанцией богатства. Ведь именно благодаря тому, что церковь и дворянство (то есть вчерашние власти-

тели, которые еще сопротивлялись) владели землей, они и утвердились. Буржуазия торопилась покупать национальные имущества, как бы желая в свою очередь закрепить путем приобретения земель свое зарождающееся господство.

Поскольку народ наконец поднялся, поскольку он только что завоевал всеобщее избирательное право и политические права, поскольку он стал играть решающую роль, поскольку он собирался создать республику, где бы расцвела его мощь, то не следовало ли ему в свою очередь придать, так сказать, своей новой власти освящение землей, отметить и ему также свою верховную власть тем, что на протяжении веков было признаком верховной власти дворянства и духовенства и что теперь становилось признаком власти буржуазии? Вот какие смутные мысли будоражили народные умы,— мысли, где реакционные элементы смешивались с силами грядущего развития.

КЕРАЛЬО ПРОТИВ СТОРОННИКОВ РАЗДЕЛА

Керальо, вслед за Клоотсом, тоже счел необходимым отвергнуть «аграрный закон» в газете Кондорсе «Кроник де Пари» и в газете Бриссо «Патриот франсэ»[18]:

«Я прочитал в некоторых публикациях, что некие комиссары, считающие себя посланцами исполнительной власти и Парижской коммуны, распространили Декларацию прав, утверждающую, будто нация признает только промышленную собственность и обеспечивает гарантию того, что *ошибочно* именуют земельной собственностью, только до того момента, пока не будут изданы законы на сей счет [19]. Не знаю, что больше поражает в этом дерзком демарше — наглость ли отдельных лиц, которые, не имея на то никаких полномочий от суверенной власти, осмеливаются говорить от ее имени, абсурдность ли проектов, провозглашаемых как будто в этой странной декларации, либо опасность беспорядков, которые она может вызвать. Очень важно предостеречь честных граждан против этих пагубных высказываний, продиктован-

17. Выражение «фактическое равенство» употребил в 1792 г. аббат Доливье. Бабёф популяризовал его в 1795 г.
18. Керальо (1731—1793) — преподаватель военной школы, член Академии надписей и изящной словесности, командир батальона парижской национальной гвардии в 1789 г. «Кроник де Пари» опубликовала это письмо Керальо в № 274 от 22 сентября 1792 г., «Патриот франсэ»— в № 1142 от 24 сентября 1792 г.
19. См. выше с. 170. Бриссо уже осудил Декларацию Дюфура и Моморо в № 1132 своей газеты от 15 сентября 1792 г. «Департамент, где распространяли подобную доктрину, должен был бы посадить ее апостолов в тюрьму. Это явные разбойники, и исполнительная власть не может доверять разбойникам выполнение своей миссии».

ных либо глубоким невежеством, либо самой коварной злонамеренностью, ибо они могут ввести их в заблуждение.

Эти лица, посмевшие поставить себя над сувереном, заявляют нам, что они признают только промышленную собственность и что нация ошибалась, как и все другие, когда признавала и гарантировала собственность земельную. Касаясь пустых надежд нескольких мечтателей, мы можем смело утверждать, что, желая сделать землю общей, они только принижают людей, низводя их до уровня животных.

Я мог бы развенчать и этот их принцип: ведь абсолютно неверно, будто земля является общей у животных, каждое из них имеет как бы свою земельную собственность; территория, которую оно выбрало и подготовило, чтобы там обосноваться, принадлежит ему, и оно имеет право ее защищать. Я мог бы добавить, что дикие племена тоже владеют своего рода земельной собственностью и каждое имеет для охоты определенный участок, куда не допускает другие племена. Но здесь не место рассматривать и развивать эти идеи: я предполагаю заняться этим в другом месте, а теперь перехожу к нашему цивилизованному состоянию.

Эти мнимые носители суверенной власти, возвестившие нам совсем новые законы, хотят дать нам промышленную собственность; но разве земельная собственность не основана точно так же на нашем мастерстве (industrie)? Как же так? Дерево, которое я срублю, чтобы вытесать из него кол, стрелу или палку, будет принадлежать мне только потому, что дерево уже не сидит в земле, а то, которое я выкопаю в одном месте, чтобы пересадить в другое, которому я придам форму, которое я обрежу, удобрю навозом, приложив все свое мастерство, не будет мне принадлежать только потому, что оно связано с землей? Как же так? Хижина или дом, которые я построил, и клочок земли, на котором они стоят, не принадлежат мне, ибо колья и камни, его поддерживающие, соприкасаются с землей. Все эти предметы принадлежат мне в животном состоянии, если я могу их защитить; они точно так же принадлежат мне и в общественном состоянии и даже еще прочнее в силу взаимных гарантий всех видов собственности.

Какую, однако, цель могут преследовать эти дерзкие новаторы, исходя из подобного принципа? Желают ли они раздела всей земли Франции на равные части между всеми главами семей? Если так, то каждый глава семьи станет собственником своей доли, она ему будет гарантирована всеми другими, и это будет опять такая же земельная собственность, какая существует ныне; таким образом, наши мнимые законодатели выдвигают свой ложный принцип лишь для того, чтобы нарушить нынешний порядок, уничтожив существующую земельную собственность, и воссоздать новую в таком же роде.

А теперь рассмотрим, каким может быть раздел, который, по-видимому, имеют в виду эти новаторы. Его, возможно, легко

провести где-нибудь в колонии, которая владеет определенной территорией, разделив ее примерно поровну среди глав семей. Какой-нибудь законодатель, дающий новые законы маленькому народу, может ввести такое распределение вместе с изданием новых законов. Ликург так и поступил в Лаконике. Некоторые греческие философы, и среди них Платон, великий философ-моралист, поэт и мечтатель в политике, одобрили этот равный раздел земельной собственности и захотели возвести его в непререкаемое правило. Проведение этого закона в жизнь является делом затруднительным даже при первом поселении в силу того, что почва не везде одинакова, так же как и условия для торговли. И совсем уж трудным оно будет для большой нации, давно уже существующей, и независимо от того, будет ли раздел реализован среди большого или маленького народа, было бы абсурдно надеяться, что такое положение может сохраниться. Совершенно очевидно, что, выделяя каждой семье ограниченную часть национальной территории, пришлось бы ограничить число семей и количество детей в каждой семье, ибо в течение нескольких лет смертность, уменьшив семью, сделает главу ее богаче, зато некоторые другие семьи разрастутся вследствие плодовитости родителей и впадут в бедность. Плодородная почва может истощиться, колебание цен в торговле может повысить стоимость продуктов с одного участка земли и понизить стоимость продуктов с другого, и вот уже мнимое равенство состояний исчезнет. Сохранить это равенство можно лишь путем нового раздела при каждом рождении или смерти, при каждом изменении стоимости или плодородия земли, а это уже явная нелепость. Ликург, вводя равное распределение земель одновременно с новыми законами, руководствовался местными условиями и особыми целями. Народ Лаконики был малочисленным, жил в почти полной изоляции от других народов и вел очень незначительную торговлю.

Его земли хватало с избытком, чтобы прокормить его. Цель законодателя состояла в том, чтобы удержать народ Лаконики в этом отречении от торговли, искусств, наук, жизненных удобств. Это равное распределение земли на одинаковые доли имело место только в самом начале; оно просуществовало недолго, ибо его невозможно было сохранить. Было бы безумием желать поступить с нашей многочисленной сельскохозяйственной, торговой, богатой нацией как с маленьким народом Лаконики. Расчет прост: одной земли Франции не хватило бы, чтобы прокормить ее жителей; они восполняют это с помощью торговли и промышленности, и эти два источника богатства и общественной силы, возросшие благодаря свободе, способствуют росту народонаселения; раздел земель на равные части заглушил бы эти два источника и привел бы к полному разорению французской нации.

Вот почему только самое глубокое невежество в вопросах политики, истории, торговли, в вопросах законодательства либо низ-

кое потворство постыдным страстям, преступное равнодушие к общественному делу, подлое намерение разжечь смуту, ненависть, раздоры среди граждан и услужить деспотизму, посягнув на законную собственность, могли бы подсказать мысль о разделе французской земли на равные доли. *Слишком неравное распределение богатств опасно; но слишком большое дробление их не менее опасно, ибо оно лишает ремесла тех средств, без которых они могут зачахнуть и погибнуть. Конечно, необходимо устранить слишком непропорциональное распределение имуществ всякого рода, но без насилия и несправедливости, с помощью мудрых законов, которые отнюдь не должны стеснять предприимчивость земледельца и ремесленника и ставить преграды росту их богатств, а, напротив, должны способствовать их умножению и в то же время их разделу с помощью мягких и естественных средств, а именно содействуя бракам и содержанию детей, устанавливая максимум для приобретения земли, запрещая всякие дарения, завещания имуществ и их неотчуждаемость, неравномерные разделы между наследниками и другие способы накопления имуществ, будь то промышленных или земельных, в руках небольшой группы людей.*

Такие положения проистекают из самой природы, о которую неизбежно разбиваются, как морские волны о прибрежные скалы, необузданные страсти какого-нибудь эгоиста, или убогие идеи какого-нибудь школяра, отдавшегося чисто платоническим мечтаниям, или же доморощенные измышления какого-либо гения».

Такова социальная программа Жиронды; и по своему благожелательному отношению к росту богатств, к умножению удобств и радостей жизни она современна и прогрессивна и ближе к творческому, стремящемуся к изобилию на земле социализму, нежели жалкая программа спартанской суровости и постоянной нищеты. Однако было бы иллюзией думать, что *даже при равном разделе имущества внутри семей* может быть восстановлено и сохранено социальное равновесие и что «опасная диспропорция» между состояниями уменьшится. Более того, Керальо поистине слишком рано торжествует победу, выступив против равного раздела земель, понимаемого в буквальном, математическом смысле слова. Это, право же, чересчур легковесная игра ума! Философу и государственному деятелю следовало бы разглядеть под этой ребяческой формулой влечение народа к собственности. И как приобщить к ней эти миллионы сельских поденщиков или промышленных рабочих, которые видели, что где-то над ними совершается социальная революция, к которой их не допускают? Вот проблема, которую Жиронда не удосужилась перед собой поставить. Но любопытная вещь, убедительно показывающая, что «аграрный закон» все же проложил себе дорогу к умам: Керальо согласен с газетой Прюдома в том, что следует потребовать ограничения земельных приобретений. Подход эмпирический и довольно поверхностный. Между тем новая буржуазия будет угрожать социальному равновесию

в обществе, рожденном Революцией, отнюдь не земельной монополией.

Итак, когда Жиронда использовала «аграрный закон», дабы настроить умы против своих соперников, она не создавала этот призрак на пустом месте. В самом деле, уже глухо ощущались зачатки пропаганды, ощущались смутные стремления в этом духе и растущий страх. Но она отлично знала, что ни Марат, ни Робеспьер, ни Дантон, ни подавляющее большинство членов Парижской коммуны и не помышляли об «аграрном законе». Она отлично знала, что с этой стороны ей не грозит никакая определенная, неминуемая и серьезная опасность. И тем не менее она старалась возбудить против «триумвирата» смутные подозрения. Она воспользовалась безрассудным поступком Моморо, неосторожностью или излишним рвением некоторых других комиссаров исполнительной власти и Коммуны, чтобы метать громы и молнии против них, чтобы изобличать их (выражение это заимствовано из газеты Бриссо), как некий летучий набат. Сентябрьские избиения, кражи драгоценностей, ограбление хранилища королевского имущества, «аграрный закон» — из всего этого Жиронда состряпала чудовищную, приводящую в смятение мешанину, чтобы всполошить провинцию, натравить ее на Париж и избранников Парижа, напугать депутатов Конвента, направлявшихся в столицу, и добиться сразу от этих предубежденных умов суровых мер, рожденных недоверием, против Парижа и его представителей.

Омерзительная политика, надуманная и коварная. 18 сентября, воспользовавшись предлогом, что национальная гвардия не сумела предотвратить хищения в хранилище королевского имущества, Ролан сделал весьма странный вывод, что «Национальному собранию необходима *вооруженная сила*, которая находилась бы постоянно в его распоряжении и была бы способна благодаря своему постоянному присутствию и энергии оградить от любых посягательств и представителей нации, и ее богатства, и ее архивы, и ее сынов»[20]. Тут уже проглядывает идея специальной стражи для Конвента, набранной в департаментах. Весь план борьбы Жиронды, ребяческий и негибкий, был разработан еще до того, как собрались члены Конвента; и Марат, возмущенный до крайности, едва сдерживавшийся, несмотря на советы сохранять умеренность и осторожность, которые сыпались на него со всех сторон, помимо своей воли чуть не сыграл на руку жирондистам резкостью своих суждений. В четверг 20 сентября, то есть в тот самый день, когда Конвент был занят проверкой полномочий своих депутатов, он воскликнул[21]: «Братья и друзья! Никогда

---

20. «Moniteur», XIII, 736; «Archives parlementaires», L, 122; Buchez et Roux, XVIII, 3.
21. «L'Ami du peuple», № 684, 20 septembre 1792. Заголовок: «Соображения Друга народа для парижан».

не забывайте, что временный муниципалитет, который они пытаются уничтожить, спас отечество с 9 на 10 августа и может спасти его еще не раз. Никогда не забывайте, что его Наблюдательный комитет, который они стараются сделать ненавистным, денно и нощно бодрствует ради общественного блага. Никогда не забывайте, что вас давно бы уже удушили заговорщики, если бы он не взял под стражу заведомых недоброжелателей, изменников и контрреволюционеров.

Подумайте, чтобы обезопасить вас от их покушений и лишить их возможности заниматься своими кознями, необходимо в условиях нынешнего кризиса учредить арестный дом, куда будут заключены недоброжелатели и враги отчизны до тех пор, пока свобода не будет обеспечена. Потребуйте сами от Коммуны такого дома и поторопите ее выбрать для этого удобный и надежный дом, где они будут жить за свой собственный счет. Поступить с ними таким образом — это, без сомнения, самая мягкая из мер, какие следует принять в их отношении».

21 сентября, то есть в день первого регулярного заседания Конвента, Марат, после того как он довольно мягко высмеял Петиона [22]: «Петион — добряк, честный человек, с этим я согласен; он был бы великолепен на месте мирового судьи, посредника, муниципального кассира, ректора коллежа, сборщика налогов дистрикта, но у него глаза, которые ничего не видят, уши, которые ничего не слышат, голова, которая ни о чем не размышляет», — закончил следующими серьезными словами, которые легко могли быть использованы против него:

«Меня удручает только одна мысль, что все мои усилия спасти народ не приведут ни к чему *без нового восстания*. Наблюдая склад характера большинства депутатов Национального Конвента, я теряю надежду на общественное спасение. Если на первых восьми заседаниях не будут заложены все основы Конституции, не ждите больше ничего от этих представителей. Вы погибли навсегда, вас ждут пятьдесят лет анархии, и вызволить вас из нее может только диктатор, истинный патриот и государственный человек. О народ-пустомеля, если бы ты умел действовать!»

Так глухой отголосок грозы, нараставшей вот уже более месяца, заставлял содрогаться, если можно так выразиться, двери Конвента. Даже на пороге великого Собрания борющиеся революционные партии продолжают бросать друг другу вызов, угрозы, которыми они обмениваются начиная с 10 августа.

Глава пятая

*

ЛОНГВИ, ВЕРДЕН, ВАЛЬМИ

Но в то время, как на узком, пылающем горизонте Парижа скапливались и сталкивались насыщенные электричеством тучи, солдаты Революции на границах вели борьбу за свободу, отражая первые натиски мирового деспотизма. Лонгви капитулировал; Верден, несмотря на героическое сопротивление Борепера, который предпочел покончить жизнь самоубийством, нежели подписать капитуляцию, тоже сдался 2 сентября [1]. Но сердце Революции не дрогнуло.

---

22. «L'Ami du peuple», № 685, 21 septembre 1792 (последний номер). Заголовок: «Марат, Друг народа,— Жерому Петиону». В этом номере газеты Марат воспроизводит свою листовку от 20 сентября —«Марат, Друг народа, Жерому Петиону, мэру Парижа». [См.: Ж. П. М а р а т. Избранные произведения. Т. III, М., 1956, с. 137 и сл.— *Ред.*]

1. Лонгви капитулировал 24 августа 1792 г., Верден — 2 сентября. Об осаде Вердена и о смерти Борепера написано очень много. А. Шюке (A. C h u q u e t. Les guerres de la Révolution. T. I: «La première invasion prussienne». Paris, 1886) высказывает уверенность в самоубийстве Борепера. Версию об убийстве Борепера поддерживает Пионье. (E. P i o n n i e r. Histoire de la Révolution à Verdun. Paris, 1906). Обе версии сопоставляет Петиньи. (X. D e P é t i g n y. Beaurepaire et le premier des bataillons des volontaires de Maine-et-Loire à Verdun. Juin — septembre 1792. Angers, 1912.) Два факта бесспорны: измена роялистов, в их числе некоторых офицеров, руководивших обороной, и малодушие жителей. Если Борепер не был убит, то его толкнула на самоубийство измена; но более вероятным представляется убийство.

ЖИРОНДА И ПЛАН ОТСТУПЛЕНИЯ НА ЮГ

Правда ли, что жирондистские министры замышляли в августе — сентябре покинуть Париж, перевести в районы к югу от Луары Исполнительный совет, короля и Конвент? У них, очевидно, были некоторые поползновения к отступлению, или по крайней мере они изучали такую возможность, но нам не дано узнать, как далеко они зашли в этом направлении. В июле, еще до того, как Ролан вновь занял пост министра, этот вопрос затронули впервые.

«Однажды, — рассказывает Барбару [2],— когда мы, Ребекки и я, возвращались с Елисейских полей, где мы обсуждали наши планы [направленные против королевской власти], мы встретили Ролана и Лантена [3]... Мы горячо их обняли, Ролан выразил желание обменяться с нами мнениями относительно постигших нас общественных бедствий; мы договорились, что я зайду к нему на следующий день один, чтобы ускользнуть от глаз шпиков. Я явился на свидание в точно назначенное время. Ролан жил в доме на улице Сен-Жак, на четвертом этаже [4]; это был приют философа; его супруга присутствовала при нашей беседе и принимала в ней участие.

В другом месте я расскажу об этой поразительной женщине. Ролан спросил меня, что я думаю о Франции и о путях ее спасения; я открыл ему свое сердце и не скрыл от него первых попыток, предпринятых мною на юге. Оказалось, что его и Сервана [5] занимал тот же план. На мои признания он ответил такой же откровенностью. Он сказал мне, что свобода погибнет, если немедленно не расстроить заговоры двора; что Лафайет, по-видимому, замышляет измену на севере; что армия Центра, полностью дезорганизованная, совершенно лишенная всякого снаряжения, не может воспрепятствовать врагу совершить прорыв и что, наконец, все подготовлено для того, чтобы австрийцы через шесть недель вступили в Париж.

«*Неужели*,— добавил он,— *мы трудились в течение трех лет на благо прекраснейшей из Революций лишь для того, чтобы увидеть, как ее уничтожили в один день? Если свобода умрет во Франции, она будет потеряна и для остального мира; все надежды философов окажутся обманутыми. Самая жестокая тирания воцарится на земле... Мы должны предотвратить это несчастье, вооружить Париж и северные департаменты; или же, если они не устоят, перенести статую Свободы на юг и основать там где-нибудь колонию независимых людей*». При этих словах слезы покатились из его глаз. Те же чувства вызвали слезы и на глазах его супруги, и на моих тоже. О, как облегчаются удрученные души излияниями взаимного доверия! Я в свою очередь обрисовал им положение дел и возможности в наших департаментах и поделился нашими надеждами. Я видел, как лицо Ролана осветилось

кроткой радостью: он сжал мне руку и велел подать ему географическую карту Франции [6].

Мы обнаружили, что от берегов Рейна до моря на западе Францию пересекают горы Вогезов и Юры, а также Луара, текущая в том же направлении. Между тем местом, где кончаются горы, и тем местом, где начинается водный барьер, тянутся довольно обширные равнины, которые придется защищать из укрепленного лагеря. Горы будут защищать их гордые обитатели, а на берегах Луары легко будет возвести укрепления, ибо фанатизм и наши ошибки еще не успели вооружить против нас Вандею. На случай, если враг овладеет лагерем, если он преодолеет Луару или горы Юры, его должна остановить другая преграда: на востоке — реки Ду, Эн, Рона; на западе — Вьенна и Дордонь; в центре — скалы и реки Лимузена. Дальше идет Овернь с ее крутыми холмами, оврагами, древними лесами и горами Веле, в прошлом опустошенными пожаром, а ныне снова поросшими еловым лесом,— дикие места, где люди пашут по снегу, но где они живут свободно. Севены предоставляют нам еще одно убежище, слишком знаменитое, чтобы его не устрашились тираны; на крайнем юге у нас есть еще преграда — реки Изер, Дюранса, Рона, от Лиона до самого моря, Альпы и укрепления Тулона. И наконец, если нам даже не удастся удержать все эти места, нам остается Корсика; Корсика, где генуэзцы и французы не смогли установить тиранию, Корсика, которая только и ждет рук, чтобы стать плодородной, и философов, чтобы излечиться от своих предрассудков.

Ролан считал, что следовало создать в центре юга склады продовольствия, держать в своих руках оружейную мануфактуру Сент-Этьенна и занять Тулонский арсенал. Я же со своей стороны выразил пожелание, чтобы не отдавали Бретань... Флота Тулона никогда не будет достаточно, чтобы государство могло занять подобающее ему место среди морских держав. Следовательно,

---

2. «Mémoires de Barbaroux», édition critique par A. Chabaud, p. 123.
3. Лантена (1754—1799) жил в доме Роланов, питал пылкую любовь к жене министра, но она всегда хотела, чтобы он оставался для нее не более чем «братом». Узнав о привязанности г-жи Ролан к Бюзо, Лантена был охвачен ревностью и покинул своих старых друзей. Будучи депутатом Конвента от департамента Рона и Луара, Лантена 2 июня 1793 г. был спасен Маратом от ареста.
4. Точнее, улица Лагарп, № 15, третий этаж.
5. Серван (1741—1808) — младший воспитатель пажей, в 1790 г.— комендант форта Сен-Жан в Марселе, в 1791 г. подполковник 61-го пехотного полка, с 9 мая по 12 июня 1792 г.— военный министр, после 10 августа — снова военный министр, 30 сентября 1792 г. был назначен главнокомандующим Пиренейской армии, 4 июля 1793 г. был отстранен, содержался в заключении до 15 плювиоза III г.
6. Рассказ Барбару вполне совпадает с рассказом г-жи Ролан. («Mémoires...», éd. critique par Cl. Perroud, t. I, p. 84, 160.)

нам необходим Брест, и я думаю, что с берегов Луары можно будет нести свободу до оконечности острова Уэссана, создав пункты сопротивления на реках и в самом сердце Ланд, от Гранвиля до ЛаФлеша.

И все же нам не хотелось покидать северные департаменты и Париж; наоборот, было решено испытать все средства для их спасения».

Я не хочу преувеличивать значения сентиментальной и романтической беседы между старым, наивным бюрократом и молодым марсельцем с причудливым воображением, не хочу я тем более подчеркивать крайнюю наивность их планов обороны. Они, видимо, недооценивали возможности победы контрреволюции в Париже. А между тем если бы король победил, стал хозяином столицы, если бы пруссаки, австрийцы, эмигранты, дворяне, священники держали в своих руках Париж, то это получило бы зловещий отзвук вплоть до самого юга, и в Тулоне, в Марселе, в Авиньоне и Тулузе роялисты, воодушевленные новой надеждой, напали бы с тыла на пребывающих в растерянности патриотов, которые вынуждены были бы отступать шаг за шагом. Но среди всех этих ребяческих рассуждений есть один серьезный момент: что станется с Францией при подобных расчетах? Она как бы исчезает бесследно. Барбару и Ролан со странной легкостью допускают существование Франции без Парижа. Можно подумать, что из нескольких обломков революции на юге, из нескольких островков революции в Бретани они считали возможным воссоздать Францию и сохранить ее.

Неслыханная вещь: есть момент в построениях Барбару, когда революционная Франция вся сосредоточивается на Корсике и в Вандее! Готовые с легкостью покинуть Париж, где всегда билось горячее сердце Революции и отечества, жирондисты собираются укрыться на застывших, сонных окраинах. Меньше всего в самой Франции, нет, это на Корсике, всего лишь вчера присоединенной к Франции, в Вандее, уже охваченной духом сепаратизма и мятежа, ищут они последнего спасения. Странное и опасное заблуждение, ибо примириться столь легко с потерей Парижа — это значило ослабить оборону страны, а вообразить, будто Франция может выжить, низведенная до нескольких разрозненных клочков, значило погубить ее. Было бы преступно строить на этом кратковременном романе мрачное обвинение Жиронды в измене; но нам представляется, судя по легковесности этих расслабляющих мечтаний, что она была неспособна спасти Революцию и отечество.

Словно сердце Жиронды не билось в унисон с сердцем Франции. В этот трагический час, когда необходимо было сплотить все силы, собрать их в один кулак, они отдались на волю волн, следуя причудливому руслу Луары или бурному течению Роны, несущейся к далеким берегам. Не знаю уж, какая одержимость местным патриотизмом, какая суетность местных влияний заслонили образ великой отчизны, находящейся под угро-

зой. Барбару, который вел переговоры с генералом Монтескью [7], который рассчитывал на его помощь, уже видел себя в центре сопротивления на юге, героем Южной Франции, спасающим на берегах Роны свободу мира, утерянную на берегах Сены.

Хрупкие, но опасные химеры! Г-жа Ролан нисколько не оспаривает смысла этих бесед [8].

«Дело в том,— пишет она в июле [1792 г.],— что, видя, как ухудшается положение из-за вероломства двора, продвижения вперед иностранных войск и беспомощности Собрания, мы стали искать место, где могла бы найти прибежище находящаяся под угрозой свобода. Мы часто разговаривали с Барбару и Серваном о высоком духе юга, об энергии департаментов в этой части Франции, о возможностях, какие представляет эта часть страны для основания там республики, в случае если победивший двор подчинит себе север Франции и Париж.

Мы взялись за географические карты; мы начертили демаркационную линию; Серван изучал военные позиции; мы подсчитывали силы, изучали характер и способ перестройки производства; каждый из нас вспоминал места и людей, на которых была надежда опереться, и повторял, что после Революции, вселившей в нас столько великих надежд, недопустимо вновь впасть в рабство, что необходимо испробовать все, чтобы где-нибудь установить свободное правление.

Это будет наш ресурс, говорил Барбару, если марсельцы, которых я сюда сопровождал, не получат достаточной поддержки от парижан, чтобы низвергнуть двор; все же я надеюсь, что они достигнут цели и у нас будет Конвент, который установит республику во всей Франции».

Повторяю еще раз: было бы коварством настаивать на том, что жирондисты преднамеренно замышляли раздел. Ведь они собирались создать эту республику на юге только в том случае, если свобода потерпит поражение в центре, в Париже. Разве можно забывать, что Серван, на какой-то момент увлекшийся этими ребяческими планами, вскоре был одержим, как военный министр, единственной мыслью: прикрыть Париж и отвергнуть все авантюристические планы, которые могли бы оставить столицу незащищенной? [9] И все же была некая скрытая причина рассеивания, бездействия, поражения в этой склонности жирондистов

---

7. Монтескью (1739—1798) — генерал-майор, в 1789 г.— командир пехотной бригады, депутат Генеральных штатов от дворянства города Парижа, одним из первых представителей дворянства присоединился к третьему сословию; главнокомандующий Южной армии; 13 апреля 1792 г. восстановил порядок в Авиньоне; 22 сентября 1792 г. занял Савойю; с 8 октября командующий Альпийской армией.
8. См. выше, прим. 6.
9. Серван хотел отвести армию Дюмурье за Марну или под Париж, чтобы прикрыть столицу.

к мечтам об урезанной Франции. Чета Роланов увлекается этой урезанной Францией, этой Южной Францией так, словно эта была окончательная Франция; они намечают, как с ужасающим хладнокровием заявляет г-жа Ролан, «демаркационную линию»; они стараются определить, как эта Франция сможет справиться собственными силами со своей экономикой, причем не на короткое время, а навсегда. В них не ощущаешь трепета перерезанных нервов, которые стремятся срастись, соединиться в сердце отчизны. Я тщетно ищу во всех этих мечтах планы отвоевания Парижа, триумфального возвращения свободы на север; свобода как бы застыла в неподвижности в жарких лучах юга и с гордым равнодушием погрузилась в спячку. Еще не успев получить раны, сердца этих людей уже покрылись рубцами. И не только в частных, несколько романтических беседах, но и в самом совете министров, даже в трагические дни, последовавшие за падением Лонгви и Вердена, прорывается эта мысль. Несколько позднее Дантон, доведенный до крайности смертельной ненавистью к нему Жиронды, бросает ей обвинение при всем Конвенте:

«Коль скоро необходимо высказать вслух свои мысли, то я вам напомню, что был момент, когда вера была настолько утеряна, что не стало более и министров и у самого Ролана зародилась мысль бежать из Парижа» [10].

Г-жа Ролан старается смягчить этот факт, но она не может его отрицать.

«Как мне известно, однажды, предполагая, что пруссаки могут слишком близко подойти к Парижу, стали обсуждать вопрос о том, не следует ли национальному представительству, в котором заинтересована вся страна, покинуть этот город и будет ли это разумным; но обсуждение этого вопроса было поверхностным, гипотетическим, даже более, чем это подобало; ни один министр не позволил себе угроз по адресу остальных своих коллег; это Дантон уже постфактум придумал свое разоблачение, с одной стороны, чтобы поставить себе его в заслугу, с другой — чтобы навредить Ролану [11]. Я хорошо помню эти дела, ибо я слышала, как об этом говорили моему мужу, расходясь после заседания Совета, происходившего у него дома».

Но как ни робки, как ни неопределенны были эти первые предложения об отступлении, они могли бы оказаться пагубными, ибо сеяли панику. Они в самом деле были преждевременны, ибо, хотя Лонгви и Верден пали, ни Келлерман [12] со своей армией в Мецe, ни Дюмурье с его армией в Седане не понесли поражения в первых числах сентября, а вербовка волонтеров шла с поразительным подъемом. Нет никакой аналогии между этим планом жирондистов и поступком Гамбетты, покинувшего Париж с целью организовать сопротивление в провинции. «Правительство национальной обороны» не покинуло Париж; оно осталось в городе и оказалось в блокаде, и первой заботой Гамбетты, собравшего войска на Луаре,

была отнюдь не оборона Южной Франции, а поход на Париж и прорыв блокады. Странное дело! Жирондисты, которые столь злоупотребляли воспоминаниями о кровавых сентябрьских событиях, которые столь рьяно пытались скомпрометировать в связи с ними Дантона, казалось, совсем не задумывались о том, что покинуть Париж, вывезти из него правительство, Конвент — это значило отдать столицу во власть всех конвульсий отчаяния, всего безумства мести и страха. Кровь, пролитая в сентябре, ничто по сравнению с потоками ее, которые залили бы улицы Парижа, если бы его покинула Революция, если бы его покинула надежда.

Дантон оказал огромную услугу Революции, отечеству, подавив своими решительными речами эти малодушные мысли, воззвав к надежде, к действию. Формально он в тот момент занимал пост министра юстиции. Фактически он являлся руководителем национальной обороны. Это он воодушевлял сердца и умы своей отвагой и верой в будущее. Это его энергия зажигала энергию во всех сердцах. Г-жа Ролан воображала, что уличит его, утверждая, что он наводнил армию людьми Революции, повторяя вслед за Серваном, что он «заразил армию кордельерским духом». Он влил в армию силу, но он же снабжал ее и оружием и командирами.

Я наткнулся на волнующую деталь в рассказе Латуш-Шевтеля, врача, раскрывшего тайну бретонского заговора Ла Руэри [13]. Прежде всего он рассказал об этом заговоре Дантону:

«Беседуя с Дантоном, я его посвятил в то, что замышлялось. Это происходило в тревожные дни, предшествовавшие 10 августа, и дело на том и кончилось. Я и сам, отвлеченный стремительно

---

10. Заседание Конвента 29 сентября 1792 г. («Moniteur», XIV, 78.)
11. 29 сентября 1792 г. Бюзо предложил Конвенту просить Ролана и Сервана оставаться министрами, пока новые депутаты, достаточно просвещенные, не найдут им достойную замену. То же предложение было выдвинуто в отношении Дантона. Последний выступил против него, усмотрев в нем «способ сохранить Ролана в министерстве». («Moniteur», XIV, 77.)
12. Келлерман (1735—1820) — в 1788 г. бригадный генерал, в 1791 г. командующий войсками в департаменте Верхний Рейн, в 1792 г. командир дивизии в Саарской области; назначенный 20 августа 1792 г. командующим армии Центра, он принял командование 2 сентября; 19 сентября подчиненный Дюмурье, он был истинным победителем при Вальми 20 сентября 1792 г.
13. Латуш-Шевтель находился до 1789 г. при доме старшего из братьев короля и лечил Ла Руэри и его жену; живя вблизи торгового суда, в самом центре дистрикта Кордельеров, он был связан с Фабром д'Эглантином и Маратом. В июне 1791 г., незадолго до бегства в Варенн, Ла Руэри на обратном пути из Германии, где он виделся с графом д'Артуа, заехал в Париж и посвятил Латуш-Шевтеля в существо своего плана. См.: A. M a t h i e z. Danton et la paix. Paris, 1919, p. 33. См. также о нем: M m e R o l a n d. Mémoires, (éd. Cl. Perroud), t. I, p. 316.

сменявшимися событиями в Париже, не думал больше об этом... *2 сентября* я пришел к Дантону, бывшему тогда министром юстиции, но в тот день мне не удалось его повидать, и *он назначил мне встречу на следующий день, 3-го, в шесть часов утра*. Он принял меня в своем кабинете, в присутствии Фабра д'Эглантина и Камиля Демулена. Нет нужды пересказывать здесь подробности нашего разговора. Достаточно сказать, что я вышел из министерства юстиции с приказом и заданием отправиться в Бретань, чтобы ускорить там отправку артиллерии и со всей поспешностью перебросить ее из Бреста и Лориана в долины Шампани. О Ла Руэри не было даже разговора». А может быть, Латуш-Шевтель не хотел в этом признаться. Но тут самое интересное — это действия Дантона, использующего все силы и для любого дела, поручающего Латуш-Шевтелю ускорить отправку снаряжения и наблюдать за маневрами контрреволюции! На следующее утро после кровавой сентябрьской ночи, поднявшийся на заре, этот великий ленивец, не дав себе даже времени ни вздохнуть, ни испугаться, не медля ни минуты, бросается собирать снаряжение, ружья, пушки, чтобы бросить их против неприятеля.

ДЮМУРЬЕ И АРГОННСКИЙ МАНЕВР

Дюмурье [14] только потому смог так себя проявить, дать свободный полет своей мысли, что он чувствовал себя под защитой Дантона, охраняемым его огромной популярностью от всех подозрений и интриг. Защищенный таким образом, он стал незаменимым помощником великого революционера. Основными качествами этого военачальника, сохранившего в свои пятьдесят три года подвижность и молодость, были гибкость ума, заразительная вера в себя и свою звезду и уж не знаю, какая благородная и великая способность взывать к страстям, которые сам он разделял едва ли наполовину. Его издавна лелеемая мечта заключалась в том, чтобы захватить Бельгию, вырвать ее из-под власти германского императора *. И это был его первый план в августе, когда его назначили командующим армией, брошенной Лафайетом [15]. Не имеет значения, говорил он еще в конце августа, что войска коалиции продвигаются вперед, не имеет значения, что они захватывают укрепленные города. Перенеся войну в Бельгию, мы расстроим все их планы, мы заставим их остановить наступление на Париж, чтобы защищать свои собственные территории, чтобы воспрепятствовать проникновению в них вооруженной пропаганды Революции. И когда враг, упорствуя, оставался в лагере Мод [16], совсем близко от самых уязвимых пунктов Бельгии, он не побоялся 18 августа раскрыть свой план Законодательному собранию и сделал это в волнующих и смелых выражениях, исполненных античного величия [17].

«Я посвящу себя теперь новой задаче — нести наше праведное оружие и нашу свободу в пограничные с нами провинции, стонущие под игом деспотизма; точно так же римский народ переправлял свою армию в Африку, в то время как Ганнибал стоял у ворот Рима». Да, но Ганнибал был уже истощен пятнадцатью годами сражений в Италии, и Рим, вновь обретя все свое хладнокровие в этих долгих усилиях, мог без тревоги наблюдать, как отправляется его армия. Было, однако, опрометчивым сразу перебрасывать римские войска на африканскую землю.

И все же Дюмурье упорствовал. Только наступление, говорил он, может спасти Францию. И вместо того чтобы самому отправиться в Седан, он посылает туда для организации обороны крепостей в долине Мааса (Мёз) блестящего польского офицера Мячинского [18]. Еще не начав действовать, Дюмурье сумел внушить Собранию, патриотам доверие к себе, он находил для этого доходчивые и проникновенные слова. Он пишет Собранию, что декрет, выражающий ему «доверие самой благородной из наций», окрылил его. Убедит ли он правительство в Париже одобрить его дерзкую и авантюристическую диверсию, которую он хочет предпринять? Лонгви пал 24 августа, гораздо раньше, чем надеялся Дюмурье. Верден осажден. Дюмурье вынужден следовать за событиями. Он спешит в Арденнскую армию и 28-го уже в Мезьере. Как об этом свидетельствуют архивные документы, изученные г-ном Шюке, даже там он еще не отказался от идеи вторжения в Бельгию. Военный министр Серван умоляет его прикрыть Париж.

Верден пал. Дюмурье понимает, что теперь уже нельзя вести войну за пределами страны, и немедленно, со свойственной ему быстротой решений, которая и составляла его силу, он набрасы-

---

14. О Дюмурье см. главным образом: A. Chuquet. Dumouriez. Paris, 1914.

* Речь идет о государе Австрийской монархии. См. прим. * на с. 73 второго тома настоящего издания.— *Прим. ред.*

15. Дюмурье принял командование армией 28 августа 1792 г.
16. Мод, кантон Сент-Аман, дистрикт Валансьенн, департамент Нор.
17. Речь идет о письме от 18 августа 1792 г., написанном в штабквартире в Мод, оглашенном в Законодательном собрании 20 августа. («Moniteur», XIII, 483; «Archives parlementaires», XLVIII 420.) Дюмурье подтверждает получение приказа, которым Временный Исполнительный совет назначил его командующим Северной армией вместо Лафайета.
18. Мячинский (1743—1793) — сначала служил в Польше, в 1768—1772 гг.— в войсках Барской конфедерации; затем бежал во Францию, был использован как дипломатический агент; 25 мая 1792 г.— генерал-майор в Северной армии, в конце августа — комендант Верденской крепости; с 1 сентября командовал авангардом войск Дюмурье; 4 апреля 1793 г., после поражения, был арестован в Лилле, предан суду Революционного трибунала, приговорен к смертной казни и гильотинирован 22 мая 1793 г.

вает план обороны. Между долиной реки Мёз и долиной реки Эна, между Лотарингией, где продвигается неприятель, и нищей Шампанью *, через которую он хочет идти на Париж, тянется Аргоннский лес, изрезанный тесными ущельями. «Вот где будут Фермопилы Франции!»[19] — восклицает он. И тут же начинает обучать своих солдат быстрым переходам по лесу, приучает их быстро расчищать и заваливать проходы.

Он обращается с призывом к энергии народа, к рабочим многочисленных в долине реки Мёз мануфактур, к крестьянам лесистых долин. Пусть они прячут от врага все продовольствие, пусть берут его измором, пусть преграждают ему дороги, делая завалы из деревьев.

«*Обращение генерала Дюмурье ко всем французским гражданам двух департаментов — Арденны и Марна, особенно дистриктов Вузье, Гран-Пре, Сент-Менеульд, Клермон, Седан, Мезьер, Рокруа и Ретель* [20]:

Граждане, враг одерживает победы на земле свободных людей, потому что вы не принимаете мер предосторожности; не обмолачиваете ваше зерно, чтобы поскорее отправить его в тыл, где оно находилось бы под охраной французских войск; не доставляете в лагерь ваших братьев фураж и солому, за которые вам заплатили бы наличными ваши соотечественники, уважающие вашу собственность; вместо этого запасы вашего провианта пожираются пособниками деспотов; их лошадей кормят вашим фуражом, и вы не получаете за это никакой платы. Стало быть, вы, вы сами предоставляете нашим злейшим врагам средства, дающие им возможность существовать среди вас, беспощадно угнетать вас и в конечном счете снова ввергнуть вас в рабство.

Граждане, я вас заклинаю во имя родины и свободы, доставляйте в различные наши лагеря ваше зерно и фураж, причем ваши муниципальные власти должны засвидетельствовать количество доставляемого вами довольствия.

Я вас заклинаю также отвести ваш скот и лошадей в тыл наших лагерей; в противном случае я буду вынужден ради спасения отечества вести себя с вами так, как это делают наши враги, варвары, то есть запасаться фуражом и вывозить все из ваших деревень, чтобы ничего не доставалось неприятелю.

Особенно вас, жители дистриктов Седан, Мезьер, Гран-Пре, Вузье и Сент-Менеульд, я призываю использовать суровую природу ваших гор и густоту ваших лесов, дабы помочь мне преградить в них путь нашим врагам.

В соответствии с этим я сообщаю вам, что, если пруссаки и австрийцы двинутся вперед, чтобы пройти через ущелья, которые охраняются нашими силами, я велю бить в набат во всех приходах, прилегающих к Аргоннским и Мазаренским лесам. Услышав эти грозные удары, пусть те из вас, кто имеет огнестрельное оружие, отправятся во главе своих приходов к границе лесов от Шевёжа

(Cheveuge) до Пассавана [21], *пусть другие, вооружившись заступами и топорами, рубят деревья на опушках и устраивают завалы, чтобы помешать врагу пройти; применяя такой благоразумный и смелый метод, вы сохраните свою свободу и поможете нам нанести смертельный удар тем, кто хочет отнять ее у вас».*

Странный и неслыханный до сих пор колокольный звон должен разнестись по Аргоннским лесам: колокола на старых колокольнях доныне звонили лишь в праздники смирения или мистической надежды. Они звонили, возвещая о рождении и смерти человеческих созданий, сообщая в течение долгих веков о покорности и страданиях. Они возвещали своим звоном о грозном появлении знатного грабителя или надменного прелата. И если случайно в эти колокола ударял мятеж, если они отвечали своим металлическим эхом на вопли Жакерии, которая бушевала внизу, то они распространяли в этих бесплодных просторах лишь кратковременную и бессильную ярость. Но сегодня они говорят сердцам людей, сердцам крестьян и лесорубов о великой надежде на свободу, о великой битве за справедливость.

Революционный набат 14 июля и 10 августа гремит с удесятеренной силой под сводами лесов, заставляет подняться бедные, затерянные деревушки. Это гений Дюмурье, вернее, гений Революции объединил с действиями организованных армий широкие, разрозненные действия народа. Но какое смятение в стане врагов! Они воображали, что эти священные колокола будут приветствовать их, звонить в их честь, радостно передавать от одной церкви к другой о близком освобождении короля и священников. Но они звонили, поднимая против них, они говорили против них; против них призывали они из глубины лесов смерть, темную и свирепую, озаряемую внезапно блеском топора.

И Дюмурье столь верил во всех этих людей, во всех этих граждан, вчера только рожденных к свободной жизни, что он призывал их не только помочь его армии, но и вступать в ее ряды. Он не побоялся в самый канун сражения позволить им влиться в ее ряды, бросить в новое горнило еще не испытанный металл.

«Во имя отчизны, во имя священной свободы, которую мы только что завоевали, во имя равенства, основы нашего правле-

---

* В оригинале «Champagne pouilleuse»—«вшивая Шампань». Так называлась часть провинции Шампань с малоплодородными землями.— *Прим. ред.*

19. «La vie et les mémoires du général Dumouriez avec des notes et des éclaircissements historiques», par MM. Berville et Barrière, Paris, 1822—1824, 4 vol., t. II, p. 258.

20. Это обращение было оглашено в Законодательном собрании вечером 12 сентября 1792 г. («Moniteur», XIII, 685.)

21. Шеванж (Chevenge), дистрикт Седана, департамент Арденны. Пассаван-ан-Аргонн, кантон Сент-Менеульд, департамент Марна.

ния и нашего счастья, доблестные французские граждане, присоединяйтесь к армии, ожидающей своих братьев, чтобы выступить против варваров, пособников тиранов, несущих опустошения, смерть, грабежи и самые чудовищные притеснения на священную землю свободы. Они ворвались к нам из-за малодушия жителей Лонгви, из-за предательства командиров, которым вы подарили свое доверие; теперь эти мятежники исчезли; одна мысль, одно стремление покарать их руководит армией, которую я поведу против германских разбойников; все храбрые солдаты, все их командиры, оставшиеся нам верными, клянутся вместе со мной погибнуть или победить.

Спешите же присоединиться к нам; пусть те, кто имеет лошадей и оружие, пополнят наши эскадроны; пусть те, кто имеет мундиры и ружья, пополнят наши батальоны; пусть члены администрации департаментов и дистриктов позаботятся обеспечить нас провиантом и фуражом, необходимым для нашего похода, чтобы ничто не мешало нашему продвижению, чтобы, после того как мы изгоним из Франции эти орды варваров, мы могли идти дальше и с оружием в руках распространять наши принципы в их собственных странах, заставить трепетать их тиранов и свергнуть их с престолов; поклянемся не выпускать из рук наше праведное оружие до тех пор, пока окружающие нас страны не познают сладость свободы».

Своеобразный гений у этого человека, который, оставаясь дипломатом старого порядка и мечтая прежде всего, даже с целью положить конец войне, о ловких комбинациях, сумел всколыхнуть всю силу революционной страсти. Чудесная скрипка, которая великолепно звучала на балах в салонах старого порядка и которая и теперь несколькими проникновенными аккордами умела вызвать на глазах слезы восторга!

По этому гибкому, легкому и хрупкому инструменту, казалось, прошелся могучий смычок Дантона.

Народ откликнулся на эти благородные призывы: крестьяне спешили, вооруженные, и генерал, такой простой, подвижный, деливший с солдатами охапку соломы на привале, встречал их с улыбкой [22]. Рабочие покидали свои заводы, литейни и шли защищать свободу. Из маленького городка Музон к Дюмурье присоединились две сотни ветеранов [23]; одни только дворяне-стеклодувы, которых было много на стекольных заводах в долине реки Мёз, ушли в эмиграцию, к врагам. Какое странное заблуждение: эти люди дворянского происхождения получили разрешение заниматься трудом стеклодувов, не теряя дворянского звания; это были, по существу, настоящие рабочие, выдувавшие стекло из трубки, набирая стеклянную массу из пылающего жаром резервуара [24].

Но при всей их бедности в их иссушенных пламенем огня телах продолжала жить непримиримая дворянская спесь: они,

эти труженики огня, ушли к праздным дворянам, которые под знаменами чужеземцев явились требовать своих прав на вечный паразитизм... Они все ушли к прошлому, с которым их связывало их тщеславие; они не поняли, что представляют собой причудливый прообраз отдаленного будущего, когда весь род людской будет принадлежать к одной благородной породе и утвердит свое благородство братским и священным трудом. Если уж они признали благородной одну область труда, то почему не признать благородным и весь труд в целом?

Дюмурье не удалось создать «Фермопилы Франции». И по правде говоря, с его 16 тыс. солдат ему было трудно, несмотря на его неутомимую энергию, преградить проход через пять ущелий. Неприятель овладел тесниной Круа-о-Буа и таким образом, обойдя другие ущелья, сделал оборону их бесцельной и невозможной [25].

15-го в Моншётене [26] на короткое время даже возникла паника, которую Дюмурье удалось рассеять лишь благодаря своей энергии. Но в то время как он почти в течение десяти дней оказывал сопротивление и препятствовал продвижению захватчиков через Аргоннскую возвышенность, он обеспечил себе два решающих преимущества. Прежде всего, он дал время своим войскам, расположенным в лагере Мод, с одной стороны, и Келлерману с армией Меца — с другой, подтянуть свои силы и соединиться с ним; и благодаря этому соединению армий, которое Дантон приветствовал в Конвенте торжествующими кликами [27], ему вскоре удалось, при подходе к Аргоннской возвышенности, выставить в Вальми более 50 тыс. человек против сорокатысяч-

---

22. «Он [Дюмурье] — друг солдат; как и они, он спит на соломе». (Заявление одного из курьеров с трибуны Законодательного собрания на вечернем заседании 4 сентября 1792 г.—«Moniteur», XIII, 649.)
23. Согласно письму военного министра Сервана, зачитанному Законодательному собранию 7 сентября 1792 г. («Moniteur», XIII, 639.) В документе сказано: «110 человек». Музон, дистрикт Мезьер, департамент Арденны.
24. Явное преувеличение: занятие стекольным производством не влекло за собой утрату прав дворянства, так как дворяне-стеклодувы были не рабочими, а *владельцами* стекольных заводов. То же относится и к хозяевам металлургических заводов и заводов по обработке железа.
25. 1 сентября 1792 г. Дюмурье покинул Седан и перебросил свою армию в 23 тыс. человек (а не 16 тыс.) к Аргоннской возвышенности. Бернонвиль с севера привел к нему около 10 тыс. солдат, Келлерман прибыл из Меца еще с 18 тыс. Снесшись с командиром сил, охранявших горный проход Круа-о-Буа, Дюмурье разрешил снять войска с этой позиции. 12 сентября 1792 г. враг овладел ею, и Дюмурье оказался обойденным.
26. Моншётен, дистрикт Вузье, департамент Арденны.
27. «Теперь, когда свершилось соединение армий, когда свершилось объединение представителей...» (Речь Дантона в Конвенте 21 сентября 1792 г. — «Moniteur», XIV, 7).

ной армии герцога Брауншвейгского. Во-вторых, он сумел, если можно так выразиться, усугубить физическую и моральную усталость, подорвать дух и физические силы неприятельской армии.

ГЕРЦОГ БРАУНШВЕЙГСКИЙ И ЕГО АРМИЯ

Герцог Брауншвейгский, чувствуя в этой войне нечто опасное, непостижимое, какую-то новую, неведомую силу, о которую могла разбиться вся его слава, был противником всякого вторжения. Ему пришлось подчиниться, но его продолжали мучить парализующие его сомнения, и по сравнению с Дюмурье, олицетворявшим решимость и энергию, он был воплощением колебаний и сожалений. Он хотел бы по крайней мере ограничиться поначалу осадой укрепленных крепостей в долине реки Мёз [28]. Он хотел, не торопясь, занять Седан, Мезьер, Стенэ, там расположить свою армию на зимние квартиры и весной возобновить кампанию со свежими силами. Тщеславие и нетерпение прусского короля, слепая ненависть и нетерпение эмигрантов толкали его против его воли идти на Париж через Шалон-на-Марне. Завлеченная в Аргоннские леса, под непрерывными дождями, поливавшими размокшие дороги, плохо накормленная, плохо укрытая от непогоды, дрожащая от холода, голода и лихорадки в прохудившихся палатках, насквозь продуваемых сырым ветром, пораженная, чуть ли не возмущенная тем, что ее повсюду встречают не восторги и признательность, обещанные эмигрантами, а взрыв ненависти, подлинная волна героизма, гнева и жажды свободы, болезненно угнетаемая, наконец, печалью ее разочарованного вождя, эта вторгшаяся армия на каждом шагу теряла частицу своей жизненной силы; она, так сказать, катилась к полному моральному бессилию, столь же убийственному, как физическое истощение, и еще усугубляемому этим последним.

Эмигранты своими непомерно жестокими требованиями в конце концов вызвали крайнее раздражение и недовольство армии. Они чувствовали, что наступление выдыхается, и хотели влить в него новую энергию, прибегая почти на каждом шагу к расправам и казням; хотели опьянить прусских солдат кровью якобинцев, патриотов, присягнувших священников.

Таким укрепляющим лекарством с горьким обжигающим привкусом они надеялись поднять дух армии; но они явно посеяли лишь отвращение к себе; и в умах захватчиков постепенно зрела мысль: где же, собственно, варвары и людоеды? Перед нами они или среди нас? Крестьяне, которых они встречали, ремесленники, с которыми они разговаривали, рассуждали разумно и серьезно, с восторгом говорили о великой Революции, уничтожившей деспотизм, десятину, барщину, неравенство, превратившей всех жителей города в братьев, граждан, в людей. И после

того как они слушали этих рабочих, этих землепашцев, их живую, мудрую, благородную речь, излучавшую великие надежды для всего человечества, к ним являлся раздраженный маркиз де Бретёй либо другие агенты короля или эмиграции, которые упрекали их лишь в том, что они мало убивают, мало грабят.

7 сентября Ферзен, этот нежный друг королевы, кроткий, романтический швед, записывает в своем дневнике с явным одобрением: «Видел прусского министра, барона фон Рек; *он правильно оценивает обстановку во Франции*... Он громко высказывает свое неодобрение... *по поводу того, что не истребляют поголовно всех якобинцев в городах, через которые проходят, и проявляют слишком много милосердия*» [29].

25 мая он с таким же одобрением записывает ужасающие слова де Мерси, явно искупавшего свои долгие колебания резкостью запоздалых решений:

«Обедал у графа де Мерси. Он сказал мне, что необходима крайняя суровость, что иного средства нет, что надо бы поджечь Париж со всех четырех концов» [30].

11 сентября Ферзен писал барону де Бретёй из Брюсселя [31]: «Судя по тому, что мне рассказывают люди, приезжающие из армии, относительно враждебного отношения [к нам] в занятых местах и особенно в городах, очевидно, что они уступают только силе, *в связи с этим милосердие представляется мне чрезвычайно опасным. Настала пора уничтожить якобинцев: вы, конечно, согласны с тем, что нельзя дать им ускользнуть, что необходимо арестовывать их вожаков и главных членов этого общества во всех местностях, где проходят* [*наши армии*], *и препровождать их в тыл*», где их, разумеется, расстреляли бы или повесили.

Из Вердена 12 сентября барон де Бретёй писал Ферзену [32]:

«Я не преминул дать понять герцогу Брауншвейгскому, что необходима крайняя суровость, но у него слишком мягкий нрав, и его теперешним моральным принципам претит еще большая суровость, столь необходимая нам в настоящий момент. Герцог Брауншвейгский не желает, чтобы его упрекали в жестокости

---

28. План герцога Брауншвейгского был изложен в мае 1792 г. на совещании в Сан-Суси: двинуться через Лонгви на Верден, отрезать сдерживаемую Гогенлоэ армию Меца от Седанской армии, за которой наблюдал Клерфэ; достигнув реки Мёз, осадить крепости, оказавшиеся в тылу, и следующей весной двинуться на Париж. Но по общему мнению, «армия сапожников» была неспособна к сопротивлению. По уверениям эмигрантов, французы с нетерпением ждали своего освобождения. Фридрих Вильгельм хотел войти в Париж до конца лета.
29. «Le comte de Fersen et la cour de France», t. II, p. 33.
30. Ibidem, t. II, p. 35.
31. Ibidem, t. II, p. 365.
32. Ibidem, t. II, p. 367.

во Франции, как это было в Голландии [33]; напротив, он хочет стереть память о тех жестокостях, обратившись теперь к другим методам. Такой замысел весьма для нас досаден и *доставит нам немало хлопот*, если мне не удастся его переубедить. Не стану скрывать, что это будет трудным делом... Король Пруссии в свою очередь — лучший из людей, и движения его души, побуждающие его прийти на помощь французскому королю, побуждают его и к большой доброте. И все же он обещал мне отдать распоряжения о принятии суровых мер и об их неукоснительном соблюдении. В ближайшие дни, например, должно последовать наказание за Варенн, но я не поверю в исполнение экзекуции до тех пор, пока дело не будет сделано».

И он добавляет: «Я думаю, так же как и вы, что не надо проявлять чрезмерной суровости в отношении мародерства, ибо необходимо сохранить рвение солдат; и не следует упрекать генералов, если они снисходительно относятся к своим солдатам в этом отношении; дав им свободу действий, можно быть уверенным, что, если грабежи будут разрешены, это утолит алчность солдат; кроме того, было бы бесполезно противиться этому. Вы часто слышали, как я сетовал на это зло; но оно внедрилось гораздо глубже, нежели я предполагал. Особенно свирепствуют гессенцы; эти шесть тысяч человек пожирают за неделю столько, сколько хватило бы на прокорм двадцати тысяч человек; кроме того, они тащат мебель из всех домов».

Я подчеркнул чудовищную фразу, произнесенную бароном де Бретёй, где он сожалеет о том, что пруссаки предоставляют роялистам неприятную обязанность самим душить якобинцев.

Для монархии было бы лучше, если бы казни совершали иностранцы, а она бы находила уже готовые трупы.

Эта шакалья политика производила на герцога Брауншвейгского и на культурных офицеров его армии впечатление кладбищенского кошмара.

Между тем, несмотря на этот зловещий туман, генералиссимус прусской армии не терял еще надежды добиться своей цели. Но после Вердена, еще до выпавших на его долю испытаний в Аргонне, он старался эту цель как можно более ограничить.

«Герцог,— пишет Бретёй в том же письме от 12-го,— преследует одну лишь цель: добраться до Парижа и спасти короля». Герцог прекрасно понимал, что ему не следует втягивать прусскую армию в борьбу до конца против могучего политического и социального движения, силу и размах которого он полностью оценил после своего возвращения во Францию. Но все вокруг него упорствовали в наивных иллюзиях.

Эмигранты, которые встречали Дюмурье в салонах во времена старого порядка, полагали, что им удастся соблазнить

его. Но время это еще не приспело. Мог ли он отказаться от великолепного замысла, сулившего ему столько славы и, несомненно, власти?

«Мы послали,— пишет опять-таки Бретёй [34],— двух эмиссаров к г-ну Дюмурье. Один из них — граф Дю Мустье, который написал ему, считая себя вправе сделать это после ряда бесед, которые он имел с ним прежде в Париже. Кстати, и берлинский двор надеялся, что Дюмурье захочет выслушать его, коль скоро он за несколько месяцев до этого сам посылал в Берлин эмиссара, желая продемонстрировать этим свое раскаяние. [Нелепое толкование: политика Дюмурье всегда в том и заключалась, чтобы отколоть Пруссию и изолировать Австрию.] На сей раз, однако, он ничего не ответил на письма; он только разорвал их на мелкие клочки на глазах у подателя и сказал очень холодным тоном: *«Я отвечу на эти письма залпами пушек!»* Как видите, с этим чудаком ничего не поделаешь; во всяком случае, с этой стороны к нему не подъедешь. Но, пожалуй, у нас есть возможность подступиться к нему более успешно через Риваролю, о котором я вам говорил и который должен был получить ответ от своей сестры; я поручил ему сделать ей осторожные и выгодные как для нее, так и для Дюмурье предложения. Сестра эта — любовница Дюмурье и, по словам Риваролю, имеет на него неограниченное влияние. К тому же я предложил Риваролю в мое отсутствие откровенно рассказать епископу все то, что ответит ему сестра» [35].

Но ни хитроумие Риваролю, ни благословение епископа, несколько неожиданное в таком щекотливом деле не могли еще принести результатов.

Еще одна химера того же барона:

«Я все еще придерживаюсь мысли, что причина, почему вновь открыли ворота Парижа и стали вновь выпускать людей без паспортов, заключается в том, что эти несчастные хотят оставить для себя лазейку, чтобы удрать при подходе наших армий». Какой вздор!

ВАЛЬМИ

Был момент, когда у эмигрантов и союзников появились серьезные основания надеяться на успех. Когда они захватили ущелье Круа-о-Буа, они могли верить, что им удастся окружить

---

33. В 1787 г.
34. В этом же письме от 12 сентября 1792 г. («Le comte de Fersen et la cour de France», t. II, p. 369.)
35. См. настоящее издание, т. II, с. 227, прим. 20: «У него [Дюмурье] был и другой зять — граф, а именно Риваролъ, сестра которого жила с ним самим. Она, конечно, находилась в его доме; но так как она была молода и красива, так как ему было пятьдесят четыре...» Риваролъ (1753 — 1801) — контрреволюционный журналист и сочинитель памфлетов.

армию Дюмурье. Но последний ловким отступлением ночью 15 сентября сумел ускользнуть. И с поразительным хладнокровием он, вместо того чтобы поспешить к Парижу, остался и, защищенный с юга Аргоннскими лесами, двинулся по направлению к Вальми, держась несколько западнее и оставляя позади дорогу, по которой мог проследовать герцог Брауншвейгский, направляясь к Шалону; таким образом он имел возможность наблюдать за неприятелем и, если тот будет продолжать наступление, обрушиться на его тылы. Таким образом, в тот момент, когда герцог Брауншвейгский со своей изнуренной армией вышел на размокшие, угрюмые равнины нищей Шампани, ему пришлось наконец столкнуться с армией Дюмурье, занимавшей выгодные позиции на высотах и укрепленной силами Келлермана [36].

Тогда-то и состоялась битва при Вальми, правее дороги, ведущей от Сент-Менеульда в Шалон-на-Марне. Здесь 20-го утром прусская армия встретилась лицом к лицу с войсками Келлермана. Днем подоспел Дюмурье, чтобы помочь советом и делом. Герцог Брауншвейгский и прусский король не без тревоги взирали на эту мощную армию, укрепившуюся на вершинах и склонах гор. Что же делать? Неужели сейчас, когда представилась возможность решающей встречи, испытанные войска Великого Фридриха дрогнут? Было принято решение атаковать неприятеля, и, когда прусские солдаты узнали, что с нерешительностью их командиров покончено, славные воспоминания о Семилетней войне окрылили их. Кто в силах одолеть таких ветеранов? Разве не говорили они, потешаясь над убогой одеждой хрупких волонтеров, что они одним мановением руки «разобьют этот голубой фаянс»?

Прусская артиллерия под командованием Темпельгофа открыла огонь из своих пятидесяти четырех орудий; они были выдвинуты вперед, на плато против Мельничного холма Вальми и окружали его полукольцом. Французская артиллерия отвечала таким мощным и метким огнем, что неприятель был поражен, но пока еще не поколеблен.

Прусская пехота двинулась вперед медленно, в удивительном порядке, но без вдохновения; ровным, твердым шагом она стала приближаться к склонам, где ярусами расположилась французская армия. В ней было заметно легкое колебание, словно на нее внезапно обрушилась вся тяжесть воспоминаний о прошлых поражениях, при Росбахе [37] и в других местах.

Но что могла тут поделать тень прошлого? Ведь теперь это совсем новые силы, стремящиеся к новой жизни, это поднимается новый мир. Пусть прусская армия копается в воспоминаниях о былой славе, подобно тому как горняки выцарапывают крохи золота из давно уже опустошенных шахт. Души революционеров несут в себе нетронутые сокровища энтузиазма и силы.

Келлерман это знает, и в решительную минуту ему удается пробудить в солдатах великий трепет жизни. Стоя неподвижно под градом сыплющихся вокруг ядер, он поднимает свою шляпу на кончике шпаги и восклицает: «*Да здравствует нация!*» Вся армия, от вершин, где стоит мельница, до подножия склонов, кричит в ответ: «*Да здравствует нация!*» И ликующая энергия, которая в течение трех лет накапливалась в этом слове, переполнила все сердца.

Все кончено: кошмар прошлого развеялся и, подобно тому, как от сотрясения канонады небо над Вальми, до этой минуты обложенное тучами, прояснилось и осветилось солнцем, так в одно мгновение рассеялись все сомнения и страхи.

Теперь настала очередь прусской армии изумляться. Возглас солдат отзывается в ее душе как клич всего народа. Неужели придется сражаться с целой нацией? Французские артиллеристы, не желающие, невзирая на опустошительную пальбу, отвечать прусской артиллерии, сосредоточивают все свои удары и обрушивают весь свой огонь на пехоту, которая несет большие потери.

Герцог Брауншвейгский в ужасе: неужели здесь, в атаке на открытой местности, ему суждено потерять цвет своей армии?

Сначала он ее останавливает, затем, после нескольких минут мучительных колебаний, он произносит решающие слова: «Здесь мы сражаться не будем!» (Hier schlagen wir nicht!) И началось отступление: прусская армия отошла на плато.

Казалось бы, по общепринятым правилам войны, это вряд ли можно было счесть поражением. Начиная атаку на вражеские позиции, убеждаются, что они сильнее, чем предполагалось. И тогда отказываются от атаки, дабы не распылять сил. Это — незначительный инцидент и легко поправимый просчет [38].

Тем не менее с этой минуты пружина прусской армии была

---

36. Дюмурье, обойденному после потери прохода Круа-о-Буа, удалось ускользнуть ночью из Гран-Пре и расположиться лагерем вокруг Сент-Менеульда; вскоре к нему подошли войска Бернонвиля и Келлермана. Дорога на Париж была открыта; но герцог Брауншвейгский не мог двинуться по ней, ставя свои тылы под удар. Он бездействовал до 17 сентября, затем перешел через Аргоннскую возвышенность и, обходя французов, стал угрожать дороге на Витри, единственному пути отхода, чтобы заставить их отступить. 19 сентября прусский король, торопясь покончить со всем этим и пренебрегая правилами военного искусства, приказал атаковать. 20 сентября 1792 г. прусская армия напала на войска Келлермана, стоявшие в боевом порядке на высотах Вальми. См.: A. Chuquet. Les guerres de la Révolution. T. II: «Valmy». Paris, 1887.
37. Под Росбахом, в прусской Саксонии, французы потерпели поражение во время Семилетней войны (1757 г.). Фридрих II разгромил там войска Субиза.
38. «Это не было большое сражение; тем не менее французы одержали большую победу...» (G. Lefebvre. La Révolution française, p. 279. См. ниже, прим. 40).

определенно сломлена. Как человек, еще сохраняющий видимость здоровья, но чьи физические и моральные силы уже подточены изнутри долгой чередой горя, усталости и испытаний, внезапно погибает при каком-нибудь новом разочаровании, так и прусская армия и ее глава, сгибавшиеся под бременем тяжелых переживаний, накапливавшихся в течение месяца, в Вальми ясно осознали, что силы их окончательно истощены.

Захватчики почувствовали, что они имеют дело уже не с огромной распыленной силой революционной нации. Они увидели, они убедились, что эта нация сумела за несколько дней создать организованную армию, мобильную, упорную, способную не только на порыв, но и на твердую решимость.

Столкнувшись с этой совершенно новой энергией, с этим энтузиазмом, армия захватчика, усталая, изнуренная болезнями, не воодушевляемая никакими идеалами, еще глубже почувствовала собственное ничтожество. И она начала скользить вниз, в пропасть, и не было на ее пути никакого выступа, никакой выпуклости, чтобы за них зацепиться и перевести дух. Это было решающее поражение, вызванное глубочайшим унынием и сознанием своего бессилия.

Так как поражение вторгшейся армии выразилось не столько в расстройстве ее рядов, сколько в упадке ее духа, то Келлерман и Дюмурье поначалу не осознали всей важности этого великого дня. Но Гёте, этот могучий и прозорливый поэт, сопровождавший прусскую армию в походе, тотчас же понял все величие происшедшего события: «С этого места и с этого дня начинается новая эпоха всемирной истории» [39]. Это было 20 сентября. В этот день Национальный Конвент собрался на свое первое заседание в Тюильри [40].

---

39. Фраза, приведенная Эккерманом (1792—1854), немецким литератором, секретарем и другом Гёте, в книге, названной им «Разговоры с Гёте» (1836—1848). Эту фразу выгравировали на памятнике в Вальми. См. также: J. W. Goethe. Campagne in Frankreich (1822), вошедшую в юбилейное издание сочинений Гёте.

40. Рассказ о сражении при Вальми имеется в труде Мишле (Michelet. Histoire de la Révolution française. Edition G. Walter, t. I, p. 1130): «Было бы ошибкой умалять величие этого дня. Атака или штурм принесли бы Франции меньше чести... Над всей этой молодой армией как бы струился какой-то героический свет. Этим светом была Вера. И эта жизнерадостная армия... это была уже армия Республики».

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ

РЕСПУБЛИКА

Глава шестая

*

КОНВЕНТ И ПОБЕДА

ДУХ КОНВЕНТА

Поименная перекличка установила присутствие 371 депутата. Прошла едва неделя после окончания выборов; если вспомнить, как медленны еще были в ту пору средства сообщения, то это очень высокая цифра, свидетельствующая о большом рвении и воодушевлении. Вскоре Конвент дал двухнедельный срок для явки всех депутатов на свой пост, и в назначенное время все члены Национального Конвента собрались в полном составе. То было собрание широкое и всеобъемлющее, одновременно очень старое и очень молодое. Оно было старым, ибо несло в себе опыт трех лет Революции, то есть нескольких поколений людей и идей [1].

В мае 1789 г., в ту светлую и кроткую пору нарождавшейся Революции, избранники нации были преисполнены радостной безмятежности; но некоторая наивность примешивалась к серьезности их мыслей. Они хорошо знали, что собрались для великого и нелегкого дела, они предчувствовали, что их ожидают сопротивление и ловушки. Но, несмотря на все это, разве не сам король созвал их? Разве не дворянское сословие признало по многим пунктам необходимость реформ, разве не оно вступило с третьим сословием в учтивые переговоры? И духовенство тоже, во всяком случае низшее духовенство, нашло взволнованные и убедительные слова о бедствиях народных. Поэтому тогда, на самой ранней

1. О личном составе Конвента см.: A. Kuscinski. Dictionnaire des Conventionnels. Paris, 1919; A. Aulard. Les orateurs de la Législative et de la Convention. Paris, 1885, 2 volumes. В отношении его социального состава точных исследований нет.

заре, деятели Учредительного собрания могли надеяться, что им удастся заложить основы нового порядка без особых потрясений и огорчений. Иллюзия эта была кратковременной: избранники народа натолкнулись на бесчисленные явные и тайные препоны. И все же Собрание, упорно добиваясь согласия, равновесия, верило, что оно в конце концов оставит Франции долговечную Конституцию.

Теперь, спустя лишь год, Конституция 1791 г. была повержена. И как все изменилось! Сколько людей исчезло в бездне! То были не только представители бывших привилегированных сословий, отброшенные в небытие самим Учредительным собранием и больше уже не появлявшиеся. Но от самих представителей третьего сословия, что от них осталось? Все умеренные, все фейяны, все друзья Барнава по Варенну находились либо под подозрением, либо уже томились в тюрьме, изобличенные или осужденные Революцией. Не более 70—80 депутатов Учредительного собрания вошли в Конвент. Одни из них, как Грегуар, как Барер, как Робеспьер, проявили достаточно силы или гибкости, чтобы уловить новые веяния или приспособиться к ним; другие, оставшиеся безвестными, над которыми довлели помимо их воли воспоминания об их великих, частью канувших в ничто делах, пришли в Конвент с тяжелым сердцем. Эти гордые победители первых дней Революции напоминали людей, потерпевших кораблекрушение, которых подобрало другое судно; несмотря на свое решение склониться перед требованиями момента, они порой следили за происходящим печальным взором.

В жирондистах, несмотря на их зримое могущество, тоже чувствовалась какая-то слабость; за их несколько искусственным блеском проглядывала печаль. Не прошло и года, как они спешили в Законодательное собрание в Париж по дорогам из Бордо и Марселя, затопляя их звоном своей беззаботной радости. Это была красноречивая, восторженная, беспечная и честолюбивая юность. Они собирались удивить мир, оживить ход Революции, развязать своими ловкими пальцами либо разрубить мечом все узлы, в которых запуталось Учредительное собрание. Завершить победу Революции — разве это не значило завоевать власть? Так их революционные упования смешивались с нетерпеливым честолюбием. Сегодня же в души их вселилось тайное разочарование, а также беспокойство и грустные предчувствия.

Победа над двором, они ее одержали, но с помощью союзников, которые пугали их своими мозолистыми руками, которые могут разбить и их молодость и их мечту. Власть, они через это уже прошли, они обрели ее вновь; но достаточно было появиться нескольким безвестным людям из Парижской коммуны, чтобы вырвать у них клочья этой власти, чтобы отравить им все ее радости.

Народ, которому, как они полагали, они служили и который, если позволительно так сказать, прославили своими трудами, отвернулся от них в Париже, и они познали непопулярность, несмотря на победу. Столь же быстро впадающие в уныние, как и в экзальтацию, они размышляли, предаваясь расслабляющему романтизму, о странностях своей судьбы, о тщете жизни, обманчивой как сон. С тех пор на них пала неизгладимая тень, их охватила смертельная тоска. Тщетно они кипятятся, разоблачают, обвиняют, множат предложения; в них чувствуется какая-то усталость, что-то напускное; они похожи на дерево, гниющее с корней: оно тратит последние соки на чрезмерно густую, но блеклую листву [2].

Робеспьер же не был ни истощен, ни утомлен, ни грустен. Своим острым умом, своим проницательным взглядом он искал среди сложного переплетения всех коллизий свой собственный путь и путь Революции.

Но если его не состарила усталость, то это сделала ненависть, он мог отсчитывать свои годы по слоям ненависти, постепенно откладывавшимся в его сердце. Он боролся с Мирабо, с Дюпором, с Барнавом, с Лафайетом, со всеми, кто его затмевал, кто насмехался над ним, со всеми, кто не признавал его глубокой веры в демократию; потом возвышались другие, с кем тоже надо было бороться, кого тоже следовало ненавидеть. Ему казалось, что в новом Конвенте эти ненавистные жирондисты занимали слишком сильные позиции; неужели он обречен вновь предаваться

---

2. Замечательная страница, посвященная Жиронде, но в ней нет четкого социального анализа. Тот же тон у Мишле: «Основатели Республики, они [жирондисты] несли ее в своих сердцах. Она была их верой, их надеждой, их богом...» («Histoire de la Revolution française», édition G. Walter, t. II, p. 47.)

О жирондистах не существует заслуживающего внимания исследования; общие труды о них устарели, носят полемический или поверхностный характер: J. G u a d e t. Les Girondins. Paris, 1861, 2 vol. Отошлем читателя к трудам Олара: «Histoire politique de la Révolution française», Paris, 1901, IIe partie, chap. VII: [А. О л а р. Политическая история Французской революции. М., 1938, часть 2-я]; «Les orateurs de la Législative et de la Convention»; M. J. S y d e n h a m. The Girondins. London, 1961. Оценку с социальной точки зрения см.: A. S o b o u l. Sur la fortune des Girondins. — «Annales historiques de la Révolution française», 1951, p. 181, 298; 1954, p. 257.

Олар не видит между жирондистами и монтаньярами никакого различия, кроме понимания ими роли Парижа в политической жизни Франции («Histoire politique...»). А. Матьез видит в жирондистах представителей крупной буржуазии, в монтаньярах — представителей средних слоев, ремесленников, мелких крестьян-собственников и народных масс. См.: A. M a t h i e z. De la véritable opposition entre les Girondins et les Montagnards. — «Annales révolutionnaires», 1923, p. 177; i d e m. Girondins et Montagnards. Paris, 1930, chap. I: «Girondins et Montagnards»: chap. II; «Robespierre et Vergniaud».

ненависти и распространить ее на все Собрание, от которого Революция и Франция ожидали спасения? [3]

Так, подобно мрачному горному озеру, поглотившему множество всяких обломков, Конвент сразу стал как бы огромной, темной пропастью, в которой на разной глубине шевелились остатки прошлого.

И все же это великое Собрание, столь старое при своем рождении в силу былых страстей и воспоминаний, излучало необычайную молодость и изумительную мужественную силу. Два великих факта обновляли сердца: напряженность происходящей драмы и ее ясность. Теперь уже нельзя было больше вилять, хитрить. Король находился в заключении: что с ним делать? Трагический вопрос! Королевская власть свергнута; какое здание воздвигнуть на развороченной земле? Вопрос настоятельный и неотложный.

Война все разрасталась, война ширилась. Как вынести ее бремя? И какой предел, какую цель ей определить? Вопрос жизни и смерти. В огне этих проблем горела душа Конвента. Горе неосторожным! Но с первых же дней горе и равнодушным!

ДАНТОН ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ВСЕХ КРАЙНОСТЕЙ

Дантон сразу понял: для того, чтобы иметь возможность всерьез заняться делами Республики и ведением революционной войны, необходимо прежде всего успокоить и объединить все умы. Проповеди Моморо и других напугали имущие слои, мелких и крупных собственников [4]. Дантон хочет рассеять их страхи. Яростная полемика жирондистов убедила многих в том, что Дантон, Марат и Робеспьер и в самом деле стремятся к диктатуре; надо покончить с этой легендой о триумвирате! Франция стала бояться деспотизма Парижа; надо убедить всех в том, что ни один закон не сможет стать законом, пока его не утвердит весь народ, пока он не получит формального одобрения всей Франции! Дантон поднимается на трибуну 21 сентября [5]:

«Прежде чем выразить свое мнение относительно первого акта, который должно совершить Национальное собрание, да будет мне дозволено сложить здесь с себя полномочия, которыми облекло меня Законодательное собрание. *Они были на меня возложены под грохот пушек, когда граждане столицы громили деспотизм. Теперь, когда свершилось соединение армий, когда свершилось объединение представителей народа*, я не могу больше признавать свои первоначальные полномочия; отныне я — всего лишь уполномоченный народа, и только в качестве такового я буду сейчас говорить.

Вам предложили принести присягу [6]; и в самом деле, необходимо, чтобы вы, вступая на широкое поприще, которое вам пред-

стоит, в торжественной декларации ознакомили народ с чувствами и принципами, которыми вы будете руководствоваться в вашей деятельности. *Не может существовать иной Конституции, кроме той, которая текстуально при всеобщем поименном голосовании принята большинством первичных собраний.* Вот это вы и должны объявить народу. *И тогда все пустые призраки диктатуры, все бредовые идеи о триумвирате, все нелепости, придуманные для того, чтобы нагнать страху на народ, рассеются, ибо ничто не будет считаться конституционным, кроме того, что будет принято народом.* После этой декларации нам придется выступить с другой, не менее важной для свободы и для общественного спокойствия. До сих пор мы будоражили народ, ибо надо было поднять его против тиранов. И сейчас еще необходимо, чтобы законы были столь же беспощадны против тех, кто эти законы нарушает, чтобы народ оставался таким же беспощадным, каким он был, громя тиранию; необходимо, чтобы законы карали всех виновных, чтобы народ был в этом отношении вполне удовлетворен. (*Аплодисменты.*) По-видимому, некоторые достойные граждане опасались, как бы пылкие поборники свободы не нанесли вред социальному порядку, доводя свои принципы до крайности. Ну что ж! *Откажемся от всяких крайностей; провозгласим, что всякого рода собственность — земельная, личная или промышленная — будет сохранена навеки* и что государственные налоги будут взиматься по-прежнему. (*Бурные аплодисменты.*) Вспомним, далее, что нам предстоит все пересмотреть, все воссоздать заново; что сама Декларация прав не лишена изъянов и что ее тоже должен подвергнуть пересмотру истинно свободный народ. (*Двойной взрыв аплодисментов.*)

Заложите сегодня, как достойные народа представители, заложите эти великие основы и после этого закройте свое заседание:

---

3. Беспощадное мнение... О Робеспьере в Конвенте см. главным образом его речи: Maximilien Robespierre. Œuvres. «Discours». T. IX, Septembre 1792—juillet 1793. Paris, 1958; t. X, 27 juillet 1793—27 juillet 1794. Paris, 1967 (édition préparée sous la direction de M. Bouloiseau et A. Soboul) [См.: Максимилиан Робеспьер. Избранные произведения. Т. 2—3, М., 1965.]; E. Hamel. Histoire de Robespierre. T. II: «Les Girondins». Paris, 1866; t. III: «La Montagne». Paris, 1867; J. Massin. Robespierre. Paris, 1956. [См. труды советских ученых: Н. М. Лукин. Максимилиан Робеспьер.— Н. М. Лукин. Избранные труды. Т. I, М., 1960; А. З. Манфред. Максимилиан Робеспьер.— А. З. Манфред. Три портрета эпохи Великой Французской революции. М., 1978.]
4. См. выше, с. 169.
5. «Moniteur», XIV, 7; «Archives parlementaires», LII, 71; Buchez et Roux. XIX, 13; Danton. Discours (édition critique par A. Fribourg). Paris, 1910, p. 175.
6. Тальен предложил депутатам дать клятву не расходиться, прежде чем они не дадут народу «правление, покоящееся на основах свободы и равенства». («Moniteur», XIV, 6.)

вы уже тем самым достаточно сделаете для народа». (*Новый взрыв аплодисментов.*)

То была великолепная программа действий и единения, воодушевления и порядка: организовать революционное правосудие, дабы не оставлять ни малейшего предлога для стихийных и насильственных действий народа; карать врагов Революции, но обеспечить повиновение всех граждан закону; обращаясь за одобрением к народу, рассеять все «призраки» диктатуры; это значило сохранить за Революцией и за народом всю их силу, в то же время организуя и направляя ее.

Дантон, несомненно, ставил себе также целью разоружить и умиротворить Жиронду. Если она искренна, если она и в самом деле опасалась всеобщей анархии и в этой анархии — диктатуры Парижа, то все речи, все предложения Дантона были рассчитаны на то, чтобы ее успокоить. Ведь это один из мнимых «триумвиров» требовал, чтобы общая воля Франции всегда была активной и суверенной. Ведь это один из мнимых «дезорганизаторов» хотел направить в русло закона революционные силы, вышедшие из берегов. Это «подстрекатель к грабежам и анархии» требовал, чтобы любая собственность без различия уважалась и охранялась законом. Тут Дантон старался отмежеваться сам, а также отделить всю Революцию от пропаганды Моморо. Моморо был его другом, он рядом с ним поставил свою подпись под знаменитой резолюцией секции Французского театра, и это, конечно, Дантон включил его в список эмиссаров исполнительной власти.

Дантон не допускал никаких околичностей и категорически отверг «аграрный закон». Это прямо Моморо отвечал он, заявляя, что любая собственность, как земельная, так и промышленная, должна сохраниться навечно. Тем самым он лишал Жиронду не только всяких оснований для страхов, но и поводов разоблачать перед напуганной Францией парижских агитаторов и «анархистов». И этот косвенный, но настойчивый призыв к Жиронде он адресовал ей, никого не оскорбляя; он просто объяснял безрассудные резолюции крайностями патриотизма [7].

Конвент с абсолютным единодушием одобрил предложения Дантона.

«Национальный Конвент объявляет: 1. Что не может быть иной Конституции, кроме той, которая принята народом. 2. Что личность и собственность находятся под охраной нации» [8].

В этой связи некоторые социалисты восклицают: вот в чем проявляется буржуазный характер Революции! Вот в чем заключается ее классовый дух! О чем думали революционеры, едва собравшись среди внешних и внутренних бурь? О чем думал Дантон, самый страстный вдохновитель Революции? О том, чтобы защитить собственность, объявить ее вечной. Прежде чем упразднить королевскую власть, прежде чем призвать всех граждан на бой с захватчиком, который тогда еще не начал своего отсту-

пления, они прежде всего поторопились успокоить имущую буржуазию; это святая святых — собственность, превозносят они, не слушая ропота изголодавшегося народа, ставя ее превыше всего — превратностей истории, времен и течений. Это — первый акт, первое решение Конвента; в этом сокровенная суть его души, и она раскрывается с первого же дня. То были великие буржуа, быть может, но все же буржуа.

Но кто защищал противоположную точку зрения? Какой социалист, если он верен историческому методу, посмел бы упрекнуть Конвент в том, что он не провозгласил коммунистический и пролетарский идеал, прежде чем для этого будут созданы экономические и моральные условия? Кто посмел бы упрекнуть Конвент в том, что он не дал себя увлечь расплывчатым и столь реакционным идеям Моморо?

Долг членов Конвента заключался в том, чтобы защитить, спасти новое общество, утверждавшееся Революцией; это не значило предвосхищать новую революцию, теории которой в тот час еще не существовало и которую ни один класс еще не был готов совершить. В тот момент любая угроза собственности была реакционной; она могла пойти на пользу только врагам Революции, а не помочь созданию нового порядка. Речь шла отнюдь не о коммунистическом преобразовании собственности, а о каком-то беспорядочном разделе или об анархическом и грубом грабеже.

Нет, акт Конвента, поставивший собственность под защиту нации, не был проявлением буржуазного эгоизма. Любой класс эгоистичен только в том случае, если он в своих узких интересах сопротивляется пришествию новых общественных форм, подготовленных всем ходом развития и работой умов. Но когда за пределами установленных форм собственности, которая и сама-то только что избавилась от феодального рабства и королевского произвола, нет ничего, кроме сплошного хаоса и контрреволюционной анархии, то класс, препятствующий этим анархическим посягательствам, не поступает эгоистично; он выполняет свою историческую и всемирную миссию. Он спасает не только себя, он спасает всю новую нацию, все новое человечество, и, сохраняя эту почву Революции, он сохраняет слабые ростки новых революций, которые зреют в ее глубине. Когда социалисты осуждают или оскорбляют Конвент, когда они умаляют его значение, заявляя, что он был всего лишь классовым собранием, они ставят ему в вину те его дела, которые и привели к рождению современного социа-

---

7. В начале деятельности Конвента Дантон, бесспорно, был сторонником политики примирения. Жиронда отвергла его предложения. О первых заседаниях Конвента см.: A. Aulard. Histoire politique..., IIe partie, chap. III, VI—VIII; A. Mathiez. Girondins et Montagnards; F. Braesch. La Commune du 10 Août.
8. «Moniteur», XIV, 8; «Archives parlementaires», LII, 72.

лизма. Маркс был более справедлив к Конвенту — он его восхвалял.

Итак, Дантон оказался в центре Революции и всей жизни. Он хотел слить воедино волю всех людей, объединить все умы в самом центре деятельности. И на сей раз он опять старался предотвратить губительные раздоры, вовлечь в широкое движение сталкивавшиеся страсти. Он всегда с поразительным умением находил точку, где могли и должны были соединиться воедино усилия и энергия всей нации.

Бодо, этот выдающийся член Конвента, чье меланхоличное и мягкое лицо так нравилось совсем еще молодому тогда Кине и который оставил исключительно интересные записки о событиях и людях Революции[9], этот Бодо сказал о Дантоне, что тот был «верховным властителем Революции», а не ее узурпатором. Этим он хотел сказать, что Дантон властвовал над умами посредством методов великих и благородных, а не лукавых и неискренних и что секрет его влияния заключался в том, что он действовал более смело и более открыто, нежели другие, в духе великих общественных интересов. Никогда еще он не употребил с большим благородством это революционное верховенство, чем в тот день, когда, отдав все свое сердце, всю свою энергию на защиту попранной врагами родной земли, он наметил в Конвенте, слагая с себя свои полномочия министра, несовместимые с его депутатским мандатом, широкий план единения, мудрости и силы.

УНИЧТОЖЕНИЕ МОНАРХИИ. ЗНАЧЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Но вот поднимается с места Колло д'Эрбуа и в нескольких словах требует, чтобы Собрание, не медля ни минуты, исполнило пожелание нации и декретировало *уничтожение монархии*. Это не будет покушением на волю нации, это будет ее освящением. Это не будет покушением на права первичных Собраний, а только предвосхищением их решения [10].

«Есть ли необходимость в дискуссии по этому вопросу, коль скоро все в нем единодушны? — воскликнул Грегуар.—Короли в моральном отношении являются тем же, что уроды в физическом. Дворы — это кузницы преступлений, очаги разврата и логовища тиранов. История королей — это мартиролог наций!» [11]

Собрание встретило аплодисментами это несколько краткое философское обобщение, эту боевую мысль. Когда накал борьбы достигает высшей точки, у революций не хватает времени блюсти справедливость и рассматривать исторические права института, который сам убьет, если его не убить.

Королевская власть была уничтожена единогласно. В зале Собрания, с трибун неслись несмолкаемые крики: «Да здравствует

нация!» Это был клич революционных солдат, прозвучавший накануне в Вальми. Именно волонтеры, перед тем как покинуть Париж, пожелали принести присягу Конвенту. «В то время как вы будете защищать свободу силой своего оружия,— сказал им председатель,— Конвент будет защищать ее силой законов. Королевская власть уничтожена...» Так сплелись все переживания, так соединились все силы, и солдаты уносили с собой в бой еще одно оружие — декрет законодателей.

На следующий день, 22-го, по требованию Бийо-Варенна Конвент принял следующее решение: со вчерашнего дня все общественные акты будут датироваться не IV годом Свободы, а *первым годом Республики*. В такой именно форме и была провозглашена Республика, и имя ее было официально вписано в Революцию. Это было самое величественное новшество во всей мировой истории [12]. Существовали в мире республики аристократические или же основанные на труде рабов, на целой иерархии завоеваний. Были республики варварские, кратковременные военные союзы, где храбрость выдвигала и определяла вождей. Были маленькие олигархические республики, такие, как республика швейцарских кантонов. Была республика изгнанников, отверженных, которую на девственной земле Америки, где не было никаких монархических корней, основали потомки пуритан. Но чтобы великий, огромный народ, цивилизованный, богатый, имеющий за плечами десятивековую историю, выросший вместе с монархией и вчера еще считавший ее необходимой даже в разгар Революции, чтобы этот народ, где не было рабства, где не было более крепо-

---

9. Бодо (Baudot) (1763—1837) — врач, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сона и Луара. Бодо оставил «Notes historiques sur la Convention nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants», которые были опубликованы вдовой Э. Кине (Париж, 1893). Он выражает в них свое безграничное восхищение Дантоном: «О великий человек! Я отдал бы полжизни, чтобы продлить твою» (с. 18). [О роли Дантона см. также работы советских историков: Ц. Фридлянд. Дантон. Изд. 3-е, М., 1969; А. Левандовский. Дантон. М., 1964.]
10. «Moniteur», XIV, 8; «Archives parlementaires», LII, 73; Buchez et Roux. XIX, 17. Колло д'Эрбуа — драматический артист, литератор, в 1792 г. председатель собрания выборщиков Парижского департамента, депутат Конвента, в 1793 г.— член Комитета общественного спасения.
11. «Moniteur», XIV, 8; «Archives parlementaires», LII, 74; Buchez et Roux. XIX, 18. Грегуар (1750—1831) — кюре Эмбермениля, депутат Генеральных штатов от духовенства бальяжа Нанси, в 1790 г.— конституционный епископ Блуа, в 1791 г.— член администрации департамента Луар и Шер, депутат Конвента.
12. «Archives parlementaires», LII, 80. В «Moniteur» никакого упоминания. Бийо-Варенн (1756—1819) — преподаватель коллежа Жюйи, адвокат, после 10 августа 1792 г. заместитель прокурора Парижской коммуны, депутат Конвента, в 1793 г.— член Комитета общественного спасения.

стного права, где после 10 августа все граждане стали равны, возвысился до Республики и стал действительно весь целиком, в полном составе народом-властелином — вот это поистине было великим новшеством, великим дерзанием.

Деятели Революции очень ясно это сознавали. Они, кого так часто и так нелепо обвиняли в том, что они жалкие школяры и напыщенные краснобаи, зачарованные воспоминаниями о плохо понятой античности, введенные ею в заблуждение, прекрасно все сознавали и заявляли, что их дело не знает прецедентов в истории и что никакие уроки прошлого не могут помочь им провести этот небывалый эксперимент. На следующий день, в номере от 22—29 сентября, газета «Революсьон де Пари» четко и убедительно выразила эту широко распространенную мысль:

«При всем нашем великом почтении к нравам прекрасной античности, при всем нашем восхищении шедеврами, которые нам оставили в искусстве Афины, Спарта и Рим, мы вынуждены признать, что их законодательство не в состоянии предложить нам ничего, что могло бы нам пригодиться и послужить образцом или предостережением. Из того, что республики древности дали в области политики, мы ничего не можем заимствовать, ибо все это для нас неприменимо. Условия совершенно изменились, и во многих отношениях то же мы можем сказать о республиках современных.

Мы первые и единственные, кто положил в основу нашей Республики священные законы равенства, и этим мы отличаемся от издателей английской хартии, допускающих существование короля, дворянства и двух палат, высшей и низшей. Мы — первые и единственные, кто внедряет братскую форму правления. *Может ли кто-нибудь с нами соперничать? И, уж во всяком случае, мы не следуем никакому образцу; мы никому не подражаем.* Поднимавшийся Рим взял свои законы у Греции, которая сама все заимствовала у Древнего Египта. Мы идем совсем иным путем; мы считаемся только с законами природы; мы исходим из неотъемлемых прав человека, дабы определить на их основе права гражданина».

Вот почему для этой Республики совершенно нового типа нация должна обрести и совершенно новый дух, дух свободы, равенства и просвещения. Все члены Конвента, каково бы ни было их происхождение, преисполнились трепета от этого великого нового творения, которое они создавали. Конечно, оно было завершением того, что развивалось в течение трех лет. Когда члены Учредительного собрания сформулировали Права Человека и Гражданина, когда они утвердили суверенитет нации, когда они объявили, что закон есть выражение общей воли, они тем самым заранее осудили и исключили все то, что противоречило суверенитету нации и воплощению ее воли. И по глубокой логике вещей именно тот день и должен был стать днем основания Республики. Однако человеческий ум охотно уклоняется от строгой логики мышления. Даже в эти дни отчаянной отваги он не до конца прет-

воряет в жизнь свои принципы: либо он не видит их крайних последствий, либо, поскольку они слишком далеко уводят его от нынешних привычек, от нынешнего положения вещей, он надеется как-нибудь уклониться от них. К таким сделкам его поощряет вся история человечества, представляющая собой нескончаемую цепь компромиссов, непрерывное нарушение абстрактной логики. Вот почему члены Учредительного собрания, которые вошли в Конвент, только теперь узрели эти крайние последствия; весь декор конституционной монархии, который в продолжение трех лет скрывал от них безграничные и волнующие перспективы, неожиданно рухнул; и вся их мысль наконец открылась им во всей своей необъятности, которую они не могли предвидеть или которой до сих пор страшились. Так превзойти самих себя, увидеть, как твое дело перерастает тебя, — вот самое глубокое переживание, какое может потрясти человеческое сознание. Жирондисты тоже испытали это потрясение; им была близка идея Республики, и ум их тешила эта гипотеза. Но они уже привыкли к комбинациям, к отсрочкам; они были министрами при монархии, и порой они примирялись с мыслью о республике под сенью монархии, открывающей поприще главным образом для самых блестящих государственных деятелей, для наиболее красноречивых ораторов, для республиканской элиты. И вдруг Республика возникла перед ними в неожиданной реальности, огромная, несущая в себе всю великую силу проснувшегося наконец-то народа. И их также такое соприкосновение привело в волнение.

Робеспьер, бывший до тех пор скорее демократом, нежели республиканцем, охотно укрывал корабль Революции на рейде старой монархии; но теперь вместе со всей нацией он был вынесен в открытое море; демократия росла и ширилась; какие бури, какие кораблекрушения таил в себе этот безбрежный океан? И как на этих беспредельных, вновь открытых просторах потопить плывущие рядом соперничающие суда?

Но самое трагическое впечатление на всех, и на тех, кто только что появился на арене, и на тех, кто уже боролся ранее, произвел непоправимый разрыв с прошлым. Это была борьба не на жизнь, а на смерть против всего старого мира как внутри, так и вне страны. Это было величайшее, совершенно новое явление, которому все вокруг угрожало, которое самой своей смелостью, ничего не говоря, объявляло войну всякому рабству, всякой неясной и половинчатой форме свободы. То было славное самоутверждение, то был вызов. Сколько усилий требовалось приложить, чтобы выиграть эту благородную ставку! И скольким подвергнуться опасностям! Сердца бились чаще, и, как образно выразился один литератор того времени («Революсьон де Пари», сентябрь 1792 г.), мускулы напрягались в предчувствии подвигов Геракла:

«Один знаменитый антиквар говорил, что всякий раз, прохо-

дя мимо статуи Геракла, он чувствовал, как вырастает на несколько футов. Все его члены наливались силой, поступь становилась важной, более уверенной, голос более мужественным, ток крови во всех сосудах ускорялся. Вот какой закалки должны быть наши законодатели!»

Много лет спустя Бодо, сброшенный в бездну несчастий и изгнания, несколькими ни к кому лично не относящимися словами охарактеризовал бесстрашного члена Конвента: «Он дерзал шагать по самому гребню Горы, и голова у него не кружилась» [13]. Именно с провозглашения Республики начался отважный путь по гребню вершины. Сколько при этом закружилось голов? Сколько таких, что поскользнулись! Сколько таких, кого неукротимая или скрытая ненависть ввергла в пропасть! Но на один миг величественное провозглашение Республики приведет их всех «на гребень Горы», примиренных, возможно, с другими и с самими собой благодаря глубокому и неведомому доселе волнению; вдали открывалась доблестная, бурлящая нация, неведомое, то ли порабощенное, то ли враждебное человечество, необозримый, сверкающий и суровый горизонт, почти безграничное поле надежды и испытаний, свободы и борьбы, освещаемое яркой и нежной зарей и перерезаемое широкими тенями смерти.

Члены Конвента, описывая эти грандиозные впечатления, были неистощимы в их изображении. Камбон великолепно сравнил внезапное исчезновение всего, что было фальшивого, темного, двусмысленного, с внезапным наступлением ослепительного дня. Много лет спустя, живя во мраке поражения и изгнания, он охарактеризовал Конвент как яркий источник света, все заливающий своими потоками:

«Вот что я знаю о Революции: Учредительное собрание зажгло огромный факел перед изображением святого в храме, и при свете этого факела стали видны все недостатки святого. В Законодательном собрании мы низвергли этого святого. В Национальном Конвенте не осталось и следа ни от святого, ни от факела, но мы разбили все стекла в храме, и народ увидел, как повсюду воцарился ясный день» [14].

УСПЕХИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ АРМИЙ

Первые полученные Конвентом известия с фронтов были радостными. Прусская армия, остановленная у Вальми, после некоторого колебания признала свое поражение [1].

Дюмурье и его солдаты, наоборот, были полны рвения и порыва. Дюмурье еще не сумел до конца осознать, какой мощный удар он нанес врагу в Вальми. Но он знал, что если враг рискнет пойти на Париж, то шаг его будет неуверен, а дух подавлен. Он же, оставаясь несколько позади и правее прусского войска, сможет теснить его, ускоряя его бег к Парижу, словно падение в пропасть. Таков был план, составленный Верньо. 21-го Дюмурье делится с Серваном своими надеждами [2]:

«Вчера, 20-го, после длившейся восемь часов атаки на корпус генерала Келлермана, расположившийся на высотах Вальми, пруссаки, понеся большие потери, продолжили свое продвижение левее меня; за ними следует колонна гессенцев и эмигрантов, которые сегодня должны пройти мимо меня; я пойду за ними по пя-

13. «Notes historiques sur la Convention nationale», p. 74. См. выше, с. 221, прим. 9.
14. Слова, приведенные Бодо в его «Notes historiques» (p. 77). Камбон, голосовавший за казнь короля, умер в изгнании в Бельгии в 1820 г.

1. После Вальми войска герцога Брауншвейгского, плохо снабжавшиеся, днем и ночью поливаемые осенними ливнями в нищей Шампани, страдавшие от дизентерии, таяли на глазах; их численность вскоре сократилась до 17 тыс. человек. 1 октября 1792 г. было решено начать отступление. См. ниже, с. 230.
2. Это письмо Дюмурье было зачитано в Конвенте на заседании 22 сентября 1792 г. («Moniteur», XIV, 23; «Archives parlementaires», LII, 88; Buchez et Roux. XIX, 34.)

там и буду преследовать их со всей армией, *которая полна воодушевления*. Я не буду долго задерживаться на позициях, которые занимаю; я буду преследовать неприятеля на всем его пути; если он двинется на Реймс, я буду преследовать его по пятам».

ПЕРЕГОВОРЫ ДЮМУРЬЕ

Герцог Брауншвейгский почуял опасность; он сам начал переговоры, но как неуверенно и неумело! Он был слишком просвещенным человеком, чтобы не понимать все величие и мощь Революции, с которой воевал. Поэтому ему следовало бы ограничиться требованием гарантий, что жизнь Людовика XVI будет сохранена. Между тем его вынудили требовать гарантий сохранения власти короля. Он сказал полковнику штаба Тувено, с которым вел переговоры об обмене пленными [3]:

«Наши нации не созданы быть врагами; разве нет средства договориться миром? Мы находимся в вашей стране; ее опустошают бедствия, неизбежно связанные с войной. Мы сознаем, что не имеем права мешать какой-либо нации издавать свои законы, намечать свой внутренний порядок; нас беспокоит только судьба короля: что его ожидает? Пусть нам дадут заверение относительно него, пусть определят его место при новом порядке вещей, как бы оно ни называлось, и Его Величество король Пруссии вернется в свои владения и станет вашим союзником» [4].

Какие наивные противоречия и какая усталость в этих словах! И как заметно, что прусский генерал, продолжая войну, выполняет тяжкую повинность! И какая странная навязчивая идея — желать обеспечить Людовику XVI при новом порядке вещей *какое-нибудь* положение! Чистое смятение ума, который мечется между приказом, ложным понятием о чести монарха и живым ощущением грустной реальности.

Дюмурье с большой готовностью откликнулся на эти предложения. Он считал нужным вести переговоры по двум причинам. Во-первых, он знал, что прусская армия, изматываемая дизентерией, тает с каждым днем и что, затянув немного переговоры, он сломит сопротивление остатков этих сил. Далее, он был убежден, что союз Пруссии с Австрией, направленный против Франции, был искусственным, что Пруссия, освобожденная в силу самой неудачи своей военной попытки от всех обязательств по отношению к французской королевской власти, будет искать сближения с Францией. И тогда австрийская династия будет сокрушена, и Дюмурье благодаря Революции достигнет того, о чем мечтала при монархии целая школа дипломатов. Он поторопился направить королю Пруссии мемуар, в котором льстил ему, настраивал его ротив Австрии, успокаивал его относительно возможности революционной пропаганды в его владениях:

«Необходимо рассматривать Францию как республику, коль скоро вся нация объявила об упразднении монархии. Эту республику следует либо признать, либо воевать с нею. Державы, ополчившиеся против Франции, не имеют никакого права вмешиваться в дебаты, которые ведутся в Национальном собрании относительно формы ее правления. Ни одна держава не вправе навязывать законы столь великой нации. Вот почему эти державы решились применить право сильного. И что же из этого вышло? Это только привело нацию в еще большее раздражение; она противопоставила силе силу, и само собой разумеется, что преимущества, которыми обладали многочисленные армии прусского короля и его союзников, были весьма кратковременными. Сопротивление, на которое он натолкнулся и которое растет по мере того, как он продвигается вперед, слишком велико, чтобы ему не стало очевидным, что победа над Францией, казавшаяся столь легкой, абсолютно невозможна...

Прусский народ любит королевскую власть, ибо со времен великого курфюрста у них были только хорошие короли, а тот, который правит им сейчас, безусловно, достоин его любви. Французы свергли монархию, ибо после бессмертного Генриха IV у них неизменно были короли либо слабые, либо надменные, либо трусливые, либо правившие по указке своих любовниц, духовников, невежественных или наглых министров, подлых или алчных куртизанов, которые обрушивали все бедствия на прекраснейшую державу в мире.

Возможно ли, чтобы вопреки принципам мудрой политики вечной справедливости и гуманности король Пруссии согласился стать исполнителем воли вероломного Венского двора, пожертвовал своей доблестной армией и своими богатствами в угоду властолюбия этого двора? Настала пора откровенно и честно объясниться и покончить с нашими разногласиями или утвердиться в них и распознать наших истинных врагов. Мы будем сражаться с ними отважно, ведь мы на своей родной земле, мы должны отомстить за злодеяния, учиненные в наших деревнях, и пора уже понять, что война против республиканцев, гордых своей свободой, будет войной кровавой, которая может завершиться только гибелью угнетателей или угнетаемых.

---

3. Тувено (1757—1817) — при старом порядке инженер-картограф на королевской службе, в 1792 г.— директор литейной мастерской в Эндре, затем полковник штаба в Бельгийской армии. 5 апреля 1793 г. дезертировал вместе с Дюмурье.
4. Эти слова приводятся в письме министра иностранных дел Лебрена Конвенту, оглашенном на заседании 1 октября 1792 г. («Moniteur», XIV, 99.) «В устах человека, подписавшего уже опубликованные манифесты и чье презрение к французской нации известно, умеренность таких речей должна удивлять»,— комментировал Лебрен.

Эти страшные соображения не могут не взволновать сердце гуманного и справедливого короля. Он должен осознать, что не только не защитит силой оружия Людовика XVI и его семью, но еще останется нашим врагом и еще усугубит их бедствия».

Не понятно, что нашло на герцога Брауншвейгского, если он, сам начав переговоры, ответил на примирительное послание Дюмурье дерзким манифестом, в котором вновь потребовал от французской нации бережного отношения к королю и настаивал на немедленном восстановлении во Франции королевской власти в лице Людовика XVI и его наследников? Неужели герцог Брауншвейгский вдруг испугался, что зашел слишком далеко и обнаружил свою слабость? Или он истолковал поспешный ответ Дюмурье и примирительный тон его мемуара как свидетельство усталости и страха? [5]

КАМПАНИЯ ГЛАЗАМИ ЭМИГРАНТОВ

Надо полагать, что на некоторое время у захватчиков возродились надежды. Ферзен, конечно, только повторял слухи, доходившие до него из окружения герцога Брауншвейгского, когда писал 28 сентября из Брюсселя барону де Бретёй [6]: «Если правда, как нам сообщили вчера, *что Дюмурье предлагал капитуляцию*, то теперь самый подходящий момент договориться с ним и поставить свои условия». Ферзен пишет об этих слухах 28-го в своем дневнике [7]: «Один гражданский чиновник, австриец, довел до сведения графа Меттерниха эстафетой от 25-го, что, по словам прусского курьера, Дюмурье окружен, предлагал капитуляцию и готов отступить со своими войсками, оставив пушки, снаряжение и палатки, что герцог потребовал сдачи всего оружия без изъятия».

Очевидно, то были чудовищно раздутые иллюзии, питаемые в близком окружении герцога Брауншвейгского. Но можно предположить, что эти слухи, на редкость оптимистические, не распространились бы, если бы в прусской армии не истолковали в какой-то момент поведение Дюмурье по меньшей мере как признак колебаний и замешательства. Поэтому, когда Дюмурье гордо, в резкой форме заявил в ответ на манифест герцога Брауншвейгского, что всякие переговоры отныне исключаются, ко всем неудачам, сломившим дух прусского генерала, присоединилось еще это тяжелое разочарование. Герцогу Брауншвейгскому могло даже прийти в голову, что Дюмурье его обманывал и под предлогом мнимых переговоров намеренно задерживал его разлагавшуюся армию под проливными дождями. Итак, прусский генерал дошел до того, что начал сомневаться в самом себе, да и во всем остальном; его душевные силы были основательно истощены, когда перед ним встал неумолимый вопрос: следует ли ему и дальше

углубляться в направлении Парижа по топким равнинам Шампани или же пойти на отступление? Раздавленный усталостью, он склонился к последнему. Он уже не чувствовал в себе силы нести и дальше ответственность. А ведь это была страшная ответственность — идти вперед, на бурлящий Париж, с больной, наполовину растаявшей армией, под неусыпным наблюдением и под угрозой революционных войск, воодушевленных сознанием своей силы.

И наконец, какого результата можно было ожидать от этой неразумной, почти безнадежной кампании? Нечего было и думать о том, чтобы вырвать с корнем Революцию, которая столь глубоко уже внедрилась в почву и в сердца, что ее не одолеть никакой силе. Была ли надежда по крайней мере спасти Людовика XVI? Да, если бы удалось войти в Париж... если бы до того, как туда войти, не узнали, что восставший народ упразднил королевскую власть. Еще до того как герцог дал сигнал к отступлению, вторгшаяся армия совсем обессилела, солдаты ее дрожали всем телом под порывами осеннего ветра. Ферзен отмечает в своем дневнике за 1 октября печальные предчувствия, томившие сердца [8]:

«Некоторые письма, полученные от эмигрантов и от виконта Карамана его женой от 24-го, свидетельствуют о том, что Дюмурье занял неприступные позиции, что погода ужасающая, что армия нуждается буквально во всем. Ломают дома, чтобы добыть топливо и обогреться. Приходилось брать зерно прямо в амбарах. Все происходящее доказывает, что порядка очень мало, что большое дело проиграно; целые деревни опустошены, многим домам причинен непоправимый ущерб. Этот край являет сейчас зрелище полного разгрома и опустошения. Картина, нарисованная виконтом Караманом, и бедствия местных жителей ужасающи; по его словам, он видел деревню, всю охваченную огнем, старика и его жену, сидящих перед своим домом, пожираемым огнем; они в мрачном молчании созерцали, как гибнет все их достояние; собака лежала рядом с ними, испуская жуткий вой.

В письме Вобана к жене описывается страшная нужда эмигрантов; вот уже десять дней, как они живут на бивуаке, не имея ни палаток, ни экипажей, страдая от дизентерии, не получая никакой помощи, не имеют никаких средств облегчить болезнь, нуждаются в самом необходимом продовольствии; они съели свой последний фунт хлеба и не знают, где добудут еще. Эти два письма как бы выражают сомнение в успехе предприятия и словно говорят: «*Один бог знает, чем это кончится*». Виконт рассказывает

---

5. См. этот манифест герцога Брауншвейгского от 28 сентября 1792 г. в «Moniteur» (XIV, 99); он был зачитан на заседании Конвента 1 октября 1792 г.
6. «Le comte de Fersen et la cour de France», t. II, p. 375.
7. Ibidem, t. II, p. 38.
8. Ibidem, t. II, p. 39.

о канонаде, длившейся четыре часа, в которой участвовало сто орудий с одной и с другой стороны [это было у Вальми]; французская артиллерия, расположенная на укрепленных позициях, обслуживалась великолепно и убила множество людей».

Как быстро пришла расплата за самонадеянность и жестокость! Эти ветрогоны, воображавшие, что стоит им появиться, как трусливые банды революционеров мигом разбегутся, совершенно растерялись, убедившись, что у Революции есть метко попадающие ядра, несущие смерть. Эти безрассудные люди, толкавшие захватчиков на насилия, на убийства, поощрявшие их грабежи, сами дошли до того, что умирают с голоду; и отчаяние, которое они сеяли, пало в их усталые души. Дойдя до полного расстройства нервов, они, эти беспощадные фанфароны, были встревожены печальным воем бедной собаки, накликавшей беду. Кто знает, не услыхал ли сам герцог Брауншвейгский этот голос тоски и отчаяния? Во всяком случае, от этих эмигрантов, столь высокомерных когда-то, он не получал большой поддержки.

Но вот страхи усиливаются, множатся зловещие прогнозы. Ферзен пишет в своем дневнике 3 октября [9]: «Австрийский курьер, офицер, выехавший из армии 28 [сентября] вечером, рассказал, что временное прекращение военных действий длилось четыре дня, *что за это время Дюмурье и не заикался о капитуляции*, что никто не знает, какое решение примет герцог Брауншвейгский; что позиции Дюмурье неприступны; что провизию достать очень трудно; что при его отъезде был отдан приказ отсылать в тыл все обозы; думали, что герцог атакует неприятеля одновременно со всех сторон». Неясные плывущие облака, скрывавшие поначалу надвигавшиеся великие бедствия. Только у одного Бретёя, известного простака, не было никаких предчувствий. «3-е, среда. Письмо барона Бретёя от 28-го числа, сообщает, что 25-го вечером он с минуты на минуту ожидал известия о капитуляции [Дюмурье]». О, проницательный защитник монархии!

ОТСТУПЛЕНИЕ ПРУССАКОВ

И вот наконец — важная и горестная весть, которую ожидали и которой боялись поверить [10]. «В полночь курьер от лорда Элджина привез весть о том, что 1 октября прусская и австрийская армии отступили к Гран-Пре и, как говорили, оттуда — на Верден. То был офицер, он рассказал, что армия погибает от чрезмерной усталости, из-за отсутствия всего необходимого и от болезней; что, когда увидели, что никакие обозы не приходят, стали опасаться окружения и страх этот рос; что французы держатся стойко, что они непрерывно строят огневые позиции; что в них много стреляли, но они не отвечали, продолжая работать; что часовые насмехались над пруссаками, когда те отходили; что местные

жители отвратительны, даже крестьяне ничего не хотят давать путешественникам».

А из Вердена Бретёй, который начал что-то понимать, пишет 2 октября Ферзену: «Вы знаете и разделяете все горести, которые обрушились на нас вследствие отступления армии и как раз в тот момент, когда мы верили, что имеем все основания надеяться на успех».

Из Сент-Менеульда «1 октября 1792 г., I года Республики», Дюмурье направил военному министру письмо, переданное последним Конвенту и представляющее собой крик торжества [11]: «Наконец, мой дорогой Серван, сбылось то, что я рассчитал, организовал, предсказывал во всех моих письмах. Пруссаки отступают по всему фронту. Храбрый Бернонвиль [12], которого окрестили французским Аяксом, в течение двух дней захватил у них более 400 пленных, свыше 50 повозок и более 200 лошадей.

Судя по всем показаниям пленных и дезертиров, эта армия истощена голодом, усталостью, потерей крови. Неприятель сворачивает лагерь каждую ночь, делает не более двух лье, чтобы прикрыть свои обозы и тяжелую артиллерию. Я укрепил силы Бернонвиля, который имеет свыше 20 тыс. человек, и он их не выпустит, пока не истребит всех до одного. Сегодня же я присоединюсь к нему лично, чтобы покончить с этим делом».

Комиссары Конвента в армии: Карра, Сийери, Приёр — превозносили Дюмурье в своих донесениях; они раскрыли смысл его операций [13].

«Генерал Дюмурье благодаря ловким маневрам, которые он выполнил, и благодаря занятым им позициям ведет кампанию, которая станет величайшим событием в анналах Франции.

---

9. Ibidem, t. II, p. 40.
10. Ibidem, t. II, p. 41. Дневник Ферзена, запись от 4 октября 1792 г. Гран-Пре — главный город дистрикта в департаменте Арденны.
11. «Moniteur», XIV, 106, заседание Конвента 2 октября 1793 г.; «Archives parlementaires», LII, 280.
12. Бернонвиль (1752—1821) — командовал вспомогательными частями на острове Бурбон (Реюньон), был отстранен в 1789 г.; в 1792 г.— бригадный генерал, командовал авангардом Дюмурье, сражался при Вальми, затем принял командование левым крылом Арденнской армии. В 1793 г.— военный министр; 5 апреля был выдан австрийцам Дюмурье.
13. Карра (1739—1817) — депутат от департамента Сона и Луара; см. выше, с. 85, прим. 39.

Приёр из Марны (1756—1827) — адвокат, депутат Генеральных штатов от бальяжа Шалон на Марне; заместитель генерального прокурора-синдика департамента Марна после роспуска Учредительного собрания, депутат Конвента, в 1793 г.— член Комитета общественного спасения.

Сийери (1737—1793) — с 1780 г. офицер в отставке, депутат Генеральных штатов от дворянства Реймского бальяжа, затем депутат Конвента от департамента Сомма, изобличен как соучастник Дюмурье (31 марта 1793 г.), приговорен к смертной казни, гильотинирован 10 брюмера II г.

Трудно было поверить, что он не отступит со своими 17 тыс. солдат, имея перед собой армию, насчитывающую 80 тыс. человек; что он займет столь выгодные позиции, которые позволят ему оказывать сопротивление, что он соединится с другими частями, которые шли ему на помощь... Ему удалось задержать неприятеля в наиболее, пожалуй, бесплодном краю Франции и принудить его в конце концов постыдно бежать из страны, уводя с собой армию, сократившуюся по крайней мере на одну треть из-за потерь больными и пленными» [14].

Хочу обратить здесь внимание на любопытный намек на Жанну д'Арк.

«Мы заканчиваем это письмо,— пишут комиссары,— рассказом о двух молодых здешних героинях, о гражданках Ферниг; эти две юные девушки, столь же скромные, сколь и мужественные, постоянно находятся на передовых позициях, в наиболее опасных местах. В нашей армии, состоящей из молодых людей, они окружены почетом и уважением... *Национальный Конвент, конечно, не забыл, что в царствование Карла VII одна прославленная девушка помогла королю вновь занять его трон.* А теперь у нас две девушки сражаются, чтобы избавить нас от тиранов, которые угнетали нас столько веков» [15].

Можно подумать, что страх показаться приверженцами монархических предрассудков помешал комиссарам по справедливости оценить «прославленную девушку», спасшую отечество только тем, что она посадила на трон короля. Однако они хорошо понимали, что только величие национального движения в ту эпоху, как и сегодня, могло породить подобный героизм молодых девушек, и легко угадать, что само величие Революции, разрушающей прошлое, скоро поможет человеческому разуму постигнуть это.

В своем отступлении прусские и австрийские войска вынуждены были оставить Верден и Лонгви, которые были вновь заняты солдатами Революции [16]. Взбешенные эмигранты, вместо того чтобы винить самих себя, обвиняли герцога Брауншвейгского: «Этот человек замарал себя!»— воскликнул подлый Бретёй.

ДЮМУРЬЕ В ПАРИЖЕ

Между тем Дюмурье, уверенный теперь в своем успехе, решил не задерживаться для преследования врага. Он поручил это дело своим заместителям, а сам 11 октября помчался в Париж, без сомнения, для того, чтобы насладиться плодами своей победы, выяснить, сколь велика его популярность, а также узнать, как далеко он может пойти, но главным образом для того, чтобы подготовить новую кампанию — вторжение в Бельгию.

Встреченный 12-го в Конвенте самыми восторженными аплодисментами, он произнес там речь, гордую, остроумную, умело

построенную, отдав должное всем, начиная с интендантов и кончая солдатами, восхваляя дисциплину последних и их доблесть и окутывая этими похвалами и Совет [17]. Но особенно отличался Дюмурье тем, что хорошо понимал солдат революционной Франции и умел найти подход к ним благодаря какому-то задорному, веселому героизму. Этот поразительный человек превосходно умел придавать революционную окраску блестящим воспоминаниям о старом порядке: «*Я ни разу не слышал, чтобы солдаты роптали; слыша песни и веселье в этом страшном лагере, его можно было принять за один из тех увеселительных лагерей, в которых при роскошном дворе королей собирали иногда полки солдат для развлечения их любовниц или детей*».

В Якобинском клубе был, так сказать, скреплен союз Дюмурье с Дантоном. Это произошло на заседании 14 октября, где председательствовал сам Дантон [18]. «Граждане, братья и друзья,— сказал генерал,— вы открыли великую эпоху; вы порвали с прежней историей Франции, которая являла только картину деспотизма: новая эра начинается с этой Революции, воодушевившей наши армии, вселившей в нас необходимое мужество, чтобы отбросить превосходящие силы неприятеля. *Мы нисколько не устали:* тяготы войны, лишения, голод не пугают нас; мы полны отваги, как никогда; мы возвращаем деспотам то, что они готовились преподнести нам. Я надеюсь, что к концу месяца у меня будет армия в 60 тыс. человек, чтобы напасть на королей и спасти народы от тирании».

Дантон как бы публично одобрил это в следующих пылких словах [19]:

«Когда Лафайет, когда этот подлый евнух Революции бежал, вы уже тем доблестно послужили Республике, что не потеряли надежды на ее спасение; вы вновь объединили ваших братьев; с тех пор вы умело сохраняли это положение, что и погубило врага, и вы, конечно, заслужили благодарность вашего отечества. Перед вами открывается еще более прекрасное поприще. Пусть

---

14. Это письмо комиссаров Конвента было зачитано в Конвенте 3 октября 1792 г. («Moniteur», XIV, 112.) Оно помечено 2 октября 1792 г., Сент-Менеульд.
15. Фелисите и Теофиль Ферниг из Мортани, кантон Сент-Аман, департамент Нор, последовали за своим отцом, командиром национальной гвардии этой коммуны. Обе были представлены Бернонвилю. Во время вторжения во Францию Дюмурье назначил их отца начальником проводников, а им доверил выполнять обязанности офицеров штаба. Обе сражались при Вальми, Жемаппе, Неервиндене, а после измены Дюмурье в апреле 1793 г. последовали за ним. См.: «Moniteur», XIII, 206, 490; XIV, 112, 149; XVI, 121.
16. Верден был освобожден Келлерманом 8 октября 1792 г., Лонгви — 22 октября.
17. «Moniteur», XIV, 191; «Archives parlementaires», LII, 472.
18. «La Société des Jacobins», IV, 387; «Moniteur», XIV, 223.
19. «La Société des Jacobins», IV, 388; «Moniteur», XIV, 223; D a n t o n. Discours, p. 216.

пики народные сломают скипетры королей, и пусть короны падут перед красным колпаком, которым вас почтила Республика. А затем возвращайтесь к нам, и ваше имя будет связано с самыми прекрасными страницами нашей истории».

Какие нити связывали в этот час Дюмурье и Дантона? Прежде всего, общие испытания и общая слава: оба они, несмотря на совершенно разное происхождение и противоположный темперамент, великолепно сочетали здравый народный смысл с дипломатической тонкостью. Планы Дюмурье были весьма осмотрительными и очень четкими. Как мы уже видели, он стремился изолировать австрийский двор. Он, стало быть, не собирался ни доводить Пруссию до крайности, ни расширять масштабы войны и штурмовать все престолы во имя Революции.

Если Австрия будет побеждена, а Пруссия связана мирным договором с Францией, Республике уже не будет угрожать никакая опасность, постепенно она будет официально признана всеми правительствами и всеми народами. И достаточно будет одного ее примера, чтобы без всякого насилия, без войн распространять повсеместно идею свободы, оживлять народные чаяния и поощрять партии реформ. Дюмурье надеялся осуществить все эти ясные, четкие, мудрые идеи силами Революции; и он надеялся заставить Революцию согласиться с ними, говоря всегда ее языком и выражая общий дух революционных событий.

Дантон, выдвинувшийся в разгар Революции, постоянно соприкасавшийся с силами народа, шел той же дорогой, что и Дюмурье, но в обратном направлении, то есть шел ему навстречу. Он понимал, что Революция погибнет, истощит свои силы в этой чудовищной борьбе, если она сама не ограничит свои порывы, если она возьмет на себя задачу одним ударом обновить весь мир.

Таким образом, пока дипломат Дюмурье искал в революционной энергии средство осуществления своих тонко рассчитанных планов, революционер Дантон пытался путем осторожной, рассудительной дипломатии умерить стихийное, бьющее через край движение Революции. Он придерживался отныне одинаковой точки зрения с Дюмурье: раздавить Австрию, изолировав ее, уладить раздоры с Пруссией, обеспечить мир в Европе, добиться всеобщего, официального признания Французской Республики и в мирной, уверенной атмосфере свободы спокойно развивать силы демократии [20].

Между тем этих двух людей, которых теперь сблизило общее дело, требовавшее от них храбрости, патриотизма и мудрости, разделяла пропасть. Бодо писал о жирондистах, что они «признают Республику лишь условно», то есть при условии, что она будет считаться с их влиянием и с их интересами. В отношении многих из них эти слова несправедливы; но о Дюмурье вполне мо-

жно сказать, что он признавал Республику лишь «условно», всегда готовый предать ее, если она не оправдает его честолюбивых расчетов. Дантон, наоборот, принадлежал Революции душой и телом и до самой смерти.

ЖЕМАПП

Первым следствием победы Дюмурье над пруссаками и австрийцами, а также объявления о вступлении в Бельгию были отчаяние и уныние, охватившие австрийцев, которые осаждали Лилль. Они опустошили все окрестности города, особенно, как отмечалось в одном сообщении газеты «*Патриот франсэ*», «большое селение Рубэ». С 29 сентября по 5 октября более 60 тыс. снарядов обрушились на осажденный город, было убито более 2 тыс. жителей и сожжены обширные кварталы. Население держалось героически: люди бегали за падающими ядрами и накрывали их красными колпаками. Комендант Рюо заявил герцогу Саксонскому-Тешенскому, что скорей взорвет город, чем сдаст его. 5 октября осада была снята [21].

В Бельгии успехи Дюмурье были ошеломляющими. 1 ноября он обращается к «славной бельгийской нации» с прокламацией. Он напоминает ей, какие усилия она уже приложила, чтобы завоевать свободу, чтобы сбросить иго австрийского деспотизма [22]:

«Бельгийцы, ведь мы братья: вы дали слишком много доказательств вашего нетерпеливого желания сбросить гнет, чтобы мы могли опасаться, что нам придется считать вас врагами».

---

20. О дипломатии Дантона с позиций осуждения см.: A. M a t h i e z. Danton et la paix. Paris, 1919, chap. II. Более умеренную оценку см.: G. L e f e b v r e. Sur Danton.—«Annales historiques de la Révolution française», 1932; эта статья воспроизведена также в: «Études sur la Révolution française». Paris, 2-e édition, 1963, p. 95. «Переговоры с пруссаками на протяжении недель, последовавших за Вальми, породили несравненно больше споров и казались странными даже современникам. Я признаю, что они продолжают удивлять и нас. То, что французы позволили Фридриху Вильгельму II спокойно уйти, несомненно, один из самых странных фактов в нашей военной истории. Но если принять во внимание мучительную тревогу Дюмурье и даже Дантона, иллюзии, которые французы питали относительно прусской дипломатии, и настойчивое желание, никогда не покидавшее Дюмурье,— завоевать Бельгию, то принятое решение можно признать допустимым».
21. О многочисленных подробностях героической обороны Лилля см.: «Moniteur», XIV. О снятии осады было объявлено в Конвенте 8 октября 1792 г. («Moniteur», XIV, 151.)
22. Этот манифест датирован 27 октября 1792 г. Он был зачитан на заседании Конвента 1 ноября 1792 г. («Moniteur», XIV, 367; «Archives parlementaires», LIII, 103.)

6 ноября при Жемаппе, вблизи Монса, он нанес неприятелю блистательный решающий удар. На сей раз это не была, как при Вальми, славная оборона или только героическая выдержка под артиллерийским обстрелом врага. Это было смелое наступление, это был штурм линии редутов, расположенных уступами на большой высоте; это был великий рукопашный бой, где каждый солдат сражался самоотверженно. В донесении Дюмурье Конвенту чувствуется безудержное ликование [23].

«Австрийская армия состояла, по самым скромным подсчетам, из 20 тыс. человек, из которых 3500 в кавалерии; другие оценивали ее в 28 тыс. человек; у нас же было не больше 30 тыс. сражающихся. Позиции австрийцев были ужасающе сильны; их правый фланг, опирающийся на деревню Жемапп, образовывал угол с их фронтом и левым флангом, примыкавшим к Валансьеннской дороге. Их позиции на всем этом протяжении были расположены на лесистой горе, где амфитеатром возвышались в три яруса редуты, оснащенные 20 орудиями тяжелой артиллерии и по меньшей мере таким же количеством гаубиц и по три полевых пушки на каждый батальон. Это в общей сложности составляло артиллерию в 100 орудий. У нас было столько же, но расположение их батарей на большой высоте давало им сильное преимущество, если бы мы предполагали закончить бой артиллерийским поединком. Уже давно наши войска, уверенные в своих силах, выражали мне свое самое горячее желание помериться силами с врагом лицом к лицу. Я разделял эту уверенность, ибо во всех передвижениях, которые они совершали по моему приказу под огнем противника, я видел, что они действовали и маневрировали словно на учениях. За три дня, предшествовавших сражению, я сам любовался точностью, с которой они выполняли по моему приказу маневры и развертывания.

...Ровно в полдень вся пехота в одно мгновение построилась в батальонные колонны и с невероятной быстротой и *огромным ликованием* устремилась к укреплениям противника. Ни одна колонна не отстала; первый ярус редутов был занят с поразительной быстротой; но вскоре препятствия увеличились, центру стала угрожать опасность, и я увидел кавалерию, готовую ринуться на равнину, чтобы атаковать наши колонны с фланга. Я направил туда генерал-лейтенанта Эгалите [сын герцога Орлеанского, будущий король Луи Филипп], который с присущим ему хладнокровием и мужеством быстро объединил колонны и повел их на второй ярус редутов [24].

...Я очень быстро соединился с кавалерией Бернонвиля, и она в тот же миг с огромной мощью атаковала кавалерию противника, которая уже добралась до нашего правого фланга. Пока мы шли на соединение, эта кавалерия вознамерилась опрокинуть первый Парижский батальон, но была встречена мощным контрударом, причем одним залпом было убито 60 человек. Пока шло это сраже-

ние на правом фланге, наш левый фланг овладел деревней Жемапп; наш центр занял второй ярус редутов; надо было дать еще один бой на высотах; но этот бой оказался менее продолжительным и менее ожесточенным, ибо австрийские войска были совершенно подавлены доблестью наших войск. В два часа они отступили в полнейшем беспорядке. Наши войска заняли позиции неприятеля, усеянные трупами убитых и ранеными с обеих сторон. Потери врага были значительны, а растерянность его столь велика, что войска его проследовали через г. Монс не останавливаясь...

Войска, стоявшие биваком в течение трех дней, не имевшие даже возможности сварить себе суп в день этой страшной битвы, проявляли неостывающий пыл и настоятельно требовали от меня вести их на Монс, чтобы взять его приступом».

В письме, направленном Конвенту, Дюмурье говорил: «*Все части армии участвовали в бою, сражался каждый солдат*» [25].

Мощь и порыв этой армии, очевидно, объясняются тем, что в ней образовался чудесный сплав сил традиционных и сил Революции. Говоря о силах традиционных, я имею в виду не казарменные войска. Казарма всегда ослабляла людей. Де Гибер в своих книгах по тактике доказывает, что казарма ослабляла и развращала солдат монархии [26]. Гувьон Сен-Сир в своих мемуарах недвусмысленно заявил, что первые армии Революции состояли из двух очень разнородных элементов [27]: из линейных войск, «физически и морально ослабленных длительным пребыванием в казарме», и из волонтеров, доблестных и подвижных. Но верно и то, что рядом с выборными командирами батальонов волонтеров сражались и превосходные, очень опытные линейные офицеры. Верно

---

23. Это донесение, помеченное 7 ноября 1792 г. (Монс), было зачитано на заседании Конвента 10 ноября. («Moniteur», XIV, 434; «Archives parlementaires», LIII, 326.) О Жемаппе см.: A. C h u q u e t. Les guerres de la Révolution. T. IV: «Jemappes et la conquête de la Belgique». Paris, 1890.
24. По постановлению Генерального совета Парижской коммуны от 15 сентября 1792 г. герцогу Орлеанскому было разрешено носить имя Эгалите. («Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 116.)
25. Речь идет о письме Дюмурье председателю Конвента, написанном из штаб-квартиры в Монсе 7 ноября 1792 г. и зачитанном в Конвенте 10 ноября, до вышеупомянутого донесения. («Moniteur», XIV, 434; «Archives parlementaires», LIII, 324.)
26. Гибер, граф де (1743—1790) — бригадный генерал, известный своим трудом «Essai général de tactique, précédé d'un Discours préliminaire sur l'état actuel de la politique et de la science militaire en Europe» (1772).
27. Гувьон Сен-Сир (1764—1830) — живописец, в 1792 г.— капитан, в 1794 г.— генерал, в 1812 г.— маршал, автор «Mémoires sur les campagnes des armées du Rhin et du Rhin-et-Moselle, de 1792 jusqu'à la paix de Campo-Formio» (Toul, 1829, 3 vol.).

и то, что с начала Революции сама казарменная жизнь изменилась; солдат уже не держали в изоляции от гражданской и всенародной жизни; они братались с гражданами; они сами сделались гражданами, и тем самым души их как бы обновились. Они всегда были Поготовы на поле брани слиться в чудесном порыве энтузиазма с волонтерами, воплощавшими, все оттенки революционной мысли. сле эмиграции многих офицеров-дворян, после бегства Лафайета в войсках стали оставлять лишь те элементы старой армии, которые примкнули к революционному движению. Особенно хороша была артиллерия, одновременно исполненная патриотизма и прекрасно обученная. К концу старого порядка, в период упадка военных институтов, одна только артиллерия развивалась исключительно благодаря успехам науки, благодаря обучению, благодаря вольному духу современности [28]. Она шла в ногу с науками, которые развивались повсеместно, со свободными исследованиями, умножавшими научные открытия как в военной, так и в промышленной области. Она всецело была готова защищать Революцию.

Так наука XVIII века умножала своими силами порыв солдат-граждан революционных армий; они представляли собой народ в движении; они представляли собой, если можно так выразиться, вооруженную Энциклопедию. Великий урок для демократов-республиканцев, которые ищут новый тип военной организации! Готовить солдат они будут не в обстановке зловредной и растлевающей рутины казармы. И не низким уровнем знаний командиров они будут обеспечивать их преданность Революции; моральное единство и высокие знания — вот две великие основы военной организации при демократическом правлении.

Победа при Жемаппе привела Конвент в восторг. Она осенила Конвент с первых дней его деятельности блеском славы и свободы. Вначале он не решался отметить победу большим празднеством. Свобода победила, но сколько людей погибло!

«Предоставим королям Европы,— воскликнул Барер,— прославлять празднествами победы, после того как они залили землю потоками крови! В античных республиках празднества, устраиваемые после сражений, были траурными играми, а не блестящими торжествами... Помилуйте, ведь тысячи людей погибли! Ведь и австрийцы — тоже люди... Только короли — не люди... Я предлагаю просто воздвигнуть монумент в честь павших» [29].

Но Верньо, с его светлым воображением, сумел рассеять тени смерти. Победа свободы — это победа жизни; это возрождение народов; и те, кто пал ради этого дела жизни, могли бы повторить смелые слова: «О, смерть, где твое жало?»

«Воспевайте, воспевайте же победу, которая станет победой всего человечества. За нее погибли люди, но лишь ради того, чтобы в будущем уже не погибали другие. Я клянусь именем всемирного братства, которое вы собираетесь установить, что каждый ваш бой будет шагом к миру, к гуманности и к счастью народов» [30].

Конвент, избавившись от печальных угрызений совести и возвысившись над самой смертью, принял декрет о проведении большого национального праздника. Подобно тому как в дни ослепительного лета, когда затопляющий все вокруг яркий свет как бы исключает самую возможность страдания и ночного мрака, все грустные мысли теперь потонули в блеске свободы и славы. Свету античности была порой присуща эта ясность; но в нем никогда не было такого пламени жизни, такого бурного его распространения за пределы узкого горизонта одного города на весь род человеческий.

ЗАВОЕВАНИЕ БЕЛЬГИИ

Монс открыл свои ворота 8 ноября без малейшего сопротивления. Принимая ключи от города, Дюмурье сказал, обращаясь к членам муниципалитета: «Мы пришли к вам как братья и друзья». Армия была встречена в городе возгласами: «Да здравствует Республика! Да здравствует свобода!» И тут же в провинции Эно, главным городом которой был Монс, немедленно установили демократический порядок. В результате всенародного голосования были назначены 30 должностных лиц, нечто вроде Директории, непосредственно избранной путем всеобщего голосования. 12 ноября генерал Валанс занял Шарлеруа; 14-го Дюмурье торжественно вступил в Брюссель [31].

«Вчера,— писал он 14-го председателю Конвента [32],— я со своим авангардом подошел к Брюсселю. Австрийцы пытались отбить у меня высоты Андерлехта. Я не хотел, чтобы мои храбрые

---

28. Нельзя говорить об упадке военных институтов к концу существования старого порядка. В действительности при правлении Людовика XVI было сделано очень много для обновления их. Ордонанс 1776 г. реорганизовал артиллерию, материальная часть которой была обновлена стараниями генерал-лейтенанта де Грибоваля (1715—1789), благодаря ему в начале Революции французская артиллерия была лучшей в Европе. Артиллерия Грибоваля участвовала во всех войнах Революции и Империи.
29. «Moniteur», XIV, 438, заседание 10 ноября 1792 г., «Archives parlementaires», LIII, 330. Барер (1755—1841) — адвокат Тулузского парламента, депутат от третьего сословия Тарбского сенешальства, депутат Конвента от департамента Верхние Пиренеи, в 1793 г.— член Комитета общественного спасения.
30. «Moniteur», XIV, 438; «Archives parlementaires», LIII, 330.
31. Валанс, граф де (1757—1822) — в 1789 г. полковник Шартрского драгунского полка, в 1791 г.— бригадный генерал, в 1792 г.— генерал-лейтенант в армии Келлермана; сражался при Вальми, участвовал в Бельгийской кампании под командованием Дюмурье и 5 апреля 1793 г. вместе с ним перешел на сторону врага.
32. «Moniteur», XIV, 484, 501; «Archives parlementaires», LIII, 428. Письмо Дюмурье из Брюсселя от 14 ноября 1792 г. было оглашено на вечернем заседании Конвента 15 ноября.

товарищи напрасно проливали кровь в надвигающейся ночи; мы расположились биваком, а наутро я был встречен в Брюсселе как освободитель нации. (*Громкие аплодисменты.*) ...Армия Республики воодушевлена как никогда; к ней можно применить слова: «Vires acquirit eundo» *. (*Бурные аплодисменты.*)»

После этого в течение нескольких недель были заняты Льеж, Гент, Антверпен, Намюр. То была буквально триумфальная прогулка. Но, возможно, между революционной Францией и освобожденной Бельгией возникло некое недоразумение. С точки зрения Франции, это было, так сказать, главным образом освобождение революционное; с точки зрения Бельгии, это было главным образом освобождение национальное. Преисполненная симпатии к французам, которые прогнали австрийцев, бельгийская нация собиралась воспользоваться своей вновь обретенной независимостью в первую очередь для упрочения или восстановления своих старинных обычаев [33]. Церковь, буржуазные корпорации были в Бельгии весьма могущественны; дуновение Революции словно бы прошлось по поверхности пруда с несколько застоявшейся водой. Оно всколыхнуло его поверхность, подняв волны, но не затронуло глубины. Поспешное бегство австрийских правителей было для бельгийцев лишь бегством чужеземцев, но это не было бегством прошлого. Эро де Сешель, председательствовавший в Конвенте, сказал курьеру, доставившему весть о вступлении Дюмурье в Брюссель [34]:

«Гражданин, французский народ должно изумлять не то, что мы идем от одной победы к другой, он к этому уже привык; поражать его должно не занятие того или иного города, той или иной области, *а то, что революционное движение сообщается Европе, всему миру, что не остается больше пределов для завоеваний свободы*».

Однако в тот же момент Ферзен с достаточной точностью, как это доказали вскоре последующие события, отмечает различные настроения, царившие в стране. 19 ноября он пишет из Ахена, где он укрылся, барону Таубе [35]:

«Вы уже были в отчаянии, мой дорогой друг, из-за отступления герцога Брауншвейгского; так вот, Ваше отчаяние усугубится еще более, когда Вы узнаете, что австрийцы сочли себя вынужденными уйти из Нидерландов ввиду приближения Дюмурье с его оравой бандитов, воров и бунтовщиков. Мысль об этом приводит в ужас, особенно когда знаешь, что это несчастье произошло из-за слабости, глупости и отсутствия энергии у правительства и у герцога Альберта [36], который командовал армией; ибо войска отменные, они проявили чудеса храбрости, но ими дурно руководили. *Валлонцы дрались отчаянно и хранили верность до тех пор, пока не узнали, что решено оставить Брюссель и всю страну*; только тогда большинство из них ушло, но страх обуял всех; теперь каждый думал только о том, как бы спасти свою шкуру; все побросали;

не вывезли ни оружия, ни боеприпасов, все оставили в руках французов. *Сама страна оказалась на высоте: не было ни одного бунта*, а очень незначительное волнение в Антверпене было подавлено самой буржуазией; никто, если не считать черни, не желал прихода французов; они видели слишком много страданий людей во Франции, чтобы желать им уподобиться, но правительство трусливо бежало и бросило все и всех на произвол судьбы. Как это ужасно!»

В письме от того же числа герцогу Сёдерманландскому, регенту Швеции, он уточняет [37]: «С этого дня [после Жемаппа] панический ужас охватил всех. Эрцгерцогиня и правительство поспешно бежали из Брюсселя, словно враг уже стоял у ворот города; они увезли с собой самое ценное, бросив все остальное. Армия осталась под Брюсселем только для того, чтобы прикрыть это бегство, *которого можно было бы избежать, если бы раньше уладили разногласия со Штатами Фландрии*, чьи притязания были не столь уж несправедливы, ибо они требовали всего только сохранения «Радостного вступления» *, которое было им обещано, когда австрийцы завоевали страну в 1790 г. Согласно этому акту, советники Брабанта были несменяемыми, и Штаты требовали, чтобы пять советников, уволенных императором, что и стало предметом спора, были преданы суду и либо наказаны, ежели они в чем виновны, либо восстановлены в своих должностях, если они будут оправданы. Эта уступка правительства положила бы конец всем раздорам, и *император нашел бы в стране и солдат, и деньги, чтобы ее сохранить, ибо брабантские демократы вовсе не желали воцарения французского режима*; они слишком близко наблюдали все непорядки и бедствия последнего, чтобы не опасаться его; однако велико было упрямство и той и другой стороны, оно оказалось роковым для австрийского двора, и, если это зло не устранить, оно станет роковым для всей Европы».

---

* Сила ее растет на ходу (*лат.*).— *Прим. ред.*

33. Об этом основном недоразумении см.: «Occupants, occupés. 1792—1815. Colloque de Bruxelles, 29 et 30 janvier 1968», Bruxelles, 1969, p. 43 (R. Devleeshouwer. Le cas de la Belgique); p. 67 (J. Bayer-Lothe. Aspects de l'occupation française dans la principauté de Liège, 1792—1795).
34. «Archives parlementaires», LII, 428. Эро де Сешель (1759—1794) — в 1789 г. помощник прокурора Парижского парламента, в 1790 г.— судья суда I округа Парижа, депутат Законодательного собрания от г. Парижа, затем депутат Конвента от департамента Сена и Уаза.
35. «Le comte de Fersen et la cour de France», t. II, p. 391.
36. Герцог Саксонский-Тешенский.
37. «Le comte de Fersen et la cour de France», t. II, p. 394.

* «Радостное вступление» («Joyeuse entrée») — брабантская конституционная хартия, существовавшая с XIV в., сохранения которой требовала партия «штатистов» в Бельгийской революции 1789—1790 гг.— *Прим. ред.*

Но это затаенное недоверие, глухая враждебность, которые провидел Ферзен, пока еще не обнаружились. Дюмурье и Конвент вполне могли верить в прочность победы Революции.

И какая растерянность воцарилась в стане врагов! Какое поспешное и позорное бегство представителей австрийского двора! Как стремительно бежал дипломат Меттерних, добравшийся до самого Дюссельдорфа, и как он будет вечно вспоминать это бегство галопом от победоносной Революции! Но главное — какое жалкое зрелище являла собой нескончаемая вереница обезумевших эмигрантов! Они бежали из Франции, и вдруг Франция расширила свои пределы и настигла их. Куда же им теперь укрыться от нее? Революция, которую они надеялись сокрушить за несколько дней, теперь захлестнула их и, подобно разлившейся реке, какую великолепно описывает Гомер, поглощает пыль, отряхаемую с их ног [38].

«Это было,— писал Ферзен,— скопище карет и прочих экипажей, тянувшихся вдоль дороги; никогда еще не было картины более ужасающей; несчастные французские эмигранты тащились пешком или в повозках по дороге, не имея вдоволь еды; светские дамы шли пешком, со своими горничными или одни, неся под мышкой маленький узелок или держа ребенка на руках. В Маастрихте нам с огромным трудом удалось найти место для ночлега; за три дня туда прибыло более одиннадцати тысяч человек» [39].

Впрочем, и на границе с Лотарингией, и на берегах Рейна можно было наблюдать такое же плачевное шествие, такое же бегство потерявших голову людей. В тот час казалось, что нет больше прибежища под солнцем для тех, кто отверг Революцию; то было подлинное светопреставление. И Конвент мог считать себя непобедимым, разя врага одновременно огнем своих пушек и громом своих речей. Свободолюбивые речи его председателей разносились далеко, сливаясь с грохотом пушек. Конвент хорошо сознавал эту свою многогранную и монолитную силу. Тридцать шесть лет спустя, когда Бодо, одинокий, поверженный, изгнанный и забытый, писал свои бессмертные «Записки» [40], он с поразительной силой выразил эту полную мощи активность; все силы, пришедшие ему [Конвенту] на смену, казались ему несовершенными и слабыми по сравнению с ним.

«Среди членов Национального Конвента было много великолепных ораторов, он располагал огромной военной и гражданской силой, что давало ему решающий перевес над всеми правительствами Европы. Это была полная диктатура, но обладавшая совсем иной мощью, нежели диктатура деспотизма. Деспоты вынуждены прятаться в тени, пуская в ход силу военную или гражданскую; красноречие, трогающее сердце народа, не играет никакой роли в применяемых ими методах; если им надо сделать какое-нибудь заявление, то последнее выражено столь косноязычно, что народные массы в нем ничего не понимают; *можно ли тут говорить о*

том, чтобы пробудить в народе какую-либо страсть? Конвент же мог пробудить все страсти!

Меттерних будет разглагольствовать о славе древних германцев, Махмуд — о религии Магомета, о знамени пророка. Эти чувства, возможно, и благородны, но они застревают и сталкиваются в пути, не успев дойти до сердца.

А в нашем распоряжении была трибуна, то есть сила красноречия, подкрепленная силой штыков».

В момент, когда Верньо в проникновенных словах отвечал посланцам, прибывшим с вестями о победе под Жемаппом, когда его красноречие, подобно вспышке света, загорающейся от другой вспышки, воспламенялось победой, члены Конвента, несомненно, чувствовали, как в душе у них растет та великая гордость, которая, невзирая на все превратности и невзгоды, сохранилась в сердце Бодо.

ЗАВОЕВАНИЕ САВОЙИ

В Савойе армия Революции была встречена не так, как в Бельгии, где к приветствиям примешивались известная сдержанность и беспокойство, а от чистого сердца. 21 сентября генерал Монтескью, подозреваемый Конвентом по причине его политических связей с Лафайетом, устремился к центру Савойи, дабы очиститься от этих подозрений [41]. 25-го он уже был в Шамбери, где его встретили с восторженной радостью [42]: «Поход моей армии — это подлинный триумф. Жители деревень и городов выбегают нам навстречу, трехцветная кокарда водружена повсеместно; рукоплескания, ликующие крики сопутствуют нам на каждом шагу; депутация от Шамбери явилась ко мне позавчера в замок Марш; вчера утром я выехал оттуда в сопровождении 8 рот гренадеров, 100 всадников и четырех пушек и направился в этот город. Члены муниципалитета ожидали меня у ворот, в парадном одеянии, чтобы передать

---

38. Кампания Дюмурье все же вызывает некоторую критику: так ли хорошо была она проведена? Если бы Дюмурье после Вальми преследовал прусскую армию и если бы Кюстин занял Кобленц, французы атаковали бы тогда Бельгию со стороны Мааса и австрийская армия была бы окружена. Дюмурье заставил войска коалиции отступить, но отнюдь не уничтожил их. Можно было не сомневаться, что весной они вновь перейдут в наступление, по крайней мере если не будет заключен мир.
39. Письмо Ферзена барону Таубе из Ахена от 19 ноября 1792 г. («Le comte de Fersen et la cour de France», t. II, p. 393.)
40. О Бодо и его «Notes historiques» см. выше, с. 221 прим. 9.
41. О Монтескью см. выше, с. 195, прим. 7.
42. Это письмо Монтескью было оглашено в Конвенте 28 сентября 1792 г. («Moniteur», XIV, 69; «Archives parlementaires», LIII, 432; Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française, XIX, 189.)

мне ключи. Глава муниципалитета выразил мне чувства уважения и симпатии народа Савойи к французскому народу, а я от имени нашей благородной нации обещал защиту, мир и свободу народу Савойи. (*Бурные аплодисменты.*) Я направился в ратушу, принял дань уважения, которое граждане спешили выразить нации, и все мы были приглашены на подготовленный для нас большой праздник».

По мере того как распространялась Революция, Савойя все больше склонялась на сторону Франции. Ее эксплуатировал Пьемонт, обязавший ее содержать часть его войск, посылавший и навязывавший ей своих чиновников; он ревниво регламентировал развитие ее промышленности, руководствуясь своими узкими интересами. Господство знати было ненавистно жителям Савойи; ее привилегии, отказ подчиняться общим налоговым законам вызывали особенное возмущение в такой бедной стране. Владения церкви, владения орденов св. Маврикия и Мальтийского были огромны, а крестьян и буржуазию сильно стеснили. Присоединиться к Франции, на языке которой они говорили, означало для савойцев освобождение от эксплуатации, возможность дать своей промышленности, избавленной от всяких пут, полный простор для развития, обеспечить своему минеральному сырью сбыт на заводах в долинах Изера и Роны; это означало, наконец, спасение от гнета и эксплуатации дворян, от изнуряющего страну паразитизма священников и монахов [43]. Савойе казалось, что она за несколько дней, без усталости, без встрясок пробежит тот путь, которым республиканская Франция шла три года сквозь испытания и бури. Ей казалось, что, соединив свою свободу со свободой великой Франции, она защитит эту свободу от насильственного возвращения чужеземцев и деспотов. Савойя с большим достоинством и с большой мудростью подготовила свое воссоединение с Францией. Она хотела избежать всякой видимости принуждения. Она медлила с решением до тех пор, пока все французские солдаты не были выведены из Савойи и направлены к Женеве [44].

После этого во всех 655 общинах собрали народ; каждая община избрала по одному депутату, и эти 655 депутатов собрались в Шамбери, в приходской церкви, 22 октября, спустя месяц после провозглашения Французской Республики. Прежде всего, собрание констатировало, что общины почти единогласно уполномочили своих делегатов голосовать за воссоединение с Францией. Первым делом депутаты упраздняют королевскую власть под крики: «Долой герцогов Савойских! Долой самозваную королевскую династию Савойи!» Над креслом председателя водрузили распятие, увитое трехцветным знаменем и украшенное эмблемами земледельческого труда. Евангелие, очищенное от деспотизма, свобода, труд: под этим тройным лучезарным символом народ Савойи хочет

возродиться к совместной жизни с Францией. Собрание объявляет себя Национальным собранием, и своей суверенной властью оно с самого начала согласовывает институты Савойи с институтами Франции. Оно не хочет, чтобы Савойя предстала перед Францией порабощенной страной и выпрашивала у нее свободу; оно хочет слить со свободной Францией свободную Савойю, которая сама совершила у себя революцию. Оно сразу приходит к последним решениям, принятым Французской революцией [45].

Конечно, движением этим и самим Собранием руководила буржуазия, даже буржуазные легисты. Законодательный комитет, на который была возложена почти вся работа, был составлен *исключительно* из «правоведов», «нотариусов» и «поверенных». Однако савойское Собрание не начинает с ограничительного законодательства, аналогичного тому, которое осуществило Учредительное собрание во Франции. Ни закона о марке серебра, ни различия между активными и пассивными гражданами. Всеобщее и всенародное голосование — вот что положено в основу любого установления; савойское Собрание начинает прежде всего с широких демократических мер. Оно упраздняет феодальные права и десятины, национализирует имущества церкви всякого рода, отчуждает имущества эмигрантов, поместья дворян, а также «крупных землевладельцев», которые в начале августа ввиду опасного приближения Французской революции покинули страну [46]. Освободившись таким образом от всех пут прошлого, Савойя предлагала соединить свою свободу со свободой Франции. Собрание закончило свою работу принятием гордого и благородного обращения к Конвенту [47]:

«Законодатели! *Отнюдь не Собрание рабов, трепещущих при виде цепей, которые они только что сбросили, умоляет вас взять*

---

43. Отметим, однако, что Сардинская монархия отменила сеньориальные повинности, правда с выкупом. См.: M. Bruchet. L'abolition des droits seigneuriaux en Savoie. 1761—1793. Annecy, 1908.
44. О присоединении Савойи к Франции см.: Fr. Vermale et S. Blanchez. Documents pour l'histoire de la Révolution en Savoie. Procès-verbaux de l'Assemblée générale des Allobroges. Procès-verbaux de la Commission provisoire d'administration des Allobroges. Paris, 1908. См. также: Ch. Burdin. L'Annexion de 1792 et son centenaire. Réponse avec pièces et documents à quelques-uns qui osent prétendre que la Savoie ne s'est pas donnée librement à la France en 1792. Chambéry, 1890.
45. См.: «Moniteur», XIV, 358, 2 novembre 1792.
46. 25 октября 1792 г. «Савойское Национальное собрание издало декрет об упразднении монастырей, о конфискации церковных имуществ и об их продаже, как таковых, о секвестре имуществ эмигрантов и об их продаже...» («Moniteur», XIV, 365).
47. Это обращение было зачитано в Конвенте 21 ноября 1792 г. подполковником легиона аллоброгов [кельтское племя, жившее некогда в Савойе.— *Ред.*] Доппе от имени депутатов савойского народа. («Moniteur», XIV, 541.)

его под свое покровительство; это полновластный суверен, восхищенный вашей славой, просит вас пролить на него часть этой славы». Несмотря ни на что, есть в этой величавой речи некий оттенок заискивания. Для слабодушных людей любая выдающаяся сила, будь то сила вооруженной свободы, вскоре становится чем-то вроде кумира. Но какая мощь, какое благородное волнение и какое пламенное слияние свободы и славы!

КЮСТИН НА РЕЙНЕ [48]

На Рейне успехи были куда более поверхностными. Но был момент, когда быстрота этих успехов поражала воображение. После 21 сентября две причины ускорили продвижение войск. Прежде всего, было остановлено вторжение Пруссии и Австрии, и это отступление неприятеля позволило нашим войскам повсюду перехватить инициативу. Кроме того, собрался Конвент, и в нем чувствовалась такая сила воодушевления и воли, что она сообщилась и войскам. Командовал Рейнской армией Бирон, блестящий придворный в прошлом, искатель приключений, известный под именем Лозена [49]. Его приятный нрав и храбрость снискали ему любовь солдат Революции, но он был беспечен и мало склонен к пылкому энтузиазму. Возможно, он знал также, что под молчаливой неподвижностью великой Германии в ней скапливаются силы для сопротивления. Он переложил ответственность за наступление на своего заместителя, Кюстина. Это был старый офицер, дворянин, участник Семилетней войны. Им владело безумное желание выдвинуться, играть видную роль. Он бросился вперед и 30 сентября после ожесточенных уличных боев занял город Шпейер.

«Я безмерно счастлив тем, что в этот день восторжествовало дело свободы, но счастье мое еще больше возросло оттого, что мне удалось обуздать и смягчить ярость солдат. Какое счастье, что я могу сказать: в городе, занятом с боем, где стрельба шла на каждой улице, не произошло ни одного инцидента, за который нам пришлось бы потом краснеть» [50].

И все же на следующий день имели место несколько грабежей, которые Кюстин, правда, беспощадно пресек. С тех пор он не переставал направлять Конвенту победоносные реляции, в которых все было рассчитано на то, чтобы его достойно оценили. В его посланиях не было и следа тонкой гордости и сдержанности Дюмурье, а несколько тяжеловесное усердие, несколько излишне подчеркнутое выражение своих революционных чувств. Вормс не замедлил отворить свои ворота 4 октября. Наших солдат встречали приветствиями: «Да здравствует нация!» И тем не менее проницательный ум уже тогда мог предвидеть грядущие трудности. Несмотря на принимаемые генералами меры предосторожности,

солдаты нередко поддавались инстинкту жестокости и страсти к грабежам, что оправдывало резкие слова Робеспьера о том, как опасно нести народам Права Человека на кончике штыков. Кроме того, начали применять систему принудительных контрибуций. Кюстин, желая поберечь ресурсы Конвента, облагал занятые им города военным налогом; он это делал, по его словам, для того чтобы наказать их, вернее, их правителей за то, что они оказывали гостеприимство эмигрантам. И одни только правители, одни только члены муниципалитета должны были нести бремя этих налогов; но мог ли быть Кюстин уверен, что их тяжесть не переложена на плечи народа? С Вормса, например, армия взыскала «контрибуцию 1200 тыс. ливров в звонкой монете, из которых 600 тыс. были возложены на город в наказание за прием, оказанный эмигрантам, 400 тыс.— на епископа и 200 тыс.— на каноников». Кюстин обратился к жителям города с воззванием, чтобы разъяснить им свою политику [51]:

«Контрибуция, которую я был вынужден потребовать от вашего города, была наложена для того, чтобы расходы по войне пали на недругов нашей свободы, на тех, кто открыто высказал свое сочувствие эмигрантам, этим изменникам, которые предпочли призвать всех деспотов Европы обрушиться на нашу Конституцию, чем носить славное звание гражданина, единственное, какое сегодня хотят носить французы.

...Война, которую мы ведем в эти дни, резко отличающаяся от всех войн, какие велись до сих пор, направлена только против узурпаторов власти, но отнюдь не против народов.

Одни только члены вашего магистрата должны платить контрибуцию, наложенную на ваш город; таково намерение представителей французской нации. Если получится иначе, то эта несправедливость членов вашего магистрата еще больше усугубит преступле-

---

48. См.: A. C h u q u e t. Les guerres de la Révolution. VI: «L'expédition de Custine». Paris, 1891. Кюстин, граф де (1740—1793) — в 1789 г. бригадный генерал, депутат Генеральных штатов от дворянства бальяжа Мец; в сентябре 1792 г.— главнокомандующий Вогезской армии; 30 сентября захватил Шпейер, 21 октября — Майнц; с 30 октября — главнокомандующий Мозельской, Рейнской и Вогезской армий; в 1793 г.— главнокомандующий Северной армии; отстранен 22 июля, гильотинирован 28 августа 1793 г.
49. Бирон, герцог де Лозен (1747—1793) — бригадный генерал, депутат дворянства от сенешальства Керси, в 1792 г.— главнокомандующий Рейнской армии, в феврале — апреле 1793 г.— Итальянской армии, в мае — июле — командовал армией на побережье у Ла-Рошели; 11 июля 1793 г. отстранен, 11 нивоза II г. гильотинирован.
50. Письмо Кюстина к генералу Бирону из Шпейера, датированное 30 сентября 1792 г. и прочитанное в Конвенте 4 октября. («Moniteur», XIV, 122.)
51. «Moniteur», XIV, 196. Прокламация к гражданам Вормса от 8 октября 1792 г.

ния, в коих они повинны, а именно в помощи, оказанной нашим эмигрантам.

Война дворцам узурпаторов, мир хижинам и людям честным! — таков манифест французской нации!»

Это, я думаю, первое упоминание знаменитого лозунга: «Мир хижинам, война дворцам!» [52]

Из Вормса Кюстин решил двинуться на Майнц. Он понимал, что с его стороны довольно неосторожно углубляться все дальше и дальше со слабой армией, но ему хотелось удивить всех, нанося эффектные удары. Он писал в Конвент, чтобы заранее оправдать себя на случай возможного провала [53]:

«Возьму ли я Майнц, или мне это не удастся, поверьте, что вести себя я буду как должно, как подобает генералу-гражданину, все помыслы, все чувства которого отданы защите Республики и славе ее армий».

Он писал своему командующему Бирону: «Этот поход произведет впечатление не только на Вормс, но и на всю эту часть Германии; он предоставляет мне возможность распространять там наши декреты и постановления, которые подготовят революцию в тылу врага» [54].

В Конвенте все эти успехи уже вызвали некое опьянение, ибо я напомню, что письма Кюстина, оповещавшие о походе на Майнц, были зачитаны еще до того, как он вступил в этот город. Словно уже было дозволено пренебречь элементарными мерами предосторожности и разглашать намерения наших генералов и передвижение наших войск. Дерзкий удар Кюстина удался. После победоносного штурма Шпейера с его австрийским и майнцским гарнизоном сопротивление повсюду было сломлено. Кюстин весьма надменно разговаривал с комендантом Майнца, который сдал город без боя [55]. Чтобы перехватить переправу через Рейн, солдаты Кюстина проделали 18 лье за одни сутки; он сам обратился с речью к гренадерам и обрисовал им план действий, который он наметил, дабы занять город, в случае если он окажет сопротивление. Это был новый метод ведения войны, исполненный отваги и воодушевления. 21 октября наши солдаты овладели Майнцем; через два дня они уже были во Франкфурте-на-Майне.

«Гражданин председатель, войска Республики вступили во Франкфурт-на-Майне. (*Бурные аплодисменты.*) Я потребовал от этого города, оказавшего столь открытое покровительство эмигрантам и врагам Революции, уплаты контрибуции в 1500 тыс. флоринов. (*Аплодисменты.*) [56]

Магистрат Франкфурта выступил с протестом против этой контрибуции. Кюстин ответил им афишей, которую приказал повсюду расклеить [57]:

«Ознакомившись с содержанием документов, переданных мне от вашего имени вашими депутатами, я не усмотрел в них дока-

зательства вашей приверженности к Французской Республике и к Революции. Ваши неоднократные запреты проводить вербовку войск для эмигрантов и для князя Витгенштейна в г. Франкфурте противоречат тому факту, что набор этот имел место. Когда бы ваши запреты были искренними, когда бы вы приняли серьезные меры, чтобы сделать их эффективными, вам бы не пришлось их повторять... А эта газета, издаваемая на ваших глазах, которая не могла бы появиться без вашего одобрения, которая распространяла среди немцев лживые представления о принципах Французской революции? Я вас спрашиваю — это ли служит доказательством вашей приверженности к французской нации? Конечно, сегодня вы признаете свою ошибку. Я хочу верить, что, обратившись к принципам, чья справедливость, чья очевидность должны были броситься вам в глаза, вы примете революцию, которая возвращает нациям их права, которая уничтожает только власть узурпаторов, которая мстит только за предательство, которая заставляет участвовать в расходах на разорительную войну только тех, кто ее спровоцировал, или тех, кто, имея такую возможность, ее не предотвратил, тех, наконец, кто допускал искажение общественного мнения, кто хотел бы погасить свет вечных истин».

Несмотря на все, в подобном смешении революционных призывов с военными контрибуциями, освобождения с завоеванием содержится нечто двусмысленно тягостное и опасное. Помимо этого, кажется, что в тот момент была совершена важная тактическая ошибка. Чтобы иметь какой-то шанс добиться успеха революции в Германии, следовало спаять против светских и церковных феодалов, против дворянства и привилегий все силы страны, буржуазию и народ. Робеспьер был совершенно прав, утверждая, что без буржуазии народ еще слишком порабощен, слишком пассивен, чтобы поддержать революционное движение. Однако меры, принимаемые Кюстином, ущемляли германскую буржуазию, а как

---

52. Этот прославленный лозунг впервые встречается в газете банкира Проли «Le Cosmopolite» от 15 декабря 1791 г. [*Примечание А. Матьеза.*]
53. Письмо генерала Кюстина Национальному Конвенту, написанное в штаб-квартире в Вормсе 19 октября 1792 г. и оглашенное на заседании 24 октября. («Moniteur», XIV, 285.)
54. Письмо генерала Кюстина к генералу Бирону, написанное в штаб-квартире в Вормсе 18 октября 1792 г. и оглашенное в Конвенте 24 октября («Moniteur», XIV, 285.)
55. Письмо генерала Кюстина к коменданту Майнца от 19 октября 1792 г., оглашенное в Конвенте 26 октября. («Moniteur», XIV, 301.)
56. Письмо генерала Кюстина к председателю Конвента от 23 октября 1792 г., оглашенное на заседании Конвента 28 октября. («Moniteur», XIV, 322.)
57. Ответ генерала Кюстина на возражения магистрата г. Франкфурта, написанный в штаб-квартире в Майнце 24 октября 1792 г. и оглашенный в Конвенте 28 октября. («Moniteur», XIV, 323.)

раз буржуазные корпорации и правили в прирейнских городах. Их следовало привлечь на свою сторону, избавить их от опеки дворян, поднять их против деспотизма церкви; между тем именно на буржуазию сразу пало все бремя войны [58].

Рюль докладывал Конвенту, что Кюстин допустил в Вормсе большую оплошность. «Я получил,— заявил он 28 ноября,— письмо, написанное по-немецки, от бургомистров и сената Вормса. Эти должностные лица жаловались на крупную военную контрибуцию, наложенную на них Кюстином... Самая большая доля этой контрибуции была возложена на членов магистрата имперского города Вормса, *которые, как известно, всего лишь скромные портные и башмачники.* Так вот, граждане, если вы хотите, чтобы вам заплатили контрибуцию в 200 тыс. флоринов, *взимайте ее со священников и дворян этой страны, наших исконных врагов*» [59]

И в самом деле, всю тяжесть контрибуции следовало возложить на касту феодалов и священников. Но жестокая рука солдата-завоевателя, даже когда он считает, что разбивает оковы, подрывает интересы людей, которых следовало бы привлечь на свою сторону.

Во Франкфурте произошел тот же конфликт с буржуазией. В этих областях, закостеневших при старом порядке, Кюстину следовало перенестись мыслями в 1789 г., вернуться к истокам революционного движения; в 1789 г. банковская буржуазия и рантье боролись во Франции за революцию. В дальнейшем часть их отвернулась от Революции, но без их первоначальной поддержки Революция, даже во Франции, была бы невозможна. Кюстин же говорил языком конца 1792 г. с нацией, еще не доросшей даже до 1789 г. Он ополчился против местного банка, легкомысленно полагая, что сомнительной силы нескольких рабочих предместий будет достаточно, чтобы закрепить победу [60].

«Штаб-квартира, Франкфурт, 29 октября 1792 г. Гражданин председатель, я обязан доложить Национальному Конвенту о моих действиях в отношении г. Франкфурта; и этот отчет я сейчас представляю. Я был уверен, что огромные фонды, принадлежащие Австрии и Пруссии, депонированы во Франкфурте, в двух банкирских домах. Эти фонды достигали суммы 14 млн.; если они еще находились там, я обязан был завладеть ими... Я установил контрибуцию в 2 млн. флоринов, снизив затем эту сумму по ходатайству магистрата до одного миллиона.

Считая недостаточным такое снижение, которое не имело иной цели, как избавить от тягот контрибуции неимущие классы, поскольку я предоставил эту скидку только на этом непременном условии, члены магистрата обложили бедные слои населения.

Нам официально заявляют, что народ готов взбунтоваться; что необходимо идти на уступки, иначе польется кровь; что солдаты Республики принимают сторону магистрата. Я направляюсь во Франкфурт и выпускаю воззвание, копию которого здесь прилагаю. *Аристократия богатства, отнюдь не наименее ужасная, сражена*; весь народ восклицает: «Да здравствует Французская Республика! Мы желаем присоединиться к ней!» Все прикрепляют трехцветные кокарды, и я не теряю надежды, граждане, что смогу сообщить вам в ближайшем будущем, что национальная гвардия, составленная из граждан предместья Заксенхаузен, где живет простой народ Франкфурта, будет оборонять эти стены от врагов свободы и станет нашим союзником.

Я восстановил прежнюю сумму контрибуции — 2 млн. В моем распоряжении находится тяжелая артиллерия этого города».

В своем воззвании Кюстин заявлял [61]:

«Граждане, Конституция была принята нацией исключительно в целях облегчения участи бедняков и чтобы положить конец угнетению их людьми богатыми.

Я узнал, граждане, что банкиры, крупные негоцианты Франкфурта, объединившиеся с нашими врагами, дабы выкачать из Франции ее звонкую монету и пустить там в обращение фальшивые ассигнаты, хотят заставить жителей вашего города платить долю контрибуции, которую я желаю заставить платить только богачей. И я вам заявляю, что только богатые люди будут платить контрибуцию и что каждый человек, чье имущество не превышает 30 тыс. флоринов, будет от этого освобожден; что, если он уже уплатил, деньги будут ему возвращены; что эта контрибуция будет покрыта только богатыми людьми, пропорционально их состоянию.

Я пришел в Германию, чтобы предложить немецкому народу союз с Французской Республикой, чтобы дать понять угнетателям, что французы, став свободными, не имеют иного желания, иной цели, как защитить слабых и дать почувствовать человеку неспра-

---

58. Возникла еще и другая проблема: освободит ли Франция народы за свой счет, платя наличными, или она будет содержать свои войска за счет чужой страны посредством реквизиций и военных контрибуций? Генералы, не получая никаких инструкций, действовали по своему усмотрению. Если Ансельм в Ницце, Монтескью в Савойе, Дюмурье в Бельгии требовали от населения самого малого, то, напротив, Кюстин в Рейнской области все расходы возложил на население. До середины ноября Конвент так и не высказался по этому вопросу.
59. «Moniteur», XIV, 323; «Archives parlementaires», LIII, 673. Рюль (1737—1795) — пастор в Страсбурге, в 1789 г.— прокурор налогового ведомства, член директории департамента Нижний Рейн, депутат Законодательного собрания, затем Конвента.
60. Это письмо было оглашено в Конвенте 4 ноября 1792 г. («Moniteur», XIV, 384.)
61. Выдержка из прокламации генерала Кюстина, оглашенная в Конвенте 4 ноября 1792 г.

ведливому, утопающему роскоши, что люди, рождающиеся равными в правах, не должны терпеть ига богатых».

Конвент встретил эти слова аплодисментами.

Но зато они вооружили против Революции и против Франции феодальную аристократию и «аристократию богачей», дворянина и банкира, епископа и «крупного негоцианта», все силы старого порядка и богатую буржуазию. Этот блок, который как раз следовало расколоть, скоро обрушится на наши армии всей своей сокрушительной тяжестью. Но пока что из Германии в Национальный Конвент доходит только ослепительный блеск побед и потрясающих успехов Революции. Он восторгается этим повсюду триумфальным, повсюду победным шествием свободы — в Бельгии, в Германии, в Савойе.

АДРЕСА ИЗ АНГЛИИ

Из Англии, которая пока сохраняла нейтралитет, но от которой можно было в ближайшем будущем ожидать присоединения к коалиции, в революционную Францию стали поступать от народных обществ промышленных городов многочисленные адреса с выражением симпатии. 7 ноября Жансонне, секретарь, зачитал в Конвенте адрес «от более чем пяти тысяч английских граждан, входящих в *Конституционное общество* и *Общество реформ* в Манчестере, в *Общество революции* Норвича, а также в *Общество конституционных, независимых вигов и вигов — друзей народа*, объединенных общей целью, а именно добиться справедливого, равного и беспристрастного представительства в парламенте» [1].

Итак, те, кто хотел осуществить в Англии парламентскую реформу, расширить избирательное право, принадлежавшее до сих пор горстке привилегированных, обратили взоры к революционной Франции, словно ожидая, что ее пример и ее победа дадут им необходимый толчок. Томас Уокер, председатель, Сэмюэл Джексон, секретарь, подписали от имени *Конституционного общества* Манчестера; Дж. Булль, председатель, и Джон Стеси, секретарь,— от *Общества реформ*; Томас Гофф, председатель, и Джон Кусенс, секретарь,— от *Общества революции* Норвича; Джент Пуллек, председатель, и Джек Блай, секретарь, подписали от имени *Конституционных вигов*.

«Французы, в то время как чужеземные разбойники под ложным предлогом восстановления справедливости опустошают вашу

---

1. «Moniteur», XIV, 411; «Archives parlementaires», LIII, 274.

землю [адрес был составлен до разгрома войск коалиции], сея повсюду отчаяние и смерть; в то время как эти предатели, полные коварства, имеют наглость заявлять, что сочувствие и дружба являются единственным мотивом их вторжения, угнетенная часть человечества, забыв про собственные бедствия, переживает только ваши беды; с тревогой наблюдая происходящие события, она возносит к владыке вселенной самые пламенные моленья, дабы он был милостив к вашему делу, с которым так тесно связано ее дело.

Униженные инквизиторской системой порабощения, чьи незаметные, но упорные посягательства вскоре лишили нашу нацию почти всей ее столь восхваляемой свободы и почти довели ее до этого гнусного состояния рабства, из которого вы вышли с такой славой, 5 тыс. английских граждан, охваченных возмущением, нашли в себе мужество выступить, дабы очистить свою страну от позора, которым покрыло ее низкое поведение тех, кто облечен властью. Они полагают, что долг истинных британцев состоит в том, чтобы помогать и поддерживать всеми их средствами защитников Прав Человека, подготовляющих счастье всего человечества, и поклясться нации, уже приступившей к осуществлению намеченных вами планов, в нерушимой дружбе. Да будет эта дружба между нами с сегодняшнего дня священна и да падет самое страшное возмездие на голову человека, который станет причиной разрыва этой дружбы.

Французы, вам покажется, что нас очень мало по сравнению со всей нацией; но знайте, что число наших приверженцев растет непрерывно; и если грозная, постоянно занесенная рука властителей производит впечатление на людей малодушных, если обман, распространяемый поминутно с такой ловкостью, введет в заблуждение легковерных, если открытая дружба двора с французами, которые признаны предателями своего отечества, увлечет недальновидных или тщеславных, то мы можем с уверенностью сказать вам, свободные люди и друзья, что просвещение среди нас делает очень быстрые успехи, что любознательность охватила общественное мнение, что безраздельное господство невежества и деспотизма исчерпало свои силы и сегодня все люди спрашивают себя: «А что это такое — свобода? А каковы наши права?» Французы, вы — уже свободные люди, но британцы тоже собираются ими стать. (*Аплодисменты.*)

Освободившись наконец от жестоких предрассудков, с такой ловкостью вселяемых в наши сердца подлыми придворными, будто вы — наши естественные враги, мы видим в лице французов только своих сограждан по вселенной, только детей нашего общего отца, создавшего всех нас, чтобы мы любили друг друга, чтобы мы помогали друг другу, а не для ненависти, не для того, чтобы с готовностью душить друг друга по приказу слабых и тщеславных королей или продажных министров.

Стоит нам хорошенько поискать наших действительных врагов, и мы обнаружим их как раз среди сторонников аристократии, раздирающей нашу грудь; аристократии, которая до сего дня является язвой всех стран на земле; вы поступили мудро, изгнав ее из пределов Франции.

Как ни пламенно желаем мы вам всяческих успехов, как ни горячо наше стремление увидеть торжество свободы на земле, увидеть человека, повсеместно восстановившего свои права во всей их полноте, мы не можем в силу чувства долга и как граждане — сторонники порядка лететь к вам на помощь с оружием в руках.

Наше правительство взяло на себя от имени народа обязательство, что англичане останутся нейтральными. Разве могут британцы оставаться нейтральными в этой борьбе свободы с деспотизмом! Какой позор! (*Бурные аплодисменты.*)

Но мы вручили нашему королю власть по доброй воле; и мы должны ему подчиняться; руки наши связаны, но сердца свободны, и они с вами. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Пусть германские деспоты поступают, как им угодно, мы лишь порадуемся их крушению... Мы будем также без всякого сочувствия наблюдать, если курфюрст Ганноверский [он был одновременно королем Англии] присоединит свои войска к войскам предателей и разбойников.

Однако королю Англии не мешает вспомнить, что Англия — не Ганновер; если он способен забыть это, то мы уж никогда не забудем. (*Бурные аплодисменты.*)

В то время как вы, наши братья и друзья, пользуетесь завидной славой единственных защитников свободы, мы с восторгом предвосхищаем будущее, когда мы увидим бесчисленные преимущества и счастье, какие вы принесете людям, если преуспеете в своих намерениях, чего мы пламенно желаем; тройственный союз. но не королей (*аплодисменты*), а народов Америки, Франции и Великобритании принесет свободу Европе и мир всему миру. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Дорогие друзья, вы боретесь за счастье всего человечества. Существует ли для вас жертва, какой бы кровавой она ни была, которая бы не померкла перед великим и беспримерным счастьем иметь право сказать: «Вселенная свободна, тиранов и тирании нет больше на свете; мир царит на земле, и этим человечество обязано французам!»

Желание заручиться поддержкой различных обществ, распространенных по всей Англии, задержало отправку нашего адреса. Беспримерные в истории успехи сопутствуют вашим армиям, и мы вас с ними поздравляем; ваши успехи рассеяли наши тревоги, но никоим образом не повлияли на наши чувства. Запомните, французы, что, хотя свидетельство нашей дружбы дошло до вас только теперь, на нем должна стоять дата 27 сентября 1792 г. (*Бурные аплодисменты.*)»

(Подписали: Морис Маргарот, председатель; Томас Харди, секретарь [2].)

Этот адрес поистине прекрасен. Он глубоко английский по своему религиозному оттенку, который в нем ощущается и в котором сказывается влияние диссидентов, *евангелической* партии, страстно стремящейся одновременно к обновлению христианства и к политической свободе. Этот английский характер адреса проявляется также в лояльности, которую они сохраняют даже в революционном демарше. Они объявляют войну не монархии, а аристократии. Они просто предупреждают короля, что не позволят втянуть себя в несправедливые военные действия против Франции.

В словах этих людей есть серьезность и умеренность, но ни тени шарлатанства. Они прекрасно знают, что пока еще составляют ничтожное меньшинство, и они об этом открыто говорят; но они верят в растущую силу своего движения. Они не могут обещать Франции вооруженную помощь даже самых преданных ей англичан. Но они приложат все силы, чтобы по крайней мере заставить своего короля и его министров соблюдать до конца нейтралитет. Отныне, когда эти умы, столь сдержанные, кстати, и столь решительные, дали возгореться своему пылкому энтузиазму, когда они утвердились в своей вере во всеобщую свободу и всеобщий мир, когда без всяких оговорок, без малейшей национальной нависти они воздают Франции честь за эти возвышенные надежды, зевозможно не испытать волнения и восхищения перед величием движения человечества, разбуженного Революцией.

Да, пока это еще хилый росток; да, эта пробудившаяся демократия будет раздавлена в Англии всеми консервативными силами. Но отнюдь не напрасно сознание части англичан заразилось страстью к свободе и равенству, которую излучала в те дни Франция. И отнюдь не напрасно эти два народа мечтали в тот момент о всеобщем мире, который воцарится при всеобщей демократии. Именно пролетариат, именно социальная демократия соберет и согреет эти ростки.

Конвент распорядился перевести адрес на французский язык и разослать его по департаментам и в армии. Его председатель Эро де Сешель составил вдумчивый и осторожный ответ [3]. «Париж, 10 ноября 1792 г., I год Республики. Англичане и граждане мира! Национальный Конвент с глубоким чувством выслушал сердечные и великодушные пожелания английских граждан, которые всем сердцем с ним в его трудах; мысль 5 тыс. британцев, глубоко преданных делу человечества, без сомнения, разделяют в душе все свободные люди Англии.

Пусть они не укоряют себя в том, что пока соблюдают нейтралитет, как бы со стороны наблюдая величественную картину свободы, сражающейся с деспотизмом. Их уважение к Конституции, о которой они умеют судить, сохраняя молчание,— это уже не прежнее суеверие, обеспечивавшее правительству безнаказан-

ность всех его преступлений; это, скорее, следствие политической зрелости; умея сдерживать свои силы, народ как бы предписывает своему правительству тот же нейтралитет, предупреждая его, что оно должно соблюдать справедливость или по меньшей мере ту же осторожность, какую соблюдает нация.

Поверьте, благородные англичане, что, поддерживая нейтралитет Англии, вы тем не менее содействуете вместе с нами делу всеобщей свободы. Позвольте нам сделать еще несколько шагов по этому пути, на котором вы были нашими предтечами, и будем заранее радоваться, объединенные общей надеждой, тому времени, без сомнения не очень отдаленному, когда интересы Европы и всего человечества призовут наши две нации протянуть друг другу братскую руку».

То была искусная речь, которая не могла послужить английским правителям предлогом для разрыва. Но адресов поступало все больше. 10 ноября в Конвенте был зачитан адрес от «*Друзей народа Великобритании* из г. Ньюингтона» [4]. Эти люди тоже были озабочены главным образом тем, чтобы добиться реформы системы выборов в парламент, покончить с олигархической системой и обеспечить законное представительство всего народа, особенно промышленной буржуазии, приносимой в жертву крупным землевладельцам: «Французы и граждане мира, объединившиеся *с целью добиться справедливого и равного представительства народа* и полного искоренения многочисленных злоупотреблений, имеющих место в управлении этой страной, мы с такой же горестью, как и тревогой, наблюдаем за откровенными и скрытыми усилиями, которые не перестают предпринимать, чтобы нарушить мир и задушить вновь обретенную свободу французской нации.

И все же мы вас сердечно поздравляем с полным поражением и изгнанием армии коалиции, этих подлых деспотов, этих нечестивых мятежников, которые принесли отчаяние в ваши селения, опустошение в ваши города, которые безжалостно истребляли их ни в чем не повинных обитателей. Правота вашего дела неизбежно должна была увенчаться победой, ваша мудрость, ваша храбрость обеспечили этот успех... Вы явили доказательство вашей высокой мудрости, объявив, что судебная и исполнительная власть должны нести обоюдную ответственность перед великим Советом нации. Отныне правосудие во Франции будет осуществляться без особых затрат, *торговля, поощряемая вашими благотворными законами, получит нужную поддержку, и промышленная собственность будет повсюду охраняться.*

---

2. Маргарот и Харди впоследствии были обвинены в намерении создать в Англии народный Конвент. Харди был оправдан, Маргарот приговорен к высылке.
3. Этот ответ был зачитан в Конвенте Эро де Сешелем на заседании 10 ноября 1792 г. («Moniteur», XIV, 446.)
4. «Moniteur», XIV, 446; «Archives parlementaires», LIII, 341.

Прославленные сенаторы, просвещенные законодатели, дорогие друзья, мы можем сообщить вам сегодня с истинным удовлетворением, что кощунственная вражда, столь долго и столь злобно поддерживавшаяся с помощью ухищрений и интриг двора в сердце благородного народа против французской нации, сохранилась теперь только в душе людей развращенных, извлекающих выгоду из злоупотреблений; что мы заранее с восторгом приветствуем счастливый миг, когда обе наши нации будут соединены нерасторжимыми узами, что явится предвестием мира и всеобщего согласия.

С самым живым и глубоким сочувствием мы следим за успехами ваших армий *в осуществлении вашего благородного замысла — вырвать из когтей рабства и деспотизма славные народы, соседствующие с вашей страной.* Как свят ваш гуманизм, заставляющий вас разбить их оковы!»

(Подписали: Джон Фредерик Шифер, председатель, и Франсуа Пикок, секретарь.)

Все охвачены единым чувством: если бы освобожденная, победоносная Франция могла объединиться с Англией, обогащенной уже в силу самого примера Франции дополнительным ощущением свободы, то эти два великих народа обеспечили бы освобождение всего мира. Они уже не побоялись бы вести пропагандистскую войну. Итак, все способствовало тому, чтобы подогревать в Конвенте зарождавшееся лихорадочное возбуждение умов и экзальтированные надежды. «С самого начала Революции, — воскликнул Грегуар,— три Собрания получали от англичан и почти исключительно от англичан письма и адреса, продиктованные духом братства, любовью к людям и ненавистью к тиранам; это является предзнаменованием того, что близка пора, когда два народа, английский и французский, будут соединены нерасторжимыми узами... Да пронесутся клики дружбы от берегов Сены до берегов Темзы!» [5] И на этот раз Конвент опять приказал перевести адрес и разослать его по департаментам и армиям.

В четверг 22 ноября Конвенту сообщили, что поступил адрес от граждан Шеффилда; этот адрес имел огромное значение [6]. Он и в самом деле был направлен из крупного индустриального города, где владельцы фабрик и рабочие объединились, дабы потребовать расширения прав народа и более надежных гарантий свободы. Они прежде всего излагают, проявив весьма ясное и верное понимание всех событий Революции, свои тревоги, мучившие их с самого начала Революции, а также выражают свою радость в связи с ее победами над врагами как внутри страны, так и за ее пределами, а также по поводу того, что она умело избегает ловушек, ловко расставляемых предателями и *мнимыми друзьями.* Они клеймят фанфарона герцога Брауншвейгского и его преступное вторжение. Они утверждают, что продажным пасквилянтам, «тем, кто готов продать свою свободу и свободу всего человечества той власти, которая им больше заплатит», не удалось полностью

отравить общественное мнение Англии и что особенно поражение захватчиков, чей молниеносный успех предвещали эти продажные лжецы, полностью дискредитировало их в глазах английского общественного мнения. В адресе в завуалированных выражениях говорится, что, возможно, они сами однажды вступят на путь решительной борьбы за свободу. А покуда они обещают поддерживать нейтралитет Англии и, если, к несчастью, нейтралитет этот будет нарушен, оказать мощное сопротивление.

«Если бы мы *уже теперь* были вовлечены в ту же борьбу, а не только, *возможно*, собирались ее начать, мы не могли бы более пылко и более искренне желать вам счастья.

Вы уже получили заверение нашего двора в том, что он будет соблюдать строжайший нейтралитет все время, пока будет длиться война, к которой вас столь несправедливо принудили. Мы льстим себя надеждой, что вы можете полностью рассчитывать на эти заверения, коль скоро мы не видим, под каким предлогом и по каким мотивам он может или мог бы вступить в столь ненавистную лигу и вмешаться в дела внутреннего управления независимой нации. *Однако вы получили, и совсем недавно, неоднократные и весьма веские доказательства нарушения клятвы королями, двуличия и интриг окружающих их фаворитов, чтобы слишком доверять их обещаниям или чересчур удивляться, если они их нарушат...*

Слово, данное нашими правителями,— это слово нации, и мы надеемся, мы твердо убеждены, что они не посмеют играть им. И все же, поскольку мы не можем отвечать за события, которые от нас не зависят, *наше общество, состоящее из нескольких тысяч негоциантов, ремесленников, фабрикантов и рабочих всех специальностей, которые считают, что они составляют наиболее полезную часть общества и образуют вместе с людьми того же класса всю силу и мощь государства*, просит вас верить, что, если это столь торжественно данное слово будет вероломно нарушено, мы будем рассматривать этот акт как объявление войны нашим свободам и употребим все свое влияние и все легальные средства, имеющиеся в нашем распоряжении, дабы остановить занесенную над вами руку, дабы обезвредить зло, которое замышляется, с тем же усердием, с тем же пылом, как если бы оно было направлено против нас самих».

Благородное, но бессильное обещание. Все эти великодушные пожелания будут либо парализованы, либо раздавлены безжалостной реакцией. Однако это новая Англия заявляет о себе; это в неко-

---

5. «Moniteur», XIV, 446, заседание 10 ноября 1792 г.; «Archives parlementaires», LIII, 341.
6. «Archives parlementaires», LIII, 541. О нем не упоминается в «Moniteur», где, напротив, приводится обращение лондонского Общества друзей революции 1688 г. (XIV, 543.)

тором роде промышленная демократия, которая не хочет больше терпеть законов олигархии. То была отнюдь не бесплодная сила. Успехи Революции, с радостью встречаемые на складах, в мастерских, заводах, подогревали воодушевление, веру в эту новую силу. И неотступно перед нами встает вопрос о том, что сталось бы с этим движением в Англии, со всем ходом мировой истории, когда бы успехи Революции длились дольше, когда бы в Конвенте царило единодушие, когда бы благодаря этому единению он мог более действенно контролировать события и управлять ими; когда бы благодаря единству действий он привел в уныние злонамеренные силы, только и подстерегавшие его ошибки.

В великих кризисах жизни вселенной влияние оказывают не только экономические факторы; силы моральные — единодушие, бескорыстие, мудрость — подчас имеют решающее значение. Если бы Конвент мог подавить чувства зависти и ненависти в своих рядах, заставить умолкнуть мятежные страсти, обуздать тщеславие и честолюбие, он бы, возможно, на целое столетие ускорил демократическую эволюцию Англии, ограничил бы воинственные усилия Франции, к которым ее побуждали обстоятельства, и таким образом спас бы свободу Европы.

Из ирландского города Белфаста тоже был прислан взволнованный адрес [7]. Постепенно, по мере того как крепло могущество армий свободы, тон посланий становится все более решительным; и, судя по смелым демаршам английских обществ, они как бы готовились перейти к активным действиям. Все они сходятся на том, что робкие движения в защиту реформ в Англии, предшествовавшие Французской революции, теперь окрепли и расширились благодаря успехам последней. Все они начинают надеяться, что в скором будущем большинство нации присоединится к ним. Делегаты от патриотического *Общества борьбы за конституционные реформы* лично явились в Конвент 28 ноября; они выступили здесь со смелой, даже неосторожной речью, которая вызвала в Англии взрыв негодования и усиление консервативных чувств [8].

«До начала вашей Революции наше общество долгое время занималось этим важным делом, питая, однако, слабые надежды на успех. Судите же после этого о его восторженной признательности, когда благодаря достойным изумления усилиям французской нации оно увидело, как царство разума ширится и укрепляется, как обещает оно людям добродетельным, обеспечивая счастье им подобным, что труд их не пропадет втуне.

Множество обществ подобного рода организуется в настоящее время во всех уголках Англии. (Аплодисменты.) Они воздействуют на умы общества, побуждая их осуждать злоупотребления правительства... После примера, который дала Франция, революции не будут теперь трудным делом; разум делает быстрые успехи, и не будет ничего необычного в том, что через некоторое время, гораздо более короткое, нежели мы смели на то надеяться, с кон-

тинента начнут поступать поздравительные адреса *Национальному Конвенту Англии*».

Не половинчатой революции, а Революции полной, Республике отдают свои симпатии английские общества. Письмо от *Лондонского конституционного общества*, зачитанное в тот же день, 28 ноября, начинается следующими словами: «Уполномоченные суверенного народа, благодетели рода человеческого! Мы счастливы, что *Французская революция достигла той степени совершенства, которая позволяет нам так величать вас... Последовательные периоды вашего политического возрождения, все они приближали в чем-то торжество свободы. И славная победа 10 августа расчистила вам наконец путь к Конституции*, которая, как мы ожидаем от ваших просвещенных умов, будет основана на законах природы и разума».

И в образах, несколько помпезных, но имеющих точный смысл, они характеризуют совершенно новую силу Французской революции: «Искры свободы, сохранявшиеся в течение нескольких веков в Англии, подобно лучам северного сияния, лишь сильнее подчеркивали окутывавший всю остальную Европу мрак. Свет более яркий, словно видение настоящей зари, дошел до нас из американских республик, но их отдаленность мешала ему осветить наше полушарие; потребовалось, чтобы, излучая весь блеск и жар солнца, когда оно находится в зените, Французская революция принесла неожиданно в самом центре Европы практические плоды посеянных философией принципов».

Демократическая республика Франции и в самом деле не была бледным сиянием, она не была также яркой, но далекой зарей; нет, то был ослепительный блеск свободы, в самом своем накале изливающий свои лучи прямо на Европу.

В заключение делегаты лондонского общества сообщили под восторженные крики, что они послали «тысячу пар башмаков как патриотический дар солдатам свободы».

Поистине кажется, что Революция выходит за пределы национальных границ; но кажется также, что Конвент теряет чувство равновесия, что он не в состоянии сохранить ни хладнокровия, ни чувства меры. Он рискует быть втянутым в изнурительную и неравную борьбу с консервативными силами всего мира. За время

---

7. Декларация, принятая собранием волонтеров и жителей города Белфаста в Ирландии, состоявшимся 6 ноября 1792 г., и оглашенная в Конвенте 29 ноября. («Moniteur», XIV, 614; «Archives parlementaires», LIII, 672.)
8. «Moniteur», XIV, 529; «Archives parlementaires», LIII, 635. Точнее, было две депутации: первая, «состоявшая из большого числа англичан», без других указаний, в действительности — англичан, живших в Париже; вторая — депутация Лондонского конституционного общества, глава которой передал Конвенту поздравительный адрес. Жорес сначала приводит речь этого оратора, затем адрес общества.

своего двухнедельного председательства Грегуар сделал немало неосторожных заявлений. Он, по-видимому, забыл, что первоочередная задача состоит в том, чтобы сохранить нейтралитет Англии, не возбуждать ее страхов, не задевать ее гордости. Он отвечает английским делегатам:

«Тени Пима, Хемпдена, Сиднея витают над вашими головами; и, без сомнения, близится минута, когда французы придут приветствовать Национальный Конвент Великобритании» [9]. Слова будоражащие и легкомысленные, вызвавшие в английском парламенте грозное эхо. Спустя несколько дней в письменном, обдуманном ответе, направленном обществам Шеффилда и Белфаста, он обращается к английским друзьям Революции: «Ах, если случится так, что будут покушаться на вашу свободу, только скажите нам! И наши победоносные полки с берегов Шельды, Рейна, Вара, Изера преодолеют Па-де-Кале, чтобы прийти вам на помощь» [10]. Объявлять о намерении высадить войска Революции на берега Англии — какая это ошибка и какое непонимание английского характера! Крепкое вино победы уже начало туманить головы глашатаев свободы!

ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ДЕКРЕТ ОТ 19 НОЯБРЯ 1792 г.

19 ноября почти без прений Конвент принимает декрет, который мог бы ввергнуть его в опаснейшую войну против консервативных сил всего мира; все партии, Бриссо, Ларевельер-Лепо, Рюль, Сержан содействовали принятию этого декрета [11]: «Национальный Конвент заявляет от имени французской нации, что он предлагает братство и помощь всем народам, которые захотят вернуть себе свободу, и поручает исполнительной власти дать генералам соответствующие распоряжения относительно оказания помощи этим народам и защиты граждан, которые пострадали или могут пострадать за дело свободы.

Национальный Конвент постановляет, что исполнительная власть должна приказать генералам Французской Республики напечатать данный декрет на разных языках и обнародовать его во всех странах, по которым они будут проходить с армиями Республики».

Бриссо в своей газете подверг критике «расплывчатость декрета, который казался бы смешным, если бы самый дух декрета не ограничивал его». Однако он не осмелился выступить против декрета в Конвенте; он только потребовал передачи его в Комитет для редакции.

За этим декретом уже вырисовывались войны, которые ничем невозможно оправдать, и военный деспотизм. Как вести эту всемирную войну за свободу, не предоставив генералам полной

свободы действий? Чем ее оплачивать, если не облагать данью те самые народы, которые якобы пришли освобождать и, следовательно, насаждать не независимость, а ненависть? Уже Кондорсе, комментируя 20 ноября декрет от 19-го, писал [12]:

«Объявляя себя союзницей и опорой всех угнетенных народов, растрачивая ради них свои богатства и проливая за них кровь своих граждан, Франция, *несомненно, предъявит кое-какие требования к этим народам, после того как она обеспечит им независимость, избавив их от угнетения; будет справедливо вознаградить себя за счет имущества угнетателей, то есть использовать на покрытие военных расходов богатства, которыми народы могли бы располагать сами, когда бы они совершили свою революцию за собственный страх и риск*».

Теория весьма растяжимая, которая может завести очень далеко. Понадобилось такое головокружение от побед, как во времена Людовика XIV, и, если можно так выразиться, первая, чисто королевская гордость свободой, чтобы Конвент почти единодушно, пусть лишь на какой-то момент, согласился с таким декретом.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ САВОЙИ

В двух благородных и грандиозных заседаниях, 21 и 27 ноября, где был решен по ходатайству Савойи вопрос о воссоединении ее с Францией и где это вступление свободных людей в великую семью свободного народа столь глубоко взволновало сердца, была некая смущающая меня гордыня, тревожащая широта надежд и угрозы. И опять пророчествует Грегуар [13]:

---

9. «Moniteur», XIV, 594; «Archives parlementaires», LIII, 636. Пим, Джон (1584—1643), Хемпден, Джон (1594—1643), Сидней, Олджернон (1622—1682) — выдающиеся деятели Английской революции 1640 г.
10. «Archives parlementaires», LIII, 674, заседание Конвента 30 ноября 1792 г.
11. «Moniteur», XIV, 517; «Archives parlementaires», LIII, 474. Ларевельер-Лепо (1753—1824) — буржуа из Анжера, адвокат при Парижском парламенте, депутат Генеральных штатов от третьего сословия Анжерского сенешальства, член администрации департамента Мен и Луара, депутат Конвента, член Исполнительной Директории в IV г., подал в отставку в VII г.
12. В «Chronique de Paris».
13. «Moniteur», XIV, 541, заседание 21 ноября 1792 г.; «Archives parlementaires», LIII, 508. Именно на этом заседании 21 ноября 1792 г. депутаты савойского народа познакомили Конвент с протоколом собрания депутатов общин Савойи от 22 октября 1792 г., выразивших желание «быть присоединенными к Французской Республике и составить ее неотделимую часть». Депутаты Конвента собирались вотировать возгласами одобрения, когда Барер потребовал отложить голосование до назначенного дня, что и было решено.

«Свобода подобна пушечному заряду: чем сильней на него давление, тем страшнее взрыв.

Этот взрыв произойдет в двух мирах, он опрокинет троны, которые сгинут, уступив место народовластию. И тогда наступит час, когда тупая гордость тиранов будет посрамлена, когда работорговцы и короли станут внушать одинаковый ужас очистившейся Европе... И наконец, вскоре мы увидим, как раны народов зарубцуются, как *возродится*, *так сказать*, *род человеческий* и судьба великой семьи народов станет прекрасной.

Почтенные островитяне были нашими наставниками в социальной науке; став нашими учениками и идя по нашим стопам, гордые англичане вызовут новое потрясение, которое отзовется в самых глубинах Азии.

Уже на укреплениях Малина, Остенде, Майнца, Ниццы и Шамбери развеваются трехцветные знамена... и с этой минуты, савойцы, вы тоже вошли в великую семью народов.

Не бойтесь угроз европейских деспотов; эти усилия королей — всего лишь предсмертное завещание монархий. Когда-то порабощенная Франция была прибежищем для свергнутых государей. Сегодня свободная Франция является опорой угнетенных народов».

Эта мечта о всеобщей битве за свободу смягчается надеждой на всеобщий и вечный мир: «Открывается новая эра; свобода, витающая над всей Европой, опустится на землю; *и в этой части земного шара не будет ни крепостей, ни границ, ни чуждых друг другу народов*».

Мне больно думать о том, сколь роковым образом события опровергли это. Увы! Насилие, даже если оно служит свободе, порождает и множит насилие. Великий урок для нас! Социалистический пролетариат избежит яростного разгула войн и тирании только в том случае, если каждый народ постепенно установит у себя справедливость в ходе мирного и самостоятельного развития и если он сумеет избежать губительного столкновения наций. Даже мудрый Эро де Сешель, председательствовавший на заседании 27-го, поддается обаянию несдержанных и блестящих речей; но какое в них величие!

«Нация, — сказал он савойцам,— уже приняла решение о физическом и моральном единении наших территорий; нам остается только повиноваться ей, и это будет не последний знак уважения, который Конвент будет иметь честь оказать установлениям нации. *В этом неизбежном и скором падении всех королей, которые будут погребены под обломками своих тронов, уцелеет единственный трон — трон Свободы, восседающей на Монблане, откуда эта властительница мира, призывая нации к возрождению, будет простирать над вселенной свою победоносную длань*» [14].

Эта победоносная длань Свободы внушает мне страх: будут ли то руки, протянутые для освобождения, или руки, протянутые

за добычей. Но с какой высоты Революция обозревает теперь мир! Это она восседает на незапятнанной снежной вершине Альп. Это ей девственная чистота ледников служит ореолом. Это она предстает людям в целомудренном и ослепительном свете. Это она озирает с высоты раздробленные и порабощенные народы и, возвышаясь над полускрытыми за тучами горизонтами Италии и Германии, «призывает нации к возрождению».

Перед Древним Римом никогда не возникало подобных видений, и его едва возвышающиеся над землей семь холмов ничтожны по сравнению с величием Альп, чьи вершины освещаются зарей всемирной Революции и Свободы.

ОПЬЯНЕНИЕ

В эти первые дни Конвента, столь блестящие и столь разнообразные, Революция неожиданно придала не только политическому языку, но и языку науки некую замечательную человечную широту. Наука, естественно, стала республиканской, ибо она устанавливала в мире не произвольные декреты, плоды частной воли и принуждения, а всеобщие законы, применимые ко всем телам, ко всем существам, ко всем силам; а Республика и есть не что иное, как олицетворение этой всеобщности закона, перенесенного из сферы природы в сферу свободы. Наука, кроме всего прочего, универсальна; ее утверждения и открытия, ее доказательства действительны для всех народов, для всех людей. Революция осознала эту связь науки со всеобщей свободой. Великому математику, Лагранжу, она доверила мандат заместителя депутата Конвента [15]. Великий ученый Фуркруа займет место Марата [16]. Высок духовный авторитет Кондорсе в Конвенте. В Собрание было избрано много людей образованных, одержимых страстью к науке, таких, как Лаканаль, Ромм, о котором Бодо сказал, что «ему была свойственна вся философия Кондорсе, но он обладал совсем иным характером». Были и другие, оставшиеся безвестными, как Боннье, «логика мышления» которого была поразительна; Гитон-Морво, «чьи суждения о Республике были здра-

---

14. «Moniteur», XIV, 591; «Archives parlementaires», LIII, 617.
15. Лагранж (1736—1813) — математик, в 1766 г.— президент Берлинской Академии наук, в 1787 г. возвратился во Францию, в 1792 г.— один из администраторов Монетного двора, заместитель депутата Конвента от департамента Сена и Уаза (отказался заседать в Конвенте вместо Керсена), профессор Политехнической школы с момента ее основания.
16. Фуркруа (1755—1809) — химик, член Академии наук; заместитель депутата от Парижского департамента, занял место Марата в Конвенте; государственный советник в VIII г., генеральный директор по народному образованию в IX г.

выми, широкими, ясными и опирались на глубокие знания» [17].

Революция поняла, что, ниспровергнув все силы прошлого, она должна создать новую силу, великую новаторскую и упорядочивающую силу науки. Еще Учредительное собрание поручило Академии наук разработать систему измерений времени, мер и веса, в основе которых лежала бы сама природа и они были пригодны для всеобщего применения. Но когда Академия наук в лице Борда и Лаланда явилась в Конвент в первые дни его работы с отчетом о том, как продвигаются ее исследования и труды, великие ученые разговаривали с великими революционерами языком емким и глубоко человечным [18].

«Академия,— сказал Борда,— явилась, чтобы отчитаться перед Национальным Конвентом в том, как продвигаются в данный момент ее изыскания по разработке системы мер и весов; она надеется, что в первые месяцы 1794 г. мы увидим завершение этой огромной работы; тогда останется только изготовить эталоны, которые будут разосланы различным нациям, а возможно, также научным обществам Европы, которые благодаря своей славе смогут наиболее успешно содействовать их широкому применению; Академия будет почитать себя счастливой, если ей удастся содействовать этому самой; она будет неизменно радоваться тому, что помогла распространению проекта, прославляющего нацию, полезного для общества в целом, который может стать, если его примут все народы, новым связующим звеном во всеобщем братстве».

Лаланд добавил, говоря о науке, как о прелюдии Революции, и о Революции, как о стимуле, раздвигающем горизонты науки:

«*Люди, которые, несмотря на пороки деспотического правления, все же служили разуму, которые возвышали и укрепляли его, когда его стремились подавить, не могут не проявить рвения в момент, когда под эгидой Французской Республики гений может по своему желанию выбирать предмет для своих размышлений, когда к его услугам все средства, чтобы стать полезным, когда, наконец, разум сделался единственной реальной силой, единственной, какой равные друг другу и свободные люди не считают зазорным подчиняться*».

Таким образом, в момент, когда повсеместно побеждающая Революция, казалось, открывала для свободы самые широкие просторы, она открывала их и для науки, а последняя благодаря единству своих усилий, своих методов, своих законов призвана была завершить великое единение человечества, опирающееся на право и на разум.

Мир искусства тоже предвидел в этом великом движении людей и идей новые источники могучего вдохновения. Еще при Учредительном собрании художники и скульпторы своим гением воздали дань уважения Революции. Но не без грусти находишь под этими адресами подписи таких художников, как Фрагонар, чья блестящая и легкомысленная жизнь при старом порядке, подойдя к концу,

казалось, унесла с собой и весь блеск его таланта. Как мог он столь внезапно обновить свою палитру и стать живописцем великих событий? Но вот к началу деятельности Конвента появляются и утверждают себя молодые силы и мужественные таланты. Вот Давид, нетерпеливо рвущийся открывать новые пути, предлагает в декабре распустить все академии живописи и скульптуры и установить, если можно так выразиться, непосредственное общение между молодыми гениями и гением Революции. Вот Ромм от имени Конвента, возражая против слишком поспешного всеразрушения, рисует перед художниками новые перспективы, указывает им новые источники силы и красоты [19].

«Литературе и философии,— говорит он страстно,— мы обязаны величественным характером, какой принимает наша Революция, и мы рады, что можем назвать среди людей, завоевывавших наши права, или же среди тех, кто помогал их нам узнать и вновь овладеть ими, членов этих ассоциаций [академий], доказавших, что они наделены душой сильной и независимой.

Однако нередко разум восстает при виде того, как люди, упивающиеся недостатками великих, алчущие скорее пустых отличий, нежели заслуженной славы, с постыдной жадностью добиваются исключительной привилегии калечить при помощи варварской

---

17. Лаканаль (1762—1845) — преподаватель философии в коллеже (collège des Frères de la Doctrine) в Мулене, в 1791 г.— епископальный викарий епископа Памье, депутат Конвента от департамента Арьеж.

Ромм (1750—1795) — врач и математик, депутат Законодательного собрания, затем Конвента от департамента Пюи-де-Дом; 28 прериаля III г. покончил с собой после неудачи народного восстания.

Боннье (1750—1799) — председатель счетной палаты в Монпелье, глава администрации дистрикта, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эро, глава дипломатической канцелярии Директории, полномочный представитель на Раштаттском конгрессе, при возвращении зарублен австрийскими гусарами. В Законодательном собрании и Конвенте роль Боннье была бледной; поэтому трудно понять суждение Бодо в его «Исторических записках», которому здесь следует Жорес, будто «Боннье обладал большей логикой мышления, чем все жирондисты, взятые вместе».

Гитон-Морво (1737—1816) — заместитель прокурора Дижонского парламента, подал в отставку в 1782 г. и предпринял издание «Dictionnaire de chimie»; генеральный прокурор-синдик департамента Кот-д'Ор, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента.

18. Депутация Академии наук представила на заседание Конвента 25 ноября 1792 г. («Moniteur», XIV, 567, 571; речь Лаланда) мемуар относительно того, «как достигнуть правильного установления мер веса и длины».

Борда (1733—1795) — член Академии наук, командир корабля, глава департамента морского министерства. Лаланд (1732—1807) — в 1760 г. преподаватель астрономии в Коллеж де Франс; с 1768 г. и до своей кончины был директором Обсерватории.

19. «Moniteur», XIV, 802, заседание 20 декабря 1792 г.; «Archives parlementaires», LIII, 578.

цензуры творения философов и гениев, проявивших мудрость и отвагу. Такие же люди продают свой талант, куря фимиам наглым и бесстыдным деспотам, восславляя пороки и глупость, за что им платят подарками, дипломами и пренебрежительным приемом, который низость воспринимает как благодеяние, а всякий мыслящий человек — как оскорбление.

Сегодня маски сброшены, надменные кумиры повержены. Гений, обретший самостоятельность взглядов, вдохнет жизнь в свои полотна и в мрамор только во славу свободы и равенства».

Вот с какими словами люди искусства обращались к Конвенту, прося у него помощи и сочувствия: «Искусство — это робкое крылатое дитя, нуждающееся в ласке, любая несправедливость может его вспугнуть и заставить улететь».

Но словно в этом «крылатом младенце» таилась будущая сила освобожденного народа, художники предлагают грандиозные планы. Они хотят построить для Конвента, для его заседаний величественный, прекрасный храм, куда «послы человечества» будут вступать, преисполненные величайшего благоговения. Как для искусства, так и для науки Революция открыла безграничные просторы. И эти благородные мысли, эти возвышенные мечты о науке, о красоте и всеобщей свободе, без сомнения, смягчали для Конвента уже несколько грубоватое сияние военных успехов. В победах армий Республики уже чудилась победа разума. Победа, искусство, наука, человечество — какая великолепная свита для нарождающейся Республики!

ЧАСТЬ
ТРЕТЬЯ

ТРУДНОСТИ И РАЗДОРЫ

Глава седьмая

*

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЗАГОВОРЫ И РЕЛИГИОЗНАЯ АГИТАЦИЯ

Несмотря на опьянение, вызванное первыми победами, оставалось достаточно теневых сторон, достаточно поводов для беспокойства. Прежде всего, в Вандее, в Бретани, на юго-востоке и на юге уже можно было ощутить тайные заговоры, зародыши контрреволюции.

На юге, где борьба религиозных группировок оставалась весьма острой, где католики и протестанты ненавидели друг друга и дрались друг с другом чуть ли не в каждой деревне, где роялисты могли вербовать сторонников среди религиозных фанатиков, патриоты постоянно чувствовали, что почва горит у них под ногами. Хотя они и захватили Жалесский лагерь, где в августе 1790 г. образовалось опасное сборище контрреволюционеров, задавшееся целью объединить эмигрантов, укрывавшихся в Турине, с роялистами Лиона, используя фанатические настроения населения департамента Ардеш, заговоры непрерывно возобновлялись [1]. В конце

1. О контрреволюционных заговорах в первые годы Революции см.: Em. Vingtrinier. La contre-révolution. Première période, 1789—1791. Paris, 1924—1925, 2 volumes; в частности, о Жалесском лагере — контрреволюционном сборище на юге Виварэ см.: v. I, p. 325; v. II, p. 335. Лагерь Жалес был важен не столько сам по себе, сколько ввиду тех замыслов, которые связывали с ним эмигрировавшие принцы. Граф д'Артуа обосновался в Турине. Лион был центром широкого роялистского заговора. Вначале был выработан «Лангедокский план», затем «Лионский план». В конце концов в декабре 1790 г. Лион был сразу очищен; граф д'Артуа весной 1791 г. покинул Турин и обосновался в Кобленце. В этой главе Жорес главным образом опирается на труд: Ch.-L. Chassin. Études documentaires sur la Révolution française. La préparation de la guerre de Vendée. 1789—1793. Paris, 1893—1895, 3 volumes; см.: t. II, p. 498, «Le camp de Jalès et la conspiration du Midi».

августа 1792 г. волонтер-полицейский Лалиган-Морийон [2] раскрыл довольно опасный заговор, имевший своих агентов в Апте, Форкалькье, Карпантра, Маноске, Мане, Горде, Систероне, Пертюи, Ла Туре, Дине, Руссийоне, Серезэне, Сен-Мартене, Ла-Бастид-де-Журдане, Белмоне, Вальреасе, Симиане, Баноне, Вьенсе, Лори. Морийон, притворившись пылким контрреволюционером, завоевал доверие одного из заговорщиков, который открыл ему имена главных конспираторов и план операции. Они имели полномочия от эмигрировавших принцев и готовились повторить, на сей раз с большей осторожностью, операцию, которую дю Сайан сорвал из-за своего нетерпения в Жалесском лагере [3]. Но и на этот раз заговор был разоблачен. Но совершенно очевидно, что в подполье еще продолжали существовать корни контрреволюции. Точно так же и в Вандее сопротивление декретам, направленным против неприсягнувших священников, усиливалось с каждым днем.

ЗАГОВОР В БРЕТАНИ

В Бретани тоже замышлялся широкий заговор под руководством дерзкого авантюриста Тюффена де Ла Руэри, который сделал центром своих операций департамент Иль-и-Вилен [4]. С июня 1792 г. по специальному заданию, полученному из Кобленца, он старался сколотить контрреволюционные силы бретонского запада. В его план входил поход на Париж в тот момент, когда иностранные армии пересекут границы. Он отнюдь не собирался ограничиться сопротивлением на месте, какое вскоре организовали Вандея и шуаны. Он хотел перейти в наступление и зажать столицу между двух огней: между огнем прусских интервентов и огнем бретонской контрреволюции. Но в этой дерзкой тактике его комитеты, особенно комитет Сен-Мало, отказались за ним последовать; и восстание 10 августа свершилось, прежде чем он успел начать действовать. Тогда он отказался от похода на Париж и решил ограничиться организацией очень широкого сопротивления, нечто вроде большой партизанской войны; приняв кличку Миле, скрывшись под чужой личиной, он шел от замка к замку, повсюду разжигая мятеж.

Многие дворяне, устремлявшиеся до 10 августа в Париж, чтобы вблизи наблюдать события, теперь бежали в свои замки, следуя совету принцев, а также желая избежать страшивших их расследований со стороны Парижской коммуны. Сердца их воспламенялись во время ночных бесед; и в мрачных поместьях, окруженных дубами, где так часто тяжелая скука угнетала душу, женщины и молодые девушки трепетали, взволнованные надеждой, тайной и опасностью.

«Какое удовольствие,— рассказывала мадемуазель Ланган, едва вышедшая из детского возраста в эти трагические дни,—

какое это удовольствие участвовать в таком романтическом приключении, быть посвященной в такую тайну! Я вспоминаю также, как я была горда, как я принимала излишние меры предосторожности, лишь бы придать себе важности. Г-на де Руэри поместили в большой комнате рядом с гостиной, дверь которой всегда была заперта; эта сторона дома была как бы отведена ему и казалась нежилой, ибо жалюзи там никогда не поднимались. Через два дня мы завтракали с г-ми Тюффеном (племянником маркиза) и Шафнером, которые, проведя два дня в Вилье, отправились к мадам де Бургон в Буа-Блен, где они укрылись, никогда больше уже не показываясь в Вилье. Каждую ночь бывали курьеры или главные руководители, у которых был свой способ назвать себя и которых вводили через парадное крыльцо... Можно понять, сколько очарования заключалось для меня в этой беспокойной и полной разнообразия жизни, с каким любопытством я спускалась к завтраку, уверенная, что опять увижу за столом новых людей».

Однако, несмотря на все предосторожности Ла Руэри, который, как говорится, находился под защитой густых лесов, революционная директория департамента Иль и Вилен заподозрила существование движения. Доктор Латуш-Шевтель помог ей раскрыть заговор [5]. Случай сделал его другом Ла Руэри, или, во всяком случае, он, как очень многие мелкие буржуа, вырос под сенью его феодальных поместий. Перед ним, вернее, с ним заговорщики говорили с полным доверием. Но Шевтель втайне был предан революционным идеям. Было ли это двуличием? Было ли это слабостью? Он не произнес ни единого слова, которое позволило бы всем этим дворянам, которых он посещал, догадаться о его убеждениях. Когда он стал обладателем страшной тайны Ла Руэри, он не в силах был хранить ее и помчался в Париж, чтобы раскрыть перед Дантоном план бретонских контрреволюционеров.

---

2. Лалиган-Морийон родился в 1759 г. в Отёне, жандарм в Люневиле, в 1791 г. был арестован в Отёне как фальшивомонетчик; осведомитель, агент Дантона в то же время, что и Шевтель (см. с. 197, прим. 13), в частности в деле Ла Руэри; был изобличен народным обществом Шароля, предан суду Революционного трибунала, приговорен к смертной казни и гильотинирован 19 мессидора II г. (7 июля 1794 г.).
3. Сайан, граф дю (1741—1792) — бывший паж Людовика XV, командир национальной гвардии Манда (департамент Лозер), один из организаторов Жалесского лагеря; убит в бою за замок Банн (департамент Ардеш) во время второй попытки восстания в Жалесе.
4. Ла Руэри, Тюффен, маркиз де (1756—1793) — бретонский дворянин; в декабре 1791 г. братья короля назначили его главнокомандующим роялистских сил в Бретани. О заговоре Ла Руэри см.: B. A. Pocquet du Haut Jussé. La Rouerie a-t-il été le père de la chouannerie? — «Annales historiques de la Révolution française», 1967, p. 445 (bibliographie).
5. О нем см. выше, с. 197, прим. 13. Обо всем этом деле см. также: A. Mathiez. Danton et la paix. Paris, 1919, p. 33.

Во Францию вторглись чужеземцы, а кое-кто из ее сынов готовился ее предать. Судьба и некое долгое безмолвное, притворное смирение поставили в конце концов Шевтеля перед мучительной дилеммой: предать своих друзей или предать отечество. Сделав первый шаг, он решил идти до конца; перед Ла Руэри он играл роль преданного друга; заговорщики направили его в Кобленц делегатом, и, прослеживая таким образом день за днем все нити заговора, он дождался, вместе с Лалиган-Морийоном, пока заговор окончательно созрел и главари были бесповоротно скомпрометированы, чтобы выдать их Революции.

Везде, где бы Ла Руэри ни проходил, он поднимал крестьян. От Лаваля до Сен-Бриё в те зимние месяцы 1792/93 г. он повсюду способствовал возникновению банд, которые преследовали улюлюканьем присягнувших священников, а иногда и нападали на них. Он привлек на свою сторону бывшего торговца корчемной [контрабандной] солью Коттеро, который жил когда-то контрабандой соли и оказался разоренным, когда Революция отменила габель, пошлину на соль [6]. Причудливы пути Революции, когда в своих решениях, самых законных, самых необходимых, самых популярных среди масс, она задевает и подрывает интересы многих других! Этот контрабандист, хорошо знавший все затерявшиеся в лесах или петляющие по ландам тропинки, поскольку он долгое время ходил по ним ночью, оказался для Ла Руэри незаменимым помощником. Это он стал называться Жаном Шуаном [7]. Благодаря ему исчезновение Ла Руэри не нанесло бретонскому восстанию смертельного удара. У него оставался другой руководитель. Ла Руэри погиб в январе.

Ночью, 12 января, когда он объезжал Динан, чтобы организовать и поднять там восстание, он постучался у дверей стоявшего в стороне скромного дворянского дома, где жил один из его горячих приверженцев г-н де Гийомарэ. Он прятался там несколько дней, удерживаемый болезнью одного из своих спутников. Да и самого его скрутил жестокий приступ горячки, которая, несомненно, явилась следствием этой жизни, с ее вечными волнениями и тяготами. Он умер на одной из соседних ферм, куда г-н де Гийомарэ вынужден был его перевезти, так как узнал, что в его доме собираются произвести обыск.

Вскоре Латуш-Шевтель и Морийон укажут революционным агентам дерево, под которым ночью похоронили Ла Руэри, кровать на ферме, где он умирал, дом, в котором ему было оказано гостеприимство [8]. И этот первый зародыш контрреволюции в Бретани был задушен. Однако уже в первые месяцы существования Конвента легко было предвидеть, что среди сил контрреволюции на западе, как и на юге, продолжается брожение и что, несомненно, близок час широких восстаний.

КЛЕРИКАЛЬНАЯ АГИТАЦИЯ

Эта опасность, пока еще таившаяся в зародыше и очень незаметная, имела маловажное значение по сравнению с религиозной агитацией, разгоравшейся с каждым днем. Перед тем как разойтись, Законодательное собрание придало силу закона мероприятиям, которые оно приняло против неприсягнувших священников в мае, еще при жирондистском правительстве, и действие которых король приостановил, отказавшись их санкционировать. Законом от 26 августа Собрание повторило свои майские декреты и сделало их более суровыми.

Всякий священник, отказывающийся принести гражданскую присягу, «должен в течение восьми дней покинуть пределы дистрикта и департамента, где он проживал, и в течение пятнадцати дней — пределы королевства!» [9]

По прошествии этого последнего срока он подвергался высылке в Гвиану. Муниципалитеты неодинаково ретиво выполняли этот закон. Одни следили за его неукоснительным выполнением; так, Шассен приводит длинный список священников, которые 9, 10 и 11 сентября были посажены в Сабль-д'Олонн на корабли, отправляющиеся в Испанию. 15, 16 и с 17 до 27 сентября эти отправки продолжались. То священники Вандеи уезжали в Бильбао или Сан-Себастьян [10].

В общей сложности с сентября по январь 220 неприсягнувших священников покинули берега Вандеи. Но другие, более смелые, более решительные, остались, скрываясь от муниципалитетов, либо же последние не знали об их существовании; и они-то и составили кадры будущего восстания. Духовенство и дворянство, кото-

---

6. Коттеро, Жан, по прозвищу Жан Шуан (1753—1794) — торговец корчемной солью, контрабандист, один из роялистских главарей в департаменте Майенн; убит 11 термидора II г. (29 июля 1794 г.).
7. От прозвища Шуан, то есть лесная сова (chat-huant), данного его деду (возможно, из-за его молчаливого характера).
8. Ch.-L. Chassin. Études documentaires..., t. III, 232.
9. «Archives parlementaires», XLIX, 9. О последствиях этого закона см.: Dr. J. Robinet. Le mouvement religieux à Paris sous la Révolution. Paris, 1896—1898, 2 volumes, t. II, p. 278. Присяга в верности Свободе и Равенству, или «малая присяга», или «вторая гражданская присяга», была введена декретом от 14 августа 1792 г.; она касалась всех граждан, получавших жалованье или пенсию от государства; 15 августа она была распространена на всех служащих. Новую интерпретацию этой проблемы см.: B. Plongeron. Conscience religieuse en Révolution. Regards sur l'historiographie religieuse de la Révolution française. Paris, 1969, p. 36. [См.: М. Домнич. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь. М., 1960.— *Ред.*]
10. К этим 220 священникам, севшим на корабли в Ле-Сабль-д'Олонн, следует прибавить 14 священников, выехавших на кораблях из Сен-Жиль-сюр-Ви.

рых долго разделяли распри, примирились в борьбе против Революции.

Но еще больше, нежели маневры неприсягнувших священников, тревожило Конвент в начале его деятельности то обстоятельство, что Революция не могла быть уверенной и в священниках присягнувших. И эти последние к тому времени начали волноваться. Они предчувствовали, что логика Революции приведет ее к полному упразднению официального культа. Они начали опасаться, как бы потрясение старинных обычаев в области церковной дисциплины и в порядке церемоний не распространилось на саму веру и как бы народ, не задерживаясь надолго на этой несколько двусмысленной комбинации гражданского устройства духовенства, не порвал окончательно связь с религией. В то же время они надеялись, что если они не замедлят начать действовать, сопротивляться, то вера, еще крепкая у большей части народа, болезненно реагирующего на все оскорбления религиозного чувства, позволит церкви заставить Революцию с собой считаться и ограничить ее (Революцию).

В течение нескольких месяцев, предшествовавших 10 августа, антиклерикальные мероприятия Парижской коммуны раздражали конституционное духовенство, но одновременно они дали ему ощущение своей силы, когда оно увидело, как неожиданно вспыхнули волнения среди населения предместий.

МАНЮЭЛЬ И ПРАЗДНИК ТЕЛА ГОСПОДНЯ В 1792 г.

В течение июня, когда Петион был мэром Парижа, а Манюэль — прокурором Коммуны, произошли некоторые народные волнения, связанные с праздником тела господня [11]. И начались долгие споры по этому поводу. Все-таки муниципалитет не запретил процессии. Он ограничился тем, что лишил ее всякого официального обязательного характера: он постановил, что никто не обязан вывешивать ковры по фасаду своего дома и украшать свои двери и что муниципальные власти не будут совсем участвовать в процессии.

Самой большой смелостью со стороны Манюэля было его заявление о том, что в один прекрасный день, без сомнения, любой культ будет замкнут в пределах своего храма. Д-р Робине во втором томе своего добросовестного труда «Религиозное движение в Париже во время Революции», чья узкая предвзятость, связанная с его преданностью идеям Конта, отнюдь не преуменьшает его солидности и исторической достоверности, опубликовал важнейшие документы, освещающие этот знаменательный эпизод [12].

Муниципальный корпус 1 июня постановляет:

«1. Что, не имея права, следуя букве Конституции, вводить какие-либо прямые или косвенные налоги, ибо такое право принадлежит исключительно Законодательному корпусу, муниципалитет не может обязывать граждан в какие-либо дни обтягивать или завешивать коврами снаружи стены своих домов, *ибо такой расход может быть только добровольным и не должен ни в коей мере стеснять свободу религиозных воззрений.*

2. Поскольку граждане-солдаты должны носить оружие лишь при осуществлении закона и охране общественной безопасности, национальную гвардию нельзя заставлять присутствовать на церемониях какого-либо религиозного культа.

3. Общественное благосостояние и интересы нации не дозволяют стеснять свободу торговли и ее активность; граждане имеют право в любое время использовать возможности своего производства *, которые им гарантируются при оплате надлежащих налогов и патентов.

Муниципальный корпус предписывает комиссарам полиции в секциях, а также командирам национальной гвардии следить за поддержанием общественного порядка в соответствии с положениями настоящего декрета».

По сути дела, это было запрещение процессий в Париже; ибо заявить, что силы общественного порядка должны обеспечивать повсюду, даже во время прохождения самой процессии, свободное передвижение граждан, идущих по своим делам или для своего удовольствия, значило практически сделать невозможным процессии.

В своей инструкции, разосланной комитетам всех 48 секций, Манюэль комментирует постановление Коммуны в выражениях, где свободомыслие утверждается открыто [13]:

«Когда во Франции существовала господствующая религия, поддерживаемая коалицией священников и деспотов, стремившихся увековечить злоупотребления, служившие к их выгоде, можно было применять эти насильственные меры, дабы заставить всех граждан исповедовать одинаковые религиозные принципы, какими бы ошибочными они им ни казались. Но теперь, когда

---

11. Манюэль (1753?—1793) — учитель и книготорговец в Париже, представитель в Коммуне объединенных дистриктов Валь-де-Грас и Сен-Жак, член администрации полиции (департамент полиции) Коммуны в начале революции, в 1792 г.— прокурор Парижской коммуны, депутат Конвента от Парижа; покинул свой пост 19 января 1793 г., был приговорен к смертной казни и гильотинирован 24 брюмера II г. О деле в связи с праздником тела господня в 1792 г. см.: B u c h e z et R o u x. XIV, 424.
12. См. выше прим. 9. Д-р Робине был позитивистом.
* Речь идет о том, что граждане не обязаны оставлять свои дела для участия в религиозных праздниках, как это было при старом порядке.— *Прим. ред.*
13. См.: D[r]. J. R o b i n e t. Le mouvement religieux à Paris, t. II, p. 204.

Конституция, это новое Евангелие французов, торжественно провозглашена, должностным лицам народа более не дозволено игнорировать священные принципы свободы...

Без сомнения, недалеко то время, когда ни одна религиозная секта, ограниченная пределами своего храма, не будет больше загромождать в определенные дни года уличными церемониями общественные улицы, которые принадлежат всем и которыми никто не вправе распоряжаться для своих личных целей.

Здравой философии, верно направляемому просвещению должны мы предоставить заботу о пропаганде знаний, расширении царства разума и подготовке искоренения всех предрассудков, под игом которых люди слишком долго сгибались.

Общественные должностные лица, назначенные народом, не могут, как члены магистрата, участвовать в каких бы то ни было религиозных церемониях какого бы то ни было культа, ибо в противном случае они должны будут присутствовать на всех. В свободной стране не может существовать иного господствующего культа, кроме культа закона».

Это уже довольно далекий отход от методов Учредительного собрания, которое в полном составе присутствовало на католических церемониях. Это так же далеко от первых, полухристианских, полуфилософских излияний, в которых в первые дни после введения гражданского устройства духовенства смешались несколько революционный евангелизм одних и несколько евангелическая революционность других. Ныне утверждается светский характер, рационализм современного государства.

Манюэль не ограничивается тем, что оспаривает у католической религии ее господствующую роль и ее официальную власть. Не угрожая ее важнейшей свободе — отправлению культа, он недвусмысленно определяет религию как предрассудок, который постепенно рассеется по мере торжества света разума. Газета Прюдома, Бриссо, Кондорсе горячо поддержали Манюэля. Но это вызвало сильное волнение в среде присягнувшего духовенства. Народ разделился. Часть его одобряла постановление Коммуны и циркуляр Манюэля.

Если бы начались всеобщие протесты в народных кварталах, Эбер, который всегда держал нос по ветру, не занял бы такую определенную позицию. Велика (и грубовата по обыкновению) была радость папаши Дюшена, которую он излил в номере своей газеты от 9 июня 1792 г.:

«Ах, черт возьми, как я доволен! Я читал и перечитывал это великолепное постановление, касающееся процессий и подписанное Петионом. Все там мудро и хорошо сказано. В какую ярость должны прийти эти чертовы святоши! Это заставит их еще больше поджать хвост. Раз навсегда сказано: царству попов пришел конец; с каждым днем мало-помалу разрушаются предрассудки и фана-

тизм; а это, черт возьми, было их самое страшное оружие. Их великая тайна заключается в том, что никакой тайны у них нет, но они хотят заставить нас верить, что она у них есть. Вспомните, как они, желая пустить нам пыль в глаза, устраивали пышные и многолюдные процессии, где выставляли напоказ самую бесстыдную роскошь. Они прекрасно знали, что нет у них другого средства удержаться, а главное, сохранить награбленные богатства.

Но жил на свете один парень с характером, и звался он Вольтером; он немало сделал, чтобы ниспровергнуть трон, который воздвигли эти лицемеры, воспользовавшись царившим в те времена невежеством и легковерием наших добрых предков. Этот великий человек, обращаясь то к шутке, то к разуму, первый подкопался под фундамент этого чудовищного здания; его принципы мало-помалу распространялись и подготовляли воцарение всеобщей свободы, которой мы уже почти достигли.

Меж тем я слышал, как некоторые старые ханжи и некоторые чертовы святоши кричали, возражая против мудрого постановления муниципалитета; они вопили: «Почему запрещают увешивать стены домов коврами? Ведь это делалось испокон веков!» Да-да, проклятое дурачье, именно потому, что так делали всегда, теперь надо прекратить это делать; кстати, постановление не запрещает вывешивать ковры; оно предоставляет каждому поступать, как ему хочется; но, черт возьми, теперь меня не могут заставить, если я протестант, кальвинист, иудей или магометанин, украшать снаружи стены моего дома, чтобы сделать более торжественным праздник культа, которого я отнюдь не придерживаюсь.

Действуй, храбрый Манюэль, действуй в том же духе, мы тебя поддержим; заставь факел разума осветить подземелье предрассудков и переверни всю душу у фанатиков... Еще словечко, Манюэль: почему ты терпишь, что так называемые конституционные священники все еще заставляют платить за похороны, крестины и свадьбы? Разве им, лодырям, не платят за то, что они делают все это? Почему нация расходует 140 млн. франков на содержание культа? Прошу тебя обратить на это какое-то внимание; остерегайся их: попы всегда останутся попами, все они стоят друг друга, и, если им протянуть один палец, они быстро захватят всю пятерню».

Именно «это предложение папаши Дюшена», сформулированное в июне, было, как мы видели, осуществлено в сентябре революционной Коммуной 10 августа. Но все же ясно, даже из статьи Эбера, что постановление о процессиях натолкнулось на сопротивление. И в самом деле, народ нападал на тех, кто хотел пройти и нарушить порядок процессии.

Робеспьер начал беспокоиться по поводу опасности, которую могла представлять для Революции слишком откровенная антихристианская кампания. Он полагал неосторожной в тот момент

политику, которая объединяла неприсягнувших и присягнувших священников.

«Я очень боюсь,—писал Камиль Демулен, бывший в тот период выразителем мысли Робеспьера,— не совершил ли якобинец Манюэль большую ошибку, принимая меры против процессии в праздник тела господня. Мой дорогой Манюэль, *короли уже созрели, но добрый боженька* — еще нет. Будь я членом муниципального комитета, я бы обрушился на эти меры с таким пылом, который можно было бы ожидать только от церковного старосты» [14].

Таким образом, к концу существования Законодательного собрания начали проявляться тревожные симптомы. Но именно Конвенту в первые же дни его работы пришлось задать себе вопрос, не окажется ли он втянутым в борьбу с народным религиозным движением, руководимым присягнувшими священниками? Три основные причины вызывали это волнение или служили для него поводом: суровые антиклерикальные или антикатолические меры Парижской коммуны; применение закона о гражданском устройстве духовенства, вотированного in extremis * 20 сентября Законодательным собранием [15], и наконец — угроза упразднения бюджета культов.

ПОЛУНОЧНАЯ МЕССА В 1792 г.

На своем заседании 23 декабря 1792 г. Парижская коммуна, ссылаясь на необходимость поддержания общественного порядка и на опасность всяких скоплений народа в ночное время, постановила, что рождественская месса, проводимая в полночь, не состоится [16].

Но народ не посчитался с этим запретом; в приходах народных кварталов месса была отслужена. Газета Прюдома, всегда носившая ярко выраженный антиклерикальный характер, так рассказывает об этих событиях [17]:

«Нет ничего дурного в том, что среди бела дня на наших общественных площадях заставляют плясать марионеток или плуты показывают свои фокусы; надо же как-то развлекать детишек и их нянек. Но собираться ночью где-то на темных чердаках, чтобы распевать гимны, жечь восковые свечи и курить ладан в честь внебрачного ребенка и супруги-прелюбодейки — это вещь скандальная, оскорбляющая добрые нравы, подозрительная в дни Революции, она должна привлечь пристальное внимание и заслуживает суровых мер со стороны исправительной полиции.

Вот уже в течение почти восемнадцати столетий этот скандал, отнюдь не изменивший своего характера оттого, что он стал религиозным, повторяется из года в год, с 24 на 25 декабря, и ни разу не был пресечен.

Ввиду этих обстоятельств Парижский муниципалитет счел своим долгом прибегнуть к закону, запрещающему ночные сборища, и опубликовал постановление, содержащее приказ закрыть церкви в рождественскую ночь. Нашлись умники, которые сочли эту предосторожность совершенно излишней. Кто мог бы подумать, что в 1792 г. в Париже еще будут служить полуночные мессы? Но друзья короля пользуются любым оружием. Они растекаются по секциям. Секция Арсенала отправляет в Коммуну с протестом против ее постановления депутацию, которая восклицает: *герои 10 августа желают идти к мессе.* Им ответили просто пожатием плеч; никто не знал, что у врат нескольких церквей возникли скопления людей, возглавляемые теми, кто обычно к мессе не ходит, личностями, которые увешаны брелоками и имеют много золота, всякими Руайу [18], вздыхающими по Варфоломеевской ночи для патриотов, как совершенно справедливо заметил прокурор Коммуны. Действительно, в этот момент в церкви прихода Сен-Жермен зазвонил колокол, который по приказу первой из наших Медичи послужил в подобный час сигналом к избиению протестантов — врагов двора, внушавших подозрение Карлу IX. Подняли женщин *и санкюлотов из предместья Сен-Марсо.* Угрожали артиллерийскому парку на площади Федератов. В церквах Сен-Жак, Ла Бушери и Л'Опиталь, Сент-Эсташ, Сен-Мери, Сен-Жерве с муниципальными служащими обошлись очень грубо, мессу служили в их присутствии, как бы издеваясь над ними и оскорбляя закон.

Секция Прав Человека явилась в Коммуну и обещала заставить уважать ее постановление.

Секция Лувра, напротив, потребовала отмены последнего... В церквах Сен-Лоран, Сен-Виктор, Сен-Медар, Сен-Марсель, в монастыре Англичанок мессу служили, бравируя, бросая вызов

---

14. «La Tribune des patriotes», № 3, цитируется д-ром Ж. Робине в вышеупомянутой работе (t. II, p. 220). Вышло всего четыре номера (весной 1792 г.) этой газеты Камиля Демулена, бывшей продолжением «Révolutions de France et de Brabant».
* В последний момент (*лат.*).— *Прим. ред.*
15. См. далее, с. 284.
16. Buchez et Roux. XXII, 339; J. Robinet. Le mouvement religieux à Paris, t. II, p. 224. О протестах, вызванных этим постановлением, см.: «Moniteur», XI, 847, 26 décembre. 24 декабря вечером «в некоторых церквах чувствовалось сильное брожение... Совет назначил комиссаров, чтобы они успокоили граждан. Комиссаров этих встретили неприязненно, многих даже грубо. В большинстве церквей образовались группы взволнованных богомолок и шумные группы богомольцев, которые отправились за священниками и заставили их служить мессу».
17. «Révolutions de Paris», № 181, 22—29 décembre 1792. Заголовок: «Полуночная месса в Париже».
18. Аббат Руайу (1743—1792) — профессор философии в коллеже Людовика Великого, в 1790 г. основал совместно с Монжуа газету «L'Ami du roi».

членам магистрата. Большинство священников, дабы избежать кары, делали вид, что подчиняются мягкому насилию со стороны своей паствы. Секция Гравилье, более разумная, велела закрыть все *поповские лавочки*, как выразился Шометт. Благодаря мудрым и умеренным мерам наших муниципальных служащих Париж справился с этими мелкими волнениями, которые могли бы превратиться в более серьезные, окажись во главе магистрата какой-нибудь г-н Байи.

Однако этого нельзя было оставить безнаказанным. Общественное спокойствие, благопристойность и закон были попраны. Нескольких главных правонарушителей арестовали; теперь очередь за трибуналами, которые должны без промедления выполнить свой долг. Очень важно, чтобы в один из ближайших дней на обозрение народа, на паперти перед церквами, где бушевали фанатики, выставили всех тех, кто недостойно злоупотребил его доверчивостью, выставили с надписью на груди, гласящей: «Священники-бунтовщики, возмутители общественного спокойствия, злонамеренные люди, осужденные на девять лет тюрьмы».

Совершенно очевидно, что в то время в религиозных воззрениях Революции царил хаос. С одной стороны, часть революционеров вместе с Парижской коммуной, с Эбером, с газетой Прюдома нападали не только на церковь, но и на христианство вообще. Манюэль разоблачает именно христианство как суеверие, как предрассудок. Именно с христианством борется Шометт. И когда газета Прюдома рассматривает как оскорбление добрых нравов то, что чествуют «внебрачного ребенка» и «супругу-прелюбодейку», то эта щепетильная семейная мораль восстает не только против полуночной мессы, но и против любого культа, в центре которого стоит Христос, и против самой религии, богом которой он является.

Я не собираюсь обсуждать в данный момент форму полемики, избранную газетой Прюдома и папашей Дюшеном. Критика религии в XIX в., а именно со стороны Штрауса и Ренана, приучила нас к другой точке зрения и к другому языку. Сегодня нам показалось бы несколько наивным сводить свободомыслие к возмущению буржуазного целомудрия «незаконным» рождением Христа. И пролетариат лишь тогда полностью освободится от всякой религиозной традиции, когда сумеет без низкопоклонства и без гнева отвести христианству должное место в эволюции человеческого разума. Но, разумеется, люди 1792 и 1793 гг. прибегали к другим методам борьбы. Единственное, что мне хотелось бы здесь отметить, — это нерешительность, царившую в последние месяцы 1792 г. Ни Манюэль, ни газета Прюдома, ни Эбер не осмеливаются признаться, что хотят, хотя бы даже силой, покончить с христианством. Мысль эта у них проскальзывает, но они не формулируют ее четко. Революция не выбрала определенно ни одного из двух,

представлявшихся ей методов дехристианизации. Она могла заявить, что намерена бороться только с контрреволюционными происками духовенства и предоставить времени, разуму, свободе и рациональному общественному просвещению задачу постепенно рассеять вековые предрассудки христианства. Или она могла заявить, наоборот, что тирания христианской догмы и христианских обычаев над умами была насильственной и длительной, что силой одного разума невозможно искоренить то, что не было порождено разумом, и что необходимо любыми средствами, даже силой, порвать с традицией невежества и рабства. Однако Революция в тот момент не остановилась ни на одной из этих двух точек зрения. Она остерегалась объявить войну традиционным верованиям. Она даже как будто собиралась провозгласить полную свободу совести и полную свободу культа; но она проявляла и другую тенденцию, позволяя себе мелкие придирки, знаменующие начало решительной борьбы с самим христианством.

С другой стороны, и в народе сосуществовали две силы, в сущности своей, несомненно, противоречившие друг другу; но противоречие это вышло наружу только после длительных конфликтов совести; эти две силы — пламенная вера в Революцию и упорная вера в христианский догмат. Как констатирует это газета Прюдома с удивлением, обнаруживающим плохое понимание человеческой природы, именно герои 10 августа желают идти к мессе. Именно санкюлоты из предместья Сен-Марсель отмечают в рождественскую ночь, несмотря на запрет должностных лиц, самый большой христианский праздник. Итак, повсюду мешанина, повсюду сложности, хаос; и этот хаос в религиозном сознании Революции чрезвычайно благоприятствует маневрам и надеждам духовенства. Это духовенство, даже когда оно «конституционное», даже когда оно поклялось в верности Революции, не отказалось от мысли сделать церковь самой могущественной силой в обществе. И под ловко придуманным предлогом, что Евангелие — это и есть первое божественное провозглашение Прав Человека, оно тешит себя надеждой, что ему удастся в конце концов превратить саму Революцию в служанку церкви. Революция будет как бы скромной младшей сестрой, заботящейся о материальных интересах людей на основе евангелических принципов, истолкователем и стражем которых является церковь. Стихийные выступления народа предместий против принимаемых Парижской коммуной мер должны были чрезвычайно благоприятствовать тайным честолюбивым замыслам духовенства.

Все же последнее не осмелилось оказать открытое и общее сопротивление двум великим законам светского характера: секуляризации актов гражданского состояния и закону, разрешившему развод. То было как бы великое завещание, выполнение которого Законодательное собрание на своем последнем заседании возложило на Национальный Конвент.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

В течение многих веков население Франции сообщало о рождениях, браках, смертях священникам своих приходов. И церковь их регистрировала. Таким способом она накладывала и на гражданскую жизнь печать своей религиозной власти или, вернее, гражданская жизнь как бы поглощалась религиозной властью. Революция сразу поняла, какое резкое противоречие возникает между ее принципами, ведущими к освобождению гражданина, и практикой, которая его подчиняет или, скорее, уничтожает, ставя в зависимость от освящения церковью все акты социальной жизни. Опасаясь почти полного крушения, Революция решила доверить сугубо гражданским властям регистрацию событий или актов гражданской жизни. Но вначале она не решалась приступить к составлению реестров гражданского состояния. Она боялась, что, обязывая граждан совершать и регистрировать в гражданских условиях важнейшие акты их жизни, она как бы силой будет отрывать их от католической общины, настолько влияние церкви было еще могущественным [19]. Учредительное собрание разошлось, не успев осуществить этого великого и необходимого освобождения. Оно ограничилось тем, что подтвердило этот принцип в Конституции 1791 г.

«Закон рассматривает брак как чисто гражданский договор. Законодательная власть установит для всех граждан без каких-либо различий порядок, согласно которому будут удостоверяться рождение, брак или кончина граждан, и назначит должностных лиц, которые будут составлять и хранить соответствующие акты» [20]. Законодательное собрание дождалось 20 сентября, того дня, когда оно расходилось, чтобы окончательно утвердить закон [21]:

«Национальное собрание, заслушав доклад своего Церковного комитета и принимая во внимание,

...что брак, по существу, является договором, действенность которого может зависеть только от соблюдения законов природы и законов государства;

...что таинство, установленное для освящения брака, чтобы наделить супругов сверхъестественной благодатью, может требовать условий, каких гражданская власть не может обеспечить, но что оно полностью отделено от договора, и таким образом церковные правила не могут ни лишить звания и прав супругов и детей, рожденных в законном браке, ни дать их;

...что для государства и для частных лиц важно облегчить вступление в брак;

...что все люди имеют равное право на гражданское состояние в условиях свободы мнений, гарантируемой Конституцией;

...что, наконец, нет ничего более способного поддержать един-

ство и порядок среди граждан, нежели упорядочение способа констатации рождения, брака, а также смерти, с помощью общего и единообразного для всех индивидуумов и для всего королевства закона;

постановляет, и т. д. ...»

Этим декретом Законодательное собрание уточняло порядок оформления брака как гражданского акта. Одновременно оно детально упорядочивало процедуру регистрации актов гражданского состояния.

«В дальнейшем муниципалитеты будут составлять и хранить акты, предназначенные для удостоверения рождений, браков и смертей... В случае отсутствия или неявки по уважительной причине должностного лица, призванного составлять документы о рождении, браке или смерти, его заменяет мэр, или муниципальный служащий, или же другой член Генерального совета [Коммуны].

В каждом муниципалитете будут заведены три регистрационные книги, в которые, в каждую отдельно, будут заноситься записи о рождении, браке и смерти.

Реестры будут вестись в двух экземплярах, на гербовой бумаге, приобретаться за счет каждого дистрикта и рассылаться муниципалитетам директориями.

Акты, содержащиеся в этих регистрационных книгах, и выдаваемые из них выписки будут служить доказательством достоверности рождений, брака и смерти...

В течение недели со дня опубликования настоящего декрета мэр или служащий муниципалитета, согласно списку, должен по требованию прокурора Коммуны направиться в сопровождении секретаря суда в приходские церкви, в дома священников и в архивы, где хранятся реестры всех культов; там они составят инвентарную опись всех реестров, находящихся в руках кюре и других хранителей. Текущие реестры будут закрыты и опечатаны мэром или же муниципальным служащим.

---

19. Революция главным образом боялась повредить конституционному духовенству, лишив его столь мощного средства воздействия, каким было ведение записей гражданского состояния. См.: A. A u l a r d. Les origines de la Séparation.—«La Révolution française», 1905, t. II; A. M a t h i e z. Les conséquences religieuses de la journée du 10 Août 1792: la déportation des prêtres et la sécularisation de l'état civil. Paris, 1911. [*Примечание А. Матьеза.*]
20. Раздел II («О делении королевства и о состоянии гражданства»), статья 7 Конституции 1791 г.
21. «Moniteur», XIV, 3; «Archives parlementaires», L, 179. Этот декрет был доложен Мюрером, депутатом от департамента Вар, от имени Законодательного комитета. См.: P h. S a g n a c. La Législation civile de la Révolution française. Paris, 1899, p. 259. [См.: Ф. С а н ь я к. Гражданское законодательство Французской революции. М., 1928, с. 228.— *Ред.*]

Все реестры, как старые, так и новые, будут перенесены в ратушу.

После того как текущие реестры будут закрыты и перенесены в ратушу, одни только муниципалитеты будут составлять акты о рождении, браке и смерти и хранить реестры. Всем другим лицам запрещается вмешиваться в ведение этих реестров и в составление актов».

То была одна из самых глубоко революционных мер, принятых до сих пор. Она потрясла социальную жизнь до самых ее основ. Она перестраивала, если можно так выразиться, сам фундамент. И каким могучим символом этого великого гражданского обновления было перенесение решительно всех реестров, изъятых у церкви, и передача их ратушам, закрытие прежних реестров и открытие новых, что как бы освобождало новые поколения от всякого соприкосновения со священником!

Одновременно с этим и как логичное следствие всего этого Законодательное собрание разрешает развод. Ведь именно религиозные узы делали брак нерасторжимым. Сведенный к гражданскому договору, брак уже не мог притязать на то, чтобы связать две человеческие судьбы своего рода вечным обязательством, светским вариантом вечных обетов, которые закон не признавал и даже запрещал.

«Принимая во внимание, насколько важно, чтобы все французы могли пользоваться правом развода, вытекающим из индивидуальной свободы, для которой нерасторжимое обязательство было бы гибелью, принимая во внимание, что уже многие супруги не стали дожидаться, когда закон определит порядок и следствия развода, и воспользовались преимуществами, вытекающими из положения Конституции, согласно которому брак является только гражданским договором, Национальное собрание декретирует, что вопрос не терпит отлагательств. Брак расторгается разводом. Развод совершается при обоюдном согласии супругов. Один из супругов может потребовать развода, ссылаясь просто на несоответствие нрава и характеров» [22].

Закон о разводе выражал, таким образом, всю силу совершившейся Революции. Речь шла не только о передаче реестров, об изменении порядка записей. Сама природа договора была изменена, и гражданский характер этого договора тотчас же нашел свое выражение в свободе, обретенной участниками договора.

Вот два выдающихся закона, дополняющих один другой, осуществление которых должен был обеспечить Конвент в самом начале своей деятельности. Поистине оформление актов гражданского состояния было делом неотложным. И даже враги Революции способствовали тому, чтобы новый закон стал необходимостью. Особенно в западных районах, где третья часть коммун отказывалась выбирать кюре в соответствии с установленным конституционным порядком и где многие приходы оставались без священ-

ников, что могло привести к одичанию общественной жизни, если бы муниципалитеты, еще до окончательного принятия закона от 20 сентября, не открыли реестры для оформления актов гражданского состояния. Так, 3 июля 1792 г. директория департамента Вандея приняла следующее решение:

«Во всех общинах департамента, где вследствие мер, принятых против неприсягнувших священников, либо вследствие отпуска кюре и викариев, либо по любой другой причине не имеется духовного лица, коему поручено выполнять или законным образом осуществлять общественные функции, муниципалитетам в лице мэра или одного из муниципальных служащих разрешается — и, даже более того, они обязаны — регистрировать в книгах, которые ведут в этих целях кюре и викарии, рождения, браки и смерти граждан своей общины, каковые акты затем должны заноситься в реестры решений муниципального совета. В связи с этим отцы, матери, крестные отцы и матери, а также повивальные бабки, помогавшие при родах, равно как супруги, тотчас после вступления в брак, родственники скончавшихся лиц, приглашенные или присутствовавшие при их кончине, обязаны сделать в соответствующем муниципалитете заявление, необходимое для выполнения данного постановления».

Но какая неразбериха и какой беспорядок возникли бы, если бы закон не вмешался в это дело без промедления! Легко угадать, что подобное урезывание власти клерикалов было мало приятным даже для присягнувших кюре. И тем не менее они не могли против него возражать, не противореча самой элементарной логике. Они присягнули в верности конституции, которая признавала равные права и обеспечивала равные гарантии всем гражданам без различия вероисповедания. Более того, сама их деятельность проистекает из гражданского акта. Они назначаются суверенной народной властью на тех же условиях, что и другие должностные лица. Я склонен думать, что гражданское устройство духовенства, столь хулимое теми, кто не выносит никаких компромиссов, подготовило умы к восприятию революционного освобождения всех актов гражданской жизни.

Конституционный епископ Парижский Гобель [23] дал подчиненному ему духовенству, а косвенно всему духовенству в целом

---

22. «Moniteur», XIV, 158, текст декрета о разводе, принятого Законодательным собранием 20 сентября 1792 г.; «Archives parlementaires», XLIX, 643. См.: Ph. Sagnac. Op. cit., p. 288.
23. Гобель (1727—1794) — титулярный епископ (in partibus) Лиддский, депутат Генеральных штатов от духовенства дистриктов Бельфор и Юненг; в 1791 г. — конституционный епископ Парижский, был предан суду Революционного трибунала, приговорен к смертной казни и гильотинирован 23 жерминаля II г. [См. данное издание, т. I, кн. 2, с. 253.]

инструкции примирительные и четко согласующиеся с духом нового закона. Он позаботился о том, чтобы были заведены реестры чисто конфессионального порядка, в которые будут заноситься для каждого гражданина религиозные акты, соответствующие различным актам гражданской жизни — крестины, религиозное освящение брака, христианское погребение. Но в своей инструкции от 31 декабря он приказал духовенству не совершать ничего такого, что могло бы повести к провалу закона о гражданском состоянии или позволило бы его обойти. От имени Совета Парижской епархии и митрополии он заявил в этой инструкции, что, «обязанные как в качестве граждан, так и в качестве духовных лиц соблюдать сами и заставлять других соблюдать, поскольку это зависит от них, законы Республики, пастыри не должны позволять себе ни крестить, ни сочетать браком, ни отпевать покойников, не убедившись предварительно, что гражданские формальности, предписанные законом от 20 сентября сего года, уже выполнены или будут выполнены; что это — первый вопрос, который они должны задать верующим, когда те явятся к ним по этим различным надобностям, и что очень важно, чтобы этот вопрос был включен как можно скорее в число других, содержащихся в различных статьях нашего религиозного ритуала».

И все же в конце этого документа проглядывает некая, хорошо скрытая сдержанность. В нем просят «граждан приходских священников и викариев как можно скорее передавать Совету соображения, какие они сочтут необходимыми, особенно те, что помогут еще более примирить, если это возможно, ради наибольшего блага верующих законы Республики христианской с законами Республики французской, которые в сущности никогда не могут друг другу противоречить, поскольку они покоятся на одних и тех же основах: на истине и справедливости, свободе, равенстве, единстве и братстве».

Эта христианско-революционная фразеология, бывшая искренней у многих в период 1789—1791гг., в конце 1792 г. прикрывала зачатки тягостного беспокойства. Присягнувшие священнослужители спрашивали себя с некоторым смущением, куда заведет их логическое и неуклонное развитие этого нового права, созданного Революцией: отделив столь глубоко гражданскую жизнь от жизни религиозной, не окажутся ли вынужденными также отделить государство, орган жизни гражданской, от церкви, органа жизни религиозной? С точки зрения закона существовала только гражданская жизнь. Только она регулируется законными предписаниями; религиозная жизнь была необязательной и касалась исключительно личной совести людей. Отныне сама церковь логически превращалась в институт необязательный, который должен быть связан с государством не более, чем таинства, которые она была призвана совершать. Так зарождалось недоверие между государством и конституционным духовенством. Слова папаши Дюшена:

«Попы всегда останутся попами, все они стоят друг друга»,— отвечали мыслям не одного революционера и пробуждали тревогу в душе не одного кюре.

ВОПРОС О БЮДЖЕТЕ КУЛЬТОВ

Неожиданное предложение отменить бюджет культов, внесенное Камбоном, еще более усилило тревогу. Основываясь на финансовых соображениях, он заявил Конвенту на заседании 13 ноября, что бюджет культов должен быть отменен. Комитет финансов положил вопрос об отмене бюджета культов в основу целой фискальной реформы. Камбон выступил с присущим ему жаром [24]:

«Ваш Комитет финансов, который не теряет ни минуты, который собирается ежедневно, внимательным оком взглянул на многие расходы. Вчера вечером он решил предложить вам отменить налог на движимое имущество, торгово-промышленный налог и сократить на 40 млн. налог с недвижимого имущества. (*Горячие аплодисменты.*)

Ваш комитет,— продолжал Камбон не без иронии,— не скрывал от себя, что эта новость будет воспринята с энтузиазмом; однако он должен одновременно подумать об экономии. Отменив некоторые поступления, он должен был отменить и кое-какие расходы. Мы подсчитали, во что обойдется уничтожение этих налогов, осмелюсь сказать, безнравственных. Надо напомнить народу: есть один колоссальный расход, которому никто не поверит и который обходится Республике в 100 млн. (*Снова аплодисменты.*) Поскольку нам пришлось заняться уровнем обложений на 1793 г., мы вынуждены поставить перед вами такой вопрос: не должны ли верующие оплачивать расходы, связанные с их культом? (*Аплодисменты.*) Нельзя обойти молчанием этот расход на 1793 г., который достигает 100 млн., ибо национальная казна не в состоянии его оплатить. *Стало быть, со стороны Комитета финансов было бы наглостью требовать от вас, чтобы народ своими кровными деньгами оплачивал расходы на функции, не носящие общественного характера.* Ваш комитет рассмотрел эту проблему со всех точек зрения. И он себе задал вопрос: «Что такое Конвент?» Конвент — это уполномоченные, которые должны решать все те дела, которые само общество в целом решить не может. Они вовсе не обязаны устанавливать оклады, если необходимые на то суммы могут быть непосредственно внесены заинтересованными лицами. И тогда он сказал себе: давайте-ка применим правильные принципы, согласно которым каждый, кто работает, должен получать вознаграждение за свой труд, но от тех, кто этим

---

24. «Moniteur», XIV, 474; «Archives parlementaires», LIII, 284.

трудом пользуется. (*Вновь аплодисменты.*) Если бы этот вопрос был поставлен в Конвенте отдельно от других, то стали бы говорить: «Поглядите на этих финансистов! Они только и ищут, как бы что урезать». Но когда мы говорим народу: мы тебе скинем 120 млн. налога; и вы, пахари, которые платите по 100 ливров налога с движимого имущества *; вы, трактирщики, которые платите по 300—400 ливров торгово-промышленного налога, если вы доверяете духовному лицу, которое честно служит Революции— что ж! — вы не будете больше подчинены избирательному собранию. Вместо того чтобы платить ему 1 200 или 1 500 ливров, вы будете платить ему 3 или 4 тыс. ливров. (*Бурные аплодисменты.*)

Итак, граждане, вместо 300 млн. вам придется вносить всего 200. Уже не надо будет прибегать к принудительным мерам. Не позднее как через неделю наш доклад будет готов; *этот столь желанный доклад, беру на себя смелость сказать, ожидают и все священники, и все французы*».

НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Камбон был полон дерзкого оптимизма. Часть собрания ему рукоплескала. Но даже в самом Конвенте наблюдались удивление и беспокойство. Среди духовенства, среди большой части революционно настроенного народа в деревнях и городах царило большое смятение. При поверхностном взгляде трудно различить глубинные причины такого неприязненного отношения народа к упразднению бюджета культов. Казалось бы, рассуждения Камбона должны были быть решающими и соблазн велик!

«Я, Государство, не буду больше оплачивать ваших кюре; но зато я возвращаю вам 120 млн. налогов в год, и из этой крупной суммы, которую я вам предоставляю, вы сами будете платить, если найдете нужным, и по цене, установленной вами, выбранному вами священнику. Если нет, доход от возврата налога пойдет в вашу пользу».

Казалось бы, при любой гипотезе такое предложение соблазнительно. Как же случилось, что в ноябре 1792 г. оно так взволновало умы даже той части народа, которая была больше всего обязана Революции, а именно населения деревень? Прежде всего, возможно, что в душе крестьянина поселилось некоторое недоверие. Наверняка придет день, когда найдут, говорил он себе, средство вновь возложить на меня часть налога, который мне как будто вернули, а расходы по содержанию культа останутся на мне. Затем, платить что-нибудь — это для крестьянина горькое пойло, и ему не нравится, когда его хотят заставить частенько пить его. Как ни жесток налог, у него по крайней мере то преимущество, что его можно внести за один или за два раза и не быть обремененным расходами

в связи с каждым актом своей жизни. И наоборот, если надо, после того как уплачен налог, пусть даже сниженный, платить кюре, да еще платить в связи с каждым событием своей жизни, в котором кюре участвует, то не останется почти ни одного дня, который не был бы отравлен огорчением. Вот почему в 1792 г. желание крестьян заключалось вовсе не в том, чтобы кюре не оплачивался государством, а в том, чтобы последний, получая свое вознаграждение за счет однажды уплаченного налога, не мог больше требовать никаких поборов ни за крестины, ни за свадьбы, ни за похороны. Это именно желание и выразил папаша Дюшен в номере своей газеты, который я уже цитировал; на это желание откликнулась революционная Коммуна своим решением, отменившим все вознаграждения за церковные требы [25].

Однако я не думаю, чтобы в этом вопросе крестьянское, а точнее сказать, народное сознание руководствовалось денежными расчетами. У народа были другие причины, в которых он, возможно, и не разбирался сам, но которые волновали его глубоко. Простые люди воображают, что если священник не будет более оплачиваться государством, то его уже не будет вовсе. Ведь не произвольное влечение духа и отнюдь не индивидуальный сознательный выбор толкнули крестьян к христианской вере. Она перешла к ним по традиции. Она для них — нечто безличное, нечто древнее, религия для них власть, которую они перестают признавать, если она не приходит к ним свыше и извне. И вот когда государство, эта вторая безличная власть, оплачивает священника, когда культ как бы является частью общественной власти, в душе крестьянина рождается чувство глубокого, пассивного почитания, в котором у него и выражается вся вера. Если же его заставляют самого оплачивать своего священника по всякой мелочи, если он, так сказать, покупает свой культ, одну церемонию за другой, у него создается совершенно превратное представление, будто он сам дает жизнь этому неведомому богу, который, как он верил, властвует над его жизнью. Ему кажется, что, субсидируя таким образом индивидуально религию, он становится ее хозяином; она теряет в его глазах характер власти, приходящей свыше, и ту таинственную силу, без которой он ее не признает совсем. И поскольку религия в его душе родилась не из акта свободы, а из привычки к повиновению, ему представляется, что, выводя ее из акта свободы, он совершает нечто противное религии.

---

* Налогом с движимого имущества (contribution mobilière) облагались крестьяне-арендаторы, в то время как собственники земли облагались поземельным налогом.— *Прим. ред.*

25. «Procès-verbaux de la Commune de Paris», p. 55; постановление от 23 августа 1792 г. Статья 6: «Считая с этого дня все виды вознаграждения за церковные требы, даже уплачиваемые добровольно, упраздняются».

Мне думается, что уже не один верующий страдал оттого, что священника приходится выбирать, согласно ритуалу гражданского устройства духовенства, ибо как может священник принести мирянину нечто, что выше его разума, если он сам, мирянин, вручил ему его власть и придал ей определенный характер? Стало быть, ни грубыми денежными расчетами, какие придумал Камбон, ни наивно-идиллическим возвратом к нравам раннего христианства нельзя будет привлечь на сторону отделения церкви от государства ту часть народа, которая еще для этого не созрела. Для этого необходим смелый идеализм. Надо, чтобы крестьянин ощутил стыд за гнездящиеся в глубине его души рабские мысли.

Вы воображаете, что вы — верующие, но вы — только рабы. Будь вы верующими, будь вы глубоко убеждены в том, что человеческие несчастья, дабы исчезнуть, нуждаются в посредничестве бога, будь вы уверены в том, что бог этот принял человеческий облик, что он снизошел до жизни среди людей и что он в этой жизни утвердился навечно через церковь, чтобы продолжать свою освободительную миссию,— разве вас могло бы оскорбить, что вы сами оплачиваете труд священника, который ради вас всходит на амвон? Напротив, вы были бы счастливы дать еще один знак вашего приобщения, вашей веры. Но поскольку религия для вас всего только власть рутины, поскольку она навязана вам извне, то, чтобы верить, вы должны всегда рассматривать ее как исконную силу, существовавшую до вас, представлять ее себе по образцу социальных институтов, основанных на силе и столь долго угнетавших вашу волю. Вы вложили в религию так мало своего «я», что вы боитесь, вложив в нее действительно кое-что от себя, потерять ее вовсе. Как только она перестает быть совершенно готовым механизмом, приводимым в движение пружинами, с которыми вы даже не соприкасаетесь, религия уже для вас ничто. Она существует лишь в той мере, в какой она превращает вас в автоматы; и так как в основе вашей веры не лежит свобода, то призыв к свободе означает для вас призыв к небытию.

В то же время надо разъяснить народу, что если церковь останется в силу своего бюджета государственным учреждением, то нет никакой причины, почему бы ей не стать полностью государственным учреждением. Кто говорит о государственной церкви, тот говорит в какой-то мере о государственной религии; так вот, все, что способствует ущемлению свободы человека, должно быть устранено. Именно этими высокими доводами, а не подсчетами прибылей и убытков следует воздействовать на сознание народа. Призыв Камбона к трактирщикам, которые сами смогут оплачивать своих кюре, поскольку с них снимут часть торгово-промышленного налога, был не только грубым, но и в силу самой этой грубости неэффективным.

МНЕНИЕ ЖИРОНДИСТОВ

Одно время Конвент мог опасаться, что предложение Камбона и Комитета финансов отбросит часть присягнувшего духовенства в объятия мятежников. Его сочли абсолютно неприемлемым. Партии Революции единодушно возражали против этого предложения. И особенно когда Конвент увидел, что священники вмешались в народные движения в департаментах Эр и Луар и Эр [26], когда крестьяне, взбунтовавшись против растущей дороговизны продуктов питания, одновременно протестовали против предполагаемого упразднения бюджета культов, на предложение Камбона со всех сторон посыпались нападки и осуждения. Бриссо в своей газете «Патриот франсэ» (номер от 14 ноября) ограничился тем, что в самых лаконичных выражениях, где его сочувствие ощущалось довольно неопределенно, опубликовал предложение пылкого финансиста:

«Камбон сообщил о более утешительных возможностях; весьма далекий от того, чтобы увеличивать обложения, комитет предлагает отменить некоторые налоги. Он хочет оздоровить финансы, сократив кое-какие расходы; есть в особенности один расход, непомерно большой, противоречащий принципам философии и морали, к которому он призывает Собрание отнестись со всей суровостью: это 100 млн., используемые на оплату расходов католического культа».

И больше — ни слова. По-видимому, для Бриссо это щекотливая тема, которой он избегает касаться. Даже когда он публикует отчет о заседании 30 ноября, где выступил Дантон, Бриссо упоминает о речи последнего, но не указывает основного предмета ее, а именно нападок на предложение Камбона [27]. Какой радостью было бы для Бриссо покритиковать Дантона, поиздеваться над его модерантизмом, его «фейянтизмом», если бы сам он не считал опасной и в данный момент невозможной отмену бюджета культов! В газете Карра — та же сдержанность. Я читаю в «Анналь патриотик» (номер от 14 ноября) краткое резюме речи Камбона; ни слова комментария. И в отчете о заседании 30 ноября ни малейшего намека на речь Дантона. Как будто Жиронда со всеми своими оттенками, от бриссотиста Бриссо до эклектика Карра, замалчивает эту важную проблему и, разрываемая между интересами философии и политической необходимостью, ждет развития событий.

---

26. См. ниже о социальных волнениях, связанных с повышением цен на зерно, с. 341.
27. «Moniteur», XIV, 620; «Archives parlementaires», LIII, 679; D a n t o n. Discours. Édition critique par F. Fribourg. Paris, 1910, p. 245. «Во Франции возникнут потрясения от чересчур поспешного применения философских принципов, которые мне дороги, но для которых народ, особенно народ деревень, еще не созрел». См. ниже, с. 301.

МНЕНИЕ ЯКОБИНЦЕВ

В Якобинском клубе на заседаниях 16 ноября, под председательством Жан Бон Сент-Андре, и 17-го, под председательством Лепелетье [28], шли бурные дебаты по поводу бюджета культов. Один только Шабо, «распоясавшийся капуцин», да еще Манюэль, абсолютно одни, поддержали предложение Камбона. Но то, каким образом Шабо его поддержал, окончательно восстановило якобинцев против предложения Камбона. И в самом деле, он не ограничился ссылками на решающие доводы свободы, которые требуют секуляризации современного государства. Он дал понять, что тем самым будет ускорена гибель религии, а якобинцы опасались, как бы этот страх не распространился и как бы народ, который еще легко довести до фанатизма, не взбунтовался.

«Религия, которую оплачивают все граждане,— сказал Шабо,— посягает на свободу народа, ибо в одной из статей Прав Человека говорится: «Никого нельзя преследовать за его убеждения, даже религиозные». Однако религия, которую я должен оплачивать, противоречит данной статье. Быть вынужденным нести расходы по культу и означает преследование за убеждения. Пора уже французской нации подняться на подобающую ей высоту. Мы должны научить народ обходиться без священников, и скоро он сможет без них обходиться. Кстати, следует принять во внимание, насколько обременителен для народа налог, который платили для покрытия расходов католической религии. Нельзя ли подумать об экономии?»

Он вернулся к этому вопросу на следующий день и энергично парировал возражения, которые были ему сделаны. Тем, кто утверждал, как это делает церковь сегодня, что бюджет культов является компенсацией за национализированные церковные имущества, он возражал:

«Церковные имущества отнюдь не принадлежали прежнему духовенству, а только французской нации. Владея огромными богатствами, духовенство обязано было платить нации налоги... Оно увиливало от этого в течение веков. Следовательно, духовенство должно нации колоссальные суммы, которые оно сумело освободить от общественных налогов. Эти суммы далеко превышают стоимость имуществ, изъятых нацией. Стало быть, нация имела полное право завладеть этими имуществами, не предоставляя церкви никакого возмещения».

Манюэль пытался доказать, что революционное общественное мнение подготовлено к решающим мерам, что оно их ждет, что оно вскоре их потребует; он зачитал якобинцам адрес, составленный в самых энергичных выражениях, присланный в Конвент «Друзьями свободы и равенства коммуны Ла-Сутеррен» (департамент Крёз) [29]. Из этого адреса ясно видно, что подписавшие его лица не только

требуют отмены бюджета культов; они явно склоняются к законному уничтожению самого культа. Представляется, что в ту пору редкие сторонники отделения церкви от государства были главным образом поборниками уничтожения церкви и законного запрещения религии. Возможность отделения церкви от государства, как мы его понимаем сегодня, то есть разрыв всех связей между церковью и государством, свобода культа, в тот период Революции не допускалась почти никем.

Большинство революционеров, исходя из политических расчетов, щадя народные обычаи, желали сохранения бюджета культов и гражданского устройства духовенства. Те же революционеры, которые желали отменить гражданское устройство духовенства и бюджет культов, фактически стремились к запрещению самого культа.

«Мы аккуратно платим налоги,— говорят петиционеры из департамента Крёз,— но мы это делаем для того, чтобы доход служил упрочению нашего благосостояния. И долго ли еще мы должны платить их, эти налоги, чтобы кормить секту священников, эту секту, чья нетерпимость и развращенность запечатлены на каждой странице истории? Духовенство сейчас унижено, но далеко еще не уничтожено. Трепещите, как бы в один прекрасный день оно не вернулось к своей прежней жестокости. Священчик все еще остается священником, а этого не должно быть: священник должен быть только гражданином и больше никем.

Вырвите же поскорее из Кодекса возрожденных французов это гражданское устройство, которое увековечивает дух нетерпимости и фанатизма и внушает священникам мысль о том, что они существа высшего порядка по сравнению с остальными французами. Им предоставляют юрисдикцию, им отводят определенную территорию, им дают прихожан: как же не быть им нетерпимыми? *У нас есть совесть, разум, религия; и мы не желаем ни совести, ни разума, ни религии священника.*

Должно ли терпеть религию, которая по природе своей нетерпима? Это вопрос, который, безусловно, будет решен отрицательно в Конституции, которую вы предложите на утверждение французам. А в ожидании этого пусть люди, чья душа нуждается в мистической вере, оплачивают католических священников, это можно

---

28. «La Société des Jacobins», t. IV, p. 476, заседание 16 ноября 1792 г.; p. 480, заседание 17 ноября 1792 г.
Лепелетье, Мишель (1760—1793), в 1785 г.— председатель Парижского парламента, депутат Генеральных штатов от дворянства города Парижа, депутат Конвента от департамента Йонна; убит 20 января 1793 г. королевским телохранителем Пари за то, что голосовал за смертную казнь для короля; первый «мученик за дело свободы».
29. Манюэль выступил с речью на заседании 18 ноября 1792 г. («La Société des Jacobins», t. IV, p. 491.)

разрешить, не видя в том особой опасности, но платить должны именно только те люди; справедливость требует, чтобы каждый платил за свои удовольствия. К счастью, таких мало, и, как только священнику, подобно торговцу, будут платить потребители, найдется мало дураков, которые набросятся на такой товар. Да и в самом деле, разве это не абсурд, чтобы французы просвещенные, французы свободные платили людям, чья мораль губительна для общественного мнения? Посты, власяница, слепое повиновение, благочиние — вот и вся великая добродетель католицизма».

Вопрос поставлен смело: выбор между католицизмом и Революцией. Но сводить религиозную проблему к денежным расчетам — значит умалять ее. Корни веры глубже и сильнее; ведь именно даяния верующих, иногда, правда, захваченных врасплох самыми преступными методами, создали богатства церкви. Общество может искоренить христианскую традицию, только вытесняя ее мало-помалу более жизнестойким и более широким идеалом. Для того чтобы уничтожить культ, недостаточно обязать верующих оплачивать его. *Друзья свободы* из Ла-Сутеррена предчувствовали это, но предложенный ими религиозный идеал выглядит довольно причудливо: смесь из деизма Жан Жака с античными реминисценциями.

«Священник дает нам неизменно узкое и мелочное представление о Всевышнем; только самое скрупулезное выполнение обрядов, согласно его словам, ведет на небо; он ни во что не ставит социальные добродетели, он принижает душу, он оглупляет разум, он принижает человеческое достоинство. Мы — а вскоре, если хотите знать, все французы будут думать, как мы,— так вот, мы не представляем себе Всевышнего в образе восточного деспота, мы рисуем себе его облик более привлекательным; мы видим его скорее в окружении Миноса, Аристида, Ликурга *, чем святого Кристина, святого Антония, святого Франциска. Добрый землепашец, добрый солдат, добродетельный гражданин — вот святые, чью память мы будем чтить!»

Манюэлю нужно было очень желать того, чтобы поверить, будто этот документ, почти уникальный, выражает мнение большинства французов в тот период. Базир напал в Якобинском клубе на того, кто довел до сведения общества проект Жозефа Камбона [30]:

«Я возражаю против проекта предыдущего оратора; если бы я не знал, насколько чисты его помыслы, *я бы счел его за аристократа*; я сам не исповедую католической религии, но я считаю этот проект способным только вызвать новые волнения. Я рассматриваю вопрос прежде всего с политической точки зрения; я смотрю на эту бесчисленную толпу монахов и монахинь и спрашиваю себя, как они будут существовать? Мирабо говорил, что есть три способа прожить: либо быть собственником, либо

получать заработную плату, либо стать вором. Но, говорят, эти бездельники могут работать. А как работать? Они не получили никакой подготовки, которая дала бы им возможность добыть необходимые средства существования. Пусть же комитет попробует хоть рассуждать политически. Кто, скажите, может приветствовать декрет, который в один день сотворит триста тысяч бродяг? Примем во внимание к тому же, что народ еще любит религию; и одобрить проект комитета — значит воскресить фанатизм. *И как вы убедите старую женщину, что отмена расходов на культ вовсе не означает уничтожения религии*? Впав в отчаяние, священники легко найдут средства обмануть невежественных людей; они изобразят граждан, как одержимых дьяволом; и кто может предвидеть, сколько крови прольется из-за этого декрета? Этот проект декрета плох и останется таким до тех пор, пока все старухи не перемрут».

Александр Куртуа восклицает [31]:

«Я увидел в проекте Камбона лишь средство внести сумятицу в сознание людей, вызвать волнения в департаментах, *побудить нацию быть несправедливой к миссионерам нравственных принципов, к мученикам закона, к жертвам аристократии*... Поверьте, что общественное мнение в департаментах не то, что в Париже; поверьте, что религиозные убеждения там священны, и было бы неразумно, а может быть, и несправедливо их задевать. Есть предрассудки, которые следует искоренять с осторожностью и оружием просвещения, но просвещение это должно быть дано народу как мягкий свет слабым глазам».

Ле Руа (из Алансона), говоря о священниках в оскорбительных выражениях, все же оспаривает проект Комитета финансов [32]:

---

* Минос — легендарный царь Кносса, сын Зевса и Европы. Традиция приписывает Миносу введение законодательства, создание могущественной морской державы.

Аристид (ок. 540 — ок. 467 г. до н. э.) — знаменитый афинский государственный и военный деятель. Отличился как стратег при Марафоне (490 г.), принимал участие в битве при Саламине, в 479 г. командовал афинянами в битве при Платеях

Ликург — легендарный древнеспартанский законодатель, деятельность которого обычно относят к 9—8 вв. до н. э.—*Прим. ред.*

30. Базир выступил с речью на заседании 16 ноября 1792 г. («La Société des Jacobins», t. IV, p. 476.) Базир (1764—1794) — адвокат, в 1790 г.— член директории Дижонского дистрикта, депутат Законодательного собрания, затем Конвента от департамента Кот-д'Ор, был предан суду Революционного трибунала, приговорен к смертной казни и казнен 16 жерминаля II г.
31. «La Société des Jacobins», t. IV, p. 480, заседание 17 ноября 1792 г. Куртуа (1758—1794) — адвокат и литератор, член директории дистрикта Лонгви, общественный обвинитель при военном трибунале Рейнской армии, в 1794 г. был приговорен к смертной казни и гильотинирован.
32. «La Société des Jacobins», t. IV, p. 482, заседание 17 ноября 1792 г.

«Нередко бывает опасно желать применения смелых философских спекуляций при любых обстоятельствах. Я согласен, что в принципе каждая секта должна оплачивать своих священнослужителей, однако народ пока еще недостаточно просвещен, чтобы принять подобную меру. Вы не можете не знать, какое влияние приобрели священники на народ в деревнях и на часть населения городов. Если вы откажетесь платить этим священникам жалованье, которое нация им торжественно обещала, то вы увидите, как эти орды церковников обрушатся на рождающуюся Республику и, возможно, задушат ее в колыбели; вы увидите, как они повсюду зажгут факелы гражданской войны, *доведут до того, что Конвент потеряет доверие, каким он облечен*; и не думайте, что нам будет так же легко справиться с этими посвященными в духовный сан Катилинами, как с неприсягнувшими священниками. *Партия так называемых конституционных священников весьма многочисленна и могущественна*; им было бы очень легко расколоть французский народ и добиться гибели свободы. Со священниками надо обойтись, как с дикими зверями, которые грозятся нас пожрать; чтобы утихомирить их ярость, мы бросаем им кусок хлеба. Что ж! Чтобы священники не набросились на нас, не будем оставлять пустой их ненасытную утробу и дадим им хлеба. Тогда они присмиреют. Их интересы сосредоточены на боге, которого они обожают; они будут патриотами, ибо священник, который сыт, становится менее опасным. И в какой же момент вздумали предлагать нам подобную меру, противоречащую здравой политике? В момент, когда нация собралась заняться великим преступником» [33].

Гарнье утверждает, что в имеющем долгую историю обществе, где переплелось столько традиций и предрассудков, нельзя осуществлять чересчур резкие изменения [34]:

«Надо четко отличать общество, *которое возрождается в некотором роде на собственных обломках*, от общества нового, где страсти и социальные предрассудки не исказили счастливого естественного развития. Когда бы Французская Республика была обществом нарождающимся, я бы согласился, что надо предоставить каждому право оплачивать священнослужителей своего культа, но французская нация, которая отказалась уже от многих предрассудков, сохранила один, очень большой. У фанатизма все еще много жертв; священники еще сохраняют власть над общественным мнением в большей части Республики».

Базир, возвращаясь к этому вопросу и разгоряченный противодействием Шабо, позволил разгадать некие тайные надежды, которые часть революционеров еще возлагала на конституционное духовенство [35].

«Я утверждаю, что проект Камбона противоречит философии. *Не будем величать философами всех этих жалких педантов, которых народ до сих пор чрезмерно уважал.* Подлинная философия состоит не только в том, чтобы упорядочивать свои мнения, она

состоит еще и в том, чтобы хорошо знать общественное мнение. Чтобы мнение было признано, ему недостаточно быть хорошим, необходимо, кроме того, чтобы оно было всеобщим. Знайте же, что у суеверного народа закон против суеверий является государственным преступлением...

Какова власть духовенства? Что оно может сделать со мной, с вами? Его миссия ограничивается тем, чтобы утешать старушек. Какое удовольствие можете находить вы в том, чтобы раздражать сумасшедших? Какая в том заключена философия?

Ваш декрет лишь тормозит ее успехи. Священники, спокойные за источник своего существования, видя, как загорается день разума, могли позволить себе честь проповедовать святую мораль и быть глашатаями истины. Если фанатики допустят эксцессы, то следует ли их уничтожать? Неужели философия, проповедующая терпимость, позволит, чтобы ее обвиняли во всех проступках инквизиции? Отбросьте суеверия, и они исчезнут вместе с дряхлыми людьми, чьи головы еще набиты этими суевериями. Я предпочитаю платить своему священнику, чтобы быть спокойным, поскольку мой дедушка не может без него обойтись».

Якобинцы приветствовали Базира столь бурно, что сам Шабо (доктор Робине об этом не упоминает) забил отбой [36]:

«Я отнюдь не возражаю против того, чтобы предоставили содержание священнослужителям, которые принесли присягу, предписанную законом. Но не будем больше пользоваться термином «жалованье». Это слово заставляет думать, что существует господствующая религия, признанная Конституцией. Содержание это будем назначать только тем духовным лицам, заслуги которых перед родиной велики. Будем назначать его в первую очередь тем, кто защищал Революцию 10 августа и имеет представление о республиканских принципах». То был бюджет культов, принятый условно.

Причины, по которым якобинцы почти единодушно пришли к решению отвергнуть предложение Комитета финансов, можно

---

33. В эти дни начался процесс против Людовика XVI. 7 ноября 1792 г. Майль представил свой доклад с выводом, что Конвент может судить Людовика XVI.
34. «La Société des Jacobins», t. IV, p. 485, заседание 17 ноября 1792 г.
35. «La Société des Jacobins», t. IV, p. 490, заседание 18 ноября 1792 г.
36. «La Société des Jacobins», t. IV, p. 482, заседание 17 ноября 1792 г. Жорес путает хронологию. Выступление Базира было 18 ноября 1792 г. Выступление Шабо, которое он здесь приводит (от 17 ноября), является ответом на выступление Куртуа и предшествует речи Ле Руа (из Аланссона).

резюмировать следующим образом. Прежде всего, огромное большинство народа Франции — католики. Суеверное почтение к монархии наконец рассеялось, религиозные суеверия еще устойчивы. Между тем для народа идея религии сливается с идеей культа, оплачиваемого нацией. Это — заблуждение, религия нисколько не пострадала бы в своей сути, если бы она стала тем, чем она должна быть, то есть частным делом каждого. Однако законодатель обязан считаться с общими заблуждениями и господствующими предрассудками. Когда совесть чувствует себя уязвленной, то получается, будто она и впрямь уязвлена, и вступать на этот путь — мучительная крайность, которую может оправдать только крайняя необходимость.

Во-вторых, было бы негуманно и опасно лишать пенсии, то есть единственного источника существования, бывших монахов и бывших монахинь, которых Революция изгнала из монастырей. Обречь их на голод было бы варварством. Толкать их к отчаянию было бы неразумно. Более того, по отношению к собственно конституционному духовенству это было бы и неблагодарностью. Чтобы принять гражданское устройство, чтобы получить свои обновленные функции путем народных выборов, оно должно было вынести оскорбления со стороны неприсягнувших священников, обиды, угрозы, даже насилия со стороны фанатически настроенной части населения. Оно себя скомпрометировало связью с Революцией. Оставив его без куска хлеба, Революция нарушила бы элементарную справедливость. Не выполнив торжественного обязательства, недавно взятого ею при секуляризации церковных имуществ, а именно: обеспечить отправление богослужения, Революция породит сомнения в честности своих намерений и допустит мысль, что она не будет выполнять и другие взятые ею на себя обязательства. Кстати, во многих областях патриоты-революционеры зачастую действовали вместе с конституционными священниками. Они их избрали, они их водворили, они их защищали. Они убедили своих жен и детей посещать мессы присягнувших священников и бойкотировать мессы, которые служили мятежные священники и на которые стекались дворяне, забывшие о своем вчерашнем вольтерьянстве. Бросить на произвол судьбы присягнувших священников значило бы поставить в двусмысленное положение патриотов, которые стояли за них горой; таким образом, пока неприсягнувшие священники настраивают против Революции определенную часть народа, конституционные священники, ожесточенные нуждой, неожиданным забвением и своего рода общественным осуждением, на которое их обрекла Революция, восстановят против Национального Конвента, единственного хранителя свободы и отечества, большое число патриотов.

И наконец, можно было надеяться, что конституционное духовенство, вышедшее из народных выборов, принявшее де-

мократическую конституцию, поможет постепенному отпадению части наиболее стеснительных догм, умерит тайны, пугающие разум или оскорбительные для гуманности, ограничится чисто моральной и гражданственной проповедью и подготовит таким образом без потрясений и как бы непреднамеренно желанный переход от старых католических суеверий к философии с легким налетом евангелизма. И вот несколько сумасбродов, несколько «экономистов-торгашей» выбрали для того, чтобы нарушить эти перспективы мира, чтобы разжечь в стране религиозную войну, трагический час, когда нация приготовилась судить короля и должна была собрать все свои силы, чтобы совершить этот акт справедливости, которому суждено было поразить, а возможно, и возмутить весь мир!

Вот причины, какие в конце 1792 г. побудили якобинцев поддерживать сохранение бюджета культов. С исторической точки зрения и для своего времени эти доводы были убедительными. В основе их не лежали классовые расчеты. Революционные буржуа и не помышляли, как это делали в дальнейшем многие их потомки, искусственно всей силой государства поддерживать авторитарную религию, проповедующую пролетариату смирение и покорность. Напротив, великие революционные буржуа 1792 г. явно страдали от царивших в стране всесильных предрассудков, от ее привязанности к религиозной традиции. Они хотели освободить страну от этих предрассудков, от веры, поднять ее к вершинам философии и разума. Они покорно терпели культ, сохраняли ему место в государстве лишь для того, чтобы не повредить делу самой Революции, которой угрожал народный фанатизм.

МНЕНИЕ ДАНТОНА

30 ноября в короткой и яркой речи в Конвенте Дантон бьет тревогу [37]:

«Следует остерегаться мысли, высказанной в этом Собрании. Народ обманут, и вы должны его вразумить. Он помнит о предложении Камбона, которое подробно комментировалось коварными фанатиками и злонамеренными невеждами. Тут говорили, что не следует платить священникам жалованья из государственной казны. При этом ссылались на философские идеи, которые мне дороги, ибо я не знаю иного бога, кроме бога-вселенной, иного культа, кроме культа справедливости и свободы. Но человек, с которым судьба обошлась неласково, ищет возможного утешения; когда он видит, как богач удовлетворяет все свои прихоти, выполняет все свои капризы, в то время как его потребности

37. «Archives parlementaires», LIII, 679. См. выше, с. 293, прим. 27.

ограничены до крайних пределов самого необходимого, он начинает думать, что в загробной жизни радости его умножатся пропорционально тем лишениям, какие он терпит в земной. Когда у вас через некоторое время появятся наставники морали, которые донесут свет знаний до бедных хижин, тогда будет уместно говорить людям о морали и философии. А до тех пор было бы варварством, было бы преступлением против нации желать лишить народ пастырей, у которых он может найти некоторое утешение. Я лично признаю, и я уже говорил об этом, только богавселенную, свободу и справедливость. Жителю полей необходим вдобавок человек-утешитель, на которого он смотрит как на святого, ибо именно ему обязан он несколькими мгновениями счастья, которые довелось ему испытать в свои детские, юношеские и старческие годы, ибо несчастный человек имеет нежную душу и особенно крепко привязывается ко всему, от чего веет величием. Да, оставьте его при его заблуждениях, но просветите его; докажите ему убедительно, что в намерения Конвента отнюдь не входят планы разрушения, а только совершенствования, что если он преследует фанатизм, то лишь потому, что добивается свободы религиозных убеждений».

Деизм Дантона не похож на деизм Робеспьера. Он был, если можно так выразиться, гораздо более натуралистичен, и «богвселенная», призываемый Дантоном, без сомнения, весьма близок к богу Дидро. В то время как Робеспьер для себя лично признает бессмертие души, как неоспоримую истину, извечно необходимую людям, Дантон видит в такой идее лишь преходящее утешение, временную иллюзию бедняков, которых лучшая социальная организация, несомненно, избавит от этого предрассудка, свойственного нищете. Следовательно, не под влиянием расплывчатых внушений почти христианского деизма и не для того, чтобы сохранить в христианстве несколько перегруженный и сложный образ деизма Жан Жака, требовал Дантон бережного отношения к религиозным обычаям народа. Он делал это для того, чтобы уберечь нацию, и без того измученную столькими бедствиями, от страшного потрясения совести и от величайшей из гражданских войн. Стало быть, лишь исходя из чисто политических и национальных интересов, без всякой догматической задней мысли, Дантон возражает против всего, что может встревожить суеверия и нарушить с таким трудом достигнутый, благодаря гражданскому устройству духовенства, компромисс между старинной верой и новой свободой.

Как и Дантон, Кондорсе, один из самых свободных умов, самый подлинный представитель мысли энциклопедистов, философ, сгорающий от нетерпения вознести все человечество к свету разума, высказался против отмены бюджета культов:

«Армия, которую Учредительное собрание выставило против старого духовенства [так выразительно характеризует Кондорсе новое конституционное духовенство], обходится довольно дорого, но было бы несправедливо уволить ее, не предоставив ее генералам и солдатам пенсии. Впрочем, откинем всякую религиозную идею и предположим, что существовал обычай оплачивать в каждом селении одного брата милосердия, который ухаживал бы за больными, допустим далее, что нашли более справедливым не заставлять нести эти расходы тех, кто не питает доверия к врачам данной корпорации. Справедливо ли будет сказать больным, которые пользовались такими услугами: вашего брата милосердия больше не будут оплачивать, вам придется поступать так же, как те, кто не хочет этого и платит своим врачам. А не могут ли те больные ответить: дайте нам хотя бы время принять необходимые меры, чтобы совсем не остаться без врачебной помощи. Не наша вина в том, что нас не приучили самим выбирать себе врачей и самим оплачивать их услуги». («Кроник де Пари» от 2 декабря 1792 г., подписано лично Кондорсе.) Существует, стало быть, и можно это утверждать, почти полное единодушие самых высоких, самых независимых умов Конвента против предложения Камбона. И я признаюсь, что усилия г-на Робине сделать одного Робеспьера ответственным за эту политику кажутся мне ребячеством.

МНЕНИЕ РОБЕСПЬЕРА

Правда, он со свойственной ему энергией и даже с удивительным благородством высказал свое мнение в обширной статье, опубликованной в конце декабря, но к тому времени все партии, все деятели Революции уже заняли позицию против проекта Камбона. Только Робеспьер, больше, чем кто-либо другой, казалось, верил, что христианство, толкуемое Революцией и в духе Революции, может мало-помалу потерять свои наиболее аванпюристические, наиболее тиранические догмы и слиться с естественной религией; он в самых широких чертах нарисовал целую систему религии и морали, резко отличающуюся от системы Дантона [38].

«Затруднение, которое я испытываю,— говорит он вначале,— приступая к рассмотрению этого вопроса, и сознание необходимости изложить свои убеждения, что в другом месте и

38. «Lettres à ses commettants», édition critique par G. Laurent, Gap, 1961, № 8 (S. d.), p. 116. «О проекте, представленном от имени Комитета финансов, об упразднении фондов, предназначенных для религиозного культа». [См.: Максимилиан Робеспьер. Избранные произведения в трех томах. Т. II, М., 1965, с. 142 и сл.]

в другое время не осталось бы безнаказанным, являются немалым доказательством прогресса человеческого разума. Мой бог — это тот бог, который создал всех людей для равенства и для счастья; это бог, который защищает свободу и истребляет тиранов; мой культ — это культ справедливости и человечности! Я не больше других люблю власть священников, это — еще одна цепь, надетая на человечество, но цепь невидимая, сковывающая умы, и только один разум способен ее разорвать. Законодатель может помочь разуму, но не может его заменить; он никогда не должен отставать от разума, но он не должен и торопиться опережать его... *В отношении религиозных предрассудков наше положение, на мой взгляд, является весьма благополучным и общественное мнение — весьма передовым. Власть суеверия почти уничтожена; сейчас уже священник не является в такой мере объектом почитания, как идея религии и сам объект культа. Уже свет философии, проникая в самые отдаленные от нее слои, разогнал все ужасные и нелепые призраки, которым честолюбие священников и политика королей заставляли поклоняться во имя неба. Теперь в сознании людей не осталось ничего, кроме этих внушительных догматов, служащих опорой нравственных идей и возвышенного и трогательного учения о добродетели и равенстве, которое сын Марии проповедовал некогда своим согражданам. Вскоре, несомненно, евангелие разума и свободы станет евангелием всего мира.*

Законодатели, вы можете ускорить пришествие этой эры при помощи общих законов и свободной конституции, просвещающей умы, возрождающей нравы и возвышающей души до природной простоты; но вы не можете достигнуть этого ни посредством изданного под давлением обстоятельств декрета, ни путем финансовой спекуляции. Если народ избавился от большинства своих суеверных предрассудков, он все же отнюдь не склонен рассматривать религию, как таковую, как индифферентный или подчиненный политическим расчетам институт. Догмат божества запечатлен в умах, и этот догмат народ связывает с той религией, которую он исповедовал до сих пор; и на этой же религии он строит, по крайней мере частично, систему своих нравственных идей. *Открыто напасть на эту религию — значит посягнуть на нравственные устои народа. Можно представить себе общество философов, где мораль имеет иные основы*, однако люди, которым недоступны их глубокие размышления, которые привыкли связывать побуждения добродетели с принципами религии, не могут без ужаса видеть, как религия приносится правительством в жертву интересам другого порядка. *Если бы народ реагировал на это иначе, это могло бы быть только в ущерб его нравственности; ибо если кто из жадности отрекается хотя бы даже от заблуждения, но которое он считает истиной, то он уже развращен.* Вспомните же, что ваша Революция основа-

на на понятиях справедливости и что все, что ведет к ослаблению нравственного чувства народа, ослабляет ее движущую силу...

Но подождите до того времени, когда священные основы общественной нравственности смогут быть заменены законами, нравами и общественным просвещением... *Если бы Декларация прав человека была разорвана тиранией, мы бы еще отыскали ее в религиозном своде законов, который деспотизм священников заставил нас почитать; и если необходимо, чтобы за счет всего общества граждане еще собирались в общих храмах, перед величественной идеей высшего существа, то там по крайней мере богатый и бедный, могущественный и слабый будут поистине равными и слитыми перед нею...*

Между тем, что бы о нем ни говорили, проект комитета далеко не облегчает участи народа, а перекладывает на его плечи все бремя расходов по культу. Обратите внимание на следующее: какова та часть общества, которая освободилась от всяких религиозных идей? Это богатые люди, и объясняется это тем, что одни из них более образованны, *а другие — более развращены.* И что это за люди, которые верят в необходимость культа? Это — граждане, наиболее слабые и наименее зажиточные; потому ли, что они меньше рассуждают и менее образованны, либо по одной из причин, которыми объясняют быстрое распространение христианства, а именно потому, что мораль сына Марии предает анафеме тиранию и жестокосердное богатство и несет утешение самым обездоленным и даже отчаявшимся.

Стало быть, именно бедным гражданам придется нести бремя расходов по культу. Или же они и в этом отношении будут в зависимости либо от богатых, либо от священников. *Им придется вымаливать религию так же, как они вымаливают работу и хлеб.* Или же, оказавшись не в состоянии оплачивать своих священников, они будут вынуждены отказаться от их услуг. И это самая мрачная из всех гипотез. *Ибо только тогда они в полной мере почувствуют всю тяжесть своей нищеты, лишающей их всех благ вплоть до надежды.* Тогда-то они бросят обвинение тем, кто заставил их покупать право свершения того, что они считают священной обязанностью. *Вы говорите о свободе совести, но это предложение уничтожает ее.* Ибо довести народ до невозможности отправления своего религиозного культа — это то же самое, как если бы запретить эту религию особым законом. *Стало быть, ни одна власть не вправе упразднить установленный культ до тех пор, пока народ сам в нем не разуверится.*

Не имеет значения, являются ли религиозные воззрения народа суеверием или нет; надо рассуждать с точки зрения народа».

Такая точка зрения Робеспьера является ясной и великой во многих отношениях, но она и очень опасна и могла бы ока-

заться гибельной. Величие ее в трогательном уважении, с которым Робеспьер относится к душе народа, к скромному сознанию бедного человека. Другие революционеры, особенно якобинские ораторы, которых я цитировал, относятся свысока, если можно так выразиться, к предрассудкам народа. Они заявляют, что отнюдь не намерены силой развеять их, но в тот самый момент, когда они соглашаются мириться с ними, они их третируют и оскорбляют. Робеспьер не в состоянии смотреть свысока даже на заблуждения народа; он приспосабливается к ним и как бы ставит себя на их уровень. Прежде всего он сам, ученик Жан Жака, верит в личного и сознательного бога, правящего миром благодаря своему величию, и в бессмертие человеческой души [39]; он пытается отыскать под христианской оболочкой народных верований эти два догмата естественной религии. Он убеждается в том, что народ, в конечном счете, согласен с мыслью Руссо, которая стоит всей философии энциклопедистов. Кто знает, может быть, с высоты этих идей, являющихся для Робеспьера господствующими истинами, самой возвышенной точкой зрения на вселенную и на жизнь, народ вправе с некоторым презрением смотреть на тех, кто высокомерно делает вид, будто снисходительно относится к его духовному убожеству? Между деистом, наследником Жан Жака, и народом-христианином могло существовать непонимание, какое суждение должно иметь о личности Христа? Есть ли он человек, сын и брат людей? Есть ли он бог, который, несмотря на принятый им человеческий облик, обладает высшей властью над людьми?

В зависимости от сделанного выбора последствия могут быть разнообразными до бесконечности; словно избегая всякой возможности разлада между деистом-философом и скромной христианской массой, Робеспьер как бы уклоняется от этого выбора, обходит проблему. Еще в своем «Савойском викарии» Руссо ушел от ответа, не столько решившись на что-то, сколько поддавшись сердечному порыву. Пусть он потом восклицал: «Если Сократ жил и умер как мудрец, то Иисус жил и умер как бог» [40], все же очевидно, что он не понимал слово «бог» в традиционном смысле, какой ему придает церковь; эта предполагаемая божественность Иисуса не основана ни на чудесах, ни на какой-либо сверхъестественной системе. Она для пылкого и смятенного сердца безвестного викария — всего только несравненная степень святости, не находящей мерила в человеческой жизни: «Святость Евангелия говорит моему сердцу» [41]. Вот и все догматическое доказательство, и вот также для священника, устами которого говорит Руссо, весь смысл божественной сущности Христа. Точно так же, когда он у алтаря освящает хлеб и вино, он на мгновение перестает спрашивать себя о таинстве пресуществления, которое смущает его, и преклоняется, *как если бы бог был там*; и тогда, когда он касается личности Христа, он

в порыве нравственного усердия позволяет себе смешивать божественность и святость. Он поклоняется, хотя разум его в этом не участвует.

Робеспьер остерегается такого помутнения разума; и он открыто предупреждает, что не признает иного бога, кроме бога свободного человечества. Но он говорит о «сыне Марии» с каким-то двусмысленным почитанием; он вовсе не собирается резко сорвать покров божественности, под которым народ, сам того не подозревая, поклоняется своим самым возвышенным надеждам и самым высоким добродетелям своего собственного сердца. Он, несомненно, надеется, что народ вскоре сам разберется в этой путанице, что он освободится от всего, что осталось в его вере от суеверия и заблуждений, причем понятие о справедливости и надежды на бессмертие, составляющие ее основу, останутся незыблемыми.

В один прекрасный день бедный савойский викарий, ставший конституционным священником, повернется лицом к свободному христианскому народу, собравшемуся в деревенской церкви; и с высоты амвона, в тот самый момент, когда он приступит к освящению хлеба и вина, он ему скажет:

«Друзья, до сего времени я охранял простодушие вашей веры, которая намного выше, нежели все ухищрения философов. Но теперь я знаю, что длительное пользование свободой и разумом очистило в достаточной мере ваши мысли, чтобы вы могли отличить важнейшие истины от символов, в которые они были облечены для вас. Нет, это неправда, что бог сегодня материально присутствует в виде хлеба и вина; однако духовное присутствие в каждом из вас того, кто дал людям несравненный пример кротости и жертвенности, куда реальнее, куда существенней, чем если бы он в действительности был скрыт в этом небольшом количестве материи. Покров символа может упасть. Этот чувствительный образ уже не нужен умам, уверенным в себе. И так же неправда, и вы это предчувствовали, что бог мог воплотиться, материально реализоваться в человеческом облике; так же как он не может быть скрыт в эту минуту в материальной субстанции хлеба и вина, так не может быть он скрыт и в материальной субстанции человеческого существа. Но святость, которую превеч-

---

39. «Да, взывать к имени Провидения и выражать идею вечного существа, которое, в сущности, определяет судьбы наций... это вовсе не чересчур рискованная мысль, но чувство моего сердца, чувство, которое необходимо мне» (речь от 26 марта 1792 г.).
40. «Исповедание веры савойского викария» см. в книге IV «Эмиль, или О воспитании» (1762 г.).
41. «Я также признаюсь вам в том, что меня удивляет величие Писания, святость Евангелия много говорит моему сердцу. Обратитесь к книгам философов со всей их суетностью: как они мелки рядом с ним!» Знаменитое место из «Исповедания веры».

ный бог сообщает человечеству, с такой яркостью проявилась в личности и жизни Христа, что он сделался для нас олицетворением самого бога, извечно присутствующего среди людей. И здесь тоже символ не нужен. Присутствие превечного бога среди людей не нуждается более в том, чтобы оно воплощалось в трогательных, но несовершенных образах. В сознании народа свободного, любящего справедливость, бог проявляет себя лучше всего. Свет, распространенный Христом, всего лишь — заря, возвещающая божественный свет свободы. Теперь надо обращаться не к Востоку, а к потокам света, идущим от свободного человечества. Вы отнюдь не заблуждались, но и мы тоже отнюдь не заблуждались. Символы, под которыми вы познавали истину, не увели вас на ложную тропу, коль скоро они подготовили вас к познанию истины во всей ее полноте. Те, кто их высмеивал, оказались гораздо дальше от правильного пути, нежели те, кто, ведомые пока еще смутным предчувствием своего разума и более прозорливым инстинктом своей души, шагали по утопавшим в тени дорогам, к светлому дню, неожиданно ярко засиявшему перед их взором. Нет, нам ничего не надо вычеркивать из былого, ни о чем сожалеть. Это все та же истина, перед которой мы преклоняемся, но сейчас наконец мы можем преклоняться перед ней, сбросив с нее покров тайны; это награда за наше долгое рвение и наивысшая победа свободы».

Вот чего ожидал Робеспьер от конституционного духовенства, не назначая точно срока. Он хотел бы, чтобы народ перешел от христианской веры к рациональному деизму, не испытывая ни на миг смущения и не чувствуя себя униженным. И его раздражало, что предложение Комитета финансов собирается сорвать эту глубокую и мирную эволюцию народного сознания. Его возмущало, что, соблазняя экономией, сокращением налога, пытаются увести народ с пути веры, что собираются как бы установить тариф за всеобщее отречение, какого совесть сама не стала бы предписывать. В этом глубоком уважении и чутком отношении к народу и заключается величие Робеспьера. И благодаря этому, несмотря на свои недостатки и пороки, несмотря на свое незнание, свое тщеславие, свою зависть и ненависть, только благодаря этому он нашел путь к сердцу народа. Он затронул в нем глубокие струны, которых другие не касались. В уничтожающем портрете Робеспьера, нарисованном 9 ноября в газете Кондорсе, резко подчеркивалось то, что было в нем от священника.

«Спрашиваешь себя порой, почему за Робеспьером тянется столько женщин, у него дома, на трибуне Якобинского клуба, у Кордельеров, в Конвенте? Это потому, что Французская революция представляет собой религию, а Робеспьер создал в ней секту; он — священник, окруженный благочестивыми богомолками, но совершенно очевидно, что все могущество Робеспьера

держится на женщинах. Робеспьер проповедует, Робеспьер порицает, он серьезен, он гневен, он меланхоличен, он восторжен, но бесстрастен; его мысли, его поведение вполне логичны, он громит богачей и власть имущих; в жизни он довольствуется очень малым, у него нет физических потребностей; у него одна-единственная миссия, а именно говорить; и он говорит почти непрестанно; он создает себе учеников; у него есть личная охрана; он разглагольствует у якобинцев, если надеется привлечь их в свою секту; он замолкает, если боится подорвать свой авторитет; он отказывается от постов, на которых мог бы служить народу; и ищет таких постов, где он надеется этим народом командовать; он появляется, когда может произвести сенсацию, он исчезает, когда сцена заполнена другими; ему присущи все черты не главы религии, а главы секты; он создал себе репутацию суровости, граничащей со святостью, он взбирается на скамьи, он разглагольствует о боге и о провидении, он объявляет себя другом бедняков и убогих разумом, он с важным видом принимает их поклонение и знаки почитания, он исчезает, почуяв опасность; когда же опасность миновала, он тут как тут [42]. Робеспьер — всего лишь священник и никогда не будет никем, кроме священника».

Да, было в нем что-то от священника и от сектанта, нетерпимая претензия на непогрешимость, гордость ограниченной добродетели, тираническая привычка судить обо всем по мерке собственной совести и ужасающая черствость к личным страданиям людей, черствость сердца человека, одержимого идеей, который постепенно доходит до того, что смешивает свою личность со своей верой, интересы своего честолюбия с интересами своего дела. Но была в нем и исключительная моральная чистота, религиозное и страстное чувство жизни и какая-то беспокойная забота о том, чтобы не преуменьшить, не принизить способностей человеческой натуры, отыскивать в самых незаметных проявлениях мысли и веры великую сущность человека.

Кроме того, Робеспьер склонялся к христианской мысли в силу какого-то глубокого пессимизма, аналогичного пессимизму христианства и пессимизму Жан Жака. Христианство не является полностью и окончательно пессимистическим, ибо оно открывает перед человеком потусторонние горизонты, но оно сурово судит природу и общество. Предоставленный себе, без божественной поддержки и милости, человек всего лишь сосуд мрака и зла; и внешний прогресс, которого он добивается с помощью науки и искусства, не достигает глубин его больного существа. Предоставленные самим себе, общества никогда не добьются естественного равновесия справедливости, какое дают человеку

42. Злой намек на позицию Робеспьера во время восстания 10 августа 1792 г.

надежды на загробную жизнь. Еще более горькой, нежели христианская мысль, и более беспокойной является мысль Жан Жака, также преисполненная пессимизма. Человек, на его взгляд, переходит от естественного состояния, где сочетается все — невинность и насилие, простота и невежество,— к состоянию цивилизованному, где рост знаний неотделим от роста развращенности. Никогда в социальной системе не воцарится справедливость. Сомнительно, чтобы абсолютная демократия могла осуществиться в современных больших государствах, и Руссо, определяя верховную власть народа, казалось, отчаивается в том, что она когда-нибудь станет реальностью. Кроме того, как вне пределов первобытного коммунизма, давно уже уничтоженного, установить равенство? И как установить этот коммунизм в развращенных и разделенных враждой обществах? Так Жан Жак изнемогает от нестерпимого горя и невозможности воплотить мечту об усовершенствовании человечества и общества, которая ни в какой период истории, ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем, не могла превратиться в реальность. Поэтому он бросился за пределы времени, в страстный, почти христианский деизм, который обещал какими-то неведомыми путями привести его к гармонии справедливости, в которой его истерзанному сердцу отказывал весь необъятный мир.

Робеспьер не воспринял у Жан Жака весь его безысходный пессимизм, поскольку он верил в возможность осуществления демократии в больших современных государствах. Но он говорил себе, что даже после установления полной демократии еще много зол будет удручать человека. Ему казалось невозможным в должной степени умерить социальное неравенство, ему казалось невозможным привести все состояния и все имущества к одинаковому уровню, не остановив, не сломав импульсов человеческой жизни; он предвидел нескончаемое возрождение, из поколения в поколение, гордости и эгоизма одних, страдания и зависти других. Он не предчувствовал социализма; он не предвидел возможности нового порядка, где силы всех людей будут развиваться более гармонично.

Следовательно, дело Революции, как ни огромны ее успехи, на какую полную ее победу ни надеялись, представлялось ему очень кратковременным и крайне поверхностным, с самого начала наполовину обреченным на провал вследствие существующего социального неравенства и вследствие пороков всякого рода, которые неизбежно из этого неравенства проистекают. Вот почему он питал некоторое уважение к христианской деятельности, которая, ему казалось, иногда проникала в человеческие души глубже, чем это удавалось революционной деятельности. И ему было совестно вырывать из душ людей мистические надежды на справедливость и счастье, дать замену которым Революция, по его мнению, никогда не сможет.

В этом и состоит великая душевная драма Робеспьера; отсюда и глубокое волнение этой несколько черствой души и ее постоянная грусть. Он работает над очень трудно осуществимой задачей и заранее знает, что, даже когда она будет осуществлена, это едва ли успокоит душу человека; и он не хочет разрушать остатки надежд, оставшихся в наследство от прошлого, в тот самый час, когда, чтобы установить новый порядок свободы и справедливости, ему необходимо побороть силы прошлого. Поставим ли мы, социалисты, в упрек Робеспьеру то, что он страдал от жестоко терзавших его несовершенств буржуазно-демократической Революции, что он искал в некоем современном приспособлении христианства дополнительную моральную силу и радость, каких он в своем социальном пессимизме не ожидал от естественного развития общества? Да, была в этом большая и грустная мысль, какой-то глубокий, таинственный и мрачный свет, обнажающий горести и несправедливость, которых Революция не в силах исцелить.

Но в то же время такая концепция была чревата опасностями. Прежде всего, Робеспьер слишком легко примирился с невежеством народа, с упорным заблуждением, привязывавшим его к обветшалым догмам; под предлогом, что нравственные убеждения народа по традиции связаны с его верой, он способствовал сохранению этой веры; он явно не горел нетерпением увидеть народ возвысившимся до науки, способным окинуть вселенную взглядом свободным и смелым.

Во-вторых, было весьма неразумно воображать, что путем некоего смягчения и обесцвечивания его основных догм христианство само собой превратится в естественную религию. Божественность Христа в течение восемнадцати веков господствовала над сознанием людей; именно к этой форме бога, живой, человечной, исторически сложившейся, гораздо более, нежели к абстрактной, неподвижной и бледной идее Верховного существа, были привязаны сердца страждущих масс; и вскоре при малейшем движении реакции, при малейшем разочаровании народа именно христианство, нетронутое, требовательное, вновь возникнет из-под поверхностного слоя деизма. Робеспьер отнюдь не выкорчевывал глубоких корней, авторитарная власть церкви могла неожиданно возродиться из этих скрытых корней[43].

---

3. По этому вопросу столкнулись точки зрения Олара и Матьеза. См.: A. Aulard. Le culte de la raison et de l'Etre suprême. Paris, 1892; A. Mathiez. La Révolution et l'Église. Études critiques et documentaires. Paris, 1910, chap. III, «Robespierre et la déchristianisation». По мнению Олара, «Мистическая душа Робеспьера с энтузиазмом воспринимала неохристианство Ж. Ж. Руссо. Он выступал не против догмата; он лишь упрекал священников в том, что они исказили и усложнили догмат». По словам Матьеза, «этот *фанатик*, стараясь лишить различные культы

И наконец, следовало опасаться, как бы сам Робеспьер, создав определенные догмы естественной религии, почти слившиеся с очищенной формой христианского догмата, являющегося самим условием морали и добродетели, не впал в искушение поставить силу государства на службу этому христианско-философскому компромиссу и как бы эти путаные тропы не привели Францию к былой нетерпимости [44].

Да, вот какие серьезные опасности таила в себе концепция Робеспьера, и все же они не способны заслонить от нас все ее величие. И во всяком случае, г-н Робине ошибается, утверждая, что под влиянием личных взглядов Робеспьера Революция в тот момент высказалась против отделения церкви от государства. Совсем не «ханжи с улицы Сент-Оноре», как г-н Робине соизволил именовать якобинцев, следуя своему благочестивому деизму, поддержали бюджет культов. Все деятели, все партии Революции были единодушны в этом вопросе; кордельер Дантон, пожалуй, более страстно выступил против проекта Камбона, нежели якобинец Робеспьер.

ОШИБКА КИНЕ

Кине также уступил партийному пристрастию, когда он возложил на Робеспьера ответственность за политику, которую поддержали сразу почти все члены Конвента, дантонисты и энциклопедисты точно так же, как и робеспьеристы [45].

«Представилась возможность,— писал Кине [46], — измерить прогресс умов. Дело было в ноябре 1792 г., чуть раньше, чем начался суд над королем. Все прошлое рушилось, каждый хотел свалить хоть один камень. Камбон внес в Конвент очень простое предложение: прекратить наконец платить жалованье духовенству. Казалось бы, в горячке событий и дел этот проект не должен был встретить сопротивления среди монтаньяров. Здравый ум Камбона судил именно так. Он был жестоко разочарован якобинцами. Базир начал атаку от их имени. Но в такого рода вопросе требовался авторитет более высокий, чем Базир. И решил вопрос Робеспьер... Наиболее убедительный довод заключался в том, что «отныне католицизм может быть только отзвуком Революции, ибо в сознании людей не осталось ничего, кроме этих внушительных догматов, служащих опорой нравственных идей и возвышенного и трогательного учения о добродетели и равенстве, которое сын Марии проповедовал некогда своим согражданам».

Важные слова, остающиеся до наших дней темой обсуждения и ставшие причиной провала французских революционеров. Почему же молчала Революция в тот самый момент, когда она, казалось бы, одержала полную победу? Я вижу, что существуют

прежние цепи, предвещающие мне прежнее рабство. Не надо менять ни единого слова в мысли и в языке Робеспьера, чтобы извлечь из них Конкордат Наполеона: в 1792 г. уже проглядывал 1801 г.».

Кине смотрит на вещи не с очень большой высоты, но с очень дальнего расстояния и со странной предвзятостью. Еще раз повторяю: зачем так упорно обвинять одного Робеспьера в то время, как с ним боролись, на него нападали со всех сторон и его влияние на Конвент было таким ничтожным? Любопытная вещь: в самом Конвенте Робеспьер ни слова не сказал о проекте Камбона. Это Дантон на него нападал. Это Дантон 30 ноября, еще не успев подняться на трибуну, воскликнул: «Во Франции возникнут потрясения от чересчур поспешного применения философских принципов, которые мне дороги, но для которых народ, особенно народ деревень, еще не созрел».

Если те, кто клеймит политику, проводившуюся в ту пору Конвентом, сосредоточивают все свое внимание на Робеспьере и как будто начисто забывают о решающей роли Дантона, то это происходит потому, что им было бы затруднительно приписать Дантону партийное пристрастие. И тогда они были бы вынуждены признать, что Конвент в тот момент руководился политическими мотивами. А это противоречило бы их предвзятому мнению.

Кине, сын кальвинистки, желал бы, чтобы революционная Франция примкнула к протестантизму. Не то чтобы сам он был набожным учеником Лютера или Кальвина. Но ему казалось, что протестантизм вольет в индивидуальное сознание и волю энергию, в которой Франция нуждается для борьбы против католицизма и цезаризма, против двух римских форм власти. Он думал также, что страна, неспособная сразу перейти от католической традиции к свободомыслию, должна пройти промежуточную стадию через протестантизм, поскольку протестантизм есть род компромисса между религиозной верой и свободомыслием. Однако Кине не видел, что эта несколько странная мечта, которой предавался также и Бодо [47], могла осуществиться только с помощью средства,

---

всякого официального характера, несомненно, яростно старался заставить уважать их право на существование как частных организаций».

44. Чересчур крайний взгляд, приближающийся к мнению Олара, который, не колеблясь, написал, что «этих несчастных (Шометта, Эбера, Клоотса и др.) потому и отправили на эшафот, что они думали о боге не так, как Робеспьер», это «жертвы новой инквизиции».
45. Книга Кине о революции вышла в 1865 г.
46. Quinet. Œuvres complètes, t. XII, p. 272.
47. Кине широко пользовался «Историческими записками» члена Конвента Бодо, изданными вдовой Э. Кине в 1893 г. См. выше, с. 221, прим. 9.

придуманного Робеспьером. Не было никаких шансов отторгнуть Францию от традиционной религии лишь для того, чтобы привести ее полностью к религии Лютера или Кальвина. Напротив, конституционная церковь, постепенно проникающаяся духом Революции и склоняющаяся к деизму, могла действительно достигнуть ряда компромиссов, новой Реформации, более смелой в философском плане. Сравнение, которое Кине делает между церковной системой Робеспьера и Конкордатом Наполеона, совершенно произвольно и искусственно. Для того чтобы здраво судить об идее Робеспьера, надо вместе с ним предположить, что победят Революция, демократия и Республика. Так вот, если бы Революция окончательно победила, если бы она не оказалась во власти цезаризма, то конституционная церковь, поддерживаемая силой революционной мысли, подчиненная благодаря демократическому избранию приходских священников и епископов народному влиянию, ни в малейшей мере не оказалась бы похожей на церковь Наполеона и не могла бы играть такой же роли. Члены Конвента в 1792 г., стало быть, не предавали Революцию, когда они ставили перед собой религиозную проблему в следующих настойчивых и простых словах: можем ли мы, да или нет, начать прямую и открытую борьбу против того, что осталось от религиозной организации, не вызывая народных волнений и не умножая грозящих Революции опасностей? Мне представляется несколько самонадеянным и несовершенным с философской точки зрения подменять их суждения своими и задним числом переделывать историю, хотя сами мы не несли на себе ее бремени. Революция уже нанесла сокрушительный удар церкви. Она экспроприировала ее собственность, лишила ее социального могущества. Она сокрушила и разогнала конгрегации всякого рода. Она если и не порвала, то по крайней мере очень сильно ослабила связи французской церкви с папской властью. Она включила церковь в административные и выборные кадры демократии. Она выслала неподчинившихся священников, отказавшихся присягнуть ей. Она разработала систему народного просвещения, полностью светского и рационального. Если она вместе с Кондорсе, вместе с Дантоном сочла неполитичным идти еще дальше, если она побоялась преждевременной отменой бюджета культов вызвать напрасные народные волнения, то я не могу присоединиться к презрению и гневу г-на Робине, которому не терпелось увидеть, как будет введен республиканский календарь; и я не могу забыть, как забывает Кине, что деятели Революции несли на себе непосильную ответственность, что им приходилось маневрировать среди ужасающей бури и что мы, поскольку мы не попали в эту грозу, не имеем права критиковать и произвольно корректировать их действия. По крайней мере было бы более уместно, если бы эти надменные судьи выразили сомнение, а не вынесли обвинительный приговор.

Между тем, пока Революция дурно ли, хорошо ли разрешала важную проблему, поднятую Камбоном, между Революцией и присягнувшим духовенством росло недоверие. Последнее было напугано предложением, которое, хотя и было отклонено вначале, могло вновь всплыть, оно было оскорблено способом, каким его защищали. У этого духовенства было такое чувство, что революционеры, даже наиболее решительные противники отмены бюджета культов, рассматривали церковь, даже конституционную, как неизбежное, но временное зло. Так к яростной враждебности неприсягнувших священников присоединилось направленное против Революции глухое беспокойство и обида присягнувшего духовенства. Это тягостное положение с самого начала оказывало влияние на Конвент.

Глава восьмая

*

ФИНАНСОВОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ФИНАНСОВЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

Начинали также проявляться финансовые затруднения. Бюджеты Революции никогда не были сбалансированы; прежние доходные статьи были упразднены, а поступление новых налогов, механизм которых был иногда довольно сложным, не давало еще полного эффекта.

Как Учредительное, так и Законодательное собрание постоянно восстанавливали равновесие бюджета именно с помощью ассигнатов. Война резко усилила дефицит. С первых же месяцев она поглотила почти все наличные ресурсы Революции. Законодательное собрание, как это напомнил Камбон в своем докладе о финансах от 17 октября, не колеблясь, ограничило 6 млн. в месяц размеры погашения подлежащих истребованию долгов, чтобы справиться с военными расходами [1].

«Законодательный корпус,— заявил Камбон,— вынужденный объявить войну для защиты свободы, счел, что ради этого дела он должен пожертвовать всем. Он полагал, что надлежит сохранить все наличные ресурсы для покрытия расходов, связанных с войной. *В соответствии с этим он сократил погашение подлежащих истребованию долгов до 6 млн. в месяц, имея при этом в виду только долги на сумму ниже 10 тыс.* И он отложил до более благоприятных времен все расходы, не связанные с войной и с Революцией».

Это не было банкротство в точном смысле слова, то «отвратительное банкротство», которым Мирабо нагонял страх на Учредительное собрание. Ибо могло казаться, что дело сводится к короткой отсрочке, вынужденной переживаемым родиной чрезвычайным кризисом, а декретированная продажа имуществ эмигрантов обещала кредиторам государства компенсации и возможность

выгодных комбинаций. Все же налицо была приостановка платежей, и это был один из самых значительных признаков революции, совершавшейся в самой Революции.

Анализируя экономические и социальные причины великого движения 1789 г., я цитировал знаменитое изречение Ривароля: «Революцию сделали рантье». А сейчас интересы буржуа-рантье перестали направлять Революцию, управлять ею. Под действием опасности Революция как бы становится своей собственной целью и своим собственным правом, и она без колебаний приносит в жертву ради своей защиты те самые интересы, которые в самом начале лежали у ее истоков. Правда, рантье были захвачены революционным движением и уже не могли отступить. Более того, Революция им говорила: «Как только кончится эта кощунственная война, предпринятая против свободы и нашего отечества, как только будут сокрушены контрреволюционеры как внутри, так и вне страны, сразу же станет возможным погашение подлежащих истребованию долгов в гораздо более широких размерах».

Однако, несмотря на то что ассигнаты шли теперь почти полностью на военные расходы, дефицит возрастал. Первый доклад Камбона о финансах от 12 октября констатирует его размеры [2]:

«Учредительное собрание полагало, что оно может и должно установить размеры расходов на уровне 48 558 333 ливров в месяц. Вскоре оно убедилось в том, что поступления не достигают этой суммы вследствие задержек с взиманием налогов, в результате чего создается дефицит, усугубляющийся с каждым днем.

Эта часть непоступлений за истекший сентябрь месяц достигает 16 328 211 ливров. К тому же в текущем месяце у нас было 400 тыс. солдат, а пришлось призвать еще 200 тыс. Расходы по этой статье поднялись до 121 167 791 ливра».

Таким образом, пришлось обратиться к Кассе чрезвычайных доходов, хотя бы для сентября месяца, для покрытия дефицита в 140 млн. ливров. Как же она могла с этим справиться? Малопомалу, по мере надобности, установленная цифра эмиссии ассигнатов была увеличена. Ее постепенно повышали: до 1200 млн., до 1400, до 1600, и, наконец, закон от 31 июля 1792 г. довел разрешенный предел эмиссии до 2 млрд. Но и этот предел был достигнут.

«5 октября сего года,— сказал Камбон в своем докладе от 17 октября,— сумма выпущенных в обращение ассигнатов достигла 2589 млн. ливров. Сумма сожженных ассигнатов к тому времени достигала 617 млн. ливров. Таким образом, поскольку сумма ассигнатов в обращении достигала 1972 млн. ливров, Касса чрезвычайных доходов могла выпустить новых ассигнатов не

1. «Moniteur», XIV, 229; «Archives parlementaires», LII, 535; Buchez et Roux. XIX, 325.
2. «Moniteur», XIV, 190; «Archives parlementaires», LII, 469.

более чем на 28 млн., разве что были бы произведены новые сожжения старых ассигнатов. Поскольку поступления от продажи национальных имуществ составляют только 3 или 4 млн. в неделю ассигнатами, которые затем аннулируются и сжигаются, и поскольку расходы Кассы чрезвычайных доходов достигают приблизительно 100 или 120 млн. в месяц, необходимо, чтобы вы декретировали увеличение суммы ассигнатов, разрешенной к выпуску в обращение».

Комитет финансов предложил новую эмиссию ассигнатов на сумму 400 млн. Стало быть, предел допустимой эмиссии должен был подняться до 2400 млн. и почти немедленно этого предела должно было достигнуть и действительное обращение ассигнатов. Но достаточен ли был тот вещный залог, тот земельный залог, который Революция дала владельцам ассигнатов, чтобы гарантировать такой размах бумажно-денежного обращения, выросший втрое по сравнению с тем, что было предусмотрено в начале работ Учредительного собрания? Камбон отвечал на этот вопрос утвердительно, и его точные и хорошо обоснованные доказательства могли бы внести успокоение, если бы можно было с уверенностью предвидеть близкий конец военных расходов. Несомненно, в октябре 1792 г. Революция еще сохраняет свое финансовое равновесие. Ресурсы, которые она может реализовать, превосходят огромную сумму как уже выпущенных, так и намеченных к выпуску ассигнатов. Но это равновесие явно находится в полной зависимости от превратностей военных событий [3].

«Законодательный корпус,— сказал Камбон,— когда декретировал новые эмиссии ассигнатов, всегда очень внимательно указывал, какие имущества послужат им залогом, и декретировал продажу этих имуществ.

Именно в этих целях он потребовал в минувшем апреле месяце представления ему весьма подробного отчета о нуждах и о ресурсах нации, о стоимости проданных и назначенных к продаже национальных имуществ, а также о сумме находящихся в обращении ассигнатов.

Из этого отчета, основные положения которого были декретированы после продолжавшейся несколько дней дискуссии, вытекает, *что стоимость имуществ, продажа которых была завершена к 1 ноября 1791 г., и размер дохода, ожидаемого от имуществ, назначенных к продаже, но к тому времени еще не проданных, составляют 2445 млн.*

Накопившиеся с тех пор проценты, уплаченные покупателями проданных национальных имуществ или следуемые с них, а также прибыль от поступлений и доходов с имений, назначенных к продаже, могут быть оценены в 50 млн. ...

После апреля Законодательный корпус декретировал продажу многих объектов, а именно:

дворцы епископов, оцененные им в 15 млн.;

дома и монастыри, где жили монахини, оцененные им в 60 млн;

бывшие имения, находившиеся в пользовании Мальтийского ордена и коллегий, оцененные в 400 млн.;

наконец, порубки заповедников и лесных чащ по способу, который будет им установлен, оцененные им в 200 млн.»

Итак, Камбон оценивал совокупность национальных имуществ, как уже проданных, так и назначенных к продаже, в 3170 млн. А так как ассигнатов было выпущено на 2700 млн., к которым надлежит добавить на 41 млн. квитанций, временных и окончательных, гарантированных национальными имуществами, то эти имущества оказывались заложенными на сумму до 2741 млн. Стало быть, свободных оставалось лишь 429 млн. для обеспечения вновь выпускаемых ассигнатов. Мы видим, что этого свободного остатка как раз хватало для покрытия новой эмиссии 400 млн., предложенной Комитетом финансов. И то только при условии, что оценки Комитета финансов были точными и что стоимость имуществ, еще подлежащих продаже, не была завышена.

Но все это составляло для Революции лишь, так сказать, ресурсы первой линии. Она обладала, кроме этого, огромными резервами, которые она могла мобилизовать по мере надобности.

«Ваш комитет счел долгом в заключение этого доклада представить вам краткий обзор остающихся в вашем распоряжении чрезвычайных ресурсов для покрытия военных расходов или для погашения долга. Они состоят:

1. В остатке залога уже произведенных выпусков ассигнатов, согласно выше приведенному расчету: 429 млн.

2. В стоимости рощ и лесов, оцененных Законодательным корпусом в 1400 млн., но которая, судя по опыту произведенных продаж, сводится к сумме 1200 млн.

3. В стоимости имуществ эмигрантов, многими лицами оцениваемой в 2 млрд., но которую ваш комитет представляет вам пока как ресурс размером в 1 млрд.

4. В стоимости имений, находящихся в распоряжении ведомства цивильного листа, которые с упразднением монархии вы можете назначить в продажу, а именно: 200 млн.

5. В доходах, ожидаемых от возвращения во владение заложенными имениями, оцениваемых Законодательным корпусом в 100 млн.

6. В доходах от земельных рент и феодальных прав, основанных на первоначальных титулах, подтверждающих уступку земли. Законодательный корпус оценил эту статью в 208 млн., но

---

3. Относительно важной проблемы ассигнатов см.: J. Morini-Comby. Les assignats. Révolution et inflation. Paris, 1925. [См. также ценное исследование: С. А. Фалькнер. Бумажные деньги Французской революции (1789—1797). М., 1919.]

в соответствии с последним декретом о феодальных повинностях ваш комитет счел должным сократить ее до 50 млн.» [Речь идет о земельных рентах и феодальных правах, составлявших часть имущества церкви, которые отныне вместо нее должно было взимать государство, в той мере, в какой они были сохранены революционным законодательством.]

И Камбон заключил: «Если к этой сумме мы добавим то, что следует государству в виде недоимок по налогам, те 100—150 млн., которые государственное казначейство всегда имеет авансом на текущие расходы... *то ресурсы могут достигнуть капитала около 3300 млн. или 3400 млн.*»[4].

Это была в самом деле внушительная цифра и как бы великая финансовая армия второй линии. Камбон возвышает голос, чтобы предупредить монархическую и феодальную Европу, что Революция вооружена богатством так же, как и мужеством. «Не без страха узнают деспоты о том, какая масса средств остается еще в наших руках, чтобы победить их. И это знание в сочетании с тем, что они узнали на собственном опыте о наших силах и нашем мужестве, заставит их дрожать за свое политическое существование». 24 октября Конвент декретировал запрошенную Камбоном эмиссию.

Но уже начинается тревога. Правда, ресурсы в размере около 3 млрд., казалось, были налицо. Но чтобы достигнуть этой огромной цифры, надо было напрячь все силы. Несмотря на неистовое сопротивление восточных областей, несмотря на опасения захвата лесных богатств страны компаниями капиталистов, пришлось решиться на продажу лесов [5]. И если, когда шла речь о полях, лугах, виноградниках, конкуренция между покупателями способствовала сохранению цен на довольно высоком уровне и даже поднимала их выше предварительной оценки, то первые продажи лесов с торгов говорили о вероятном просчете. Когда подсчитанные Камбоном ресурсы, хотя и огромные, будут исчерпаны, у Революции не останется больше никаких чрезвычайных ресурсов. Все богатства, которые она себе создала, будут израсходованы: владения церкви, владения Мальтийского ордена, государственные леса, имения эмигрантов. Между тем уже за два истекших года, в период почти полностью мирный, было израсходовано около 3 млрд., все огромные владения церкви. Что же будет с остающимися еще 3 млрд., если война затянется? Они будут поглощены гораздо скорее. Именно потому, что Камбон вопреки своему оптимизму и успехам (вначале блестящим) наших армий предчувствовал серьезные и, может быть, уже близкие трудности, он и подумал о сокращении обычных расходов, регулярного бюджета Революции, путем упразднения бюджета культов.

Он возвещает также принудительный заем у богатых или какую-нибудь другую меру такого же порядка: «Может быть, пона-

добится еще увеличить этот капитал *введением кратковременных обложений, которые лягут на людей состоятельных и эгоистов, спокойно выжидающих у своих очагов успеха Революции или втайне старающихся погубить ее*» [6]. Все эти комбинации, все эти проекты свидетельствуют о том, что перед лицом огромного роста порождаемых войной расходов Камбон не очень спокоен насчет финансового равновесия. Для всех очевидно, что ресурсы Революции покоятся только на системе постоянного выпуска ассигнатов и что ассигнат становится все более и более необходимым, тогда как его залог, хотя он и велик еще, уменьшается с каждым днем. Не следует поэтому удивляться, что недоверие к ассигнату, возникшее в середине 1792 г., продолжало усиливаться [7]. Не следует поэтому удивляться и тому, что, как следствие этого, экономические волнения, первопричиной которых было начавшееся падение курса ассигната, стали повторяться и также усиливаться.

ДОКЛАД РОЛАНА О КОММЕРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Нельзя сказать, чтобы в эту пору конца 1792 г. и начала 1793 г. экономическая активность страны пострадала. Снижения производства не наблюдалось, товарообмен не ослабевал. Я уже отмечал вполне благоприятные результаты, зарегистрированные в официальных документах для первой половины 1792 г. Ролан в докладе Конвенту от 9 января о своем управлении в целом комментирует эти результаты с той компетентностью и надежностью, которые он приобрел в этом деле в результате усиленных занятий, длительных поездок и долгой практики в качестве инспектора мануфактур [8]. И в докладе Ролана нет ни слова, которое бы позволило предположить, что во втором полугодии 1792 г. экономическая жизнь страны стала ослабевать. А между тем при том умо-

---

4. Доклад нарочито оптимистический и несколько лживый; конечно, имущества эмигрантов представляли собой материальное обеспечение ассигнатов; но методы их оценки и продажи еще не были установлены.
5. См. настоящее издание, т. II, с. 373, «Вопрос о лесах».
6. 9 марта 1793 г. Конвент одобрил в принципе установление военного займа, бремя которого должны нести только богатые. *Принудительный заем* был установлен декретами от 20 мая, 22 июня и от 3 сентября 1793 г.; это был принудительный заем на сумму в один миллиард, распределявшийся между гражданами, доход которых превышал 1500 франков.
7. В октябре 1792 г. курс ассигната упал на 29%; в июле 1794 г.— на 66%. В конечном счете увеличение бумажного обращения втрое вызвало обесценение ассигната всего лишь наполовину. Катастрофа денежного обращения разразилась лишь после Термидора и падения Революционного правительства.
8. «Moniteur», XV, 90; «Archives parlementaires», LVI, 605 et 633.

настроении, в котором пребывал Ролан, вечно страшащийся того, что он называл анархией, вечно угрюмый и сетующий, он не преминул бы сигнализировать о кризисе в деловой жизни как неизбежном следствии «смут», которые он непрестанно разоблачал. Наоборот, в нарисованной им картине почти нет темных красок. В его докладе не ощущается неприятных предчувствий. «Внешние сношения Республики со всеми европейскими, левантскими [Ближний Восток], берберскими * и англо-американскими народами выразились в первом полугодии 1792 г. в 227 млн. импорта и 382 млн. экспорта, что предвещает для всего года закупки заграницей на сумму 554 млн. и продажи за границу в размере 764 млн. Обычно в среднем наши закупки не превышали 319 млн., а наши продажи — 357 млн. в год. То пропорциональное превышение, которое сейчас наблюдается в наших коммерческих сделках, имеет различные причины, которые будут указаны в ходе дальнейшего анализа.

Страны Южной Европы, такие, как Испания, Португалия и Италия, доставили нам за указанное полугодие товаров на 95 млн., тогда как обычно в среднем они поставляют нам товаров не более чем на 100 млн. Это главным образом шерсть, шелк. индиго, кошениль, сода, красильное дерево и дерево для инкрустации, оливковое масло. Важную статью составляет зерно, особенно из Генуи, а также виноградные водки из Испании, восполняющие в настоящее время недостаток наших водок, вызванный плохим урожаем винограда. Взамен мы им продали товаров в том же полугодии на 78 млн., а именно изделия наших мануфактур, суконных, трикотажных, шляпных и других, а также сахар и кофе из наших колоний.

В среднем мы продавали за год этим южным странам тех же товаров на 94 млн. Надо еще принять во внимание, что из Испании мы вывозим ежегодно на 38 млн. сырья, а продаем туда на 44 млн. изделий наших мануфактур; благодаря этому серебро из Мексики по бесчисленным каналам распространяется среди бедных, искусных и предприимчивых слоев французской нации.

Западные страны, а именно Англия, Соединенные Штаты Америки, Голландия, Австрийская Фландрия и владения императора в Германии, а также Швейцарские республики, продали нам все вместе в первом полугодии 1792 г. товаров на 69 млн., а ранее мы из этих стран получали ежегодно товаров на 134 млн. Значительная часть этой суммы приходилась на зерно и муку, затем шли можжевеловые водки, предназначенные для реэкспорта, пряности и бакалейные товары, москательные и аптекарские товары. Отметим, что по сравнению с нашими обычными закупками ныне наблюдается существенное сокращение наших закупок изделий из шерсти и хлопка, тонких галантерейных и скобяных товаров, которые все шли из Англии, а также полотен из Фландрии, Голландии и Швейцарии. Мы вывезли в эти страны за то же полугодие

на 165 млн. наших товаров, а ранее в среднем мы продавали им ежегодно товаров только на 128 млн., так что сейчас налицо превышение на 37 млн., являющееся результатом большего вывоза батистов, кружев, шелковых тканей и вин нашего производства, а также значительного повышения цен на сахар и кофе из наших колоний. [*Заметьте, что указанное Роланом превышение на 37 млн. есть превышение суммы экспорта за полугодие над средней цифрой экспорта за год.*]

Северные страны, такие, как Германия, Польша, ганзейские города, Дания, Швеция, Пруссия и Россия, продали нам все вместе товаров только на 20 млн. при годичном импорте в размере 43 млн., главным образом металлы, уголь, пеньку, строевой лес, сало, к которым в настоящее время надлежит добавить зерно и муку из Гамбурга. Со своей стороны Франция вывезла в эти страны товаров на 117 млн. Среднегодовая стоимость вывоза в эти страны составляет только 113 млн. Превышение на 4 млн. стоимости экспорта первого полугодия 1792 г. над среднегодовым является результатом, с одной стороны, значительно большего вывоза шелковых тканей, особенно в Германию, а также вина в бочонках в северные страны, а с другой стороны, резкого повышения цен на сахар и кофе из наших колоний.

Наши связи с Левантом, Оттоманской империей и берберскими странами выразились в первом полугодии в произведенных нами в этих странах закупках на 42 млн. преимущественно зерна, хлопка, шерсти, шелка, кож, оливкового масла, камеди и москательного и аптекарского товара для красильных и медицинских надобностей и в продаже им наших товаров на 21 млн., в частности сукон, трикотажа, кофе и сахара. Обычно наши сделки составляли в среднем в год 40 млн. импорта и 24 млн. экспорта».

Таким образом, нарисованная Роланом картина показывает, что революционная Франция покупала за границей главным образом сырье и предметы питания, а продавала за границу во все больших количествах готовые изделия, изделия своей промышленности. Впрочем, сам Ролан отлично характеризует это экономическое движение. «Характерные черты вышеизложенного суть следующие: *значительные закупки зерна и муки за границей; значительное сокращение наших закупок готовых и искусно отделанных изделий; широкий сбыт на европейских рынках наших шелковых тканей и шелков вообще, наших батистов, кружев, сукон и наших вин;* сокращение сбыта наших водок и количества колониальных товаров с французских островов в Америке. Что касается стоимости товаров, то повсюду отмечается увеличение, в конечном счете выгодное для Франции, которая, купив товаров на 227 млн., продала товаров на 382 млн., что дало ей в первом полу-

---

* То есть нынешние Ливия, Тунис, Алжир и Марокко.— *Прим. ред.*

годии 1792 г. положительное сальдо в размере 155 млн. Это сальдо будет впоследствии реализовано иностранными государствами либо товарами, либо наличными деньгами».

Итак, Ролан в момент своего выступления, 9 января 1793 г., анализируя данные недавнего прошлого, не отмечает появления с тех пор каких-либо признаков ухудшения. В конце 1792 и начале 1793 г. революционная Франция находилась в расцвете экономических сил. Связи с колониями были менее прибыльными в результате волнений на Сан-Доминго; но и здесь, если и было уменьшение торговли, оно не приняло характера бедствия.

«Торговые связи Франции с колониями в обычное время выражаются в экспорте из Франции товаров на общую сумму 87 млн. в год; эти товары вывозятся как на французские острова в Америке, так и на побережье Африки. В первом полугодии 1792 г. общая стоимость вывезенных туда товаров составила только 23 млн., несмотря на резкое повышение цен товаров. Это общее уменьшение относится к муке, винам, соленым мясу и рыбе, полотнам, основным товарам нашего обычного экспорта. Не столь велика разница в стоимости обратного потока товаров, составлявшей обычно ежегодно в среднем 200 млн. и достигшей в первом полугодии 1792 г. 163 млн., но высокая цена колониальных товаров скрывает в оценке количественный дефицит».

Темная и запутанная фраза Ролана означает, что во Францию было импортировано из колоний товаров меньше, чем обычно; но этот количественный дефицит был покрыт чрезвычайным повышением цен. В действительности он был более чем покрыт, поскольку импорт из колоний обычно составлял в среднем 200 млн. в год, то есть 100 млн. в полугодие, а в первом полугодии 1792 г. он достиг 163 млн. Стало быть, и в отношениях с колониями наблюдалось значительное увеличение стоимости импорта, если не количества импортируемых товаров. А когда затем Ролан констатирует, что в активности французского торгового флота в первом полугодии 1792 г. не было никакого снижения, он ни единым словом не упоминает о получении им неблагоприятных сообщений относительно движения во втором полугодии. Но если было бы какое-либо замедление или кризис, разве жалобы не дошли бы сразу до министра внутренних дел? «Морские или торговые перевозки Республики на дальнее расстояние во все части земного шара осуществляют как для ввоза, так и для вывоза из наших портов французские суда общей грузоподъемностью 390 тыс. т, которые обслуживают главным образом наши колонии и Левант, и иностранные суда общей грузоподъемностью 350 тыс. т, специально занятые перевозками в северных морях. Совокупность французского тоннажа составляла в среднем в год 828 тыс. т, а совокупность иностранного тоннажа — 888 тыс. т. Так что нет никаких существенных изменений в пропорциональном соотношении нашего торгового судоходства, рассматриваемого в целом...»

И Ролан добавляет: «Что касается внутренней торговли Республики, то для начала можно составить себе некое первое представление об ее нынешнем состоянии по общему объему французского тоннажа, необходимому для перевозок из одного порта в другой, на обоих морях. Движение продаж и покупок между приморскими департаментами потребовало тоннажа размером 491 тыс. т для первого полугодия 1792 г., а годичный тоннаж составляет 972 тыс. т. Французский торговый флот полностью обслуживает эти перевозки, поскольку здесь насчитывается не более 5 тыс. т иностранного тоннажа. Иностранные суда практически устранены от перевозок налогом с фрахта, от коего справедливо освобождены все французские суда».

И Ролан, стремясь перейти к жалобам на препятствия, создаваемые свободной торговле и перевозке зерна внутри страны «анархией» и недоверием, подчеркивает процветание морской торговли: «Анархические судороги не парализуют торговые связи приморских департаментов в такой степени, как сношения между другими департаментами Республики. Искусному человеку легче покорить океан, нежели укротить ярость части народа, заблуждающейся относительно своих собственных интересов».

Но опять-таки, если бы во втором полугодии 1792 г. произошло хоть малейшее замедление той экономической активности, которая была отмечена для первого полугодия, то немало симптомов болезни можно было бы заметить до всякого опубликования официальной статистики и Ролан, склонный хандрить, поспешил бы усилить мрачные краски. Однако ни в одной из глав своего доклада, где, вполне естественно, у него была возможность указать на рост нищеты в связи с вопросом о благотворительных мастерских, о фондах вспомоществования трудоспособным беднякам, он не говорит об ослаблении экономической активности.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИС В ЛИОНЕ

А между тем в Лионе начинает заявлять о себе кризис в промышленности: по-видимому, заказов из-за границы было недостаточно, чтобы компенсировать сокращение внутреннего потребления. 3 ноября 1792 г. два чрезвычайных депутата обращают внимание Конвента на огромные затруднения, переживаемые этим большим городом[9]. «Вот уже два месяца,— сказал один из

9. «Moniteur», XIV, 377; «Archives parlementaires», LIII, 130. Полезные сведения о лионском кризисе осенью 1792 г. можно найти у: C. R i f f a t e r r e. Le mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon et dans le Rhône-et-Loire en 1793. Lyon — Paris, 1912, 2 vol., t. I, p. 6, «La crise des subsistances de 1792»; см. также: L. T r é n a r d. Lyon de l'Encyclopédie au préromantisme. Paris, 1958, t. II, p. 323, «L'agitation de l'automne 1792».

них,— как наш огромный город, удрученный бедствиями голода, стал добычей сильных волнений; вы послали к нам с целью успокоения комиссаров, исполненных благоразумия и осторожности, но хорошо ли вы знаете причины этих волнений? Сокращение производства на наших мануфактурах, 30 тыс. безработных, крайняя дороговизна хлеба и страх, к несчастью более чем обоснованный, остаться совсем без хлеба — вот то, что привело к ужасным сценам, театром которых стал наш город. Увы! К нашему великому сожалению, мы вынуждены это сказать: в силу какого рока французы, столь единые в борьбе за дело свободы, бесчеловечно закрывают заставы, отделяющие их департаменты один от другого, когда речь идет о том, чтобы поделиться своим продовольствием со своими братьями?

Отцы отечества, верните спокойствие нашему городу, верните к законности введенный в заблуждение народ. Тридцать тысяч бедняков просят хлеба у администрации. Департамент тщетно прилагал усилия, чтобы наладить снабжение. Если бедствующему классу не будет срочно оказана помощь предоставлением работы, Лион, некогда процветавший благодаря своим мануфактурам, будет вызывать у своих жителей лишь воспоминания о былых богатствах.

Представители народа, ваша мудрость позволит вам понять, какие средства для возбуждения волнений извлекают смутьяны из неотложных нужд такого множества обездоленных. Вы поймете, что самые разрушительные для любого общества советы легко могут быть приняты людьми, говорящими ежедневно: «*Мы просим лишь работы, чтобы иметь хлеб*». Роскоши нет больше, и она оставила повсюду после себя большую пустоту, но Лион гораздо сильнее, нежели все другие города, ощутил последствия этого исчезновения. Законодатели, если обстоятельства не изменятся к лучшему, нам не останется ничего иного, как уповать на гуманность нации».

Это раздался первый с начала Революции сигнал промышленной катастрофы. Верньо восстал против этих жалоб: он утверждал, что многие патриоты с прискорбной легкостью сеют тревогу, преувеличивают страдания народа и что это потворство мрачным слухам играет на руку врагу. Но Шарлье настаивал [10]: «Все, только что сказанное Верньо, не в силах изменить того факта, что хлеб стоит в Лионе 5 су за фунт и что народ там без работы». Без работы и без хлеба — страшные слова. «Мы просим работы, чтобы иметь хлеб». Это как бы первый, еще робкий и смиренный опыт драматического лионского лозунга, который напишут при Луи Филиппе на черных знаменах: «Жить, работая, или умереть, сражаясь». Но Конвент, по-видимому, рассудил, что в сущности это двойное требование «работы и хлеба» сводилось к вопросу о снабжении продовольствием. По правде говоря, сама петиция двух делегатов рождала порой впечатление, что забота о продоволь-

ствии является главной и если они и боятся безработицы, то гораздо больше они боятся голода. Леарди воскликнул [11]: «Пусть богатые граждане Лиона последуют примеру граждан Руана. Пусть они устроят складчину и таким образом, хорошо организовав снабжение, удовлетворят потребности бедных граждан». Действительно, одно время, в конце сентября и в октябре, Руан находился, казалось, под угрозой голода. Суда с зерном, направленные в Руан, были задержаны в Гавре, и я склонен думать, что если этот большой нормандский город страдал от недостатка хлеба, то потому, что его снабжению мешали крупные закупки зерна Парижем и не менее крупные закупки, производившиеся в портах для морского флота.

Но в Руане речь шла исключительно о недостатке хлеба и вызванном этим вздорожании, а вовсе не о промышленном кризисе и безработице. «Я узнаю из депеш,— пишет Ролан Конвенту 25 сентября [12],— о тревожном положении в Руане в связи с продовольственными затруднениями. Закупленное Руаном за границей будет ему доставлено только в течение следующего месяца. Независимо от предоставленных мной этому городу 12 тыс. квинталов зерна я разрешил комиссарам взять для Руана еще 4500 квинталов, находящихся в Гавре, а равно и груз корабля, который должен туда прибыть в настоящий момент. Эти 4500 квинталов задержаны в Гавре под предлогом, будто там не хватает необходимого. Следовательно, Руан обречен на величайшее бедствие: он останется три дня без хлеба. Его администраторы просят о том, чтобы военные склады помогли им ввиду настоятельных потребностей данного момента; они обещают вернуть полученное по мере прибытия того, что они ожидают из-за рубежа». Как мы видим, там не было никакого экономического кризиса и вполне достаточно было административных мер, чтобы устранить зло. Или, самое большее, надлежало прибегнуть к принудительному займу у богатых, чтобы дать коммуне Руана возможность оплатить произведенные ею за границей закупки. Именно на подобной мере и настаивал генеральный совет города Руана в письме к Конвенту от 8 октября [13].

«Коммуна не имеет наличных фондов для оплаты этих закупок. Генеральный совет, убежденный в том, что к помощи государ-

---

10. «Archives parlementaires», LIII, 130; в «Moniteur»— никаких упоминаний. Шарлье (1754—1797) — адвокат в Шалоне на Марне, член администрации этого дистрикта, депутат Законодательного собрания, затем Конвента от департамента Марна.
11. Леарди (1758—1793) — врач в Жосселене, прокурор-синдик этого дистрикта, депутат от департамента Морбиан, был приговорен к смертной казни и казнен вместе с жирондистами 31 октября 1793 г.
12. «Moniteur», XIV, 52; «Archives parlementaires», LII, 144.
13. «Moniteur», XIV, 150; «Archives parlementaires», LII, 391.

ственного казначейства можно прибегать лишь тогда, когда все местные ресурсы исчерпаны, предложил взыскать с города Руана один миллион в виде займа для оплаты купленного за границей зерна.

Совет решил, что, поскольку этот заем проводится исключительно в пользу неимущих слоев народа, он должен быть разложен только на граждан, проживающих в домах, арендная плата за которые превышает 500 ливров в год, что является признаком состояния, позволяющего включить этих граждан в число участников этого займа.

Этот план, единственно способный предохранить город Руан от грозящих ему несчастий, единственно способный гарантировать безопасность армейского провианта, частично хранящегося в этом городе, наконец, единственно способный обеспечить снабжение Парижа продовольствием, большая часть которого неизбежно следует через Руан, одобрен секциями и генеральными советами дистрикта и департамента.

Этот план, несомненно, вызовет ропот некоторых капиталистов, более преданных своим денежным сундукам, нежели общественному делу, а, к сожалению, в Руане таких много, но вас не должны остановить вопли горстки жадных людей, которые в своем эгоизме не признают ничего, кроме своих личных интересов».

Конвент немедленно принял следующий декрет:

«*Статья 1.*— Коммуне Руана разрешено взыскать в виде займа со всех жителей этого города, которые платят за наем помещения 500 ливров или более того, сумму в один миллион, дабы использовать последнюю, под ее ответственность, для закупок зерна, необходимого для снабжения города и для возмещения занятого у поставщиков воинского провианта.

Статья 2. — Размещение этого займа будет произведено в соответствии с порядком, установленным генеральным советом коммуны и одобренным генеральными советами дистрикта и департамента.

Статья 3.— Фонды, полученные от продажи приобретенного посредством этого займа зерна, будут использованы исключительно на его погашение, а убыток будет распределен между всеми участвовавшими в нем гражданами из расчета одного су с одного ливра их участия».

Так разрешился кризис в Руане.

Конвент, по-видимому, полагал, что в Лионе кризис может разрешиться таким же образом. Пусть богатая лионская буржуазия обложит сама себя займом; пусть с помощью этого займа она обеспечит снабжение Лиона зерном; пусть продаст купленное ею зерно по умеренной цене и пусть возьмет на себя убыток, вытекающий из разницы между покупной ценой и продажной; таким образом, проблема будет решена. Да, но остается вопрос о безработице. Комиссары Конвента, посланные в Лион декретом от 29 октяб-

ря, постарались сначала убедить богатый класс в том, что он должен себя обложить. Это им удалось без особого труда. И 24 ноября Реаль от имени Комитета финансов предложил Конвенту на голосование проект декрета о займе [14]: «Генеральный совет коммуны Лиона принял 10 числа сего месяца решение, гласящее, что будет открыта подписка на беспроцентный заем в 3 млн., предназначенный для покупки зерна, необходимого для снабжения этого города и соседних мест; что дефицит, который образуется вследствие расходов по сбору и реализации займа и разницы между ценами закупки и ценами продажи, будет покрыт за счет чрезвычайного налога, бремя которого ляжет исключительно на состоятельных граждан.

Комиссары, посланные вами в Лион, сами выступили инициаторами этого мероприятия, возбудив усердие богатых купцов этого города. Они сочли эту меру необходимой для сохранения порядка в городе Лионе».

Конвент разрешил Лионской коммуне разместить этот заем по прогрессивному тарифу. Но как оживить мануфактуры? 14 ноября комиссары Вите, Алькье и Буасси д'Англа направили Собранию из Лиона тревожное письмо [15]: «До 10 августа аристократы Арля, Тулона, Нима, Жалеса и департамента Ардеш собирались в Лионе [16]. Этих контрреволюционеров подбадривали в их замыслах многие богачи, которые в большинстве пограничных крупных городов эгоистичны и равнодушны к общественному делу. Контрреволюция вот-вот должна была вспыхнуть в Лионе. После 10 августа внешне все изменилось в этом городе, но застой в мануфактурах и недостаток работы создают там опасное брожение. 30 тыс. рабочих постоянно лишены работы и хлеба. Дурные граждане используют это положение, чтобы ввести их в заблуждение и сделать орудием своих гнусных происков. Однако ремесленники, рабочие настроены отлично. В наименее зажиточных классах находишь самый чистый патриотизм». В начинавшейся уже в Лионе

---

14. «Moniteur», XIV, 558; «Archives parlementaires», LIII, 568. Реаль (1755—1832) — адвокат при Гренобльском парламенте, председатель этого дистрикта в 1790 г., депутат Конвента от департамента Изер.
15. «Moniteur», XIV, 592; «Archives parlementaires», LIII, 405. Вите (1736—1809) — врач, мэр Лиона в 1789 г., председатель центральной администрации своего департамента в 1792 г., депутат Конвента от департамента Рона и Луара. Алькье (1752—1826) — королевский прокурор в финансовом управлении Ла-Рошели, депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Ла-Рошели, председатель уголовного суда департамента Сена и Уаза в 1791 г., депутат Конвента от этого департамента. Буасси д'Англа (1756—1826) — адвокат при Парижском парламенте, депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Аннонэ, прокурор-синдик департамента Ардеш, депутат Конвента.
16. См. выше, с. 271. «Контрреволюционные заговоры и религиозная агитация».

борьбе партий, мрачной и ожесточенной, комиссары Конвента стараются держаться средней позиции. Вите уже резко обвинил перед Конвентом тех, кого здесь вместе со своими коллегами он называет «дурными гражданами», то есть пламенных демократов, воодушевлявших терпящий бедствие народ. «Все эти нездоровые явления,— заявил Вите 28 октября,— дело рук комиссаров, якобы посланных Парижской коммуной. Они посеяли среди граждан недоверие и подозрения» [17].

Но, прибыв в Лион, пришлось признать, что контрреволюция первая посеяла там смуту и что страдания рабочих были главной причиной волнений. Ловкие в деле использования народной нищеты, католические фанатики старались обострить кризис. В том же письме от 14 ноября комиссары предупреждают об опасности: «Неприсягнувшие священники по-прежнему стараются разжечь факел фанатизма. Женщины, известные в Лионе под кличкой «*ночные шлюхи*», разносят по городу петицию, в которой утверждается, что Национальный Конвент хочет упразднить религию; что культовые церемонии уже отменены, потому что с церквей снимают колокола. Замечено, что во главе этих бесноватых находятся публичные женщины, изображающие из себя богомолок». Это было широкое и тревожное брожение; для сохранения в Лионе революционного спокойствия надо было бы вновь привести в движение все станки. Комиссары надеялись на это: «Они изыскивают средства, как дать работу тем, у кого ее нет; они надеются, что до их отъезда из этого города они достигнут этой цели». Не похоже было на то, чтобы они ее достигли.

21 ноября гражданин Нивьер-Шоль, член муниципалитета, исполняющий обязанности прокурора коммуны, констатирует неудачу совещаний, проведенных с фабрикантами [18]. «Граждане,— сказал он своим коллегам, собравшимся в ратуше города Лиона,— среди тяжких трудов этого беспокойного управления вы непрестанно заботились о несчастных рабочих шелковой промышленности города Лиона. Вы созывали совещания и совместно искали средства помочь этой многочисленной группе граждан, обреченных на нищету вследствие потери ими работы. Ваши переговоры с главными хозяевами шелкоткацких фабрик не привели вас к хорошим решениям, к результатам, легко и быстро осуществимым, вам предложили только расчеты и комбинации, продиктованные частными интересами... Между тем время идет, недуг усиливается и 24 тыс. человек ждут, что вы им предоставите работу и хлеб».

Нивьер-Шоль видит только одно решение: государство должно субсидировать фабрики, чтобы привести их в движение: «Для столь великих нужд необходимы великие средства, их может предоставить только нация, ибо без срочной и чрезвычайной помощи, которая позволила бы вернуть к жизни мануфактуры Лиона, беды, причиняемые этим длительным застоем, будут неисчислимыми; они принесут не только смуту в жизнь города Лиона, но и бес-

порядок в департаменты, расположенные по соседству с этим большим городом».

В заключение он предлагал Конвенту через его комиссаров следующее:

«1. Предоставить в распоряжение министра внутренних дел сумму в 3 млн.

2. Эта сумма, предназначенная для восстановления деятельности фабрик города Лиона, должна быть затем направлена министром внутренних дел директории департамента для внесения ее в кассу казначея дистрикта.

3. Реализация этой суммы должна быть осуществлена комитетом, избранным генеральным советом коммуны среди членов муниципалитета и нотаблей, в числе пяти человек, под председательством мэра и в присутствии прокурора коммуны...

6. *Если для возобновления производства на шелкоткацких фабриках комитет сочтет целесообразным производить ткани для сбыта их нации*, это будет ему разрешено при условии уведомления министра внутренних дел о всех деталях этих операций».

Комиссары передали это постановление коммуны Конвенту, но как бы только для очистки совести и не настаивая на его удовлетворении [19]. Их внимание было в то время приковано к другому. Они вскрыли в Лионе огромное мошенничество в административных службах армии. И уж конечно, они сочли химерой решение, предложенное лионским муниципалитетом. Ибо что будет делать нация с произведенными для нее шелковыми тканями? Нации сейчас нужно было железо, чтобы вооружить ее солдат, и грубое сукно, чтобы одеть их, а не тонкие и яркие ткани. Конвент прошел мимо этой петиции. Что же стало с лионским промышленным кризисом? Наверно, он не обострился, потому что Ролан в своем докладе от 9 января ни словом о нем не упоминает. Г-н Тома, изучающий экономическое и социальное движение во вре-

---

17. «Archives parlementaires», LIII, 25, заседание 28 октября 1792 г. В качестве комиссаров Парижской коммуны в департамент Рона и Луара были посланы Шартре, конторский служащий, из секции Бонконсей, и Мишель, фабрикант растительных красителей, из секции Бобур. См.: P. C a r o n. La première Terreur (1792). Les missions du Conseil exécutif provisoire et de la Commune de Paris. Paris, 1950. В действительности социальное брожение в связи с продовольственным вопросом началось в Лионе весной 1792 г.; именно тогда Л'Анж начал свою пропаганду. См. далее, с. 396, «Лионский социалист Л'Анж».
18. Нивьер-Шоль — негоциант, член муниципалитета с декабря 1790 г., временно исполнявший обязанности прокурора коммуны с 12 сентября по 5 декабря 1792 г., избранный мэром (его соперником был Шалье), он подал в отставку 9 февраля 1793 г.; вновь избранный 18 февраля, он настоял на своей отставке. Полагают, что республиканизм Нивьер-Шоля был лицемерным.
19. «Moniteur», XIV, 592, заседание 28 ноября 1792 г.

мена Луи Филиппа, сообщил мне любопытные заметки, из которых видно, что лионские рабочие вспоминали о Революции как об эпохе благополучия. «Продукты тогда были недорогими, говорили они, а *так как многих призвали в армию, все остававшиеся рабочие были заняты*». Эти воспоминания находятся как будто в резком противоречии с несомненным кризисом, пережитым Лионом в конце 1792 г.

Возможно, что, когда стала ясной абсолютная невозможность положить конец частичному бездействию шелкоткацких фабрик с помощью искусственных средств, государственных заказов, участились случаи добровольного поступления на военную службу. Безработные отправлялись в армии или переходили в одну из тех отраслей промышленности, которые переживали подъем в связи с войной. Вероятно, кризис, таким образом, смягчился. И все же глубокое недовольство народа будет, несомненно, способствовать взрыву лионского восстания, вылившегося вскоре в контрреволюцию. Общая экономическая активность страны благоприятствовала Революции. Она не выдержала бы и шести месяцев, если бы промышленный кризис, свирепствовавший в Лионе в конце 1792 г., обрушился с начала Революции на всю Францию. Революция погибла бы в бездне нищеты и безработицы.

ИДЕИ РОЛАНА О РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

И доказательством этого является то, что в Лионе нищета и безработица подготовили почву для контрреволюции. К счастью, то было лишь бедствие локального характера. Франция в целом оставалась активной и процветающей. 9 января 1793 г. Ролан так далек от мысли или боязни какого-нибудь общего ослабления мануфактур, что подумывает, наоборот, о поощрении в деревне промышленной деятельности. Это старая идея Ролана, и я уже отмечал ее, основываясь на его большой статье в энциклопедии Панкука, когда давал картину экономического положения Франции в 1789 г.[20]. Ролан мечтает связать промышленность с сельским трудом.

«Что касается меня,— пишет он Конвенту в связи с вопросом о благотворительных мастерских [21],— то я не считал бы целесообразным замыкать мануфактуры исключительно в городах; куда ни шло, когда речь идет о развитой промышленности и тех отраслях, где господствующее значение имеет художественный вкус; но этого нельзя сказать о других.

1. Пожалуй, желание сохранить между городами и деревней то различие труда, которое ставит всю промышленность, искусства, науки по одну сторону, а другую сторону отводит простым работам по возделыванию почвы, противоречит принципам равенства.

2. Противно природе промысла препятствовать, хотя бы и косвенно, устройству им своих мастерских повсюду, где он сочтет то выгодным.

3. В мануфактурах используют сырье. Это не обходится без отходов. Употреблять это сырье на месте, обойтись без расходов на транспорт — это экономия.

Добавьте к этому, что рабочая сила уже ввиду одной разницы в нравах и в потребностях повседневной жизни всегда будет менее дорогой в сельских местностях.

Экономия есть основа процветания мануфактур, ибо она определяет цены товаров и решает исход конкуренции с иностранными фабриками. Поэтому я полагаю, что надлежит справиться на местах для определения того или иного подходящего для них рода работ, а также я полагаю, что сельские местности очень подходят для обработки сырья. Те деревни, где занялись прядением шерсти, хлопка, их переработкой в сукна и полотна, производством лент и т. д., стали также самыми многолюдными, самыми богатыми и, следовательно, самыми преуспевающими краями Республики. Их житель по очереди то фабрикант, то земледелец. Когда небо спокойно, в благоприятное время года, он пашет, сеет, собирает урожай со своих полей. В дождливые дни, зимой, во время долгих зимних вечеров, когда он вынужден укрыться под крышей, он прядет хлопок, шерсть, ткет полотно и предается другим домашним занятиям, равно полезным Республике, ее благосостоянию и благосостоянию его семьи. Праздность, этот источник пороков, это разрушительное бедствие для государств, изгнана прочь от его очага. В довольстве, зажиточности и мире будут протекать его счастливые дни, и никогда в местности, одновременно фабричной и сельскохозяйственной, не смогут вспыхнуть отвратительные раздоры.

Итак, я думаю, что правительство должно распространять в сельских местностях знания и вкус к производству предметов первой необходимости. Промысел и земледелие оказывают друг другу взаимную помощь, и нигде поля не обрабатываются так хорошо, как в местах, оживляемых промышленностью.

Каждый человек, поселянин, равно как и горожанин, должен обучиться какой-то профессии и заниматься ею. Государственное просвещение должно прививать ему к этому вкус, сделать даже это его долгом. Это самый верный способ искоренить нищенство и внушить любовь к труду».

Я не буду здесь обсуждать систему Ролана. Она соответствовала тому промежуточному и неопределенному периоду развития промышленности, еще не вступившей на путь машинного произ-

---

20. См. настоящее издание, т. I, с. 105, прим. I, и с. 111, «Сельская промышленность».

21. «Moniteur», XV, 90; «Archives parlementaires», LVI, 605 et 633.

водства и еще не очень концентрированной. Ролан, по-видимому, не подозревал, что, пробуждая в сельских местностях промышленное призвание, он не промышленность приводил в села, а облегчал привлечение к ней [т. е. к промышленности] деревенских сил, уже прошедших некоторую обработку и воспитание у городской промышленности.

Но опять-таки, каков бы ни был дух системы Ролана, какую бы радость он ни испытывал, развивая перед Конвентом в качестве министра внутренних дел идеи, столь долго и втуне проповедуемые им в прошлом в качестве инспектора мануфактур, можно ли предположить, что он так охотно распространялся бы на тему о расширении промышленности и о распространении промышленных знаний, если бы как раз в это время имело место общее снижение экономической активности?

Было бы нелепым при наличии незанятых рабочих рук создавать им широкую конкуренцию в виде новой рабочей силы. Партии, ведшие тогда ожесточенную борьбу между собой, не преминули бы (от Жиронды до Робеспьера и от Коммуны до Бриссо) возложить друг на друга ответственность за промышленный кризис, если бы он действительно проявился. Между тем они этого не делали.

Однако, если и не было ни заминки, ни даже чувствительного ослабления экономической активности и промышленного производства, то уже отмечавшееся мной нарушение равновесия весной 1792 г. продолжало усиливаться. Все более и более казалось, что жизнь Франции покоится на чем-то искусственном и непрочном. Обесценение ассигнатов продолжалось ускоренным темпом, особенно после новой эмиссии на сумму 400 млн. Ролан в своем докладе от 9 января констатирует, что «ассигнаты обмениваются наполовину ниже номинального паритета с серебром, которое является общим показателем богатства всех торговых наций». Падение на 50% — это уже весьма тревожный признак.

Верно и то, как это правильно заметил Кондорсе, что ценностное отношение ассигната к серебру (серебряной монете) не совпадает с ценностным отношением ассигната к другим товарам [22]: ассигнат терял гораздо меньше по отношению к продовольственным товарам, чем по отношению к серебру, которое рассматривалось почти как предмет роскоши. Однако при таком падении ассигната по отношению к звонкой монете нарушалось все равновесие товарообмена: цены всех товаров должны были повышаться. Несмотря на все, металл оставался светящейся точкой, которая гипнотизировала, и сознание того, что ассигнат можно обменять на серебро только с потерей 50% номинальной стоимости, обесценивало ассигнат, хотя и в меньшей, но весьма чувствительной мере, во всех сделках. Держатели товаров гарантировали себя от непрочного

положения ассигната, от нависшего над ним риска потери в цене, повышая цены своих товаров.

Как очень верно выразился Ролан, это была своего рода «страховая премия». Поскольку эта премия распределялась на совокупность всех товаров и всех сделок, она была определенно ниже той потери, которую ассигнат претерпевал по отношению к совсем особенному и редкому товару, именуемому серебром. Но все же она была высокой. И эта страховая премия, к тому же изменчивая, обременяла и искажала торговые сделки.

БИЛЕТЫ ДОВЕРИЯ

В течение довольно значительного времени беспокойство, вызываемое ассигнатами, усугублялось, особенно в больших городах, билетами доверия, которые выпускали «патриотические кассы» и другие кассы. В частности, в Париже банкротство «Кэсс де секур», как мы видели, вызвало панику [23].

В первых числах ноября Конвент принял декрет, прекративший и запретивший всякую эмиссию билетов доверия. 2 ноября Камбон кратко изложил соображения, побудившие издать этот декрет [24]:

«Граждане, говорить вам о билетах [парижской] «Кэсс де секур» — это значит обсуждать вопрос весьма деликатный, ибо, с одной стороны, вам надлежит охранять интересы государственного казначейства, а с другой стороны, вы должны облегчить положение неимущего класса граждан. Вы теперь знаете предположительно сумму билетов парижской «Кэсс де секур», еще находящихся в обращении: она составляет 2 986 063 ливра. Эту сумму важно погасить. Мы еще не знаем точно состояния актива этой кассы. По данным директории департамента, он достигает 1 600 620 ливров. По нашим подсчетам, дефицит различных касс Парижа может достигнуть 5 млн.

Завтра мы вам предложим проект декрета о разверстке этой суммы между богатыми гражданами департамента. Ваши комитеты, ознакомившись с положением в других коммунах Республики, полагают, что следует потребовать изъятия из обращения всех билетов доверия, выпущенных как муниципалитетами, так и частными лицами».

Камбон предлагает, чтобы в ближайшее время начиная с 1 января «каждое частное лицо или каждый муниципалитет, который пустит в обращение какого бы то ни было рода билеты на

---

22. См. настоящее издание, т. II, с. 325.
23. О билетах доверия см. настоящее издание, т. II, с. 326.
24. «Moniteur», XIV, 371; «Archives parlementaires», LIII, 121.

предъявителя, рассматривался как фальшивомонетчик. Такое постановление не повлечет за собой неудобств, ибо до конца месяца в обращении будет находиться больше чем на 200 млн. ассигнатов по 10 и 15 су [составляющих часть новой эмиссии на сумму 400 млн.]. Билеты на предъявителя — это только источник ажиотажа. Билеты стоимостью 1000 ливров, эмитированные «Кэсс д'эсконт», и билеты «Кэсс патриотик» имеют, правда, достаточное обеспечение, но если разрешить их обращение, то плуты воспользуются этим, чтобы и другие пустить в обращение. Да к тому же масса наших ассигнатов достаточна для удовлетворения всех нужд торговли.

Наконец, мы предлагаем вам установить как общее правило, что дефицит, могущий оказаться в различных этих кассах, будет возложен на те коммуны, в коих эти кассы учреждены, но пропорционально богатству граждан. Ибо богатый гражданин должен быть обложен несравнимо больше того, кто обладает лишь скромным состоянием, и нельзя заставлять платить того, кто имеет только самое необходимое. Этот принцип тем более справедлив в применении к частному вопросу, о котором идет речь, что никто не может оспаривать того, что билеты «Кэсс де секур» были более всего выгодны крупным собственникам, предпринимателям, хозяевам мастерских, поскольку избавляли их от необходимости приобретать звонкую монету. Эти различные меры положат конец тревогам и, безусловно, предотвратят волнения, угрожавшие многим департаментам вследствие внезапного прекращения обмена этих билетов».

В самом деле, довольно сильное волнение имело место по двум причинам. С одной стороны, обеспечением билетов доверия служили главным образом ассигнаты, а курс ассигната падал. С другой стороны, злостное банкротство парижской «Кэсс де секур», скрывшей или подорвавшей в спекуляциях часть залога, служившего обеспечением выпущенных ею билетов, поколебало доверие ко всем другим кассам. Кто мог знать, не растратили ли и они полностью или частично капитал, служивший обеспечением билетов, пущенных ими в обращение? Поэтому Комитет финансов предвидел дефицит. И в соответствии с политикой, с первых же дней одобренной Конвентом, на богатых людей каждой коммуны возлагается бремя покрытия этого дефицита и возмещения публике стоимости той части билетов доверия, которая не будет уже иметь в «патриотических» кассах солидного обеспечения.

Подобно тому как в Руане и Лионе богатая буржуазия должна была нести, в виде беспроцентного принудительного займа, бремя снабжения населения хлебом по пониженным ценам, точно так же путем прогрессивного обложения богатая буржуазия должна была покрывать и дефицит эмиссионных касс. Состояние богатых начинает представляться своего рода резервным общественным

фондом, страховым фондом на случай неприятных событий, нарушающих экономическую деятельность и жизнь нации.

По правде говоря, мало вероятно, чтобы где-либо за пределами Парижа был дефицит в кассах. По крайней мере в тех муниципалитетах, по которым Ролан приводит в своем докладе данные о состоянии касс; депонированные суммы, гарантирующие билеты доверия, или равны, или даже превышают сумму выпущенных билетов. В Париже огромная сутолока деловой жизни, вероятно, затрудняла надзор. В больших провинциальных городах либо муниципалитеты сами управляли кассами с неизменной честностью, либо это делали промышленные группы, привыкшие к точности и контролю. Так, в Бордо билеты, выпущенные на сумму 10 391 034 ливра, более 10 млн. (мы видим, какую большую роль играли эти бумажные деньги, предвосхитившие выпуск ассигнатов мелкими купюрами), имели свой точный эквивалент в виде совершенно определенного и проверенного актива. То же в Лавале для суммы 1 833 591 ливр.

То же и в Лионе, где касса ассоциации шляпников (хозяев-шляпников) выпустила билетов на 1572 тыс. ливров с эквивалентным активом. Так же обстояло дело с суммами меньшими, но все же еще высокими в Анжере, Сомюре, Боже, Шоле, Короне, Туре, Сен-Кантене, Дюнкерке, снова в Лионе (для «Кэсс патриотик»), в Пуатье, Монтаржи, Бламоне, Нанси, Туле, Везелизе, Люневилле, Маконе, Бар-сюр-Орнене, Партенэ, где дело велось безупречно. И это далеко не полное перечисление. Но это обилие мелких бумажных денег, дополняющее огромную массу ассигнатов, не является разве признаком крайней активности товарообмена? Десять миллионов только для Бордо.

8 ноября Конвент принял декрет в его окончательной форме. Мы видим там в действии весь административный механизм Революции, управляемый могучей волей великого Собрания [25].

«Национальный Конвент, заслушав доклад своего Комитета финансов, принимая во внимание необходимость возможно скорее пресечь обращение билетов на предъявителя (подлежащих оплате по предъявлении либо ассигнатами, либо билетами, подлежащими обмену на ассигнаты), которые принимаются на веру как денежные знаки в повседневных сделках, во избежание волнений, которые это обращение может вызвать;

принимая во внимание, что эмиссия этих билетов, произведенная административными или муниципальными органами, компаниями или частными лицами, не может ни в коем случае стать долгом, за который несет ответственность Республика;

принимая во внимание, что долг представителей нации принять меры к покрытию дефицита, могущего возникнуть в результате

---

25. «Archives parlementaires», LIII, 311.

различных эмиссий этих билетов, дабы наименее зажиточная часть народа не стала жертвой неплатежеспособности или преступных проделок лиц, произведших эти эмиссии, постановляет нижеследующее...»

И далее целая серия статей регулировала порядок проверки касс комиссарами, назначенными директорией департамента или дистрикта. Эти комиссары должны были затребовать предъявления им фондов и всех ценностей, служивших обеспечением билетам; следить за продажей каждой администрацией ценностей, служащих обеспечением для билетов, с целью восстановить немедля, в ассигнатах или в звонкой монете, полный эквивалент находящихся в обращении билетов.

«*Статья 6.*— В день опубликования настоящего декрета административные и муниципальные органы обязаны прекратить эмиссию упомянутых билетов; они обязаны разбить формы, служившие для их печатания. Они обязаны немедленно изъять билеты, еще находящиеся в обращении, аннулировать их и сжечь в присутствии публики...

Статья 7.— Поскольку административные и муниципальные органы, произведшие эмиссии, несут ответственность за дефицит, могущий оказаться в их кассах, они обязаны позаботиться, по мере возникновения надобности, о его покрытии. Если они этого не выполнят, они будут к тому принуждены, а именно департаментскими директориями, по требованию и просьбе комиссара, назначенного департаментским советом».

Точно так же должна быть немедленно произведена проверка касс компаний.

«*Статья 9.*—В трехдневный срок после упомянутой проверки компания и частные лица, выпустившие в обращение упомянутые билеты, обязаны будут представить муниципалитету ассигнаты или металлические деньги, которые понадобятся для изъятия каждого билета, находящегося в обращении».

И это погашение билетов должно производиться не крупными купюрами ассигнатов, даже если это предусмотрено уставами касс, а ассигнатами достоинством 5 ливров.

«*Статья 14.— Чтобы облегчить возвращение упомянутых билетов, все могущие быть указанными в них условия оплаты их исключительно ассигнатами достоинством 50 ливров и выше настоящим аннулируются.* Причем административным органам вменяется в обязанность разменивать указанным компаниям или частным лицам ассигнаты достоинством 50 ливров и выше на ассигнаты достоинством 5 ливров и ниже вплоть до ассигнатов того достоинства, которые могут им потребоваться».

Следующие предписания касались ликвидации дефицита.

«*Статья 16.*—Дефицит, могущий оказаться в кассах частных лиц или компаний, пустивших в обращение билеты достоинством ниже 25 ливров, подлежащие оплате по предъявлении, и т. д.,

известные под наименованием патриотических билетов, билетов доверия, помощи или под любым другим наименованием, принимаемые на веру как наличные в повседневных сделках, при продаже ценных бумаг и товаров, при возвращении отданных в долг сумм, этот дефицит будет нести в Париже департамент, а в других городах бремя этого дефицита ляжет на коммуны, где эти установления имели место, причем коммуны сохраняют право иска о взыскании убытков с предпринимателей, директоров, членов товариществ или заинтересованных в этих кассах лиц.

Статья 17.— Сумма этого дефицита будет распределена пропорционально, в соответствии с порядком чрезвычайного обложения, которое будет установлено Конвентом по предложению административных и муниципальных органов».

Начиная с 1 января 1793 г. в обращении не должно было оставаться ни одного билета. Чтобы заставить держателей этих билетов предъявить их к оплате в установленный срок, статья 21 гласила:

«Лица, которые до 1 февраля следующего года не востребуют оплаты билетов достоинством ниже 25 ливров, будут лишены прав на иск к коммунам. А лица, которые до 1 января следующего года не востребуют оплаты билетов достоинством 25 ливров и выше, будут обязаны до получения оплаты визировать эти билеты в бюро, уполномоченном взимать регистрационные сборы, и уплачивать там 2% стоимости упомянутых билетов».

Однако вопреки столь твердому декрету билеты доверия не исчезли из обращения так быстро, как того хотел Конвент. Еще долгое время они продолжали усугублять тревогу, которую падение и колебание курса ассигната вносили в экономическую систему. 9 января 1793 г. Ролан констатирует, что болезнь не проходит:

«Торговля превратилась в океан случайностей из-за губительных возможностей фальсификации. Народ потерял уверенность в обеспеченности получаемой им заработной платы. Каждый хотел заручиться страховой премией, продавая подороже свой товар или свои услуги. Цены резко и быстро поднялись, от чего бедный стонет и скудеет государственное казначейство [вынужденное в связи с войной оплачивать крупные закупки].

Законом от 8 ноября,— добавляет Ролан,— Конвент нанес мощный удар по источнику всех этих бед, повелев, чтобы на всей территории Республики билеты доверия были погашены и прекратили хождение с 1 января. Это была великая мера, но ход событий показал, что для ее осуществления было дано слишком мало времени». А не потому, что большинство «Кэсс патриотик», состояние которых было проверено в установленном законом порядке, не смогли доказать, что они вполне реально обладают полным обеспечением в ассигнатах той суммы билетов, которую они выпустили в обращение.

Да и повсюду обмен билетов доверия на ассигнаты достоинством 15 и 20 ливров проходил бы без затруднений, если бы в некоторых больших городах не было удивительной мешанины билетов всевозможного рода. Во многих департаментах циркулировало множество билетов из разных областей Франции, и вдали от места, где они были выпущены, их трудно было реализовать в ассигнатах.

«*В тот день, когда враг перешел границы, вся Франция была потрясена, батальоны добровольцев проходили огромные расстояния, и каждый из них расходовал в дороге билеты своего муниципалитета или своего дистрикта.* Это создало всюду, и особенно в пограничных департаментах, страшную путаницу бумажных денег. Нет ничего более трудного сегодня, как вернуть все эти бумажные деньги к их первоисточнику».

Любопытное следствие огромного национального движения, смешавшего людей из всех областей, из всех коммун в армии свободы! Приходилось предоставлять более длительные сроки, и таким образом эта причина, нарушения равновесия, второстепенная, но вызывавшая раздражение, добавилась ко всем другим, воздействовавшим на цены.

ПОВЫШЕНИЕ ЦЕН НА ЗЕРНО

При этом общем повышении цен особенно сильно вздорожал хлеб *, и это вздорожание было вдвойне опасно, во-первых, потому, что оно отражалось на питании народа, и, во-вторых, потому, что хлеб был своего рода эталоном стоимости, по отношению к которому формировались все цены: таким образом, чрезмерное вздорожание зерна угрожало поколебать и повысить все цены.

Между областями, и особенно между севером и югом, были огромные различия в ценах на зерно; в одних местах оно могло быть вдвое дороже, чем в других, но всюду оно было чрезвычайно дорого. Временный Исполнительный совет в своей прокламации от 30 октября 1792 г.[1] констатирует, что «почти во всех южных департаментах сетье зерна в 220 фунтов продается по цене 60 ливров и дороже». Шестьдесят ливров — это ужасно: это приблизительно 45 франков за гектолитр и даже больше. На севере цена хлеба равна только половине этой, но почти всюду, даже в самых благополучных областях, она достигает 37 ливров за сетье, что непомерно дорого. Это цена, отмеченная министром внутренних дел в письме от 19 ноября [2].

«Сегодня,— пишет он,— средняя цена хлеба доходит до 37 ливров».

---

* Здесь и ниже речь идет о ценах на зерно (пшеницы).— *Прим. ред.*

1. «Moniteur», XIV, 461.
2. Письмо датировано 18 ноября 1792 г., было зачитано в Конвенте 19 ноября («Moniteur», XIV, 517).

По сравнению с ценами десятилетия, предшествовавшего Революции, это было огромное повышение.

«С 1776 до 1788 г.,— уточняет Ролан,— то есть на протяжении около двенадцати лет, цены на зерно почти не изменялись и держались в среднем на уровне 22 ливров за сетье в 240 фунтов» [3].

Итак, сейчас цена выросла почти вдвое, а на юге — втрое. Фабр из Эро, выступая 3 ноября от имени Комитета земледелия, сказал, не приводя цифр [4]:

«Повсюду происходит большое повышение цен, которое должно внушать опасения».

Крёзе-Латуш «от имени продовольственного отдела» в содержательном докладе от 8 декабря констатирует чрезвычайное неравенство цен в различных местностях, но отмечает повсюду страшную тенденцию к повышению, которая довела цены до уровня, какого народ не знал в этом столетии [5].

«Взгляните на таблицу хлебных цен во Франции за 1756—1790 гг. Это средние цены каждого года, приведенные к парижскому сетье, весящему 240 фунтов*.

В 1756—1766 гг. цена пшеницы колебалась от 14 до 18 ливров. В 1766 г. цена пшеницы была 20 ливров. В следующие годы она еще быстро поднималась, и в последние годы царствования Людовика XV она составляла от 25 до 29 ливров.

В 1774 г. цена ее упала и с тех пор и до 1788 г. оставалась на уровне 19—20 ливров и никогда не превышала 23 ливров, за исключением 1775 г., когда во многих провинциях была нехватка пшеницы и в некоторых вспыхнули восстания.

Взгляните на таблицу цен во всех департаментах, составленную на 1—16 октября этого года и приведенную также к парижскому сетье. Таблица эта являет картину беспримерного неравенства. В то время как в некоторых департаментах покупают пшеницу по 24, 26, 27 и даже по 28 ливров, в других в эту же пору платят по 56, 60 и даже по 64 ливра, в иных продают по 40—50 ливров, а есть такие, где платят от 30 до 40 ливров».

Крёзе-Латуш констатирует, например, что департамент Луар и Шер, расположенный между департаментами Сарта и Луаре, где продают пшеницу по 29 и по 31 ливру, платит за нее 45 ливров.

«В департаменте Ланды платят за пшеницу 26 ливров, а этот департамент расположен между департаментами Жиронда и Нижние Пиренеи, которые платят за нее 41 и 42 ливра».

Докладчик старается доказать, что главной причиной зла является недостаток обращения товаров. Но этот недостаток обращения, если и может объяснить «чудовищное неравенство» между департаментами, не дает объяснения общего и действительно исключительного вздорожания зерна. Это вздорожание видно из таблиц, опубликованных Крёзе-Латушем; я считаю нужным их

воспроизвести, ибо это очень важный документ об экономической жизни Революции.

Вот для начала таблица средних цен на пшеницу, приведенных к парижскому сетье, начиная с 1756 г. [6]:

1756 г. . . .	14 ливров	19 су		1774 г. . . .	22 »	14 »
1757 г. . . .	18 »	11 »		1775 г. . . .	24 »	16 »
1758 г. . . .	17 »	11 »		1777 г. . . .	20 »	17 »
1759 г. . . .	18 »	8 »		1778 г. . . .	22 »	18 »
1760 г. . . .	18 »	7 »		1779 г. . . .	21 »	4 »
1762 г. . . .	15 »	9 »		1780 г. . . .	19 »	15 »
1763 г. . . .	14 »	17 »		1781 г. . . .	20 »	19 »
1764 г. . . .	15 »	12 »		1782 г. . . .	23 »	16 »
1765 г. . . .	17 »	8 »		1783 г. . . .	23 »	9 »
1766 г. . . .	20 »	14 »		1784 г. . . .	23 »	18 »
1767 г. . . .	22 »	6 »		1785 г. . . .	23 »	4 »
1768 г. . . .	24 »	4 »		1786 г. . . .	22 »	
1769 г. . . .	24 »			1787 г. . . .	22 »	2 »
1770 г. . . .	29 »	7 »		1788 г. . . .	25 »	2 »
1771 г. . . .	28 »	6 »		1789 г. . . .	34 »	2 »
1772 г. . . .	26 »			1790 г. . . .	30 »	7 »
1773 г. . . .	25 »	13 »				

Итак, с 1756 по 1790 г., в течение тридцати двух лет, средняя цена составляла 24 ливра за сетье (около 120 кг), то есть 20 ливров, или около 20 франков за 100 кг. А теперь средняя цена—37 ливров,

---

3. См.: C.-E. Labrousse. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle, t. I: «Les Prix.» Paris, 1933, p. 112. Цена сетье зерна колебалась в Париже (городе) от 22,65 ливра в 1776 г. до 23,35 ливра в 1788 г., причем самой низкой она была в 1780 г.— 17,35 ливра — и самой высокой в 1784 г.— 23,85 ливра.
4. «Moniteur», XIV, 377. Фабр (1762—1793) — адвокат из Монпелье, председатель администрации дистрикта в 1790 г., депутат Конвента от департамента Эро, был убит на фронте в Восточных Пиренеях 20 декабря 1793 г. См. ниже, с. 418, прим. 40.
5. «Moniteur», XIV, 696; «Archives parlementaires», LIV, 676. Крёзе-Латуш (1749—1800) — главный судья сенешальства Шательро, депутат Генеральных штатов от третьего сословия, а затем депутат Конвента от департамента Вьенна.

* Парижское сетье — старинная мера объема жидкостей и сыпучих тел, равная 192 литрам.— *Прим. ред.*

6. Более точные сведения о ценах на хлеб по 32 генеральствам (большим королевским округам) в период с 1756 по 1790 г. см.: C.-E. Labrousse, Esquisse du mouvement des prix..., t. I, p. 106. Между отдельными округами можно отметить различия, свидетельствующие об отсутствии единого национального рынка: в дореволюционной Франции существовали региональные цены на зерно, общенациональных цен не было. Различия в ценах, ощутимые в нормальное время, усиливаются во время неурожаев. В 1775 г. сетье пшеницы стоил 27,85 ливра в Алансонском податном округе (généralité) и 19,85 ливра — в Эльзасском податном округе, в 1776 г.— соответственно 23,45 ливра и 15,5 ливра.

да еще с поразительными колебаниями от одного департамента к другому, причем даже в самых благополучных цена не приближается к средней цене за предшествующие 32 года.

Вот таблица цен по департаментам в период 8—16 октября 1792 г.

Эн	43	Луаре	31
Эна	32	Ло	28
Алье	43	Ло и Гаронна	40
Альпы (Верхние)	63	Лозер	37
Альпы (Нижние)	54	Мен и Луара	33
Ардеш	44	Манш	38
Арденны	47	Марна	27
Арьеж	55	Марна (Верхняя)	34
Об	25	Майенн	31
Од	34	Мёрт	31
Аверон	53	Мёз	30
Буш-дю-Рон	51	Морбиан	31
Кальвадос	30	Мозель	28
Шаранта	35	Ньевр	36
Нижняя Шаранта	34	Нор	32
Шер	37	Уаза	30
Коррез	42	Орн	31
Кот-д'Ор	35	Па-де-Кале	26
Кот-дю-Нор	26	Пюи-де-Дом	53
Крёз	49	Пиренеи (Нижние)	41
Дордонь	40	Пиренеи (Верхние)	32
Ду	42	Восточные Пиренеи	33
Дром	47	Нижний Рейн	34
Эр	26	Верхний Рейн	27
Эр и Луар	26	Рона и Луара	35
Финистер	28	Сона (Верхняя)	41
Гар	51	Сона и Луара	34
Гаронна (Верхняя)	42	Сарта	30
Жер	42	Сена и Уаза	25
Жиронда	42	Нижняя Сена	31
Эро	58	Сена и Марна	30
Иль и Вилен	28	Дё-Севр	32
Эндр	43	Сомма	30
Эндр и Луара	29	Вар	43
Юра	45	Вандея	31
Ланды	27	Вьенна	31
Луар и Шер	47	Вьенна (Верхняя)	37
Луара (Верхняя)	51	Вогезы	38
Нижняя Луара	30	Йонна	33

Это вздорожание, столь неодинаковое, но повсюду столь сильное, не было явлением преходящим. Оно сохраняется в январе 1793 г., в то время, когда Ролан составляет свой доклад Конвенту. Я скоро вернусь к анализу причин кризиса, указанных Роланом. Сейчас я привожу этот текст, весьма важный, впрочем, во многих отношениях, только для того, чтобы отметить постоянный характер вздорожания зерна и хлеба и глубокое воздействие, которое оказало это вздорожание на всю экономическую жизнь Франции.

«Тщетным оказалось,— говорит Ролан,— уничтожение налоговых застав; еще более пагубный инквизиторский розыск задерживает продовольственные товары во всех венах государственного организма [7]. *Цена зерна для француза колеблется от 25 до 64 ливров за сетье*, и сельские жители не могут свободно обменивать продукты своего труда на изделия промыслов своих соотечественников. Этой ложной системе, разрушающей общественные отношения, Конвент противопоставил закон, исполненный мудрости. К причинам, оказывающим гнетущее воздействие на земледелие, следует еще добавить необходимость эмиссии для покрытия государственных расходов значительной массы ассигнатов, которые обмениваются на серебро [8] в половину номинальной цены, а серебро является общим признаком богатства среди всех торговых наций. *Сельский работник борется с землепашцем за увеличение оплаты, а потребитель лишь с трудом соглашается возместить это увеличение при покупке продуктов питания. Их вздорожание тем более неизбежно, что миллион рабочих рук, занятых ныне защитой Республики, уменьшает для пахаря возможности при выборе рабочих. Это не все: волы, лошади, эти помощники в пахоте, сберегающие расходы на ведение хозяйства и увеличивающие его доходы, изымаются либо для того, чтобы обеспечить пропитание защитников родины, либо для использования на военных работах...*

Те же симптомы наблюдаются и в мануфактурном производстве. Важнейший элемент цены всякого труда, всякого производства оказывается нарушенным, ибо зерно, издавна продававшееся по средней цене 22 ливра за сетье весом 240 фунтов, ныне во Франции продается обычно по 37 ливров. Многочисленные потребители, рантье, наемные рабочие, поденщики, не получая соответствующего увеличения своих доходов, сокращают свои расходы и уже не вносят оживления в старые каналы обращения. Многие даже, встревоженные обесценением ассигнатов, покупают про запас, а не для потребления».

Итак, чудовищное вздорожание зерна и хлеба, официально отмеченное в прокламации Временного Исполнительного совета от 30 октября, еще раз официально констатировано во всей своей грубой реальности и предполагаемых последствиях 9 января 1793 г. министром внутренних дел.

---

7. Внутренние таможни были упразднены, и торговля была освобождена от всяких пут. Но перевозкам зерна, особенно в период неурожая, постоянно мешали толпы народа и учиняемый ими контроль.
8. В октябре 1792 г. курс ассигната упал на 29%, в январе 1793 г. его курс стабилизировался на уровне 51% его стоимости.

ЦЕНА ХЛЕБА

При таком разнообразии цен на зерно нелегко точно узнать, какова была средняя цена хлеба. Лекиньо, стараясь успокоить Конвент, говорит в своей речи 29 ноября [9]: «Заметьте, что крики и голод имеют место не в тех департаментах, где не хватает зерна, а в тех, где оно имеется в изобилии. Сегодня зерна не хватает в нескольких южных департаментах, *а хлеб там продается по 7 и 8 су за фунт*, и там царит спокойствие. В радиусе 30 лье от Парижа земля производит только зерновые, урожай был хороший, все амбары полны; хлеб в Париже стоит всего 3 су за фунт, и по такой же цене он продается в радиусе 30 лье от Парижа, но именно здесь коренится болезнь».

Но если в Париже хлеб стоил всего лишь 3 су за фунт, то это было потому, что парижский муниципалитет продавал зерно себе в убыток. Поэтому можно быть уверенным в том, что почти повсюду цена фунта хлеба превышала 3 су. Если вспомнить, как один депутат из Лиона восклицал в Конвенте, что в Лионе хлеб продается по 5 су за фунт, и сопоставить этот страшный факт с почти невероятной ценой 7—8 су для некоторых южных департаментов, о чем говорил Лекиньо, то придется поверить, что почти всюду цена хлеба поднялась по меньшей мере до 4 су за фунт. 8 декабря Барбару внес проект декрета, статья 2 которого гласила [10]:

«Когда цена хлеба поднимется в большинстве департаментов выше 36 денье за фунт, экспорт зерна из Республики будет запрещен Законодательным корпусом и нарушители будут караться смертью». (36 денье — это 3 су, денье равен одной двенадцатой су.)

Итак, по мнению Барбару, 3 су — крайняя цена, которую народ может вынести. Но в том же декрете он заявляет (статья 4): «С этого момента экспорт зерна запрещен». Стало быть, в большей части департаментов хлеб стоил, совершенно бесспорно, более 3 су фунт. Впрочем, до октябрьского вздорожания он продавался приблизительно по 3 су фунт. Поэтому я полагаю возможным заключить, что в конце 1792 г. и в 1793 г. хлеб продавался по меньшей мере по 4 су фунт в большей части страны. А большинство ораторов согласны в том, что французский работник, особенно сельский работник, съедал 3 фунта хлеба в день. Дюфриш-Валазе говорит об этом совершенно определенно в своей речи 29 ноября [11]:

«Вобан определяет размеры потребления всего лишь в 3 сетье на душу населения (на год), что составляет несколько меньше 2 фунтов хлеба в день. Но если горожане едят его меньше, им надлежит знать, что сельский житель, коего тяготы уравновешиваются лишь его силами, потребляет хлеба гораздо больше.

Опыт доказал мне, что землепашец съедает от 3 до 3 1/4 фунта хлеба в день».

Правда, бедные жители могли примешивать в этот хлеб ржи; но, если французский гражданин не хотел снижать качество своего хлеба, ему приходилось расходовать на один только хлеб 12 су в день. Барбару оценивает стоимость годичного потребления хлеба для 25 млн. французов в 2400 млн., что составляет 88 франков на душу населения. А в тот год мелкое зерно, которое можно было бы назвать бедным зерном* и которое при нужде заменяло хлеб, плохо уродилось.

«Почти непрестанные осенние дожди,— пишет Ролан,— сильно повредили мелкое зерно, а именно кукурузу и гречиху, составляющие во многих кантонах главное питание неимущего класса народа. Причиной большого количества ежедневно получаемых мною просьб о помощи является, в частности, плохой урожай этого мелкого зерна».

Итак, приходилось рассчитывать только на пшеницу. И мы видим, что при тогдашней стоимости пшеничного хлеба каждый труженик, рабочий или крестьянин, в зависимости от того, потреблял ли он 2 фунта или 3 фунта хлеба в день, вынужден был расходовать только на хлеб от 8 до 12 су в день, то есть по меньшей мере треть своей заработной платы, а часто и половину [12]. Я не

---

9. «Moniteur», XIV, 609; «Archives parlementaires», LIII, 657. Лекиньо (1755—1813) — адвокат и журналист в Сарзо (департамент Морбиан), в 1790 г.— судья в ваннском суде, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Морбиан.
10. «Moniteur», XIV, 694; «Archives parlementaires», LIV, 670.
11. «Archives parlementaires», LIII, 666. Дюфриш-Валазе (1751—1793) — накануне Революции офицер в отставке, в 1790 г.— мэр и командир национальной гвардии г. Эссе (департамент Орн), депутат Конвента от департамента Орн. Будучи приговорен вместе с жирондистами к смертной казни, Дюфриш-Валазе покончил самоубийством 9 брюмера II г.

* Бедное, мелкое зерно (menus grains) — собирательное название для различных видов зерна (ячменя, овса, полбы, гречихи, кукурузы и т. п.), которыми бедняки, особенно в деревне, заменяли хлеб.— *Прим. ред.*

12. См.: C.-E. Labrousse. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle, t. II, p. 583, «La part des grands articles de consommation populaire dans le budget familial». В обычное время, «по-видимому, более 60% дохода семьи» уходило на хлеб; автор полагает в конечном счете, что на хлеб уходило 50%, а на все пропитание — 66% заработка. Поэтому сезонные колебания производят здесь катастрофическое действие. Накануне 1789 г. доля хлеба в народном бюджете в результате общего вздорожания достигла 58% заработка; в 1789 г. она поднялась до 88%, и, стало быть, на все другие расходы оставалось только 12% семейного заработка. Рост цен мало затрагивал зажиточные классы, но тяжелым бременем ложился на бедных.

вхожу сейчас в рассмотрение вопроса о заработной плате во время Революции. Я ограничусь тем, что на нескольких примерах покажу, сколь непомерно дорог, применительно к размерам заработной платы, был в то время хлеб. Многие сельскохозяйственные поденщики зарабатывали не более 20 су в день. Мы видели, что строительные рабочие в Париже зарабатывали 40 су. В том же докладе Ролана, констатирующем высокую цену пшеницы, я обнаружил данные о заработной плате некоторых элитных категорий рабочих, оплачиваемых особенно высоко. Так, на Севрской мануфактуре рабочие, числом 204 человека, были распределены между шестью цехами. Цех живописи состоял из одного начальника и 72 рабочих, их общая годовая заработная плата достигала суммы 63 492 ливра. Иначе говоря, заработная плата каждого из этих рабочих, которые были художниками, достигала в среднем 900 ливров, по 3 ливра за рабочий день. В цехе мягкого фарфора, состоящем из начальника и 46 рабочих, общая сумма заработной платы достигала 33 285 ливров; следовательно, годовая средняя заработная плата одного рабочего была 718 ливров, или 2,3 франка за рабочий день (46 су). Цех твердого фарфора состоял из начальника и 26 рабочих, получали они в год 20 256 ливров, то есть по 50 су в день. Цех печей для обжига состоял из начальника и 42 рабочих, получавших все вместе за год 25 600 ливров, то есть каждый из них получал в год 581 ливр, или 38 су в день.

В мануфактуре Гобеленов «рабочих было 134, в том числе 18 учеников, за совокупность их рабочих дней им полагалась сумма 109 546 ливров. Этот расход уменьшался на 8—10 тыс. ливров в год из-за прогулов, вызывавших простои в четверть рабочего дня».

Итак, они фактически получали в год около 100 тыс. ливров, то есть (за вычетом учеников) в среднем 860 ливров каждый: 56 су за рабочий день, что, если взять весь год, еле составляет 50 су в день. А ведь это были уникальные рабочие; постоянно связанные с творческим гением художников, они должны были так тонко вникать в произведения великих мастеров, что скорость их работы, измеряемой локтями, чрезвычайно изменялась в зависимости от того, была ли манера художника широкой или утонченной. «Пока работали по картинам старых мастеров, установленные расценки за работу не вызывали никаких жалоб; но, когда начали работать по картинам Буше, Ван-Лоо, рабочий не мог справляться со своей работой столь же быстро». И если таков был уровень высокой заработной платы, то какова же была обычная заработная плата? Мне кажется, не будет чрезмерно смело сказать, что в общем она составляла менее одной трети нынешних ставок заработной платы. А ныне, и уже в течение десятка лет, цена хлеба во Франции в целом не достигает 3 су за фунт. Итак, в начале 1793 г. хлеб стоил дороже, нежели сегодня, в абсолютных цифрах по меньшей мере на 25%, а по отношению к заработной плате *он был в четыре раза*

дороже. Какое это было тяжелое бремя для народа, в этот час Революции, победоносный и в то же время трудный!

Каковы же были причины этой чудовищной дороговизны?

Конечно, невозможно все их распознать и измерить воздействие каждой из них. В такие периоды всеобщего обновления и широких потрясений наблюдается крайнее переплетение событий, события экономические и события политические бесконечно воздействуют друг на друга.

Слишком легко было бы сказать, как это делают историки типа Тэна, что причинами дороговизны были всеобщее недоверие и анархия. Конечно, народ сохранил печальное воспоминание о махинациях, которые проделывали с зерном во времена старого порядка, он сохранил страшное воспоминание о неурожаях, о периодических голодовках, опустошавших страну. И каждый департамент, каждый дистрикт, каждый кантон, опасаясь, как бы зерно, выйдя за их границы, не стало добычей преступных комбинаций, были склонны удерживать его на месте. Таким образом, если обращение и не было остановлено совсем, то, во всяком случае, оно было нарушено, и области, обладавшие излишками, лишь с трудом отдавали его тем, которые нуждались; это, несомненно, и создавало крайнее неравенство в ценах.

СПЕКУЛЯЦИИ КОРОЛЯ

Сделанное в последний момент открытие вновь оживило самые печальные воспоминания и самые страшные легенды о скупке и о голоде. Бумаги, обнаруженные в Тюильри, раскрыли довольно странное применение фондов, находившихся в распоряжении короля, и это делали от его имени. Запиской от 7 января 1791 г. король доверил управление этими фондами г-ну де Септёю [13]:

«Я уполномочиваю г-на де Септёя помещать мои свободные фонды, как он сочтет удобным, в процентные бумаги на Париж или на заграницу, однако без какой-либо гарантии с его стороны».

И г-н де Септёй вступил в сношения с фирмами Нанта, Лиона и главным образом Гамбурга и производил для короля операции с сахаром, с зерном, операции, в которых король был заинтересован в повышении цен. Вот текст записки от 22 апреля 1792 г. господам Дюбуавиолетту и Моллеру из Нанта:

---

13. Септёй — первый камердинер Людовика XVI, казначей цивильного листа, после 10 августа 1792 г. эмигрировал в Англию. 19 августа 1792 г. Мерлен из Тионвиля представил Законодательному собранию две квитанции де Септёя, доказывающие, что еще 6 августа король оплачивал расходы дворов эмигрировавших принцев. («Moniteur», XIII, 465).

«Г-н Рокк из Гамбурга, бывший здесь недавно, предупредил вас о том, что покупка по его приказу 20 бочек *очищенного сахара* стоимостью 65 982 ливра произведена для меня. Вследствие этого я прошу вас, господа, время от времени и прежде всего в ответ на настоящее письмо давать мне сведения о цене сахара и сообщать, *на что я могу надеяться*. Только получив эти сведения, я поручу вам произвести продажу. Я намерен реализовать эту спекуляцию возможно скорее, как только я смогу получить прибыль в 10—12%. Я прошу вас посылать мне ваши письма в конвертах, адресованных *г-ну де Шаландрэ, улица Университетская*».

30 апреля 1792 г. Септёй писал Рокку, находившемуся в то время в Амстердаме, у г-д де Бюри и К°:

«Милостивый государь, я рад узнать о Вашем благополучном прибытии в Амстердам. Я счастлив, что Вы не были потревожены в пути. Сейчас могло бы быть по-другому, после объявления нами войны... *Что касается товаров, то я очень огорчен огромным понижением на № 1. С нетерпением жду сведений о том, какое действие произведет объявление нами войны.* Вы знаете мои намерения относительно этого товара, я остаюсь при своем желании реализовать его по номинальной цене и полагаюсь на Ваше усердие, в надежде на лучшее, если обстоятельства будут благоприятствовать. *Что до № 2 и 3, то я больше верю в повышение цен на эти товары. Надеюсь, что Вы будете точно информировать меня о колебаниях цен и не упустите случая, выгодного для моих интересов. Вы мне подали прекрасные надежды относительно этих операций,* я желаю увидеть их осуществленными, чтобы мне осталось только выразить Вам свою благодарность».

Конечно, эти операции, произведенные для короля, незначительны, но это спекуляция на повышение. И когда эти письма были изъяты и опубликованы, люди, уже крайне возбужденные вздорожанием продуктов, усмотрели в этом звено некоего скрытого широкого плана. Септёй в письме от 14 мая 1792 г. к г-дам Энгельбаку и Рокку пишет следующее:

«Я Вас просил подтвердить мне вложение 75 089 В. М. в качестве *моей пропорциональной доли фондов, использованных для совместных закупок пшеницы, достигших, согласно счетам, врученным г-ну дю Куломбре, 402 992 В. М.*».

Это были ничтожные суммы, и это не могло никак воздействовать на цены. Но какая безответственность, какое гибельное легкомыслие этих агентов короля, которые в разгар Революции, в разгар войны, когда народ, еще преследуемый воспоминаниями о «голодном заговоре», начинает роптать на дороговизну зерна, вовлекают короля в спекуляции на повышение цен на колониальные товары и на пшеницу! Септёй требует от своих гамбургских корреспондентов (Ах! Каких чудесных предвестников имеет здесь монархический и антисемитский национализм, сей добродетельный враг финансового космополитизма!) подтвердить ему поступ-

ление на склад кофе, прибывшего из Гавра и Нанта, и сахара, полученного из Нанта:

«Я вам буду весьма признателен за сведения по всем этим вопросам. Более того, я должен сказать вам, что г-н Рокк определенно обещал мне, что вы сообщите мне цену каждого из этих товаров».

И в постскриптуме:

«*Я не сомневаюсь в том, что цена пшеницы в ближайшее время поднимется и вы дойдете до пределов 120, хотя сейчас они очень далеки*».

Септёй не в восторге от своей операции, он боится, что купил в момент, когда цена зерна уже достигла наивысшего уровня. Однако он пытается успокоить себя и смутно предвидит новое повышение как следствие крупных закупок для армий.

«Гамбург, г-дам Энгельбаку и Рокку, 8 июня 1792 г.

Надо признать, что мне очень не повезло, когда я купил эту пшеницу по самой высокой цене. Надеюсь, что вы приложите все старания к тому, чтобы извлечь для меня наибольшую выгоду из эвентуального урожая на севере и *из предполагаемого потребления многочисленных армий... Виды на урожай во Франции хорошие.* Однако каждый год бывает, что продукты дороги перед урожаем и даже после него. Так, наверно, бывает и у вас, и **я надеюсь, что в июле и августе цены поднимутся.** *Надеюсь, что так же будет и с колониальными товарами осенью*».

Впрочем, Септёй не был доволен своими отношениями с депозиторами Рокком и Энгельбаком, у которых он оставлял на хранение закупленные им сахар, кофе и зерно, с тем чтобы перепродавать их затем с барышом. У него возникли сомнения относительно их надежности, и он изъял свои товары, но продолжал спекулировать, и писал новым гамбургским корреспондентам, г-дам Поппу и К°, чтобы поддержать курс:

«Я не намечаю предельных цен для пшеницы... Вы, вероятно, знаете о распоряжениях, данных нашим правительством о закупках у вас, за которыми, говорят, последуют новые и более крупные».

Септёй обделывал свои делишки и в Лондоне и в Санкт-Петербурге. Документы, относящиеся к этим спекулятивным сделкам, были вынесены на трибуну Конвента и усилили народное волнение. Хотя здесь речь идет о небольших суммах, но можно ли считать, что весь заговор раскрыт полностью? И раз фонды цивильного листа используются для закупок зерна, для «скупки», то, может быть, и вся контрреволюция участвует в планах короля? Пусть же зерно остается под надзором народа во избежание того, чтобы контрреволюционеры, дворяне, мятежные священники, купцы-аристократы, богатые буржуа-фейяны сосредоточили его на тайных складах и морили голодом революционную нацию.

6 ноября жирондист Валазе, докладчик комиссии, которой было поручено изучить бумаги, найденные в Тюильри, выступил с резким разоблачением королевских спекуляций [14]:

«И на что только не было способно это чудовище! Вы увидите его борющимся со всем родом человеческим. Я разоблачаю его перед вами как скупщика зерна, сахара и кофе. Эта гнусная торговля была поручена Септёю, и на это дело, как мы увидим, было выделено несколько миллионов. Разве нация для того щедро предоставила вероломному богатства, чтобы он нашел для них столь ужасное применение? Только сердце короля способно на такую неблагодарность.

О, меня не удивляет, что законы не предусматривают скупку! Все делалось для того, чтобы отвлечь внимание законодателей от этого предмета. Всегда доверчивый народ заставляли молчать, уверяя его в том, что не было и не могло быть никаких скупщиков; что все области страны находились под неусыпным надзором муниципальных органов и национальной гвардии... Народ молчал, ибо его так легко убедить, а вслед за тем, под благородным предлогом свободного обращения зерна, его заставляли прийти на помощь скупщикам. Я извлеку пользу из этого урока и обязуюсь здесь с особым тщанием следить за составлением законов, касающихся продовольствия.

Вы прекрасно знаете, народные представители, что та гнусная торговля, которую я сейчас изобличил перед вами, была скрыта густыми покровами тайны, и долгое время мы сами полагали, что наши розыски останутся бесплодными. Суммы, вкладываемые в эти дела, и имя того, кто их вел, не оставляли у нас никаких сомнений относительно роли, которую Луи Капет должен был по примеру своего деда * играть в этой торговле. Мы знали все возрастающие нужды этого развращенного двора. Мы ясно видели, какие затруднения иногда испытывал Септёй, чтобы удовлетворить эти потребности. В то же время мы знали, что надменный деспот желал, чтобы ему повиновались без промедления.

Мы видим, как тот же Септёй вкладывает до 2 млн. и даже больше в торговлю, которую он ведет в Гамбурге, Лондоне и других местах, принимая лишь простую меру предосторожности, а именно прося адресовать ему переписку по этому вопросу на вымышленное имя. В то же время мы были уверены, что тиран был осведомлен о торговых сношениях своего агента с заграницей, ибо мы держали в руках его расписки в виде переводных векселей на Лондон. Мы непрестанно повторяли, что Септёй не будет столь неосторожным, чтобы лишать себя ресурсов в несколько миллионов, когда его каждый день донимали требованиями чрезвычайных платежей, разве что у него был какой-то заранее заготовленный ответ.

Наконец, после того как мы просмотрели сто раз связки, содержащие счета и переписку, касающиеся этой торговли, про-

должавшейся с июня 1791 г. до Революции [10 августа], нам удалось найти убедительный документ».

Речь идет о разрешении, данном Людовиком XVI Септёю, которое я приводил выше. Валазе сильно преувеличивает. Сколько бы я ни читал и ни перечитывал документы, приложенные к его докладу, я не нахожу там вложения *нескольких миллионов* в торговые операции. Правда, я вижу, что 24 февраля 1791 г. король требует от г-на Дюрюэ аванс в размере 2 млн., но ничто не указывает, что эта сумма предназначалась для коммерческих комбинаций.

Именно 2 июля 1792 г. я отмечаю самые крупные закупки: на 595 691 ливр кофе и на 234 973 ливра сахара, все это было закуплено в Гавре и в Нанте и отправлено в Гамбург на хранение к Поппу и К°. Поэтому я не думаю, чтобы капитал, предназначенный агентом Людовика XVI для этого рода операций, превосходил один миллион. Но если бы даже было два или три миллиона, какое влияние могло это оказать на общее движение цен? Тут нет ничего похожего на какой-либо план скупки, на «голодный заговор», но поразительная безответственность, полный разрыв между мыслью короля и жизнью нации.

Крёзе-Латуш преувеличивал в обратном направлении, когда пытался 8 декабря успокоить возбуждение, вызванное этими документами:

«Вы помните, что в своем докладе о Людовике XVI на заседании 6 ноября Комиссия двадцати четырех [15] разоблачила перед вами операции по скупке зерна. Я был очень удивлен этим, поскольку я не склонен легко верить в скупки и знаю, что Людовик XVI не имел в этом году в своем распоряжении ни финансов, ни интендантов, ни властей, ни штыков, которыми располагал его дед.

Но я был еще более удивлен, видя, как докладчик, разоблачая перед нами эти операции скупки, примешал сюда свои критические соображения, направленные против свободной торговли зерном, так и не объяснив нам, каким образом были осуществлены эти скупки. Я заранее предвидел, какие беды может породить столь туманное разоблачение. Ибо когда так публично говорят о скупке, не давая ясного изложения фактов, народ, все более предаваясь тревоге и подозрениям, перестает отличать всякие невинные и даже полезные операции от преступных и его заблуждения на этот счет неизбежно усугубляют его собственные бедствия.

---

14. «Moniteur», XIV, 399; «Archives parlementaires», LIII, 226.
* Речь идет о Людовике XV, имя которого связывали с «голодным заговором».— *Прим. ред.*
15. Комиссия двадцати четырех была учреждена Конвентом 1 октября 1792 г. для изучения и составления описи документов, изъятых в Тюильри Наблюдательным комитетом Парижской коммуны. От имени этой комиссии Валазе и представил свой доклад 6 ноября 1792 г.

Я начал строить свои предположения и догадки относительно этой скупки. Я вообразил себе, что Людовик XVI, желая пустить в оборот свои фонды, как купец, совершил какие-то спекулятивные сделки с зерном, а затем, чтобы поднять цены на зерно, подкупил агитаторов и эмиссаров, поручив им вызвать бунты и нарушить обращение зерна...

Я отправился туда, где заседала Комиссия двадцати четырех, чтобы изучить те документы, которые относились к мнимой скупке. Из этих документов я узнал, что Септёй или его агенты вложили средства нескольких компаньонов в спекулятивные операции с сахаром, кофе и зерном. Я отметил, что зерно это предназначалось для перепродажи во Франции, а не для экспорта за границу. Дальше я узнал непосредственно из писем компаньонов, что они были в отчаянии от того, что их деньги были употреблены для закупок зерна; их письма были полны жалоб и упреков по этому поводу. Одни хотели выйти их компании, другие хотели поскорее избавиться от этого товара.

И главной причиной их недовольства этой спекуляцией было то, что приближался сбор урожая и что ожидался прекрасный урожай.

Итак, если Людовик XVI употреблял средства цивильного листа для торговых спекуляций, то мы видим, что, хоть он и король, он находился под властью законов природы и зависел от разных случайностей, от удачи и неудачи, как всякий другой купец».

Вот чистейший образец оптимизма экономистов. Слушая Крёзе-Латуша, можно почти поверить, что Септёй и Людовик XVI трудились над тем, чтобы снабдить продовольствием Францию. Но народ потрясло и встревожило то, что в такое время, когда вздорожание зерна и хлеба стало бедствием, король надеялся на повышение цен на зерно и желал этого. И народ склонен был думать, что если король ввязался в спекуляции на повышение, то он пустил в ход все ухищрения, чтобы действительно вызвать повышение.

«ИСКУССТВЕННЫЙ» ГОЛОД

Но эта нервозность и подозрительность народа, приведшие к задержкам и нарушениям в обращении зерна, не могут в полной мере объяснить исключительное повышение цен в конце 1792 г., поскольку с самого начала Революции народ проявлял в продовольственном вопросе те же подозрения и опасения, но при этом цена зерна никогда не достигала столь высокого уровня, как теперь. Нельзя было также объяснить этого явления нехваткой или плохим урожаем. Урожай был хорошим. Все свидетельства сходятся на том. Обильные урожаи помогали Революции. Времен-

ный Исполнительный совет определенно отмечает это изобилие в своей прокламации от 30 октября:

«В некоторых департаментах Республики продовольственный вопрос тревожит народ. *Несмотря на то что наша земля дает нам обильные урожаи*, тревога овладевает умами, сельские хозяева запирают свои амбары, торговец не решается пуститься в свои спекуляции. Торговля замирает, и вследствие этого мы страдаем от частичного и искусственного голода *среди подлинного изобилия*».

Фабр из Эро заявляет в своем докладе 3 ноября:

«Франция, если верить самым прославленным экономистам, собирает обычно урожай зерна, необходимый для потребления ее населения. И если невозможно иметь на сей предмет точные данные, то все вероятности подкрепляют эту гипотезу. Если в этом году урожай был плохой в нескольких департаментах, то *счастливое изобилие познали другие департаменты, что должно было восполнить эти местные нехватки.* Петиции содержат признание того факта, что там не испытывают нужды в зерне».

Бефруа заявляет 16 ноября [16]:

«Среди изобилия народу угрожает голод».

Изоре пишет по поводу одного дистрикта департамента Уаза [17]:

«На основании точных сведений, почерпнутых мною из непосредственных наблюдений и суждений, известных самим нашим избирателям, я могу заверить, что этот дистрикт будет иметь сверх необходимого для его потребления 15 тыс. сетье пшеницы (весом 275 фунтов); на основании аналогичных наблюдений во всех дистриктах департамента Уаза — за вычетом необходимого для населения и с учетом неблагоприятных условий почвы в ряде кантонов — можно с полной уверенностью заключить, что этот департамент сможет уступить своим соседям 80 тыс. сетье».

Лекиньо заявил 29 ноября [18]:

«Верно ли, что Франции не хватает хлеба? Нет. Франция собирает в настоящее время урожаи, превышающие ее потребности. В этом году урожай вообще был хорош, и мы пользуемся им. Таким образом, если бы даже он оказался недостаточным для удовлетворения потребностей всего года, то совершенно очевидно, что в данный момент мы находимся в условиях подлинного изобилия».

Фейо восклицает в тот же день [19]:

---

16. «Moniteur», XIV, 494; «Archives parlementaires», LIII, 438. Бефруа (1755—1825) — офицер королевских гренадеров Шампани в 1789 г., прокурор коммуны Лаон в 1790 г., член директории департамента Эна, депутат Конвента.
17. «Archives parlementaires», LIII, 437. Изоре (1758—1839) — земледелец, председатель дистрикта Клермон, депутат Конвента от департамента Уаза.
18. См. выше, с. 347, прим. 9.
19. «Moniteur», XIV, 607; «Archives parlementaires», LIII, 659. Фейо (1751—1799) — администратор департамента Вандея, депутат Конвента.

«Сколь долго вы будете терпеть, чтобы французы страдали среди изобилия?..

Не сомневайтесь, в Республике имеется зерна больше, нежели необходимо для потребления граждан».

Сен-Жюст утверждает, что продукты просто прячут вследствие переизбытка денежных знаков[20]. Дюфриш-Валазе, который как раз возражает против оптимистических оценок, признает, однако, что зерна достаточно:

«Угодно ли вам, чтобы я добавил, что возможно, к предположениям, высказанным экономистами? Так вот, я согласен с тем, что земля в среднем приносит в $4^1/_6$ раза больше посеянного. Из этого вытекает, что мы имеем как раз столько, сколько нам нужно для удовлетворения наших потребностей, за исключением случаев общего или частичного неурожая. Тут рассеивается прекрасное сновидение, чересчур затянувшееся. Здесь все события без труда получают объяснение. Я уже не удивляюсь тому, что Франция так часто бывает охвачена страхом остаться без продовольствия. Если бы даже она имела немногим более того, что ей необходимо для удовлетворения своих потребностей, малейшая случайность породила бы этот страх при наличии столь большого населения, как наше».

Но в заключение он говорит:

«Зерна у нас примерно столько, сколько нам нужно».

Крёзе-Латуш заявляет 8 декабря:

«Я смело утверждаю, что никогда еще Франция не имела столько зерна, как сейчас... *В течение трех лет урожаи были хорошие, а последний был превосходным...*

Добавьте к этому количеству зерна, оставшемуся от последнего урожая и даже от урожаев предыдущих лет (ибо от них еще есть остатки, особенно в северных департаментах), то зерно, которое должно еще прибыть из-за границы, и вы увидите, что французский народ подлинно пребывает в изобилии, хотя и не пользуется им».

Луи Портье, депутат от департамента Уаза, пишет 8 декабря [21]:

«Граждане законодатели, уборка урожая не успела завершиться, а уже кричали о голоде. Амбары еще переполнены зерном, а нам угрожают голодом...

До 1789 г. земля Франции давала урожай, более чем достаточный для удовлетворения потребностей ее жителей. Зерно экспортировали за границу. Дичь имела привилегию безнаказанно опустошать наши поля и взимать таким образом ежегодно по меньшей мере десятину с плодов нашей земли. Ныне, когда царство ее кончилось, когда экспорт за границу запрещен, когда масса продовольственных запасов увеличилась более чем на 2 млн. квинталов как зерна, так и муки, импортируемых из-за границы с 1 января сего года и по сей день, люди, занимающиеся расчетами, тщетно пытаются найти причины этого искусственного голода *среди изобилия*».

Все газеты констатируют то же самое. В большой статье, посвященной продовольственному вопросу (24 ноября — 1 декабря 1792 г.), газета «Революсьон де Пари» пишет:

«Урожай был обильным в этом году. Да и в предыдущем году было получено достаточно зерна для всей Франции».

Кондорсе тоже отмечает все свидетельства, подтверждающие, что недостатка в зерне нет. Бриссо, весь во власти полемики, направленной против Робеспьера и Марата, возлагает ответственность за вздорожание зерна «только на агитаторов».

Но вот после всех эти общих свидетельств, столь решающих благодаря их единодушию, некоторые частные сведения, весьма интересные. Лоран Лекуэнтр, депутат от департамента Сена и Уаза, представил Конвенту весной 1793 г. важный труд, некоторые моменты которого, ценные для изучения вопроса заработной платы, я чуть позже отмечу [22]. Он хотел показать Конвенту, что тот может и должен установить твердые цены на зерно и что фермеры могли бы легко перенести это, потому что они получают большие доходы. Чтобы доказать это, он приводит точный бюджет известной ему фермы в 300 арпанов. Он мог бы ради успеха своего предложения уступить соблазну и завысить среднюю цифру продукции, даваемой этой фермой. Между тем он указывает, что достигнутые в 1792 г. результаты должны быть заметно уменьшены, если хотят иметь более или менее точное представление о размерах производства фермы:

«Я определяю доход фермера на основе урожая, наименее благоприятного в смысле его размеров и цены; я полагаю, что вместо 800 сетье пшеницы, снятых им в 1792 г. со 100 арпанов, засеянных этим зерном, то же количество арпанов даст ему в 1793 г. только 700 сетье... Вместо 450 сетье овса, снятых им в 1792 г. со 100 арпанов, засеянных этим зерном, то же количество арпанов даст в 1793 г. только 400 сетье по 24 буасо * парижской меры».

Итак, Лекуэнтр как раз тогда, когда он старается дать возможно более выгодное представление о размерах доходов ферме-

---

20. «Moniteur», XIV, 610; «Archives parlementaires», LIII, 662. О взглядах Сен-Жюста относительно бумажных денег и инфляции см.: Ch.-A. Michalet. Economie et politique chez Saint-Just. L'exemple de l'inflation.— «Actes du colloque Saint-Just. Sorbonne, 25 juin 1967». Paris, 1968, p. 151.
21. «Archives parlementaires», LIV, 697. Портье, именуемый из Уазы (1765—1810),— студент юридического факультета в Париже, один из «победителей Бастилии», адвокат в Бове, депутат Конвента от департамента Уаза.
22. Заседание Конвента 30 апреля 1793 г.; «Archives parlementaires», LXIII, 629. Лекуэнтр (1744—1804) — торговец полотнами, командир батальона национальной гвардии Версаля в 1789 г., администратор департамента Сена и Уаза, депутат Законодательного собрания, затем Конвента.

* Старинная мера сыпучих тел, около 10 литров. — *Прим. ред.*

ров, не решается взять за образец урожай 1792 г.; он его уменьшает на одну восьмую для пшеницы, на одну девятую для овса.

И он возмущается «чрезмерными, позорными, недопустимыми барышами», которые получают «при нынешнем положении вещей», когда «урожай поднимается до уровня 1792 г., в котором он был обильным во всех сельских департаментах», ибо, добавляет он, и для нас утешительно знать, *что не нехватка зерна вызвала его крайнее вздорожание*, а злоба некоторых людей».

Я не привожу объяснений Лекуэнтра, а только сам факт, который он утверждает с такой точностью. И он придает краски жизни своему утверждению, когда развертывает перед нашими глазами картину обширных равнин, еще обремененных своим вчерашним изобилием.

«Откройте глаза, граждане коллеги, и обратите ваши взоры на поля этой страны. *В сельских департаментах, радиусом 40 лье от Парижа, на полях еще стоят скирды. Во дворах крупных земледельцев еще остаются целыми скирды от урожая прошлого года; у некоторых хозяев — даже от урожая двух лет. Войдите в риги, многие еще полны, амбары скупщика заполнены*».

И как если бы никакого сомнения не могло быть по существу дела, Лекуэнтр восклицает:

«И вы, законодатели, *вы, свидетели этого изобилия*, не внемля крикам несчастных, хладнокровно взираете на то, как продукт [пшеница], который должен был бы продаваться самое высокое по 30 ливров за сетье весом 240 фунтов, продается по 50 и 55 ливров, а соответственно и другие зерновые».

Итак, в плодородное лето 1792 г. щедрость земли отвечала щедрости Революции. И под лучами солнца 10 августа сверкающий серп снимал большую жатву. Нет, серьезного неурожая нет. И Республике не придется делать свои первые шаги на краю бездны нищеты и отчаяния. Богатства, рожденные землей, освобожденной от десятины и оплодотворенной свободой, здесь, перед нами, весомые, золотистые и теплые на ощупь. И Революция сумеет реализовать их и освоить. Но какое поразительное нарушение экономического равновесия, и с какими трудностями ей приходится столкнуться. Сколько разных причин способствуют этой парадоксальной дороговизне зерна и хлеба, когда урожаи так обильны!

ПРИЧИНЫ ДОРОГОВИЗНЫ

Прежде всего бесспорно воздействие ассигната. По мере падения курса ассигната цены продуктов должны были повышаться, хотя и значительно менее быстро. Правда, Лекуэнтр утверждает, что сумма выпущенных ассигнатов почти не превышала суммы металлических денег и билетов «Кэсс д'эсконт», находившихся в обращении в 1788 г., и что, следовательно, не было избытка

денежных знаков. Но, во-первых, отнюдь не доказано, что металлические деньги исчезли. Они потеряли подвижность, они постепенно, в результате хождения бумажных денег, дошли до некоего состояния денежного бездействия. Но они все время пребывали в готовности к действию, и, таким образом, количество наличных денежных знаков оказывалось удвоенным. Во-вторых, те почти непрерывные эмиссии, на которые Революция обречена, лишая ассигнаты всякого в какой-то мере стабильного предела, как будто и в самом деле лишали их всякого предела. Никто не ведает, не будет ли завтра новой эмиссии, не упадет ли опять ассигнат в цене, и, естественно, держатели товаров страхуют себя путем повышения цен от риска обесценения, которому подвергаются ассигнаты, получаемые ими в уплату за товары. Отсюда лихорадочное и болезненное напряжение цен. Отсюда во всем здании экономики, построенном на предположениях и опасениях, что-то искусственное и тревожное. И именно потому, что пшеница — продукт первой необходимости, именно потому, что она не подвержена, подобно предметам роскоши, колебаниям моды и переворотам в социальных отношениях, ее цена повышается пропорционально ее надежности.

Пшеница — это как бы надежная ценность первого порядка, она легко обменивается на ценности переменчивые, коих предел уменьшения неизвестен. Что же удивительного в том, что владельцы придерживают свой товар или продают его только по очень высокой цене!

Но на этот и без того неустойчивый рынок дополнительное, возбуждающее действие оказывают военные закупки. Франция вдруг оказывается в положении вооруженной нации. Она ведет борьбу с частичной коалицией деспотов. Она готовится оказать сопротивление их общей коалиции. Семьсот тысяч солдат призваны на военную службу: такой цифры французская армия не достигала никогда, даже во время самых больших войн Людовика XIV. И очевидно, что это лишь начало, лишь первая мобилизация сил. Или если это и не совсем очевидно, то, во всяком случае, весьма вероятно; вскоре, конечно, все годные к военной службе люди страны будут в армиях. С точки зрения цен на продовольствие это влечет за собой два следствия. Прежде всего, земледельцы и землевладельцы задают себе вопрос, не грозит ли им недостаток рабочих рук. Уже Ролан в своих докладах отмечает, что на севере посевные работы были затруднены не только из-за дождей, но и из-за недостатка рабочих рук.

«Говоря о земледелии,— сказал Ролан 9 января,— я должен изложить Конвенту мои опасения относительно видов на будущий урожай. Из многих департаментов мне сообщают, что озимый сев был затруднен множеством помех. С одной стороны, пребывание неприятельских войск в наших северных департаментах, с другой стороны, *недостаток рабочих рук, реквизиции лошадей для*

военных перевозок, почти непрерывные осенние дожди — *все это привело к тому, что четвертая часть земель не была засеяна.* Если к тому же учесть политические события, которые могут помешать нашим закупкам хлеба за границей, то *можно испытывать некоторое беспокойство относительно нашего продовольственного положения в следующем году*».

А Барбару даже подсчитал, прямо на трибуне Конвента, размеры недостачи в урожае, которой следует ожидать в результате нехватки рабочей силы (8 декабря):

«Один пахарь, если исходить из средних условий работы и урожайности, обрабатывает 20 арпанов земли и может собрать с них 60 сетье хлеба сверх посеянного, так что он даст Республике 17 410 фунтов хлеба.

А если принять численность населения Республики за 25 или 26 млн. человек, то из этого следует, что, для того чтобы прокормить один день всех жителей страны, требуется труд 7500 пахарей, и, стало быть, нам безусловно необходимо иметь 2800 тыс. земледельцев, чтобы обеспечить себя продовольствием на один год. Событие, которое отняло бы у нас 100 тыс. земледельцев, обрекло бы нас на 13,5 дня голода.

А я определяю в 300 тыс. число людей, которых война взяла из деревень. И конечно, мой подсчет не покажется вам преувеличенным, если вы примете во внимание, что, помимо земледельцев, завербованных в наши армии, волонтеры рот охотников *, саперы или минеры, проводники и ездовые — почти все люди села. Стало быть, в будущем году только по причине уменьшения числа земледельцев нам будет не хватать продовольствия на 40,5 дня.

Такая же нехватка, по моей оценке, будет вызвана сокращением числа волов, взятых для нужд армий, мулов, взятых для их обслуживания, и лошадей, которых повсеместно берут на ремонт кавалерии и для формирующихся новых кавалерийских частей. *Это составит, следовательно, дефицит в размере восьмидесяти одного дня продовольственного снабжения*».

Читая эти несколько самонадеянные расчеты Барбару, можно подумать, что производственная активность страны является какой-то постоянной величиной, жесткой и нерастяжимой силой. Это совсем не так, и мы уже предчувствуем героические усилия, величественный труд, которые позволят революционной Франции под руководством Конвента заполнить эти пробелы в рабочей силе. Женщины заменят отсутствующих мужчин. Дети не по летам возмужают, и даже животные, более ревностно подгоняемые, ускорят глубокую вспашку. Мы также предчувствуем по точности цифр и результатов, выводимых Барбару, что великое Собрание сумеет путем строжайшей регламентации, путем самого кропотливого надзора проникнуть в жизнь и труд каждого, дабы обеспечить национальной энергии максимальную отдачу. Но людей охваты-

вала тревога. Каждый задавал себе вопрос: что станет с землею Франции, с будущим урожаем, если все возьмут в руки ружья? Жатва, хлеба, слишком медленно убираемые, не окажутся ли они во власти гроз?

Но война брала не только рабочие руки, то есть надежду на будущие урожаи, она поглощала уже сейчас, путем широких закупок, урожай минувшего года. 28 января 1793 г. Ролан пишет Конвенту [23]:

«Одна из главных причин, особенно сильно способствующих росту нехватки продовольствия и повышению цен на него,— это, как я уже неоднократно указывал Конвенту, закупки, производимые во многих департаментах агентами по продовольственному снабжению армии и флота. В самом деле, из ведомости, представленной ими Временному Исполнительному совету 17 числа сего месяца, я вижу, *что за последние приблизительно два с половиной месяца эти агенты поручили закупить более 800 тыс. квинталов зерна и 17 тыс. квинталов муки только в 27 департаментах, из коих четырнадцати я был вынужден дорогой ценой доставить продовольствие*».

Конечно, завербованные в армии люди потребляли бы зерно и мясо и тогда, если бы они остались в своих коммунах. Но, во-первых, многие из них потребляли бы продукцию той маленькой усадьбы, на которой они жили, и, во всяком случае, их закупки были бы спорадическими и нечастыми. Во-вторых, граждане у себя дома потребляли бы меньше мяса и зерна, нежели в армиях. Эта огромная мобилизация людей совершила переворот в привычках. Лоран Лекуэнтр в одном из своих «Мнений», адресованных Конвенту, весьма справедливо отмечает:

«Более пятисот тысяч человек, которые обычно ели мясо один или два раза в неделю, ныне в армии едят его ежедневно». Сказанное на сей счет Лекуэнтром 26 сентября 1793 г. было, очевидно, верно с самого начала войны. Я тоже *априори* был того мнения, когда старался уяснить себе причины поразительного повышения цен на пшеницу, что хлеб, выдаваемый солдатам Республики, должно быть, содержал пшеницы больше, чем тот хлеб из смешанной муки, который ели еще многие крестьяне. Подтверждение своей гипотезе я нашел в краткой речи Камбона 3 ноября 1792 г. [24]:

«Есть еще другая причина вздорожания. У нас 600 тыс. человек под ружьем. Мы хотели, чтобы они хорошо питались, потому что они сражаются за свободу. *Было запрещено употреблять рожь при выпечке хлеба*».

---

* Роты, набиравшиеся для опасного предприятия. — *Прим. ред.*

23. «Moniteur», XV, 299, заседание 28 января 1793 г., «Archives parlementaires», LVII, 724.
24. «Moniteur», XIV, 379; «Archives parlementaires», LIII, 133.

Таким образом, народ, вступая в армии Революции, возвышался до потребления хлеба из чистой пшеницы. К тому же успехи Революции и прогресс общественного мнения, растущее чувство гордости у освобожденных крестьян и у пролетариев, ставших активными гражданами, не способствовали ли они, спрашиваю я себя, даже в сельских местностях распространению привычки к употреблению белого хлеба как символа более высокого уровня жизни?

«Потребление пшеницы не всегда одинаково,— говорит Крёзе-Латуш 8 декабря.— Правда то, что люди труда, проживающие в городах, питаются главным образом хлебом и что этот хлеб в любое время года более или менее одинакового качества. Но жители многих мест, где пшеница родит плохо, а также многие бедные жители деревень приспосабливают свое потребление к своим ресурсам. В зависимости от того, дешева или дорога пшеница, имеется она в изобилии или нет, они едят хлеб более или менее белый или более или менее черный; из пшеницы, или из смеси пшеницы и ржи, или из ржи, или из мелкого зерна. Наконец, есть большие области, где потребляют кукурузу, гречиху, каштаны, овощи и картофель. Это становится даже их единственным питанием, когда цены лучшего зерна поднимаются выше их возможностей».

Но Крёзе-Латуш забывает сказать, что потребление чистой пшеницы может также изменяться в зависимости от уровня гражданской культуры людей. Для тех, кто живо ощущал и высоко ценил равенство, было небезразлично есть тот же хлеб, что и богатые классы, и они, несомненно, к этому стремились. По странному совпадению как раз в это время случилось так, что бедного зерна [то есть низших его сортов.— *Ред.*] не хватало. Я уже приводил слова Ролана по этому поводу в его докладе от 9 января. Он возвращается к этому в своем докладе от 28-го, направляя в Конвент перечень адресованных ему ходатайств о помощи продовольствием:

«Собрание увидит, что эти ходатайства превышают 4500 тыс. квинталов зерна и 7500 тыс. ливров деньгами, из них я уже распределил 222 тыс. квинталов пшеницы и муки и 3278 тыс. ливров в виде денежных авансов.

Этот чудовищный объем потребностей создан разными причинами: прежде всего непрестанные осенние дожди нанесли сильный урон мелкому зерну, а именно кукурузе и гречихе, составляющим во многих кантонах Республики главное питание неимущего класса народа».

Итак, посылаемая правительством пшеница должна была восполнить нехватку бедного зерна. Как будто конкретная необходимость присоединялась к эгалитарным устремлениям нового порядка, чтобы поднять наибольшую часть народа до потребления белого хлеба. Вместе со свободой привычкой народа становилось потреб-

ление более чистого и более благородного хлеба. Революция устранила рожь из питания армии и дала ей хлеб вкусный и питательный не только затем, чтобы придать больше сил солдатам, но и для того, чтобы подтвердить уравнение всех социальных положений и всеобщее гражданское облагораживание. И когда вести из армий достигли деревень, то мог ли весь народ и рабочие на фермах не потребовать пшеничного хлеба? Итак, как раз тогда, когда многие симптомы заставляли опасаться, что в 1793 г. урожай будет недостаточным, растет спрос на пшеницу. И это еще более усиливает тенденцию к повышению цен. К тому же ввиду неотложных и широких нужд большой армии закупки велись в огромных масштабах, и в ряде областей это резко нарушало равновесие ресурсов и потребностей. Ролан жалуется на то, что закупки часто производятся в тех самых местах, где урожай недостаточен. Не было согласованности в действиях администрации министра внутренних дел и военного министерства, где Паш сменил Сервана [25], и это способствовало усугублению кризиса. В военном министерстве еще не успела сложиться какая-либо прочная и ясная традиция. Служба продовольственного снабжения функционировала там плохо, без общего плана и единых действий. Противоречивые объяснения д'Эспаньяка и Гассенфраца в Якобинском клубе на декабрьских заседаниях 1792 г. свидетельствуют о беспорядке, царившем в продовольственных учреждениях [26]:

«У военного министра — своя продовольственная администрация, у морского — своя, а министр Ролан также имеет свою особую администрацию».

---

25. Паш (1746—1823) — финансовый чиновник дворцового ведомства и разных расходов при первом правлении Неккера, сотрудник Ролана в министерстве внутренних дел, с 3 октября 1792 г. и до 2 февраля 1793 г. занимал пост военного министра вместо ушедшего Сервана, с 15 декабря — мэр Парижа и оставался в этой должности до смещения его весной 1794 г., после процесса Эбера. О Паше см. ниже, с. 509 прим. 117.
26. «La Société des Jacobins», t. IV, p. 543 (заседание 2 декабря 1792 г., выступление д'Эспаньяка), p. 545 (заседание 3 декабря 1792 г., выступление Гассенфраца), p. 553 (заседание 7 декабря 1792 г.). Д'Эспаньяк обвинял агентов военного министерства в неспособности и невежестве. В ответ на обвинения Гассенфрац, защищаясь, разоблачил торговые сделки д'Эспаньяка.

Аббат д'Эспаньяк (1753—1794) — парижский каноник, агент генерального контролера финансов Калонна, после падения последнего был выслан за свои подозрительные операции, вернулся в Париж в 1789 г., был поставщиком Альпийской армии, подрядчиком по гужевому транспорту при армии Дюмурье, пользовался его покровительством, был уличен Камбоном в жульнических махинациях, предан суду Революционного трибунала, приговорен к смертной казни и гильотинирован.

Гассенфрац (1755—1827) — химик, сотрудник Лавуазье, член Коммуны 10 августа, начальник материальной части в военном министерстве в 1792 г.

ПОСТАВЩИКИ

В то время еще не было той сильной боевой централизации, которую Революция вскоре внесет в дело продовольственного снабжения, и, как говорит Гассенфрац, «в закупках наблюдалась вредная для общественного дела конкуренция». Эта атмосфера ожесточения, раздоров и лихорадочной спешки весьма благоприятствовала не очень добросовестным поставщикам [27]. Под предлогом срочности поставок они сверх всякой меры завышали свои цены и давали, таким образом, своего рода сигнал к общему повышению. Газета Прюдома (номер от 24 ноября — 1 декабря) отметила эту внезапную вспышку бесконечных подозрительных спекулятивных сделок. В ходе войны, последовавшей за 10 августа, «*потребовалось добывать из села и людей, и продовольствие. Опасность была неминуемой, в таком положении не приходилось торговаться. Какой прекрасный случай для всех скупщиков! Они одни обладали всем, они предложили свои услуги, все были счастливы воспользоваться ими; все условия, какие им вздумалось навязать, были приняты. Не говоря о множестве мошеннических сделок, открывавшихся ежедневно, самые честные в своем ремесле из этих господ не забыли запросить вдвое против рыночной цены, которая уже и без того была слишком высокой. Торговля испытала внезапное потрясение. Вскоре это вздорожание распространилось на все, и бедный, честный гражданин увидел, что ему почти уже не по карману покупать необходимое продовольствие*».

Все спекулянты конца старого порядка, Бомарше, д'Эспаньяк, вновь появляются для всяких темных дел. Евреи, уравненные в правах Учредительным собранием, тоже выдвигают свой контингент спекулянтов.

Жакоб Бенжамен, воспользовавшись спешкой или легкомыслием Монтескью, заключил с ним жульнический договор, в котором цены поставляемых товаров выросли в фантастических пропорциях. Комиссары Конвента в Лионе Буасси д'Англа, Алькье, Вите посылают 17 ноября убийственный доклад, и Камбон негодует в Собрании [28]:

«Ваш комитет поручил мне разоблачить перед вами несколько мошеннических сделок, заключенных Венсаном, главным комиссаром — распорядителем кредитов Южной армии. Эти сделки тем более губительны для нации, что, обусловливая оплату поставок наполовину звонкой монетой, *наполовину ассигнатами, они содержат обязательство возместить потерю на курсе бумажных денег* и отчасти оплатить вперед. *Оба эти обязательства имеют следствием значительное увеличение цены серебра*, поскольку подрядчики заинтересованы в его вздорожании, чтобы больше получить ассигнатами; получается сверхвздорожание, тем более значительное, что эти поставщики требуют почти двойную, против

обычной, цену, как вы это сейчас увидите на примере сделок, заключенных с евреем Бенжаменом».

Комиссары выдвинули совместно следующее обвинение:

«*Мы обнаружили, и мы имеем тому доказательства, что в каждой сделке, в каждой поставке военная иерархия представляет собою не что иное, как лестницу преступлений: генеральный поставщик, заместитель поставщика, инспектора, смотритель склада, комиссар, комиссар — распорядитель кредитов, генеральный штаб — все совершают злоупотребления, все воруют, все обогащаются*».

Так, например, поставлялись рубашки из упаковочной ткани, башмаки из дурной кожи и картона, Лажар и Лебрен, первый — двоюродный брат бывшего министра — фейяна, второй — купец из Монпелье, забили склады порченными товарами. Цены Жакоба Бенжамена напоминали фантастический роман. Соленое сало он поставлял по 37 су фунт, с оплатой половины серебром и остальное ассигнатами, но с компенсацией за потерю на курсе. Между тем соленое сало продавали в портах по 10 су ассигнатами. Он продавал башмаки по 13 ливров пара. Такую же обувь другой поставщик, Жердре, предлагал и сдавал по 6 ливров.

Собрание декретировало привлечь к суду Лажара, Лебрена, Венсана, Бенжамена, евреев и христиан вперемежку [29]. Евреи в течение столь долгого времени вынуждены были заниматься скрытыми и часто подозрительными операциями, что люди Революции были сильно предубеждены против них. Лишь после длительного сопротивления решилось Учредительное собрание признать за ними гражданские и политические права, и мы видим, что члены Конвента говорят о них в презрительном тоне.

«*Еврей* Бенжамен»,— говорит Камбон, а Ланжюинэ заявляет: «Вот письмо от *еврея* Бенжамена» [30]. Да и Бриссо, рассказывая о его допросе в Конвенте 13 ноября, пишет:

«*Еврей* Жакоб Бенжамен приведен к барьеру. Он дает весьма *еврейский* ответ на выдвинутые против него обвинения по поводу сделок, заключенных между ним и комиссарами — распорядителями кредитов, он говорит, что он купец, что его дело — хорошо продать свои товары, а дело комиссаров — распорядителей кредитов — знать, сколько они должны заплатить ему за них».

Это вполне точное изложение действительно сказанного Бенжаменом.

---

27. По важному вопросу о поставщиках см.: Ch. Poisson. Les fournisseurs aux armées sous la Révolution. Le directoire des achats, 1792—1793. Paris, 1932.
28. Письмо от 17 ноября 1792 г., зачитанное в Конвенте 20 ноября («Moniteur», XIV, 526; «Archives parlementaires», LIII, 489.) Камбон выступил после зачтения этого письма.
29. «Moniteur», XIV, 527, заседание 20 ноября 1792 г., «Archives parlementaires», LIII, 491.
30. Камбон и Ланжюинэ выступили на заседании 20 ноября 1792 г.

«Впрочем, я поставщик. Генерал имел право договариваться со мной или не имел его. Если он имел на это право, то мое дело — выполнять мои обязательства. Но, раз сделка заключена, тем хуже для него» [31].

Конвент справедливо распорядился арестовать его. Но он не сосредоточил репрессивные меры на нем одном. Конвент унаследовал от прошлого сильные предубеждения против евреев, но ему ни на мгновение не пришла мысль применить к ним особое правосудие: наравне с ними и вместе с ними он покарал других виновных.

Но война уже проявляла себя, как огромная отрасль индустрии. Это была как бы новая форма колоссальной торговли, пришедшей на смену обычной торговле, более спокойной и более здоровой. Здесь лихорадка нетерпения, возбуждение опасности, аппетиты, чрезмерно разожженные грубым характером военных действий, трудность осуществления контроля, необходимость быстрого снабжения — все способствовало искажению цен; и, однако, именно цены этой безумной, жестокой, нездоровой торговли могли служить примером для нормальной торговли и разжигать малопомалу, даже в спокойствии обычных отношений, алчность торговцев. Чудовищный дух наживы и добычи распространялся по стране из того самого очага, который был средоточием силы отечества. Удивительно ли, что, узнав о том, что эти фантастические цены в ходу в огромных армиях, куда стекается вся страна, землевладельцы стали придерживать свои товары в надежде получить за них такие же цены.

ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ И ФЕРМЕРЫ

Люди имущие были движимы новым духом, более смелым, более предприимчивым, более склонным к спекуляции. Когда церковь владела своими огромными имениями, она управляла ими вяло, следуя рутинной традиции и как бы погруженная в спячку. Для осуществления своего господства и сохранения своих привилегий, для сбора десятин и уклонения от уплаты налогов она нуждалась в поддержке своих фермеров. Если бы они были против церкви, она лишилась бы практически всякой возможности действовать, оказывать реальное влияние на страну. Поэтому она бережно относилась к своей клиентеле фермеров, предоставляя им арендные договоры на умеренных условиях, возобновляя их на прежних условиях, несмотря на общее повышение ценностей. Эти фермеры церкви образовали своего рода сельскохозяйственный субканоникат, защищенный традицией от всяких неприятных неожиданностей и скудно стимулируемый. У них были свои почти неизменные привычки реализации своей продукции, почти постоянные дни продажи.

Выдвинувшиеся с революцией покупатели, зажиточные крестьяне и богатые буржуа, войдя во владение церковными имениями, внесли, наоборот, в управление этими землями деятельный дух, беспокойный, честолюбивый и расчетливый. Как правило, они совершали выгодную сделку. Нельзя сказать, чтобы часто имели место нечестные комбинации или преступный сговор с целью чрезмерного снижения цены за продаваемые с торгов имения. Правда, Ролан в своем докладе от 9 января указывает на преступные махинации [32].

«Не надо закрывать глаза на то,— пишет он,— что в ходе продаж национальных имуществ имели место огромные и возмутительные злоупотребления; то, что мне доносили в октябре минувшего года относительно дистрикта Сен-Кантен, является доказательством тому и применимо ко многим другим дистриктам. Там фермы оценивались определенно ниже их действительной стоимости. Собственники и арендаторы действовали таким образом, чтобы уклониться от обложения, основанием которого служила арендная плата; так что участок, владелец которого получал с него в действительности 1000 ливров, заносился, однако, в арендный договор как приносящий только 500 ливров. И на основе этой арендной платы, этого мнимого дохода, делались оценки для государственных продаж. Из этого следует, что торги всегда имели основанием эту неверную оценку и отдача с торгов производилась по аналогичным ценам, которые были значительно ниже действительной стоимости проданной недвижимости.

Эта неверная оценка породила еще более серьезные затруднения: она пробудила алчность того класса граждан, которые как будто только и живут корыстными расчетами, только и выжидают удобный случай, чтобы обеспечить себе барыши любыми средствами, всеми правдами и неправдами. Отсюда и сговор между ними на торгах, чтобы заполучить наследие нации по самым низким ценам, отсюда и те скандальные, а порой и кровавые сцены, которые имели место, когда конкуренты хотели надбавить к ценам, предложенным сговорившимися монополистами, этими заговорщиками против интересов Республики».

Это, несомненно, так, но это мошенничество с арендными договорами не могло быть общим явлением, и, следовательно, основа оценки для торгов не могла искажаться столь часто. Фактически в эти спокойные годы — 1790, 1791 и 1792 — конкуренция между покупателями была довольно ощутимой и коммуны были заинтересованы в обеспечении правильного проведения продаж, потому что им полагалось пропорциональное отчисление с вырученных от продажи сумм. В общем и целом в большинстве департа-

---

31. «Moniteur», XIV, 475; «Archives parlementaires», LIII, 385.

32. «Moniteur», XV, 90; «Archives parlementaires», LVI, 605 et 633.

ментов продажная цена превосходила на четверть оценочную стоимость, и если покупатели совершали выгодную сделку, потому что арендные договоры церкви были обычно умеренными, то, с другой стороны, им приходилось платить процент с капитала более крупного, чем тот, который представляли арендные договоры церкви. Этим объясняются следующие любопытные слова газеты Прюдома, которые прямо противоположны утверждению Авенеля о покупках имуществ церкви по низким ценам [33]:

«Вторая общая причина [дороговизны продуктов], хотя она более непосредственно касается продовольственных товаров,— *это вздорожание земли... Цены национальных имуществ крайне выросли. Легкость платежей с весьма длительной рассрочкой способствовала таким сильным надбавкам на торгах. Как только национальные имущества удвоились в цене, не стало такого товара, каким бы плохим он ни был, который бы тоже не удвоился в цене. Покупатели национальных имуществ, платившие еще, кроме того, в виде налога пятую часть чистого дохода, перекладывали это на потребителей, заставляя их оплачивать и их ежегодный налог, и проценты с их капитала*».

К этому надо добавить, что большинство этих покупателей пошли в своих новых владениях на большие расходы по устройству. Лоран Лекуэнтр говорит в своем «Мнении и проекте декрета», уже цитированном мною ранее [34]:

«Те 2500 млн., полученные от продажи национальных имуществ, *на которые затем в течение двух лет было израсходовано более 500 млн.*, ибо эти имущества продавались и перепродавались, частично разрушались и перестраивались для других надобностей...»

Стало быть, новым владельцам надо было вернуть себе проценты с возросшего капитала, и так как это были люди смелые и мастера комбинаций, то они старались, придерживая и лишь исподволь продавая свое зерно, извлечь возможно большую выгоду из движения цен, вызываемого падением ассигната. Большинство их имели возможность выжидать. Они покупали земли только потому, что имели средства, превосходившие размеры первых годичных взносов; и какой же это был соблазн — оплатить часть вновь приобретенной земли за счет прибылей от исключительно высоких цен нового урожая! Во всяком случае, они могли выжидать, пока ассигнат несколько консолидируется, и не спешить с продажей своего товара, чтобы не подвергать себя риску растущего обесценения бумажных денег.

Портье, депутат от департамента Уаза, не боится сказать 8 декабря [35], что бóльшая зажиточность земледельца делает его хозяином рынка, куда он доставляет теперь свое зерно лишь тогда, когда он хочет.

«Пахарь благословляет Революцию, освободившую его от соляной подати, от десятин, от службы в милиции и т. д.; и он не платит причитающихся с него налогов. Что это: небрежность сборщиков налогов или невежество налогоплательщиков? Не знаю, но государство от этого страдает. *Фермер, став более зажиточным, не торопится везти на рынок, как прежде, свою продукцию, чтобы иметь возможность заплатить землевладельцу арендную плату; его сбережения, неуплата налогов, освобождение от старых сборов — все это ныне дает ему возможность выжидать, пока не иссякнет поток патриотических билетов*».

Точно так же, по словам Изоре (16 ноября), многие землевладельцы избегают торопить своих фермеров [36]:

«Не будем закрывать глаза на то, что многие землевладельцы — бывшие дворяне дают отсрочки по причитающейся им арендной плате, дабы их фермеры сохраняли лучше зерно, нежели ассигнаты. Буржуазная аристократия также приобщается к этому коварству. Следует еще добавить зажиточных фермеров и скупых землевладельцев, которые сами ведут хозяйство на своих землях».

Каковы были масштабы и точный смысл приведенного Изоре факта? На это не легко ответить. Были ли действительно такие землевладельцы, бывшие дворяне или буржуа-аристократы, которые не торопили своих фермеров с арендной платой, чтобы те не были вынуждены продавать свое зерно? Возможно ли, чтобы увлечение политической борьбой и интригами побудило их отказаться на время от собственных доходов, дабы, нарушив товарообмен, усилить дороговизну зерна и падение ассигната, что наносило ущерб Революции? В этом факте можно усмотреть лишь отдельные эксцентричные проявления ненависти, но не широкую практику, способную изменить ход вещей. Более правдоподобно, что общие интересы побуждали землевладельцев и фермеров медлить. Фермер был заинтересован или полагал, что в этом состоит его интерес: подождать с продажей своего зерна, чтобы извлечь побольше выгоды из повышения цен, а возможно, также он при этом надеялся, что курс ассигната тем временем стабилизируется. Да и землевладельцы отнюдь не спешили получать причитавшуюся им арендную плату, которая сильно сокращалась вследствие падения курса ассигната. Вероятно, это непроизвольное согласие землевладельцев и фермеров, согласие, покоящееся исключительно на экономических соображениях, Изоре и превратил в некий контрреволюционный замысел землевладельцев.

---

33. «Révolutions de Paris», № 177, 24 novembre — 1er décembre 1792, «Des subsistances». См.: G. A v e n e l. Lundis révolutionnaires. Nouveaux éclaircissements sur la Révolution française. Paris, 1875; см. также настоящее издание, т. I, кн. 2, с. 71 и сл.
34. См. выше, с. 357, прим. 22.
35. См. выше, с. 357, прим. 21.
36. См. выше, с. 355, прим. 17.

ИМУЩЕСТВА ЭМИГРАНТОВ И ИХ СТОИМОСТЬ

Как вели себя фермеры, арендовавшие земли эмигрантов, с момента издания Законодательным собранием закона, передавшего эти земли в распоряжение нации? Участвовали ли они в национальном товарообмене или систематически придерживали зерно? Вопрос этот не безынтересен, ибо он касается огромных владений. Ролан затребовал от дистриктов статистические данные о численности эмигрантов и о стоимости их имуществ [37].

«Из 546 дистриктов, образующих Республику, 200 не дали никакого ответа. Другие прислали более или менее законченные списки. Я распорядился об их рассмотрении. Я подсчитал, какой капитал представляют недвижимости, характер и размеры которых достаточно определены, чтобы сделать возможной приближенную оценку. В результате установлено, что число эмигрантов, внесенных в списки, находящиеся у меня перед глазами, достигает 16 930, а стоимость секвестрированной недвижимости достигает 2 760 541 592 ливра.

Если сейчас мы сопоставим число дистриктов, не приславших списков, с числом дистриктов, по которым мы имеем данные, и предположим, что пропорция будет та же, то мы можем определить общее число всех эмигрировавших из Республики в 29 тыс. человек, а стоимость их имуществ — в 4800 млн. ливров (четыре миллиарда восемьсот миллионов).

Я должен заметить Конвенту, что если мы можем предполагать, что муниципалитеты проявили тщательность и точность при составлении списков эмигрантов, владеющих недвижимостью, то вряд ли они проявили такую же заботу при выявлении фамилий тех, кто ничем не владел. А таких было не мало, и не будет большой ошибки принять их число по крайней мере за 40 тыс., таким образом, общее число французских эмигрантов составит около 70 тыс. человек.

Хотя мы оцениваем конфискованные недвижимости в 4800 млн. ливров, однако все это не идет в доход Республики. Из этой суммы надо вычесть долги эмигрантов, а это статья весьма значительная... Несмотря на эти помехи и вычеты, я не боюсь предположить, что доход от имуществ эмигрантов, который попадет в казну Республики, превысит сумму в 3 млрд. Такие размеры дохода тем более вероятны, что в своих оценках я не учел движимого имущества эмигрантов, а эта статья, судя по надежным данным, должна превысить 200 млн.».

Конечно, все эти расчеты весьма неопределенны. Побуждаемый осторожностью финансиста и не желая слишком воодушевлять депутатов перспективой получения крупных средств, Камбон, как мы видели, рассчитывал только на миллиард от ликвидации имуществ эмигрантов. Спустя несколько дней, вероятно ознакомившись с документами, поступившими в министерство внутренних

дел, он поднял эту сумму до 2 млрд. Ролан определял окончательную стоимость имуществ эмигрантов, за вычетом всех их долгов, по меньшей мере в 3 млрд. Представляется достаточно разумным принять среднюю оценку — от 2 до 3 млрд. Итак, все эти имущества были секвестрированы и до продажи находились под управлением государственных органов.

Управляющие и арендаторы секвестрированных владений должны были пребывать в большой неуверенности и неважно относиться к Революции. Относительно управляющих, бывших доверенными людьми сеньоров, это само собою разумеется; да к тому же многие из них должны были быть отстранены государственными органами. Что касается арендаторов, то они не знали, что их ждет в ближайшем будущем. Со времени принятия Законодательным собранием декрета от 2 сентября 1792 г., разрешившего лицам, купившим с торгов имения эмигрантов, выдворять арендатора с выплатой ему возмещения, положение арендаторов стало совсем ненадежным и даже тревожным [38]. Их одолевали самые разные мысли и тревоги. С одной стороны, можно ли быть уверенным в том, что Революция победила? А что, если, рассчитавшись слишком быстро с государственными органами, вместо того чтобы попридержать возможно дольше арендную плату для отсутствующих хозяев, они скомпрометируют себя в глазах последних? И с другой стороны, если они поспешат с продажей зерна, не лишат

---

37. По вопросу о землях эмигрантов см. настоящее издание, т. II, с. 609 и сл. По вопросу определения численности эмигрантов см.: D. Greer. The incidence of the emigration during the French Révolution. Cambridge, Mass., 1951. Методологию этого вопроса см.: M. Bouloiseau. Étude de l'émigration et de la vente des biens des émigrés, 1792—1830. I: «Sources et bibliographie»; II: «Les étapes de la législation»; III: «L'utilisation des documents». Paris, 1963. При отсутствии многочисленных местных или региональных монографий любая попытка общей оценки стоимости имуществ эмигрантов представляется рискованной.

Что касается численности эмигрантов, Д. Грир оценивает ее для всего периода в 129 тыс. человек. Если учесть упущенных, то предложенная Тэном цифра — 150 тыс.— не является неправдоподобной. В 24 департаментах, относительно спокойных, 72% эмигрантов покинули страну до 1 января 1793 г.; из них около девяти десятых были дворяне и священники. В 12 департаментах, затронутых событиями войны, внешней или гражданской, 83% эмигрантов покинули страну до 1 января 1793 г.; из них более девяти десятых принадлежали к третьему сословию.

38. Декрет относительно продажи имуществ эмигрантов («Archives parlementaires», XLIX, 211). Статья 16: «Лицо, приобретшее с торгов участок, в какой бы то ни было форме, сможет удалить арендатора, вознаградив его за убытки, причем для этого вознаграждения необходимо, чтобы арендный договор был заключен до 9 февраля минувшего года». Статья 17: «Вознаграждение будет равно четверти арендной цены за время, в течение которого арендному договору оставалось бы действовать...»

ли они себя ради ассигнатов с их переменчивым курсом надежного и весомого добра, которое было для них гарантией от неудач и случайностей завтрашнего дня?

Революция медлила с распродажей имущества эмигрантов, а это усиливало неуверенность и сомнения арендаторов. К концу октября не было еще ничего решено относительно точного порядка проведения продажи. 23 октября Делакруа заявил в Конвенте [39]: «Я предлагаю Собранию немедленно декретировать порядок продажи имущества эмигрантов. Уже тот разрыв, который имеет место между декретом, провозгласившим продажу этих имуществ, и тем декретом, который должен определить порядок этих продаж, причинил Республике значительный ущерб». Но Конвент колебался между несколькими системами: продавать ли большими массивами, чтобы возможно скорее реализовать суммы, необходимые для ведения пожирающей огромные средства войны, или продавать небольшими участками, чтобы увеличить число мелких сельских собственников.

Из самого доклада Ролана вытекает, что еще 9 января Конвент не принял решения по этому вопросу и что поначалу только одно движимое имущество было пущено в продажу. При таком длительном состоянии неопределенности арендаторы инстинктивно старались быть возможно более сдержанными, платить возможно меньше и выигрывать время. Поступления от доходов с конфискованных имений совершенно не соответствовали стоимости этих имений и вероятным обязательствам арендаторов. 24 октября от имени Комитета государственных имуществ Камю заявил в Конвенте [40]: «Управляющие управления регистрационных пошлин прислали ведомость поступлений с доходов от этих имуществ в течение сентября месяца. Они достигают 710 343 ливров для 39 департаментов. Таким образом, если оценивать доход от этих имуществ для второй половины департаментов, исходя из этих представлений, то годовой доход от этих имуществ должен составить 18 млн. ливров». Восемнадцать миллионов годового дохода с земельных владений, оцениваемых по меньшей мере в два, а может быть, и в три миллиарда: это даже меньше 1%!

Амело, управляющий Кассой чрезвычайных доходов, 9 января 1793 г. прислал в Конвент «ведомость платежей, внесенных в эту кассу, поступлений от доходов с имуществ эмигрантов и от продажи их движимости за истекший декабрь месяц. Эти платежи составили 1 621 698 ливров, 1 су, 3 денье» [41]. Это тоже жалкая цифра, несмотря на то что сюда входят и поступления от продажи движимого имущества. Совершенно очевидно, что арендаторы притаились, отсрочили как можно дольше свои платежи, а для этого затянули, насколько возможно, и продажу своей продукции. Карра заявил в Конвенте 9 января [42]: «Недавно обнаружили одну из причин искусственной нехватки зерна. Арендаторы эмигрантов, не будучи принуждаемы вносить арендную плату в государствен-

ные кассы, не продают своего зерна и ждут его вздорожания. Я требую: 1) чтобы этим арендаторам было предписано внести, прежде чем истекут два месяца, причитающиеся с них арендную плату и недоимки по ней в государственные кассы под расписки, которые им выдадут приемщики этих касс, в противном случае с них будет взыскан штраф в размере 20 ливров с каждых 100 ливров причитающейся с них арендной платы...» Содержащееся в протоколе заседания резюме речи Карра, очевидно, слишком сжато и неточно. Он не мог сказать так безоговорочно, что арендаторы не были обязаны вносить арендную плату в государственные кассы. Эта обязанность естественно вытекала из закона, передавшего имущества эмигрантов в распоряжение нации и, в частности, обязывавшего арендаторов заявлять в муниципалитеты о суммах, которые с них причитаются или будут причитаться эмигрантам.

УПЛАТА НАТУРОЙ АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ С НАЦИОНАЛЬНЫХ ИМУЩЕСТВ

Возможно, что при отсутствии четкого предписания многие арендаторы ограничивались тем, что держали у себя для государства арендную плату, не внося ее фактически в государственные кассы. Конвент внес в этот вопрос ясность. Но если бы их обязали немедленно рассчитаться по причитающейся с них арендной плате, они, естественно, рассчитались бы ассигнатами даже в тех случаях, когда их арендные договоры предусматривали уплату натурой, ибо закон 1791 г. давал им право платить деньгами. А так как курс ассигната сильно падал, то убытки несла бы нация.

С другой стороны, нация нуждалась в большом количестве зерна и мяса для своих армий. Закупая их, армии были вынуждены при расчетах с продавцами принимать во внимание падение курса ассигната, которое, таким образом, официально признавалось и усугублялось. Именно это вызвало крайнее раздражение Камбона в сделках, заключенных с Жакобом Бенжаменом, именно это вызвало его раздражение в контрактах на поставки продовольствия для армий. Чтобы избежать этой опасности, Камбон 11 января 1793 г. предложил Конвенту обязать всех арендаторов национальных имуществ, будь то имущества эмигрантов или церкви или

---

39. «Archives parlementaires», LII, 629.
40. «Archives parlementaires», LII, 640. Камю (1740—1804) — адвокат духовенства Франции при Парижском парламенте, депутат Генеральных штатов от третьего сословия города Парижа, позднее депутат Конвента от департамента Верхняя Луара. Дюмурье выдал его австрийцам 5 апреля 1793 г.
41. «Archives parlementaires», LVI, 603.
42. «Archives parlementaires», LVI, 602.

другие, еще не проданные, вносить свою арендную плату натурой [43]. «Комиссары, посланные вами в Страсбург, были поражены злоупотреблениями, царящими во всем департаменте Нижний Рейн. Эти злоупотребления имеют своей причиной ассигнаты, сохранившие только половину своей стоимости, Республика же теряет 100%. Чтобы прекратить такие злоупотребления, ваш комитет предлагает вам декретировать, что арендаторы национальных имуществ обязаны вносить свою арендную плату натурой и что зерно и фураж, поступающие в этом порядке, будут использованы для снабжения армий».

Конвент декретировал [44]: «Арендаторы, плательщики рент и долгов по имениям эмигрантов, Мальтийского ордена, владетельных принцев и вообще всех непроданных имуществ, расположенных во Франции или в странах, ныне занятых армиями Республики, обязанные в силу своих контрактов или арендных договоров уплачивать пшеницей, смесью пшеницы и ржи, рожью, овсом, сеном, соломой и сухими овощами всю свою арендную плату или часть ее, ренты и т. д., должны рассчитываться таким же образом, как они были обязаны это делать в отношении арендодателей в отступление от статьи 9 закона от 9 сентября 1791 г.».

Арендаторы эмигрантов тем самым были сразу лишены возможности спекулировать на своем зерне. Но с другой стороны, это зерно было как бы изъято из торговли в собственном смысле слова и товарооборота; оно предназначалось для военных складов. Продукция имений эмигрантов была, так сказать, милитаризована, предназначена для содержания армий. И такого рода секвестр значительной части зерна для нужд армии неизбежно усиливал тенденцию к повышению цен и напряжение в экономике страны. Таким образом, каковы бы ни были побудительные мотивы землевладельцев и арендаторов, будь то желание получить более высокий процент с большего капитала, вложенного ими в покупку имения церкви, или же соблазн последовать примеру первых сделок, заключенных крупными поставщиками армии, и пуститься в спекуляции, запрашивая высокие цены, или, как это было с арендаторами имений эмигрантов, желание попридержать в расчете на лучшие шансы в будущем; во всех этих случаях своего рода общая жажда повышения цен усиливала воздействие курса ассигната и крупных военных закупок на повышение цен на зерно и многие продукты до почти невероятных размеров, что было показателем опасного положения и общего напряжения в делах и умах.

Относительная стабильность цен, установившаяся в царстве косности старого порядка, близившегося к своему концу, была потрясена всеобщим обновлением, резкими перемещениями богатства, духом движения, который сообщился экономическим силам, остававшимся прежде недвижимыми в церковной спячке. Богатая добыча в несколько миллиардов в виде имений эмигрантов, внезапно

открывшаяся взорам честолюбцев, людей, питавших корыстные надежды и расчеты, тоже чрезвычайно возбуждала жажду спекуляции.

Чтобы иметь возможность купить как можно больше вожделенных земель, надо было извлечь возможно большие выгоды из тех имений, которыми человек уже владел. Пламя вожделения текло по венам Революции, и лихорадка цен была не меньшей, чем лихорадка в мыслях. Буржуазия была охвачена горячкой, и цены на продукты ползли вверх, являясь своего рода термометром.

Если ко всем этим причинам вздорожания добавить конкуренцию между различными администрациями, муниципальными и государственными, в деле закупок зерна, то не приходится удивляться, что дело дошло до столь парадоксальных цен. Революция еще не умела разработать единую систему, общий план организации снабжения продовольствием. Она не предоставила заботу о продовольственном снабжении страны одной лишь частной инициативе и свободной торговле. Но она не создала и центральной службы продовольственного снабжения, действующей по единому методу. Муниципалитеты крупных городов производили закупки и перепродавали. Министр внутренних дел непосредственно закупал зерно или субсидировал муниципалитеты. И 3 ноября Камбон воскликнул:

«Чем больше вы допускаете конкуренцию, тем больше должны расти цены».

И рост цен под действием этих многочисленных причин был столь головокружительным, что 14 октября Камбон мог сказать Конвенту:

«Я заверяю, что в департаменте Эно фунт хлеба весом 14 унций стоит 8 су».

ДВИЖЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

При таких ценах или даже при более обычных, как 4 или 5 су за фунт хлеба, последовал бы взрыв всей экономической системы, если бы заработная плата не повышалась почти в такой же прогрессии. В самом деле, представьте себе, что многие труженики не зарабатывали даже 20 су в день и, следовательно, на хлеб для одного человека уходило от трех четвертей до двух третей или по меньшей мере половина обычного заработка. А эти высокие цены на зерно и хлеб продержались несколько месяцев. Поэтому можно *априори* не сомневаться, что наемные труженики приложили огромные усилия, чтобы добиться увеличения ставок поденной платы и широкого движения заработной платы. К этому вре-

---

43. «Moniteur», XV, 111; «Archives parlementaires», LVI, 733.

44. «Moniteur», XV, 111; «Archives parlementaires», LVI, 736.

мени неизбежно относилось и одно из наиболее глубоких и широких волнений, направленных на повышение оплаты, какие знала история рабочего класса. Столь же неизбежно совершился, во всяком случае в номинальных ставках заработной платы, и один из самых резких скачков, какие когда-либо имели место.

Повторяю, для народа было жизненной необходимостью существование такого порядка, когда он может быть заранее уверенным в возможности потребовать и добиться большого увеличения ставок поденной платы.

Чтобы пассивно переносить такое вздорожание зерна и хлеба и не стремиться компенсировать это увеличением заработной платы, рабочий люд и крестьяне должны были бы дойти до такой степени летаргического порабощения, когда уже не ощущается даже стрекало голода. Но народ никогда не был таким живым, таким пылким и гордым. И я без удивления отмечаю ясные утверждения, никем не опровергнутые, которые говорят о великом движении заработной платы. Это социальная характеристика того периода. Феро, который, правда, выступает против всякой системы таксации и регламентации торговли хлебом, сказал 16 ноября [45]:

«*Если цена на зерно возросла, то увеличилась равным образом и заработная плата.* И поскольку все уравновешено, то есть вздорожание зерна уравновешено увеличением заработной платы, то мы увидим, что проигрыш ощущают только землевладельцы, а отнюдь не живущий на заработную плату потребитель, который нас особенно занимает в данный момент».

Конечно, Феро придал своему утверждению слишком общий характер, он изображает как повсеместно распространенное явление то, что было лишь частичным результатом и общей тенденцией. По-другому говорят Бефруа и Изоре. Но обратимся к их высказываниям. Бефруа сказал [46]:

«Когда жадные хлебопашцы, используя как предлог частичное опустошение соседнего кантона *или недостаток рабочих рук, тогда как тысячи граждан предлагают свои руки, отвергаемые только потому, что отнюдь не хотят соразмерять заработную плату с ценами продуктов*, когда, наконец, под предлогом того, что им приходится платить высокую арендную плату, эти жадные люди сговариваются настолько высоко поднять цены на зерно, что последние превышают [покупательную] способность работников, тогда ставки заработной платы уже не соразмерны с ценами на продукты и поденщику они уже недоступны, он не может уже удовлетворить своих первейших потребностей».

Итак, из слов Бефруа следует, что народ не восстановил равновесия между заработной платой и ценами на хлеб, но что он борется за восстановление такого равновесия. *Поденщики отказываются работать* на прежних условиях. И разве перед фактом этой стачки сельских пролетариев землевладельцы и арендаторы не вынуждены будут пойти на широкие уступки? Чтобы господствовать на рынке

и не упустить случая, надо прежде всего иметь в наличии свое зерно. Необходимо, стало быть, провести молотьбу, и, столкнувшись с отказом работников, они вынуждены будут повысить заработную плату.

Говоря о долготерпении народа, Изоре заявил:

«Не думайте, что бедняку хочется иметь зерно по дешевке, *хотя он страдает оттого, что ему не платят за его тяжкий труд соразмерно ценам продуктов*; он понимает, как и вы, что сильно возросшее в обращении количество денег поднимет цены на все необходимое для его жизни до чрезвычайности».

Да, но, каково бы ни было смирение народа, он неизбежно делает вывод, что это большое количество денег в обращении в такой же мере должно сказаться на оплате его труда, как и на ценах на продукты питания, и что его заработная плата может и должна участвовать в общем движении. 2 декабря Серр сказал [47]:

«Когда все товары дорожают, оплата труда поденщика постепенно повышается и равновесие почти тотчас же восстанавливается. Одним словом, цена зерна почти всегда является регулятором или хронометром повышения или понижения цен всех остальных товаров. Впрочем, не знаю, заблуждаюсь ли я или память мне изменяет, но когда я спросил у торговца железом, почему он продает свое железо по 16 су за фунт вместо 8, когда я спросил сапожника, почему он продает свои башмаки по 9—10 ливров вместо 5—6 ливров, когда я спросил портного и т. д., то все отвечали мне, что пшеница продается вдвое дороже, чем в предыдущие годы, и что рабочие получают вдвое больше того, что они зарабатывали прежде!»

И Серр подчеркивает, сколь несправедливо было бы устанавливать твердые цены на зерно, «оставляя при этом заработную плату и цены других товаров на том уровне, до которого они поднялись под действием обстоятельств». И никто не возвысил голос в Конвенте, чтобы оспаривать этот факт. Ни один депутат, ни один журналист не возразил, что заработная плата должна остаться неизменной. Наоборот, вот что заявил Дорнье в своем «Мнении», напечатанном 8 декабря [48]:

---

45. «Moniteur», XIV, 493; «Archives parlementaires», LIII, 434. Феро (1767—1795) — депутат Конвента от департамента Верхние Пиренеи, связанный с партией Жиронды, был убит в Конвенте 1 прериаля III г. См. ниже, с. 419, прим. 41.
46. Речь идет все о том же заседании Конвента 16 ноября 1792 г. См. выше, с. 355, прим. 16, 17.
47. «Moniteur», XIV, 642; «Archives parlementaires», LIV, 35. Серр (1762—1831) — капрал морской пехоты до 1785 г., капитан 2-го батальона волонтеров департамента Верхние Альпы в 1791 г., депутат Конвента от этого департамента. См. ниже, стр. 424 и сл.
48. «Archives parlementaires», LIV, 690; в «Moniteur» нет никакого упоминания. Дорнье (1744—1807) — владелец металлургического предприятия в Дампьере, администратор деп. Верхняя Сона, депутат Конвента.

«Вы должны установить справедливое равновесие между потребностями ремесленника и его ресурсами. Нельзя допустить угнетения ремесленника земледельцем, *ни угнетения последнего ремесленником, сумевшим справедливо поднять цену своей рабочей силы в соответствии с повышением цен всех товаров. Все знают, что то, что стоило 6 ливров, ныне стоит 9 ливров и что поденная плата, составлявшая 20 су, теперь поднялась до 30 су и так далее*».

Вот заявление предельно четкое, которое отличает спокойная уверенность, исключающая как будто возможность какого-либо опровержения. И опровержения не последовало. Трудно представить себе речь более пессимистическую, более мрачную, чем та, которую произнес Сен-Жюст 29 ноября по поводу продовольственного снабжения. И вот что я там читаю [49]:

«Говорят, что поденный заработок ремесленника повышается пропорционально ценам на продовольствие. Но если у ремесленника нет работы, кто ему оплатит его праздность?»

Итак, Сен-Жюст, как ни мрачна нарисованная им картина экономического положения страны, не отрицает, что фактически наблюдается рост заработной платы ремесленника. Я напомню уже цитированное мною заявление Ролана из его январского доклада 1793 г., в котором, идя гораздо дальше, чем Дорнье, он утверждает, что равновесие нарушено в ущерб земледельцу повышением заработной платы. Я отмечаю в «Патриот франсэ» от 3 ноября любопытное письмо из Орлеана, датированное 21 октября. Оно, несомненно, написано «бриссотинцем», сетующим на анархию и подрывную пропаганду делегата Парижской коммуны [50], но изобилует точными фактами:

«Мы пребываем здесь среди своего рода анархии, которая может иметь для нас и для других департаментов самые серьезные последствия... Положение Орлеана особое. Но если мы не допустим погрузок, то сколько департаментов мы обречем на голодную смерть! Невозможно убедить большинство моих сограждан в том, что департамент не может прокормиться в течение четырех месяцев, поскольку у нас имеется много залежных земель и лесов. Среди изобилия они будут умирать с голоду, ибо, если граждане департамента помешают перевозкам зерна, департамент Эр и Луар сделает то же. Пример прошлой зимы должен был бы их убедить. Торговля зерном была совершенно свободной, и в нашем городе хлеб был самым дешевым: все доставляли его нам. На вчерашнем рынке, самом значительном за неделю, довольно много представителей секций разбрелись по рынку, добиваясь установления твердых цен на пшеницу. Не преуспев в этом, они стали угрожать фермерам и запугав их, заставили некоторых снизить цены на зерно. Результат этого будет один: напуганные фермеры не вернутся в следующую субботу и нас ожидают беспорядки. Я не хочу оставлять вас в неведении относительно того, как вводят в заблуждение моих несчастных сограждан, *которые все недавно добились*

повышения своей поденной платы и, следовательно, должны были бы меньше жаловаться, к тому же у нас тут много парижских смутьянов, возможно посланных вашими агитаторами» [51].

Право, при всей политической предвзятости, которой окрашены эти утверждения, нельзя подвергать сомнению факт общего повышения заработной платы, отмечаемый в стольких разных свидетельствах и столь отвечавший, впрочем, естественному ходу вещей. Мог ли народ Франции, еще глубоко взволнованный победой Революции 10 августа, допустить без сопротивления, чтобы его морили голодом в тот самый момент, когда огромный призыв в армию, сократив число рабочих рук, придавал требованиям наемных тружеников неотразимую силу?

Одно сопоставление поражает наш ум.

Через несколько месяцев Конвент, вынужденный ввести *максимум* и общую таксацию продуктов питания, установил все цены, взяв за основу цены 1790 г. *и увеличив их на одну треть* для товаров и наполовину для зарплаты рабочих. Несомненно, что Конвент старался возможно более приблизиться к фактическому положению, созданному кризисом цен. Конвент хотел установить предел беспорядочному повышению цен, наблюдавшемуся уже несколько месяцев. Но он, конечно, старался при этом избежать нового и бесполезного потрясения и исходить максимально из существующего положения. Разве мог бы, например, Конвент рискнуть декретировать увеличение заработной платы наполовину, если бы это увеличение уже не было почти повсюду достигнуто силами самих тружеников? Если бы не это, то Конвент внезапным повышением заработной платы поднял бы против себя всех земледельцев, всех фермеров, всех землевладельцев. Мне кажется поэтому в высшей степени вероятным, что Конвент полагал должным считаться с фактом общего повышения на одну треть всех цен, цен товаров и цены труда, как с уже ранее существовавшей реальностью. И он задался целью стабилизировать это повышение,

---

49. См. выше, с. 356, прим. 20.
50. По-видимому, речь идет о комиссарах Коммуны: в департамент Луаре и Орлеан были посланы две миссии: в одном случае это были Канма и Лаво, которых посылали также в департамент Эр и Луар (командированы 29 августа 1792 г.), во втором — Ксавье Одуэн и Луазо-Гранмезон (командированы 3 сентября 1792 г.). См.: P. C a r o n. La première Terreur (1792). I: «Les missions du Conseil exécutif provisoire et de la Commune de Paris». Paris, 1950.
51. По вопросу продовольственного снабжения и заработной платы в Орлеане см.: G. L e f e b v r e. Études orléanaises. T. II: «Subsistances et maximum, 1789 — an IV». Paris, 1963. 16 сентября 1792 г. в Орлеане вспыхнул продовольственный бунт; волнения продолжались всю осень. Напомним, что в Орлеане жил и действовал «бешеный», Табуро де Монтиньи, на которого обратили внимание в своих трудах Альбер Матьез и Жорж Лефевр.

зафиксировать его и предотвратить всякие маневры, направленные к вздорожанию или обесценению.

Я поэтому очень склонен считать, что в общем и в среднем повышение заработной платы, а также цен на различные продукты достигло в последнем квартале 1792 г. и в первом полугодии 1793 г. одной трети первоначального уровня. Итак, оказывается, что депутат, приведший самые категорические и самые точные фактические данные, а именно Дорнье, указывает как раз на это общее повышение цен на одну треть как на факт общеизвестный: товары ценой 6 ливров стали стоить 9 ливров, поденная плата в 20 су достигала 30 су. Следовательно, заработная плата повысилась по меньшей мере на одну треть. Я говорю «по меньшей мере», потому что далее я приведу циркуляр Продовольственной комиссии для рабочих, в котором она напоминает им, что в отношении заработной платы они должны подчиняться закону о максимуме.

В самом деле, во многих местах имели место довольно резкие жалобы. Рабочие заявляли, что закон, который повысил наполовину их заработную плату, взяв за основу ставки 1790 г., нанес им ущерб. Стало быть, они уже добились повышения более чем наполовину. И хотя это повышение было в конечном счете только номинальным, ибо оно лишь уравновешивало общее повышение цен, это одно из самых замечательных движений заработной платы, какие историк мог когда-либо отметить. Народ предпринимал двойное усилие. С одной стороны, он старался ограничить цены на продукты питания либо путем прямой таксации на рынках, либо путем издания законов о таксации, о которых он тогда начал просить власти, а в конечном счете навяжет силой. С другой стороны, наемные труженики всюду требовали от своих нанимателей, землевладельцев, фермеров, промышленников всякого рода, увеличения заработной платы.

Итак, пролетарии, наемные труженики осуществляли в тот момент двойное классовое воздействие: на государство и на предпринимателей. От закона Ле Шапелье фактически ничего не остается, его захлестнула, его свела на нет огромная коалиция рабочего народа, требующего повсюду и разом средств к существованию. Резкие инциденты, вспыхивавшие то тут, то там, след которых сохранила нам история, отдельные петиции и отдельные движения — все это дает лишь слабое представление о размахе и глубине движения, коим народ давал знать Революции и буржуазии, что он не намерен взять на себя бремя этого кризиса.

И эта всеобщая жизненная сила рабочего народа, этот дух требования и борьбы вошли яркой полосою в историю пролетариата. Ибо всюду усилия и борьба были необходимы. Мы можем быть уверены в этом, хотя детали этой борьбы для нас утеряны. Как, например, могли бы мы знать, не будь цитированного мной отрывка из Бефруа, что сельскохозяйственные рабочие дошли до отказа работать, чтобы вырвать у скупого фермера более высо-

кую поденную плату? История, одержимая трагическими видениями этого периода, упустила запечатлеть для нас черту за чертой это поразительное движение, борьбу за повышение заработной платы, которая на каждом заводе, на каждой ферме противопоставляла друг другу наемных тружеников и революционную и имущую буржуазию. Но согласование ставок поденной платы с невероятными ценами на пшеницу и продукты питания было отнюдь не легким, вполне естественным делом, свершившимся просто, автоматически [52].

СРЕДСТВА ИСЦЕЛЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ КОНДОРСЕ

Кондорсе, будучи врагом всякой таксации и регламентации, не мог, однако, отрицать нарушения равновесия между заработной платой и ценами на продукты. Он с тревогой спрашивал себя, каким образом восстановить гармонию и разрешить кризис, не затрагивая абсолютной свободы торговли. То ему представлялось, что государство сможет восстановить равновесие между ценами на продукты и ценой труда, не прибегая к закону, одной силой примера. То он, по-видимому, возлагал надежды исключительно на воздействие самой свободы. 18 ноября он задается вопросом [53]:

«Нужен ли общий закон о продовольствии или достаточно частичных законов или учреждений, чтобы предвидеть и обеспечить удовлетворение потребностей в критические времена? Полезно ли будет создать в такие моменты единое продовольственное ведомство, которое занималось бы исключительно этим большим и важным делом? Следует ли направить за границу ответственных агентов, которые наблюдали бы за ценами зерна и производили бы закупки для Республики? *Нельзя ли путем упразднения фиктивной стоимости звонкой монеты нанести радикальный удар по ажио-*

---

52. Жорес поднимает здесь важную проблему, все еще мало изученную. Мы не располагаем ни одной общей работой о «рабочем движении» в 1792—1793 гг.; необходимо учитывать, что собственно рабочие требования были лишь одним из компонентов народного движения. С другой стороны, при тогдашнем состоянии народных масс, при отсутствии ясного классового самосознания, четкого понимания социального значения труда, требования наемных тружеников были направлены больше на цену хлеба, нежели на размеры заработной платы. Можно пользоваться старыми, но не утратившими своего значения работами: Е. Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Т. 1—2. М., 1909—1911 (см. т. 2, гл. IV). [См.: Е. В. Тарле. Сочинения. Т. II, М., 1957.— *Ред.*]
53. «Chronique de Paris», 18 novembre 1792. Кондорсе не принимал участия в больших дебатах в Конвенте по продовольственному вопросу.

тажу, который наряду с металлическими деньгами задевает и бумажные деньги, а вместе с ними и все продукты питания и в конечном счете выкачивает все соки из народа?»

Идея смелая, к которой я еще вернусь. Кондорсе, как мы видим, полагал, что вздорожание продуктов питания не было прямым следствием падения курса ассигната. Падение курса ассигната началось по отношению к металлическим деньгам, которые легче всякого другого товара скопить и придержать. И только рикошетом вздорожание звонкой монеты распространилось мало-помалу на другие товары. Кондорсе задумывается над вопросом, не следует ли установить прямую связь между ассигнатами и продуктами питания путем упразднения металлических денег, этого важнейшего орудия ажиотажа. Таким образом, равновесие между заработной платой и ценами на продукты питания было бы восстановлено без вмешательства закона в коммерческие сделки и в формирование цен.

Он пишет в «Кроник де Пари» 28 ноября:

«Национальный Конвент отлично знает, что пшеница принадлежит тому, кто ее посеял, и что в единой Республике свободное перемещение продовольствия из одного конца страны в другой — необходимое условие общественного договора. *С другой стороны, непонятно почему, при нарушении равновесия между фактической стоимостью продуктов питания и средствами платежа, упорствуют в предпочтении опасного решения — снижать цены на продовольствие вместо гораздо более простого решения — увеличить средства платежа.* Если бы правительство при своих закупках и чрезвычайных поставках зерна старалось сохранять естественное движение торговли вместо того, чтобы его нарушать, *если бы оно использовало огромные фонды заработной платы, которыми оно располагает, для того чтобы сохранить то соотношение между нею и потребностями, которое ежеминутно нарушается в силу разных причин;* если бы городские рынки были равно защищены как от грабежа, так и от произвольных таксаций; если бы дороги и реки были совершенно безопасны для перевозок, тогда бы мы увидели, как амбары постепенно освободились от хранимого в них зерна».

В самом деле, государство производило огромные закупки для армий и флота; оно платило солдатам, матросам, рабочим арсеналов и некоторых мануфактур немалые деньги. Кондорсе хотел, чтобы, приводя эту заработную плату в соответствие с возросшими ценами на продукты, оно тем самым дало сигнал к общему повышению оплаты труда. Но 9 декабря он, по-видимому, возлагает надежды главным образом на экономическую активность и свободную конкуренцию.

«Как можете вы рассчитывать на то, что конкуренция предпринимаемых работ приведет к повышению заработной платы, если те же [тревожные] слухи побуждают богатых граждан придержи-

вать, в качестве ресурсов на случай кризиса, те суммы, которые они могли бы употребить на улучшение своих владений, на приобретение движимого имущества? Могут ли они быть уверены в том, что будут пользоваться этими улучшениями, этими приобретениями? Поэтому они откладывают эти расходы до другого времени, и пока что народ страдает от этого пагубного застоя.

Революция путем широких изменений в распределении церковных и феодальных богатств и вследствие добровольной или вынужденной эмиграции большого числа собственников неизбежно произвела перемещение в распределении заработной платы. Создание бумажных денег должно было изменить соотношение между заработной платой и ценами на продукты питания. Но само по себе это изменение в распределении богатств было благоприятно для общественного процветания. Неудобства, связанные с колебаниями цен, более быстрыми и более обширными, нежели изменения размеров заработной платы, не были неустранимы. И если бы активность, порожденная Революцией, не была связана этими искусственно вызванными тревогами, зло было бы давно уже устранено и равновесие было бы с выгодой восстановлено».

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ТАКСАЦИЮ

Но народ не стал дожидаться того естественного и медленного восстановления равновесия, на которое в своем революционном оптимизме возлагал надежды Кондорсе. Народ действовал двумя путями: отказываясь работать за старую плату и пытаясь навязать либо Конвенту, либо непосредственно торговцам таксацию продовольственных товаров. Добиться повышения заработной платы путем энергичных требований, а в случае надобности и посредством стачки и ограничить с помощью закона или силой рост цен на продукты питания — таковы были двоякие усилия трудящихся в этот период. Когда в январе 1792 г. Законодательное собрание приняло делегацию от секции Гобеленов, протестовавшую против вздорожания продуктов питания, петиционеры требовали принятия мер против «скупщиков», но они не осмелились высказать мысль о таксации путем закона [1]. Теперь же депутация от собрания выборщиков департамента Сена и Уаза формулирует эту идею перед Конвентом в четких и смелых выражениях. Смелость пролетариата выросла. Он чувствует себя как бы ближе к закону и подумывает об использовании его для защиты своих интересов.

«Граждане,— говорят эти делегаты на заседании 19 ноября [2],— главный принцип, который мы должны вам изложить, следующий: *свобода торговли зерном несовместима с существованием нашей Республики.* Из кого состоит наша Республика? Из малого числа капиталистов и великого числа бедняков. Кто занимается торговлей зерном? Малое число капиталистов. Зачем оно занимается торговлей? Чтобы обогащаться. Каким образом оно может обогащаться? Путем повышения цен на зерно при перепродаже его потребителю.

Но заметьте также, что этот класс капиталистов и землевладельцев, диктующий благодаря неограниченной свободе цены на зерно, определяет также оплату труда. Ибо всякий раз, когда у богатого возникает надобность в рабочем, их приходит десять и он может выбирать. А выбирает он того, кто меньше требует. Он назначает ему плату, и работник подчиняется его воле, потому что он нуждается в хлебе и удовлетворение этой потребности не может быть отсрочено. Стало быть, это малое число капиталистов и землевладельцев устанавливает поденную оплату. Неограниченная свобода торговли зерном делает их также хозяевами продуктов первой необходимости. Гнусное корыстолюбие не позволяет им считаться с другим законом, кроме закона их жадности. В итоге — ужасающая диспропорция между стоимостью рабочего дня и ценами на продукты первой необходимости. Поденная плата составляет от 16 до 18 су, тогда как зерно стоит 26 ливров за сетье весом от 260 до 270 фунтов из расчета 16 унций в фунте. Поденной платы, следовательно, недостаточно, чтобы прожить. Отсюда как неизбежное следствие — угнетение каждого, кто живет трудом своих рук.

Но если этот класс, который живет трудом своих рук, является самым многочисленным, если, будучи призван в силу равенства перед законами к их выработке, он является также единственной и единой силой государства, то можно ли предполагать, что он будет терпеть такой порядок вещей, который его ранит, давит и лишает пропитания и жизни?

Законодатели, не пугайтесь этой смело высказанной правды. К революции приводят не открыто высказанные истины, а их удушение. Неограниченная свобода торговли зерном ведет к угнетению самого многочисленного класса народа. Народ не может ее терпеть. Поэтому она несовместима с нашей Республикой... Сейчас мы подошли ко второй истине: *закон должен обеспечить продовольственное снабжение Республики и пропитание для всех.*

Какого правила должен придерживаться закон в этом деле? Сделать так, чтобы зерно было; чтобы изменчивая цена этого зерна всегда была соразмерна с поденной оплатой; ибо если цена зерна изменяется, а поденная оплата нет, то не может быть соразмерности между ними. А если нет соразмерности, то наиболее многочисленный класс должен быть угнетен. Это абсурдное положение вещей, и оно не может долго длиться.

---

1. «Moniteur», XI, 198, заседание Законодательного собрания 23 января 1792 г.; «Archives parlementaires», XXXVII, 604. См. настоящее издание, т. II, с. 282.
2. «Moniteur», XIV, 517; «Archives parlementaires», LIII, 475. Оратором делегации был будущий член Конвента Гужон, в дальнейшем один из последних монтаньяров и «мучеников прериаля» III г., а в то время — генеральный прокурор-синдик департамента Сена и Уаза.

Законодатели, итак, вот неизменные истины. *Необходимо справедливое соотношение между ценой хлеба и стоимостью рабочего дня. Именно закон должен охранять это соотношение, сохранению которого препятствует неограниченная свобода.*

Какие средства надлежит применить? Не следует скрывать от вас, законодатели, что всякое частичное средство здесь опасно и бессильно. Никаких средних путей, они приведут к разорению. Именно на них рассчитывают экономисты, чтобы обеспечить торжество их системы неограниченной свободы. Чтобы рассчитывать на торговлю, надо, чтобы свобода была полной и чтобы при первой помехе торговля была уничтожена. Иначе она будет только лишать вас, а не доставлять вам что-либо. Она будет существовать только для того, чтобы вас разорять... Упраздните уже сейчас все те несправедливые меры, которые поддерживают невежество и благоприятствуют монополии.

Прикажите, чтобы все зерно продавалось на вес. **Установите максимум.** Доведите его в текущем году до 9 ливров за квинтал [равный 50 кг; это составляет 18 франков за 100 кг], это средняя цена, одинаково приемлемая для земледельца и для потребителя. *Прикажите, чтобы и в последующие годы ее устанавливали, соблюдая ту же пропорцию, на основе соотношения между продукцией, полученной с арпана земли, и стоимостью его обработки; соотношение это должно определяться лицами, избранными народом.*

Запретите торговлю зерном всем, кроме пекарей и мельников, разрешив им производить закупки только после жителей коммун и по той же цене и обязав их вести свою торговлю открыто. Прикажите, чтобы весовщикам не разрешалось закупать более, чем на три месяца их потребления; чтобы каждый фермер был обязан сам продавать свое зерно на ближайшем к месту его проживания рынке и не мог продавать его по образцам через весовщиков, грузчиков или маклеров, наконец, чтобы зерно, оставшееся к концу рыночного дня, было записано муниципалитетом, оставлено в запасе и выставлено первым к продаже. *Прикажите, чтобы никто не мог брать в аренду более 120 арпанов, мерою по 22 фута на перш *; чтобы каждый землевладелец мог сам обрабатывать только одну ферму и был обязан сдавать в аренду остальные* [3]; чтобы никому не дозволено было требовать взноса арендной платы зерном и чтобы никому не дозволено было быть одновременно мельником и фермером. *Передайте затем снабжение продовольствием каждой части Республики в руки центральной администрации, избранной народом, и вы увидите, что обилие зерна и справедливое соотношение между его ценой и стоимостью рабочего дня вернут спокойствие, счастье и жизнь всем гражданам».*

Это широкий план, систематизированный и хорошо задуманный. Он исходит из двух основных идей. Первая, вытекающая из теорий заработной платы Тюрго, Адама Смита и Неккера, заключается в том, что оплата рабочих всегда производится на самом низком

уровне; что они не могут ждать и отстаивать свои интересы; что между ними существует безграничная конкуренция и, следовательно, снижение заработной платы, предопределенное этой конкуренцией, остановится только там, где остановилась бы сама жизнь, где угасла бы рабочая сила. Стало быть, если спекулянтам, капиталистам удается еще путем скупки пшеницы внезапно повысить ее цену, то заработная плата сразу падает даже ниже жизненного уровня и *железный закон* начинает действовать как меч голода, несущий смерть.

Из этого следует вывод, и это вторая основная идея петиционеров, что государство вправе и обязано вмешаться, чтобы не допустить для рабочего люда падения ниже этого жизненного уровня. Оно должно обеспечить справедливое соотношение заработной платы и цены зерна и, установив *максимум* для цен на зерно, фактически и косвенно обеспечить *минимум* заработной платы. Чтобы удержать цены на хлеб в справедливых пределах, дабы они не поднимались выше уровня, определенного расходами на обработку и честной прибылью земледельца, необходимо, в самом деле, прежде всего установить твердые цены на зерно. Затем надлежит предотвратить скупку у самого источника, то есть в сфере производства, путем возможно большего деления ферм, не допуская концентрации земельной собственности и аренд [4].

Это можно назвать не «аграрным законом» собственности, а «аграрным законом» аренд. Став более многочисленными и к тому же вынужденными продавать свое зерно, чтобы внести арендную плату, которую они уже не смогут в соответствии с проектом петиционеров погашать зерном, фермеры начали бы конкурировать друг с другом на рынках, и эта конкуренция фермеров, усиливаемая и стимулируемая многочисленными законодательными мерами, способствовала бы вместе с таксацией сохранению умеренных цен на хлеб.

Это самые смелые идеи крестьянских наказов относительно раздела ферм и организации общественной службы снабжения продовольствием. После того как эти идеи были смягчены и затем-

---

* Старинная мера длины и площади, 100 першей составляли 1 арпан.— *Прим. ред.*

3. Это требование, направленное против концентрации аренды, является основным требованием крестьян в областях крупного хозяйства, где под давлением крупных арендаторов-капиталистов шел процесс «объединения ферм». См. аналогичные петиции, исходящие от различных жителей и коммун департамента Сена и Уаза, приводимые Лефевром. (G. Lefebvre. Questions agraires au temps de la Terreur. Paris, 2e édition, 1954, p. 226.) См. также настоящее издание, т. II, с. 288—290.
4. Вопреки тому, что пишет Жорес, здесь рассматривается не вопрос о концентрации земельной собственности, а только вопрос о концентрации аренды. См. выше, прим. 3.

нены в свое время городской буржуазией, они теперь ожили вновь и бросили яркий отблеск на всю Революцию. В народе начинает пробуждаться самосознание, и он решительно и последовательно формулирует принципы, применение которых превратило бы государство в стража народного права. Он начинает противопоставлять себя *как класс* уже не дворянству, устрашенному или эмигрировавшему, уже не экспроприированному духовенству, а меньшинству капиталистов, крупных землевладельцев буржуазного происхождения и крупных арендаторов. А что касается общественной службы продовольственного снабжения, учреждения которой он требует, то народ имеет в виду, что он сам будет ею управлять через непосредственно избранных им людей. Это народная демократия, взломавшая 10 августа ворота града политического, ныне стремится проникнуть в управление крупными экономическими интересами.

ВОЛНЕНИЯ

Сильные волнения происходили в октябре и ноябре в департаментах Сомма, Эна, Эр, Эр и Луар, Сарта, Луар и Шер, Луаре [5]. Народ не ограничивался задержанием обозов, везущих хлеб. В стихийном порыве он приступил к установлению твердых цен на продукты питания. Члены Конвента охотно повторяли, что это козни контрреволюции. Действительно, весьма вероятно, что духовенство старалось использовать временные страдания народа и связать дело религии с делом бедняков. Оно возбуждало фанатизм народа против Конвента, обвиняя его в том, что он обрекает страну на голод и дехристианизацию, лишает ее «духовной пищи» и телесной.

Три комиссара Конвента, Лекуэнт-Пюираво, Биротто и Мор, посланные в департамент Эр и Луар, пытаются в своих устных объяснениях 30 ноября изобразить это движение одновременно как «анархистское» и контрреволюционное [6].

«Среди упреков, которые мы выслушали, — сказал Лекуэнт-Пюираво, — было много разговоров о священниках и религии. Здесь знали о предложении, внесенном в Конвент [предложении Камбона об упразднении бюджета культов [7]]; нас хотели наказать за это. *Столь же дерзко, сколь уверенно перед нами начали развивать некий «аграрный закон». Человек, одетый в национальную униформу, потребовал уменьшения размеров любой аренды декретом.* Не побоялись сказать, что это движение дойдет до Парижа и что этот Конвент, *который не хочет священников и крадет народные гроши*, заплатит за это».

Биротто добавил:

«Напрасно мы указывали, что мы не уполномочены устанавливать твердые цены на продукты питания. Этот отказ чуть не стоил

нам жизни. Они без конца повторяли мне, что Парижская палата — враг народа, что она погубит Францию, что они скоро отправятся туда, чтобы ее образумить. Что подлостью было упразднить католический культ и налог с движимого имущества. Для вас очевидно, граждане, сколь опасно даже говорить о подобных предложениях. Участники сборищ добавляли, что все мы богачи, что мы разграбили государственную казну. Я их разубеждал, описывал им детально порядок ведения отчетности. Среди собравшихся были кюре, священники, они говорили. Эти были наиболее озлобленные против нас и выступали от имени народа. *Все принципы «аграрного закона» выдвигались на первый план. Говорили, что буржуа достаточно наслаждались, теперь пришла очередь бедных тружеников. Они добавляли, что хотят, чтобы у них были их священники и их церкви*, что они одни будут вскоре повелевать. Среди бешеных я узнал одного усатого гражданина, который ездил в Орлеан за заключенными, судимыми Национальным Верховным судом. Эти люди диктовали свою волю членам своего муниципалитета и командиру национальной гвардии, которые повиновались, чтобы спасти свою жизнь».

Свидетельства Лекуэнта-Пюираво и Биротто вызывают некоторое подозрение, по меньшей мере в преувеличении. В департаменте Эр и Луар они сыграли довольно жалкую роль. Коротко говоря, они струсили и, спасая свою жизнь, которой, по их мнению, быть может ошибочному, грозила опасность, согласились скрепить своей подписью введение незаконных твердых цен; и они, обязанные охранять закон и карать за его нарушения, наделили властью Конвента народную силу, нарушавшую закон. Стараясь оправдаться перед Конвентом, они преувеличивали опасность

---

5. Обо всех этих волнениях см.: A. Mathiez. La vie chère et le mouvement social sous la Terreur. Paris, 1927, Ire partie, chap. III, p. 98, «Le soulèvement ouvrier et paysan en 1792». [См.: А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.—Л., 1928.]
6. «Moniteur», XIV, 618; «Archives parlementaires», LIII, 676. Лекуэнт-Пюираво (1764—1827) — юрист в Сен-Максане, администратор департамента Дё-Севр, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента. Биротто (1758—1793) — адвокат, секретарь дистрикта Перпиньян, администратор департамента Восточные Пиренеи в 1792 г., депутат Конвента. Мор (1743—1795) — торговец бакалейными товарами в Осере, администратор департамента Йонна, депутат Конвента; остался верен Горе, во время народного восстания 1 прериаля был арестован и, не питая иллюзий относительно уготованной ему судьбы, застрелился.

   О волнениях в департаменте Эр и Луар, см.: M. Vovelle. Les taxations populaires de février-mars et novembre-décembre 1792 dans la Beauce et sur ses confins.—«Structures sociales et problèmes économiques. 1787—1798». Paris, 1958 (Mémoires et Documents, XIII, Commission d'histoire économique et sociale de la Révolution).
7. См. выше, с. 289.

и изображали в самом ужасном виде народное движение. Если верить им, то это плоды своего рода чудовищной коалиции, объединившей сентябрьских душегубов, запоздалых эмиссаров Парижской коммуны и мятежное духовенство, и больше всего они ненавидели Конвент. Не подлежит сомнению, что духовенство действительно раздувало пламя гнева; всего лишь несколько месяцев спустя, в январе 1793 г., в Конвент поступила петиция из этого же департамента Эр, авторы которой почти в угрожающем тоне требовали «сохранения католической религии»; в этом же департаменте произошли и самые сильные волнения [8].

И все же, несмотря на все это, в основе своей движение, разыгравшееся в октябре и ноябре,— это народный и пролетарский протест против вздорожания жизни. Это своеобразное классовое выступление, имеющее свои принципы, свои лозунги и свою тактику. Мы видели, как резко бедные сельские работники противопоставляют «тружеников» «буржуазии».

Администраторы департаментов, члены Конвента предпочитают думать, что лишь под угрозой создавались и росли многолюдные колонны, методически отправлявшиеся на рынки таксировать продукты питания. Наоборот, очевидно, что это движение стихийное. Депутация от административных учреждений департамента Луар и Шер, допущенная к барьеру Конвента 26 ноября, заявила следующее [9]:

«Восстание началось в департаменте Сарта, в лесу Монмирай. *Участники сборища принудили рабочих стекольной фабрики Монмирая* отправиться вместе с ними в Мондубло [10], где они установили твердую цену на зерно и заставили жителей и местные власти сопровождать их в Сен-Кале. Оттуда они направились в Вандом, 23 сего месяца, в числе 3 тыс. человек, имея впереди 300 человек верхом. *Они сразу же объявили, что пришли не для того, чтобы учинить какое-либо насилие, а для установления твердых цен на зерно и другие продукты питания. Их расквартировали у граждан, они принесли с собою хлеба, чтобы не обречь на голод город, где их не ждали. Они просили только крова и воды.* Они действительно установили цену на зерно в размере 21 денье за фунт и объявили, что в ближайшую субботу пойдут в Блуа, чтобы установить и там такую же цену, и если жители Вандома не пойдут с ними, то они подожгут город. Можно предвидеть, что толпы, которые прибудут в Блуа в пятницу вечером, будут насчитывать не менее 12 или 15 тыс. человек».

И буржуа, администраторы департамента Луар и Шер, которых захлестнуло это движение и которые были озабочены тем, как бы поскорее получить помощь от Конвента, стараются испугать его всякими ужасами:

«Таковы факты. Следствием их является то, что во многих местах этих департаментов граждане вынуждены питаться отрубями, смешанными с капустой и картофелем. Одна бедная женщина

из прихода л'Опиталь, не имея зерна, чтобы испечь себе хлеба, зарезала своего ребенка, чтобы не видеть, как он будет умирать, а затем повесилась. (*Движение ужаса.*)»

Но, как бы ни обстояло дело с этим происшествием, несколько сенсационным и явно мелодраматичным, можно ли представить себе, чтобы люди, в своих действиях соблюдавшие такую осторожность и порядок, носившие с собой свой хлеб и просившие только немного воды, вызывали безумную панику? И тем более как поверить, что им пришлось применить насилие, чтобы побудить стекольщиков Монмирая протестовать вместе с ними против чрезмерных цен на продукты? Депутат Фресин, который тоже хочет заставить поверить в методы террора, сам себя опровергает [11]:

«В Ле-Мане они заставили администраторов департамента принять постановление, одобряющее их действия, нарушающие принятые нормы. Администраторы уступили, и я их не оправдываю. Они, видите ли, предпочли безопасность с примесью позора опасной чести исполнения своего долга. *По дороге эти толпы росли ввиду присоединения всего населения деревень, через которые они проходили. Повсюду они оставляли только женщин, калек и детей.* Все остальные были вынуждены присоединяться к ним под угрозой сожжения их собственности. Они заботились о том, чтобы в походе впереди шли гражданские и военные должностные лица тех мест, жителей которых они уводили с собой».

Но можно ли представить себе, чтобы все население так вот следовало за ними из страха? Несомненно, хитрые крестьяне обеспечивали себе оправдание на случай, если дела примут плохой оборот, и отвечали администраторам: «Нас увели силою». В действительности они охотно примкнули к движению. Что касается рабочих стекольной фабрики Монмирая, то насилие, которому они якобы подверглись, настолько иллюзорно, что многие члены Конвента даже подумывали о том, не действовали ли те по коварному наущению их хозяина Дюваля, одно время подозреваемого в контр-

---

8. «Moniteur», XV, 116, вечернее заседание 11 января. Делегация от 40 коммун департаментов Эр, Орн и Эр и Луар заявила: «Мы делегированы, чтобы потребовать от вас полного сохранения католической религии, свободного отправления ее культа и сохранения оплаты наших священнослужителей. Наша петиция не может не быть принятой, ибо вы не были избраны атеистами».
9. «Moniteur», XIV, 574; «Archives parlementaires», LIII, 597.
10. Монмирай, дистрикт Ла-Ферте-Бернар, департамент Сарта. Мондубло — центр дистрикта в департаменте Луар и Шер. Центром движения была стекольная фабрика в Плесси-Дорене, в кантоне Мондубло, на которой было занято 400 рабочих.
11. «Archives parlementaires», LIII, 599, заседание 26 ноября 1792 г.; в «Moniteur»— никаких упоминаний. Фресин (1751—1804) — адвокат, бальи (судья) в Монришаре, председатель директории департамента Луар и Шер, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента.

революции [12]. Нет, все рабочие фабрик и труженики земли добровольно и сознательно восставали против чрезмерных цен, требовали таксации продуктов питания и принуждали к этому, требовали повышения заработной платы, требовали раздела крупных ферм и снижения арендной платы.

ПЕРВЫЙ МАКСИМУМ

Лекуэнт-Пюираво, Биротто и Мор были вынуждены утвердить тариф цен, который уже представлял собою, для самых существенных продуктов и товаров, первый набросок *максимума*. Под угрозой они подписали следующее [13]:

«Сего дня, 29 ноября 1792 г., I года Республики, постановлено комиссарами Национального Конвента, что цены нижеперечисленных предметов будут навсегда установлены в следующих размерах:

Сетье зерна высшего сорта — 17 ливров 6 су. Сетье среднего сорта — 16 ливров. Сетье низшего сорта — 14 ливров.

Сетье ячменя — 8 ливров.

Фунт свечей — 16 су.

Фунт говядины — 5 су.

Локоть полотна — 2 ливра. Локоть белой саржи — 55 су.

Железо — 20 ливров за сотню.

Башмаки — 4 ливра 10 су пара. Башмаки с толстой подошвой и двумя рядами гвоздей — 45 су пара».

Это, весьма вероятно, цены 1790 г., те самые, которые Конвент, когда будет устанавливать *максимум*, возьмет за основу, увеличив их на одну треть. Действительно, я отмечаю в отношении обуви, что сапожник Жердре[14] взял тогда подряд на поставку армии обуви из расчета 6 ливров 3 су за пару. Между тем еще летом 1792 г. поставщики ввиду вздорожания сырья значительно увеличили цены. Поэтому весьма вероятно, что указанная народом департамента Эр и Луар цена 4 ливра 10 су за пару была ценой 1790 г. Равным образом в таблице цен мяса, парного и соленого, составленной в соответствии с законом о максимуме и содержащей следующее указание: «по ценам 1790 г., увеличенным на одну треть», я отмечаю для парного бычьего мяса (в департ. Эр и Луар) цену 10 ливров, а для парного коровьего мяса — 9 ливров; в департаменте Эр — 8 ливров для одних дистриктов и 10 ливров и 8 ливров — для других. Это результат, очень близкий к тому, который получаешь, увеличив на одну треть цену 5 су, указанную для говядины в незаконной таблице, навязанной Биротто. Таким образом, восстанавливая попросту цены 1790 г., между тем как курс ассигната упал, народ департаментов Эр и Эр и Луар обеспечивал себе приобретение продуктов по ценам, в действительности более низким, нежели цены 1790 г. Правда, вследствие

обесценения ассигната заработная плата, если ее выплачивали бумажными деньгами, тоже снизилась.

В то время когда комиссары Конвента отправились в эти области, заработная плата там вряд ли уже была повышена соразмерно падению ассигната и общему вздорожанию продуктов. Это, собственно, и было главной причиной волнений. «Нужда велика,— говорят делегаты из департамента Луар и Шер,— цены на зерно, вино поднялись невероятно». А Лекуэнт-Пюираво и Мор говорят, что главной причиной движения следует считать не столько вздорожание зерна и хлеба, по их мнению не столь сильное в этих департаментах, сколько малые размеры заработной платы. «Говоря по правде,— сказал Лекуэнт,— богатые люди злоупотребляют тем, что имеют возможность заставить выполнять нужные им работы за очень уж низкую плату». Мор сказал: «В толпе замечают, что за рабочий день платят только 20 су и *что большего они не могут получить*».

Ясно, что мало-помалу повсюду, правда с разным успехом, началась борьба вокруг вопроса о заработной плате. Рабочим, пролетариям удавалось достичь лишь частичных успехов, и то весьма оспариваемых. Этим объясняется ожесточенный характер борьбы во всей этой области крупных ферм, где численность работников наемного труда была весьма велика. Можно ли считать, что эта борьба приняла для всех этих рабочих какой-то систематический характер? Можно ли считать, что они уже начинали требовать осуществления некой общей реформы социальной системы? Если послушать депутации от административных властей, если принять буквально рассказы комиссаров Конвента, то можно подумать, что повсюду в этих сборищах проповедовали «*аграрный закон*». Но в полемике между партиями это выражение мало-помалу теряло свой точный смысл. Оно уже не означало раздела земель, распределения собственности. Оно означало уже только совокупность мер, которыми право собственности регулировалось и ограничивалось. Так, например, комиссары Конвента квалифицируют законодательное ограничение размеров аренды как «аграр-

---

12. «Moniteur», XIV, 575, заседание 26 ноября 1792 г. Дюваль, хозяин стекольной фабрики, брат Дюваля-старшего, хозяина металлургического завода в Плесси-Дорене, депутата Законодательного собрания от департамента Луар и Шер.
13. «Moniteur», XIV, 618; «Archives parlementaires», LIII, 677. См. выше, с. 389, прим. 6. 29 ноября эти три комиссара Конвента отправились в местечко Курвиль (департамент Эр и Луар); окруженные толпой, насчитывавшей 6 тыс. вооруженных людей, грозивших бросить их в реку или повесить, они, чтобы спасти свою жизнь, одобрили введение твердой цены не только на пшеницу, но и на ячмень, свечи, говядину, полотно, башмаки и железо.
14. Сапожник Жердре — в действительности поставщик армии. См. далее, с. 424, прим. 47.

ный закон». Однако враги Парижской коммуны утверждали, будто ее эмиссары толкали к «аграрному закону», к насильственному захвату народом земель. Лидон заявил в Конвенте 26 ноября[15]: «У меня есть письменные доказательства всех злоупотреблений, учиненных этими комиссарами [Парижской коммуны]; одни советовали администраторам овладеть государственным имуществом, чтобы пользоваться им самим». Но разве это не клеветнические слухи? Дюруа добавлял[16]: «У меня есть протокол, констатирующий, что Моморо и Дюфур, будучи посланы в департаменты Эр и Луар и Шер, хотели заставить каких-то бедных граждан захватить замок эмигранта. У меня даже перед глазами писания, в которых Моморо требует введения „аграрного закона"». Право, Дюруа запоздал и излагает уже устаревшую историю. Очевидно, речь идет о нашумевшем выступлении Моморо в департаменте Эр вскоре после 10 августа и о предложенных им дополнительных статьях к Декларации прав человека[17].

БРОШЮРА МОМОРО В ПОЛЬЗУ МАКСИМУМА

Поскольку враги Парижской коммуны вынуждены были ссылаться на эти уже старые документы, позволительно предположить, что эмиссары Коммуны, зная, что за ними теперь очень следят, воздерживались от того, чтобы явно направлять движение протеста пролетариев к «аграрному закону». В конечном счете самые сообразительные среди них должны были понимать, что они будут разбиты, если будут угрожать праву собственности, атаковать его в лоб, тогда как они имели возможность мало-помалу урезать его в пользу народа и ограничить саму его суть. Разве общая таксация продуктов в законодательном порядке, исходящая от народа, уже не была первым захватом, произведенным пролетариями — хозяевами государства в сфере осуществления права собственности? Я не вижу никакой брошюры Моморо этого времени. Но я нашел одну его брошюру от апреля 1793 г., где «аграрный закон» как бы сведен к таксации и где его знаменитое положение о земельной собственности получает несколько смягченное выражение: «Мнение Моморо, администратора и члена директории Парижского департамента, по вопросу установления максимума цен на зерно по всей Французской Республике, напечатанное по распоряжению Комитетов земледелия и торговли Национального Конвента». Заметьте, с какой осторожностью он высказывается.

«Первое предложение: *Является ли установление максимума цен на зерно нарушением собственности?* Чтобы ответить ясно и впечатляюще, надо здесь определить, что́ следует понимать под *собственностью*. Собственность, собственно говоря и в том смысле,

который придают этому слову, есть право пользоваться вещью по своему усмотрению.

Человек может построить на земле, ему принадлежащей, дом и на следующий день сломать его, потому что это его собственность и потому что он имеет право, охраняемое законом, *пользоваться ею и злоупотреблять ею* (не причиняя, однако, этим злоупотреблением вреда обществу).

Принадлежит ли это же право земледельцу на продукты, которыми земля вознаграждает его труды?

Конечно, нет.

А почему? А потому, что эти продукты предназначены для пропитания общества в обмен на справедливое и предварительное вознаграждение, которое должно быть их ценой. Это вознаграждение, справедливое и предварительное, должно быть соразмерно средствам гражданина. Это одно из непременных условий общественного договора.

Никто не может отрицать этой истины. Это принцип неизменный; не будь его, не было бы общества.

Поскольку продукты земли не могут быть по этой причине поставлены в один ряд с другими объектами собственности в прямом смысле этого слова и поскольку всякое живущее на земле существо должно находить в них пропитание, то очевидно, что, устанавливая требуемую фиксацию, мы не нарушаем собственность земледельца, ибо эта фиксация есть ее цена».

Мы видим, как здесь смягчено знаменитое выражение: *собственность, ошибочно называемая земельной!* Правда, смягчено больше по форме, нежели по существу. Ибо это право общества на продукты земли, это право общества фиксировать их цену в соответствии с ресурсами граждан, то есть в соответствии с ресурсами беднейших,— это есть своего рода частичная экспроприация земельной собственности в пользу общества и народа. И я думаю, что Моморо не ожидал апреля, чтобы понять, что осторожная тактика и окольные пути таксации вернее приведут его к цели, чем неосторожно повторяемое объявление войны земельным собственникам. С самого начала народного движения за таксацию, в октябре и ноябре, он, вероятно, разглядел, что принцип таксации можно постепенно довести до рубежей «аграрного закона». Итак, «аграрный закон» как бы уже пробивался на поверхность земли. В то не-

---

15. «Moniteur», XIV, 575; «Archives parlementaires», LIII, 600. Лидон (1752—1793) — негоциант в Бриве, председатель директории департамента Коррез в 1790 г., депутат Конвента, был арестован вместе с жирондистами 2 июня 1793 г., покончил с собой 3 сентября того же года.
16. «Archives parlementaires», LIII, 600; в «Moniteur»— никаких упоминаний. Дюруа (1753—1795) — адвокат, судья трибунала в Берне в 1791 г., депутат Конвента от департамента Эр, один из «мучеников прериаля» III г.
17. О Моморо и об этой истории см. выше, с. 169.

сколько неопределенное время, после неосторожного и всеми осужденного сентябрьского выпада Моморо, никто еще не рисковал прямо ставить под сомнение земельную собственность, но абсолютный характер этого права подрывается самым серьезным образом.

ПРОЕКТЫ И СИСТЕМЫ: ЛИОНСКИЙ СОЦИАЛИСТ Л'АНЖ

Я цитировал уже ранее любопытное письмо от начала лета 1792 г., полупрозрачное, полузагадочное, в котором аббат Доливье по тому же вопросу о продовольствии ставил, пока еще сдержанно, проблему земельной собственности или, вернее, объявлял, что пора бы решиться поставить эту проблему. Можно догадываться, с какой все возраставшей, но сдерживаемой страстью следил аббат Доливье за движением мысли и за действиями пролетариев. Он еще не говорил, не раскрывал своих мыслей. Он ожидал более высокого взлета Революции и народа, который позволит ему откровенно изложить свои идеи. Но, конечно, уже тогда его размышления принимали характер все более настойчивый и все более четкий[18].

Они вскоре выльются в очень важном сочинении, на которое Габриель Девилль[19], нашедший его в ходе своих исследований, посвященных Бабёфу, обратил мое внимание; оно является как бы переходной ступенью от робеспьеристской крайней демократии к бабувистскому коммунизму. Росток вздрагивает и, кажется, совсем готов пробиться на поверхность земли. С октября — ноября 1792 г. дерзкие думы тайно волнуют нарождающееся движение, нарождающуюся концепцию максимума. Это уже не корпоративная регламентация цен, предписанная сверху, чтобы сохранить промышленное равновесие; это задуманный демократией и пролетариями захват всех ценностей, стало быть, логически самой собственности. Разве не ощущается уже в этой предстоящей в скором времени своеобразной социализации обмена набросок некоего коммунизма, демократического, этатистского и централистского?

Между тем по удивительному совпадению, свидетельствующему о том, что социализм уходит своими самыми разными корнями в демократию и Революцию, в то самое время, когда на поверхности земли еще еле можно было различить росток бабувизма, пробивается также и росток будущего фурьеризма: кооперативный социализм вырастает из той же революционной борозды, что и коммунистический социализм, и подобно последнему он проявляет себя в связи с неожиданно выросшей до огромных размеров продовольственной проблемой. Мишле, с его несравненной зоркостью, разглядел революционных предшественников фурьеризма. Говоря о Лионе, он сказал [20]:

«Нигде не было столько мечтателей-утопистов, как в этом городе. Нигде сердце человека, уязвленное, разбитое, не искало столь тревожно новых решений для судеб человеческих. Там появились первые социалисты, Анж и его преемник Фурье. Первый набросал в 1793 г. эскиз фаланстера и всю ту доктрину ассоциации, которой второй овладел силой гения».

Признаюсь, эта фраза была для меня озарением молнии. Какая радость, в тот момент, когда в лице Доливье и нескольких других мы уловили переход от Робеспьера к Бабёфу, от демократии к коммунизму, неужели мы сможем увидеть в лице Анжа и лионского движения, на которые указал Мишле, переход от Революции к фурьеризму?! Мне казалось, что я вижу, как пробиваются из-под потрясенной Революцией почвы бесчисленные ростки, вижу глубокое движение сил. Но сколь лаконична была эта фраза Мишле! Лихтенберже вовсе не обратил на нее внимания. В самом деле, он даже не упоминает о ней в своей книге «Социализм и Французская революция»[21]. Он, по-видимому, не знал Анжа или не заинтересовался им. В архиве, где Мишле разыскал замечательное письмо, написанное Шалье [22] накануне его казни своим близким, не было следов Анжа. Я обратился к Габриелю Моно [23], у которого, как известно, хранятся бумаги Мишле, и в заметках, написанных Мишле через пять лет после опубликования его книги о Французской революции, г-н Моно нашел следующее:

«Кто сделал Фурье? Ни Анж, ни Бабёф; Лион — единственный прецедент Фурье».

Мишле хочет сказать, это гений и дела Фурье порождены не прямым и конкретным воздействием того или иного мыслителя, но зрелищем лионских невзгод, а также пламенной жаждой справедливости, которая терзала душу этого города. Но в сознании Мишле Анж остается одним из великих предтеч социализма.

В Национальной библиотеке на фамилию Анж я не нашел решительно ничего. Я поделился своими поисками и своими

---

18. См. настоящее издание, т. II, с. 389, «Пьер Доливье и собственность».
19. Габриель Девилль (Gabriel Deville) — автор «Thermidor et Directoire, 1794—1799».—«Histoire socialiste de la Révolution française», sous la direction de Jean Jaures, t. V. Paris, s.d.
20. J. Michelet. Histoire de la Révolution française. Livre XII, chap. V, «Mort de Chalier (16 juin 1793)», édition G. Walter, t. II, p. 671. Нужно писать Л'Анж, а не Анж, как это делал Мишле.
21. A. Lichtenberger. Le socialisme et la Révolution française. Paris, 1898.
22. Мишле опубликовал это письмо, датированное 16 июля 1793 г. (издание, цитированное ранее, т. II, с. 682); оно сохранилось в Архиве префектуры департамента Сена.
23. Габриель Моно (Gabriel Monod) (1844—1912) — историк, основал в 1875 г. журнал «Revue historique», автор книг: «Jules Michelet» (1875) и «La vie et l'œuvre de Michelet» (1921).

огорчениями с г-ном Шарлети, профессором истории Лионского университета, автором глубоких исследований о Революции[24]. И он дал мне в руки ключ к поискам. Оказалось, что фамилия лионца не Анж, а Л'Анж. Все его брошюры подписаны именем Л'Анж, и под этой фамилией я и нашел некоторые из них в Национальной библиотеке. Вероятнее всего, его настоящая фамилия Ланге. В самом деле, он, по-видимому, немецкого происхождения. Из его допроса следует, судя по заметкам, сообщенным мне г-ном Шарлети, что он родился в Келе, воспитывался в Мюнстере, а шестнадцати лет приехал в Париж[25]. К сожалению, в Национальной библиотеке нет брошюры 1793 г., той, которую видел Мишле и в которой Л'Анж излагал всю свою систему, имевшую целью обеспечить «общественное счастье». Этой брошюры нет и в лионских библиотеках, но г-н Шарлети не теряет надежды разыскать ее в частных коллекциях. Это была бы великая удача для истории социализма и демократии. Но имеется краткое резюме этой брошюры в библиографическом каталоге[26].

Была ли она действительно в руках у Мишле? Можно, пожалуй, усомниться в этом при виде ошибки, допущенной им с фамилией Л'Анж; быть может, это устное предание донесло до него сведения о «социетарной» пропаганде, которую Л'Анж проводил в Лионе в 1793 г., тогда, когда сам Фурье, в возрасте двадцати одного года, обосновался там. Но что особенно замечательно и что с очевидностью вытекает из изученных мной брошюр Л'Анжа, это то, что он не ожидал великих идейных потрясений 1793 г., чтобы сначала сформулировать идею социализма, а затем уточнить ее в формах, весьма близких к фурьеризму. В течение 1790—1792 гг. его пропаганда ширится, оживляется, и, таким образом, многочисленные узы связывают фурьеристскую мысль с различными моментами Революции.

В мысли Л'Анжа есть три последовательных момента, связанных с политическими и социальными кризисами Революции. Во-первых, противоречие между Декларацией прав человека и установленной Учредительным собранием олигархической и цензовой избирательной системой, против которого восстает его совесть и которое приводит его к смелой постановке проблемы собственности. Во-вторых, общий кризис цен и продовольственного снабжения, явный беспорядок, создаваемый торговыми злоупотреблениями, все усиливающийся с весны до осени 1792 г., приводят его к выработке плана новой организации и всеобщей ассоциации, главной задачей которой будет продовольственное снабжение страны. Наконец, в 1793 г. под влиянием большого лионского кризиса его мысль возвышается до идеи полного переустройства социальной системы.

В 1790 г. он издает в Лионе, в типографии Луи Кютти, брошюру «*Жалобы и заявления гражданина, объявленного законом пассивным, гражданам, объявленным законом активными*»[27]. Написано

прекрасным языком, одновременно страстным и братским, дерзким и нежным.

«Господа, вы собираетесь приступить к выборам новых представителей: *но где ваши братья?..*

Когда вселенная узнала о возвышенном постановлении от 17 июня 1789 г., в котором Национальное собрание признало, что уже в то время оно состояло из представителей, непосредственно посланных девяноста шестью сотыми нации [28];

когда 4 августа это множество депутатов, увеличенное, дополненное остальными четырьмя сотыми, сломало феодальный порядок, уничтожило привилегии и декретировало, что граждане, каково бы ни было их происхождение, могут быть допущены ко всем должностям, духовным, гражданским и военным, и что никакая профессия не влечет за собой бесчестья для человека;

когда представители французского народа объявили, что все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах; что целью всякого политического сообщества является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека; что осуществление естественных прав каждого человека ограничено только теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами; что эти пределы могут быть определены только законом, который есть выражение общей воли; что все граждане имеют право лично или через представителей содействовать его разработке; что, поскольку закон исходит от всех, он должен быть одинаков для всех; что все граждане, будучи равны в его глазах, имеют одинаковый доступ ко всем званиям, местам и должностям сообразно их способностям и без всяких иных различий, кроме различий, порождаемых их добродетелями и их талантами [29];

---

24. Себастьян Шарлети (Sébastien Charléty) — автор книг: «Histoire de Lyon» (1900) и «Bibliographie de l'Histoire de Lyon» (1902—1903, 2 vol.).
25. Л'Анж родился в Иль-де-Кане (Ile-de-Kembs), около Кленкана (Kleinkems), на правом берегу Рейна. Вопрос о Л'Анже был решен в издании П. Лётра, см.: François-Joseph L'Ange. Œuvres. Editions Sociales. Paris, 1968 (collection «Les Classiques du peuple»). [О Л'Анже см.: А. Р. Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966, с. 163 и сл.— *Ред.*]
26. Речь идет о брошюре «Remède à tout, ou Constitution invulnérable de félicité publique, projet donné maintes fois sous différentes formes», par F.-J. L'Ange (Lyon, 1793, imp. in-8°, 38 p.). К этой брошюре привлек внимание и дал краткое ее изложение Гонон (P.-M. Gonon. Bibliographie historique de la ville de Lyon pendant la Révolution française. Lyon, 1844), но он не указал, где он ее видел, и ныне эту брошюру Л'Анжа нельзя нигде найти.
27. F r.-J. L'Ange. Œuvres. Édition P. Leutrat, p. 142.
28. 17 июня 1789 г. третье сословие по предложению Сиейеса объявило себя Национальным собранием.
29. Здесь дано изложение Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г.

наконец, когда они признали и объявили, что принцип всей верховной власти пребывает, по существу, в нации и что ни одна корпорация, ни одна личность не может осуществлять власти, которая не исходила бы определенно от нации, никак нельзя было ожидать, что они повернут свои дела против самих себя; что, оторвав большую массу людей от суверена, разделив нацию, они обрекут себя быть представителями только меньшинства; что доверенная им власть послужит им для того, чтобы лишить своих доверителей права уполномочивать их и превратить этих доверителей в рабов или пассивных граждан, что сводится к тому же.

Неужто мало было свести суверенитет нации к простому голосованию при выборах своих представителей? *Неужто надо было еще нанести нам оскорбление, исключив нас из первичных собраний под предлогом нашей трудолюбивой бедности, из которой вы черпаете свои богатства?* Если по бедности разум наш остается непросвещенным и нас поэтому считают неспособными самим обсуждать, что́ нам подходит, если в силу природы наших потребностей мы не можем заниматься общественными делами, *в которых мы заинтересованы больше всех, поскольку мы вкладываем в них наши личные способности*, то право выбирать своих представителей — наше единственное богатство, единственная гарантия наших интересов, и вот это-то право, по внушению коварной и жестокой политики, хотят у нас отнять наши же депутаты».

Доказательство построено крепко. Конечно, провозгласить право каждого человека и затем лишить часть людей политического права, признать, что все допускаются ко всем должностям, и затем отказать в высшей должности — в избрании законодателей и в выработке законов — миллионам граждан — это противоречие, которое невозможно оправдать. Декларация прав человека вела неизбежно к демократии, и Л'Анж хотел, чтобы эта демократия была как можно более широкой, как можно более прямой, непосредственной. Он хотел прямого народоправства, осуществления законодательной власти прямо народом, и он уже указал — в брошюре, появившейся накануне Революции,— практический способ выявления индивидуальной воли всех граждан по всем важным вопросам. Какой гнев возбуждает в нем зрелище народа, лишенного уже не только прямого права законодательства, но и права представительства! И с какой гордостью он требует восстановления достоинства бедного человека!

«Я не берусь изобразить ту глубокую скорбь, какую вызывает у нас эта потеря; вы найдете представление об этом в нелегальной петиции домашних слуг, сумевшей взволновать до глубины души Национальное собрание. О, если бы пошли по пути, совершенно свободному от предрассудков! Если бы приняли во внимание то святое уважение к чужой собственности, которое проявляет бедный человек, *когда он трудится, чтобы заработать излишек для хозяина ценой своего здоровья; если бы приняли во внимание, что*

богатый находится в священном долгу у бедняка, которого он заставляет служить себе, что звание кредитора возвышает звание слуги, а звание должника принижает звание хозяина, что в их договоре хозяин и слуга идут рука об руку, а что касается морали, то их сходство вошло в поговорку, если бы все это было принято во внимание, то непоследовательность, иронические уверения, ухищрения, коварные софизмы, искусно разъясняемые, дабы смягчить их душераздирающие сетования, не затемнили бы величия французского народа, сверкавшего чистым сиянием в Декларации прав человека».

Это уже не фривольные дерзости Фигаро: серьезно и проникновенно Л'Анж объявляет слугу кредитором хозяина и отдает ему первенство. Он не обходит трудности, не старается смягчить проблему. Художник[30], зажиточный и явно образованный ремесленник, он не отделяет дела бедных ремесленников от дела домашних слуг, наемных слуг. Он требует полноты прав для всех, даже для тех, кто как будто находится в зависимом и униженном положении.

«Но что я вижу? И ваши лица, господа, мрачнеют тоже. В вас задето чувство гордости. Гордость, всегда несправедливая, рисует вам рабское положение наемного слуги как нечто слишком отвратительное, чтобы быть совместимым с достоинством гражданина, и вы приветствуете закон, который их изгоняет, который выставляет их за дверь общества, который смешивает их с неразумными домашними животными[31].

Ну что же, братья, однако к этим людям приравнивает нас закон, *но мы жалуемся отнюдь не на это приравнивание*».

Нет, пассивные граждане жалуются на то, что закон приравнивает их ко всем тем, кто вследствие порока, преступления, нечестного поступка потерял право голоса: так целая часть нации, не совершив никакого преступного действия, опозорена наказанием, поражающим преступников. Но Л'Анж доказывает с большой силой, что революционная буржуазия будет наказана за свой эгоизм, что мало-помалу, под тем предлогом, что управление обществом можно доверять только тем, кто действительно обладает знаниями, богатством, независимостью, избирательный ценз повысят и большая часть сегодняшних активных граждан в результате неизбежного сужения круга людей, обладающего созданной ею привилегией, окажется в рядах пассивных граждан. Таким образом, в том же обществе возникают недоверие и антагонизм, и богатые, лишив народ его права, живут в вечном страхе ответных ударов.

---

30. Л'Анж выполнял работу рисовальщика и живописца для шелковой фабрики.
31. Закон лишал домашних слуг права голоса; чтобы быть активным гражданином, требовалось в числе прочих условий «не быть на положении прислуги, то есть наемного слуги».

«Против кого направляют оружие? Кого вы так сильно остерегаетесь? Конечно, не бывших привилегированных, которые сознают невозможность возрождения их химер, развеянных силой разума. Есть среди них, вероятно, такие, которые не могут простить вам того, что вы не стоите больше на коленях перед ними. *Но что они могут вам сделать, если их жажда мести не может рассчитывать на наши силы? Стало быть, нас вы боитесь; нас, объявленных законом пассивными, неактивными, это нашей активности вы боитесь.* **О мои братья, это Каинов страх!** *Ибо, в самом деле, декрет, исключающий нас из первичных собраний, отделяющий нас от вас и обрекающий нас на гражданскую смерть,— это подлинное братоубийство, которое не может остаться безнаказанным...*

Да можем ли мы оказаться виновными в каком-либо преступлении в отношении вас? **Разве мы с вами не находимся в состоянии войны?** *Это вы тяжко оскорбили нас. Это вы незаконно изгнали нас из общества. Это вы вычеркнули нас из общественного договора.* Вы не допустили нас к участию в его обсуждениях, вы нам это тиранически запретили. Вы даже пренебрегли свободной ратификацией его нами или побоялись этого: *этим вы сами вернули нас в естественное состояние*, вы освободили нас от договора, который связывал нас с вами».

Итак, общественный договор разорван, и общество разделено на два враждебных лагеря: это гражданская война или, вернее, возобновление естественной войны в условиях общества. И на какие только случайности не обрекают себя эти эгоистические активные граждане! Мало того, что закон, ужимая привилегию все больше и больше, может и их лишить права голоса, но, если они впадут в бедность, они впадут также в политическое небытие.

«Я прошу вас посмотреть направо и налево, на ваших сограждан, находящихся на равном положении с вами *на конституционных весах. В любой миг ваше право гражданина взлетает вверх либо падает вниз сообразно весу вашей изменчивой фортуны.* О вы, кого она покидает и *кто падает вниз, в наш класс*, на краю могилы для вас, пятьдесят лет жизни безупречной, примерной, неодолимая привычка к добродетели, ваш опыт, ваша мудрость обеспечивали вам гражданский венок, заслуженное уважение общества... и вот вы сброшены в грязь, где пребывают дурные».

Стало быть, чтобы обеспечить себе политические права, придется любой ценой обогащаться?

«Захватывайте, *обогащайтесь во тьме* и принесите среди бела дня марку серебра, и вы будете гражданами, а добродетели сочтут потом[32]. А затем будьте скупыми и черствыми *из страха растратить ваше право гражданина*».

Что же, бросит ли Л'Анж решительный и полный презрения вызов этому классу, столь же непрозорливому, сколь эгоистическому, который, обойдя народ с общественным договором, поро-

дил таким образом состояние жестокой войны и общей неуверенности, и, унизив бедность, в которую сам он может впасть, унизил сам себя? Организует ли он теперь борьбу классов, чтобы завоевать сначала демократию, а затем востребовать тот долг, который он признал за всеми слугами в отношении всех хозяев? Он констатирует состояние войны, но собирается ли он воспользоваться этим и подготовить штурм политических и социальных привилегий буржуазии? Нет, мысль Л'Анжа внезапно принимает другой оборот. То ли он не верит в силу пролетариев и в их способность к действиям, то ли, увлеченный своей широкой мечтой о братстве, он хочет уберечь человечество от кровавых конвульсий, но он предается миролюбивым надеждам. В нем уже заметна мысль тех, кого позже назовут социалистами-утопистами. Он мечтает о великом человеке, о великом спасителе человечества, который пристыдит привилегированных за их эгоизм, за их слепоту и убеждением приведет их к более справедливой политике. И кто знает, может быть, сам король, созвавший Генеральные штаты, не раз говоривший о своей любви к народу, соединит свою силу с силой народа, чтобы перестроить общество и обеспечить права и счастье всем? К реабилитации труда, восстановленного в политических правах и во владении созданными им богатствами, призывает Л'Анж начиная с 1790 г. героя своих дум, того неизвестного спасителя, которого поколения социалистов будут ждать в мистической надежде.

«*Не думайте, однако, что этот закон, финансовый и развращающий, делает их неспособными к какой-либо добродетели, к какому-либо благородному порыву.* **Пусть явится герой-человеколюбец.** *Пусть он поможет им обрести самих себя*, достоинство человека... Революция должна была быть спасительной. Некий переворот в идеях сделал ее пагубной. Совершив чудовищное злоупотребление богатствами, суверена преобразили. Его создали из парализованных членов, *неактивных граждан*, из членов чувствующих, но без воли, *пассивных граждан*, из членов активных, но скованных избирательным законом, из членов благородных, но нерешающих; наконец, из членов посредников, но немногочисленных и зависящих от побудительного члена, или короля, который побуждает, сообщает по своему усмотрению их волю соединению всех членов[33].

---

32. Чтобы иметь право быть избранным в Национальное собрание, активные граждане должны были платить прямой налог в размере одной марки серебра и обладать недвижимой собственностью.
33. Л'Анж описывает здесь систему представительства, разработанную Учредительным собранием: *пассивные* граждане были лишены избирательных прав, а *активные* граждане на первичных собраниях избирали *выборщиков*, которые на департаментских собраниях выборщиков избирали депутатов в Национальное собрание. На вершине этой системы находился король.

О, как вам повезло! У вас есть кров и стол, *вы дрессированы как собаки* [так, в описании Л'Анжа, герой-человеколюбец обращается к национальным гвардейцам Лиона, не знающим покоя в трудах по восстановлению «порядка»], нагруженные оружием, порохом и свинцом вдвое против вашего собственного веса, вы, не страшась никакого ненастья, стоите на часах, днем и ночью охраняя безопасность ваших врагов [дворян, замкам которых угрожали крестьяне], прибегая за 100 и за 200 лье, чтобы успокоить их в случае малейшей их тревоги, когда при малейшем волнении сознание собственного беззакония приводит их в ужас; вы без конца оживляете их дерзость угнетателей, пока, изнемогая от усталости, не падете перед мстительной суровостью погоды или кровопролитным сопротивлением свободных людей!.. *Вы же люди; примените же вашу силу, как подобает вашему благородному характеру, будьте героями человечества... Вы поклялись быть верными нации, то есть быть верными самим себе*».

Это призыв к буржуазии отбросить свой классовый дух и усвоить дух человечности. А вот призыв к королю с целью раздела всего богатства между королевской властью и народом.

«Истина открывается, и мы ясно видим, что единственное основание для права гражданства — сам факт существования человека. И наоборот, мы ясно видим, что налог [как условие получения права выбирать и быть избранным] — это совершенно ложное основание в отношении тех, кто кичится им перед нами».

В самом деле, этот налог, уплачиваемый самыми зажиточными гражданами и дающий им исключительное право голоса, не является для них ни жертвой, ни лишением, ибо они взимают его с труда:

«Государь, голодает ли тот, кто вносит налог в размере трехдневной или десятидневной местной заработной платы или даже более? Приходится ли ему жить под открытым небом три, десять или более дней? *О, если бы голод, если бы лишения давали право на гражданство, кто больше нас мог бы притязать на него? Но у налога нет иного основания, кроме труда вообще, и все, кто платят его, берут его с нас, художников, ремесленников и рабочих.* Возьмите, государь, чистый продукт какой-либо земли, первый результат нашего умения и наших трудов. Когда администрация взимает с него прямой налог, что она делает? Она производит совместно с продавцами раздел выручки от продажи... Вместе с ними она берет выкуп за удовлетворение наших потребностей, и, как будто мало того, что нас грабят сдающие в аренду и продавцы, она еще дает им безжалостных помощников; и эти чудовища рождаются, дышат среди нас и прямо взимают косвенные налоги с нашего вынужденного потребления *вещей, которые существуют, полезны и имеют ценность только благодаря труду наших рук*».

Итак, именно труд несобственников создает все ценности и весь чистый продукт земли. Этот чистый продукт работники отдают праздным собственникам; это «выкуп за удовлетворение их потребностей», то есть цена, которую они вынуждены платить собственникам, чтобы найти применение для своих рук и средства к существованию. И когда налоговая администрация взимает с собственника часть этого чистого продукта, то в действительности она берет не с собственника, который ничего не производил и, следовательно, ни на что не имеет права. Она просто приобщается к разделу добычи, захваченной насилием у труда: она берет часть добычи собственника. А затем косвенный налог, повышая цены продуктов, созданных тружеником, который вынужден их покупать, еще уменьшает то, что собственник оставил работникам. Итак, все берется с труда, налог, как и земельная рента, прямой налог, как и косвенный. Стало быть, если политические права должны принадлежать только тем, кто платит налог, то одни только труженики должны были бы быть активными гражданами.

«Наконец-то, светящая нам правда пробивает нелепую завесу собственности, в которую облекаются враги наши с бесстыдной спесью праздности. То золото, коим они чванятся, полезно и благотворно только в наших трудовых руках. Оно становится ядом, когда скапливается в сундуках капиталистов, которые являются для общественных организмов тем же, чем язвы для физических организмов. *Государь, всюду, куда бы Ваше Величество ни обратило свои взоры, оно увидит только землю, занятую нами. Это мы работаем, мы первые владельцы, первые и последние действительные ее обладатели.*

Тунеядцы, именующие себя собственниками, могут получить только излишек нашего пропитания; это доказывает по меньшей мере наше право на совладение. Но если, естественно, мы совладельцы и единственный источник всего дохода, то право ограничения нашего пропитания и лишения нас излишка есть право разбоя».

Это самое пылкое, самое резкое и самое ясное выступление против собственности, имевшее место до Прудона. Это не остроумный выпад, как у Бриссо, это целая теория. В самом деле, труженики занимают землю: они одни занимают ее непрерывно. «Тунеядец, именующий себя собственником», может отлучиться из имения, но земля не перестанет от этого родить. Пролетарии, наоборот, занимают и должны непрерывно занимать ее — таково первое право собственности. Помимо этого, если исчезновение собственников-тунеядцев мыслится возможным, то существование тружеников необходимо. Стало быть, оно должно обязательно поддерживаться продуктами земли, и собственники могут начать получать чистый продукт лишь тогда, когда обеспечено существование тружеников. Последние уже имеют, следовательно, по

меньшей мере право на совладение землей, и даже в этом праве им принадлежит первенство. И наконец, поскольку они одни делают производительным это право на общую собственность, поскольку они одни делают плодотворной и ценной всякую собственность, поскольку «они единственный источник дохода», их право на совладение становится правом исключительной собственности и производимое лжесобственником взимание есть «разбой». Праздная собственность есть кража.

И сама королевская власть запятнана этим разбоем. Ибо, когда король принимает от собственников-тунеядцев, то есть от разбойников, суммы, необходимые для его содержания, для содержания его армий и его правосудия, он в действительности принимает часть добытого кражей. Пусть же это соучастие королевской власти с разбойниками кончится ради чести королевской власти и блага народа.

Только труженики, поскольку они создают богатство, имеют право дать часть его, и вот предложение, которое от имени пролетариев Л'Анж делает королю. Чистый продукт земли, который Л'Анж называет «изобилием», должен быть экспроприирован у тунеядцев, и этот чистый продукт должен быть разделен пополам между народом-производителем и королем. Королю он позволит обеспечить содержание больших государственных служб. Народу он позволит обеспечить воспитание новых поколений.

«*Отвергните же, государь, предлагаемые вам их нечистыми руками 25 млн. вашего цивильного листа, средства на содержание ваших армий и вашего правосудия, и соблаговолите стать справедливым распределителем всей половины изобилия, оставив нам другую половину только для воспитания наших детей*, дабы нельзя уже было сказать, что мы народ необразованный. Государь, достоинство и долг Вашего Величества повелевают принять это законное и справедливое предложение, какое мы имеем очевидное право сделать *и силу поддержать*».

Это проект революционной экспроприации всей земельной собственности, церковной, дворянской и буржуазной, осуществляемой пролетариями и королевской властью пополам. Это социализм 1790 г., социализм с примесью утопии и демократии. Он утопичен своим ожиданием героя — человеколюбца и спасителя; он утопичен своим призывом к королю. Туманно его отношение к промышленности. Хотя Л'Анж, будучи сам ремесленником и живя среди ремесленников и бесчисленных рабочих города Лиона, не может забыть индустриальной проблемы, хотя он и говорит о промышленности вообще, однако раздел «изобилия», по-видимому, конкретно относится только к чистому продукту земли. Но если все эти черты придают лионскому социализму 1790 г. утопический характер, то он несет на себе также и отпечаток демократии.

Это именем Декларации прав человека утверждает Л'Анж одновременное право трудящихся на участие в общественной жиз-

ни и их суверенное право на собственность. И если он рассчитывает на содействие короля в осуществлении социальной революции, если последнюю он понимает как компромисс между нацией и королем, аналогичный выработанному Учредительным собранием конституционному компромиссу, то он также предлагает королю для выполнения генерального плана экспроприации силу народа. Социализм смешан с утопией в 1790 г. только потому, что демократия еще не развита полностью. А позднее, у Фурье, социализм только потому примет подлинно утопический характер, что демократия будет отброшена. Он не был бы вынужден рассчитывать на великодушие привилегированных классов и на инициативу великих мира сего, если бы режим полной демократии дал народу-производителю силу надеяться, желать и действовать.

Но вот предательская королевская власть разоблачена и пошатнулась. Летом 1792 г. начинают появляться симптомы надвигающейся республиканской революции, и в то же время нарушение экономического равновесия, нехватка хлеба и кризис продовольственного снабжения настоятельно ставят социальную проблему.

Л'Анж, которого между тем лионская демократия ввела в муниципалитет[34], сразу же снова излагает свои взгляды на новое устройство общества. Но на сей раз, в июне 1792 г., он обращается уже не к королю, а к Лионскому муниципалитету и через его посредство к Национальному собранию или, вернее, ко всей демократии, ко всему народу. Он настаивает и отвечает на возражения после 10 августа. И он не ограничивается общими заявлениями против собственности, он как будто даже отказался от всяких планов общей экспроприации; конкретную проблему продовольственного снабжения — вот что он хочет решить, и с целью решения этой конкретной проблемы он разрабатывает целую систему ассоциации, являющуюся очевидным зародышем фурьеризма.

Какое поразительное бурление идей в конце этого 1792 г.! Между тем как организуется и утверждается Республика, вырабатываются и системы социального обновления. И это не смутные грезы и не наброски философических утопий. Речь идет об экспроприации частичной и конкретной, о конкретном расчленении права собственности. Еще наполовину завуалированные идеи Доливье, план, с каждым днем все более желанный народу, установления твердых цен на все продукты питания, проекты создания общественных складов и зернохранилищ, управляемых делегатами от народа, обширная система кооперации и ассоциации Л'Анжа —

---

34. В январе 1791 г. Л'Анж (Ланж) был выбран заседателем мирового суда кантона Федерации; 23 декабря 1792 г. он был выбран мировым судьей. С декабря 1791 г. до декабря 1792 г. Л'Анж заседает в муниципалитете; 24 декабря 1791 г. он принес присягу.

все эти различные силы направлены к некой социальной демократии, высшей форме демократии политической.

«*Простые и легкие средства обеспечить изобилие и установить справедливую цену на хлеб* (Лион, 9 июня 1792 г.— типография Луи Кютти), сочинение Л'Анжа, члена муниципалитета»[35]. «У вас огромная жажда золота,— говорил он, обращаясь к землевладельцам и торговцам, к спекулянтам и капиталистам,— всего золота Перу не хватит для ее утоления. Однако вы подчиняетесь необходимости довольствоваться частью его, была бы она только возможно больше. Допустим, что, для того чтобы ее получить, у вас нет другого способа, как дать горнякам продукты, которые вам остаются за вычетом всех расходов по их производству, при условии, что эти шахтеры отдадут вам все золото, добытое ими в течение того времени, когда они будут жить на ваш излишек. Требовать большего было бы безумием, это означало бы требовать невозможного.

Итак, если бы вы доставили 60 мер пшеницы, 60 ржи и 60 мер других зерновых, овощей или равноценных продуктов, все лучшего качества, но отличающиеся друг от друга на две пятых цены, и если за все доставленные продукты вам смогли бы дать только такое количество золота, которое, будучи разделено на 900 равных частей, было бы оценено в 20 су каждая, что равнялось бы высшей цене за меру пшеницы — 7 ливров, за меру ржи — 5 и за меру гречихи или других продуктов — 3 ливра, то из этого следует, что вы заслужили бы смертельную ненависть народа, если бы предпочли дать сгнить вашим продуктам, нежели отдать их по этой цене, и если бы эта цена показалась вам недостаточно щедрой, чтобы ограничить ею свободу торговли».

Итак, по мнению Л'Анжа, та пшеница, которую собственники не потребляют, излишек, который они могут нести на рынок, стоит столько, сколько совокупность потребителей может за него заплатить. Народ-потребитель работает, чтобы иметь возможность купить себе пропитание, и, когда он отдает всю стоимость своего труда тем, кто продает ему его пропитание, он подобен тем шахтерам, которые в обмен на продовольствие, необходимое для жизни, отдали бы все добытое ими золото. Золото, добытое народом-потребителем, — это стоимость его труда. Если бы этой стоимости не хватало ему для обеспечения себя пропитанием, если бы она не определяла соответствующую стоимость этих продуктов, возник бы жизненный кризис и народ имел бы право отомстить путем истребления тех, кто на самом деле истребляет его голодом.

Стало быть, цены продуктов должны регулироваться ресурсами потребителей, а не притязаниями землевладельцев и торговцев. Для того чтобы общество существовало, для того чтобы оно было возможно, необходима эквивалентность труда, эквивалентность жизненных функций. Необходимо, следовательно, чтобы труд мог оплатить содержание трудящегося. Эту эквивалентность

Л'Анж хочет обеспечить установлением цен в соответствии с возможностями нации. Таким образом, потребители, пролетарии, будут защищены от поистине убийственной эксплуатации, а землевладельцы и торговцы будут защищены от кризисов цен.

Л'Анж предлагает широкую систему подписки, по которой совокупность потребителей будет покупать на постоянных условиях весь урожай у совокупности землевладельцев и торговцев. И для того чтобы обеспечить действие этой системы подписки и жизненной эквивалентности, выражением которой она является, Л'Анж организует все семьи страны в группы, одновременно автономные и солидарные. Таким образом, теория ассоциации не плод чьей-то индивидуальной фантазии или духа системы. Она порождена продовольственным кризисом, развивающимся в условиях революционного кризиса. Она порождена жизненной потребностью общества, где демократия борется за власть. Самые реалистические заботы и широкое всеобщее беспокойство породят эти формы социализма, которые позднее в весьма обобщенном суждении марксизм назовет утопическими.

Эту коллективную и всеобщую подписку, Л'Анж ее не навязывает, он предлагает ее. И он рассчитывает, что она будет принята, во-первых, ввиду очевидной необходимости соглашения, без которого нация обречена на конвульсии голода и анархии; во-вторых, ввиду явных выгод, которые сами торговцы извлекут из кооперативной и рациональной организации обмена. И этой решающей чертой — обращением к свободной всеобщей ассоциации, которая будет действовать исключительно притягательной силой своих благодеяний,— система Л'Анжа определенно возвещает и намечает контуры системы Фурье и отличается от того коммунизма регламентации и таксации в законодательном порядке, в направлении которого в то время развивалась мысль Франции.

Это вполне оригинальный, отдельный росток, который пробивается вместе со многими другими ростками, не смешиваясь, однако, с ними, из исторической почвы революционной Франции и служит еще одним дополнением к ее несравненному богатству. «Итак, вы будете принуждены продавать по этой цене и свободны продавать дешевле. *Но если бы, не цивилизуя вашу свободу* [то есть, по существу, не социализируя ее], *не создавая ей никаких ограничений, вам предложили купить у вас ваши урожаи, чтобы вам не приходилось больше опасаться ни воды, ни огня, ни града, ни грозы; если бы каждый год, каким бы он ни был, плодородным или нет, вам платили за них одну и ту же цену, однажды добровольно согласованную; если бы вас избавили от всякого беспокойства и даже от хлопот по продаже, а равно и от расходов по транспорту, разве не было бы для вас весьма удобно по своей воле принять такое*

35. Fr.-J. L'Ange. Œuvres. Édition P. Leutrat, p 186

предложение? Что ж! Дело только за подходящим случаем, который довольно легко будет создать.

А вы, торговцы зерном и мукой, и вы, мельники и пекари, разве не было бы вам приятно иметь от вашей торговли и вашей собственности больше прибыли и меньше риска? Разве не было бы вам приятно приумножать ваше состояние с уверенностью в успехе и в то же время пользоваться уважением общества и уже не опасаться враждебности со стороны народа? Что же! Можно легко поднять ваше существование до этого уровня.

А все вы, граждане, вы, кто не является ни землевладельцем, ни хлеботорговцем, разве вы не были бы рады освободиться от необходимости тратить время на хождение на рынки, куда никогда не идешь без забот и откуда очень уж часто возвращаешься, сетуя и жалуясь? Разве не было бы для вас приятным испытывать уверенность, что каждый из вас в любое время будет иметь под рукой провизию прежде, чем он ее купит; что в любое время и в любом месте Франции каждый будет есть хороший хлеб по одной и той же цене? Не хотели бы вы разве, чтобы оплата рабочего дня и любой рабочей силы была повсюду одинаковой? Чтобы масла и вина, шерсть, кожи, конопля, лен, шелк, древесина и уголь, железо — словом, все предметы торговли были всюду дешевле? Чтобы всех товаров, помимо хлеба, потреблялось больше, чтобы, стало быть, достаток стал более общим явлением, столь общим, чтобы никакому бедняку не пришлось просить милостыню?»

Это ослепительная программа, программа всеобщего изобилия и благодаря изобилию всеобщего мира.

Широкая и свободная ассоциация осуществит эти чудеса, и Л'Анж, как впоследствии и Фурье, предвидит столь широкое излияние богатства и благосостояния на всех, что он забывает те мысли о борьбе, что воодушевляли его в 1790 г. Или, вернее, если в 1790 г. в его сознании мысли о борьбе соперничали с нежной мечтой о братстве, то теперь осталась только мечта, светлая и сладостная. К чему еще возбуждать пролетариев против «тунеядцев, именующих себя собственниками», зачем угрожать последним полной экспроприацией, если путем всеобщей ассоциации можно сделать людям, и притом всем людям, больше добра, нежели сделала бы для них какая-либо социальная революция? Само по себе изобилие богатства и радости затопит прежнее неравенство. О чем беспокоиться, когда широкая радостная волна затопит огромные пространства, закроет неровности дна? Так Л'Анж ронял свою классовую ненависть в великое вздымающееся море, в великую идею ассоциации, своими широкими и светлыми волнами смывающую привилегии и бедность. Г-н Шарлети пишет мне, что не нашел следов личного участия Л'Анжа ни в событиях, предшествовавших осаде Лиона, ни в самих событиях осады. Меня это отнюдь не удивляет: за много месяцев до решающего кризиса, с весны 1792 г., он был весь во власти своей широкой мечты о гармонии и братском

владении богатством. И вероятно, когда обострились страдания и ненависть, ему казалось, что люди безумны, терзая и разоряя друг друга, когда достаточно открыть для всех систему ассоциации, чтобы все стали счастливыми и добрыми.

«Да,— говорит он всем, в ком недавно пробудил надежду,— да, вы этого желаете. Что же, вас легко удовлетворить! Перестаньте только обманывать себя. **Перестаньте рассчитывать на средства и на волю отдельных лиц и даже на средства и волю правительства и администраций.** *Откройте же наконец глаза и посмотрите, сколь первые произвольны и ненадежны, сколь вторые слабы, обременительны, опасны, коварны*; но с возмущением отверните ваши взоры от любой финансовой компании или управления вроде той, какую только аббат и мог придумать при Людовике XV»[36].

Так поразительным усилием мысли Л'Анж отвергает одновременно и старый порядок, и Революцию. Старый порядок познал большую экономическую деятельность только в виде привилегированных компаний, произволом власти наделенных притеснительными монополиями. И Революция, подозрительно относясь к ассоциациям, признавала как будто только государство и частных лиц. Лионский предшественник Фурье отвергает одновременно и привилегированные компании, и чисто индивидуальные действия, и действия административные. Через голову Революции он обращается с призывом к совершенно новой силе, к силе широкой, свободной ассоциации.

Широкой или, вернее, необъятной. Ибо, в самом деле, поскольку она совершит благо для всей нации, почему бы ей не охватить в действительности всю нацию? А если она не распространится на всех граждан, если она не станет всеобщей, то каким же образом она сможет предотвратить общий кризис цен и обеспечить во всех областях единообразный и разумный уровень цен на продукты и оплаты рабочей силы, который Л'Анж имел в виду?

«Если нужно объединение, ассоциация людей, способных принести и установить изобилие повсюду, вплоть до самой малой хижины, если счастье народа может быть создано и упрочнено только интересами некоего товарищества, нужно создать его, это товарищество, надо образовать его немедля и *создать его сразу таким большим, чтобы оно не могло нуждаться в исключительной привилегии и чтобы монополия или скупка не могли принести никому никакой выгоды. Одновременно надо слить это товарищество с нацией* и организовать его так, чтобы оно не могло породить никаких злоупотреблений. Вот как я это мыслю. Благоволите выслушать меня.

---

36. Речь идет об аббате **Террэ**, генеральном **контролере финансов** в **1770—1774** гг.

*Законодательная власть откроет подписку на 1800 тыс.** акций по тысяче ливров каждая, что составит сумму в 1800 млн. ливров.

Эта сумма будет разделена на 30 тыс. равных частей: каждая часть будет, следовательно, состоять из 60 акций, и каждая акция может быть еще разделена, если того пожелают.

Эти 60 акций будут служить фондом для снабжения ста семейств зерном, мукой и овощами в течение двух лет; эти сто семейств будут иметь на своем содержании и для удобства пользования общий амбар изобилия.

Следовательно, внутри королевства будет существовать 30 тыс. амбаров изобилия, содержимое которых будет регулярно распределяться. Все эти амбары будут сооружены на средства нации, по единому плану и на авансы, внесенные акционерами.

Каждый из 30 тыс. амбаров будет расположен возможно ближе к центру [места жительства] ста семейств, при нем будут квартиры заведующего снабжением и людей, необходимых для обслуживания и охраны амбара.

Заведующие снабжением и их подчиненные будут оплачиваться из половины дохода от акций. Амбары будут ежедневно открыты для надобностей семейств, для которых они будут построены; главы этих семейств выберут из своей среды несколько человек, чтобы, инспектируя и надзирая, они воспрепятствовали какому-либо злоупотреблению, что будет тем легче, что благодаря большому числу амбаров изобилие не будет так сконцентрировано.

После каждого урожая, не запрещая конкуренции, общественное снабжение сочтет своим долгом, чтобы к сроку, определенному законом, в каждом амбаре находилось количество, достаточное для пропитания около 1500 человек, дабы сто семейств были обильно снабжены в течение двух лет. Однако эта статья будет строго применяться только при первом урожае с момента этого установления.

Все земледельцы, какой бы отраслью они ни занимались, смогут договариваться с Товариществом относительно перевозки производимых ими продуктов, а равно и о страховании их урожаев, построек и движимого имущества от града, наводнений, пожаров и воровства. Они смогут также получить от Товарищества любые ссуды, любые ресурсы, в коих у них может возникнуть надобность, ибо, будучи заинтересовано в потреблении, Товарищество будет, естественно, заинтересовано в прогрессе земледелия и населения.

Товарищество будет обязано снабжать хлебом, зерном всех потребителей Франции неизменно по одной и той же твердой цене, которая будет средней ценой для трех последних пятилетий во всех департаментах, и эта цена может изменяться лишь по истечении двадцати пяти лет.

Чтобы достигнуть этого благотворного и устойчивого единообразия цен на хлеб и, следовательно, на всякие другие товары для

всей Франции, столь достойного братского союза французского народа, надо будет осуществить две операции...»

Первая операция будет заключаться в том, чтобы, разделив Францию на пять областей, рассчитать для каждой из них среднюю цену, чтобы затем вывести из них общую среднюю. Вторая будет заключаться в равной разверстке на все потребление расходов по транспорту.

«Если бы общая сумма расходов по транспорту достигла 5 млн., Товарищество получило бы два миллиона, собранных с печей или пекарен тех сельскохозяйственных районов, где расходы по перевозке не поднимают цену хлеба до уровня его средней цены, и, получив эту сумму, оно было бы обязано продавать хлеб по указанной средней цене во всех тех местах, где транспортные расходы делают его более дорогим. Со своей стороны жители сельскохозяйственных краев заплатят на два миллиона меньше за масло, вина и другие предметы их повседневного пользования. Тогда учреждение мануфактур уже не будет отрывать от полей столь нужных сельскому хозяйству рабочих рук. Эти люди заселят пустующие деревни, ибо жизнь там будет обходиться не дороже, чем в деревнях, где собирают самые богатые урожаи».

Стало быть, план, который Л'Анж предложил Революции, очень конкретен и детально им разработан. В нем проявляются все элементы мысли Фурье: упорядоченный и организованный капитализм, коллективизм, кооперация, взаимопомощь и «гарантизм». Комбинация Л'Анжа имеет капиталистический характер, поскольку она основана на создании акционерного капитала в 1800 млн. ливров. Она коллективистская, поскольку инициативу подписки берет на себя «законодательная власть», поскольку она регулирует сооружение по единому плану 30 тыс. амбаров и дает законную силу сделкам, заключенным между ассоциациями снабжения и земледельцами. Она кооперативная и «гарантистская», поскольку каждый из этих амбаров свободно управляется ста семействами, центром которых он является, и поскольку эти 30 тыс. ассоциаций, помимо того, что они страхуют земледельцев от риска, гарантируют друг другу посредством братской разверстки транспортных расходов единообразие цен. Говоря по правде, в эти трагические часы конца 1792 г., когда нация боролась за свою свободу и жизнь, Л'Анж не мог ее отстранить от жизненно важных проектов, которые должны были обеспечить продовольственное снабжение всех. Но главное то, что коллективизм и кооперация неизбежно взаимопроникают и сливаются там, где коллектив сам демократически управляет собой и где кооперация достигает предельно широкого размаха. Когда национальное сообщество

---

* В оригинале ошибочно: un million dix-huit cent mille actions.— *Прим. перев.*

само управляет собой посредством всеобщего избирательного права, различные группы интересов, составляющие великий национальный интерес, управляются групповой волей; и коллективизм превращается в кооперацию. И, обратно, когда кооперация ставит себе задачу, как в системе Л'Анжа, регулировать всеобщие интересы, общие для всех граждан, она принимает форму национального организма и в конце концов сливается с самой нацией. Отсюда в мысли Л'Анжа такое богатое сочетание элементов и идей, которое можно было бы назвать или коллективистской кооперацией, или кооперативным коллективизмом.

Но какой поразительный порыв придают умам демократия и Революция! Из пламенного и трепетного гнезда, сотрясаемого горячими ветрами бури, вылетают мысли и мечты. И с самого начала глубокий трепет коллективной жизни вызывает так называемые «утопии». Разве мог бы Л'Анж решиться предложить эмиссию 1800 млн., если бы не было крупных финансовых дерзаний Революции? При старом порядке ни один финансист никогда не решился предложить выпуск займа такого масштаба. Но так как Революция в процессе продажи национальных имуществ, при постоянной эмиссии ассигнатов, гарантированных этими огромными владениями, оперировала миллиардами, все мысли и все расчеты принимали более широкий характер. Ветер Революции увлекал ум человека в открытое море. И даже те, кто, подобно Фурье, впоследствии от нее отчасти отрекутся, увлечены и подняты ее широкой волной. Эта-то сила и революционный размах уже в 1792 г. придают самим истокам фурьеризма ширь самой великой из рек. Конечно, у Л'Анжа еще нет фаланстера, вся жизнь человека еще не охвачена колдовскими и подвижными кругами ассоциации, ее гибкими и свободными кольцами, то сворачивающимися, то развертывающимися на солнце. Но склад съестных припасов — это уже эскиз фаланстера, первый центр и точка опоры всеобщей ассоциации. При этом амбаре будут проживать заведующий снабжением и его люди. Так начинает возвещать о себе жизнь сообща. К тому же это будет и центр страхования и кредита. Товарищество, свободными филиалами, или, вернее, кооперативными отделениями, которого будут все эти склады, будет страховать земледельцев от всякого риска и будет давать им ссуды; тем самым, Л'Анж говорит это определенно, оно примет участие в руководстве производством, чтобы возбуждать и поощрять его прогресс. Центр снабжения, центр жизни, страховой центр, кредитный центр, центр производства и прогресса — как этот зародыш, порожденный одним только продовольственным вопросом, поднимается, выпускает многочисленные листья, расцветает в разнообразных обещаниях!

Под живым контролем этих гармонических групп все богатства будут упорядочены и возрастут и само лицо страны изменится; это начало фурьеристского преображения земли.

«Тогда имения будут хорошо содержаться. Тогда расходы на мосты и дороги будут действительно выгодными для нации. Тогда дороги будут всегда в хорошем состоянии, реки и каналы будут всегда судоходны для любого груза. Вскоре русла рек будут углублены и очень надежно ограждены, болота будут осушены, бесплодные земли вскоре будут орошены; *даже воды горных потоков заставят тихо струиться по новым лугам. Одним словом, со дня на день мы увидим, как Франция превратится в земной рай.* Ибо это чудо общего улучшения неизбежно свершится с теми частными богатствами, которые каждый из членов Товарищества сочтет за честь создать и, несомненно, создаст».

Это как бы необъятный и спокойный луг, который раскрывает все изобилие богатств и сил. Неровную и горячую землю Революции затопляет изобилие, кротость и радость, и самым пышным травам, самым ярким и роскошным цветам прощаешь их роскошь и их яркость за ту щедрость, с которой они отдают свои семена ровному и чистому дыханию ветра, разносящему их повсюду.

Полно! Разве созданные таким образом центры ассоциации будут организовывать и множить только сельскую продукцию? Конечно, нет, и великий лионский мечтатель не мог обойти своей мечтой торговлю и промышленность.

Эти ассоциации станут банковскими ассоциациями. Товарищество, учрежденное на столь крупном капитале и опирающееся на растущее богатство страны, будет внушать всеобщее доверие. Оно сможет поэтому гарантировать векселя коммерсантов в их сношениях с иностранными нациями! Оно будет брать на себя обязательство оплачивать за них тратты, выписанные на Францию. Оно легко сможет занимать за границей деньги в звонкой монете, так как в качестве гарантии у него будет широко развитая благодаря ему промышленность. Оно, таким образом, будет располагать оборотными средствами в металлической монете, необходимыми для международных банковских операций. И, сумев обеспечить себе все необходимое ему для расчетов за границей золото, оно сможет принимать от негоциантов, за которых оно платило по траттам, ассигнаты по паритету серебра. Оно, таким образом, будет двояко способствовать восстановлению доверия к ассигнату, во-первых, не предлагая его иностранцам по пониженному курсу и, во-вторых, принимая его по полному курсу его стоимости во внутренних обменных операциях.

В новой брошюре «Ответ на возражения», вышедшей в свет после 10 августа[37], Л'Анж подробно останавливается на торговых и промышленных операциях ассоциации: «*Она будет пользоваться*

---

37. F r.-J. L'A n g e. Œuvres. Édition P. Leutrat, p. 197. Брошюра адресована «Господам членам Генерального совета Лионской коммуны», 26 августа 1792 г.

за границей солидным и большим кредитом. И она поддержит эти займы, поднимая возможно выше стоимость рабочей силы французского народа. Таким образом, у нее будут фонды во всех торговых центрах, чтобы мало-помалу оплатить все тратты на Францию за французских негоциантов, которые затем смогут заплатить Товариществу ассигнатами по паритету серебра».

Итак, в самый ход революционных операций и в финансовый механизм Революции Л'Анж вписывает свою систему, увязанную, таким образом, со всей революционной жизнью. И мысль его уже не замыкается в узком аграрном круге, его новая система применяется ко всему производству. Весь человеческий труд, все существование человека будут обновлены благодаря широкой и свободной ассоциации. Эти 30 тыс. центров страхования и кредита, связанные друг с другом, поддерживающие друг друга, *солидарные* друг с другом, становятся поистине множественной и единой душой нации. И Л'Анж славит некоторые их благие дела с какой-то почти мистической экзальтацией. Он пишет в своей июньской брошюре[38]: «Будучи солидарно обязанным страховать каждого желающего от гроз, наводнений и пожаров и даже от ночных воров, каждый амбар станет *сторожевой башней, вспомогательной командой, проницательным оком*». Это вроде восторженной литании в честь ассоциации. И Л'Анж (еще одна черта, общая у него с Фурье) безгранично верит в полную и немедленную эффективность своей системы. Она произведет свое великолепное действие *сразу же*. Для этого надо будет только разъяснить ее всем гражданам. Ибо возможно ли, чтобы, поняв, они не приняли ее сразу? «*Как жаль*,— восклицает он с болью,— *что я не могу представить этот проект одновременно глазам всех французов! Как жаль, что нельзя собрать вместе индивидуальные мнения всех граждан!*» На сей раз Л'Анж обращается уже не к некоему королю, как он это делал вчера, не к сильному мира сего, не к неизвестному богатому благотворителю, как будет вынужден сделать Фурье. Величие Революции в том и состоит, что при ней любая мечта предлагается каждому человеку, любая мысль доверяется всем.

Система Л'Анжа не оставила умы равнодушными. Он получил много возражений и ответил с большой силой. Кто-то опасается, как бы учрежденное таким образом Товарищество не стало вскоре похожим на монополистические компании старого порядка. Но Товарищество будет «привито на нацию» и повсюду подчинено контролю народа, глав семей. Кто-то думает, что богатая буржуазия не захочет вкладывать свои капиталы в не очень прибыльное предприятие, которое к тому же приведет к нарушению меркантилизма, в коем буржуазия заинтересована. Но капитал должен быть получен не от некой олигархии, а от самой демократии, от мелких собственников. На 1800 млн. смогут подписаться *900 тыс. подписчиков*.

Кто-то боится, что жизненные интересы нации будут доверены шумным совещательным собраниям? Но, наоборот, эти обсуждения глав семей, серьезные и содержательные, дадут всюду пример спокойствия, благоразумия и методичности: «Вы убедитесь, что неудобства связаны с теми народными собраниями, которые сведены к своим наименьшим размерам, тогда как собрания наибольших размеров приносят пользу, потому что эти собрания будут происходить по секциям и каждая секция будет состоять только из женатых людей».

Нет, нет, нельзя больше колебаться: пусть Лионская коммуна примет этот проект и пусть она с ее большим авторитетом рекомендует его Конвенту. И, обращаясь почти в тоне бедного мессии, смиренном и в то же время величественном, Л'Анж заклинает своих сограждан: «Вам выпадет слава завершить эту войну [гражданскую войну интересов]; господа, вы ее окончите, если предложите Законодательному корпусу *те средства, которые небо указывает вам в моем лице, потому что в подобном случае оно не пользуется услугами великих*». Это первый лепет того социалистического мессианизма, который будет жить три четверти века в великих и благородных умах и который диалектика Маркса перенесет в пролетариат. Л'Анж не привлек Лионскую коммуну на сторону своей системы. Эта система была слишком сложной для тех дней острого кризиса, и она была преждевременной. Она предполагала, с одной стороны, расширение капиталистических концепций, а с другой — такой дух кооперации, взаимопомощи, который мог развиться только в более спокойные времена и путем медленной эволюции. Чтобы действовать и избавиться от гнетущих страданий, народ захочет средств более сильных и простых, прямого использования силы государства, устанавливающего твердые цены на продукты и даже в случае надобности поглощающего собственность. Теория Л'Анжа — глубокий зародыш будущего, а идея максимума — сила настоящего. И именно этого начинает требовать пролетариат, осаждая Конвент.

ОБСУЖДЕНИЕ КОНВЕНТОМ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ТОРГОВЛИ ЗЕРНОМ

Всего лишь несколько дней спустя после столь значительной речи делегата от департамента Луар и Шер, 3 декабря, прокурор-синдик департамента Эндр и Луара, вызвав сначала аплодисменты Конвента рассказом о том, как он заставил соблюдать закон, взволновал затем и задел Конвент, внезапно потребовав таксации

38. Брошюра «Moyens simples et faciles de fixer l'abondance et le juste prix du pain» датирована 9 июня 1792 г.

съестных продуктов[39]: «Граждане, мы предлагаем вам единственное средство, которое мы считаем эффективным в столь деликатных обстоятельствах. *Сделайте доступными народу, путем введения общих твердых цен на все съестные продукты, эти предметы первой необходимости*». Часть Конвента аплодировала, другая роптала. Но вопрос был поставлен, и это было необратимо.

Колебания Конвента были крайне сильными. Поначалу он даже не стал обсуждать идею максимума и таксации; последняя, по его мнению, слишком резко противоречила свободе обмена и праву индивидуальной собственности, да и осуществление ее представлялось, несомненно, очень трудным. Единственный вопрос, к которому Конвент решается приступить,— это вопрос о том, как обязать собственников и арендаторов доставлять свое зерно на рынки? Но здесь тоже его затруднения велики. Комитеты земледелия и торговли, собравшись на совместное заседание, предложили (3 и 16 ноября) довольно путаный проект (с докладом выступил Фабр из департамента Эро)[40]:

«*Статья первая.* Немедленно после опубликования настоящего декрета каждый землевладелец, арендатор или любой депозитор будет обязан сделать муниципалитету по месту своего жительства декларацию о количестве зерна, какое он имеет в своих амбарах и какое приблизительно остается для обмолота на его гумнах; директории дистриктов назначат комиссаров для надзора за исполнением сего в различных муниципалитетах.

Статья 2. В соответствии с упомянутыми декларациями муниципальные должностные лица смогут требовать от каждого землевладельца, арендатора или любого депозитора вывоза на публичный рынок, на какой он сам пожелает, того количества зерна, которое будет признано необходимым, *но ни в коем случае и ни под каким предлогом нельзя будет устанавливать твердую цену.*

Статья 3. Торговцы зерном и погонщики мулов могут продолжать свой промысел, но могут продавать только на публичных рынках...

Статья 18. Торговцы, желающие закупить зерно за пределами своего местожительства, обязаны получить удостоверение от своего муниципалитета, визированное директорией дистрикта, в котором будут указаны количество зерна, какое они намерены закупить, и места его назначения; эти удостоверения должны быть представлены муниципалитету того места, где закупается зерно, и завизированы им, а затем должны быть подтверждены муниципалитетом того места, для которого указанное зерно предназначено».

Как мы видим, предложенный Конвенту проект отнюдь не регламентировал цен на зерно. Наоборот, он отвергал всякую таксацию. Он имел целью обеспечение свободного обращения зерна; но землевладельцы, арендаторы обязаны были заявить о количестве зерна, находившегося у них в амбаре или на гумне, и они

были обязаны также вывозить по требованию муниципалитета определенное количество его на рынок, выбранный ими по своему усмотрению. Итак, закон не фиксировал ни *цену*, которая по-прежнему определялась свободной конкуренцией, ни *место продажи*, которое продавец свободно выбирал. Но закон давал муниципалитетам право определять *момент продажи*. Это уже весьма резкое ограничение свободы торговли, которая по-настоящему может осуществляться, только когда располагаешь временем.

Торговая операция, момент которой определяет вопреки продавцу стоящая над ним власть, является уже, несмотря на сохраняющуюся еще видимость конкуренции, только регулируемым выполнением некой социальной функции. Ссылаясь на свободу торговли, на принципы Тюрго и Адама Смита, депутат Феро заявил протест[41]. Это возобновлялась борьба между экономистами* и сторонниками вмешательства государства.

РЕЧЬ БЕФРУА

Бефруа, депутат от департамента Эна, доказывал, наоборот, что при нынешнем состоянии социальных отношений неограниченная свобода торговли может привести к чудовищным скупкам[42].

«Дать крупному сельскому хозяину, капиталисту, биржевику, наконец, всем злонамеренным людям посредством этой неограниченной и специальным законом утвержденной свободной торговли средства стянуть со всех сельскохозяйственных земель к себе, в свои тайные и недоступные склады продукты первой необходимости, да разве это не значит разжигать их алчность? Разве это не значит дать им все возможности жиреть за счет соков народа, лишать запасов один кантон, в то время как они повышают цены в другом?»

Закон о свободном обращении представляется ему преждевременным[43]: «До такой степени увлеклись стремлением закрепить

---

39. «Moniteur», XIV, 639; «Archives parlementaires», LIV, 60.
40. «Moniteur», XIV, 377 et 493; «Archives parlementaires», LIII, 130 et 433.
41. «Moniteur», XIV, 493, заседание 16 ноября 1792 г. Феро потребовал смертной казни для тех, кто посягнет на свободу торговли зерном.

* Речь идет о буржуазных экономистах XVIII в. (особенно о физиократах), которые отстаивали принцип полной свободы предпринимательства и торговли (laissez faire, laissez passer).— *Прим. ред.*

42. «Moniteur», XIV, 494, заседание 16 ноября 1792 г.; «Archives parlementaires», LIII, 438.
43. Здесь следует напомнить, что после 10 августа 1792 г. местные власти по собственному почину возобновили регламентацию. Наконец, декреты от 9 и 16 сентября разрешили директориям ди-

приоритет за этим неуместным законом, что вскоре вся совокупность урожая стала для земледельца или торговца столь священной собственностью, что даже не посмели осуществить в их отношении то разумное и справедливое право, которое общество оговорило для себя в акте ассоциации: *право лишить их части этой собственности ради общественной надобности, за справедливое предварительное возмещение.*

...Говорят, что не следует нарушать право собственности земледельца; не следует стеснять свободу торговли. Согласен, *но разве существование не есть первая, самая бесспорная, самая законная, самая важная собственность? Разве это не единственная неотчуждаемая собственность? Разве это не та собственность, ради сохранения которой и должны быть главным образом принесены все жертвы?*»

Таким образом, право экспроприации ради общественной пользы или по меньшей мере ради общественной надобности внезапно замечательным образом расширяется. Таким образом, утверждается, что право на существование, право на жизнь выше права собственности.

И мы видим, как именем народа, который страдает и чья преданность одна может спасти Революцию, революционеры вступают в борьбу с крупными фермерами, с богатыми крестьянами, которые до сих пор были баловнями Революции. «Законодатели,— сказал Бефруа,— начало скупок, первая и важнейшая причина последовательного вздорожания зерна, мяса, масла, яиц, птицы, шерсти, кож, рогов, животного сала, льна и пеньки, прямо и самым тесным образом связано со скупкой хозяйств. Вот куда должно поразить зло, дабы с корнем вырвать его причину. Как только она будет уничтожена, равновесие восстановится само по себе... Мне представляется, что Учредительное собрание допустило страшную ошибку в этом вопросе. Желая поощрить земледелие, оно дало в руки тех, кого, не знаю почему, именуют «*крупными земледельцами*», в руки людей, объединяющих необъятные хозяйства, средства все поглотить. Оно сделало их, по-видимому невольно, привилегированным классом в тот самый момент, когда упразднили привилегии и сословные различия. Они сумели воспользоваться этим так, что сейчас они являются в Республике тем, чем были дворяне при монархии. Они отличаются их жадностью, их бесчеловечностью и самым жестоким аристократизмом. И, что бы мне ни говорили, я заявляю, что вижу в них не земледельцев, а жадных и опасных в свободном государстве спекулянтов.

Учредительное собрание обошлось с ними так, как тот рыбак, который, чтобы не перевелась рыба в реке, бросал в нее обратно всех крупных щук, попадавшихся в его сети. Оно забыло то, о чем я уже говорил, что система экономистов была направлена к тому, чтобы, благоприятствуя аристократии богатств, укрепить деспоти-

ческое правление. А главное, оно забыло о том, чего оно никогда не должно было бы терять из виду, а именно что у римлян такая ошибка положила начало гибели Республики. Те тоже почитали земледелие, но ни во что не ставили того, кто единственно занимался обработкой земли.

И вы тоже, вы будете поощрять земледелие, этот живительный источник всех богатств. Вы окажете земледельцу особенную благосклонность при том покровительстве, которое закон обязан оказывать всем, *но вы, конечно, поостережетесь принимать за прекрасного земледельца того фермера, который объединяет в своих руках такое количество ферм, какое способно занять пятнадцать или двадцать семейств; который живет в роскоши, проводит время в развлечениях, нанимает приказчика для ведения своих дел и возлагает заботу об обработке своих земель на того, кого он называет старшим слугой; того ненасытного человека, чье богатство возрастает с каждым днем за счет общей нищеты и чья супруга, осыпанная алмазами и в кружевах, является на наши рынки, чтобы увезти оттуда провизию, которую она должна была бы доставлять туда в изобилии.*

Граждане коллеги, слишком крупные хозяйства существенным образом вредят счастью общества, они вредят хорошей обработке. Помимо того что они делают неизбежной торопливость в работе, много работ выполняется небрежно, когда глаз хозяина не может охватить их совокупность. Эти крупные хозяйства особенно вредны для изобилия, они способствуют всякого рода скупкам и вызывают вздорожание всех съестных припасов, ибо сосредоточивают производство продуктов первой необходимости в немногих руках и уменьшают конкуренцию между продавцами на рынках, соответственно увеличивая конкуренцию между покупателями. Человек, объединяющий в своих руках пять ферм, например, занимает в действительности только одну из них; остальные приходят в упадок из-за животных, которых влечет к зерновым складам хранимое там зерно. Он забрасывает более скудные земли и истощает лучшие, мало или вовсе не занимается животноводством. Поголовье птицы у него редко бывает вдвое больше, чем у того, кто имеет только

стриктов производить опись запасов зерна и требовать выделения определенных его количеств для продажи на рынках: Законодательное собрание не решилось пойти дальше запрета таксации. Когда собрался Конвент и влияние жирондистов вначале возобладало, регламентация торговли зерном сама по себе отмерла и сентябрьские декреты по-настоящему никогда не применялись. Ролан не переставал осуждать их. Наконец, и как раз тогда, когда сторонники таксации вызвали опять взрыв сильных волнений в департаменте Эр и Луар, было решено восстановить свободу торговли (8 декабря 1792 г.) в результате долгих прений, на которых Жорес с полным основанием подробно здесь останавливается.

одну ферму. Наконец, он держит в своих руках средства повысить цены на все продукты, на сколько он пожелает. Именно в объединении ферм в руках одного арендатора заложена причина множества бед, и этого не захотели увидеть. И все же трудно понять, как это при нашей системе равенства один человек, потому что он богат, может свободно лишить своего хозяйства, своего дела всех, кто его окружает, и таким образом вредить населению, захватывая благодаря деньгам всю землю...

И не бойтесь вовсе, что вас будут упрекать в посягательстве на собственность. Для этого нет оснований, ибо речь идет здесь только о том, чтобы предписать собственнику такой способ пользования своим имуществом, который не причиняет вреда другим».

И Бефруа заключает свое выступление весьма конкретным, по крайней мере внешне, проектом декрета.

«1. Уничтожить скупку материальных объектов, дающих продукцию, посредством издания закона, формально запрещающего соединение нескольких ферм в одно хозяйство.

2. Этот закон должен стать обязательным для всех по мере истечения сроков арендных договоров и должен объявить полностью недействительными все договоры, которые могли бы быть заключены в будущем, о сдаче фермы в аренду тому, кто уже имеет одну.

3. Установить в отношении землевладельцев и арендаторов, уличенных в нарушении этого закона, а равно и в отношении должностных лиц, тому способствовавших, кару, соответствующую важности преступления, оцениваемой по его последствиям.

4. Разрешить продажу съестных припасов только на публичных рынках.

5. Упразднить всякого рода комиссионные и задатки при покупках зерна.

6. Установить надзор, дающий должностным лицам народа возможность удостовериться в том, что продукты, закупленные в одном месте для доставки в другое, не отклонились от их истинного места назначения.

7. Принять меры к тому, чтобы каждый год точно устанавливалось наличие продовольственных ресурсов и чтобы можно было в любое время года легко выяснить их соразмерность с нуждами потребителей.

8. Для первого раза выделить капитал, достаточный для закупки за границей зерна в количестве, равном годичному потреблению несельскохозяйственных кантонов Республики.

9. Обязать земледельцев сохранять ежегодно, с октября до октября, в распоряжении правительства часть их урожая, которая будет определена законом; выплачивать им ее стоимость поквартально, по цене соответствующего времени года, в случае если эта часть будет использована только в конце, и окончательно рассчитаться в момент ее сдачи, когда бы она ни имела место.

Это позволит избежать расходов по найму, содержанию и управлению складами, а также бесчестных спекуляций, которые устраивались бы вокруг таких складов, и в то же время позволит сохранить преимущество государственных амбаров».

Это бурное объявление войны тому, что мы, следуя за Марксом, назвали аграрным капитализмом. Эти резкие обвинения по адресу тщеславных крупных фермеров, жуиров и толстосумов, мы уже видели их в суровых наказах крестьян Иль-де-Франса; два года спустя мы еще обнаружили их отголосок в книге Лекиньо [44]. Но на сей раз они звучат с трибуны Конвента и принимают форму грозных законопроектов. Бефруа горько жалуется на то, что Учредительное собрание позволило новой аристократии, аристократии крупных фермеров, присвоить себе значительную часть выгод от Революции. Это им в большой мере пошло на пользу упразднение десятин и феодальных повинностей, это для них были широко открыты торги, с которых производилась продажа национальных имуществ. А теперь, объединяя в своих руках по нескольку ферм, они почти одни извлекают выгоду из огромного повышения цен на зерно. Очевидно, по мнению Бефруа, первой заботой, первым делом Учредительного собрания должен был быть закон, запрещающий создание крупных хозяйств. Но каково точное значение слова «ферма» («corps de ferme»)? И какие границы определяет Бефруа для ее протяженности? Тут начинается произвол и неясность. Наконец, несмотря на все попытки доказательств Бефруа, так ли уж ясно, что раздробленное хозяйство будет столь же сильным, столь же продуктивным, как хозяйство обширное? А найдутся ли у бесчисленных мелких фермеров, которые займут место крупных, капиталы, необходимые для удобрения почвы и для усовершенствования обработки? К тому же Бефруа останавливается на полпути, его логическим заключением должен был бы быть «аграрный закон». Раздел ферм должен был бы привести к разделу земель. Ибо, во-первых, собственник-фермер, лишенный возможности сам определять способ ведения своего хозяйства, не будет им больше интересоваться; он превратится в рантье сельского хозяйства, в бесполезное бремя. Во-вторых, было бы выгодно стимулировать производственную активность мелкого фермера, сделав его мелким собственником. Наконец, если хотят воспрепятствовать «скупке зерна», его концентрации в немногих руках, то недостаточно упразднить крупных фермеров. Надо упразднить крупных землевладельцев, которые могут из зерна, получаемого ими от их мелких арендаторов, образовать обширные запасы. Так, против своей воли Революция ставила вопрос о собственности. Она боялась «аграрного закона» и в то же время была

---

44. Речь идет о книге «Les préjugés détruits» (Paris, 1792). См. настоящее издание, т. II, с. 399, прим. 25.

одержима им. Если этот закон о разделе ферм будет применяться, то Бефруа уже не опасается свободного обращения и свободной торговли зерном. Но пока он превращает торговлю зерном в некую общественную службу, весьма регламентируемую, а амбары землевладельцев и фермеров становятся уже, по его собственному признанию, лишь разбросанными по стране отделениями огромного государственного склада, где зерно всегда будет в распоряжении Республики.

Лекиньо, Буайе-Фонфред, наоборот, отстаивали тезис свободного обращения [45]. Буайе-Фонфред, помимо этого, ограничивался требованием премий за импорт иностранного зерна.

РЕЧЬ СЕРРА

Жозеф Серр в своей речи 2 декабря горячо защищал земледельцев, фермеров [46]. Он уверял, что только недоверие, возбуждаемое пропагандой «анархистов», препятствуя свободному обращению, создает нехватку продовольствия. Он спросил почти в угрожающем тоне, не хотят ли оттолкнуть от Революции тех фермеров, тех землепашцев, которые с самого начала были ее друзьями. И мы начинаем уже предчувствовать ту консервативную политику, к которой присоединятся при Директории и Консулате зажиточные земледельцы, уставшие от революционного движения, сначала принесшего им пользу, а позднее угрожавшего им. Но особенно важно было то, и притом это имело более непосредственный результат, что Серр коснулся одного затруднения, которое можно было разрешить, либо устранив всякую регламентацию торговли зерном, либо распространив регламентацию и таксацию на все отрасли торговли и на все товары. По какому праву, спросил он, вы обязываете землепашца продавать свои продукты, но не обязываете других производителей продавать те продукты, в которых нуждается земледелец? Так, по-своему и не желая того, Серр открыл дорогу всеобщему максимуму.

«Выдвигают требование установления умеренных цен на зерно, но хранят молчание относительно других товаров. Неужели право собственности на зерно менее священно в глазах закона, нежели всякая другая собственность?! Неужели меня выдадут на милость торговца железом, сукном и я буду принужден отдавать им результат моих трудов за установленную цену! Неужели жадный торговец — ибо, что бы ни говорили *друзья уж не знаю какого народа* [это выпад против Марата], жадность присуща всем состояниям; даже сапожники не свободны от нее, это доказывают сапожники Лиона, Монпелье и совсем недавно *добрый гражданин*, республиканец Жердре [Серр намекает на спекуляции и должностные злоупотребления поставщиков армии; в отношении Жердре это, по-видимому, была клевета][47],— повторяю, неужели жадный

торговец сможет заработать на своих товарах, продав их земледельцу, сто процентов, тогда как земледелец не сможет это справедливо возместить себе на своем. Что же будет с равенством прав, если одни будут пользоваться всеми милостями и покровительством законов, а другим на долю достанется забвение и презрение? Я не буду дальше распространяться на тему об этой мере, которая могла родиться только в мозгу коварном либо охваченном горячкой. Предлагаю праздным людям взвесить печальные последствия, если эта мера когда-либо послужит основанием для выработки закона...

Что же, потому что пахарь будто бы выиграл от Революции больше других в денежном отношении, *вы хотели бы поставить его в условия более стеснительные, более тиранические, чем те, в которых он находился при феодальной системе!.. Что же, граждане земледельцы, стало быть, обещанные вам Революцией выгоды оказались для вас только лживой иллюзией! Вы, стало быть, только на миг узнали свободу, чтобы надеть еще более унизительные оковы! Поверьте мне, если вам суждено еще быть рабочим скотом для этих наглых бездельников, то согласитесь на раздел земель. Предложите сами «аграрный закон», уступите этим торговцам словами, этим жалким крикунам, часть ваших полей. Пусть они отложат свои продажные перья. Пусть их нежные ручки обработают эту землю, которую столь долго в своих страданиях вы орошали слезами и которая слишком долго кормила их добродетельную лень. Тогда вы познаете их ничтожество. Они сами станут справедливее и разумнее, оценят ваши заслуги, и вы будете отомщены*».

Это тон бешеной реакции. Это язык некой лиги доведенных до отчаяния крупных фермеров, капиталистов земли, готовых броситься под защиту деспотизма. Впрочем, угроза Серра совершенно ясно выражена.

«Если бы вы потребовали применения этих законов силой, вы неминуемо вооружили бы одного гражданина против другого и таким образом помогли бы тирану Австрии лучше, чем сателлиты Брауншвейга, *или, вернее, вы расчистили бы путь к королевской власти любому, кто захотел бы добиться ее*».

Итак, выскочки Революции, те, кого она освободила и обогатила, уже готовы отречься от нее, только бы не оплачивать рас-

---

45. Буайе-Фонфред выступил 16 ноября 1792 г. («Moniteur», XIV, 499; «Archives parlementaires», LIII, 445), Лекиньо — 29 ноября («Moniteur», XIV, 609; «Archives parlementaires», LIII, 657).
46. «Moniteur», XIV, 642; «Archives parlementaires», LIV, 35. См. выше, с. 377, прим. 47.
47. Декрет о преданин Жердре, поставщика армий, суду был принят Конвентом 20 ноября 1792 г. («Moniteur», XIV, 530); эта мера была отменена 8 декабря («Moniteur», XIV, 693).

ходы революционной обороны, ибо речь идет, в сущности, об этом.

Кризис цен является очевидным результатом увеличения массы ассигнатов, а их выпуск пришлось увеличить главным образом, чтобы покрыть военные расходы, чтобы спасти Революцию, которой угрожали изменники и деспоты. Поэтому было абсолютно разумно предотвратить путем законных мер чрезмерное повышение цен на зерно в этот период кризиса. И если проведение этих мер не обходится без некоторых огорчений и некоторых неприятностей, то чудовищной неблагодарностью было восставать и уже строить заговоры с тайными надеждами на реакцию, с контрреволюционными замыслами. О, это еще только поползновения! Но в конце 1792 г., в момент, когда экономическое и социальное равновесие было нарушено, когда народ, стремясь обеспечить себе пропитание, усиливает давление на государство и видит в законе инструмент общего спасения, класс богатых начинает жаждать политики консолидации, которая бы обеспечила ему пользование всеми приобретенными преимуществами и выгодами и избавила бы от всяких новых волнений. Это настроение Серр выражает с неким бешенством ретрограда. Но в то время соотношение цен рождало такое беспокойство, что он сам, хотя и квалифицировал любой проект таксации и установления максимума как бредовую фантазию, произнес слова загадочные и способные далеко завести:

«Соразмерьте поденную заработную плату там, где нет справедливого и необходимого равновесия». Но как может Конвент соразмерять заработную плату со стоимостью ежедневного содержания рабочего? Если просто посредством совета, то это одни слова. Если это будет сделано путем прямых действий и давления самих наемных работников, то их усилия могут быть расстроены в результате колебаний курса ассигната и соответственных колебаний цен на продукты. А если Конвент восстановит это «необходимое» равновесие посредством издания закона, то он мало-помалу окажется увлеченным на путь, ведущий к всеобщей таксации.

Следовательно, уже в то время можно было предвидеть, что, если кризис будет развиваться, все будет толкать Конвент, несмотря на его собственное сопротивление, к принятию тех самых мер, которые в конце 1792 г. он считает весьма опасными, к общей таксации цен.

Депутат от Вандеи, Фэйо, хотя и не шел так далеко, сформулировал гораздо более четко, чем Бефруа, идею общественной службы [48]. И от имени пролетариев, неимущих, он энергично потребовал создания национального учреждения по продовольственному снабжению.

«Я особенно хочу привлечь ваше внимание к этому неимущему многочисленному классу, который не располагает урожаями. Я пощажу интересы землевладельцев, но я уничтожу тех крупных торговцев пшеницей, тех подлых спекулянтов, которые под ложным предлогом перевозок избытка из одного места в другое морят голодом все края или заставляют граждан очень дорого платить за удовлетворение первейших жизненных потребностей. Они рассчитывают до последнего часа, до последнего мгновения, когда бедняк должен голодать. *В Республике такая разновидность торговцев должна исчезнуть.* А посему уничтожьте, законодатели, этих алчных людей, которые с радостью продавали бы даже воздух, вдыхаемый их ближними, если б могли его скупить. (*Аплодисменты.*)

Я не стану входить сейчас в подробное рассмотрение выгод, которые обещает осуществление *величественного проекта учреждения общественных зернохранилищ.* Необходимость этого понимают все, кто честно трудится над облегчением существующей нищеты. Стало быть, проект этот будет принят. Но в ожидании его осуществления вы должны принять меры к тому, чтобы каждый человек находил у себя дома если не все, что ему необходимо, то по крайней мере необходимое для удовлетворения его первейших потребностей. Законодатели, люди, избранные народом для защиты его прав, должны прежде всего заботиться об удовлетворении его нужд, как отцы великой семьи. Итак, снабжать французов должны не торговцы зерном, а муниципалитеты, дистрикты, департаменты и вы сами, законодатели».

Колеблющийся Конвент предложил как сторонникам свободы торговли, так и сторонникам ее регламентации изложить кратко свои доводы в двух дискуссионных докладах. Я уже достаточно говорил о концепциях и тенденциях, чтобы еще останавливаться на анализе этих докладов. Я хочу лишь отметить, с какой настойчивостью один из докладчиков, Бефруа, возвращается к аргументации, которую он уже ранее извлек из права отчуждения по соображениям общественной надобности [49]. С самого начала выявляются скрытые в этом принципе революционные возможности, допускающие почти неограниченное расширительное толкование.

«Мы недовольны тем, что право собственности на зерно считается более священным, нежели другие. В самом деле, если государству нужен мой дом, мой сад, мое поле, оно забирает их, а мне выдает возмещение. Но как можно возместить мне

---

48. «Moniteur», XIV, 607, заседание 29 ноября 1792 г.; «Archives parlementaires», LIII, 659.

49. «Moniteur», XIV, 694, заседание 8 декабря 1792 г.

мои привычки, удобства моего жилища, даже чудачества его устройства? Как можно возместить мне потерю моего сада, отвечающего моим вкусам, моему характеру, моему имущественному положению? *И если верно, что общество не нарушает моей собственности, когда оно законным образом овладевает материальными объектами, дающими продукцию, потому что оно при этом уплачивает мне их стоимость, то почему нельзя поступить точно так же с продукцией?*»

Конвент долгое время уклонялся, откладывая принятие конкретного решения. Робеспьер, как всегда осторожный, высказывался туманно. Несмотря на требования и насмешки со стороны умеренных, он не сформулировал никакой системы, он дал такое определение права собственности и его пределов, которое создавало возможность — в решающий час — энергичного вмешательства законодательства, защищающего интересы народа [50].

«*Какова основная цель общества? Она заключается в том, чтобы отстаивать неотъемлемые права человека. Каково первое из этих прав? Право на существование.*

Первый общественный закон заключается, следовательно, в том, чтобы обеспечить всем членам общества средства к существованию. Все другие законы подчинены этому, право собственности было учреждено или гарантировано лишь для укрепления этого закона; если люди имеют собственность, то прежде всего для того, чтобы жить. Неверно, что право собственности может быть когда-либо противопоставлено пропитанию людей. Необходимые человеку продукты питания столь же священны, как и сама жизнь. Все, что необходимо для ее сохранения, является общим достоянием всего общества. Лишь избыток является личной собственностью и может быть оставлен промыслу торговцев» *.

Бесполезно было бы теперь размышлять над тем, кто был прав в то время: те ли, кто для преодоления роста цен рассчитывал на одни достоинства свободной конкуренции, или те, кто требовал вмешательства государства. Борьба между экономическим либерализмом и сторонниками вмешательства государства продолжается и ныне. Поскольку дело касается продуктов питания, опыт наконец показал в ходе девятнадцатого столетия, что свободной торговли достаточно для действительного обеспечения снабжения страны зерном. И если ныне социалисты требуют создания государственного органа, отвечающего за продовольственное снабжение, то вовсе не как меру предотвращения опасностей голода, окончательно устраненных, а по соображениям другого порядка. Но тогда, в 1792 г., со всеми его причинами потрясений, могущими нарушить нормальное течение экономической жизни, с неизбежными в народе тревогами и подозрениями, с его неустойчивостью цен, порождаемой падением курса ассигната, с маневрами скупки, которые были следствием этой неустойчивости, Революция могла быть спасена только сильным вме-

шательством закона, только национальной и революционной организацией службы продовольственного снабжения и всей экономической жизни страны. В октябре и ноябре кризис еще не настолько силен и воля пролетариата еще не настолько восторжествовала, чтобы сразу смести колебания и сопротивления. Но широкая теоретическая разработка права на жизнь как права, стоящего выше права собственности, и широкое народное движение, его требования и его акции подготавливают и возвещают поразительные усилия по установлению максимума. Речь идет не только о продовольственном вопросе, выдвинутом в данный момент вследствие непосредственно возникших затруднений. Под угрозой оказывается весь экономический и социальный порядок Революции. Впервые с 1789 г. кажется, что общее преуспеяние покоится на чем-то искусственном и непрочном. Впервые сильное колебание цен как будто угрожает революционному обществу нарушением экономического равновесия и заставляет опасаться его возможных в ближайшее время последствий, которые никто не в силах представить себе. И возникает большой вопрос. Куда идет Республика с этими все возрастающими эмиссиями бумажных денег, с этими огромными, разорительными войнами, поглощающими ресурсы бюджета и придающими всей экономической жизни, всему производству и обмену страны искусственное и вынужденное направление?

РЕЧЬ СЕН-ЖЮСТА

Одна из самых больших заслуг Сен-Жюста состоит в том, что уже тогда он задумался над еще темной бездной и резко поставил Революцию лицом к лицу с проблемой и с угрожающей опасностью. Этот еще совсем молодой человек, фанатический поклонник Робеспьера, обладал своеобразным и сильным умом, одновременно светлым и беспокойным. Иногда он обольщался сам ложным светом, умудрялся придавать простым мыслям ложную глубину, но порой его ум рождал лучезарные молнии, освещавшие обширные пространства. Менее расчетливый, чем Робеспьер, менее сдержанный, менее скрытный, хотя и склонный иногда рядиться в загадочность, он не мог сдержать порыва собственной мысли. В те первые месяцы Конвента он выступает резко, но без горечи. Даже 28 января 1793 г., даже после яростных

---

50. «Moniteur», XIV, заседание 2 декабря 1792 г.; Buchez et Roux, XXII, 175; M. Robespierre. Discours, IX, 110. Робеспьер опубликовал эту речь в «Письмах к своим доверителям» (№ 9). См.: E. Hamel. Histoire de Robespierre, t. II, p. 549.

* См.: Максимилиан Робеспьер. Избранные произведения, т. II, М., 1965, с. 127—128.

схваток, вызванных процессом короля между Жирондой и Горой, он отчетливо сознает необходимость единения. Он решительно выступает за солидарность всех революционеров перед лицом истории и судьбы.

«Необходимо, чтобы все забыли свой интерес и свою гордость. Личное счастье и частные интересы — это насилие над общественным порядком, когда они не являются частью общественных интересов, общественного счастья. Забудьте самих себя. Революция находится между триумфальной аркой и подводным камнем, о который все мы можем разбиться, и ваш интерес велит вам не раскалываться, каковы бы ни были различия мнений. Тираны не признают между нами таких различий. *Либо мы все победим, либо мы все погибнем*» [51].

И облюбованная им поза несколько высокомерной замкнутости производит в то время впечатление скорее сосредоточенности, нежели надменности. Он обладал гораздо большим, чем Робеспьер, пониманием экономических проблем и больше уделял им внимания. И он пойдет гораздо дальше его по пути социальных требований. И в то время как Робеспьер изучает, главным образом в абстрактном плане, соотношение собственности с Правами Человека, Сен-Жюста тревожат материальные условия существования Революции. В связи с вопросом о продовольственном снабжении он пытается дойти до самых корней экономического беспорядка. Хотя он большой любитель формул и обладает интуитивным умом, склонным к обобщениям, не всегда бывает легко свести его идеи в стройную систему, ибо мысль его излагается прерывисто и взгляды его порой кажутся лишенными связи. Можно, однако, уловить общее направление его мыслей.

«Я отнюдь не разделяю мнения Комитета,— говорит он 29 ноября 1792 г.[52],— я не люблю жестких законов о торговле. Можно сказать народу то, что один карфагенский солдат сказал Ганнибалу: «Вы умеете побеждать, но вы не умеете использовать победу». Неужто те отважные люди, которые уничтожили тиранию, не владеют искусством управлять собой и сберечь себя?

Столько бед связано с глубоким беспорядком, в котором так сложно разобраться. Причину его следует искать в дурной системе нашей экономики. Требуют издания закона о продовольственном снабжении. Позитивный закон по этому вопросу никогда не будет мудрым. Изобилие есть плод хорошего управления. А у нас администрация плохая... Следовательно, если вы хотите возрождения порядка и изобилия, внесите свет в лабиринт нашей французской экономики начиная с Революции».

Но главное условие, если хотят исцелиться от недуга,— это иметь правительство устойчивое, сильное и однородное, способное сообщить гордому и свободному народу то общее движение, которое деспотизм иногда сообщает порабощенным народам.

«Недуги этого великого народа, монархия которого погибла от пороков ее экономической системы и который издавна одолевало влечение к философии и свободе, связаны с трудностью восстановления экономики в условиях сильного и независимого общественного мнения. Но зло увековечивает неблагоразумие некоего временного правительства, слишком долго терпимого, при котором все смешалось, при котором чистые элементы свободы воюют друг с другом, подобно тому как изображают хаос до сотворения мира.

Посмотрим же, каково наше нынешнее положение. В том ужасном состоянии анархии, в котором мы пребываем, человек, словно вернувшийся в состояние дикости, не признает более узды закона. Одна независимость, восставшая против другой независимости, уже не знает закона, не знает судей, а все идеи правосудия порождают насилие и преступление ввиду отсутствия гарантий: все изолированные воли не обязывают ни одну из них. И поскольку каждый действует, как естественная часть законодателя и магистрата, *идеи, которые каждый имеет о порядке, производят всеобщий беспорядок.*

И в порядке вещей, что наши экономические дела осложняются все больше и больше, до тех пор пока установленная Республика не охватит всех отношений, всех интересов, всех прав, всех обязанностей и не придаст общий образ действий всем частям государства».

Никогда ни умеренные, ни те из жирондистов, кто объявил беспощадную войну Парижской коммуне, не клеймили с такой силой губительные последствия распыления воль, всеобщей анархии. Но Сен-Жюст обращается не к категории буржуа, блестящих, красноречивых и фривольных, он весь народ, всю нацию хочет наделить, путем концентрации власти, средствами спасения отечества. И не для того, чтобы покарать восставшие голодные деревни или предать мечу правосудия «проповедников анархии», а для того, чтобы восстановить гармонию и экономическое равновесие посредством общих законов, хочет Сен-Жюст организовать единство действий. Порядок будет обеспечен благоденствием народа, а само это благоденствие будет обеспечено не общими и туманными теориями, почерпнутыми в обманчивом опыте соседних народов, а посредством системы законов, вполне отвечающих нуждам и духу революционной Франции. При всей

---

51. «Moniteur», XV, 304, заседание 28 января 1793 г., речь о прерогативах военного министра.
52. «Moniteur», XIV, 610; B u c h e z et R o u x. XX, 418; «Archives parlementaires, LIII, 662. «Я отнюдь не разделяю мнения Комитета»— речь идет о Комитете земледелия и торговли, который подготовил законопроект о продовольственном снабжении, предусматривавший регламентацию торговли.

их видимости идеологов робеспьеристы, и особенно Сен-Жюст, сохраняют острое чувство реальности:

«Народ, который несчастлив, не имеет родины. Он ничего не любит, и, если вы хотите основать Республику, вы должны позаботиться о том, чтобы вывести народ из состояния неуверенности и нищеты, которое его развращает. Если вы хотите иметь Республику, действуйте так, чтобы народ имел мужество быть добродетельным. *Нельзя обладать патриотическими добродетелями, не имея гордости, и нельзя быть гордым в нужде*». Прекрасные слова, провозглашающие всеобщее благосостояние двигателем свободы!

«Нельзя закрывать глаза на то, что наша экономика сейчас искажена, как и все остальное, за неимением законов и правильных отношений, говорил вам Феро, опираясь на Смита и Монтескьё. Смит и Монтескьё не изведали на опыте того, что происходит у нас. Бефруа нарисовал вам картину множества злоупотреблений; он указал лекарства, но не обдумал их применения. Ролан повторил перед вами советы экономистов, но этого вовсе недостаточно... Те, кто предлагает вам неограниченную свободу торговли, высказывают пред вами великую истину в качестве общего тезиса, но речь идет о болезнях определенной Революции; речь идет о создании Республики из разрозненного народа и обломков монархии с ее преступлениями... Осмелюсь сказать, что не может быть хорошего трактата по практической экономии. Всякое правление имеет свои злоупотребления. И болезни общества столь же бесчисленны, как и болезни человека. То, что происходит в Англии и во всех других странах, не имеет ничего общего с тем, что происходит у нас. Наши болезни и средства исцеления их надо искать в самой природе наших дел».

Итак, великая опасность для революционной Франции, основная причина экономического расстройства заключается в избытке денежных знаков, металлических и особенно бумажных. И тут Сен-Жюст, идя в своих предчувствиях дальше действительности того времени, дает поразительную картину скрытого и глубокого расстройства, проникающего во все отношения общественной жизни вследствие избытка обесцененных бумажных денег. Это потрясение усугубляется двумя фактами. Прежде всего, за пятнадцать или двадцать лет, с тех пор как развилось интенсивное земледелие, с тех пор как земли стали огораживаться и свободный прогон скота был прекращен, подорвана была основа экономической жизни Франции. Некогда она покоилась на двух основах: на производстве зерна и на животноводстве, дававшем стране кожи и шерсть, в которых нуждались ее мануфактуры. Экономическая жизнь Франции, таким образом, имела в самой себе свой центр равновесия и свою точку опоры. Франция могла торговать с внешним миром, экспортировать излишки своей продукции. Но ее сила была в стабильности ее внутренней на-

циональной жизни. Ныне она, наоборот, имеет меньше скота. Она вынуждена покупать за границей шерсть и кожи. Она, стало быть, более подвержена бесчисленным кризисам. И если свои закупки за границей она вынуждена делать с обесцененными бумажными деньгами, возникшее нарушение равновесия внезапно обостряется. Значит ли это, что Сен-Жюст осуждает экономическую эволюцию Франции и хочет движения вспять к некоему полупастушескому состоянию? Отнюдь нет. Наоборот, он верит в непреодолимую силу экспансии труда, производства и обмена. Но он полагает также, что эти превращения связаны с опасностями, что они могут нарушить глубинную жизнь страны, если государство, со своей прозорливостью, не вмешается, чтобы упорядочить их. Так, например, в его обязанности входило бы не допустить гибели или ослабления животноводства, не оставить Францию на милость иностранных рынков в деле получения необходимых ей кож и шерсти, а также сырья для промышленного производства. Но сколь глубокое расстройство должен был внести преизбыток денежных знаков в страну, которая уже, и даже до Революции, вступила на путь смелого экономического преобразования и сама ломала свои привычки!

А помимо этого, состояние войны окончательно революционизирует всю экономическую систему. Франция как будто уже производит одно только оружие, провиант и грубую одежду для бесчисленных легионов солдат. Неужто это и будет ее окончательный порядок? Неужто Франция откажется от утонченных радостей жизни и от блеска роскоши? Этого можно было опасаться, глядя, как с трибуны самого Конвента разоблачают, как преступление, роскошь «пахарей», крупных фермеров. Нет, Франция не собирается привыкать к жизни чисто военной, спартанской. Так Сен-Жюст предполагает широкое развитие богатства. Надо только, чтобы государство, ограничивая чрезмерные эмиссии ассигнатов, все нарушающие, и следя за тем, чтобы французское сельское хозяйство снабжало промышленность достаточно разнообразными продуктами и было для нее достаточно широкой [сырьевой] базой, обеспечило равновесие и порядок в условиях этого растущего богатства. Как это далеко от мнимого революционного «аскетизма»! И насколько понимание экономической и социальной жизни у Сен-Жюста более широко, более современно, чем у Робеспьера! Надо ее читать и надо поразмыслить над этой мощной речью, порой более мрачной, чем действительность, но проникнутой страстным чувством жизни.

«У нас система торговли зерном была опрокинута со времени Революции неумеренной эмиссией денежных знаков. Все наши металлические и земельные богатства представлены ими: знак всех ценностей находится в торговле, а все эти ценности ничтожны в торговле, потому что они не занимают никакого места в потреблении. У нас много знаков и очень мало реальных ценностей.

Законодатель должен учесть все имеющиеся в государстве продукты и сделать так, чтобы они были представлены денежными знаками. Но если и земли и продукты этих земель будут представлены, равновесие будет потеряно и цены вещей повысятся вдвое: нельзя выражать деньгами сумму вложенного капитала, можно только сумму дохода с него. [Сен-Жюст хочет сказать, что поскольку ассигнаты представляют саму стоимость имений, внезапно поступивших в продажу, а не только годичную продукцию этих имений, то эти ассигнаты перегружают денежное обращение.]

Вот что нас ожидает. Роскошь упразднена. Все металлы, купленные по дорогой цене или изъятые из потайных мест, где богатые их хранили, превращены в денежные знаки. Нет уже больше металлов ни для роскоши, ни для промышленности. Это дает увеличение денежных знаков вдвое. Если это будет продолжаться, денежный знак в конечном счете обесценится. Наш денежный курс будет потрясен, наша промышленность зачахнет, наши ресурсы исчерпаются: нам останется только земля, чтобы делить и пожирать ее.

Проходя по улицам этого великого города, я страдаю при мысли о несчастьях, ожидающих его и ожидающих все города, ежели мы не предотвратим полного крушения наших финансов. Наша свобода минует, как минует гроза, а ее торжество — как удар грома... Какое нам дело до суждений света? Не стоит искать мудрость столь далеко от нас. Какую пользу принесли бы нам наставления света после потери нами свободы? В то время как мы ожидаем света знаний от людей и мечтаем о распространении свободы на всей планете, человеческая слабость, все виды злоупотреблений, преступления, честолюбие, заблуждения, голод, не откладывающие ни на миг своих опустошений, торжествуя ведут нас обратно к рабству. Видя, скольким опасностям мы подвергаем свободу, можно подумать, что мы не боимся рабства. Мы рискуем погубить себя, если наконец не разберемся в том, каково наше положение и какова наша цель. Дороговизна продовольствия и всех вещей происходит от несоразмерного обилия денежных знаков. Эта диспропорция усугубляется еще билетами доверия, ибо в обращении находятся и амортизационные фонды. Война и связанные с нею расходы день за днем углубляют бездну. Мануфактуры ничего не производят, никто ничего не покупает, *торговля держится только на солдатах. В торговле я вижу только наше неблагоразумие и нашу кровь*: все меняется на деньги. Продукты земли скупают или прячут. В конечном счете *я вижу в государстве только нищету, гордость и бумажные деньги.* Я не знаю, чем живет такое множество торговцев. Нельзя обманываться на этот счет: они долго не продержатся. Мне кажется, я вижу в домах грустные, безутешные семьи. В таком положении нельзя долго оставаться. Пора при-

поднять завесу: никто не жалуется, но сколько семейств плачут в уединении! Вы напрасно льстите себя надеждой создать Республику, если удрученный народ не в состоянии ее принять.

Говорят, что поденная плата ремесленника растет пропорционально ценам на продукты, но, если ремесленник сидит без работы, кто оплатит его праздность? *Какой-то тайный недуг подтачивает Париж. Что делает сейчас множество людей, живших за счет привычек богатого? Нищета породила Революцию, нищета может ее уничтожить. Вопрос в том, может ли множество людей, жившее еще недавно за счет излишеств, роскоши, пороков другого класса, может ли оно жить теперь, обслуживая лишь свои собственные потребности.* Такое положение очень опасно. Ибо если при нем зарабатывают только на удовлетворении своих потребностей, то торговый класс не может при этом заработать для покрытия своих обязательств, или же торговля, доведенная наконец до уровня его скромных потребностей, вскоре погибнет, выродившись в простой товарообмен. Эта разорительная система установится во всей стране. Что мы будем делать с нашими кораблями? Торговля приняла мировой характер; мы не можем отнять ее ни у голландцев, ни у англичан, ни у других народов. Впрочем, поскольку мы уже не располагаем ни товарами для экспорта, ни деньгами, пользующимися доверием за границей, мы будем в конечном счете вынуждены отказаться от всякой торговли.

Мы все еще не задались вопросом, какова наша цель и какую систему торговли мы хотим установить. Я не думаю, чтобы вы намеревались жить подобно скифам или индейцам. Наши климаты и наши характеры не располагают ни к лени, ни к пастушеской жизни, а между тем мы идем, не замечая того, именно к такой жизни...

Пахарь, который не хочет класть бумажные деньги в свою кубышку, лишь скрепя сердце продает свое зерно. В любом другом деле, чтобы жить на доходы от своих изделий, приходится продавать. Пахарь, наоборот, ничего не покупает: его потребности не лежат в сфере торговли. Этот класс привык каждый год класть в копилку деньги, вырученные от продажи части продуктов земли. Ныне он предпочитает сохранять свое зерно, чем копить бумажные деньги. Следствием этого является то, что государственные денежные знаки не могут соизмеряться с самой значительной частью продуктов земли, которые скрыты, так как пахарь в этих знаках не нуждается и продает лишь часть продуктов, необходимую для внесения арендной платы.

Кое-кто здесь жаловался на роскошь пахарей. Я не сужу о том, хороша ли роскошь сама по себе. Но если бы мы были столь счастливы, что пахарь любил бы роскошь, ему пришлось бы продавать свое зерно, чтобы позволить себе излишества. **В вашей Республике будет необходима роскошь,** *или же такие насильствен-*

ные законы против земледельцев, которые погубят Республику.

...Стало быть, законодатель должен действовать так, чтобы пахарь расходовал или не отказывался копить бумажные деньги, чтобы продукты земли направлялись в торговлю и уравновешивали бумажные деньги. Надо уравновесить денежные знаки, продукты и потребности — в этом секрет управления экономикой... Страна поколеблена до самого своего основания. Война уничтожила стада. Раздел и распахивание нови в коммунах окончательно погубили их. Скоро не будет у нас ни вина, ни мяса, ни шерсти. Следует заметить, что голод дал себя особенно почувствовать после эдикта 1763 г.[53] то ли потому, что уменьшение поголовья скота способствовало уменьшению удобрений, то ли потому, что крайнее изобилие открыло путь для необдуманных хозяйственных начинаний. *Придет день, когда вы будете вынуждены поощрять пахаря к улучшению его земель и к разделению своих усилий между выращиванием хлеба и животноводством.* Не надо думать, что если часть земли отведена под пастбище, то остальной не хватит для удовлетворения наших потребностей; будет больше удобрений, и земля благодаря лучшему уходу за ней даст больший урожай. Мы покончим с торговлей зерном. У народа будут стада, чтобы кормиться и одеваться. Мы будем торговать кожами и шерстью. Тридцать лет назад мясо стоило 4 су фунт, сукно — 10 ливров, башмаки — 50 су; хлеб — 1 су фунт. Пастбища тогда не были распаханы. Впоследствии их распахали, и, если не брать момент этого преходящего кризиса за пример, в 1787 г. сукно стоило 20 ливров, мясо — 8 су, башмаки — 5—6 ливров, хлеб — 2,5 су фунт. Что выиграли мы от распашки пустошей и холмов? Мы повезли наши деньги в Голландию и Англию, откуда мы привезли кожи. Мы продали наше зерно, чтобы одеться, мы трудились только для Европы...

Вот каково наше положение: мы бедны, как испанцы, из-за изобилия золота и денежных знаков и недостатка продуктов в обращении. У нас уже нет ни скота, ни шерсти, ни изделий промышленности в торговле. *Трудоспособные люди находятся в армиях, и мы торгуем только с государственным казначейством, так что мы обращаемся вокруг самих себя и торгуем без выгоды.*

Если я не ошибаюсь, то, что сегодня стоит один экю, через полтора года, если мы не изменим систему, обойдется в 10 ливров. Будет отчеканено примерно на 200 млн. звонкой монеты. В эмиссии будут денежные знаки, представляющие все имущества эмигрантов. Недоимки по налогам будут возмещены эмиссиями ассигнатов, и вся сумма налогов будет в обращении вместе с денежными знаками, представляющими недоимки. Тогда народ возропщет у портика законодателей. Мятежная нищета расшатает ваши законы, фиксированные доходы будут сведены на нет. Само государство уже не обретет ресурсов в создании денежных знаков: они будут недействительны. Мы не сможем честно платить по нашим

долгам этими лишенными ценности денежными знаками. На что же мы сможем тогда надеяться? Тирания выйдет, отомщенная и победоносная, из лона народных восстаний».

Это самая пессимистическая речь, когда-либо произнесенная в Конвенте, и это мрачное пророчество исполнится в период, когда крайняя дискредитация ассигната, общая нищета и анархия проложат путь военной диктатуре. Конечно, Сен-Жюст намеренно сгущает краски, чтобы вовремя предупредить страну.

Но каковы средства исцеления? По-видимому, наиболее эффективным решением было бы прекратить войну возможно скорее, поскольку именно она пожирает ресурсы Революции. Сен-Жюст не осмеливается потребовать этого, или, вернее, он не смеет надеяться на скорое возвращение мира. Наоборот, он знает и говорит, что торговые нации, и они тоже, ждут только благоприятного случая, чтобы выступить против нас. Но, несомненно, он желает, чтобы революционное правительство, бдительное и сильное, было в состоянии вести переговоры и положить конец войне, которой Робеспьер не хотел с самого начала. А пока что надо прежде всего, чтобы война могла сама себя окупать.

«Если ваши армии завоевывают свободу для народов, то несправедливо, чтобы вы истощали себя ради этих народов: они должны облегчить бремя, лежащее на нашем государственном казначействе, и тогда у нас будет меньше расходов на содержание наших армий».

Опасное средство! Второе средство — поддержать стоимость ассигната, и это можно сделать двумя способами. Сначала надо укрепить общественное доверие, устранив навсегда всякую мысль, всякую попытку федералистского расчленения, ибо при наличии федерации провинций что станет с ассигнатом, этим центральным и национальным денежным знаком?

«Если бы — я не решаюсь сказать это — страна была расчленена, то всякий человек, придающий какое-либо значение зажиточности, задался бы вопросом, во что превратятся в его руках те фиктивные богатства, хождение которых будет ограничено. Вы поклялись сохранить единство, но ход событий выше этого рода законов, если они не будут подтверждены конституцией».

Но самое главное, необходимо ограничить эмиссии.

«Поскольку пороком нашей экономики является избыток денежных знаков, мы должны приложить усилия к тому, чтобы не увеличивать его еще более и не усугублять тем самым обесценения. Надо декретировать выпуск возможно меньшего количе-

---

53. Сен-Жюст имеет здесь в виду эдикт о распашке нови, освобождавший распаханные земли от налогов в течение 15 лет; это привело к сокращению пастбищ. В действительности было издано два эдикта в поощрение распашки нови: один в 1761 г., другой в 1766 г. Сен-Жюст дает здесь лишь приблизительную дату.

ства денежных знаков, которые нам понадобятся. Но чтобы достигнуть этого, надо уменьшить бремя обязательств государственного казначейства, либо передавая земли нашим кредиторам, либо используя для расчета краткосрочные обязательства, не создавая новых денежных знаков, ибо такой метод извращает экономическую деятельность и, как я уже доказал, вносит расстройство в обращение и в соразмерность вещей. Например, если вы продаете имущества эмигрантов, авансированная цена этих имений, которые сами по себе инертны, будет находиться в обращении и соразмеряться с продуктами, представляющими ценность в тридцать раз меньшую. Поскольку эти имения будут проданы очень дорого, продукты вздорожают соответственно, как это произошло с национальными имуществами, и вы всегда будете конкурировать сами с собой». [Попутно заметьте, что Сен-Жюст тоже констатирует, что национальные имущества продавались очень дорого.]

Я не знаю, какова была ценность предложенной Сен-Жюстом комбинации. Вероятно, кредиторы государства не приняли бы в уплату эти краткосрочные обязательства. А если бы приняли, то другая форма бумажных денег стала бы конкурировать с ассигнатами и перегрузила бы каналы обращения, как это позднее произошло с территориальными мандатами. Я не буду также оспаривать особых экономических тезисов Сен-Жюста. Рост цен, отмечаемый им после 1763 г., был, вероятно, вызван не сокращением пастбищ и животноводства, а общим подъемом экономической жизни и изобилием наличных денег. Но интерес его речи не в этом. Он заключается в той силе, в той четкости, с какими он поставил главный вопрос, поднявшись над частным вопросом о продовольственном снабжении:

«Вы должны решить, будет ли французский народ коммерсантом или завоевателем».

И что особенно важно отметить — это предчувствие приближающихся кризисов, это высокое осознание Сен-Жюстом всякого рода опасностей, угрожающих Революции, если она не будет единой, если она не будет действовать смело и решительно [54].

Глава девятая

*

РАЗДОРЫ МЕЖДУ ПАРТИЯМИ

Да, в то время еще не было никакой непреодолимой трудности, никакой смертельной опасности. Ни начинавшиеся финансовые затруднения, ни возраставшее нарушение экономического равновесия, ни роялистские заговоры, ни клерикальные происки не могли сломить или поколебать революционную силу, если бы она сама не раскололась на борющиеся друг с другом партии.

Но в первые же дни заседаний Конвента произошел бешеный взрыв фракционного духа. Ответственность за эти яростные схватки несет Жиронда. Она легко могла сыграть великую роль вдохновителя единения и действия. В стране в целом она одержала победу. Большинство Конвента составляли преданные ей люди. С самого начала он доверил ее людям образование бюро Собрания, пост председателя и секретариат [1].

Сами успехи, достигнутые в военных делах в сентябре, октябре и ноябре, казалось, доказывали правильность ее воинственной политики и прибавляли ей силы. Если бы Жиронда не злоупотребляла нелепо своим влиянием и оказываемым ей доверием, если бы она сблизилась с Дантоном, если бы она предоставила законное

---

54. В конечном счете Сен-Жюст высказался за свободную торговлю зерном. Он предложил также, чтобы поземельный налог платили натурой и вносили его в общественные зернохранилища. Об этой важной речи см.: Ch.-A. Michalet. Économie et politique chez Saint-Just: l'exemple de l'inflation.—«Actes du colloque Saint-Just. Sorbonne, 25 juin 1967». Paris, 1968, p. 151.

1. Первым председателем Конвента был Петион; секретарями: Кондорсе, Бриссо, Рабо де Сент-Этьенн, Верньо, Камю и Ласурс. («Moniteur», XIV, 5, заседание 21 сентября 1792 г.)

место в больших комиссиях, особенно в Конституционной, депутатам Парижа и демократам-робеспьеристам, то она мало-помалу погасила бы ненависть, смягчила бы печальные воспоминания о сентябрьских событиях и придала бы Революции несравненный порыв. В то время противники Жиронды представляли для нее опасность лишь в том случае, если она их преследовала. Робеспьер в то время не пользовался доверием. Его тесная связь с Парижской коммуной, чьи диктаторские замашки пугали или оскорбляли даже крайне левых демократов, делала его почти подозрительным в глазах огромного большинства Конвента. К тому же блестящие и опьяняющие успехи республиканских армий, казалось, опровергали его мрачные предсказания и осуждали его политику мира. В эти часы восторга Жиронда могла говорить: та война, которой мы хотели, избавила Францию от изменнической королевской власти и принесла силу свободы соседним народам. Итак, Робеспьер был вынужден перейти в оборону. И только ошибки его врагов могли вывести его из этого трудного положения, вновь выдвинуть на передний план Революции.

НОВЫЙ ПУТЬ МАРАТА

В Конвенте Марат был предметом некоего общего отвращения. Бодо, человек широкого ума и вовсе не любивший жирондистов, пишет в своих записках [2]:

«Имя Марата и воспоминание об этой личности внушают мне такое отвращение, что я избегал говорить о нем. Вообще одни видели в нем безумца, другие презирали его, но все отказывали ему в своей поддержке».

Гара, стараясь в своих мемуарах создать впечатление некоего равновесия между Жирондой и Горой, говорит о Марате с театральной резкостью [3]:

«Я видел, как там метался и бесновался человек, чье лицо цвета желтой меди придавало ему вид выходца из кровавых пещер людоедов или пылающей преисподней, чья судорожная походка, резкая, дергающаяся, обличала в нем одного из убийц, ускользнувших от палачей, но не от фурий, которые, по-видимому, хотят уничтожить весь род человеческий, дабы избавиться от страха, внушаемого им видом каждого человека».

Даже среди депутатов Горы Марат был одинок. Он признает, что те, кто наименее строги к нему, находят его чрезмерным и компрометирующим. Со всех сторон его убеждали проявлять умеренность и осторожность. И сам он в первые дни заседаний Конвента старался быть спокойным и не распространять на все Собрание свою подозрительную злобу и свои обвинения. В первом номере своего «Журналь де ла Репюблик франсез», после первого заседания Конвента, он пишет [4]:

«Затем Собрание перешло к формированию бюро и выбрало председателем мэра Парижа Петиона и секретарями — Камю, Кондорсе, Бриссо, Рабо, Ласурса и Верньо. Мыслящих людей, знакомых с интригами клики Гюаде — Бриссо, не удивит, что она сразу оказалась в бюро, страшное влияние которого хорошо известно. Что касается менее осведомленных читателей, я отсылаю их к письмам, которыми Гюаде, Бриссо, Верньо и Ласурс наводнили департаменты, дабы склонить собрания выборщиков в пользу Кондорсе и Сиейеса, не надеявшихся пройти в Париже, где их слишком хорошо знали. Мы не забыли, что именно этой клике, столь долго продававшейся Мотье [5], мы обязаны войной с объединившимися державами, гибельной беспечностью, поддерживаемой в нас обманчивым показом сил, которых у нас не было, слепым доверием к нашим коварным генералам и несчастьями, неизбежно за этим последовавшими.

Предоставляю моим читателям самим обдумать все это. *Однако пусть они не делают из этого вывод, что значительное большинство Национального Конвента плохое; я его считаю превосходным, несмотря на такое начало.* Конечно, оно могло быть вначале увлечено интриганами, но оно не замедлит открыть глаза и впредь пойдет твердой поступью по пути свободы, когда встанет вопрос об утверждении прав народа, об установлении царства справедливости и спасении отечества».

Так Марат следит за собой, сдерживает себя и даже заставляет себя хвалить Собрание, чьим первым действием было вознести жирондистскую клику в свое бюро. Он сам определенно возвещает, давая заголовок «Новый путь автора», что собирается смягчить свои нападки, сдержать свой гнев. Он сознает, что, если будет продолжать свою неумеренную полемику и свои кровожадные призывы, он станет подозрительным даже в глазах самых пылких патриотов. И вначале он ограничивается в еще большей мере, чем Робеспьер, оборонительной позицией.

«С тех пор как я посвятил себя служению отечеству, меня непрестанно осыпают оскорблениями, изливают на меня злобу. Но самым жестоким огорчением для меня было не то, что я стал мишенью

---

2. B a u d o t. Notes historiques sur la Convention nationale (publiées par Mme Vve Edgar Quinet). Paris, 1893, p. 150.
3. G a r a t. Mémoires sur la Révolution ou Exposé de ma conduite dans les affaires et dans les fonctions publiques. Paris, an III, p. 68. В другом месте Гара называет Марата «чудовищной тварью».
4. 25 сентября 1792 г. вместо «L'Ami du peuple» на такой же точно бумаге, с таким же шрифтом и оформлением выходит первый номер «Journal de la République française», «издаваемый Маратом, Другом народа, депутатом Национального Конвента». Заголовок: «Национальный Конвент. Мнение о начале его работ, изложение нового пути автора». [См.: Жан Поль Марат. Избранные произведения. Т. III, М., 1956, с. 146 и сл.— *Ред.*]
5. Лафайет.

для убийц, *а зрелище множества искренних, но легковерных патриотов, принимающих на веру коварные наговоры и жестокую клевету врагов свободы относительно чистоты моих намерений* и противящихся добру, которое я мог бы совершить. Долгое время мои клеветники изображали меня предателем, продающим свое перо всем партиям. Эти чудовищные измышления распространялись в столице и в департаментах в тысячах пасквилей. Они рассеялись, когда увидели, что я равным образом нападаю на все антинародные партии; ибо народ, чье дело я всегда защищал ценой своей жизни, никогда не подкупает своих защитников.

Я вырвал это смертоносное оружие из рук моих клеветников, но они перестали обвинять меня в продажности лишь для того, чтобы обвинять меня в бешенстве: трусы, слепцы, плуты и предатели объединились, чтобы изобразить меня *желчным безумцем*, брань, которой шарлатаны-энциклопедисты награждали автора «Общественного договора». Триста предсказаний важнейших событий Революции, подтвержденных действительностью, отомстили за эти оскорбления; поражения под Турне, Монсом, Куртре, убийство Дийона... Семонвиля *, эмиграция почти всех офицеров линейных войск, попытки отравления Суассонского лагеря **, последовательное смещение Мотье, Люкнера, Монтескью подтвердили все мои грустные предсказания, и безумный патриот прослыл пророком.

Что оставалось делать врагам отечества, чтобы лишить меня доверия моих сограждан? Приписать мне честолюбивые устремления, извратив мои мнения относительно необходимости военного трибуна, диктатора или триумвирата для наказания интриганов, находившихся под защитой Законодательного корпуса, правительства и судов, бывших до сих пор их сообщниками; или выставить меня как подставное лицо для клики честолюбцев, в действительности самых пламенных патриотов страны. Нелепые обвинения! Эти мнения лично мои, и я часто упрекал самых горячих патриотов за то, что они отвергали эту спасительную меру, неизбежную необходимость которой понимает каждый человек, знакомый с историей революций. Эта мера могла быть принята без всяких неудобств, если ограничить срок ее действия несколькими днями, а миссию исполнителей — вынесением не подлежащих обжалованию приговоров о наказании интриганов. Ибо никто в мире не возмущается более меня установлением произвольной власти, даже если она доверена самым чистым рукам на сколько-нибудь длительный срок. Впрочем, только руководствуясь любовью к родине, человеколюбием и гуманностью, я счел долгом рекомендовать эту суровую меру, которой требует спасение страны. Если я советовал отрубить пятьсот преступных голов, то для того, чтобы сохранить пятьсот тысяч невинных».

Чудовищное ребячество маратовского плана превотальной *** диктатуры бросается в глаза. Революция не могла, не подпадая

под иго самого ужасного деспотизма, предоставить, таким образом, одному человеку, хотя бы и на несколько дней, абсолютное и бесконтрольное право распоряжаться жизнью и смертью граждан. Каким образом нация, полностью отдавшая вот так свое существование в чьи-то руки, сможет затем вернуть его себе в назначенный ею день? Кровавая диктатура неизбежно сделает себя бесконечной! А если б в самом деле можно было установить для нее предел, ограничить ее несколькими днями, то какую пользу могла бы она принести? Это ребячество думать, что один человек, вооруженный мечом, сможет сломить все сопротивления, поразить все таящиеся в глубине сердец враждебные мысли.

Даже если бы ему удалось вырвать с корнем все скрытые силы контрреволюции, сам ход событий вскоре породил бы новые конфликты, новые трудности и Марату пришлось бы требовать учреждения нового военного трибуната. То, что Марат принимал за глубокую и смелую мысль государственного человека, было лишь детским бредом. Но важно то, что в это время он был обречен обороняться и, даже оправдывая эту жестокую меру, был вынужден объявить, что он от нее отказывается.

«Деспотизм разрушен, королевская власть упразднена, но их приспешники не уничтожены: интриганы, честолюбцы, предатели, заговорщики продолжают строить козни против отечества, у свободы все еще полчища врагов. Для того чтобы она восторжествовала, необходимо разоблачить их замыслы, раскрыть их заговоры, расстроить их интриги. Надо сорвать с них маски и подавить их в наших лагерях, наших секциях, наших муниципалитетах, наших директориях, наших судах, в самом Национальном Конвенте. *Как достигнуть этого, если между друзьями родины нет согласия, если они не объединяют своих усилий! Они все думают, что можно восторжествовать над недоброжелателями, не разделавшись с ними. Пусть так, я готов принять пути, которые защитники народа считают эффективными. Я должен идти вместе с ними.*

Любовь священная к отчизне, тебе я отдал свои бессонные ночи, свой покой, свои дни, все способности моей души. Ныне я приношу тебе в жертву мои предубеждения, мою вражду, мой гнев. Глядя на посягательства врагов свободы, на оскорбления, наносимые ими детям свободы, я подавлю, если смогу, в груди своей порывы негодования; я буду слушать, не впадая в ярость, рассказ о гибели

---

* Шарль Луи Юге, маркиз Семонвиль (1759—1835) — дипломат, друг Мирабо, при Наполеоне — член Государственного совета. У Марата в тексте здесь пропуск: «убийство Дийона... Семонвиля». — *Прим. ред.*

** В Суассонском лагере летом 1792 г. произошли заболевания из-за того, что в хлеб попали куски стекла (склад муки находился в помещении церкви, где выпали стекла). — *Прим. ред.*

*** Превотальные суды — специально учреждавшиеся чрезвычайные суды, приговор которых не подлежал обжалованию. — *Прим. ред.*

старцев и детей, зарезанных подлыми убийцами; я стану свидетелем происков предателей отечества, не призывая на их преступные головы меч народной мести.

Бог чистых душ, дай мне сил для выполнения моего обета! Никогда самолюбие или упрямство не воспротивятся во мне мерам, предписываемым благоразумием. Дай мне восторжествовать над велениями чувств, и если когда-нибудь порыв негодования увлечет меня чрезмерно, поставив под угрозу общественное благо, то пусть я умру от горя прежде, чем совершу эту ошибку».

ОШИБКА ЖИРОНДЫ

Чего стоит этот обет Марата и как долго он будет его блюсти, об этом можно догадаться хотя бы по примешанным к нему проклятьям [6]. Но наконец его друзья, те, кого он сам называет защитниками свободы, добиваются от него в то время отказа от всяких призывов к убийствам, отказа от той идеи кровавой диктатуры, которая до тех пор составляла всю его программу. В то время Марат сам уже не уверен ни в себе, ни в своих идеях, ни в своих методах. Он в ужасе от того, что подозрения вокруг него растут. Он задумывается над тем, не дал ли он своей манией военного трибуна или триумвирата желанный предлог Жиронде для страшного обвинения в стремлении к диктатуре и триумвирату, выдвинутого против Робеспьера, Дантона и его самого. И он бы погиб, если бы у Жиронды хватило мудрости и душевной широты, чтобы предоставить ему метаться в этих противоречиях и отречениях, если бы у нее хватило беспристрастия, чтобы не пытаться использовать против целой части Революции, против робеспьеристской демократии, против Парижа, против Дантона тот ужас, который внушал Марат. Но Жиронда в этот первый, решающий период деятельности Конвента думала только о том, как раздавить своих соперников. Ей было бы легко объединить почти все силы, ускорить суд над королем, подготовить посредством соглашения между всеми революционерами демократическую и народную конституцию, в которой сила власти была бы действительно орудием воли нации. Ей легко было бы дать армиям решающий импульс, установить при поддержке Дантона, страдавшего от анархии в органах администрации, порядок, слаженность и ответственность в канцеляриях военного министерства. И мощно вооруженная таким образом для борьбы, она могла бы следить за событиями и сдерживать их, выжидать удобный случай для заключения мира, ограничивать воинственную экспансию Франции, обезоруживать или разделять Европу своей очевидной умеренностью и своим бескорыстием и мало-помалу вернуть к внутренним начинаниям, источникам богатства и процветания, ту энергию Франции, которая бушевала и растрачивалась за границей.

Такая программа не требовала какой-либо сверхчеловеческой прозорливости. Она отвечала идеалу Кондорсе. Она также отвечала всему, что было лучшего, наименее личного и наиболее здорового в идеях Робеспьера и Сен-Жюста. Она была задумана Дантоном с величайшей четкостью. От Жиронды полностью зависело сформулировать эту программу и выполнить ее. Она смогла бы это совершить, если б она поднялась хоть на миг выше интересов партии, выше злобы, тщеславия и интриг. Но она предпочла всецело отдаться своему исключительному честолюбию, своей мелкой злобе, своей пустой спеси, своим ораторским клеветническим выпадам. В этом, на мой взгляд, и состоит ее великое историческое преступление. И она поплатится за это, ибо, подвергая опасности Революцию, она погубит саму себя.

Особенно пагубную роль сыграли Роланы и их друг Бюзо. Малейший беспорядок, происшедший в какой-либо коммуне Франции, был для Ролана поводом, чтобы выступить в Конвенте с жалобами и разоблачениями анархии. Самые ничтожные инциденты, которые могли быть разрешены или предотвращены Конвентом в обычном порядке, служили Ролану основанием для мелодраматических заключений. Между тем тактика, которой следовало придерживаться, была очень проста: Конвенту надо было приняться за работу, применить силу революционных законов к королю—изменнику и клятвопреступнику, противостоять угрозам извне, организовать Республику посредством разумных и всеобъемлющих законов, и он обрел бы тогда в своем единстве и в своих действиях достаточно силы для того, чтобы чрезмерные претензии Парижской коммуны мало-помалу отпали сами собой и были восстановлены соразмерность и равновесие всех сил Революции. Но нет: Ролан старается внести смуту в Конвент, разоблачая пред ним смутьянов. Он старается возбудить в нем недоверие к Парижу. «*Франция разрывается*, — пишет он Конвенту 23 сентября [7], — *все дезорганизовано; это крайне опасно. Неужели Париж, столько сделавший для блага страны, может стать причиной ее несчастий?*» Какие же факты дают основание для столь трагических слов, для этого набата тревоги? Ничего конкретного, ничего серьезного. На следующий день, 24 сентября, он всего лишь может указать на беспорядки в Шалоне на Марне. «Народные расправы, недавно вновь имевшие место в Шалоне на Марне [8], заставили бежать оттуда генерального прокурора-синдика департамента

---

6. 28 сентября 1792 г. Марат изобличает в своей газете «заговор, созданный бриссотистской кликой, и срывает маску с этой ужасной клики, желающей создать федеративную республику». Но 25 сентября Марат и Робеспьер подверглись бешеным нападкам Жиронды, обвинявшей их в стремлении к диктатуре.
7. «Moniteur», XIV, 26; «Archives parlementaires», LII, 110.
8. «Archives parlementaires», LII, 124.

и почтмейстера этого города. *Я не знаю, повинны ли они в каком-либо преступлении*, но преступлением является их бегство, ибо должно уметь умереть на своем посту».

Итак, из-за местного инцидента, не дожидаясь даже доклада о происшедшем, не зная ни причин волнений, ни в чем заключается ответственность бежавших должностных лиц, Ролан требует от Конвента репрессивных мер и террора! Послушайте еще и судите сами, какое безумие, какая губительная предвзятость руководит Жирондой. «Недавно задержание курьера на пути к армиям привело к тому, что депеши были доставлены с опозданием на 12 часов, несмотря на все предпринятые поспешные меры для исправления этой неуместной оплошности».

Вот как! Из-за того, что при проезде курьера у нескольких граждан возникло действительно неуместное и неловкое подозрение, из-за того, что под влиянием воспоминаний о бегстве в Варенн, всяких предательств короля, священников и дворян, раздраженные растущей эмиграцией аристократов, которые должны были пополнить ряды вражеских армий, эти граждане задержали курьера, полагая, что он везет подозрительные послания, из-за этого надо приводить в возбуждение Конвент, требовать жестоких мер, обвинять Париж! Ибо оказывается, с точки зрения Ролана и жирондистов, Париж должен нести ответственность за все волнения, даже самые отдаленные. Лишь потому, что Парижская коммуна ведет себя нагло, лишь потому, что она послала в провинцию комиссаров, лишь потому, что она распространила там дух анархии, лишь поэтому курьер был задержан несколькими мнительными гражданами. Париж распространяет «подозрительность», так пусть Париж будет под подозрением. Пока новые члены Конвента еще не прибыли в Париж, всячески старались при помощи газет Жиронды, статей Бриссо, тенденциозных прокламаций Петиона, сообщений Ролана Законодательному собранию, посредством его унылых афиш и элегических писем убедить новых избранников в том, что Париж превратился в притон разбойников.

На поверку, и с первых же дней, многим членам Конвента стало ясно, что в этих мрачных словах была большая доля преувеличения.

Прежде всего, в день, когда они впервые собрались, вопреки мрачным слухам, которые Петион охотно повторял, не произошло никаких покушений на членов Собрания, ни насилия, ни угроз. Член Конвента Леба писал на следующий день после своего прибытия в Париж своему отцу [9]: «Париж, 21 сентября, IV г. Свободы, I г. Равенства.— Мой дорогой отец, я прибыл сюда вчера в пять часов. Сразу же отправился на проверку моего мандата. Конвент образован... *Париж спокойнее, чем мне говорили.* Работы по сооружению лагеря около этого города продвигаются... Рвение, с каким граждане стремятся к границам, не ослабевает. Трудно составить себе верное представление об этом в нашем холодном краю».

Итак, члены Конвента, вместо того чтобы вступить в ад анархии, пламя которого не замедлит охватить всю Францию, нашли великий город упорядоченным и спокойным, пылающим только огнем патриотизма. Тогда Жиронда переменила тактику. Она стала пугать депутатов беспорядками, происходящими вдали, но являющимися отзвуком разлагающих действий Коммуны.

Чтобы не дать Конвенту время разобраться в том, что его обманывают, что намеренно и в интересах одной партии изображают все в черных красках, Ролан и его единомышленники оглушают Конвент с первых же дней жестокими предложениями. Мы только что видели доклад Ролана, полный инсинуаций и лишенный ссылок на факты. На этот жалкий доклад Жиронда откликается в Конвенте страшным словом: эшафот. Этому было бы трудно поверить, если бы налицо не было протоколов. Как только было зачтено письмо Ролана, на трибуну поднялся Керсен [10]: «Пора в самом деле привлечь внимание Национального Конвента к тем крайностям, насилиям, разбою, на которые департаменты жалуются каждый день. *Пора воздвигнуть эшафоты* для тех, кто совершает убийства, и *для тех, кто подстрекает к ним*... Народ мутят; его толкают к анархии — это последний удар наших врагов».

Удар был явно согласован между Жирондой и Роланами.

БЮЗО И ДЕПАРТАМЕНТСКАЯ СТРАЖА

Затем выступил Бюзо. Он вынес на трибуну мелочный педантизм Ролана и неистовую озлобленность его жены. Он сам был озлоблен и уязвлен. К концу работ Учредительного собрания он примыкал к крайне левой оппозиции вместе с Робеспьером. Вернувшись в безвестность и ничтожество своей провинции, он молча, гордо страдал.

Его мучила какая-то неосознанная ненависть к тем из своих политических коллег, чья известность, как, например, Робеспьера, продолжала расти. Желчный и жалкий романтик, он принимал смутные терзания своего тщеславия за мятежные порывы своей гордости. Эта болезненная одержимость самим собой ярко прорывается в его мемуарах [11]. Посредственный ученик Жан

---

9. L e b a s. Correspondance inédite... Paris, 1837. Леба (1764 — 10 термидора II г.) — адвокат в Сен-Поле, член администрации этого дистрикта в 1791 г., депутат Конвента от департамента Па-де-Кале. См. ниже, с. 518, прим. 125.
10. «Moniteur», XIV, 36, заседание 24 сентября 1792 г., после зачтения письма Ролана, сообщавшего об аресте курьера; «Archives parlementaires», LII, 124. Керсен (1742—1793) — капитан первого ранга, депутат Законодательного собрания от Парижа, а затем депутат Конвента от департамента Сена и Уаза.
11. B u z o t. Mémoires sur la Révolution. Paris, 1823. Жорес поль-

Жака, он перенял от него опасную склонность предаваться экзальтации в одиночестве, горестно упиваться собственной добродетелью.

«Рожденный с характером независимым и гордым, никогда не сгибавшимся ни перед чьим приказом, мог ли я примириться с мыслью о наследственном повелителе и неприкосновенном человеке? Ум и сердце мои были полны историей Греции и Рима, великих людей, прославивших своими деяниями в этих древних республиках род человеческий, и я с юных лет исповедовал их максимы. Я был вскормлен на их добродетелях. Молодость моя была почти дикой. Страсти, одолевавшие мое пылкое и чувствительное сердце, были бурными до крайности, но направленными исключительно к одной цели. Распущенность никогда не запятнала моей души своим нечистым дыханием... Я и сейчас с умилением вспоминаю ту счастливую пору моей жизни, которая уже никогда не вернется, те дни, когда я молча гулял по горам и рощам моего родного города [12], наслаждаясь чтением какого-нибудь сочинения Плутарха или Руссо... Порой, сидя на усыпанной цветами лужайке, в густой тени купы деревьев, я в сладостной меланхолии предавался воспоминаниям о радостях и горестях первых дней моей жизни».

В Учредительном собрании он страдал оттого, что не был на первом плане [13]: «Меня нельзя упрекнуть в зависти к той славе, которую мои коллеги из коммун приобрели в этом Собрании. Если бы я хотел заслужить блестящую репутацию, мне было бы достаточно продолжать то легкое и простое движение, которое я начал в Версале в первые дни Французской революции; однако я вскоре обрек себя на молчание, его причины бесполезно было бы здесь объяснять».

Я совершенно не знаю, что означают эти таинственные слова. Бюзо был знаком с г-жой Ролан с времен Учредительного собрания; был ли он уже тогда влюблен в нее? Был ли он уязвлен в своей любви тем, что Лантена и Банкаль [14] занимали тогда более значительное место в сердце любимой женщины? Так или иначе, от этого молчания, от этого длительного бездействия, от этого возврата в безвестность после нескольких часов блеска в нем осталась скрытая горечь, снедающая людей, полагающих, что они не выполнили своего предназначения, не показали, на что они способны. Поэтому он прибыл в Конвент с сердцем, исполненным трепета и нетерпения, которое неизбежно должно было все искажать. Как только он вновь встретил г-жу Ролан, как только в нем зародилась какая-то смутная надежда на взаимность, его любовная тревога и тревога его честолюбия слились воедино. Служа злобе и страстям г-жи Ролан, он облегчал муки уязвленной гордости своего сердца и приобретал симпатии любимой женщины. Но какая внезапная суровость! Какой вызывающий язык! Какое выставление напоказ своего «*я*»!

«Мы должны знать правду о положении в Париже, и, когда мои братья отправляются к границам, чтобы защищать отечество, я должен знать, какова та зыбкая почва, на которой я стою. Необходимо, чтобы какой-то комитет предложил вам закон против этих подлых людей, которые, одержимые ненавистью и жаждой *личной* мести, *могут заколоть меня кинжалом*, обманывая тот народ, который должен услышать мой голос, ибо я тот же, каким был в 1791 г.» [15].

В то время вся Жиронда одержима галлюцинацией кинжала. Между тем как молодой Леба, человек спокойного ума и трезвой души, отмечает, что Париж спокоен, Бюзо, совершенно потеряв хладнокровие, создает сам для себя, с яростью, в которой я чувствую надуманность и предвзятость, какие-то призраки ужаса и террора. Он пишет в мемуарах [16]:

«Итак, я уступил и отправился в Конвент. Но вскоре я стал подумывать, не вернуться ли мне в мое мирное уединение, такой ужас внушало мне гнусное зрелище города Парижа и Конвента».

Что же это за гнусное зрелище? Все это не более, как неистовая риторика слабой души, упорствующей из фракционного духа в своих собственных страхах, чтобы иметь возможность презирать и осуждать. И именно на основе таких преувеличенных и неопределенных впечатлений Бюзо, продолжая мысль Ролана, требует создания департаментской стражи, на которую будет возложена охрана Конвента [17].

«Перехожу теперь к подлинной сути вопроса. Бесполезно говорить об Уголовном кодексе; если мы не располагаем силой, достаточной, чтобы заставить соблюдать этот закон, то каково наше положение? Но эта сила, о которой я вам говорю, разве это не одно из тех средств, что были вам предложены министром внутренних дел, который вопреки всем клеветническим измышлениям, кои могут возводить на него, является тем не менее в моих глазах и в глазах отдаленных департаментов одним из самых порядочных и великих людей Франции? (*Продолжительные аплодисменты.*)

Я требую создания общественной вооруженной силы, посланной всеми департаментами; ибо я не принадлежу Парижу, я не при-

---

зуется изданием 1866 г. под редакцией А. Добана. Солидной биографии Бюзо не существует.

12. Бюзо родился в Эврё 1 марта 1760 г.
13. Бюзо был депутатом Генеральных штатов от третьего сословия бальяжа Эврё.
14. Банкаль Дезиссар (1760—1832)— депутат Конвента от департамента Пюи-де-Дом; Лантена (1754—1799) — депутат от департамента Рона и Луара. О целомудренных любовных увлечениях г-жи Ролан см. выше, с. 193, прим. 3.
15. «Moniteur», XIV, 39, заседание 24 сентября 1792 г.; «Archives parlementaires», LII, 126.
16. B u z o t. Mémoires..., p. 40.
17. См. выше, прим. 15.

надлежу ни одному из департаментов, я принадлежу Республике в целом. Таково мое желание, выраженное со всей силой, вопреки заявлениям тех, кто ведет разговоры о пруссаках и, я не знаю, о ком еще, я, мирно живший в своей провинции, закаляя свою сильную душу против всякого рода событий».

Наоборот, слабая душа, ибо истинно сильные души заняты более делами и менее самими собой... Это был серьезный акт: выражение недоверия Парижу. Это был зародыш гражданской войны между Парижем и Францией, и я отмечаю, что ни один из ораторов даже не попытался обосновать эти чрезвычайные меры конкретными фактами, какими-либо подготовленными покушениями на Конвент или призывами к ним. Воспоминания о сентябрьских избиениях, искусно используемые Жирондой, смущали умы. Да, Марат, этот ясновидящий, этот «пророк», был вполне прав, назвав эти меры, после того как он сам их рекомендовал, «пагубными». В тот момент эти меры искажали Революцию. Они давали жирондистской интриге тот кровавый призрак, в котором она нуждалась. И они позволяли ей продлить страх кошмара еще надолго после исчезновения опасности.

Под влиянием Жиронды Конвент принял в тот же день, 24 сентября, следующую резолюцию:

«Национальный Конвент декретирует, что будут назначены шесть комиссаров, на которых будет возложена обязанность: 1) представить отчет, в меру возможности, о положении в Республике, и в частности о положении в городе Париже; 2) представить законопроект, направленный против подстрекательств к казням и убийствам; 3) предложить средства придать Национальному Конвенту вооруженную силу, которая находилась бы в его распоряжении и была набрана в 83 департаментах» [18].

Таким образом, Жиронда брала реванш над Парижем и над Революцией за свои просчеты на выборах в Париже. Она бередила, растравляла раны, которые надо было бы заживлять. И Ролан, говоривший вначале, что надо набросить покров, теперь старался открыть широкое и злокозненное расследование о сентябрьских событиях с целью погубить Дантона, чей деятельный гений затмевал его. Пусть Революция сама себя растерзает, главное — отомстить за уязвленное самолюбие. Какая мелочность тщеславий, какая низость злобы!

На следующий день, 25 сентября, гроза опять разыгралась. Мерлен из Тионвиля заявил протест против принятого накануне декрета, он рассказал, что Ласурс говорил ему о какой-то диктаторской партии, существующей в Конвенте, и потребовал от Ласурса объяснений. Ласурс ответил в резких и неопределенных выражениях: разве установившийся несколько недель назад режим террора и убийств не является режимом диктатуры? Дантон, Робеспьер и Марат потребовали слова, чтобы объясниться наконец по поводу этих обвинений в диктатуре.

ДАНТОН, МАРАТ, РОБЕСПЬЕР

Дантон выступил первым. Его ясная речь, исполненная душевной широты, имела целью не столько защитить себя, сколько обезоружить злобу и положить конец соперничеству. Он отмежевался от Марата без злобной резкости и без анафемы [19]:

«Сегодня прекрасный день для нации, прекрасный день для Французской Республики, день братского объяснения в лоне этого собрания... Я готов воспроизвести перед вами картину моей общественной жизни. За истекшие три года я делал все, что полагал должным сделать для свободы. Во все время моего пребывания на посту министра я приложил всю силу своего характера и отдал Совету все рвение и всю энергию гражданина, пылающего любовью к отечеству. Если кто-либо здесь может меня упрекнуть в чем-то в этом плане, пусть он встанет и выступит. Правда, есть в парижской депутации один человек, чьи мнения являются для республиканской партии тем же, чем были мнения Руайу для аристократической партии,— это Марат.

Меня достаточно и слишком долго обвиняли в том, что я автор сочинений этого человека. Я сошлюсь на свидетельство гражданина, председательствующего здесь [Петиона]. Он, ваш председатель, читал угрожающее письмо, направленное мне этим гражданином; он был свидетелем стычки в мэрии между этим гражданином и мной. Но я объясняю эти преувеличения теми преследованиями, которым подвергся этот гражданин. Я полагаю, что подземелья, в которые он был загнан, ожесточили его душу... Верно, что отличные граждане могли быть чрезмерными республиканцами, это надо признать; но не будем обвинять целую депутацию из-за нескольких лиц. Что до меня, я не принадлежу Парижу, я принадлежу департаменту, к которому я всегда обращаю свои взоры с чувством удовольствия. Но никто из нас не принадлежит тому или иному департаменту — он принадлежит всей Франции в целом. Повернем же эту дискуссию на благо общественных интересов.

Бесспорно, нужен суровый закон против тех, кто хотел бы уничтожить общественную свободу. Ну, что же! Давайте примем его, этот закон. Примем закон, карающий смертью каждого, кто выскажется в пользу диктатуры или триумвирата. Но, заложив эти основы, гарантирующие царство равенства, давайте уничтожим тот фракционный дух, который нас погубит. Утверждают,

---

18. Бюзо представил по этому вопросу доклад 8 октября 1792 г.; «Moniteur», XIV, 153.
19. «Moniteur», XIV, 41; «Archives parlementaires», LII, 131; D a n t o n. Discours (édition critique par A. Fribourg). Paris, 1910, p. 195.

что среди нас есть люди, которые хотели бы раздробить Францию; покончим с этими абсурдными идеями, осудив на смерть их авторов.

Франция должна быть неделимой, она должна иметь единое представительство. Граждане Марселя хотят подать руку гражданам Дюнкерка. Я требую поэтому смертной казни для каждого, кто захотел бы нарушить единство Франции, и я предлагаю декретировать, что Национальный Конвент принимает как основной принцип правления, которое он установит, единство представительства и исполнительной власти. Не без трепета узнают австрийцы об этом святом согласии. Тогда, клянусь вам, наши враги умрут». (*Горячие аплодисменты.*)

Но как раз этого «святого согласия» Жиронда не хотела. Своими лояльными предложениями, двойным законом, направленным как против приписываемых одним проектов диктатуры, так и против федералистских проектов, приписываемых другим, Дантон осуществлял единство. Отмежевываясь от Марата, он обрекал его на изоляцию и делал его бессильным. Но Жиронда продолжала смертельную войну против всех своих соперников.

Бюзо резко ответил Дантону. Что пользы, сказал он, по существу, в принятии закона против диктатуры, если не принять также закона против средств ее подготовления? Таким образом, он хотел принятия ряда законов, тенденциозных и коварных: как будто не фракционная борьба вела к диктатуре и как будто, добиваясь единства, Дантон не гарантировал тем самым и свободу!

В свою очередь выступил и Робеспьер. Но он восстановил против себя Конвент, уже и так настроенный против него, пространностью своих личных объяснений. Он восхвалял свои добродетели, свою беспристрастность, сам выдвинул себя в первый ряд революционеров по силе вызываемой им ненависти. И всегда раздражающий припев: это я... это против меня... это для меня... Впрочем, он присоединился к предложениям Дантона [20].

Вероятно, ободренный весьма холодным и почти враждебным приемом, который Конвент оказал Робеспьеру, Барбару поднялся, чтобы уточнить обвинение [21]:

«Барбару, из Марселя, выступил, чтобы подписаться под выдвинутым обвинением. Мы были в Париже, сказал он, до и после 10 августа. Вы знаете, какой патриотический заговор был составлен с целью свержения трона Людовика XVI, этого тирана. Поскольку революцию совершили марсельцы, не удивительно, что за ними ухаживали различные партии, к сожалению раздиравшие тогда Париж.

Нас привели к Робеспьеру. Там нам сказали, что надлежит примкнуть к тем гражданам, которые приобрели популярность. Гражданин Панис назвал нам имя Робеспьера как добродетельного

гражданина, который должен быть диктатором Франции. (*Волнение и ропот.*)

Но мы ему ответили, что марсельцы никогда не склонят головы ни перед королем, ни перед диктатором. (*Горячие аплодисменты.*) Вот то, что я подпишу, и я ручаюсь, что Робеспьер этого не опровергнет».

Сколько шума по пустякам! Я весьма склонен думать, что Панис и в самом деле это сказал. Но какое это имеет значение? И достаточно ли неосторожных слов чрезмерно ревностного приятеля, чтобы обвинить человека в том, что он шел к диктатуре? В дни, предшествовавшие, равно как и в дни, последовавшие за 10 августа, смятение умов было велико. Не было больше никакой законной власти. И фактически стихийно возникла диктатура революционной силы.

Робеспьер, еще до 10 августа и когда он еще старался предотвратить насильственное движение, ставил вопрос: «А что будет делать народ без главы?»

Он писал тогда: «Эта великая перемена создаст повод для новых волнений. Стало быть, понадобятся твердые и умелые руки, чтобы держать руль и привести корабль государства в гавань. Какие кормчие его спасут?»

Возможно, что кое-кто из его фанатически преданных друзей истолковал эти слова как желание диктатуры. Возможно также, что кое-кто видел единственный выход в создании очень сильной революционной власти, где Робеспьер занимал бы важное место. Но между этим и обвинением Робеспьера в разработке плана диктатуры — целая пропасть. На самом деле он всегда выступал за мирную и законную политику, исключавшую, стало быть, всякую диктаторскую власть. До 10 августа он верил в то, что Собрание может законными средствами, конституционным путем, спасти свободу родины. А когда ему наконец стало ясно, что революционное движение неизбежно, он настаивал на немедленном созыве избранного народом Национального Конвента. Что был момент, когда он надеялся при помощи Парижской коммуны оказать мощное воздействие на сами выборы и на новое Собрание, это я допускаю, и только этим я объясняю себе чудовищное обвинение, брошенное им Жиронде в страшную ночь со 2 на 3 сентября [22]. Но это было следствием потрясения, вызванного событиями 10 августа, и если осуждать порожденные этими событиями движе-

---

20. «Moniteur», XIV, 42, заседание 25 сентября 1792 г.; «Archives parlementaires», LII, 132; M. Robespierre. Discours..., IX, 13. Робеспьер вызвал нетерпение Собрания: «Некоторые члены выражают нетерпение; раздается голос: „Кончайте!"» («Journal des débats et décrets», № 6, p. 80.)
21. «Moniteur», XIV, 46, заседание 25 сентября 1792 г.; «Archives parlementaires», LII, 135.
22. См. выше, с. 89.

ния и комбинации, то пришлось бы осудить и само 10 августа. Робеспьер теперь заплатил этими ложными обвинениями в диктатуре за отвратительную мечту убийственного честолюбия, которой он увлекся на мгновение, в вихре сентябрьских неистовств.

Панис поклялся, что утверждение Барбару неверно.

«Свидетельствую под присягой, что я не сказал Барбару ни единого слова, которое не относилось бы к перемещению марсельцев, и что я никогда не говорил ему о диктатуре. Откуда мог он вывести подобное обвинение? Кто его свидетели? — *Ребекки*: Я, сударь.— Вы его друг, я вас отвожу» [23].

Вероятно, Панис не сохранил в памяти все те мысли, которые бродили у него в голове в те страшные дни. Но еще раз, к чему могла привести Жиронду подобная система обвинения? Ни к чему или к осуждению самой революции 10 августа. И в обоих случаях она губила себя.

МАРАТ ЗАЩИЩАЕТСЯ

Наконец выступил Марат, нисколько не смущаясь и не страшась бури презрения и ненависти, грозы гнева подлинного и притворного [24]. С самого начала депутаты хотели стащить его с трибуны.

«Итак, у меня в этом собрании много личных врагов? — Все, все! — Если у меня в этом собрании много личных врагов, да будет им стыдно».

И он стал защищаться или, вернее, прославлять все свои речи, все свои действия. Но обычно столь скорый на обвинения и на призывы покарать мечом, он выступил в защиту свободы мнений.

«Я изложил свои взгляды публично, представив их на суд читателей. Если они опасны, мои враги должны были их осудить, опровергнув их с помощью серьезных доводов, а не предавая меня анафеме. Они должны были уничтожить их гибельное влияние, опровергая их, а не занося над моей головой меч тирании...

К тому же мое мнение относительно триумвирата и трибуната изложено в произведениях, мною подписанных, печатавшихся и распространявшихся публично в течение почти трех лет, и только сегодня вздумали превратить их в преступление против нации. Почему же так долго ждали?»

И он берет на себя ответственность за сентябрьские события:

«А затем, в чем вы меня упрекаете?

При виде козней, при виде измен, которыми родина была беспрестанно окружена, при виде жестоких заговоров вероломного двора, при виде тайных интриг изменников, окопавшихся в лоне Учредительного собрания, наконец, при виде пособников деспотизма, заседавших в Законодательном собрании, я предложил единственное средство, которое, как я надеялся, могло нас удержать

на краю разверзшейся перед нами пропасти. Что же, вы это хотите вменить мне в преступление? Когда установленные власти служили лишь тому, чтобы сковывать свободу, чтобы во имя закона убивать патриотов, вы хотите вменить мне в преступление, что я призывал на головы изменников секиру народного мщения? Нет, если бы вы вменили мне это в преступление, народ опроверг бы вас. Ибо, прислушавшись к моему голосу, он понял, что предлагаемое мною средство — единственное средство спасения отечества. И, став сам диктатором, он сумел избавиться от изменников».

Итак, он берет на себя ответственность за сентябрьские избиения, уверенный в том, что она сольется с ответственностью самого народа. И здесь выявляется все чрезвычайное легкомыслие Жиронды. Зачем было затевать эти дебаты и выдвигать такие обвинения, если нельзя идти до конца? А Жиронда не могла идти до конца. Она не могла ясно и прямо осудить сентябрьские избиения, потому что опасалась, как бы цепь революционных событий не привела ее к осуждению 10 августа. Сам Верньо, отвечая Марату и зачитав страшный циркуляр Комитета общественного спасения Коммуны, старается провести различие между властями, которые не должны были бы советовать устроить резню, и народом, который нельзя обвинять в том, что он ее совершил [25].

«*Что народ,* — сказал он, — *выведенный из терпения рядом измен, поднялся наконец и решительно отомстил известным врагам своим, в том вижу я только акт сопротивления угнетению. И если при этом он впадает в некоторые крайности, выходящие за пределы правосудия, то я вижу в том только преступление тех, кто своими изменами толкнул его на эти крайности.*

Но что люди, облеченные общественной властью, по самому характеру своих функций обязанные говорить с народом на языке закона и удерживать его всеми доводами разума в границах правосудия, что эти люди проповедуют убийства, восхваляют их, это представляется мне непостижимой степенью извращенности».

Так что же? Стало быть, уже все сводится к вопросу формы? Народу простительно, но его должностные лица именно потому, что они должностные лица, виновны? А что ответил бы Верньо, если бы ему сказали, что в периоды спокойствия должностные лица народа действительно являются стражами закона, но во

---

23. «Moniteur», XIV, 48; «Archives parlementaires», LII, 136.
24. «Moniteur», XIV, 49; «Journal de la République française», 29 septembre 1792, «Речь Друга народа, произнесенная 25 сентября 1792 г. с трибуны Национального Конвента». [См.: Жан Поль Марат. Цит. соч., т. III, с. 157 и сл. — *Ред.*]
25. «Moniteur», XIV, 51. О циркуляре Наблюдательного комитета Парижской коммуны см. выше, с. 94, прим. 58.

время революционных событий и когда сами должностные лица выдвинуты Революцией, они являются только высшим выражением страсти и силы народа? Бездонные пропасти, которые никто не в силах был засыпать и которые вовсе не надо было разверзать. Своими бессмысленными нападками Жиронда добилась неожиданного результата: Марат и Верньо оказались согласными в том, что сентябрьские избиения должно восхвалять или по крайней мере оправдать. Нет, была только одна правильная политика: набросить покров, как первым выразился Ролан и как повторил за ним Верньо, и повернуться лицом к будущему.

Марат, самой смелостью своего выступления выявив, что Конвент не в силах осудить сентябрьские избиения, очень ловко начинает как бы частично отмежевываться. Несмотря на все, он ощущает тяжесть этих дней избиений, и, после того как он с известного рода бравадой взял на себя ответственность за них, он как бы отделяет себя от них.

«Францию спасли кровавые события 14 июля, 6 октября, 10 августа, 2 сентября... О, почему они не были направляемы искусными руками!

Я сам содрогался при виде буйных и беспорядочных движений народа, при виде того, как они продолжаются; и, для того чтобы они не были всегда напрасными, чтобы не приходилось их вновь начинать, я потребовал назначить честного гражданина, мудрого, справедливого и твердого, известного своей пылкой любовью к свободе, для руководства этими движениями и для того, чтобы заставить их служить общественному благу. Проследите по моим писаниям: только с этой целью я предлагал, чтобы народ назначил себе диктатора или военного трибуна».

Итак, именно для того, чтобы умерить расправы, он предлагал избрать диктатора смертоубийства; и могла ли Жиронда, которая не смела, не могла осудить сентябрьские избиения, могла ли она заклеймить комбинацию, задуманную Маратом, чтобы их сдержать? Право же, не было никакого другого выхода, кроме общей амнистии и молчания. Но Марат под тем предлогом, что народные движения искажаются их беспорядочностью и губят себя вследствие их анархии, начинает вдруг отмежевываться от сентябрьских событий! Несколько позднее, как я отмечал выше, он усилит свое порицание и будет уже говорить только о пагубных событиях сентября. И наконец, он дойдет до того, что сам себя убедит в том, что эти мрачные события — дело рук контрреволюции. По крайней мере в своем номере от 17 ноября он напишет: «*После того как множество контрреволюционеров спровоцировало избиения в тюрьмах, дабы похоронить в вечной ночи забвения кое-кого из своих сообщников, находившихся там в заключении*, многие из них, опасаясь, как бы те, кто сумел ускользнуть от расправы, не заговорили и как бы их собственные махинации не были разоблачены, думали только о том, как сбежать».

Итак, эволюция завершена: налицо полное отречение. Похоже на то, что Марат забыл чудовищную статью от 19 августа, в которой он призывал народ истребить заключенных в Аббатстве [26]. Он начал с того, что, как корректный государственный человек, выражал свое глубокое огорчение по поводу беспорядка, который внес народ в исполнение этих казней, да и виновных он распознал неточно: как будто Марат мог предполагать, что спровоцированные им убийства будут осмотрительными и прозорливыми! Затем, без каких-либо объяснений и как бы осуждая их в целом, он говорит о пагубных сентябрьских событиях и наконец разоблачает их как дело контрреволюции. Какое трусливое и низкое отречение! Я не знаю приговора более сурового сентябрьским событиям и самому Марату. Единственное оправдание этих избиений заключалось в их революционной необходимости. Но если они оказались пагубными из-за того, каким образом они были совершены, а они не могли быть совершены иначе, если они даже сыграли на руку контрреволюции и если, как выясняется, они были делом ее рук, то какое же оправдание остается жалкому пророку убийства, оказавшемуся в конечном счете, по собственному его признанию, всего лишь забрызганным кровью простофилей? Так имманентная справедливость покарала советчика убийств; и будь у Жиронды какая-то ясность ума и какая-то душевная широта, не будь она так увлечена своим злопамятством и ненавистью, она бы выждала время, когда неизбежное восстановление нормальной жизни и нормального умонастроения вскоре сделало бы Марата, обреченного клеймить самого себя, предметом всеобщего отвращения.

Но Жиронда хотела поразить не одного Марата: за ним, рядом с ним она хотела поразить Робеспьера и Дантона, расширить кровавый ореол с тем, чтобы охватить и эти ненавистные головы. Жалкий расчет, ибо с первой же схватки сам Марат ускользнул от их бешеных и неуверенных наскоков. Правда, на том же заседании против него было предпринято еще одно, последнее усилие. Депутат Буало зачитал Конвенту статью, в которой Марат призывал народ окружить Конвент, установить над ним постоянный угрожающий надзор и заканчивал двусмысленным призывом к избиению: «О народ-пустомеля, если бы ты умел действовать!» [27] Статья эта появилась несколькими днями ранее, и Марат успел уже написать другую, цитированную мною выше, в которой он

---

26. См. выше, с. 40.
27. «Moniteur», XIV, 51, заседание 25 сентября 1792 г.; «Archives parlementaires», LII, 140. Буало зачитал листовку «Марат, Друг народа, к г-ну Жерому Петиону, мэру Парижа» (20 сентября 1792 г.), воспроизведенную в «Ami du peuple» 21 сентября. Буало (1751—1793) — адвокат, прокурор коммуны Аваллон, затем мировой судья там же, депутат Конвента от департамента Йонна, был предан суду вместе с жирондистами, приговорен к смертной казни и казнен 31 октября 1793 г.

возвещал «новый путь» и отрекался от всякого насилия [28]. Депутат Буало, конечно, не счел нужным зачитать ее. Марат попросил одного из секретарей сделать это [29], и таким образом, прикрытый своей новоиспеченной умеренностью, он ускользнул от удара. Нападение Жиронды сорвалось.

Марат в номере газеты от 28 сентября ликовал по поводу этого заседания. Он сдержанно выразил свое неудовольствие Дантоном, который его дезавуировал:

«Дантон появляется [на трибуне] не для того, чтобы отбить атаки клеветников, не для того, чтобы расстроить их козни и высмеять их обвинения, а для того, чтобы дать отчет о своей политической деятельности, торжественно декларировать свою любовь к равенству, защититься от обвинения в том, что он был подстрекателем листовок и сочинений Марата, этого Руайу Революции [вследствие забавной опечатки в тексте напечатано: noyau (ядра) Революции], призвать в свидетели в этой связи председателя собрания и т. д.».

И он заключает следующими строками апофеоза:

«И среди этого чудовищного возбуждения я поднимаюсь на трибуну. Вы, добрые и справедливые люди, знающие сердце Друга народа, мотивы, неизменно водившие его пером, его чистую преданность отечеству, вы уже дрожали от страха увидеть, как невинность будет принесена в жертву ярости банды варваров, вы уже дрожали от страха увидеть, как вашего самого пламенного защитника повезут на казнь как жестокого злоумышленника; вы уже представляли себе, как на него обрушивается меч тирании, его мертвенно-бледную голову в руках палача, показывающего ее толпе, введенной в заблуждение ложью, и аплодисменты его жестоких убийц. Успокойтесь. Спокойный среди них, сильный своей чистой совестью, полагаясь на справедливость своего дела, на свое неукротимое мужество, на справедливость большинства членов Конвента, на здравый смысл трибун, на несокрушимую силу истины, он с улыбкой, без страха смотрел, как бесновались его враги, вполне уверенный в том, что приведет их в замешательство и выйдет победителем из этой опасной борьбы» *.

То Жиронда доставила Марату этот своего рода триумф. Но в конечном счете победа Марата была лишь видимостью: он начал отрекаться от сентябрьских событий, ему пришлось взять на себя перед Конвентом, так сказать, обязательство отречься от своего метода насилия. Он спасся лишь тем, что сам от себя отрекся наполовину. И он вынужден был констатировать, что Дантон отверг его.

ЖИРОНДА И ЯКОБИНЦЫ

От одной Жиронды зависело соединиться с великим патриотом и революционером и свести на нет маратистскую политику. Но она предпочла продолжать, хоть и непоследовательно и безо всякого

плана, повинуясь лишь своим прихотям и злобе, свою безумную политику. За несколько недель она совершила столько ошибок, что растеряла почти все доверие, которым пользовалась у непредубежденных депутатов. Начать с того, что вследствие присущего ей духа котерии, вкуса к тайным и узким собраниям, где ей не приходилось опасаться возражений или оскорблений и где она вынашивала секретные планы [30], она сочла ненужным оставаться в Якобинском клубе или, во всяком случае, энергично действовать там. Она располагала еще там ко времени открытия Конвента серьезной опорой. Она могла бы сохранить эту опору, если бы не утеряла контакт с общественным мнением, с парижской демократией. 24 сентября на заседании в Якобинском клубе председательствовал Петион. И когда Фабр д'Эглантин резко выступил против Бюзо и его проекта резолюции относительно департаментской стражи, его грубо оборвали [31].

«Сколько же бед может причинить эта призываемая из департаментов стража! (*Ропот.*) Какая опасность возникнет, если вокруг каждой депутации соберутся эти силы и Париж захочет постоять за свою. (*Сильнейший ропот.*) Не будет ли это зародышем гражданской войны?» Барбару, наоборот, вызвал аплодисменты [32]: «Восемьсот марсельцев находятся на пути к Парижу и прибудут со дня на день. (*Аплодисменты.*) Марсель, предвидевший все хорошие декреты, упразднивший королевскую власть за четыре месяца до того, как это было сделано, предвидел также и тот хороший декрет, который Конвент собирается принять. Конечно, я был весьма удивлен, услышав, как Фабр, коего я полагал в какой-то мере патриотом, приводит против этого декрета рассуждения, тождественные тем, какие парижский штаб выдвигал против создания лагеря в 20 тыс. человек.

Как бы там ни было, марсельцы подходят: *этот отряд состоит из людей, совершенно независимых по своему имущественному положению*; каждый человек получил от своих отца и матери два пистолета, саблю, ружье и ассигнат в тысячу ливров. Они идут в сопровождении кавалерийского отряда в 200 человек помочь своим славным парижским братьям обеспечить царство равенства и братства». (*Продолжительные аплодисменты.*)

Итак, большинство якобинцев в то время приветствовали сосредоточение в Париже департаментских революционных сил. Они приветствовали это даже тогда, когда Барбару ясно сказал, что

---

28. См. выше, с. 440, прим. 4.
29. «Moniteur», LII, 51.
* См.: Жан Поль Марат. Избранные произведения. Т. III, М., 1956, с. 150—157.
30. Жирондисты собирались у г-жи Ролан или у Верньо, а именно в роскошном салоне г-жи Доден, вдовы генерального откупщика, на Вандомской площади, или еще у Валазе.
31. «La Société des Jacobins», IV, 332.
32. Ibidem, IV, 335.

это силы буржуазные, что это сыновья богатых семейств. Они требовали лишь одного: чтобы эти патриоты, идущие со всех концов Франции, о чем ловко сказал Барбару в конце своей речи, не питали систематической вражды к Парижу. Стало быть, Жиронда не столкнулась бы с самого начала в Якобинском клубе с сильным оппозиционным течением и с нетерпимым недоверием. Но она мало бывала у якобинцев. Она предпочитала таинственные сборища, где завязываются интриги. Она надеялась, что у якобинцев скоро воцарятся пустота и молчание, что депутаты не станут больше ходить туда, одни из-за приверженности к жирондистской политике, другие потому, что их отталкивала грубость тона и языка некоторых якобинцев, зараженных властным духом Коммуны.

Реаль, председательствовавший на заседании 30 сентября, жаловался на то, что члены Конвента мало посещают клуб [33]:

«Почему в этом собрании так мало членов Конвента, хотя оно должно было бы объединить их всех? Говорят о каком-то собрании депутатов, которые собираются где-то, чтобы договариваться между собой не на виду у народа. Я не боюсь сказать им, что такие сборища вредят общественному благу. Ибо когда действительно хотят блага народу, когда называют себя его друзьями, то на глазах у него и обсуждают, каким образом можно принести ему пользу».

И Бурдон ответил [34]: «Я далек от того, чтобы одобрять депутатов, собирающихся в других местах, а не здесь. Но хотя я и считаю важным для общественного блага, чтобы они посещали это общество регулярно, я должен сказать обществу, что многих депутатов отталкивает от него тот беспорядок, который царит на его заседаниях и который они увидели при первом же посещении, беспорядок, порождаемый властным духом некоторых членов общества, добрых патриотов, но мало просвещенных, которые желают, чтобы их мнения, и только их мнения, были здесь выслушаны, и этот властный дух еще поддерживается некоторыми завсегдатаями трибун для публики... После того, что я высказал, я надеюсь, что все мои коллеги, сознавая безотлагательную необходимость сплоченности, будут посещать общество усердно и ревностно».

Калон выступил и сказал [35]: «Полагаю, что смогу рассеять все тучи, которые как будто собираются над обществом, именуемым *«Собрание»*, сообщив вам, что оно недавно приняло решение присоединиться целиком к якобинцам и образовать с ними единое целое». (*Всеобщие аплодисменты.*)

Таким образом, Якобинский клуб опять становился крупной силой, но силой несколько неуверенной и неопределенной, не связавшей себя исключительно с какой-либо одной партией, и Жиронда могла бы опереться на эту силу, проводя широкую и последовательную политику. Но жирондисты (я говорю о вождях, о руководителях) не хотели встречаться с той парижской депутацией, которую они задумали погубить, обвиняя ее почти всю целиком

в анархии и убийствах, эти же обвинения они возобновили против Марата. Они не хотели выработать план общей политики с парижскими демократами, к которым они питали со времени выборов непримиримую злобу. Они не хотели переговоров с Дантоном из страха быть увлеченными в русло его сильной мысли, примирительной и активной. И, движимые пустым и злобным высокомерием, они отмежевывались от самых пламенных сил Революции.

И какой грубой тактической ошибкой было проявлять в то время, когда они выдвинули предложение о создании департаментской стражи, свой дух котерии и исключительности! Депутаты, лишенные предрассудков и предубеждений, сразу же должны были сказать себе, что создаваемая таким образом департаментская стража будет служить не Конвенту, а некой партии, господствующей в Конвенте, узкой, эгоистической и тщеславной. 11 октября, когда Конвент назначил девять членов Конституционного комитета, он выбрал под влиянием Жиронды следующих лиц: Сиейес, Томас Пэн, Бриссо (которого вскоре заменил Барбару), Петион, Верньо, Жансонне, Барер, Дантон, Кондорсе. Это был почти исключительно «роландистский» комитет. В нем не было предоставлено ни единого места сторонникам Робеспьера, и Дантон был там изолирован. Он искал опоры у якобинцев, и на заседании 14 октября [в Якобинском клубе.— *Ред.*], где он председательствовал, на том самом заседании, где он обнял Дюмурье, он сказал [36]: «Я не сомневаюсь в том, что общество создаст вспомогательный Конституционный комитет». Так Жиронда из-за своего узкого мышления превращала во враждебные те великие силы демократии, центром которых был Дантон. И эти силы организовывались.

Происходивший в умах процесс охлаждения и рост недоверия к Жиронде, суетливой, честолюбивой и самодовольной, любопытнейшим образом проявляется в одной речи Кутона. Больной, калека, он жил почти вне партий. И было очевидно, что вначале он питал лишь слабые симпатии к Марату и деятелям Коммуны. Столь же очевидно, что, если бы не расчеты и исключительные претензии Жиронды, он бы охотно примкнул к ней, дабы обеспечить Конвенту, как национальной и центральной власти, законное главенство, ограничить деятельность Парижской коммуны

---

33. Ibidem, IV, 452.
34. Ibidem, IV, 352. Текст не позволяет уточнить, идет ли речь о Бурдоне из Уазы (1761—1798), депутате Конвента от департамента Уаза, или о Леонаре Бурдоне (1751—1807), депутате от департамента Луаре.
35. «La Société des Jacobins», IV, 352. Калон (1726—1807) — инженер-картограф, администратор департамента Уаза в 1790 г., депутат Законодательного собрания, затем Конвента.
36. «La Société des Jacobins», IV, 386.

более узкими рамками и мало-помалу, только благодаря единению и энергии, прекратить насильственные движения и призывы к расправам той части населения, которая прониклась маратистским духом. Но также очевидно, что в течение нескольких дней все проекты Жиронды стали в его глазах подозрительными и даже ненавистными, поскольку они таили множество задних мыслей.

«Граждане,— сказал Кутон, выступая в Якобинском клубе 12 октября [37], то есть на следующий день после того, когда Жиронда, злоупотребляя своим влиянием на молодой, еще неискушенный Конвент, захватила в свои руки Конституционный комитет, а тем самым, казалось, и само будущее Революции,— граждане, никогда у подлинных друзей благоденствия и суверенитета народа не было большей надобности объединиться. Не надо скрывать от себя, что в Конвенте существуют две партии и, поверьте старому человеку, хотя и молодому республиканцу, *одна партия состоит из людей крайних принципов, которые, располагая лишь слабыми средствами, устремлены к анархии.* Другая партия состоит из людей хитрых, ловких, интриганов и, главное, крайне честолюбивых. Эти последние хотят Республику. Они хотят ее потому, что общественное мнение высказалось в этом духе. Но они хотят создать аристократию, они хотят увековечить свое влияние, иметь в своем распоряжении посты, должности и особенно богатства Республики; и разве не имеем мы тому уже тысячи доказательств? Посмотрите на государственные посты, они все сосредоточиваются у этой партии. *Взгляните на состав Конституционного комитета, это особенно открыло мне глаза.* Именно на эту партию, которая хочет свободы только для себя, надо обрушиться всей силой. Для этого, граждане, надо, чтобы люди, действительно чистые, честные, твердые, приняли такое решение, а затем собрались бы, но где? Здесь, дабы договориться о средствах борьбы... Первое, что надо сделать,— это воспрепятствовать принятию проекта создания так называемой стражи безопасности Национального Конвента, *проекта, который комиссия представила с полным на то основанием. Поначалу я сам одобрил его, этот проект,* потому что полагал, что он создаст новые узы братства между департаментами и будет направлен к утверждению единства Республики. *Но состав Конституционного комитета открыл мне глаза. Теперь я уже вижу в этом проекте только план создать ядро боевой силы.* В самом деле, сейчас требуют всего только 4500 человек, но можно обмануть народ, устроить кое-где волнения и получить согласие Конвента на увеличение этой силы на десять, двенадцать, пятнадцать, тридцать тысяч человек. *Тогда эта партия будет располагать средствами останавливать обсуждения или воздействовать на них по своему усмотрению.* Суверенитет народа будет уничтожен, и мы увидим возникновение аристократии должностных лиц... Я прошу моих коллег по Конвенту собираться здесь, чтобы договориться о мерах борьбы с той партией; я ничего не опасаюсь для себя, но я опасаюсь всего,

что может грозить отечеству. Мы должны избавиться от этих интриганов, в которых все несчастье Республики». (*Аплодисменты.*)

А ведь за двенадцать дней до этого в Якобинском клубе приветствовали Барбару. Всего за несколько дней до этого Кутон сам аплодировал проекту Бюзо. Но за эти две недели стало ясно, что департаментская стража была, в замыслах Жиронды, орудием смертельной войны против Парижа, отвратительным оружием честолюбия и гражданской войны. С неуклюжей наглостью, которую он принимал за героизм, Бюзо признавал, выставлял напоказ эту политику реванша и ненависти к Парижу.

СЕКЦИИ ПАРИЖА И ГОЛОСОВАНИЕ ПУТЕМ ОТКРЫТОЙ ПОДАЧИ ГОЛОСОВ

Между Конвентом и несколькими парижскими секциями возник конфликт. Парижская коммуна требовала проведения выборов в директорию департамента и в муниципалитет открытой подачей голосов [38]. Ей казалось, что таким образом, под надзором самых пылких сил народа избиратели выберут тех, кто наиболее отвечает желаниям Коммуны. Конвент требовал тайного голосования. Многие секции протестовали против этого. Секция Бют-де-Мулен объявила 5 октября, что «выборы открытой подачей голосов единственно достойны свободных людей и республиканцев» [39]. 7 октября секция Болота провела выборы открытой подачей голосов. Секция Гренельского фонтана обратилась к Конвенту с просьбой отменить декрет, запрещающий проведение выборов открытым голосованием [40].

Секция Гравилье выражает у барьера Конвента такое же пожелание и заявляет, «что она не потерпит, чтобы на смену монархическому деспотизму пришел сенаторский деспотизм» [41]. Любопытная вещь: в то время как в наши дни, спокойные дни соблюдения законности, пролетарии главным образом озабочены обеспечением абсолютной тайны голосования как условия их полной свободы,

---

37. «La Société des Jacobins», IV, 380.
38. По вопросу открытой подачи голосов, характерной для политической практики народных собраний, см.: А. Собуль. Парижские санкюлоты во время Якобинской диктатуры. М., 1966, с. 286. Принятый Конвентом 19 октября 1792 г. избирательный закон предписывал тайное голосование. Секции протестовали, озабоченные революционным надзором. См. также: E. Mellié. Les sections de Paris pendant la Révolution française. 21 mai 1790—19 vendémiaire an IV. Organisation. Fonctionnement. Paris, 1898, p. 68; этой работы Жорес здесь и придерживается.
39. E. Mellié. Op. cit., p. 68.
40. «Moniteur», XIV, 144; «Archives parlementaires», LIII, 389; E. Mellié. Op. cit., p. 69.
41. «Moniteur», XIV, 147, заседание 7 октября 1792 г.

в конце 1792 г. Парижская коммуна, казалось, видела в открытом голосовании одно из средств осуществления «диктатуры пролетариата», если говорить языком Маркса. Некоторые секции попытались даже организовать коллективное выступление. 5 октября секция Пантеона послала депутацию в секцию Арсенала, предложив ей выдвинуть двух делегатов с тем, чтобы они, собравшись с делегатами других секций, образовали клуб в Епископстве и обсудили кандидатуры, которые следует выдвинуть на выборах, да, вероятно, и самый порядок выборов (см. Мелльe [42]). Это первая идея, зародыш клуба в Епископском дворце. Но что могла сделать эта агитация против непоколебленного могущества, против огромного авторитета Конвента? Он был единодушен, от Марата до Камбона и жирондистов, в решении сохранить тайное голосование и требовать от секций и от Коммуны соблюдения закона. И никто не осмелился бы восстать против него. Даже самые пылкие борцы секций, как Моморо, не решаются нарушить законность и бросить вызов Конвенту. Секция Французского театра, называемая Марсельской, сообщила Конвенту 12 октября, за подписями ее председателя Моморо и секретаря Пэра, свое решение от 6 октября [43]:

«Получив от секции Болота предложение назначить двух комиссаров с тем, чтобы они совместно с комиссарами, назначенными в таком же числе 47 другими секциями, составили обращение к Национальному Конвенту, чтобы побудить его декретировать для всех выборов открытую подачу голосов и поименное голосование, Собрание, принимая во внимание, что Национальный Конвент сам установил для производимых им выборов порядок поименного голосования и что секция Французского театра лишь сообразовалась с этим порядком, который она должна полагать наилучшим из возможных и должна придерживаться его и в дальнейшем в своих решениях, постановляет, что секция оставляет за собой право, если был издан какой-либо противоположный декрет, принять то или иное постановление, подсказанное ей ее благоразумием, против подобного декрета, *заявляя тем не менее, что она будет временно выполнять этот самый декрет, когда он будет ей официально сообщен*». В конечном счете при всем довольно пустом и безобидном бахвальстве это было заявление о подчинении закону, о повиновении Конвенту.

Деятели Коммуны, опьяненные революционным всемогуществом, которым они одно время обладали, сохраняли еще в своих обращениях какую-то высокомерную манеру. Все же они не осмеливались вступать в борьбу с верховным Собранием, в котором была законным образом сосредоточена вся революционная сила нации. И когда в Конвенте чтение постановления секции Французского театра вызвало некоторый ропот, то Верньо, человек ума более широкого, чем большинство жирондистов, и не столь поребрически задиристый, призвал наиболее распалившихся к сохра-

нению здравого смысла [44]: «Я не думаю, чтобы из содержания этого постановления мы могли заключить, что принявшая его секция находится в состоянии открытого мятежа против закона. В нем сказано, что по призыву секции Болота она предполагает представить вам петицию, чтобы побудить вас декретировать открытую подачу голосов. Но затем она говорит, что временно будет подчиняться закону. Я полагаю, что при нынешнем положении вещей председатель и секретарь, подписавшие это постановление, должны быть вызваны к барьеру» [Конвента]. На следующий день Моморо без труда доказал, что секция при выборах мэра соблюдала закон. Он заверил, что секция и впредь будет действовать таким образом, и конфликт вопреки усилиям председательствовавшего жирондиста Делакруа, стремившегося его обострить, был ликвидирован декретом Конвента, пригласившего Моморо и Пэра присутствовать на его заседании; декрет содержал формулу перехода к очередным делам по вопросу постановления секции Французского театра на том основании, «что закон был соблюден при выборах мэра и будет соблюдаться и при других выборах» [45].

Так утверждала себя спокойная сила Конвента, которая малопомалу вернула бы к условиям нормальной жизни и под власть закона все несколько взбудораженные силы, пробужденные великим движением 10 августа.

Но послушайте, какой вопль бешенства исторг этот инцидент у зловещего Бюзо, этого желчного исполнителя злобных замыслов четы Роланов, направленных против Парижа [46]. «Я, право, не знаю,— сказал он 12 октября, не обращая внимания на призыв Верньо к благоразумию,— не следует ли вам проявить скорее жалость, нежели гнев, к этим людям, восстающим против ваших декретов. Я называю их людьми, ибо они уже не вправе именоваться гражданами, раз перестали признавать законы Республики. Но весьма странно, что некая часть этого города, который должен был бы окружить Конвент своим доверием и защищать его от внутренних врагов, готова восстать против него. Вы, конечно, сделаете из этого неизбежный вывод, *что, поскольку остальные 82 департамента сохранили полное доверие к вам, вам следует иметь их здесь*».

Право, можно подумать, что он вызвался разжечь гражданскую войну, что это упорство самоубийства. Как! Из-за постановления какой-то одной парижской секции, к тому же подчинив-

---

42. E. M e l l i é. Op. cit., p. 68, n. 2.
43. «Moniteur», XIV, 188; «Archives parlementaires», LII, 464.
44. «Moniteur», XIV, 188; «Archives parlementaires», LII, 483. Верньо выступил после того, как Дартигуат (Dartigoyte), депутат от департамента Ланды, потребовал декрета о предании суду.
45. «Moniteur», XIV, 197.
46. «Moniteur», XIV, 188; «Archives parlementaires», LII, 465.

шейся закону, Конвент должен официально констатировать, что он не может больше полагаться на Париж в деле защиты Конвента, в деле защиты в его лице Революции! Конвент должен открыто, преступно противопоставить Францию Парижу, с тем чтобы эта департаментская стража, сначала объявленная живыми узами, связующими все силы отечества, стала теперь угрозой для столицы, намеренно подчеркнутой мерой предосторожности против нее, мечом Франции, направленным в сердце Франции! Это была безумная провокация.

Она вызвала в Конвенте глубокое волнение и крайнее возбуждение. Для многих депутатов завеса внезапно пала, и они увидели, куда их ведут. После того как Бюзо бросил вызов и угрожал Парижу, он бросает вызов и угрожает якобинцам. Он кричит тем, кто ропщет и прерывает его: «Если несколько граждан, члены некоего общества, прежде славившегося своей любовью к свободе, если эти граждане осмелились сказать в этом обществе, что 82 департамента могут послать для охраны своих представителей только людей, еще не достигших высот общественного мнения, господствующего в Париже, то я скажу со своей стороны, что департаменты пошлют людей, повинующихся закону, людей, чей патриотизм заключается в том, чтобы дорожить свободой своей страны и защищать ее, не щадя своей жизни».

Но Бюзо как будто и сам чувствует, что сгущает краски, что он чересчур драматизирует события. Вероятно, он потихоньку сам себя спрашивал — он, некогда отмечавший в департаменте Эр, до какой степени там ничего не знали о расхождениях внутри революционной партии [47],— поймут ли там внезапную резкость и агрессивность его позиции. Он чувствовал потребность прикрыться мнением своих избирателей, поддержки которых он, несомненно, просил. «Да будет известно честолюбивым анархистам,— восклицал он,— что эта стража уже поднимается в наших департаментах, да будет им известно, что наше желание предвосхищено и что оно будет исполнено, и я ныне заявляю, что мой департамент объявил мне, что я действую правильно и сообразно принципам».

Конечно, да и как могли бы избиратели Бюзо, привыкшие оказывать ему доверие, вдруг лишить его этого доверия? Но несомненно и то, что некое болезненное недоумение и растущая тревога проникали в их сознание: да что же происходит в Париже? И вскоре они откажутся следовать этой яростной политике. И легко понять, что вечером того же дня Кутон, выступая у якобинцев, отказался от своего первоначального одобрения проекта создания департаментской стражи, истинный смысл которого Бюзо только что выдал в припадке какого-то болезненного раздражения! Бюзо поставил в ужасно неловкое положение тех своих друзей, которые еще пытались представить этот призыв к департаментам как залог дружеских чувств к Парижу.

Еще 9 октября газета Бриссо писала [48]: «Делались попытки вызвать тревогу у граждан Парижа в связи с этим проектом. Бюзо доказал, что мера эта продиктована интересами самого города. Париж может существовать только на основе единства и неделимости Республики, только благодаря своему тесному единению с департаментами. В этом секрет его многолюдности и его богатств. А предложенная мера не только гарантирует неделимость страны, но множит и делает более тесными узы, связывающие парижан с остальными французами». Так Бриссо резюмировал идею Бюзо: «*тесное единение* Парижа и Франции». А три дня спустя тот же Бюзо обвинял Париж и угрожал ему от имени Франции. Таким образом, искусственность и непоследовательность неистовой политики Жиронды становились очевидными даже наименее внимательным наблюдателям. Вокруг Жиронды и в ней самой все чаще раздавались голоса, осуждавшие эту политику.

«РЕВОЛЮСЬОН ДЕ ПАРИ» ПРОТИВ ЖИРОНДЫ

На протяжении нескольких дней газета Прюдома «Революсьон де Пари» проделала такую же эволюцию, как Кутон. В номере от 22—29 сентября и в связи с первой речью Бюзо, в которой он требовал создания департаментской стражи для Конвента, газета писала [49]: «Во вторник 25-го Керсен и Бюзо потребовали, чтобы Собрание приняло строгие меры против сборищ, особенно против смутьянов. *Их речи, часто прерываемые аплодисментами и встретившие только слабые возражения*, побудили Собрание принять декрет». Тут нет никакого оттенка порицания, наоборот, некое выражение сочувствия. В это время (номер от 29 сентября — 6 октября) «Революсьон де Пари» очень строго отзывается о Наблюдательном комитете Коммуны [50]: «С огорчением увидели мы, что парижский Наблюдательный комитет отклоняется от принципов и поддается бесспорно чуждым внушениям. Его действия представляются нам большей частью продиктованными случаем, а разве можно ставить свободу граждан в зависимость от случая?.. Как же это! Невинного человека, не потрудившись даже установить его личность, бросают в тюрьму и убивают 2 сентября... Пора прекратить не только подобные бесчинства, но и саму возможность их повторения. Если безопасность людей подвергается таким покушениям, если всем пребывающим в Париже французам грозят такие

47. По этому вопросу полезно ознакомиться с работой Леона Дюбрея (L. Dubreuil) об избрании Бюзо в Конвент в: «Annales révolutionnaires», 1921. [*Примечание А. Матьеза.*]
48. «Le Patriote français», 9 octobre 1792.
49. «Révolutions de Paris», № 168, 22—29 septembre 1792.
50. «Révolutions de Paris», № 169, 29 septembre — 6 octobre 1792.

опасности, если и депутаты живут под угрозой неопределенных, случайных и запоздалых обвинений, то департаменты не без основания решат, что этот Наблюдательный комитет направляется или увлечен группой, стремящейся к господству над Республикой. Они забудут о наших заслугах перед Отечеством. Они потеряют доверие к нам и в конце концов возненавидят нас. Мы предоставляем читателю подсчитать те бесконечные беды, которые явятся следствием такого раскола. Но мы заметим в заключение, что большинство депутатов из департаментов прибыли в столицу с этой идеей; и поэтому, забыв что лучшей охраной для государственных должностных лиц является общественное мнение, они захотели дать Конвенту стражу, созданную всеми департаментами, стражу, очень опасную для дела свободы, в случае если бы само Собрание оказалось во власти какой-либо партии. У нас нет больше королевской гвардии, и, по их мнению, нам надо создать гвардию Конвента, сформированную наподобие гвардии Людовика Изменника и насчитывающую 24 тыс. человек. Парижане! Смотрите, как вас унижают! Поспешите же восстановить свое достоинство и свои права на общественное уважение, сделав правильный выбор и составив ваш новый муниципалитет из людей, далеких от всех партий и разумных патриотов».

Как легко было бы Жиронде при таком состоянии умов, при том, что все самые пламенные демократы Парижа испытывали потребность в порядке, безопасности и законности, восстановить, без всяких провокаций, силу центральной исполнительной власти, положить конец произвольным арестам и превышению полномочий Парижской коммуной!

В это время газета Прюдома, хотя и высказывается против проекта департаментской стражи, обвиняет не жирондистов, выдвинувших его, а Наблюдательный комитет, который как будто делает все для того, чтобы такая стража стала необходимой. Восемь дней спустя, в номере от 6—13 октября, уже совсем другой язык. Заявления и угрозы Бюзо возымели свое действие. Газета резко критикует проект создания «гвардии» при Национальном Конвенте [51].

Она начинает с энергичных слов Монтескьё:

«Общественное мнение теряет свою энергию и свободу, когда Законодательный корпус, подобно римским императорам, возлагает себе на грудь голову Медузы, когда он принимает тот угрожающий и страшный вид, который Коммод велел придавать своим статуям, когда он не признает границ своей власти и когда он не чувствует, что должен считать себя в безопасности тогда, когда деспот должен полагать себя окруженным опасностями».

И газета добавляет: «Национальный Конвент остерегается Парижа. Что сделал Париж, чтобы вызвать недоверие у представителей народа? Париж жертвовал собой ради Революции... *Некая партия в Национальном Конвенте добивается создания особой*

стражи. Граждане, берегитесь. Этот проект угрожает нам самым ужасным деспотизмом. Поскольку Собрание объединяет в своих руках все власти, право составления законов, право исполнения государственных решений, которые являются его собственными решениями, и право судить, если ему это угодно, преступления и людей, то если мы придадим ему янычар, это будет все равно, как если б мы пожелали жить под властью султана или под властью венецианской аристократии... Почему хотят дать стражу Национальному Конвенту? Не потому, что думают, будто он в ней нуждается. Разве парижане не соблюдали уважения даже к таким, как Мори и Мирабо-младший. Но дело в том, что создание такой стражи как бы говорило громко всей Республике: «Граждане, парижане — мятежники». А это язык Кобленца, Тюильри и аристократов всех партий.

Бюзо не скрывал этого на заседании в пятницу, 12-го числа сего месяца. Этот депутат от департамента Эр совсем сбросил маску в связи с одним постановлением секции Марселя... Скажи-ка, Бюзо, разве речь, которую ты держал, не есть речь настоящего мятежника?»

Таким образом, Жиронда своими неосторожными и безрассудными провокациями обратила против себя людей, сначала довольно благожелательно к ней расположенных.

Карра, которого г-жа Ролан характеризовала как «человека очень доброго и очень вздорного», чьи *«Анналы* пользовались замечательным успехом у народа благодаря некоему пророческому тону, всегда импонирующему простонародью» [52], решительно отказался от участия в кампании Бюзо.

Я читаю в номере от 9 октября [53]:

«Хотя мы прочитали отчет о прениях по поводу департаментской вооруженной силы, которой Конвент полагает нужным окружить себя, мы все еще не видим великой пользы этой меры... Независимость и свобода Конвента должны покоиться не на вооруженной силе; эта сила не может ни обеспечить их, ни гарантировать их Республике, она гораздо скорее может произвести обратное действие. Это тираны окружают себя гвардиями, потому что они одержимы страхом». И 28 октября «Анналы» выражают свое неодобрение той систематической борьбе, которая ведется против Коммуны: «Похоже на то, что Конвент, с которым никто не может соперничать и который должен быть выше всяких опасений, ибо он выше всяких опасностей, испытывает тем не менее ребяческий страх обрести соперника в лице Парижской коммуны».

---

51. «Révolutions de Paris», № 170, 6—13 octobre 1792.
52. Mme Roland. Mémoires (édition critique par Cl. Perroud). Paris, 1905, 2 vol., t. I, p. 182.
53. «Annales patriotiques et littéraires de la France», 9 octobre 1792.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОНДОРСЕ

Но что было более серьезным для Жиронды, это сдержанное, но суровое порицание со стороны Кондорсе и публичное его отмежевание. Г-жа Ролан, которая не прощает ему его отказа поддержать тактику котерии и ненависти, погубившую Жиронду и поколебавшую Революцию, обвиняет его в том, что он поддался страху быть освистанным трибунами [54]. Это клевета. В своем рабочем кабинете, с пером в руке он судил и приговорил политику ожесточения, проводимую Бюзо и Роланами. Еще 10 октября, когда роландисты потребовали от Парижской коммуны отчета о вещах, принятых ею на хранение 10 августа, что было просто предлогом для удовлетворения своей злобы, Кондорсе энергично пишет [55]:

«В памятный день 10 августа много ценных вещей из золота и серебра были переданы на хранение Парижской коммуне и ее Наблюдательному комитету. Теперь ставят вопрос о том, чтобы потребовать от нее отчета, который она сама предлагает представить.

Комиссии двадцати четырех было поручено представить законопроект на сей предмет. Статья 2 декрета гласит, что декларации, которые будут сделаны о сданных на хранение вещах, останутся секретными. Тщетно требовали гласности этих деклараций, ссылаясь на принцип, столь же бесспорный в области судебной, как и в области политической, что всякая декларация, не предаваемая гласности, уже в силу этого принимает подозрительный характер. Г-н Дантон, развивая это мнение, пошел еще дальше, доказав, что гласность, которой требуют для этих деклараций, была самым верным средством внести ясность в отчеты Коммуны и увериться в их точности [56].

Все, кто питал в отношении Парижской коммуны предубеждения, обоснованные или необоснованные, но от которых они не хотят отказаться ради общественного блага, те, кто уступил личной неприязни к отдельным лицам или, быть может, даже страху, внушаемому им в течение нескольких мгновений революционной Коммуной; те, кто в ошибках, какие она могла допустить, видят предлог для обвинений Революции 10 августа и для косвенных нападок на Республику, о которой они еще не осмеливаются открыто дурно говорить; те, кто, находясь вдали от арены Парижа, где плелись все заговоры, где замышляли уничтожить свободу, не имели возможности наглядно убедиться в том, сколь необходима была эта последняя Революция, и, пожалуй, и сейчас еще не поняли, что без нее они бы уже не существовали; те, наконец, кто, вместо того чтобы предложить Парижской коммуне отчитаться перед народом и общественным мнением, хотят превратить ее отчетность в некий лабиринт юридических формальностей и крючкотворства, эти люди в огромном большинстве восстали против мнения г-на Дан-

тона. Эта статья Комиссии была одобрена после дискуссии, в ходе которой некоторые члены проявили — это надо сказать, хотя мы не имеем намерения обвинять большинство Собрания, достойное доверия Республики,— *больше дурного настроения, нежели разума, и больше того духа модерантизма, который родился в 1789 г. и способствовал созданию клуба фейянов, нежели подлинного патриотизма*.

Впрочем, с какою бы строгостью ни подходить к требованию отчета от Парижской коммуны, легко заметить, если не быть предубежденным, что, не потребовав приемочных квитанций от тех, кто приходил сдавать ей вещи на хранение, нельзя будет обвинить ее в другом проступке, кроме небрежности».

Для Жиронды это было страшное предостережение, вскрывавшее самую суть дела. Кондорсе ясно видел, что если осуждать таким образом сентябрьские события, прискорбный и отвратительный эпизод революционного движения, истоки которого восходят к 10 августа, то это логически приведет и к осуждению самих событий 10 августа и Республики. Зловещее конечное сближение Жиронды с контрреволюцией, ретроградные анафемы, которые вскоре из глубины своего уязвленного сердца начнет обрушивать Бюзо на саму Республику, докажут обоснованность предостережения Кондорсе, его предчувствия. Несчастный великий человек, который сумел подняться над злобой и страхом, но не смог поднять других, уже тогда истощал себя в тщетных усилиях добиться примирения и благоразумия. Примечательно, что в тот момент, когда он всего сильнее чувствует необходимость единения, преступное и убийственное легкомыслие ссор и ненависти, он поддерживает как раз Дантона. Он присоединяется именно к мнению Дантона.

ЯКОБИНЦЫ ЗАЩИЩАЮТ КОММУНУ

Наступление Жиронды вынудило якобинцев занять против нее решительную позицию. Они потребовали от Бриссо дать объяснения относительно тех материалов в его газете, где велась систематическая клевета на Парижскую коммуну и где утверждалось, что в Конвенте существует партия дезорганизаторов. Так

---

54. M m e R o l a n d. Mémoires, t. I, p. 272. «Господин де Кондорсе, чей ум всегда будет на уровне величайших истин, но чей характер никогда не преодолеет уровня страха». И дальше: «Я никогда не встречала никого столь трусливого».
55. «Chronique de Paris», 10 octobre 1792.
56. Заседание 10 октября 1792 г.; D a n t o n. Discours (édition critique par A. Fribourg), p. 214.

как Бриссо не ответил, якобинцы на заседании своего клуба 12 октября приняли обстоятельно мотивированную резолюцию об его исключении [57]. Затем, убежденные в том, что жирондисты, разжигая негодование и гнев в связи с сентябрьскими избиениями, хотят нанести удар не только по Марату, но по всей парижской депутации и по самому Парижу, якобинцы решились опубликовать документ в свою защиту, сдержанный и хорошо продуманный. Жирондисты мало-помалу как бы вынуждали часть демократии наполовину солидаризироваться с Маратом, принять от имени народа, пожалуй, бóльшую часть ответственности за сентябрьские дни, нежели следовало. Таким образом, Жиронда оказывалась перед лицом всего блока парижской демократии.

Когда Кутон произнес у якобинцев цитированную мною речь, в которой он выражал сожаление по поводу существования в Конвенте двух партий, и когда встал вопрос о рассылке этой речи обществам, входящим в филиальную сеть Якобинского клуба, были выдвинуты возражения. Бентаболь, Шабо, Тальен, Демулен заявили, что в Конвенте нет партии *«неистовых»*, что если считать, что Марата можно с основанием обвинять в неистовости, то это относится к нему одному и он не составляет партии. Так инстинкт революционного самосохранения предостерегал якобинцев, чтобы они не расходовали напрасно свои силы, чтобы они не наносили удары одновременно направо и налево, а сосредоточили бы все свои усилия против «интриганов», то есть против Жиронды. Смело, как люди, чувствующие, что жирондисты, поначалу столь грозные, быстро слабеют и губят себя, якобинцы защищают народ Парижа и восхваляют все его действия. В циркуляре, составленном ими 15 октября, они ясно говорят о событиях 2 сентября, которые «фракция и министр внутренних дел» хотят использовать против Парижа [58].

«Вот что произошло в то время: враги вторглись на нашу территорию и продвигались к Парижу. Парижская коммуна по докладу патриота Манюэля и видя, что Законодательное собрание, вместо того чтобы принять меры, повелительно диктуемые обстоятельствами, раздраженно встречало предлагаемые ему средства общественного спасения, постановила, предварительно известив о том весь Париж, дать сигнал тревоги из вестовой пушки и ударить в набат, между тем как муниципальные должностные лица объявят в Париже о неминуемой и близкой опасности. Тридцать тысяч человек явились несколько часов спустя на Площадь Федерации и записались там, чтобы идти сражаться с врагом. Этот прекрасный энтузиазм все возрастал и охватил также все департаменты. Эти многочисленные армии обеспечили спасение Республики.

И что же! Фракция хочет навести туман на внушительные события того дня. Она хочет вменить этот день в преступление его инициаторам на том основании, что граждане, внезапно вырван-

ные из объятий своих родных, чтобы отправиться на защиту своих очагов, сочли должным уничтожить ради общественной безопасности негодяев и заговорщиков, оставшихся безнаказанными и скученных в тюрьмах вопреки обещанию покарать их в 24 часа. Впрочем, было доказано существование новых заговоров, этих предателей собирались освободить, чтобы в указанный час они рассеялись по всему городу, сея смерть и творя резню. Отсюда ясно, что в глазах тиранов и мятежников преступлением патриотов, защитников родины, является не что иное, как любовь к родине».

Отвратительная политика Жиронды, старающейся превратить в оружие своей партии эти мрачные события, где невозможно разобраться в том, кто и какую ответственность несет, где нельзя провести четкую границу, отделяющую патриотизм от преступления, эта политика вынуждала саму Революцию брать на себя ответственность за эти печальные события, объявлять их своими!

ЛОВКОСТЬ РОБЕСПЬЕРА И МАРАТА

Наступлению якобинцев против Жиронды замечательно помогли сдержанность и ловкость Робеспьера и Марата. Никогда они не были столь осторожны, столь осмотрительны, как в это время, когда жирондисты тратили силы на трескучие и яростные резолюции и дискредитировали себя бешеными речами и жестами. В Конвенте был дан приказ не давать говорить Робеспьеру. Стоило ему направиться к трибуне, как разражалась хорошо подготовленная буря проклятий, брани и криков. Жиронда силой подавляла свободу слова. В лице Робеспьера она уничтожала право его избирателей: она в Конвенте аннулировала мандат того, кто первый, руководствуясь замечательным революционным чутьем, предложил созыв Национального Конвента как решение кризиса 10 августа. Но Жиронда уже не рассуждала, она закусила удила и наносила удары. Она боялась также того, как бы серьезная речь Робеспьера, внутренняя убежденность и пылкий демократизм которой порой волновал умы, не рассеяла некоторые предубеждения. По тому, как Бриссо говорит о нем в номере своей газеты от 29 октября [59], ясно, что план Жиронды имеет в виду не сдержать Робеспьера, а уничтожить его.

---

57. Постановление об исключении Бриссо было принято почти единогласно 10 октября 1792 г. («La Société des Jacobins», IV, 376.) 12 октября Колло д'Эрбуа представил доклад, мотивирующий это постановление.
58. «La Société des Jacobins», IV, 394. Этот циркуляр якобинцев был подписан: *Дантон, председатель.*
59. «Le Patriote français», 29 octobre 1792.

«Робеспьер, погребенный под тяжестью презрения, которое он вызывал своим малейшим выступлением, Робеспьер, который, видимо, сам себя наконец оценил, приговорив себя к молчанию...»

Нет, не к вечному молчанию приговорил он себя. Но он, обычно столь любивший выступать, столь упорно навязывавший длинные речи наполовину враждебным аудиториям, которые он в конце концов покорял своим упорством, на этот раз понял, что будет пустой тратой сил в недостойной борьбе говорить перед такой бурей ненависти, искренней или показной. И молча, дожидаясь своего часа, он предоставлял Жиронде истощать и унижать себя в неистовых выходках [60].

Что касается Марата, он, наверное, не раз причинял беспокойство тем, кто советовал ему сохранять спокойствие и умеренность. 24 сентября Фабр д'Эглантин, выступая у якобинцев, сказал о нем [61]:

«Это человек, за которым кордельеры гоняются весь день, проповедуя ему благоразумие, иначе он бы натворил всяких дел гораздо больше, нежели те, в которых его упрекают».

Выступая у якобинцев 14 октября, Шабо сказал [62]:

«Что касается так называемой маратистской партии, то я ее не знаю и не могу понять, ибо Марат — это дикобраз, которого не только нельзя коснуться даже пальцем, но и никому не дано уловить суть его идей».

Стало быть, и в то время он выглядел не очень покладистым. И все же, обладая большим политическим чутьем, он старался в эти первые недели Конвента следить за собой и быть умеренным. Он сообразил, что если не будет давать жирондистам предлога для резких выступлений, то они, стремясь во что бы то ни стало погубить его, сами себя погубят своей предвзятостью. Он хорошо знал их неосновательность и безрассудство и решил предоставить им возможность самим себя скомпрометировать. Вместе с тем он добросовестно старается защищать Конвент. Несмотря на то что роландисты и бриссотисты сохраняют еще там господствующее влияние, он понимает, что Конвент — это последняя надежда Революции, и он старается избежать конфликтов между Конвентом и Коммуной. Он предостерегает народ и Конвент против увлечения генералами, но он старается воздать им должное [63]:

«Откажитесь же от того, что вы говорили по адресу Дюмурье, сказали мне вчера двое коллег, приняв во внимание те успехи, которые он одержал, как он говорит, над врагом. Давайте без легкомыслия, дорогие собратья; я, конечно, с большим удовольствием воздам ему должное. Но я подожду, пока он не завершит свое начинание. Пусть он разгромит пруссаков, пусть отправится на зимние квартиры в Брюссель, предварительно оказав поддержку восстанию фламандцев, пусть ускорит казнь Капета-заговорщика и пусть тогда рассчитывает на мой отказ».

В этом номере от 5 октября радость чередуется у него с недоверием:

«Известия, поступающие к нам из армий, продолжают быть благоприятными. Письма Дюмурье сообщают, что пруссаки отступают по всему фронту... [64] Такое обилие хороших известий должно было вызвать огромную радость; усыпители ловко воспользовались этим, чтобы осыпать наших генералов похвалами и погрузить публику в состояние самоуспокоенности, которое могло бы, однако, стать роковым и вывести членов Конвента за пределы разумного.

Конечно, сегодня следует относиться с доверием к нашим генералам. Но должно ли это доверие быть слепым после всех измен, жертвами которых мы до сих пор были? Не должна ли рядом с этим доверием шагать осторожность?.. Ведь до 10 августа самые прославленные из них не сделали ничего, достойного похвалы. Таким образом, все они были по меньшей мере подозрительными в смысле их отношений с бывшим монархом, клятвопреступником и заговорщиком, вследствие их бездействия, их непатриотичного поведения. А когда некоторые из них, вынужденные впоследствии показать себя патриотами, приняли некоторые спасительные меры и одержали некоторые успехи над неприятелем, то стали кричать о чуде, стали воспевать их подвиги, их верность, их гражданские добродетели...

Неми нистры наши и не генералы наши, а события, природа и гражданская доблесть солдат отечества — вот кто за него сражался. Коварная хитрость Понятовского [65], восстание поляков и дряхлость Екатерины — вот что избавило нас от жестоких орд России.

Анкарстрем избавил нас от Густава и его шведов [66].

Прожорливость, пьянство, дизентерия — вот что избавило нас от австрийцев и пруссаков... [67] Вот главная причина наших побед.

---

60. Молчание, однако, относительное. Робеспьер выступал в Конвенте 25 сентября, 7, 18, 20, 21 и 29 октября 1792 г.; 5 ноября он отвечал на обвинения со стороны Луве. В Якобинском клубе Робеспьер выступал 3, 5, 7, 15, 28 и 29 октября 1792 г.
61. «La Société des Jacobins», IV, 333.
62. Ibidem, IV, 391.
63. «Journal de la République française», 5 octobre 1792.
64. Например, см. письмо Дюмурье от 1 октября 1792 г., зачитанное 2 октября с трибуны Конвента. («Moniteur», XIV, 106.)
65. Речь идет о племяннике последнего короля Польши, командующем польской армии в 1792 г. в войне против Тарговицкой конфедерации, в дальнейшем маршале Французской империи.
66. Анкарстрем — шведский офицер, убивший 16 марта 1792 г. Густава III.
67. «Согласно всем показаниям дезертиров, эта армия истощена вследствие голода, утомления и дизентерии». («Moniteur», XIV, 106, письмо Дюмурье от 1 октября 1792 г.)

Надо окружить пруссаков и австрийцев, отрезать им все пути отступления и перерезать их, если они откажутся сложить оружие. Надо поднять всю Бельгию на восстание. Вот чего я жду от Дюмурье, чтобы стать его апологетом. Вот уже скоро Савойя, Женева, Невшатель и швейцарские кантоны, где господствуют аристократы, свергнут иго. Священная эпидемия свободы постепенно распространяется: это она вскоре освободит нас от всех наших врагов, свергая троны деспотов, уничтожая порабощение, населяя землю свободными людьми, утверждая господство справедливости и мира».

Это было несправедливо не признавать тех исключительных личных качеств Дюмурье, его быстроты, гибкости, уверенности, которые сыграли определенную роль в успехе Аргоннской кампании. Но тон у него здесь не резкий, а в конце недоверие и горечь даже растворяются в некой всеобщей надежде. Марат доходит до похвал в адрес Кюстина, правда черня при этом косвенно Дюмурье:

«Никогда не аплодировали так шумно, как после зачтения письма Кюстина. Ликование было обоснованным, *это первые заметные победы французского оружия над нашими врагами*». [Номер от 6 октября.] [68]

Какая нелепая предвзятость ставить занятие Шпейера выше победы при Вальми! И сколь посредственный и ограниченный ум проявляет иногда «пророк»! Но это не ярость. К тому, что он говорит о Рейнской армии и ее успехах, не примешивается ни капли желчи. Сомневаюсь, однако, чтобы даже в сиянии «этих первых лучей» республиканской славы, которые взволновали бы до глубины души какого-нибудь Вовенарга * и которые ослепили неуравновешенную душу Жиронды, сомневаюсь, чтобы Марат пережил тогда одно из тех мгновений полной и глубокой радости, когда бедное человечество забывает о бремени судьбы. Такова кара, которую несут эти тщеславные и желчные души.

Марат одобряет [в номере от 10 октября] суровые меры, посредством которых Кюстин восстановил дисциплину в своей армии и покарал солдат, повинных в грабежах [69].

«Генерал приказал задержать их, нагруженных награбленным, волонтеры сами донесли на них, и их расстреляли тут же на месте [в результате одной из столь частых в торопливо издаваемой Маратом газете опечаток вместо «тут же на месте» напечатано «надзираемых» **], а награбленные вещи были возвращены их владельцам; это был пример правосудия, необходимый не для чести французского имени, как говорит Кюстин, а для того, чтобы не запятнать оружие солдат отечества и не внушить отвращение и не оттолкнуть людей от дела свободы, которое им надлежит отстаивать».

Без чрезмерной резкости, но весьма справедливо он возлагает на Жиронду, столь резко выступающую с обвинениями, часть

ответственности за сентябрьские избиения (номер от 6 октября) [70]:

«Утверждают, что избиение изменников и негодяев, содержавшихся в тюрьмах, было делом разбойников. Если это так, то Петиона следовало бы считать преступником, поскольку он дал разбойникам возможность беспрепятственно совершать свои злодеяния в течение двух дней подряд во всех тюрьмах Парижа. Его преступное бездействие следовало бы рассматривать как самое ужасное преступление, и он заслуживал бы отсечения головы за то, что не поднял всех вооруженных сил, чтобы пресечь эти злодеяния. Конечно, он вам скажет в свое оправдание, что вооруженные силы не хотели повиноваться и что весь Париж участвовал в движении, и это факт. Но тогда согласитесь, что сваливать на разбойников операцию, к несчастью более чем необходимую,— это значит лгать».

Он старается отвечать спокойно на брань жирондистов. Мне даже кажется, что я улавливаю — а это весьма любопытно — во всем, что он говорит о Бюзо, некий оттенок уважительной симпатии. В самом начале, даже на заседании 25 сентября, когда Бюзо открыл нападение, выступив с предложением, направленным против диктатуры, Марат как будто не видит в этом враждебного акта.

«Бюзо,— пишет он,— правильно замечает, что опасаться следует не диктатуры, а тех средств, с помощью которых можно ее достигнуть; что постановление о смертной казни, которой требуют для тех, кто предлагает диктатуру, должно быть принято лишь по зрелом размышлении, и он предлагает отослать его на рассмотрение шести комитетам» [71].

Правда, Марата могло поразить прямое предложение Дантона. После заседания 4 октября, на котором жирондисты обрушились на Марата с бранью, а Бюзо нанес ему самую кровную обиду,

---

68. «Journal de la République française», 6 octobre 1792. 4 октября Конвент заслушал письмо Кюстина от 30 сентября, сообщавшее о взятии Шпейера. («Moniteur», XIV, 122.) См. выше, с. 246.

* Вовенарг, Люк де Клапье, маркиз де (1715—1747) — французский моралист, автор сочинения «Максимы», носившего более оптимистический характер, чем «Максимы» Ларошфуко.— *Прим. ред.*

69. «Journal de la République française», 10 octobre 1792. 6 октября Конвент заслушал письмо Кюстина от 2 октября, сообщавшее о расстреле грабителей. («Moniteur», XIV, 139.)

** Вместо «sur-le-champ» (тут же на месте) напечатано было «surveillés» (надзираемых).— *Прим. ред.*

70. «Journal de la République française», 6 octobre 1792.

71. «Journal de la République française», 28 septembre 1792. Бюзо заявил в Конвенте 25 сентября: «Надо установить кару не за диктатуру, а за применение средств, ведущих к установлению диктатуры». («Moniteur», XIV, 42.)

заявив, что «пруссаки требуют предоставить слово Марату» [72], он выражается с известной сдержанностью [73]: «Многие члены комиссии и кое-кто из их коллег осыпают меня бранью с высоты этой трибуны. В этой благородной атаке особенно выделяются храбрый Барбару, Гюаде и Бюзо. Я им прощаю эти оскорбления, они могут очернить только их авторов, а трибуны, хранившие молчание во время взрывов аплодисментов приспешников клики Бриссо, наверно, с удивлением задавались вопросом, чем объяснить такое ожесточение множества столь высоких законодателей против защитника народа. Но что меня огорчило до глубины души, это искусство, с каким спокойный брат Бюзо, излив на меня свою ядовитую злобу, возбуждал самолюбие своих коллег против Наблюдательного комитета и призывал их отомстить за обвинение, *он, чья платоническая душа должна быть выше подозрений*, он, который мог, что особенно важно, долгое время наблюдать вблизи все те средства коррупции, которые были в ходу в Учредительном собрании».

Марат сохранял своего рода уважение к несомненной честности Бюзо. Он, вероятно, не смог правильно разглядеть причин его внезапной агрессивности. Он не разглядел тех глубоких источников гордости, горечи и любви, которые рождали раздраженные слова. Но он сознавал, что перед ним противник, которого нельзя презирать.

Более всего свою тактику благоразумия и умеренности Марат проявил в конфликте между Конвентом и Коммуной. Весь номер его газеты от 8 октября замечателен своим политическим тактом, духом прозорливости и чувством меры.

«Я отнюдь не упрекаю Конвент в том, что он применил порядок тайного голосования при выборах мэра и членов муниципалитета; я знаю, что есть хорошие доводы и за и против. Но я бесконечно сожалею, что Конвент поддается иногда влиянию риторов, которые играют на его чувствительности или на его самолюбии.

Я сожалею, что Конвент не считает нужным прислушаться к общественному мнению прежде, чем принимать решения, дабы следовать ему во всем том, что стоит того, либо вернуть его на правильный путь, если оно впало в заблуждение. Конвент как раз забыл это сделать в вопросе о порядке выборов; многие департаменты и многие секции Парижа уже приняли порядок поименной подачи голосов. Почему же, говорят граждане, не принять и нам тот порядок выборов, который Конвент принял для себя? [Утверждение не точно: лишь в очень немногих случаях голосование в Конвенте проходило путем открытой подачи голосов.] Мы не можем сделать лучше этого. И вот, проникшись таким мнением, они уже видят в декрете, предписывающем им придерживаться тайного голосования, только каприз, и, твердо убежденные в том, что нет устойчивых законов без санкции народа, они полагают возможным пользоваться авансом правами, которые им будет

дано осуществлять в будущем... Ныне, когда многие департаменты уже приняли решение, *важно воздержаться от упреков, дать им понять соображения, побудившие законодателя действовать по-иному, и мягко склонить умы к закону, не возмущая их и не подрывая собственного авторитета. Несмотря на все предубеждения, какие возбуждают против меня мои враги, я сделал бы по этому вопросу несколько замечаний, имеющих важное значение для авторитета и славы Конвента, если бы я мог рассчитывать на то, что буду благосклонно выслушан. Несмотря на все, я с горестью смотрю на то, что секции Парижа и департаменты, допустившие нарушения, не сообразили подождать некоторое время, пока Собрание вынесет решение. Я заклинаю их во имя общественного спасения не вступать ныне в борьбу с законодателем. Их интересы и его величие требуют, чтобы он был окружен уважением. Конечно, надо безмолвно наблюдать за ним и мягко возвращать его на правильный путь, и лишь тогда, когда он станет нарушать права народа и граждан, только тогда придет время оказать сопротивление*».

Это было проявление глубокого политического чутья. Человек, говорящий так о Собрании, где его осыпали оскорблениями, доказывает тем самым свое исключительное самообладание и спокойную уверенность в будущем. Марат был убежден (и выступления Бюзо, оставленные последним сочинения полностью подтверждают это), что жирондисты ухватятся за малейший предлог, чтобы потребовать отъезда Конвента из Парижа. Такое зловещее решение было бы пагубным и для Революции, и для отечества. И чтобы избежать этой опасности, Марат умоляет Париж сохранять спокойствие и всегда соблюдать закон. 14 октября он пишет [74]:

«Клика загнана в свои последние укрепления, и ей остается только вселять тревогу своим злосчастным проектом окружения Конвента вооруженной стражей, преторианской гвардией по обычаю всех тиранов, с тем чтобы вызвать волнения в Париже, обвинить его мирных жителей в беспорядках, вызванных в действительности мятежниками, сговорившимися с кликой, породить тревогу у честных, но слабохарактерных депутатов по поводу их личной безопасности, кричать о потрясении государства, восстанавливать департаменты против Парижа, создать самим себе предлог для того, чтобы бежать из Парижа и увлечь за собой Национальный Конвент. Это было бы роковое событие, которое

---

72. Бюзо: «От нас требуют, чтобы мы заслушали Марата. Мне слышится, будто этого требуют сами пруссаки». («Moniteur», XIV, 130.)
73. «Journal de la République française, 6 octobre 1792.
74. «Journal de la République française», 14 octobre 1792. [См.: Жан Поль Марат. Избранные произведения. Т. III., М., 1956, с. 166—167.— *Ред.*]

они непрестанно стараются провоцировать, чтобы учредить федеративную Республику; *это было бы пагубное событие, но парижане предотвратят его своей умеренностью, сдержанностью, своим благоразумием. К этому призывает их во имя общественного спасения Друг народа, неизменно изображаемый предателями, как поджигатель.* Еще несколько дней, и дьявольская клика будет окончательно разоблачена. Вскоре Национальный Конвент откроет глаза, и только тогда он сможет работать для спасения Республики».

В это время Марат так озабочен тем, чтобы избежать всяких волнений, что 8 октября он пишет:

«Петиция рабочих парижского лагеря, протестующих против оплаты труда в соответствии с их силами и работой [они требовали замены сдельной оплаты поденной оплатой] [75], была, несомненно, составлена мятежными зачинщиками, которые под предлогом установления равенства занимались тем, что сеяли раздоры в лагере и стремились все привести в расстройство».

По-видимому, к его обычной узкой проницательности присоединяется новое, широкое чувство ответственности. Он маневрирует точно и хладнокровно. Он оценил своих противников. Он знает, что они буйные, но непоследовательные и легкомысленные, что за ними надо наблюдать вблизи, но что они сами скоро выдохнутся, если только им не давать повода для нападения.

«А вот Ролан, держащий в своих руках все рычаги власти внутренней и все национальные силы, которыми, к сожалению, еще очень легко можно злоупотреблять. *Я хорошо знаю, что приписывать Ролану столь высокие цели значило бы оказать ему слишком много чести.* Но у этого человека есть умельцы, исполненные жажды действий, духа интриги и честолюбия». (8 октября.)

А 15 октября, уже не скрывая презрения к своим противникам, он пишет [76]:

«Я с негодованием увидел происки, которые ведет втихомолку клика, чтобы привлечь в Париж уволенных волонтеров, осуществить без декрета свой проект создания вооруженной силы, окружить себя преторианской гвардией и осуществить свои мрачные замыслы. *К тому же эта клика менее страшна, чем это думают, ибо состоит она из людей бездарных, мелких интриганов, обладающих только хитростью, людей легкомысленных, слишком самонадеянных, чтобы обстоятельно обдумать свои планы*».

В то самое время, когда Жиронда ликует и торжествует победу, Марат верным взглядом разглядел ее слабость. Он отстаивает у якобинцев ту же политику сдержанности и уверенности. На заседании в пятницу 12 октября он говорит [77]:

«Преступная фракция проявила себя в лоне Национального Конвента. По-видимому, она оказывает на него решающее влияние подобно тому, как она ранее руководила Законодательным

корпусом. Вот уже пятнадцать месяцев, как я слежу за нею. У нее губительные проекты, ибо она призывает к себе на помощь преторианскую гвардию. *Коммуну хотят увлечь за пределы, предписываемые законом, дабы иметь предлог покинуть Париж. Граждане, будьте спокойны, это Друг народа призывает вас к благоразумию и чувству меры.* Вчера только я вырвал у нее секрет, у этой группы, я ей сказал: «Вы не знаете или делаете вид, что забыли мотивы наших протестов. Дело в том, что мы не хотим федеративной Республики». При этих словах на их лицах отразилась растерянность. *Поверьте мне, граждане, эта группа идет к своей гибели. Она пойдет на насильственные меры. Будьте умеренны. Еще несколько дней, и с нее будет сорвана маска». (Горячие аплодисменты.)*

Марат не хочет, чтобы мысль о департаментской страже нагоняла страх на людей, чтобы люди были одержимы ею. Он знает Париж; он знает, сколь велика сила этого очага и как быстро он преобразует те элементы, которые в него попадают извне. Он почти желает, чтобы армия волонтеров действительно была призвана в Париж. Он верит в то, что Париж быстро повернул бы ее против той же Жиронды.

«Граждане,— говорит он в Якобинском клубе 15 октября [78],— позвольте мне прервать на минуту дискуссию о пустом призраке, которому придают слишком большое значение. Этот проект, осужденный общественным мнением, ныне существует только в воображении тех, кто его выдвинул. Я сильно сомневаюсь в том, чтобы у них хватило мужества еще раз с ним выступить, а если бы они это сделали, *то тем лучше будет для дела свободы. Они призвали бы вместо преторианской гвардии наблюдателей, которые призвали бы их к выполнению их обязанностей».*

Взгляды Марата становятся шире. Реакция жалости и негодования, которая последовала за сентябрьскими избиениями, показала ему, что такие кровавые средства служат делу контрреволюции. Он понял, что его идея военного трибуна, некоего безапелляционного судьи Революции, дала бы слишком удобный предлог для обвинений в диктатуре. И он надеется, не прибегая ни к насилиям, ни к убийствам, только под влиянием одного общественного мнения, покоренного мало-помалу благоразумием демократов, восстановить в Конвенте единство действия и воли, подчинить и лишить всякой силы любящую интриги клику Жиронды. Конвент, став наконец подлинным хозяином самого себя и освободившись от влияния котерий, употребит свою единую силу и свой свободный разум на то, чтобы лучше определить опасности,

---

75. Ролан, обвинив казначейство в расточительности, восстановил сдельную заработную плату на государственных предприятиях.
76. «Journal de la République française», 15 octobre 1792.
77. «La Société des Jacobins», IV, 383.
78. Ibidem, IV, 393.

грозящие революционной Франции со всех сторон, и справиться с ними. Не надо опьянения, не надо похвальбы. Нужен ясный и трезвый взгляд на вещи и огромное напряжение сил, соответствующее размерам опасности.

«Несомненно, что в последние несколько месяцев Франция находится в состоянии крайнего напряжения, все пружины государства натянуты, и страна истощает себя, чтобы развернуть крупные силы. Более 800 тыс. бойцов находятся на содержании государственной казны. Не более половины их одеты и вооружены, 300 тыс. человек, изнуренные голодом, усталостью, ненастьем, заполняют госпитали, и раненых разместить негде. Пятьдесят тысяч человек, наспех завербованных в возрасте слишком юном или слишком преклонном, умерли от болезней. Таким образом, если бы наши министры и наши генералы не обманывали нас постоянно ложной картиной наших сил и наших успехов, а представили истинное положение вещей, нация осознала бы необходимость принять великие меры и мы имели бы сегодня грозные армии» [79].

Он тщательно остерегается бросать вызов Европе. Он хочет скорее увидеть распад коалиции, созданной против Франции. 15 октября он пишет [80]:

«Наши успехи в борьбе с пруссаками, по-видимому, не вызывают сомнения. Но они объясняются не столько превосходством нашего оружия, сколько потерями, которые их войска понесли от дизентерии, унынием, охватывающим армии, которые долгое время остаются скованными, и больше всего сожалением, испытываемым королем Пруссии при мысли о том, что он ввязался в операцию, бесславную и грозящую стать для него гибельной вследствие недовольства, вызываемого ею в его владениях, недовольства, которое легко может перерасти в ближайшее время в зародыш восстания.

Дийону вменили в преступление то, что он вел с ним переговоры о сдаче Вердена, и с трибуны Конвента было выдвинуто требование издать декрет, запрещающий нашим генералам вести переговоры с неприятелем. Я меньше, чем кто-либо на свете, питаю доверие к нашим генералам, назначенным бывшим монархом, отобранным из среды его придворных, носящим его цвета и осыпанным милостями двора... Несмотря на мой ригоризм, весьма обоснованный, осуждение мер, принятых Дийоном в отношении пруссаков для сдачи Вердена, является, на мой взгляд, лишь дурной ябедой, а предложенный декрет — лишь средством затруднить операции наших армий и помешать командующим закрепить победу, используя свои успехи. Дийон сделал в отношении прусского командующего лишь то, что должен сделать генерал и что делают все генералы прежде, чем осадить какую-нибудь крепость, я имею в виду: требуют ее сдачи и капитуляции. Если принять во внимание, что город Верден населен французами и что фран-

цузам предстояло осаждать его, то какой здравомыслящий гражданин осмелится вменить в преступление Дийону то, что он старался избежать пролития крови наших братьев? Какой разумный человек нашел бы дурным то, что он принял меры к ускорению отступления пруссаков, еще способных причинить нам много вреда хотя бы тем, что своим присутствием они поддерживали дерзость или, вернее, жестокость австрийцев и продлевали производимые ими чудовищные опустошения?

Как бы ни рассматривать поведение этого генерала, *это очень хорошо*, *что он начал*, *как говорится*, *дипломатничать*, ибо это большое достижение — разбить союз деспотов-заговорщиков, отделить Вильгельма от Франца, быстро и навсегда избавить нас от пруссаков, так, чтобы нам осталось только оружием уничтожить австрийцев, не заслуживающих пощады, предотвратить новые бедствия, которые они нам готовят, и оказаться вскоре в положении, достаточно благоприятном, чтобы французы могли наконец немного свободнее вздохнуть и заняться возмещением нанесенного урона».

Со стороны Марата это как бы высшее усилие беспристрастности и спокойствия. О, я знаю, что его душа все еще охвачена мрачными подозрениями и склонна к несправедливости. «Дипломатию», которую он восхваляет у Дийона, он осуждал несколькими днями ранее у Дюмурье (номер от 4 октября) [81]:

«Перейдем к Дюмурье. Ответ, данный им, по его словам, прусскому королю, на первый взгляд кажется очень удачным, но мне совсем не нравится, что он, по-видимому, хотел вступить в переговоры. Такие переговоры были бы своевременны, если бы речь шла о том, чтобы отделить грозного врага от его союзников. Но когда этот враг доведен до крайности, когда его одолевают и изнуряют голод и болезни, когда он уже не может устоять, единственно возможные переговоры — это ринуться на него и истребить. А Дюмурье не может ссылаться на свою неосведомленность; стало быть, его ответ был неуместным. Какая же цель была у него? Договориться с министрами и роялистами, которые суетятся, чтобы спасти своего хозяина, предоставив прусскому королю неудобство (?) быть вынужденным объясняться на этот счет и оставляя ходу событий решение вопроса».

Итак, то, что у Дийона было мудрой дипломатией, то у Дюмурье — измена. А между тем, когда Дийон вел переговоры с пруссаками, они были в еще худшем положении. Эта жестокая несправедливость, вызывая озлобление у Дюмурье, увы, не совсем

---

79. «Journal de la République française», 14 octobre 1792.
80. Ibid., 15 octobre 1792.
81. «Journal de la République française», 4 octobre 1792.

неповинна в той измене, в которую позднее он так подло впал.

Но, несмотря на все это, было безумием со стороны Жиронды создавать впечатление, что вся ее политика сводится к борьбе с Маратом. Казалось, в это время он хотел смягчить напряжение. И что же, как раз тогда, когда он старается сдерживаться, когда он обещает быть умеренным и прилагает к тому усилия, на него обрушивается все больше воплей и угроз. Ему приходится, отчаявшись, вернуться в свое подземелье, откуда он поведет войну не на жизнь, а на смерть против жирондистов. Теперь он вновь погружен в ненависть и в мрак и не представляет себе возвышения обездоленных иначе как через унижение богатых: «Ut redeat miseris, abeat fortuna superbis». Таков эпиграф его газеты [82].

«Братья и друзья,— пишет он 2 ноября,— свои жалобы я направляю вам из подполья [83]. Только долг сохранить для защиты отечества жизнь, ставшую наконец мне в тягость, мог заставить меня вновь похоронить себя заживо в подполье, чтобы спастись от кинжала подлых убийц, непрестанно меня преследующих. *В эти дни мнимого торжества и славы* один из ваших депутатов подвергается оскорблениям со стороны многих своих коллег в лоне самого Сената за то, что он разоблачил заговоры, замышляемые против общественного спасения. Неужели, чтобы избежать подлых покушений орды мятежников, жаждущих его смерти, представитель нации вынужден будет тщетно просить помощи у своих сограждан, искать убежища в темном подвале, чтобы избежать ножа разбойников, производящих впечатление военного отряда, введенного в заблуждение коварными начальниками, между тем как толпа этих вояк во хмелю угрожает предать огню его дом!» [84]

Бедный ягненок, блеющий под ножом: как легко он забывает, что сам неустанно оттачивал кинжалы! Но, перед этим внезапным превращением душегуба, дрожащего и стенающего, расчувствовавшегося над самим собой, какое преступление совершает Жиронда, преувеличивая значение этой личности и даже не пытаясь смягчить его хоть немного в эти дни славы, когда так легко было проявить великодушие!

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ РОЛАНА ПРОТИВ ПАРИЖА

Для восстановления своей репутации, поколебленной ее взрывами на пустом месте и искусственными припадками бешенства, Жиронда искала случая нанести решающий удар. 29 октября она сделала попытку раздавить Марата, но имела она в виду главным образом Робеспьера. Сражение было начато докладом Ролана, язвительным и высокопарным. Послушайте, с какой претенциоз-

ной торжественностью и почти глуповатой аффектацией героизма Ролан начинает свой доклад [85]:

«Я представлю сейчас Конвенту описание положения в Париже в соответствии с декретом, предписывающим мне это. *Если бы моя грудь была столь же сильна, как мое мужество*, я прочитал бы сам этот доклад».

Доклад был зачитан одним из секретарей, Ланжюинэ [86]. Это были непрерывные декламации, направленные против Парижа. Ничтожные административные жалобы перемешаны в нем с самыми неистовыми обвинениями, и он без конца возвращается к неправильным действиям революционной Коммуны, как если бы спокойного осуществления власти Конвентом не было достаточно для того, чтобы мало-помалу восстановить всюду порядок и законность.

«Когда я вижу, как прибывающих в Париж федератов, заботу о которых закон до сих пор возлагал на Коммуну, плохо обеспечивают жильем, плохо кормят, часто отсылают ко мне в поисках квартир, кроватей, как будто я обязан их обеспечивать, тогда как они находятся в ведении Коммуны, *которая как будто намеренно заставляет их страдать, чтобы внушить им, что эти страдания, коих прекращение зависело от нее, являются делом министерства* [когда знаешь, какие усилия прилагала Коммуна к тому, чтобы обеспечить снабжение продовольствием и оружием, инсинуация Ролана представляется безумной]; когда, *доставив матрасы или кровати* для казарм, я не получаю никакого отчета относительно этих вещей и узнаю, что они исчезают...; когда в это же время я узнаю, какие распространяются ложные обвинения по адресу общественных деятелей, обладающих не только характером, но и талантами и известных своей честностью; когда, наконец, громко проповедуют *принципы мятежа и резни* под

---

82. Четыре первых номера «Journal de la République française» не имели эпиграфа. Пятый номер, от 29 сентября 1792 г., вышел с эпиграфом, который Марат сохранил до своей смерти: «Ut redeat miseris, abeat fortuna superbis» («Чтобы благосостояние пришло к бедным и покинуло богатых»). Жорес усиливает смысл этих слов.
83. «Journal de la République française», 2 novembre 1792. В Конвенте, на заседании 25 октября 1792 г., жирондисты потребовали обвинительного декрета против Марата. Против него была развязана яростная кампания. 29 октября Луве потребовал его ареста. Марату пришлось вернуться в свое подполье...
84. 27 октября 1792 г. кукла, изображавшая Марата, была повешена в бывшем Пале-Руаяле. 31 октября военные собрались под его окнами, освистали его и пытались поджечь его дом... См.: J. Massin. Marat, p. 237.
85. «Moniteur», XIV, 332 et 431; Buchez et Roux. XX, 103; «Archives parlementaires», LIII, 38.
86. Ланжюинэ (1753—1827) — адвокат-советник Штатов Бретани, депутат Генеральных штатов от третьего сословия Реннского сенешальства, затем депутат Конвента от департамента Иль и Вилен.

аплодисменты собраний и поднимают вопли против самого Конвента... я не могу больше сомневаться в том, что некие поборники старого порядка, или ложные друзья народа, скрывая свое сумасбродство или свою подлость под маской патриотизма, составили план ниспровержения, благодаря которому они надеются возвыситься на руинах и трупах и насладиться кровью, золотом и жестокостью. (*Горячие аплодисменты.*)

Департаментские власти разумные, но не имеющие должной силы; Коммуна активная и деспотическая; народ превосходный, но одна его часть, здоровая, запугана и принуждаема, а другая находится под влиянием льстецов и клеветников; смешение властей, злоупотребления и презрение к властям; силы общественного порядка слабые или ничтожные по причине дурного командования — таков Париж».

Это желчное и добродетельное брюзжание бюрократа, который в одной фразе жалуется на пропажу матрасов и на проповедь принципов убийства и крови. Но против кого была направлена эта едкая критика и к чему она вела как раз в то время, когда Коммуна явно образумилась и сам Марат отрекался от своих доктрин истребления? Ролан яростно дует на остывающий пепел, чтобы вновь раздуть пламя гражданской войны. И кого же мог он характеризовать таким образом? Какая это партия стремилась «насладиться кровью и жестокостью»? Не Робеспьер ли имеется в виду? Или Дантон? Глупая декламация или бешеная клевета. О, ложные мудрецы, сколько зла они причинили своей мелочностью, своей тщеславной строгостью и своей неисчерпаемой злобой!

И Ролан опять подставляет под удары воображаемых кинжалов свою жизнь, которой никто не угрожает.

«Я не нравлюсь слабым, боящимся света, который их стесняет; порочным, которых раздражает свет, показывающий их подлинное лицо; невеждам, всегда склонным сердиться, когда им доказывают то, чего они и не подозревали. Даже добрых и тех на какой-то момент охватывает тревога. Они хотели бы усомниться в реальности удручающего их зла, которого они не сумели предвидеть. Но если надо выбрать между правдой, которая ранит, но исцеляет, лестью, которая убивает, и молчанием, которое предает, я не стану колебаться ни минуты, *хотя бы это стоило мне жизни. (Горячие аплодисменты.)*»

Да кто же хотел тогда лишить его жизни? Кто же заставит вовремя замолчать эту старую ворону, мрачную и болтливую, усевшуюся на дереве свободы? Это печальное карканье и это мрачное оперение — то был сигнал гражданской войны. Каждый раз, когда этот человек выступает, а он выступает всегда, каждый раз, когда он ноет, а он ноет всегда, происходят яростные столкновения и Революцию раздирают.

К своему докладу, угрюмому и пустому, Ролан прилагает, для

усиления эффекта, полицейские рапорты, из которых один был нацелен против Робеспьера, и мы сейчас увидим, каким подлым образом [87].

«*Письмо, адресованное министру юстиции.*

Вчера утром я был у этого жестокого субъекта, о котором мы не раз говорили. К нему пришел некий человек из секции Марселя и вдобавок член клуба Кордельеров. Этот мерзавец пространно восхвалял события 2 сентября и добавил, что это дело не было доведено до конца; что нужно еще одно кровопускание, но более обильное, чем первое. «Мы имеем дело,— сказал он,— с бандой Ролана и Бриссо, от которой надо избавиться. Этим занимаются, и я надеюсь,— продолжал он,— что самое позднее дней через пятнадцать все будет закончено». Обратите, заклинаю Вас, на пользу общества сообщение, которое я Вам направляю. *Я не хотел спрашивать имени этого человека*, так как боялся вызвать подозрения относительно моих намерений. Однако, если для Вас важно это знать, я смогу Вам сообщить это самое позднее дня через два. Пора, давно уже пора остановить ярость убийц. Я содрогаюсь при мысли об ужасах, которые нам готовят. Бюзо им очень неприятен, Верньо, Гюаде, Ласурс и т. д.— вот те, кого они называют как участников банды Ролана. *Они слышать не хотят ни о ком, только о Робеспьере*».

Один депутат: «Ах, негодяй!»

«*Я не подписываю* этого письма, и Вы отлично знаете, что это не вследствие недостатка доверия, а потому, что боюсь скомпрометировать Вас. Я знаю, пожалуй, только одно средство умерить пыл убийц — ускорить издание уже предложенного закона против подстрекательств к убийству и, коль скоро он будет обнародован, поручить *следить за ними неотступно верным людям*, которые бы их изобличили. Если одного из них наказать, не будет больше проповедников убийств и порядок немедленно будет восстановлен.

Общественный обвинитель — большой друг того субъекта, у которого я был. Он передал ему письмо, адресованное в трибунал; но я не знаю его содержания.

Человек, чье имя было неизвестно, — это некий Фурнье-Американец, проживающий на улице Нэв-дю-Люксембур, у аптекаря [88].

---

87. См. это письмо в «Moniteur», XIV, 337; B u c h e z et R o u x. XX, 121; «Archives parlementaires», LIII, 383. Об этом деле см.: E. H a m e l. Histoire de Robespierre, t. II, p. 486. Робеспьер намекает на это «загадочное письмо, написанное нечистоплотным человеком, связанным с прежней полицией», в «Lettres à ses commettants», № 6, p. 92 (цитированное ранее критическое издание Лорана).

88. Фурнье, по прозвищу Американец (1745—1825),— бывший колонист в Сан-Доминго, в 1789 г. капитан роты национальной гвардии дистрикта Сент-Эсташ, активный участник всех событий Революции, причастен к истреб-

Я, нижеподписавшийся, подтверждаю, что настоящее письмо было адресовано мне гражданином Маркандье [89], которому известна моя любовь к отечеству. В подтверждение чего я подписал настоящее письмо сего 26 октября 1792 г., I года Республики.

Подпись: Дюбай, заместитель председателя второй секции уголовного суда Парижа, улица Вожирар.

С подлинным верно; подпись РОЛАН».

И в протоколе заседания отмечено: «*Сильное волнение в зале*». Что это? Волнение из-за этого полицейского клочка бумаги, глупого и отвратительного? Это могло быть только жирондистское волнение, волнение рассчитанное и притворное, ибо что означал этот более чем странный документ? Начать с того, что письмо, которое должно было быть представлено министру юстиции, направляется некоему Дюбаю, который его передает. Автор письма не подписывает его, чтобы не компрометировать адресата, а адресат тем не менее знает его имя и спешит предать его гласности. Все это явно мелкие трюки полицейских, старающихся заинтриговать министра юстиции Гара и приблизиться к нему. Может быть, я ошибаюсь, но я узнаю в этом пасквиле претенциозную, сентенциозную, уклончивую и неопределенную манеру «наблюдателя Дютара», который в конце апреля официально поступил на службу к Гара [90]. Какая бессвязность в этой бумаге! Он начинает с того, что не знает фамилии того жестокого человека, который предвещает новую резню, а в конце письма называет Фурнье-Американца. Тут явно небольшая шайка полицейских не у дел, которые стараются безумно встревожить Гара, рассчитывая в награду добиться для себя пенсий. Они скромно советуют министру назначить верных людей, то есть хорошо оплачиваемых полицейских, для того чтобы следить по пятам за людьми, на которых донесли те же полицейские, — доходное местечко для полиции, именующей себя революционной. И что же они открывают для начала? Что «*некий человек*» сообщает о насильственных замыслах; они делают даже такое великое открытие, что Верньо и Бриссо — друзья Ролана. И потому что этот «некий человек», дурно отзываясь о Ролане, говорит хорошо о Робеспьере, Робеспьер оказывается скомпрометированным. Флегматичный Гара, стараясь обезопасить себя со всех сторон, несет эту гнусную полицейскую бумажку в совет министров. Ролан хватается за нее с добродетельной поспешностью. И он дает ее зачитать в Конвенте, чтобы сделать досье Робеспьера более весомым и начать обвинение. Это подло, и я не знаю в истории партий ничего более низкого. Какой бы беспощадной ни была ее дальнейшая судьба, в тот день Жиронда лишила себя права протестовать против какой бы то ни было подлости.

НА ТРИБУНЕ РОБЕСПЬЕР, ЗАТЕМ ДАНТОН

Робеспьер, которого заманили таким образом на трибуну этой расставленной ему ловушкой, хочет выступить против опубликования доклада Ролана: он с трудом добивается этого права [91]. Но как только он хочет приступить к существу спора, защититься от гнусных полицейских поклепов, Жиронда перебивает его и заглушает криками. Тщетно протестует Дантон:

«Председатель, дайте возможность говорить оратору. И я, я тоже прошу слова: пора разобраться во всем этом».

Председательствующий, а именно Гюаде, саркастический и язвительный, тоже пытается затруднить положение Робеспьера, помешать его защите:

«Робеспьер, вы имеете слово только по предложению опубликовать доклад министра, ибо речь не идет еще о существе вопроса».

Как будто Робеспьеру, чтобы добиться отсрочки опубликования доклада, не надо было доказать лживость его определенных утверждений. Шум, организованный, систематический, все возрастает.

«Если вы не хотите меня выслушать, — продолжает Робеспьер, — если вы перебиваете меня под разными предлогами и если председательствующий, вместо того чтобы заставить уважать свободу высказываний, сам использует более или менее благовидные предлоги...»

Что это?! Он оскорбляет председательствующего! У него уже на трибуне диктаторские замашки! И Гюаде, великодушный и едкий, злобный и хитрый, говорит слащавым голосом:

«Робеспьер, вы видите, какие усилия я прилагаю для восстановления тишины; *я вам прощаю и эту клевету и прошу у Собрания разрешения простить ее вам*». (Горячие аплодисменты.)

лению заключенных из тюрем Орлеана, когда их провозили через Версаль. См. выше, с. 96, прим. 1.

89. Рок Маркандье (1767—1794) — журналист, приговоренный к смертной казни и казненный 24 мессидора II г. Одно время Маркандье был секретарем и сотрудником Камиля Демулена.

90. Полицейское донесение исходило от Рока Маркандье, бывшего секретаря Камиля Демулена, перешедшего на службу к Ролану. См. нашу статью «Truchon et Roch Marcandier» в «Annales révolutionnaires», mai-juin 1922. [*Примечание А. Матьеза.*]

Дютар, адвокат, проживавший в секции Почт (впоследствии секция Общественного договора) в Париже, был тесно связан с Гара, в то время министром юстиции. 30 апреля 1793 г. Гара, став министром внутренних дел, назначил Дютара «комиссаром-наблюдателем Парижского департамента». («Paris pendant le Terreur. Rapports des agents secrets du ministre de l'Intérieur», publiés par P. Caron, t. I, Paris, 1910, p. XI.)

91. «Moniteur», XIV, 337; «Archives parlementaires», LIII, 48; Maximilien Robespierre. Œuvres. Discours, IV, 62.

Как они злоупотребляют силой, лицемерно и в то же время яростно, эти люди, которые вопят о диктатуре! О, добродетельный Ролан и его достойный полицейский поработали на славу! И когда, преодолевая вопли и свист, Робеспьер смог наконец сказать:

«Да что там! Ведь здесь нет никого, кто бы осмелился обвинить меня открыто, кто привел бы против меня определенные факты; ведь нет ни одного, кто осмелился бы подняться на трибуну, чтобы вступить со мной в спокойную и серьезную дискуссию...»

Луве ринулся вперед. Он приблизился к самой трибуне и, бросая вызов Робеспьеру, закричал:

«Я выступаю против тебя, Робеспьер, и я прошу слова, чтобы обвинить тебя».

Это формула рыцарских вызовов. И Ребекки и Барбару воскликнули тогда:

«И мы тоже, мы тоже будем обвинять тебя».

Буря криков стихает, и Конвент умолкает. Что последует за этими трагическими вызовами и за этим столкновением? Какой-то момент Робеспьер казался взволнованным, почти смущенным. Он обладал упорным мужеством и героизмом, идущим от разума. Ему не хватало той спонтанной смелости и той силы темперамента, которые в больших критических ситуациях внезапно взрываются величественными словами. Он вдруг почувствовал себя окруженным, осажденным врагами, и так как он молчал, стараясь, вероятно, разглядеть своими близорукими глазами противника, то Луве повторил:

«Да, Робеспьер, я тебя обвиняю». И он поднялся на трибуну как бы для того, чтобы навсегда сбросить оттуда яростно ненавидимого соперника, ныне низведенного в ранг обвиняемых.

«Продолжай, продолжай Робеспьер,— раздался могучий голос Дантона,— здесь есть добрые граждане, которые слушают тебя».

Он хорошо знал, этот большой человек, что безумие злобы восторжествует над Революцией, если сразу же не оказать сопротивления. Он хорошо знал, что после первого же удара топора по одному из деревьев, и одному из самых больших, весь лес окажется под угрозой. Он сообщал свою мужественную силу Робеспьеру, на какой-то момент растерявшемуся. И однажды тот же Робеспьер отправит Дантона на гильотину! Но мы сдержим бег нетерпеливой мысли, проникающей в мрачное будущее; останемся в кругу злобы, борьбы и ожиданий, в котором мечутся люди 92-го года.Робеспьер закончил свою речь методически и разумно, но без подъема и без блеска, сказав, что надлежит серьезно рассмотреть доклад, обсудить все «за» и «против» и назначить день, когда будут заслушаны его противники и он сам.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДАНТОНА

Дантон тоже хотел большой и ясной дискуссии, чтобы восстановить спокойствие в Конвенте. И он сразу же сделал попытку привести к широкому революционному согласию терзавшие друг друга партии [92].

«Пора наконец нам узнать, чьими коллегами мы являемся, пора нашим коллегам знать, что им следует думать о нас. (*Аплодисменты.*) Нельзя закрывать глаза на то, что в Собрании существует источник недоверия между теми, кто его составляет... (*Возгласы с мест.*) Если я сказал правду, которую все вы сознаете, то дайте мне сделать выводы из нее. Так вот, это недоверие, оно должно исчезнуть, и, если есть между нами виновник, вы должны воздать ему по справедливости. (*Горячие аплодисменты.*) Я заявляю Конвенту и всей нации, что я отнюдь не люблю Марата (*аплодисменты*); я говорю откровенно, что я узнал на опыте его характер. Он человек не только вспыльчивый и сварливый, но и неуживчивый. После такого признания да будет мне позволено сказать, что я тоже не принадлежу ни к какой партии, ни к какой группе. Если кто-либо может доказать, что я связан с какой-либо группой, пусть он тут же изобличит меня... Если же верно, что моя мысль — это только моя мысль, что я твердо решил скорее умереть, нежели стать причиной раздоров или попыток посеять раздор в Республике, то я требую дать мне возможность полностью изложить мое мнение о нашем нынешнем политическом положении. (*Аплодисменты.*)

Конечно, это прекрасно, что филантропия, чувство гуманности заставляют министра внутренних дел и всех добрых граждан страдать при виде несчастий, неизбежных во время великой Революции. Конечно, законно требовать, чтобы национальное правосудие со всей строгостью отнеслось к тем, кто явно потакал бы своим частным страстям вместо того, чтобы служить Революции и свободе. Но как случилось, что министр, который не может не знать, какие обстоятельства привели к событиям, о которых он вам поведал, забыл о принципах и истинах, которые другой министр изложил вам в связи с этими же событиями? Вспомните, что говорил вам нынешний министр юстиции о несчастьях, неизбежных при революциях [93]. (*Ропот в зале.*)

Я не вижу надобности что-нибудь добавить к этому в ответ на выступление министра внутренних дел. Если каждый из нас,

---

92. «Moniteur», XIV, 339; «Archives parlementaires», LIII, 50; D a n t o n. Discours (édition A. Fribourg), p. 232.

93. Гара сменил Дантона на посту министра юстиции 10 октября 1792 г. 14 марта 1793 г. он был назначен министром внутренних дел.

каждый республиканец имеет право взывать к правосудию против тех, кто вздумал бы возбуждать революционные движения лишь для сведения личных счетов, то, с другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что, когда вдребезги разбивают трон, его осколки неизбежно ранят некоторых добрых граждан; что коренная революция никогда не совершалась без того, чтобы широкий процесс разрушения существующего порядка вещей не оказался гибельным для кого-либо, и, следовательно, нельзя ставить в вину ни городу Парижу, ни другим городам, где могли бы произойти такие же бедствия, того, что, быть может, является результатом сведения личных счетов, которые я не отрицаю, но более вероятно является следствием того общего потрясения, той охватившей нацию лихорадки, какие сотворили чудеса, которым потомство будет удивляться».

Эта речь вызывает восхищение своей широтой и правдивостью. Какое это непоправимое несчастие, что он не смог убедить и примирить! Он старается, не задевая Ролана, рассеять мрачные призраки, которыми министр сам себя пугает:

«Итак, я говорю, что министр уступил чувству, которое я уважаю; но, увлеченный своей страстной любовью к порядку и закону, он увидел дух партии и больших государственных заговоров (*ропот в зале*) там, где были, пожалуй, только мелкие и жалкие интриги как по своим целям, так и по своим средствам. (*Повторный ропот.*) Постигните же ту истину, что в Республике не могут существовать клики. (*Ропот.*) Есть скрытые страсти; есть отдельные преступные действия, но нет тех широких заговоров, которые могли бы нанести ущерб свободе. (*Продолжительный ропот.*) А где же люди, которых обвиняют как заговорщиков, как претендентов на диктатуру или на триумвират? Пусть их назовут! Марат? Но я вам уже сказал... Да, мы должны объединить наши усилия, чтобы положить конец возбуждению, порожденному злобой и личными предубеждениями, вместо того чтобы запугивать себя пустыми, химерическими заговорами, существование которых было бы весьма затруднительно доказать. Я поэтому призываю к откровенному объяснению относительно разделяющего нас недоверия. Я предлагаю отложить дискуссию по докладу министра до какого-то определенного дня, потому что я хочу, чтобы факты были тщательно проверены и чтобы Национальный Конвент принял меры против тех, кто может оказаться виновным.

Я заверяю, что вполне обоснованным было возражение против посылки в департаменты писем, косвенно обвиняющих членов этого Собрания. Ролан обязан был отослать письмо, где идет речь об избиениях, министру юстиции или общественному обвинителю, чтобы передать его судам, и там, несомненно, было бы признано, что все эти мрачные проекты — пустые химеры. (*Ропот.*) Я это заявляю ясно, ибо настало время сказать это: все те, кто говорят о фракции Робеспьера, являются в моих глазах либо

людьми предубежденными, либо дурными гражданами». (*Аплодисменты.*)

Дантону пришлось говорить, преодолевая все усиливавшийся ропот и возраставшее сопротивление. Конвент не соглашался на отсрочку дискуссии. Он был охвачен той почти болезненной поспешностью, которая доводит большие собрания до предела возбуждения; вот ристалище, пусть выходят борцы! У лучших из них, быть может, было нетерпеливое желание кончить спор, внести ясность в положение. Жиронда же видела смущение, волнение Робеспьера: почем знать, может, удастся раздавить его в этот же вечер? Было очевидно, что атака была согласована между Роланами и Барбару, Луве, Ребекки.

КАТИЛИНАРИЙ * ЛУВЕ

Луве произносит длинную, заранее приготовленную речь, которую предвещали доклад Ролана и полицейское письмо. Сколь трогательно содружество добродетельной супружеской четы, упрекавшей Дантона в вольном образе жизни, с автором романов о Фоблазе, который, до того как измышлять мрачные истории заговоров, занимался сочинением альковных похождений [94]! Г-жа Ролан в «Портретах и анекдотах», написанных ею позднее в тюрьме Сент-Пелажи, в августе 1793 г., отзывается о Луве с большой доброжелательностью [95]:

«Луве, с которым я познакомилась во время первого министерства Ролана и чье общество мне всегда будет приятно, иногда, подобно Филопемену **, проигрывает из-за своей невзрачной наружности. Маленький, щуплый, болезненного вида, небрежно одетый, заурядным людям он кажется ничтожным, они не заметят ни благородного чела его, ни огня, вспыхивающего в его глазах

---

* Резкая сатира в духе речей Цицерона против Катилины.— *Прим. ред.*

94. Луве (1760—1797) — приказчик в книжном магазине и литератор, автор романов об эротических похождениях кавалера Фоблаза: «Une année de la vie du chevalier de Faublas» (1787); «Six semaines de la vie du chevalier de Faublas pour servir de suite à sa première année» (1788); «Vie et fin des amours du chevalier de Faublas» (1793).

95. «Notices historiques. Portraits et anecdotes», написанные г-жой Ролан в тюрьме, были опубликованы в III г. самим Луве в первом томе «Appel à l'impartiale postérité par la citoyenne Roland... ou Recueil des écrits qu'elle a rédigés...». См.: M m e R o l a n d. Mémoires (édition critique par Cl. Perroud). Paris, 1905, 2 vol., t. I, p. 161.

** Филопемен (253—183 гг. до н. э.) — древнегреческий полководец и политический деятель. В 208 г. до н. э. возглавлял военные силы Ахейского союза.— *Прим. ред.*

и освещающего лицо, когда выказывают великую истину, прекрасное чувство, остроумную мысль или тонкую шутку. Литераторы и люди, обладающие вкусом, знакомы с его милыми романами, в которых богатое воображение сочетается с изящным слогом, философическим складом и тонкой критикой. Политика обязана ему самыми серьезными сочинениями, коих принципы и манера изложения тоже говорят в пользу его души и талантов. Он доказал, что его искусная рука способна то вселять безудержное веселье, то работать резцом историка, то метать молнии красноречия. Невозможно сочетать больше ума с меньшими притязаниями и большим добродушием. Храбрый как лев, простодушный как дитя, чувствительное сердце, добрый гражданин, яркий писатель, он способен с трибуны повергнуть в трепет Катилину *и, отобедав у Граций, отужинать с Башомоном* [96].

Его Катилинарий, или *Робеспьерида*, заслуживал быть произнесенным в Сенате, который обладал бы силой вершить правосудие!»

Увы! И г-жа Ролан, которая, говоря о Грациях и о Башомоне, становится почти жеманной, в духе Регентства, уличала Дантона в ханжестве! Какие глубокие возможности лицемерия таит в себе дух котерии даже у людей честных и благородных!

То, что Луве вынес на трибуну, представляло собою жалкий роман. И тщетно пытался он изобразить раскаты грома, потряхивая треснувшими погремушками. В решающей схватке с Робеспьером могли возыметь действие лишь удары прямые, разящие без промаха, точные обвинения, конкретные факты. А он лишь повторял туманные обвинения в диктатуре, ставил Робеспьеру в упрек его влияние у якобинцев. А когда он захотел уточнить, его обвинения оказались либо жалкими, либо ложными. Послушайте одно из предъявленных им Робеспьеру обвинений: обвинение в том, что он, Робеспьер, после 10 августа явился на заседание временного Генерального совета Коммуны, *в состав которого входил сам Луве*:

«Представители народа, только что миновал день навеки памятный, 10 августа, день, спасший Францию. Прошло еще два дня. Будучи членом этого временного Генерального совета (*ропот в зале*), я находился при исполнении своих обязанностей. Входит какой-то человек, и вдруг в собрании происходит большое движение. Смотрю и едва верю глазам своим... То был он, то был Робеспьер. Он шел занять место среди нас. Нет, я ошибаюсь, он шел занять место уже в президиуме. С того времени он уже не признавал равенства».

Что можно сказать об этом ребячьем лепете Луве! Но вот обвинение более грозное... если оно правдиво:

«Законодательное собрание, его повседневно третировал, игнорировал, унижал наглый демагог, который являлся к барьеру, чтобы диктовать ему декреты, возвращался в Генеральный совет

только для того, чтобы обличать Собрание, и приходил даже в Комиссию двадцати одного, чтобы угрожать набатом...»

Ответом даже прежде, чем Луве объяснился, был взрыв негодования против Робеспьера. Напрасно Бийо-Варенн кричит: «Это ложь!» Его голос заглушен криками, заявлениями свидетелей, подтверждающих слова Луве. Волнение как будто охватывает уже не только жирондистов. Многие члены Конвента указывают на Робеспьера, жесты их обвиняющие и угрожающие, и Камбон, который не может забыть унижений и страхов времен Законодательного собрания, восклицает яростно и как бы хватая невидимый кинжал, который передавали в истории друг другу страстно влюбленные в свободу: «Негодяй, вот, вот он, смертный приговор диктаторам» [97].

Делакруа торжественно подтверждает правдивость рассказа Луве [98]: «Сойдя с трибуны, я направился в левую сторону зала, и Робеспьер тогда сказал мне, что если Собрание добром не согласится на то, что от него требуют, то его можно будет принудить к тому набатом». В ответ возобновляется хор жирондистских проклятий: «Негодяй! Негодяй!»

А между тем Делакруа, подтверждая рассказ Луве, опровергал его: по словам Луве, разговор имел место в Комиссии двадцати одного. По рассказу Делакруа, дело было в самом зале заседаний, и это не было выступление публичное, официальное, обдуманное, это был разговор одного человека с другим, и его буква и смысл могли быть искажены. Все это могло произвести мгновенный эффект, но не могло выдержать хладнокровного рассмотрения! Впрочем, тут же, на этом же заседании, эффект был сведен на нет силой Робеспьера. Поддерживаемый братом, он боролся, пытаясь разорвать кольцо жестикулировавших вокруг него врагов и подняться на трибуну. Он бурно протестовал против обвинения Луве. А Жиронда уже собиралась превратить его в обвиняемого.

«Я заявляю Конвенту,— восклицает один из его членов,— что он не может слушать выступление с трибуны человека, обвиняемого в подобном преступлении. Он должен спуститься к барьеру».

Несмотря на все это, бурный протест Робеспьера будил сомнение, несколько разбивая единое течение. Луве обронил страшную и коварную фразу: «Вы отомстите за Законодательное собрание»; и страдания уязвленного самолюбия тех депутатов, которые не

---

96. Башомон (Bachaumont) (1690—1771) — автор «Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la Republique des lettres», которые он начал публиковать в 1762 г. Он считается автором первых четырех томов этого труда, который был продолжен после его смерти.
97. «Moniteur», XIV, 343; «Archives parlementaires», LIII, 55.
98. Ibidem.

сумели вовремя захватить инициативу и руководство революционной борьбой против королевской власти и вынуждены были поэтому в течение нескольких дней терпеть диктатуру смелой и победоносной Коммуны,— эти страдания действительно обострялись, выливаясь в жажду мести. Но выступление Луве представляло очень хрупкую точку опоры, пустую декламацию. Озлобленные не нашли в нем того, чего они ждали. Его утверждения относительно сентябрьских событий были слишком вопиющим софизмом: нельзя было, по существу, обвинять в этих избиениях Робеспьера и Дантона и полностью выгораживать Жиронду. Когда Луве заявляет, что «охранительная власть Петиона была скована и что Ролан тщетно взывал», то это чисто партийная риторика, ибо в первый день ни Петион, ни Ролан не предприняли никаких заметных усилий. И чтобы связать Робеспьера и Марата, Луве ссылается на то, что первый поддержал на собрании выборщиков кандидатуру второго. Выступление Луве пронеслось поэтому, как облако, разбухшее, фантастическое, но пустое, полное угроз, но ничтожное по своему действию. К тому же он сам лишал силы свои обвинения неуверенностью своих заключений и их бессвязностью:

«Робеспьер, я обвиняю тебя в том, что ты издавна клевещешь на самых честных, на лучших патриотов. Я тебя обвиняю в этом, ибо полагаю, что не тебе судить о чести добрых граждан и представителей народа.

Я обвиняю тебя в том, что ты особенно яростно клеветал на этих людей в первые дни сентября, то есть в такое время, когда клевета была равносильна проскрипции.

Я обвиняю тебя в том, что ты прилагал все свои силы к преследованию и унижению национального представительства и побуждал других к тому же.

Я обвиняю тебя в том, что ты постоянно выставлял себя в качестве объекта идолопоклонства, что ты допускал, чтобы в твоем присутствии о тебе говорили как о единственном во Франции добродетельном человеке, единственно способном спасти отечество, и двадцать раз сам давал это понять.

Я обвиняю тебя в том, что, пустив в ход все средства интриги и устрашения, ты подчинил своей тиранической власти собрание выборщиков Парижа.

Я обвиняю тебя в том, что ты явно добивался высшей власти, что доказывают как приведенные мною факты, так и все твое поведение, которое вопиет против тебя еще громче, чем я.

Я требую, чтобы рассмотрение твоего поведения было поручено какому-либо комитету.

Законодатели, среди вас находится другой человек, чьим именем я не хочу осквернить своих уст, человек, которого мне не нужно обвинять, ибо он сам себя обвинил. Он сам сказал вам, что, по его мнению, надлежало отрубить 200 тыс. голов. Он сам

признал пред вами то, чего, впрочем, не мог отрицать, что он советовал свергнуть правительство, что он призывал к учреждению трибуната, диктатуры, триумвирата. Но когда он сделал перед вами это признание, вы, быть может, еще не знали всех обстоятельств, придававших этому преступлению характер подлинно государственного преступления. И этот человек пребывает среди вас! Франция негодует, а Европа удивляется. Они ждут, когда вы вынесете решение.

Я требую обвинительного декрета против Марата (*ропот на местах крайне левой; аплодисменты на других скамьях*), а также обязать Комитет общественной безопасности расследовать поведение Робеспьера и *нескольких других человек*» [99].

Но почему такая разница между Маратом и Робеспьером? Почему сразу декрет о предании Марата суду и только расследование в отношении Робеспьера? Стало быть, Луве тем самым признавал, что у него нет абсолютной уверенности в силе своих доказательств, ибо если бы было доказано преступление Робеспьера, якобы притязающего на высшую власть и добивающегося ее, то это было куда посерьезнее всех разговоров Марата. Ни Луве, ни Жиронда не чувствовали себя способными убедить Конвент принять решающие меры против Робеспьера. Велико было разочарование Конвента. Конвент ожидал от жирондистов вовсе не доказательства того, что в ходе революционного кризиса, из которого родилась Республика, Робеспьер всячески старался усилить свое политическое влияние и влияние Коммуны.

Что следовало доказать, так это то, что Робеспьер старался определенными действиями уничтожить волю нации, заменить законную власть Конвента диктаторской кликой. Но ведь именно Робеспьер потребовал созыва Конвента. Обвинение Луве рушилось. От него не оставалось ничего конкретного, а лишь туманное обвинение, направленное против Робеспьера и *нескольких других* и, логически рассуждая, против парижского народа, против народа 10 августа. Нет, Конвент не мог отважиться пойти по этому пути. У Жиронды была только одна возможность увлечь за собою Конвент: ослепить его, породить атмосферу фанатизма, связать его немедленно ответственным решением, которое вынудило бы его в дальнейшем принять на себя новую и еще более тяжкую ответственность. Поскольку Жиронда отвергла предложение Дантона об отсрочке дискуссии, ей нужно было, чтобы в тот же вечер, сразу после речи Луве, против Робеспьера был принят обвинительный декрет и он был немедленно арестован.

Отложив заключение, после того как она отвергла отсрочку

---

99. По окончании прений Конвент ограничился постановлением о напечатании речи Луве и о том, что Робеспьеру будет предоставлено слово для ответа в следующий понедельник, 5 ноября 1792 г.

дискуссии, Жиронда обнаружила свою слабость и свое бахвальство. После речи, целиком обращенной против Робеспьера, удовольствоваться привлечением к суду Марата значило сделать явным то, что было искусственного в этих вспышках гнева и показных страхах. Это значило также дать время холодному рассудку развеять чары страстной риторики романиста Луве.

Результат заседания был плохим для Конвента и плачевным для Жиронды. Газета «Революсьон де Пари», любившая казаться беспристрастной и к тому же не особенно жаловавшая Робеспьера и Марата, вероятно, потому, что ей не удалось оказать достаточно сильного влияния на избирательные собрания в Париже, довольно верно отражает недовольство общественного мнения [100].

«Увы! Приходится краснеть за наших депутатов. Они проводят время во взаимных обвинениях. Заседания депутатов, которые затягиваются далеко за полночь, тратятся на то, чтобы слушать, как Луве обвиняет Робеспьера, как Робеспьер обвиняет Бриссо и компанию, а Барбару — Марата; как Марат небрежно, наспех обвиняет один всех генералов, всех министров, всех своих коллег по Конвенту, исключая Дантона, который, о, неблагодарность, покидает Марата в разгар драки, — какая жалкая картина!.. Луве, если несколько честолюбцев предприняли преступные попытки изменить форму правления, но Конвент, следуя здравому рассудку, перешел к очередным делам, то зачем, спрашивается, возвращаться опять к этому вопросу? Разве на то нет судей и ликторов? Если Марат, Дантон и Робеспьер — триумвиры той диктатуры, о которой ты нам говоришь, тебе достаточно было сказать им: «Покиньте этот зал, откуда вас изгоняют ваши преступления, и следуйте за мною в суд. Я вызываюсь быть вашим обвинителем, защищайтесь». Ты бы избавил нас от пространного изложения дискуссии в Якобинском клубе и от скандального заседания Конвента, политическое значение которого было ничтожно, и от смущения Робеспьера, вынужденного просить восьмидневную отсрочку для ответа. Восемь дней нужно *неподкупному* Робеспьеру, чтобы оправдаться!»

Газета Прюдома с такой горечью говорит о собрании выборщиков Парижа, о Робеспьере, Дантоне и Марате, которые на нем господствовали, что ясно видно, что почтенная, доктринерская и сентенциозная газета недовольна результатами выборов. Она утешает себя тем, что находит все мелким:

«Конвент, вообще говоря, плохо выбран, особенно *депутация от Парижа*, которая должна была бы быть наилучшей; Конвент, который должен был бы быть некиим Атласом, поскольку ему предстоит, так сказать, поставить весь земной шар на ось разума, живет лишь мелкими страстями тщедушного и строптивого ребенка».

Для Дантона у почтенной газеты находятся жестокие и коварные слова:

«А ты, Дантон, ты тоже молчишь либо открываешь рот только для того, чтобы трусливо отмежеваться от *своего мелкого агента*!»

Итак, разочарование результатами выборов в Париже должно было сблизить журналистов газеты Прюдома и жирондистов, а между тем речь Луве произвела на демократов столь неприятное впечатление, что газета вынуждена была осудить это выступление. Карра в отчете о заседании в «Анналь патриотик» явно отмежевывается от Жиронды и отнюдь не любезно отзывается о Луве [101].

«Луве начинает длинную обвинительную речь против Робеспьера, Марата, Дантона и т. д., но главным образом нападает на Робеспьера, которого обвиняет как вождя партии убийц и погубителей свободы. *Он украшает свое повествование ораторскими жестами, пускает в ход все приемы красноречия в таком предмете, говоря о котором правильнее было бы, пожалуй, отказаться от них...* Говоря о Марате, оратор прибегает к такому преувеличению, которое уже не производит никакого впечатления. Он говорит о нем сначала, не называя по имени, как о человеке, подобного которому не знала история, как о воплощении душегубства. Затем, назвав его, прерывает себя, восклицая: «О боги! Я произнес его имя!» Кому-нибудь такой оборот может показаться удачным; мы находим его искусственным и ребяческим. Нам так же мало нравится и такой оборот: «О, верх ужаса! Уже был выписан ордер на арест добродетельного Ролана!» Ибо, каким бы негодяем ни считать Марата, его фамилия все же лучший способ назвать его, указать на него тем, кому хотят дать о нем представление, а каким бы добродетельным ни был Ролан, ордер на его арест не может считаться верхом ужаса, когда только что говорили о множестве убийств, учиненных и задуманных».

Разъятое таким образом на составные части, красноречие Луве уже на следующий день не кажется таким торжественным.

Тон Кондорсе суров и печален. Он пишет сам, и за своей подписью, в «Кроник де Пари» 31 октября. Это тяжкая обвинительная речь против Ролана и Жиронды, выраженная в сдержанной форме, с оттенком затаенной скорби:

«Министр внутренних дел представил доклад о политическом положении. Вкус к торжественным преамбулам, столь характерный для прежних министров, слишком явно проглядывал и в этом

---

100. «Révolutions de Paris», № 173, 27 octobre — 3 novembre 1792.

101. «Annales patriotiques», № 305, 31 octobre 1792. Карра (1742—1793) — депутат от департамента Сона и Луара, редактор «Annales patriotiques et littéraires», не может быть определенно причислен к группе жирондистов, хотя он и погиб вместе с ними на эшафоте.

докладе, чтобы не почувствовать сразу же желания произвести впечатление, о чем, надо сказать, государственному человеку не следовало бы думать. После длинного перечня препятствий, мешающих в Париже исполнению законов, злоупотреблений, чинимых незаконной и анархической администрацией, ошибок одних людей и преступлений многих других, г-н Ролан счел должным изобличить заговоры, которые, если бы они действительно существовали, сделали бы невозможным установление во Франции законности и свободы. Как поверить в намерение возобновить преступления, совершенные 2—3 сентября? Как поверить в реальное существование заговора с целью истребления граждан, во всех отношениях хорошо служивших отечеству и чья жизнь связана в известной мере с судьбой государства? *Наконец, как поверить в существование заговора, столь же бессмысленного, сколь и отвратительного? В качестве доказательства приводилось письмо некоего судьи. Но разве это письмо содержит доказательства? Если да, то почему не продолжить их рассмотрение в судах? Разве не очевидно, что обращаться с подобными обвинениями непосредственно к Конвенту — значит заронить в него ферменты волнений, пагубные для общественного блага, рождающие озлобление и предубеждения, которые следовало бы погасить в интересах отечества, если не в интересах славы? Кто поверит, что народ будет равнодушно взирать, как время, отведенное для обсуждений, расходуется на споры, не имеющие никакого отношения ни к его интересам, ни к обязанностям его представителей? И не преступно ли действует тот, кто вызывает эти споры, даже если допустить, что опасения, якобы его волнующие, не химеричны? Постоянно занимать публику своей особой, не значит ли это желать любой ценою выдать себя за важную персону? И не опасна ли подобная претензия в республиках, особенно когда она облекается в некие жестокие формы и когда и между партией, которую атакуют, и партией, которую поддерживают, не мыслят иных различий, кроме различий, отделяющих пошлость от честности, преступление от добродетели?*

...По-видимому, доклад г-на Ролана отнял довольно много времени у Собрания и, пожалуй, у государственных дел. Можно было заметить, что он достаточно разбередил раны, которые предубеждения, озлобление и страхи оставили нам после событий 10 августа? Но Луве потребовал слова, чтобы выступить с обвинением Робеспьера. И поскольку все, что возбуждает страсти, не может не привлечь внимания собравшихся людей, ибо такова натура человека, оратор смог излить все свои обиды (большей частью, впрочем, вполне справедливые), которыми была полна его душа.

Сегодня об этой речи можно сказать только, что она была составлена с целью оставить в умах многих слушателей слишком длительный след, а у других вызвать глубокое сожаление по пово-

ду пагубных плодов личных страстей. Все это совсем не то, что нужно государству».

Кондорсе еще накануне был другом Жиронды, но его критический ум возмущен глупостью полицейской бумаги, принесенной Роланом, и он выведен из терпения жестоким и агрессивным тщеславием этого посредственного и желчного бюрократа, который, чтобы поднять себе цену, создает призрачные заговоры и разжигает злобные чувства. Со скорбью и ужасом взирает Кондорсе на то, как Жирондой овладевает дух эгоизма, помутнение разума. О, великий человек! Ты поплатишься своей жизнью, как и Дантон, за грехи, совершенные другими!

31 октября один депутат внес предложение запретить кому-либо из членов Конвента обвинять другого [102]. Это было несколько наивное решение вопроса. Но хотя Конвент принял решение о переходе к очередным делам, это было симптомом растущей тревоги, вызываемой в умах бешеными метаниями Жиронды. Газета Бриссо с раздражением выступила против незадачливого миротворца:

«Только весьма мало просвещенным патриотизмом либо коварным духом клики можно объяснить выдвинутый одним депутатом проект резолюции, который мог понравиться только анархистам; он предложил, чтобы ни один депутат не мог ни под каким предлогом обвинить другого, а также предложил ряд уголовных постановлений против нарушителей этого нелепого закона. Когда порочные последыши из числа сообщников Суллы заседали в римском Сенате рядом с истинными республиканцами; когда Катилина и Цетег * оказались лицом к лицу с Цицероном и Катоном; когда эти два друга отечества возвышали свой голос против жестоких анархистов, прокладывавших себе путь к тирании посредством демагогии, как поступило бы честное и несгибаемое большинство римских законодателей, если бы им предложили закрыть рот гражданам, достаточно мужественным, чтобы не бояться кинжалов и смелой рукою устранить заговорщиков и их пособников? Сенат Рима отверг бы с презрением и негодованием это предложение как преступное или абсурдное. Именно так поступил Национальный Конвент: он перешел к очередным делам, несмотря на некоторые крики».

Как искусно, как старательно оттачивает Жиронда нож гильотины, который отсечет все ее головы! Она первая будет повержена как сообщник тирана, свергнутого 10 августа, как «порочный последыш сообщников Суллы».

---

102. «Moniteur», XIV, 355; «Archives parlementaires», LIII, 86. Отчеты заседаний не дают возможности установить личность автора этого предложения.

* Кай Корнелий Цетег — один из главных сообщников Катилины, казненный вместе с другими заговорщиками в 63 г. до н. э.— *Прим. ред.*

ОТВЕТ РОБЕСПЬЕРА

Но Конвент начинал пресыщаться всеми этими нападками, и эффект напыщенной речи Луве пропал, когда восемь дней спустя, в понедельник 5 ноября, на трибуну поднялся Робеспьер, чтобы ответить на обвинения. Он говорил сдержанно, точно, скромно и искусно. Было видно, что он старался противопоставить высокопарной речи Луве ответ спокойный и весомый. Он легко свел на нет некоторые наивные обвинения [103]:

«Мне вменяют в вину даже то, как я вошел в зал, где заседал новый муниципалитет, и мой обвинитель совершенно серьезно попрекнул меня тем, что я направился к президиуму. В тех условиях, когда нас беспокоили иные заботы, мог ли я предположить, что в один прекрасный день мне придется доложить Национальному Конвенту, что я был в президиуме лишь для проверки моих полномочий».

Вот на чем Луве основал свое пресловутое: «Я обвиняю тебя». А вот о другом факте, который вызвал 29 октября волну бурного негодования Жиронды, которая как бы захлестнула Робеспьера:

«Лакруа говорил вам, что, находясь в углу левой стороны, я угрожал ему набатом. Лакруа, несомненно, ошибся. (*Ропот.*) Нет никаких оснований прерывать меня, ибо даже я не стал бы отрицать этот факт, если б он был точно изложен. Но, повторяю, Лакруа ошибся, он мог перепутать некоторые факты или забыть их, но у меня также есть свидетели, даже в этом Собрании и среди членов Законодательного собрания. Я напомню об этих фактах. Очень хорошо помню, что в том углу, о котором шла речь, я услышал некоторые речи, показавшиеся мне весьма фейянтистскими и малодостойными тогдашних обстоятельств, и в том числе слова, адресованные Коммуне: «Что же вы не бьете в набат?» Вот на эти слова или на другие в этом роде я и ответил: «В набат бьют те, кто старается несправедливостью внести ожесточение в сердца людей». Я также припоминаю, как один из моих коллег, менее терпеливый, чем я, сказал тогда нечто подобное тому, что приписывают мне, и другие слышали, как я сам упрекал его за это».

Рейно: «Я подтверждаю факт, только что сообщенный Робеспьером» [104].

Итак, все, что было хоть сколько-нибудь определенного в обвинительной речи, при рассмотрении рассеивалось. Робеспьер очертил расстояние, отделявшее его от Марата, он четко защищал все действия Коммуны:

«Разве не обвинили нас в том, что мы совместно с Исполнительным советом направили во многие департаменты комиссаров для пропаганды наших принципов и для того, чтобы убедить их объединиться с парижанами в борьбе против общего врага [105]?

Как же представляют себе последнюю революцию? Таким ли уже легким казалось свержение трона до победы? Разве дело шло лишь о налете на Тюильри? Ведь нужно было уничтожить повсюду во Франции партию тиранов и сообщить тем самым всем департаментам то спасительное волнение, которым был наэлектризован Париж! И могли ли члены муниципалитета, призвавшие народ к восстанию, не проявить заботу об этом? Речь шла об общественной безопасности; *они отвечали за нее головой!* А им вменяют в преступление, что они направили комиссаров в другие коммуны, чтобы призвать их поддержать и укрепить их дело. Более того, клевета обрушилась на самих комиссаров. Некоторые из них были брошены в тюрьму. Стремясь найти предлог, который позволил бы им превратить миссионеров Революции в поджигателей, во врагов общественного порядка, фейянтизм или невежество старались определить степень пылкости их стиля, измерить размах их шагов конституционным циркулем...

Граждане, неужели вы хотите Революцию без революции?

Что это за дух преследования, который возник для того, чтобы, так сказать, ревизовать революцию, разбившую наши оковы? Но как можно с уверенностью судить о последствиях, какие могут повлечь за собой такие великие потрясения? Кто может точно указать задним числом, где должен остановиться поток народного восстания? Какой народ смог бы в этих условиях свергнуть когда-нибудь иго деспотизма?.. Нет, мы ни в чем не ошиблись. Клянусь в том поверженным троном и набирающей силы Республикой».

В этом Робеспьер был, очевидно, прав, впрочем, он только повторял то, что сам Ролан говорил после 10 августа и даже после 2 сентября. Что остается верным и в чем Робеспьеру, в его объяснениях о сентябрьских избиениях, не удается оправдаться, это то, что он хотел использовать революционное движение, чтобы погубить Жиронду, что в той мере, в какой это зависело от него, он стремился использовать это величайшее потрясение в интересах удовлетворения своего честолюбивого «я», своей непримиримой гордости. Верно то, что из-за этой страшной личной предвзятости Робеспьер всегда хватает топор событий, чтобы отсечь всякие

---

103. «Moniteur», XIV, 390; Buchez et Roux. XX, 198; «Archives parlementaires», LIII, 158; M. Robespierre. Discours, IX, 79. Об этой важной речи см.: E. Hamel. Histoire de Robespierre, t. II, p. 503; J. Massin. Robespierre, p. 146. [См.: Максимилиан Робеспьер. Избранные произведения. 1965, т. II, с. 87 и др.]
104. Рейно (Reynaud) (1749—1815) — адвокат и мэр города Пюи, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Луара.
105. О комиссарах Временного Исполнительного совета и Парижской коммуны см. выше, с. 60, прим. 6.

соперничающие влияния. Но если бы Революция сохраняла свое внутреннее единство, если бы Жиронда с первых же дней не расколола Конвент, какое значение в широком развитии революционных сил могла бы иметь болезненная гордость Робеспьера? Именно Жиронда, обвиняя его в «диктатуре», подготовляла ее. По мере того как Революция суживается, она рискует стать пьедесталом лишь для одного человека. А жирондисты с ожесточением суживают ее в этот светлый день победы и надежды, когда она могла бы шириться в атмосфере согласия и радости. Они могут утверждать, желая оправдаться перед историей, что их страсть была по крайней мере искренней. Ибо лишь задним числом, хладнокровно стремясь достичь политического господства, они возбудили в себе филантропическое негодование по поводу сентябрьских событий. Это одно только лицемерие, театральная эмоция.

«В пользу Генерального совета Коммуны я мог бы,— восклицает Робеспьер,— процитировать самого г-на Луве, который начал одну из своих афиш «Сантинель» следующими словами [106]: «*Хвала Генеральному совету Коммуны! Он приказал ударить в набат! Он спас отечество...*» То было во время выборов. (*Аплодисменты слева и на трибунах.*)

Уверяют, что погиб один невинный человек. Кому-то нравится раздувать число невинных жертв. Но и один— это, конечно, слишком много. Граждане, оплакивайте эту жестокую ошибку. Мы уже давно оплакиваем ее, это был добрый гражданин, стало быть, один из наших друзей. Оплакивайте даже виновных, которых ожидало возмездие законов и которые пали от меча народного правосудия. Но пусть ваша скорбь имеет границы, как и все человеческое.

Оставим немного слез для более тяжких для нас бедствий. Оплакивайте патриотов, погубленных тиранией. Их сто тысяч. Оплакивайте наших граждан, гибнущих под кровом своих домов, объятых пламенем. Вы можете, однако, найти утешение, если, подавив все низкие чувства, вы будете стремиться обеспечить счастье вашей страны и подготовить счастье всего мира... Чувствительность, оплакивающая почти исключительно врагов свободы, внушает мне подозрение. Перестаньте размахивать перед моими глазами окровавленным платьем тирана, иначе я подумаю, что вы намереваетесь вновь заковать Рим в оковы. Когда вы слушали патетические описания бедствий Ламбалей и Монморенов, повествования о горестях дурных граждан и эти яростные декламации против людей, известных только с хорошей стороны, не казалось ли вам, что вы читаете манифест герцога Брауншвейгского или Конде? Неустанные клеветники, неужели вы хотите отомстить за гибель деспотизма? Неужели вы хотите осквернить колыбель Республики? Неужели вы хотите обесчестить в глазах Европы Революцию, детищем которой является Республика,

и дать оружие в руки всех врагов свободы? Вот уж поистине восхитительная любовь к человечеству, ведущая к увековечению нищеты и порабощения народов и прикрывающая варварское желание купаться в крови патриотов!»

Трибуны приветствовали эту великую речь, которая была бы еще более великой, не будь в ней этого последнего штриха. Даже охваченный возвышенным порывом, Робеспьер не может сбросить все бремя дурных мыслей. Но Конвент, покоренный, в молчании, слушал человека, которого восемью днями ранее жирондисты в своем неистовстве чуть не растоптали ногами. Конвент чувствовал в нем одну из сил Революции, и он был поражен этой речью, спокойной и повелительной. Робеспьер торжествует наконец победу над жалкими полицейскими уловками Ролана, и он высмеивает его вечные страхи и вечное бахвальство:

«Граждане, если когда-нибудь по примеру лакедемонян мы воздвигнем храм страху, я предложил бы избирать служителей нового культа среди тех, кто непрерывно твердит нам о своем мужестве и о грозящих им опасностях. (*Продолжительные аплодисменты слева и на трибунах.*)

Что сказать мне вам о том письме, которое столь робко и, смею сказать, столь неловко было предложено вашему вниманию? [107] Загадочное письмо, адресованное третьему лицу, какие-то безымянные разбойники! Безымянные убийцы! И среди этого тумана слово, брошенное будто невзначай: *они слышать не хотят ни о ком, только о Робеспьере!* Недомолвки, загадки в столь важном деле, представленном вами на обсуждение Национального Конвента! И все это привязано к весьма коварному докладу, после того множества пасквилей, афиш, памфлетов, всевозможных газет, кои распространяли всеми способами и ценой огромных расходов по всем уголкам Республики. О, добродетельный человек, исключительно, неизменно добродетельный человек! Куда же хотите вы прийти этими темными путями? Вы испытывали общественное мнение. И вы остановились, охваченные страхом. Вы правильно поступили. Природа не создала вас ни для великих дел, ни для великих преступлений. Я сам останавливаюсь здесь из уважения к вам. Вам не известна омерзительная история автора загадочного послания. Вы можете познакомиться с ней, если у вас хватит на то мужества, обратившись к полицейским архивам» [108].

Это была речь тонко нюансированная и в то же время грозная. Добродетельный Ролан, опустившийся до столь пошлых полицей-

---

106. Луве был редактором газеты «La Sentinelle», выходившей в виде афиш на средства министерства внутренних дел. См. ниже, с. 516, прим. 124.

107. Речь идет о письме, которое было приложено Роланом к его докладу от 29 октября 1792 г. См. выше, с. 487, прим. 87.

108. Намек на Рока Маркандье. См. выше, с. 488, прим. 89.

ских ухищрений, совершенно уничтожен этой гордой иронией. После этих призывов к миру и согласию Робеспьер сошел с трибуны под гром аплодисментов. И Конвент, освободившись от ига Жиронды, отказался заслушать реплику Луве. Это было великое поражение для жирондистов. Они возвеличили своего противника. Его сила, его престиж, его гордость и его ненависть возросли. И сами они, злоупотребив оказанным им доверием, разбили или подорвали его. Барер, со своей всегдашней, несколько двусмысленной гибкостью, попытался, соединив все воедино, прикрыть поражение Жиронды. Он предложил Конвенту перейти к очередным делам, сформулировав это в выражениях, презрительных по отношению к Робеспьеру [109]:

«Что значат в глазах политического законодателя все эти обвинения в диктатуре, в честолюбивом стремлении к высшей власти, в нелепых замыслах учреждения триумвирата? Граждане, не будем придавать слишком большого значения людям, которых общественное мнение лучше, чем мы с вами, сумеет поставить на подобающее им место. Не будем воздвигать пьедесталов для пигмеев. Граждане, если бы в Республике был человек, родившийся с гением Цезаря, с дерзостью Кромвеля, человек, который соединял бы с талантом Суллы опасные средства, я мужественно выступил бы, чтобы обвинить его перед вами. Такой человек мог бы представлять опасность для дела свободы. Если бы сюда вошел какой-нибудь гениальный законодатель, обладающий сильным характером или безбрежным честолюбием, я прежде всего спросил бы, располагает ли он армией или большой партией в Сенате или в Республике.

И если бы вы заметили у этих людей хоть какие-либо признаки замыслов, посягающих на права народа или на верховную власть законов, вы должны были бы декретировать предание их суду, как дерзких заговорщиков. Но люди одного дня, мелкие мастеровые революции, политики, которые никогда не войдут в историю, не заслуживают того, чтобы тратить на них ваше драгоценное время, необходимое для великих дел, возложенных на вас народом».

И как бы для того, чтобы подчеркнуть второстепенное значение всей этой дискуссии, Барер предложил следующую формулу перехода к очередным делам:

«Национальный Конвент, полагая, что он должен заниматься только делами, касающимися интересов Республики, переходит к очередным делам».

Но Робеспьеру уже мало было того, что он спасся, он не желал допустить своего умаления:

«Я отвергаю вашу формулу перехода к очередным делам, вы включаете туда преамбулу, оскорбительную для меня» [110].

Его сторонники и он требуют простой формулы перехода к очередным делам. И под аплодисменты трибун Конвент принимает

простую формулу перехода. Неслыханное дело! Жиронда, потерпев поражение, проявила столь мало достоинства, столь мало политического чутья, что упорно добивалась принятия предложенной Барером формулы перехода, а ведь она представляла собой прежде всего жестокое осуждение политики жирондистов, открывших всю эту дискуссию. Но обезумевшая Жиронда была озабочена только одним — скрыть свой провал. Она хотела иметь возможность сказать стране, что если Конвент не стал преследовать Робеспьера, то лишь из презрения к нему. Жалкое противоречие! Почему же тогда она сама не явила пример презрения? Поистине она уже была не способна ни говорить правду, ни видеть ее, она уже была не способна извлекать уроки из событий. Бриссо в отчете о заседании, напечатанном в «Патриот франсэ», жалким образом запутался. Упомянув о «скучной и незначительной защитительной речи Робеспьера», который в действительности никогда не был столь убийственным, столь разнообразным и столь красноречивым, Бриссо продолжал [111]:

«Возникла новая дискуссия: одни вовсе не хотели перехода к очередным делам, опасаясь, что это означало бы оправдание Робеспьера, который никак не оправдался. Другие, и их было большинство, хотели перехода, потому что это было равноценно объявлению о *непричастности* и выражало презрение Конвента к смутьянам, и в этом смысле он был принят значительным большинством. Меньшинство было против такого перехода только потому, что полагало, что это презрение было в нем выражено недостаточно глубоко».

Жалкие люди, ослепленные и сами себя обманывающие! Горе-политики! Предупрежденные первыми ударами судьбы, они еще имели возможность привести в порядок свои дела, но вместо этого, тщась уверить самих себя в неизменности своего политического влияния, они шли прямо к полному краху!

Влияние Жиронды всюду слабело. У нее были серьезные просчеты с Гара, новым министром юстиции, и с Пашем, новым военным министром [112]. Она вообразила, что они будут ее людьми, а они с первых же шагов отворачивались от нее. Паш заменил на посту военного министра Сервана. Ранее он был служащим

---

109. «Moniteur», XIV, 395. «Двоедушный Барер»,— писал Робеспьер в своем восьмом «Письме к своим избирателям».
110. «Moniteur», XIV, 397.
111. «Le Patriote français», № 1184, 6 novembre 1792.
112. Гара (1749—1833) — адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия бальяжа Истариц, с октября 1792 г. министр юстиции вместо Дантона, в марте 1793 г. назначен на пост министра внутренних дел. См. выше, с. 491, прим. 93.

у Ролана, и его простота и скромность, его нрав, молчаливый, кроткий, любовь к порядку — все это убедило Ролана, наблюдателя весьма поверхностного, что в лице Паша он будет иметь послушное орудие.

«Паш,— пишет г-жа Ролан [113],— носит личину величайшей скромности; и эта личина такова, что побуждает и других думать о нем так, как якобы он сам думает о себе, и ценить его не особенно высоко. Но эту его скромность оценивают, когда обнаруживают, что он верно рассуждает и не лишен знаний...» Человек, который мало говорит, слушает с пониманием все, о чем рассуждают при нем, и позволяет себе кое-какие уместные замечания, легко может сойти за ловкого человека. Паш сблизился с Мёнье и Монжем, которые оба были членами Академии наук. Они даже создали народное общество в секции Люксембургского дворца, целью которого, как они говорили, было распространение просвещения и воспитание гражданских чувств. Паш уделял этому обществу много времени. Как гражданин, он, казалось, посвящал отечеству все время, остававшееся у него после занятий со своими детьми и публичных лекций, на которые он их водил [114].

Он поступил на службу в канцелярию Ролана, но отказался от всяких чинов или жалованья... Каждое утро он приходил в семь часов, со своим куском хлеба в кармане, и оставался до трех часов, причем невозможно было заставить его принять что-нибудь, и все это время он оставался внимательным, осторожным, прилежным, хорошо выполнял свои обязанности, делая иногда какое-нибудь замечание, вставляя слово, помогавшее выяснить вопрос, и успокаивал Ролана, которого иногда раздражали возражения его чиновников в духе аристократов.

Его назначили военным министром вместо Сервана по рекомендации Ролана; и тут же Роланы с досадой замечают, что он вовсе не принадлежит им целиком, что он не приходит к ним за указаниями и что он охотно окружает себя друзьями Дантона [115].

«Сначала мы думали, что причиной такого поведения был некий страх показаться креатурой Ролана, что дело было в самолюбии. Но я узнала, что этот человек, никогда не принимавший приглашений от своего коллеги под тем предлогом, что, будучи очень занят, вынужден жить уединенно, в действительности принимал за своим столом Фабра, Шабо и других монтаньяров, окружал себя их друзьями, устраивал на должности их креатуры, всяких услужливых лакеев или невежд, интриганов и им подобных, что начало вызывать ропот и жалобы порядочных людей. Я решила испробовать еще одно средство, чтобы просветить его, если он только заблуждался, или установить его вину, если он действовал нечестно. 11 ноября я написала ему [116] в дружеском тоне о недовольстве им, о причинах этого недовольства и о том, что́, по-видимому, диктуется его интересами. Я упомянула о тех

несомненных чувствах, которые мы выказали ему, о взаимности, на которую они позволяли надеяться, о том, что действительное положение вещей совершенно противоположно. Паш не ответил мне ни единым словом».

Вероятно, он нашел, что г-жа Ролан назойлива и нескромна. Я считаю, что его скромность была искренней, что это был безоговорочно честный человек. Он ничуть не интриговал, чтобы достигнуть министерского поста, и он считал себя связанным с государством, а не с Роланом. Позднее, забытый почти всеми, кроме Директории, преследовавшей его, он уединится на своей маленькой ферме в Арденнах, где напишет простые и, очевидно, искренние слова:

«Перестав быть должностным лицом, я смеюсь над своим ничтожеством, равно как над ничтожеством многих других. Я не оратор, не писатель, не богач, не интриган... Искренне оценивая самого себя, не будучи равнодушен к своей репутации, я не страдал манией величия». («Mémoires de Pache: sa retraite à Thin-le-Moutier» par Louis Pierquin, Charleville, 1900 [117].)

Он, несомненно, правильно оценил Ролана. Он увидел, сколько старческой гордости скрывалось под его суровостью, сколь много в его деятельности было показного, тщеславного. Он хотел действовать, как скромный человек, или дать действовать революционным силам, исходившим от Дантона. Это было досадное

---

113. Mme Roland. Mémoires (èdition critique par Cl. Perroud), t. I, p. 145.
114. Мёнье (Meunier или, вернее, Meusnier) (1754—1793) — геометр и физик, капитан инженерных войск, в 1784 г. избран в члены Академии наук, был смертельно ранен при форсировании Рейна 5 июня 1793 г. Монж (1746—1818) — создатель начертательной геометрии, один из учредителей Политехнической школы, морской министр после 10 августа 1792 г., пребывал на этом посту до 10 апреля 1793 г. Здесь речь идет о патриотическом обществе секции Люксембургского дворца, основанном в январе 1792 г.
115. Mme Roland. Mémoires (édition critique par Cl. Perroud), t. I, p. 148.
116. «Lettres de Mme Roland», édition critique par Cl. Perroud. Paris, 1900—1902, 2 vol. По поводу этого письма от 11 ноября 1792 г. К. Перру замечает (t. II, p. 439): «У нас нет текста этого письма, весьма важного, поскольку оно означает окончательный разрыв с Пашем; поэтому здесь мы можем лишь поставить его в ряд других, на его историческое место, довольствуясь тем изложением его, которое дает сама г-жа Ролан».
117. L. Pierquin. Mémoires sur Pache, ministre de la Guerre en 1792 et maire de Paris sous la Terreur. Trois écrits de Pache concernant sa défense publique, datés de Thin-le-Moutier. Charleville, 1898, p. 97. См. также: «Mémoire de Pache, ministre de la Guerre en 1792 et maire de Paris sous la Terreur... suivi d'une étude sur l'Introduction à la philosophie...», par J. Leblond, Charleville, 1900. «L'Introduction à la philosophie» — посмертное произведение Паша (Париж, 1844).

происшествие для Роланов, «преданных» таким образом их «креатурой» и оказывавшихся во все большей изоляции.

Гара совершил в отношении Жиронды гораздо более непростительное преступление. Это был философ, несколько нерешительный и бесцветный, без блеска ума и без душевного жара. Его уравновешенность и осмотрительность доходили до посредственности, он всегда искал средние решения, больше под влиянием робости, нежели благоразумия. При такой склонности ума он не решался ни оправдать сентябрьские избиения, ни осудить их. Хотя и порицая, он связывал их с повстанческим движением 10 августа. Тем самым в гораздо большей степени, чем он предполагал или хотел этого поначалу, он шел вразрез с тактикой Жиронды, которая вынуждена была искусственно разъединять эти события, чтобы иметь возможность всячески клеймить сентябрьские избиения, восхваляя одновременно 10 августа. Отсюда до обвинения Гара в апологии убийств оставался один шаг, и Жиронда, а затем и термидорианцы не остановились перед ним.

Несчастный Гара отчаянно защищается в своих «Мемуарах» от этого обвинения [118]. Все великое в этом мире имеет свою пародию. Высокий и твердый разум Дантона, поднявшегося над группами и злобой, имеет карикатуру на себя в немощном беспристрастии перепуганного философа. Послушайте, как он объясняет те промахи и недоразумения, в которых он захлебнулся, бедный, задыхающийся пловец, не знающий, к какому берегу пристать.

«В самом лоне Национального Конвента, когда я говорил там о событиях 2 и 3 сентября, заседали люди, одни из которых, как то подозревали, призывали к убийствам и организовали их, а другие же громко и публично одобряли их. С другой стороны, были те, кто, будучи в ужасе от убийств и от тех, кто поощрял и защищал эти убийства, держали это обвинение про запас, чтобы при случае поразить им как молнией своих соперников по власти или влиянию. При первых же моих словах о событиях 2 и 3 сентября, словах, выражавших и призывавших проклятия всего человечества на эти события, те, кто были по меньшей мере их покровителями, сочли, что я явился с предложением покарать их. Поднялся ропот, и, пока я излагал вопросы и свои принципы, стоял смутный гул. Когда затем, среди этого шума, заглушавшего мою речь, расслышали слова «*жалость*», «*сострадание*», «*политическое всепрощение*», те, чьи намерения были направлены против виновников убийств, сочли, что я выступаю с требованием амнистии или одобрения этих злодеяний, и ропот перешел с одной стороны Собрания на другую, или, вернее, он охватил обе стороны. Стало быть, начало моей речи было слишком хорошо услышано одними, а вся речь — очень уж плохо остальными. Но то, за что некоторые депутаты правой стороны меня упрекали, послужило для некоторых депутатов левой стороны поводом для похвал».

В этом ясном идеологическом анализе в стиле Кондильяка *, примененном к ораторскому провалу, есть нечто неотразимо комическое. Но есть и хитрость в этом притворном равновесии. Ибо какое значение имело для Горы, что он сетовал во имя человечности по поводу сентябрьских избиений? Она тоже сетовала. Суть дела для нее была в том, что министр юстиции связывал сентябрь с августом и тем самым разбивал весь маневр Жиронды, впрочем омерзительный и пагубный. Гара сказал:

«Если эти страшные события не были следствием восстания, то как объяснить, что их не предотвратили? Как объяснить, что они не были своевременно остановлены? Почему виновники до сих пор не наказаны? Как объяснить, что столько крови пролилось от мечей, которые не были мечом правосудия, и при этом ни законодатели, ни сам народ не бросили все вооруженные силы туда, где происходили эти кровавые сцены?»

Дантон законно использовал эти весьма разумные слова против Жиронды, а последняя, вместо того чтобы винить свою отвратительную и разнузданную политику, естественно восстанавливавшую против нее не только великодушные сердца, но и посредственность, обвиняла Гара в коварстве и в моральном соучастии с убийцами. Так, мало-помалу вокруг Жиронды ширилась пустыня.

Муниципальные выборы состоялись в Париже в декабре месяце и оказались для жирондистов катастрофическими. Правда, избранный мэром Шамбон не был монтаньяром, и газета Бриссо, вынужденная довольствоваться малым, бурно празднует эту победу.

«Баллотировка между Шамбоном и Люлье принесла 8358 голосов первому и 3906 второму. [Как слабо участвовали в голосовании! Как мало еще народ старался использовать недавно завоеванное избирательное право!] Итак, наконец патриот Шамбон — мэр Парижа, несмотря на вопли и интриги анархистов [119]. Этот триумф подлинных республиканцев, огромное большинство, его обеспечившее, должны доказать департаментам, что господство мятежников минует и что порядочные люди, объединившись, смогут спасти этот город и Республику. Анархистов, как плутов, так

---

118. «Mémoires sur la Révolution, ou Exposé de ma conduite dans les affaires et dans les fonctions publiques...», Paris, an III, p. 58. Жорес придерживается издания 1862 г. под редакцией Марона (E. Maron).

* Кондильяк, Этьенн Бонно де (1715—1780) — французский просветитель, философ-деист, сторонник сенсуализма. — *Прим. ред.*

119. См. в журнале «La Révolution française» за 1909 г. оправдательную записку, составленную Шамбоном после 1814 г., в которой он старается доказать, что служил как мог лучше делу монархии на своем посту мэра. [*Примечание А. Матьеза.*]

и простофиль, было только 3906! Ибо не следует забывать, что они выставили все свои силы. В день выборов у якобинцев не было заседания, и надо сказать правду, ибо это утешение для порядочных людей, что в числе голосовавших доля плутов была бесконечно мала.

Республиканцы Парижа, не успокаивайтесь после этого преходящего усилия. Противопоставьте ложным патриотам, замаскированным роялистам неослабевающую твердость. Ибо такова цена свободы. Вам предстоит еще провести важные выборы. Добродетельный и преданный делу мэр окажется бессильным, если у него не будет коллег — просвещенных патриотов. Первый выбор, который вам предстоит сделать,— это избрание прокурора Коммуны. Этот пост должен занимать человек, соединяющий твердость с просвещением и любовью к законам. Мы полагаем, что Реаль отвечает этим требованиям».

Да, но на этот призыв жирондистской газеты от 2 декабря парижские избиратели ответили 9 декабря, отдав относительное большинство голосов Анаксагору Шометту — Шометту, секретарю Дантона в секции Французского театра, пылкому энтузиасту революционной Коммуны, «одному из орлов Коммуны 2 сентября», как говорит «Патриот франсэ». И спустя несколько дней он одерживает окончательную победу; 22 декабря Эбер, папаша Дюшен, был избран заместителем прокурора, и Шамбон, выбитый из колеи, бессильный, вскоре оказывается вынужденным уйти в отставку [120]. Между тем как влияние Жиронды в Конвенте падает, меж тем как Ролан мало-помалу теряет все свое влияние в правительстве, Париж решительно сближается с самыми сильными врагами Жиронды.

КАМПАНИЯ ЭБЕРА ПРОТИВ РОЛАНА

Резко полемические выступления Эбера против Ролана, порой грубые и низко демагогические, порой глубокие и острые, пользуются у народа все большим успехом. Супруги Ролан дают все больше поводов для насмешки, для оскорбительной и тонкой сатиры своими политическими обедами, которые народная печать могла легко превращать в оргии, и своими вечными причитаниями. Эбер предстает перед нами в № 199 (декабрь 1792) [121] своей газеты лишь грубым, циничным и низким, с крупицей народного остроумия и веселья; но как передать нам все бурление Парижа, не дав услышать эту речь, непристойную и похабную, но временами очень сильную и выразительную!

«Итак, я говорю, черт возьми, что чудак Ролан, или, если угодно, король Ролан, здорово вознаграждает себя за прежние говенья, и по этому поводу стоит рассказать одно очень правдивое происшествие, которое когда-нибудь составит хорошую главу в истории добродетельного Ролана.

Несколько дней назад, черт возьми, с полдюжины санкюлотов, которых я не побоюсь назвать: Гренар, член департаментской администрации, Мулен и Дюплекс, члены Коммуны, Пуссен и Оже, комиссары секции Республики,— отправились депутацией к этому старому неудачнику; к сожалению, было как раз время жратвы.—«*Что фи хотеть?*» — сказал им швейцар, остановив их у двери.—«Мы хотим говорить с добродетельным Роланом».—«Здесь не быть добротетельный»,— отвечает толстый швейцар, весьма жирный и хорошо остриженный, протягивая лапу, ни дать ни взять былой нормандский прокурор.—«Не нам ее смазывать,— сказал ему приятель Гренар,— мы должны пройти бесплатно, как капуцины, ибо мы посланы санкюлотами».

Услышав это слово, швейцар скрывается в свою каморку, как улитка в свою раковину. Наши санкюлоты устремляются по коридору и добираются до передней добродетельного Ролана. Она так набита челядью, что через нее не пробиться. Двадцать поваров, несущих самые изысканные блюда, оглушительно орали: «Берегись, берегись; дайте пройти, первые блюда добродетельного Ролана!» Другие кричали: «Закуски добродетельного Ролана!», третьи: «Жаркое добродетельного Ролана!», четвертые: «Сладкие блюда добродетельного Ролана!»—«Что вы хотите?»— спросил камердинер добродетельного Ролана у депутации.—«Мы хотим говорить с добродетельным Роланом».—«Сейчас его нельзя видеть».—«Скажите ему, что должностные лица народа всегда могут его видеть».

Лакей идет передать разговор свеженьким добродетельному Ролану, и тот появляется, брюзжа, с полной глоткой и салфеткой через руку.—«Наверно, Республика в опасности,— говорит он,— раз меня заставляют прервать таким образом мой обед, и т. д.». Ролан ведет моих парней в свой кабинет. Сначала прошли через столовую, где расселось более тридцати лизоблюдов. На верхнем конце, по правую руку супруги добродетельного Ролана, сидел Бриссотен, по левую находился доносчик на Робеспьера, этот

---

120. Об избрании Шометта (1763—1794) см.: «Le Moniteur», XIV, 734, 15 décembre 1792. Шометт был избран 12 декабря 1792 г. 5089 голосами против 2243, поданных за Реаля. Об избрании Эбера (1757—1794) см.: «Moniteur», XIV, 823, 31 décembre 1792. Реаль был избран того же 22 декабря вторым заместителем.

121. Заголовок: «Великая радость папаши Дюшена при виде того, что Конвент, наконец, закусил удила... Его великий гнев на бриссотистов, которые хотят отравить нам жизнь новым королем. Великое происшествие на роскошном пиру у добродетельного Ролана, и великое отчаяние его лизоблюдов, которые остались не солоно хлебавши». Нет надобности оговаривать, что мы не разделяем мнения Жореса относительно якобы непристойного и похабного стиля «Пер Дюшен». Эбер — хороший писатель и крупный журналист.

сопляк Луве со своей рожей из папье-маше и пустыми глазами, и бросал любострастные взгляды на жену добродетельного Ролана; Барбару и т. д.».

В этом гомоне десерт погиб. Комиссары ушли, чтобы «доложить департаменту о своем демарше и главным образом о роскошном обеде добродетельного Ролана».

И, видя гибель своего десерта, «жена добродетельного Ролана в бешенстве рвала на себе свои накладные волосы». (Статья цитируется г. Добаном, который справедливо замечает, что статьи Эбера не всегда легко найти; даже коллекция их, находящаяся в Национальной библиотеке, не совсем полная [122].)

Увы! В то время как я переписываю эти строки, я вижу, как уже приближается к г-же Ролан трагическая тень смерти, вижу сияние ее мужества, и мне кажется, что воспроизводить эти грубые оскорбления — это как бы надругательство. Но человеческая история — великая река, в которой смешались бурные и мутные потоки. Я не вправе выбирать. И я с еще большей грустью вынужден сказать, что героическая и самовлюбленная женщина, грубо оскорбляемая Эбером, причинила Революции и своим собственным друзьям огромное зло. Грязный ручей «Пер Дюшен» бьет из источника глубокой правды. О жирондисты, блестящие, эгоистичные и легкомысленные, вас я виню в том, что вы придали силы Эберу и привлекли к нему сердце народа, которое ваши грехи отвратили от благородного влечения! Сколь грустное зрелище являет спор, где оскорбляемые виновны, а оскорбляющий отвратителен!

В № 202 своей газеты Эбер продолжает (к концу декабря) [123]:

«Мы уничтожили королевскую власть и допускаем, черт возьми, возвышение вместо нее еще более отвратительной тирании. Нежная половина добродетельного Ролана ныне ведет Францию на помочах, подобно всяким Помпадур и Дюбарри; Бриссо — оберштальмейстер этой новой королевы; Луве — ее камергер; Бюзо — главный канцлер; Фоше — ее священник; Барбару — капитан ее гвардии, которого Марат называет шпионом; Верньо — главный церемониймейстер; Гюаде — ее виночерпий; Лантена — дворецкий. Таков ныне, черт побери, новый двор, который делает погоду в Конвенте и в департаментах.

Он собирается каждый вечер, в час летучих мышей. Подобно бывшей королеве, мадам Коко * возлежит на диване, окруженная всеми своими умниками, и рассуждает напропалую о войне, о политике, о снабжении продовольствием. В этом-то притоне и сочиняются все афиши»...

В № 204 папаша Дюшен выводит на сцену Бриссо, разговаривающего с Бюзо:

«Что до тебя, мой дорогой Бюзо, согласись, ты бы здорово свалял дурака, если бы просто остался честным человеком. После Учредительного собрания ты уехал в свой департамент, обремененный славой, но, увы, без денег. Пришлось вернуться к образу

жизни мелкого сельского адвоката и питаться картошкой. Став членом Конвента, ты не упустил случая сделаться важной персоной. Согласись, что это великолепно — быть правой рукой такого человека, как я. Я тебе помог затесаться среди умников, управляющих Францией. Не будь меня, ты не стал бы любимцем среди поклонников добродетельной супруги добродетельного Ролана. Как приятно, сидя у ее ног, репетировать роль, которую завтра ты должен сыграть в Конвенте, видеть, как она аплодирует тебе, когда ты произносишь какую-нибудь удачную тираду против Робеспьера, видеть ее млеющей в твоих объятиях, когда ты с наскоку вырвешь какой-нибудь хороший декрет об изгнании тех, кто совершил Революцию, или о разжигании гражданской войны между Парижем и департаментами».

Здесь удары Эбера бьют точно в цель. В самом деле, через Бюзо г-жа Ролан оказывала на Конвент отвратительное влияние.

В № 205, в начале января 1793 г., «Пер Дюшен» высмеивает остро, с грубым юмором нелепые страхи Ролана, его бесконечную болтовню о заговорах, которых тогда не было и в помине. Ну и что же! Разве Ролан не спровоцировал эти ответные удары своим выступлением с глупым полицейским документом, в котором оказавшийся не у дел полицейский сфабриковал план заговора и пытался скомпрометировать Робеспьера?

«№ 205: *Новогодние визиты папаши Дюшена, 1 января 1793 г. И чертовски патриотические новогодние подарки, которые он преподнес жене Коко Ролана. Его великий бой с этим старым неудачником, которого он избавил от греха лени, чтобы научить его жить и не дать ему затевать ссоры с жителями Парижа; великая беда, которая стряслась с обойщиком Луве, когда он захотел обивать углы улиц плакатами розового цвета, направленными против санкюлотов.*

Вот и кончился этот славный год, который был бы последним годом королей, не будь Ролана и Бриссо. Надеюсь, что грядущий год избавит нас от всех олухов, вставляющих палки в колеса и задерживающих установление царства свободы и равенства. *Новая революция готовится; 1793 год* будет последним годом

---

122. Ш. А. Добан (Ch.-A. Dauban) (1820—1876) — автор «La démagogie en 1793 à Paris» (Paris, 1868). Номеров 52, 76, 103 «Пер Дюшен» нет ни в одной библиотеке.

123. Заголовок: «Великий гнев папаши Дюшена... Его добрый совет честным депутатам, которые еще не бриссотинизированы, столковаться между собой и поддать под зад всем этим ослам, совершающим свой шабаш с женой Коко Ролана в том самом месте, где собирался Австрийский комитет».

* В другом месте Эбер называет Ролана «Coco Roland». «Coco» употребляется в смысле «чудак», «неудачник». Эбер, возможно, обыгрывает созвучие «Coco» с «Cocu» (рогоносец).— *Прим. перев.*

роландистов и бриссотистов. Они уже ждут этого, эти типы, до них еще и не дотронулись, а они уже вопят. Министру Коко только и снятся восстания и фонари. Каждую ночь он задыхается не столько от кашля, сколько от страха. Тому назад несколько дней он думал, что пришел его последний час. Тут такая штука вышла, что помрешь со смеху, и надо угостить ею наших товарищей санкюлотов.

Как раз пробило полночь, черт возьми, и добродетельная Ролан в объятиях своего негритенка Лантена вознаграждала себя за моральные восторги, доставляемые ей ее обессиленным неудачником мужем.

Брюхатая речью, которой завтра должен был разрешиться обойщик, она как раз претерпевала родовые муки, как вдруг ввалился, задыхаясь, малыш Луве и нарушил ее забавы.

Этот маленький плут, стоя на часах, увидел начало восстания.—«Анархия,— сказал он,— дошла до предела. Они собираются вспороть живот Людовику Капету, посадить на кол министров, честных членов Конвента и кастрировать всех наших друзей бриссотистов». При этих словах плутовка лишилась чувств. Ее Лантена мычит, Луве бежит известить добродетельного Ролана. Плут разом просыпается, трясет своими длинными ушами.—«Что такое? Где они? Моя жена, Лантена, циркуляр, коней, восемьдесят четыре департамента, мои приказы, Бриссо, Бриссо... Мэр не написал мне. Министров нет на месте, меня покидают... Созовите Коммуну, созовите Конвент... Набат, пушку. Мои туфли, мои штаны... К оружию! Ах, г-жа Ролан! Луве, позовите ее, нет, оставьте ее... Моя речь не готова. А ты, часовой Луве, иди на свой пост. Печатай, друг мой, клей афиши, клей афиши... Беги в *Социальный кружок*» [124]. И мои плуты принимаются оклеивать своими глупостями все улицы, по которым должно было пройти святое восстание.

Вы бы обхохотались, черт побери, при виде плута Луве, неженки Лантена и кастрата Банкаля. Тысяча миллионов чертей, ну и нагородили же они глупостей. Но это еще не все. Бедняга Луве хочет подняться на ступеньку выше, чтобы расклеить большую нравоучительную сказку в розовых тонах [намек на министерский отчет Ролана; Эбер использует здесь игру слов *], его долговязые ноги путаются, и вот мой плут плюхается на голову этой жабе Лантена; банка с клеем оседает шапкой на голове Банкаля, и его обезьяний нос окрашивается в цвет пряника. Посмеявшись немного, глядя на физиономии всех этих плутов, я, покуривая свою трубку, пошел посмотреть, что делается у Роланов. Там все было вверх дном. Я прохожу всюду. Да не эту ли чертову бабу я вижу? —«Ах, это вы, г-н Дюшен...— Ну, да, черт побери, это я, самый доподлинный папаша Дюшен; где твой муж-рогоносец? — Не сердитесь, г-н Дюшен! — А я хочу сердиться, да... Давно уже я вижу все ваши плутни. Ты тоже хочешь

строить из себя политика... Но, тысяча дьяволов, папаша Дюшен вылечит тебя от этого. Где этот добродетельный? — Г-н Дюшен, он в Совете.— Ладно, черт возьми, придется посмотреть этот Совет.— Подождите; посветите г-ну Дюшену.— Э, чтоб вас черти взяли, я и так ясно вижу, что у вас делается». Иду вдоль канав. Погода была чертовская. Ищу повсюду восстание, и, черт побери, его нигде нет, кроме как в голове этого старого дурня. Наконец прихожу в этот Совет. Я рассчитывал найти там почтенных членов, а этот плут оказался там один где-то в углу. Я громко кашляю. Ему мерещится, что это пушечный выстрел, и он бежит к камину. «Да это я, всего лишь я.— Кто же это? — Папаша Дюшен, черт побери.— Ах, г-н Дюшен, как кстати вы пришли! — Тысяча чертей, ты смеешься надо мной, что ли, с твоим «г-н Дюшен». Да ладно, я тебе прощаю, это ты с перепугу. Вот что значит наделать глупостей.— Ролан, дрожа еще сильнее: Ах, г-н... гражданин Дюшен, какой вы счастливый, что вы не боитесь! — Никаких «господин», а гражданин, доподлинный папаша Дюшен.— Моя жена, хоть и крепкого сложения, вся еще дрожит.— Кто же смастерил такого жалкого плута, как ты? На кой черт тебе устраивать кутежи для всех этих обжор, которые приходят к тебе пропивать двенадцать миллионов? Для того ли, чтобы сочинить тебе красивую надгробную речь, когда ты помрешь и твои старые кости послужат мне цементом для моих печей?»

И человек, который таким образом смешивал с грязью Жиронду и ее министра, был избранником Парижа. Громким смехом, то веселым, то злобным, расплачивался народ предместий с жирондистами за их провокации и за их угрозы. Парижу, после потрясения 10 августа и кровавых испытаний сентября желавшему только забвения и согласия, они объявили войну. Все те смелые революционеры, которые 10 августа рисковали своей головой и, свергнув монархию, полагали себя в безопасности, спрашивали себя, не собирается ли Жиронда ударить по ним. Что же это?! Избегнуть меча короля, чтобы попасть под нож Революции! Эта мысль вызывала у них страшное возмущение; и Жиронда толкнула их к мысли о том, что если они не будут убивать, то сами погибнут. Предвещая воображаемые восстания и мнимые заговоры, в которых она нуждалась для проведения политики репрессий и террора, Жиронда в конце 1792 г. внушала народу мысль, что в конце концов придется совершить восстание. И еще в начале января «Пер Дюшен» заявляет, что «готовится новая революция». Гибель Жиронды

---

124. Луве издавал на средства министерства внутренних дел газету в виде афиши «La Sentinelle» («Часовой»), которая печаталась в типографии «Социального кружка».

* Эбер играет здесь на одинаковом звучании двух слов: conte (сказка) и compte (отчет), намекая на доклад Ролана. — *Прим. ред.*

предрешена. Она как будто нарочно разрушила все точки опоры, на которых она с самого начала держалась. Она оттолкнула или обескуражила тех, кто ей симпатизировал. Она обратила против себя тех трезвых и честных людей, у которых не было ни предвзятости, ни злобы.

ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕБА

В этом смысле характерна та работа, которая происходит тогда, день за днем, в уме такого человека, как Леба; то же происходило и в уме Кутона. К тому же душа Леба еще совершенно девственна, более свободна вначале от всяких партийных влияний, более склонна к доверию. Я уже отмечал, как он удивился, прибыв в Париж и увидя, что это вовсе не тот возбужденный город, каким его изображали газеты и плакаты Жиронды. И конечно, это первое столкновение с жирондистской ложью было для него предупреждением. Но ему этого еще мало. Даже после первых столь мучительных заседаний, на которых Бюзо бил в набат гражданской войны, он еще не принимает решения; он отказывается верить в то, что это уже окончательный разрыв. Он пишет своему отцу 29 сентября [125]:

«В Конвенте дела идут *довольно хорошо*. Известия из армий удовлетворительные, и все как будто обещает успех благого дела». 3 октября еще преобладает уверенность, и в атмосфере ликования от побед Свободы смягчается грустное впечатление от внутренних раздоров.

«Полученные нами сегодня известия, которые Вы узнаете в подробностях из бюллетеня, высылаемого мной Вам завтра, укрепят вашу надежду на то, что вскоре земля свободы будет очищена от разбойников, желавших опустошить ее и уже приступивших к осуществлению своих ужасных замыслов. *Несмотря на кое-какие небольшие раздоры, неизбежные в больших Собраниях, особенно в революционное время*, Конвент, как правило, неизменно проявляет здравомыслие и способность выполнить свое высокое назначение. Там блистает столько крупных талантов, что мне нет необходимости выступать с мнением, которое другие разовьют лучше, чем я. Важно хорошо действовать, хорошо слушать, чтобы правильно подать голос, и говорить только тогда, когда можешь высказать такую истину, которая без тебя ускользнет от других. Сегодня надо думать не о нашем мелком тщеславии, а о благе Республики. Таковы мои принципы, и я тем тверже их придерживаюсь, что таковы также принципы многих депутатов, превосходству которых я охотно воздаю дань уважения».

Ах, как легко могла бы Жиронда, усвой она широкую политику Дантона, объединить воли всех этих честных, скромных и гордых людей и создать несравненную революционную и национальную силу, одушевленную энтузиазмом и вместе с тем организованную!

Общественный порядок покоился бы на непоколебимой твердыне совести и разума. Но нет, жирондисты возбуждали, разглагольствовали, клеветали, и завеса согласия, которую Леба продолжал упорно набрасывать на этих обезумевших людей и на беспорядочные события, наконец разрывается. 27 ноября он пишет своему отцу:

«Посылаю вам маленькую брошюру; *она даст Вам представление о царящих среди нас раздорах. Каковы бы ни были замыслы тех, кто так громко кричит о смутьянах, для хорошего наблюдателя очевидно, что их поведение отнюдь не то, какого можно ожидать от истинных патриотов, что оно очень напоминает поведение фейянов, стиль и максимы которых они почти полностью переняли, и довольно любопытно видеть их фигурирующими вместе с аристократами, среди их сторонников и вместе с ними вводящими в заблуждение общественное мнение, старающимися очернить самых пламенных защитников свободы и провести пагубные для свободы декреты*».

Кончено, решительный шаг сделан. Жиронда резко отбросила к Робеспьеру тех, кто хотел только широкого революционного единения. Под пером Леба обвинения против Жиронды станут постепенно все более точными и все более многочисленными.

Но хотя Жиронда ослаблена, хотя она нанесла сама себе удары, действие которых рано или поздно окажется смертельным, она все еще сильна. И Конвент, лишенный того великого и прекрасного единения, которое рождается из согласия, не обладает еще и тем узким и непримиримым единством, которое возникает из полного устранения одной партии другой. Конвент раздираем, потрясен. А между тем перед этим великим Собранием, хаотическим и бурным, встают самые грозные проблемы.

---

125. L e b a s. Correspondance inédite... Paris, 1837. См.: S t é f a n e - P o l. Autour de Robespierre. Le conventionnel Lebas. Paris, 1901; в этом сочинении автор публикует (p. 102) «Воспоминания» Элизабет Дюпле, жены Леба.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

СЕНТЯБРЬСКИЕ ИЗБИЕНИЯ

Жорес дает традиционное изложение истории сентябрьских избиений, которое не является ныне приемлемым, после в высшей степени критического и опирающегося на большую эрудицию исследования П. Карона (P. C a r o n. Les massacres de Septembre. Paris, 1935). «Вероятно,— пишет П. Карон,— некоторые наши читатели удивляются тому, что я не негодую и не проклинаю. Дело в том, что я не моралист. Моей задачей было постараться узнать и понять, а затем дать другим возможность узнать и понять; ничего больше, и это уже было много. Вообще же эта бойня пахнет не хуже, чем многие другие. А историк должен обладать крепким обонянием».

По более конкретному, но весьма важному вопросу для религиозной историографии, об избиении священников в тюрьме Карм, традиционная интерпретация была подвергнута пересмотру в исследовании Б. Плонжерона (B. P l o n g e r o n. Conscience religieuse en révolution. Regards sur l'historiographie religieuse de la Révolution française. Paris, 1969). Автор описывает генезис историографического «заговора» и показывает, что контрреволюционные версии рассказа о сентябрьских избиениях были выработаны еще во время Революции: в 1793 г. аббат Баррюель (Barruel) опубликовал «L'Histoire de la persécution du clergé en 1793, à Paris»; этот текст был воспроизведен в его «Histoire du clergé pendant la Révolution française» (London, août 1793). Лагарп, новообращенный в католицизм, подкрепил версию иезуита (L a H a r p e. Du fanatisme dans la langue révolutionnaire. Paris); наконец, в VIII г. в главе XVIII своего «Nouveau Paris» Себастиан Мерсье (Sébastien Mercier), выдавая себя за очевидца избиений, еще более расширил легенду. Она была окончательно разработана в XIX в. столь различными авторами, как ультрамонтан Жозеф де Местр и социалист Луи Блан (в его «Histoire de la Révolution française»,

1847). «То обстоятельство, что социалистическая традиция восприняла тезис чисто контрреволюционного происхождения,— подчеркивает аббат Б. Плонжерон,— является отнюдь не наименее интересным аспектом этой длинной истории *заговора*».

*

Критическое исследование истории сентябрьских избиений представляет двоякого рода трудности, одни из которых связаны с природой самих фактов, другие — с состоянием документации. Рассказ о таком событии, каким бы богатым ни было лежащее в его основе досье, не может быть совершенно точным: всегда потребуются оговорки, так как историк не будет иметь возможности утверждать, что все протекало именно таким-то образом. Эти неблагоприятные обстоятельства еще усугубляются пробелами в документации: сентябрьские избиения не стали предметом судебного или административного расследования немедленно после событий. Следствия, проведенные в III, в IV и в IX гг., слишком запоздали и не были беспристрастными.

Что касается самих фактов, их существа, их хронологической последовательности, статистики жертв, числа и личности убийц, то уже давно между историками нет подлинно существенных расхождений.

Остается основной вопрос — вопрос об ответственности. Над тезисом народной стихийности, отстаиваемым ранее такими историками-демократами, как Луи Блан, восторжествовал затем тезис преднамеренного умысла: считали, что было предварительное намерение и подготовка к исполнению. Поскольку гипотеза прямой коллективной ответственности парижского населения была отвергнута, ответственность мало-помалу оказалась возложенной исключительно на Генеральный совет Парижской коммуны и главным образом на его Наблюдательный комитет и еще больше на Марата, который в нем заседает и вдохновляет его. Марат — человек сентября даже для Жореса, вопреки оговоркам, продиктованным ему сознанием сложности проблемы.

Мы здесь не будем возвращаться к описанию фактов, разве что потребуются некоторые уточнения.

В эти первые дни сентября 1792 г. тюрьмы Парижа были полны. «Но,— подчеркивает П. Карон,— не будем придавать этому эпитету значения превосходной степени».

Народные суды? Документы, исходящие от личного состава охраны, показания очевидцев или оставшихся в живых в значительной мере подтверждают традиционную версию: согласно этим текстам, участие импровизированных народных судов в избиениях бесспорно для большей части тюрем и весьма вероятно для остальных. Эти суды получили свои полномочия от народа. Последний, делегируя им свой суверенитет, от него не отрекался. Этим объясняется прием, оказанный судами, например теми, что действовали при тюрьмах Аббатства и Ла Форс, ходатайствам секций в пользу того или иного из их сограждан; ни одно из этих ходатайств не осталось, по-видимому, безрезультатным: в них видели выражение народной воли, перед которой все обязаны склоняться.

Что касается самих избиений, то, не отрицая здесь того, что могли иметь место безобразные эксцессы, бесспорно также то, что с самого

начала в народном воображении начался процесс преувеличения и искажения. Он очень быстро породил некое представление, которое затем бессознательно перешло в рассказы современников и в конечном счете ввело в заблуждение историков. В той мере, в какой эти утрированные изображения (палачи, обнаженные по пояс, пьяные и залитые кровью...) поддаются проверке, они, по-видимому, не соответствуют действительности ни для одной из тюрем. Так или иначе, сегодня невозможно отличить вымысла от действительности в тех мрачных картинах, которые написаны множеством мемуаристов и историков; их единственный интерес заключается в том, что они показывают, какое глубокое впечатление на многие умы произвела дикость этих истреблений посредством сабли и дубины. Однако необходимо заметить: не хватало ружей и боеприпасов для защитников родины; представлялось антипатриотичным тратить порох и патроны для такого дела.

Каково число жертв? После тщательного разбора документации «мы должны примириться,— заключает П. Карон,— с неопределенностью». Он дает следующую таблицу числа жертв по отдельным тюрьмам: Аббатство—156—196, Бернардинцев—73, Бисетр — 160—170, Карм — 115, Шатле — 215—220, Консьержери — 100—350, Ла Форс — около 161, Сен-Фирмен — около 75, Сальпетриер — 35. Итак, общий итог колеблется от 1090 до 1395. Состояние информации не позволяет более точно оценить число жертв.

Всегда допускалось, и это бесспорно, что значительное число заключенных избежало избиений. По подсчетам П. Карона, из вероятного общего числа заключенных, содержавшихся в девяти перечисленных выше тюрьмах — 2782 человека,— минимальное число спасшихся составило 1333 (то есть 47,9%), максимальное — 1628 человек (то есть 58,5%).

Другое важное уточнение: среди жертв сентября фигурируют наряду с политическими заключенными арестованные и осужденные по уголовным делам. Но в какой пропорции? Из девяти вышеупомянутых тюрем в четырех содержались только «неполитические» заключенные. В тюрьме Ла Форс из 23 убитых только один «политический». Предполагается, что общее число «политических» колеблется от 353 до 392. Следовательно, из числа жертв «неполитические» относятся, по-видимому, к священникам и «политическим»-мирянам как три к одному.

Переходим к убийцам. По преданию, они были немногочисленны; трудно что-нибудь решить на этот счет, поскольку документация не содержит никаких указаний, заслуживающих доверия. Большинство этих убийц, точного числа которых мы никогда не узнаем (в Аббатстве и в Ла Форс их, по-видимому, было немного), состояло из ремесленников, мелких хозяев, торговцев, а также нескольких бывших военных или жандармов, если судить по списку 25 обвиняемых, составленному в IV г. Отметим, что из 39 «убийц», привлеченных к ответственности в IV г., 36 были оправданы за отсутствием достаточных доказательств. Во всяком случае, можно утверждать, что современники считали, что часть «убийц» принадлежала именно к этим социальным категориям. Стало быть, это люди, принадлежавшие к средним социальным категориям,

активисты секций и борцы — участники революционных дней. Фабр д'Эглантин, вероятно, не отступал от истины, когда, выступая у якобинцев 5 ноября 1792 г., утверждал: «Те, кто ворвался в тюрьму Аббатства, в тюрьмы Орлеана и Версаля, были герои 10 августа».

*

В исследовании вопроса об ответственности прежде всего встает вопрос о роли правительства: мы имеем в виду Законодательное собрание и Временный Исполнительный совет.

Что касается Законодательного собрания, следует отметить слабость его вмешательства, действительные причины которой остаются неясными и допускают различные толкования. Одно замечание, дающее материал для размышлений: поражает объем и значительность работы в законодательном плане, выполненной Собранием в те дни.

О коллективной роли Временного Исполнительного совета во время кризиса известно еще менее. Со 2 по 7 сентября Совет собирался ежедневно, но его протоколы не содержат никакого намека на события, разыгравшиеся в тюрьмах. Что касается отдельных членов Совета, то документы умалчивают о четырех из них: Серване (военное министерство), Монже (морское министерство), Лебрене (министерство иностранных дел), Клавьере (министерство финансов). Остаются Ролан в министерстве внутренних дел и Дантон в министерстве юстиции.

Ролан во время избиений и в последующие дни не проявил заметного волнения: он порицал, но в умеренном тоне. Однако реакция его чувствительности была более резкой — он заболел желтухой. И уж конечно, его самолюбие было уязвлено тем, что его попытки вмешательства оказались бесполезными. История с выписанным против него ордером на арест, который Дантон отменил, растравила рану: Ролан и его жена этого не забыли. Воспоминание об испытанном шоке объясняет отчасти то ожесточение, с которым начиная с середины сентября Ролан выступает против Парижской коммуны.

Роль Дантона — один из вопросов, чаще всего обсуждаемых в связи с сентябрьскими событиями. Одно несомненно — это полное отсутствие в имеющейся документации указаний на какую-либо попытку со стороны Дантона прекратить избиения. Но это, конечно, не основание для заключения о том, что он был соучастником или виновником избиений. В своем качестве министра Дантон, так же как и Ролан, так же как и весь Исполнительный совет в целом, не имел возможности действовать эффективно. Но он мог бы вмешаться, как один из вождей народной партии в Париже. Он этого не сделал то ли потому, что одобрял избиения или не порицал их, то ли потому, что, каково бы ни было его мнение, он счел бесполезным вмешиваться. П. Карон позволяет себе выдвинуть гипотезу, что воздержание Дантона отражало скрытое согласие: мера, мол, страшная, но необходимая, неизбежная.

Многочисленные историки, поддерживавшие тезис об ответственности Парижской коммуны за сентябрьские избиения, воздержались от уточнения доли ответственности ее различных органов. Из анализа фактов вытекает, что роль мэра, членов прокуратуры, главнокоман-

дующего в развитии кризиса была незначительной или ничтожной. Иному обстоит дело с Генеральным советом и с Наблюдательным комитетом, причем, по мнению П. Карона, у историков есть тенденция оправдывать совет, перелагая ответственность на комитет. Правильнее будет сказать, что совет легко примирился со своим бессилием и так же поступил комитет. Остается вопрос о циркуляре Наблюдательного комитета от 3 сентября. Из внимательного анализа этого документа следует, что он призывает не к тому, чтобы убивать всех заключенных без различия, а к тому, чтобы судить их в порядке быстрого судопроизводства и предавать смерти тех, кто будет признан виновным. Такой призыв в тот момент, когда он последовал, был вполне приемлем для многих, а не только для Марата и его коллег. Тезис преобладающей или исключительной ответственности комитета имеет антиякобинское происхождение. Он родился тогда же, во время событий; для современников он обладал тем преимуществом, что возлагал вину за гнусность избиений на нескольких человек, в частности на Марата, а его привлекательность для историков заключалась в упрощении вопроса об ответственности. В действительности факты были, по-видимому, гораздо сложнее. Так же как Собрание и Временный Исполнительный совет, так же как Генеральный совет Коммуны, Наблюдательный комитет не мог влиять на ход событий; подобно другим органам власти, он мог бы влиять, только действуя в духе этих событий.

Переходя к низовым организациям, следует отметить, что позиция парижских секций не отличалась от вышеизложенного. Постановления секций, поскольку представляется возможным установить их точную дату, не предшествовали избиениям, лишь иногда совпадали с ними во времени и, наиболее вероятно, появились позднее, после начала избиений. Несомненно, эти постановления способствовали поддержанию воли к репрессиям, но они не побуждали к ним; самое большее, что они могли сделать,— это санкционировать действия, которые уже совершались. К тому же секционной инициативы было бы недостаточно для объяснения размаха и неистовой силы событий сентября.

*

В заключение этого анализа вернемся к рассмотрению двух традиционных объяснений сентябрьских избиений: одно, построенное на том, что избиения были организованы административными властями, другое, объясняющее все стихийным взрывом народного гнева.

Первое объяснение, хотя и привлекает своей простотой, не может быть принято, ибо, даже сведенное к обвинению Наблюдательного комитета, оно не выдерживает критики. По мнению П. Карона, при нынешнем состоянии известной документации версия «организации избиений административными властями» в том виде, как она традиционно формулируется, должна рассматриваться как легенда. Легенда эта содержится в зародыше в одном письме г-жи Ролан к Банкалю от 5 сентября: «Мы находимся под ножом Робеспьера и Марата... Дантон исподтишка возглавляет эту орду...» И 9 сентября она пишет тому же адресату: «Друг мой, Дантон руководит всем;

Робеспьер — игрушка в его руках; Марат держит его факел и его кинжал». На первых же заседаниях Конвента Жиронда раздувала легенду и неустанно повторяла ее. Мы находим ее и в 1793 и в 1794 гг., в сочинениях жирондистов-изгнанников. Оттуда она перешла в контрреволюционную литературу, а затем в труды историков.

Тезис стихийного народного взрыва ближе к действительности. Но он требует уточнения: сам по себе он не является ключом, который следует искать в обстоятельствах, предшествовавших событиям. То массовое движение, каким были сентябрьские избиения, было не результатом подготовительных мер, а следствием некоего коллективного настроения, созревшего в умах, в котором тщетно было бы стараться определить роль отдельных личностей или групп. Сентябрьские события могут быть поняты только в тесной связи с эпохой и атмосферой тех дней.

И прежде всего в связи с вторжением иностранных армий, что создало атмосферу постоянной взволнованности и возбуждения. На это указывал Азема в своем докладе Конвенту от 16 июня 1793 г.: «События 2 и 3 сентября были вызваны исключительно вторжением врагов во Францию и их быстрым продвижением, в которых справедливо видели следствие измены всех наших внутренних врагов... Остановив продвижение неприятеля, мы остановили и проявления народной мести, которые прекратились сразу же после прекращения продвижения неприятеля». Действительно, первый террор закончился сразу после Вальми. Продолжим логический ход: все дает основание предполагать, что волонтеры, федераты, направлявшиеся в армию, приняли участие в парижских избиениях. Между походом против внешнего врага и расправой с внутренними врагами связь несомненна.

С 1789 г. патриоты одержимы неотвязной мыслью о «заговоре аристократов»: после 10 августа она опять на первом плане, как в июле 1789 г., в момент Великого страха. «Надлежало помешать продвижению врага к столице,— пишет в своих «Записных книжках» драгун Маркан 12 сентября 1792 г., после потери прохода Круа-о-Буа в Арагоннах,— где они собирались перебить наших законодателей, вернуть Людовику Капету его железный скипетр и вновь заковать нас в цепи» — страх социальный неотделим от страха за нацию. С ростом страха и ненависти к захватчику усиливались страх и ненависть к врагу внутреннему, к аристократам и их приспешникам.

В народном сознании все это связывается с концепциями суверенитета: народ есть верховный судья, «правосудие всегда пребывает среди народа», в крайних обстоятельствах он берет его вновь в свои руки и осуществляет, если нужно, ускоренную процедуру традиционного чрезвычайного правосудия. Суды, заседавшие в тюрьмах во время сентябрьских событий, получили свои полномочия от народа, который, делегируя эти полномочия, не отказался от своего суверенитета: когда он его утверждает, они склоняются перед ним. Поскольку эти суды были образованы народом, они сами были народом. Один из комиссаров Генерального совета Коммуны заявил в Законодательном собрании на заседании, состоявшемся в ночь со 2 на 3 сентября: «Осуществляя свою

месть, народ тем самым творил правосудие».

Следовательно, слепая ярость направленных против врагов Революции сентябрьских событий объясняется совокупностью конкретных исторических условий и обстоятельств. Их легко обрисовать: предшествующее состояние тревоги и возбуждения; затем, в связи со случайным инцидентом, скопление народа, смертельный удар, казнь; и сразу же упадок возбуждения. Патриотическая и революционная тревога и смертельная напряженность опять появляются в 1793 г.: в марте, после измены Дюмурье, затем в августе, перед лицом угрожающей отечеству крайней опасности. Но в то время Революционный трибунал, закон о подозрительных, учреждение, а затем усиление революционного порядка управления (Революционного правительства) смягчили страх перед заговором аристократии, сдержали реакцию народных масс: народные избиения сменил легальный террор, он обеспечил торжество Революции как внутри страны, так и на границах.

ЖИРОНДИСТЫ И МОНТАНЬЯРЫ

Национальный Конвент был избран меньшинством, исполненным решимости спасти Революцию, отождествляемую с нацией. В нем поэтому не найти ни одного роялиста, сторонника старого порядка или конституционной монархии. Санкюлоты, вершители революционных событий, сторонники таких экономических и социальных мер, которые облегчили бы существование народных масс, тоже не были в нем представлены. Но они господствовали в парижских секциях, и благодаря этому в 1793 г. они увлекли за собой и само Собрание. В Конвенте не было организованных и четко разграниченных партий с идеями, сведенными в стройные доктрины; скорее можно говорить о направлениях, нечетко разграниченных, во главе с двумя генеральными штабами — о жирондистах и монтаньярах. Их противопоставляли друг другу, по существу, не столько влияние обстоятельств и личное соперничество, сколько в конечном счете классовые интересы.

*

Олар (A. Aulard. Histoire politique de la Révolution française. Paris, 1901, IIe partie, chap. VII) * не видит иного различия между жирондистами и монтаньярами, кроме различного понимания ими роли Парижа в политической жизни нации. А Матьез перенес эту противоположность между ними из политической области в область социальную (A. Mathiez. De la véritable nature de l'opposition entre les Girondins et les Montagnards.— «Annales révolutionnaires», 1923, p. 177; эта статья была воспроизведена в «Études d'histoire révolutionnaire. Girondins et Montagnards». Paris, 1930, chap. I; см. также в этой же работе, в главе II, сопоставление в том же духе Верньо и Робеспьера). С точки зрения Матьеза, жирондисты представляли крупную буржуазию, а монтаньяры — народную коалицию ремесленников, мелкого крестьянства и городских масс. Конечно, и при этом не следует проводить слиш-

ком резкого разграничения. Не будучи ни организованными, ни дисциплинированными партиями, Жиронда и Гора испытывали, та и другая, борьбу тенденций и расколы, не обладая четкими, противоположными доктринами.

Начало их антагонизма относится к концу 1791 г., к конфликту между Бриссо и Робеспьером по вопросу целесообразности войны, когда стороны взаимно обвиняли друг друга в сговоре с двором. Весенние неудачи 1792 г., опасное положение, в котором оказалась страна, народное восстание 10 августа окончательно испортили отношения, а страх, порожденный сентябрьскими событиями, довел их до крайней степени напряжения. Г-жа Ролан, крайне озлобленная против Робеспьера, против Дантона, которому она не могла простить рост его влияния в недели, последовавшие за свержением престола, объединила вокруг себя самую непримиримую группу, в которой выделялись Барбару, Бюзо и Луве. Суд над королем еще более углубил пропасть. Не доверяя народу Парижа, покинув Якобинский клуб, чтобы сговариваться в салоне г-жи Доден, вокруг Верньо, в салоне г-жи Ролан или у Валазе, Жиронда в конечном счете объединила вокруг себя почти всю буржуазию. Вскоре, особенно в департаментах, она стала служить ширмой для роялизма.

Противостоящие жирондистам монтаньяры в основном состояли из группы депутатов Парижа: вполне естественно, они были склонны прислушиваться к активистам из секций, способствовавших их приходу к власти. В Якобинском клубе и в Конвенте они отстаивали интересы народных масс Парижа, вероятно, не без внутренних оговорок. Но, подвергаясь угрозам со стороны жирондистов, которых они считали неспособными применить энергичные меры, диктуемые войной, они были тем более склонны возглавить крайне левое революционное крыло, чтобы господствовать в Конвенте. Не следует, однако, переоценивать единство группы монтаньяров: помимо различий между отдельными ее деятелями, ее однородность уменьшалась по мере присоединения к ней представителей от департаментов. После удаления Жиронды из Конвента 2 июня 1793 г. и после преодоления большого кризиса лета того же года единство партии не пережило первых же побед: борьба между различными группами разразилась в декабре 1793 г.

Было бы важно, не довольствуясь этими поверхностными соображениями, получить точное представление о социальной структуре жирондистской и монтаньярской групп; здесь приходится констатировать пробел в историографии Французской революции. Социальный состав, имущественное положение и уровень образования, профессия, карьера — все это вопросы, подлежащие уточнению путем изучения индивидуальных судеб, чтобы достигнуть лучшего понимания социальных и политических позиций тех и других. Что касается группы жирондистов, то попытка исследования была предпринята Жаклин Шомье (Jacqueline Chau-

---

* См.: А. Олар. Политическая история Французской революции. М., 1938, часть вторая, глава VII. — *Прим. ред.*

mié), а ее первые результаты изложены в сообщении Обществу робеспьеристских исследований и опубликованы в «Annales historiques de la Révolution française» в 1970 г. Но мы не располагаем аналогичным очерком для группы монтаньяров, состав которой, впрочем, труднее поддается изучению.

Жирондисты насчитывали в своих рядах 136 членов Конвента, мы имеем в виду тех, которые стали жертвами переворота 2 июня 1793 г. и последовавших за этим репрессий, и 75 депутатов, протестовавших против этого переворота. Среди них было 45 адвокатов, 16 негоциантов или фабрикантов, 11 священников и 3 пастора, 8 врачей, 6 журналистов, 6 военных, 4 преподавателя, 3 высокопоставленных чиновника (в том числе Ролан) и только 3 земледельца. Определить имущественное и социальное положение жирондистов труднее, чем определить их профессию; можно сказать, что большинство их принадлежало к среднесостоятельной провинциальной буржуазии. Разумеется, были исключения; были среди них и люди очень скромного происхождения: отец Горса был сапожником. На верху социальной лестницы стояли шесть жирондистов, принадлежавших к бывшему дворянству, и среди них Кондорсе. Принадлежа к буржуазной элите, жирондисты, естественно, находились в конфликте с аристократией. Их социальная и фамильная традиция внушила им столь же сильное недоверие к деклассированным, к дворянам, порвавшим со своим классом, к священникам-расстригам, к буржуа-демагогам, к иностранцам и авантюристам; отсюда их почти утробная ненависть к революционному экстремизму. Жирондисты одинаково неистово выступали с обвинениями против аристократов и против «анархистов».

Некоторые замечания Жаклин Шомье дополнительно характеризуют ориентацию этого жирондистского направления. И прежде всего, географическое распределение состава группы. «Жирондистская карта» являет два бастиона: 60 депутатов представляли южные департаменты, расположенные приблизительно южнее границы области писаного права. К ним следует добавить 45 депутатов от бретонских и нормандских департаментов и от Эр и Луар. Итого: 105 представителей из 136, составляющих группу, тогда как остальные распределяются по разным департаментам по воле случая, обеспечившего влияние тому или иному деятелю. Следует отметить довольно значительное число жирондистов, происходящих из провинций писаного права: легисты, воспитанные на римском праве, они часто бывали проникнуты до фетишизма уважением к законности. Следует также отметить преобладание среди жирондистов представителей приморских департаментов, но мы не находим среди них ни представителей департамента Нор, ни представителей горных областей.

*

Будучи партией законности, Жиронда испытывала отвращение к тем революционным мерам, инициативу которых взяла на себя Парижская коммуна, в которой преобладали монтаньяры и секционные активисты. В конечном счете Жиронда представляла имущую буржуазию коммерческих или свободных профессий, выступавшую в защиту собственно-

сти и экономической свободы против тех ограничений, которых требовали санкюлоты.

В политической области Жиронда враждебно относилась ко всем исключительным мерам, которые были необходимы для общественного спасения. Она развязала войну, но она отказывалась применять средства, необходимые для достижения победы. Жиронда выступала против концентрации власти и строгого подчинения центру департаментских административных органов, она обращалась за поддержкой к местным властям, то есть уже к *нотаблям*, среди которых господствовала умеренная буржуазия и даже роялистская.

В области экономической Жиронда, связанная с деловой буржуазией, с недоверием относящейся к народу, была страстно привержена к экономической свободе, свободе предпринимательства и свободе прибыли, враждебно относилась к регламентации, таксации, реквизиции, к установлению принудительного курса ассигната, ко всем мерам, сторонниками которых, наоборот, были санкюлоты. Исполненные сознания важности социальной иерархии, которую они хотели сохранить, если не усилить, рассматривая право собственности как естественное и, следовательно, незыблемое, полностью разделяя интересы имущей буржуазии, жирондисты, в конечном счете, испытывали по отношению к народным массам чувство инстинктивного отталкивания.

Монтаньяры, будучи сами выходцами из средних слоев буржуазии (здесь ощущается недостаток конкретного социального анализа), понимали, что кризис Революции требовал чрезвычайных решений, которые могли стать эффективными только при наличии народной поддержки. Поэтому они вступили в союз с парижскими санкюлотами, которые низвергли трон и через восстание поднялись к политической жизни,— и в конечном счете с народными массами, ремесленниками, лавочниками, потребителями, страдавшими от войны и ее последствий, от дороговизны жизни, безработицы, низкой заработной платы.

Будучи реалистами, поскольку они были ближе к народу и лучше знали его нужды и требования, монтаньяры меньше затрудняли себя теориями, они умели поставить интересы нации выше частных эгоистических интересов. В интересах народа, этой необходимой опоры Революции, главного творца национальной обороны, они в конце концов примирились с необходимостью прибегнуть к ограничению экономической свободы и права собственности. Будучи в большинстве своем депутатами от Парижа, руководители Горы знали, что народ столицы сыграл решающую роль как в первой революции, июля 1789 г., так и во второй, 10 августа 1792 г. Их возмущали притязания Жиронды, которая из страха перед революционными массами хотела свести долю влияния Парижа до одной восемьдесят третьей, наравне с каждым из других департаментов, как сформулировал это требование Ласурс, выступая 25 декабря 1792 г.

Бриссо писал в октябре 1792 г. в своем воззвании «Ко всем республиканцам Франции об Обществе якобинцев Парижа», в котором он называл якобинцев и монтаньяров «анархистами, руководящими парижским обществом и позорящими

его»: «Дезорганизаторы — те, кто хотят все уравнять: собственность, зажиточность, цены товаров, различные услуги, оказываемые обществу». Робеспьер ответил на это заранее, 19 сентября 1792 г., в первом номере своих «Lettres à ses commettants» («Писем к своим доверителям») *: «Монархия уничтожена, дворянство и духовенство исчезли, начинается царство равенства». Он нападал на ложных патриотов, «которые хотят построить Республику только для себя, которые хотят править только в интересах богачей и государственных должностных лиц». Им он противопоставлял истинных патриотов, «которые постараются основать Республику на принципах равенства и общественных интересов». Руководители монтаньяров, особенно якобинцы и прежде всего робеспьеристы, прилагали усилия к тому, чтобы придать национальной действительности положительное содержание, способное объединить народные массы.

В этом смысле показательна эволюция Сен-Жюста. В своем «Духе Революции и Конституции Франции», опубликованном в 1791 г., Сен-Жюст, еще не освободившийся от влияния Монтескье, писал: «Где нет закона, нет родины; вот почему народы, живущие под деспотизмом, не имеют родины, если не считать того, что они презирают или ненавидят другие нации». Преодолев эту банальную для XVIII в. тему родины — свободы, Сен-Жюст в своей речи по продовольственному вопросу 29 ноября 1792 г. приходит к отождествлению, что тоже не отличалось особой оригинальностью, родины и счастья: «Народ, который несчастлив, не имеет родины». Но он идет дальше, когда подчеркивает, что для основания Республики необходимо «вывести народ из состояния неуверенности и нищеты, которое его развращает». Разоблачив «неограниченную эмиссию денежных знаков», иначе говоря, инфляцию, «вы можете сразу,— заявляет он членам Конвента,— дать [французскому народу] родину»: остановив опустошения, производимые инфляцией, обеспечив снабжение народа продовольствием и, таким образом, «тесно связав его счастье и его свободу».

Робеспьер высказался еще более четко 2 декабря 1792 г. в своей речи о хлебных волнениях в департаменте Эр и Луар **: поставив право на существование выше права собственности, он заложил теоретический фундамент под понятие нации, расширенной до народных масс. «Самые необходимые для жизни продукты питания авторы этой теории рассматривали лишь как обычный товар, не делая никакого различия между, скажем, торговлей зерном и торговлей индиго, они больше рассуждают о торговле зерном, чем о снабжении народа продовольствием... Они придавали большое значение барышам купцов и землевладельцев, жизнь же людей они не ставили почти ни во что... Главное из прав есть право на существование. Первый общественный закон заключается, следовательно, в том, чтобы обеспечить всех членов общества средствами к существованию; все другие законы подчинены этому».

Но в то время как национальное сознание и нужды войны побуждали монтаньяров сближаться с санкюлотами, классовый дух жирондистов, более чем когда-либо запутавшихся в своих противоречиях, отдалял их от монтаньяров. Жиронда объявила войну, но она боялась, что, обратив-

шись за поддержкой к народным массам, поддержкой, необходимой в борьбе с аристократией и с коалицией держав, она в конечном счете подорвет преобладающее положение имущих и нотаблей. Она отказалась пойти на какие бы то ни было уступки. 8 декабря 1792 г. Ролан добился восстановления свободы торговли зерном, после того как Барбару выступил с обвинениями против тех, «кто требует законов, посягающих на собственность». 13 марта 1793 г. Верньо еще сильнее выявил классовую основу жирондистской политики, выступив против народных концепций свободы и равенства. «Равенство для социального человека — это только равенство прав». Верньо продолжает: «Не может быть равенства в богатстве, как нет его во внешности людей, в их силе, уме, энергии, в их мастерстве и трудоспособности». Это означало подтверждение главенства собственности и богатства. Что это — тоска жирондистов по цензовому характеру государства?.. По меньшей мере это — недоверие к народу.

*

В конечном счете соперничество между Жирондой и монтаньярами обретало черты классового конфликта. Конечно, монтаньяры, как и жирондисты, происходили из буржуазии. Но требования защиты нации и революции заставили их проводить политику, благоприятную для масс: для одних это была политика, отвечавшая принципам, для других это была политика, продиктованная обстоятельствами. Террор, принятый и узаконенный Горой, был, по словам Маркса, лишь «*плебейским способом* разделаться с *врагами буржуазии*, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством» ***. Это должно было обеспечить спасение буржуазной революции.

Это сложная и еще мало исследованная проблема. Четкое осознание позиции монтаньяров затрудняется недостаточностью социального анализа. В первую очередь надлежало бы конкретизировать положение монтаньярской буржуазии; это тоже крупная деловая буржуазия, которую довольно хорошо представляет такой деятель, как Камбон, финансист Конвента, примкнувший к Горе. Равным образом надлежало бы проанализировать побудительные мотивы политических действий, возводящих необходимость в добродетель. Это были скорее непримиримые буржуа, отвергавшие какой бы то ни было компромисс с аристократией, которые не оставили нации и своему классу других шансов на спасение, кроме победы, и приняли требования, вытекавшие из этой политики. Непримиримыми буржуа они были еще потому, что извлекли выгоды из Революции, особенно из продажи национальных имуществ; они знали, что им придется все потерять в случае насильственного возвра-

---

* См.: Максимилиан Робеспьер. Избранные произведения. Т. II, М., 1965, с. 50 и сл.— *Прим. ред.*

** Там же, с. 127.

*** К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 114.

щения аристократии. Но некоторые из них, когда определился успех в военных делах, почувствовали усталость от мер принуждения и террора; так было с Дантоном и со снисходительными.

Политика защиты нации и революции также была навязана Горе и Конвенту извне: активистами-санкюлотами и якобинцами. Руководящим элементом этой коалиции, служившей опорой Революционному правительству, была, бесспорно, якобинская средняя буржуазия, олицетворением которой был Робеспьер; эта буржуазия являла собой лишь одно из течений Горы. Это она образовала необходимое звено, связывавшее живые силы санкюлотского народа с той частью буржуазии, мы имеем в виду монтаньяров, у которой хватило воли довести Революцию до ее завершения. Позиция якобинцев не была свободна от противоречий и в большой мере объясняет конечное поражение робеспьеристской политики. Но не отражает ли двойственность якобинцев в известном смысле двойственную природу всей Горы в целом? *

БИБЛИОГРАФИЯ

Нет ни одной общей работы, посвященной периоду, рассматриваемому Жоресом в III томе «Социалистической истории Французской революции», от низвержения монархии 10 августа 1792 г. до суда над королем, периоду основания Республики. Поэтому следует обращаться к общим трудам по Французской революции, указанным в сводной библиографии в I томе настоящего издания. Напомним, что фундаментальными трудами остаются следующие работы: M o r t i m e r-T e r n a u x. Histoire de la Terreur. Paris, t. II, III et IV; F. B r a e s c h. La Commune du 10 août. Étude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 septembre 1792. Paris, 1911. [См. также труды советских историков: «Французская буржуазная революция. 1789—1794». Под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.—Л., 1941; А. З. М а н ф р е д. Великая французская буржуазная революция XVIII века. М., 1956.]

Первый террор. — О непосредственных политических последствиях восстания 10 августа см.: A. A u l a r d. Histoire politique de la Révolution. Paris, 1901, IIe partie, chap. I [См.: А. О л а р. Политическая история Французской революции. М., 1938, часть вторая,

---

* О якобинцах и проблеме якобинской власти см. труды советских историков: Б. Г. В е б е р. В. И. Ленин и историческое наследие якобинцев. — «Французский Ежегодник. 1970», М., 1972; «Из истории якобинской диктатуры. 1793—1794». Одесса, 1962; «Проблемы якобинской диктатуры». — «Французский Ежегодник. 1970», М., 1972, с. 278—313; А. З. М а н ф р е д. «Три портрета эпохи Великой Французской революции». М., 1978, глава III; В. Г. Р е в у н е н к о в. Парижская коммуна. 1792—1794. Л., 1976. — *Прим. ред.*

глава I.]; P. Mautouchet. Le gouvernement révolutionnaire. Paris, 1912 (документы и вводная статья). Общего труда о первом терроре не существует. Относительно событий в Париже надлежит обратиться к работам: Mortimer-Ternaux. Histoire de la Terreur. T. III et IV; F. Braesch. La Commune du 10 août, указанным выше. Относительно событий в департаментах см.: A. Mathiez. L'arrestation des suspects en Côte-d'Or pendant la crise de la première invasion.— «Annales historiques de la Révolution française», 1925, p. 113.

Деятельность комиссаров, посланных Исполнительным советом, министром внутренних дел, Парижской коммуной, исследована в работе: P. Caron. La première Terreur. T. I: «Les missions du Conseil exécutif provisoire et de la Commune de Paris». Paris, 1950; t. II: «Les missions du Conseil exécutif provisoire et de la Commune de Paris dans l'Est et le Nord, août-novembre 1792». Paris, 1953. Миссия Карно в Эльзасе исследована в работе: M. Reinhard. Le grand Carnot. T. I: «De l'ingénieur au conventionnel». Paris [1950]. Следует добавить две более новые работы: Dr. Merle. Deux missions dans l'Ouest après le 10 août.— «Annales historiques de la Révolution française», 1964, p. 528; A. Birembaut. Notes sur quelques commissaires du Conseil exécutif et de la Commune de Paris après le 10 août.— «Annales historiques de la Révolution française», 1966, p. 587.

Сентябрьские избиения.— Они вызвали появление обильной литературы, ныне устаревшей. Укажем, однако, следующие работы: J. Grente. Les martyrs de septembre à Paris. Paris, 1919; J. Hérissay. Les journées de septembre à Paris. P., 1935. В настоящее время основным трудом по этому вопросу является солидное критическое исследование: P. Caron. Les massacres de septembre. Paris, 1935. Под углом зрения истории религии и церкви и, в частности, по вопросу избиений священников, находившихся в заключении в тюрьме Карм, необходимый пересмотр традиционной историографии произведен в работе: B. Plongeron. Conscience religieuse en révolution. Regards sur l'historiographie religieuse de la Révolution française. Paris, 1969. См. также: R. Cobb. Quelques documents sur les massacres de septembre.— «Annales historiques de la Révolution française», 1955, p. 61; и об одном эпизоде департаментского масштаба см.: R. M. Andrews. L'assassinat de Gérard, négociant lorientais, 15 septembre 1792.— «Annales historiques de la Révolution française», 1967, p. 309. О Марате, на которого обычно возлагают почти всю ответственность за избиения, см. классические работы: F. Chévremont. Jean-Paul Marat. Paris, 1880, 2 vol.; L. R. Gottschalk. Jean-Paul Marat. A study in radicalism. New York, 1927; J. Massin. Marat. Paris. 1960. [См.: А. З. Манфред. Марат. М., 1962.] О вызывающей споры роли Дантона см.: A. Aulard. Danton et les massacres de septembre.— «Études et leçons sur l'histoire de la Révolution française», 2e série, Paris, 1898, p. 39; противоположный взгляд см. в работе: A. Mathiez. Autour de Danton. Paris, 1926, chap. VI et VII. [См.: Ц. Фридлянд. Дантон. М., 1965; А. Левандовский. Дантон. М., 1964.]

О политических событиях в период с 10 августа до 20 сентября 1792 г. — См. уже упоминавшуюся работу: A. Aulard. Histoire politique. IIe partie, chap. II; A. Mathiez. Le lendemain du 10 août. — «Annales historiques de la Révolution française», 1934, p. 383. — О мерах, проведенных в области религии и церкви, см.: A. Mathiez. Les conséquences religieuses de la journée du 10 août 1792: la déportation des prêtres réfractaires et la sécularisation de l'état-civil. — «Annales révolutionnaires», 1910, p. 560; 1911, p. 23; abbé L. Misermont. Le serment de liberté-égalité. Paris, 1914; idem. Le serment à la Constitution civile du clegré; le serment civique [de 1792]. Paris, 1917. [См.: М. Домнич. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь. М., 1960, с. 89 и сл.] Проблема эта была вновь поднята и пересмотрена в упоминавшейся выше работе аббата Плонжерона [B. Plongeron. Conscience religieuse en révolution]. Экономическое и социальное движение исследовано в работе: A. Mathiez. La vie chère et le mouvement social sous la Terreur. Paris, 1927, chap. III [См.: А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.—Л., 1928.]; см. также: E. Campagnac. Un prêtre communiste: le curé Petitjean» [в Эпинэй, департамент Шер]. — «La Révolution française», 1903, p. 425.

Вальми и Жемапп. — Состояние французской армии накануне сражения при Вальми не стало предметом какого-либо специального исследования. О боевых действиях см.: A. Chuquet. Les guerres de la Révolution. T. I: «La première invasion prussienne». Paris, 1886; t. II: «Valmy». Paris, 1887; t. III: «La retraite de Brunswick», 1887; t. IV: «Jemappes et la conquête de la Belgique». Paris, 1890; t. V: «L'expédition de Custine», 1891; idem. Dumouriez. Paris, 1914. В 1970 г. вышла в свет работа: J. P. Bertaud. Valmy, la démocratie en armes. Paris, 1970 (в серии «Archives»). Goethe. Campagne in Frankreich. — «Goethes sämtliche Werke-Jubiläumes Ausgabe», t. XXVIII. Stuttgart, 1903 (с введением А. Дова).

Начало работ Конвента. Жирондисты и монтаньяры. — Для изучения истории Конвента надлежит обращаться к общим работам, указанным в томе I настоящего издания. Кроме того, см.: Mortimer-Ternaux. Histoire de la Terreur; C.-A. Dauban. La démagogie à Paris en 1793. Paris, 1868. Не существует общего исследования о выборах в Конвент, надлежит обращаться к локальным историческим работам. В качестве примера укажем: E. Auvray. Les élections à la Convention nationale dans le département de Seine-et-Oise. 26 août — 2 septembre 1792. — «Actes du 78e Congrès des Sociétés savantes, Toulouse», 1953, p. 239. См. также: A. Kuscinski. Dictionnaire des Conventionnels. Paris, 1919. Эта работа, хотя пользоваться сю следует с некоторой осторожностью, представляет необходимое пособие. Исследования в масштабе департамента редки. Отметим: G. Laurent. La représentation du département de la Marne à la Convention nationale. — «Annales historiques de la Révolution française», 1948, p. 322.

Общие работы о жирондистах

либо устарели, либо носят полемический характер: J. G u a d e t. Les Girondins. Paris, 1861, 2 vol.; E. B i r é. La légende des Girondins. Paris, 1881. Можно обратиться к уже упоминавшейся работе: A. A u l a r d. Histoire politique, IIe partie, chap. VII; i d e m. Les orateurs de la Législative et de la Convention. Paris, 1885, 2 vol.; 2e éd., 1906, t. I, liv. III—V, t. II, liv. VI—VII. См. также: M. J. S y d e n h a m. The Girondins. London, 1961. Освещение этого вопроса с социальной точки зрения см.: A. S o b o u l. Sur la fortune des Girondins.— «Annales historiques de la Révolution française», 1951, p. 181, 298; 1954, p. 257.

О монтаньярах нет ни одного общего исследования. Следует обращаться к указанным выше работам: A. A u l a r d. Histoire politique; i d e m. Les orateurs de la Législative et de la Convention. T. II, liv. VIII et IX (книги X и XI посвящены Робеспьеру и робеспьеристам).

О первых заседаниях Конвента и борьбе партий см.: A. A u l a r d. Histoire politique, II partie, chap. III et VI—VIII; A. M a t h i e z. Études d'histoire révolutionnaire. Girondins et Montagnards. Paris, 1930. О распрях с Коммуной см.: F. B r a e s c h. La Commune du 10 août. Étude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 décembre 1792. Paris, 1911.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абанкур д' 22, 23
Авенель 368
Азема, депутат Конвента от департамента Ор 101, 525
Альберт, герцог Саксонский-Тешенский 235, 240
Альбитт, адвокат, депутат Законодательного собрания, затем Конвента от департамента Нижняя Сена 122, 141
Аклок, командир батальона национальной гвардии, один из защитников Тюильри 10 августа 1792 г. 22, 25
Алькье, депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Ла-Рошель, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза 329, 364
Амело, управляющий Кассой чрезвычайных доходов 372
Амель Эрнест, историк 41, 43, 78, 83, 84, 88
Андрион, генеральный комиссар швейцарцев и граубюнденцев 22, 23
Анж — см. Д'Анж
Анкарстрем, шведский офицер 475
Ансельм Жак Бернар Модест д', генерал 251
Антуан Франсуа Поль, депутат третьего сословия в Генеральных штатах от бальяжа Саргемин, мэр Меца, представитель департамента Мозель в Конвенте 10, 11, 16, 45—47
Аристид, афинский государственный и военный деятель 296, 297
Артуа, граф д' (Карл X) 197, 271
Аякс 231

Бабеф Гракх (Франсуа Ноэль) 143, 396, 397
Базир, г-жа, камеристка королевы 22
Базир Клод, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кот-д'Ор 76, 77, 105, 296—299, 312
Бай Пьер, депутат Конвента от департамента Бюш-дю-Рон 131, 133, 161
Байи Жан Сильвен, мэр Парижа 14, 22, 282
Банкаль Дезиссар, депутат Конвента от департамента Пюи-де-Дом 101, 448, 449, 516, 524
Барбару Шарль Жан Мари, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон 128—133, 159—161, 192, 193, 195, 346, 347, 360, 452, 454, 459—461, 463, 478, 490, 493, 498, 514, 527, 531
Барбару Оже, сын предыдущего 129
Барер Бертран, член Учредительного собрания, депутат Конвента

от департамента Верхние Пиренеи, в 1793 г. член Комитета общественного спасения 214, 238, 239, 263, 461, 506, 507
Барнав, Жозеф 64, 65, 142, 143, 214, 215
Барре, прокурор, член администрации Парижского департамента до 10 августа 1792 г. 22, 25
Баррюэль, аббат 520
Баррюкан Виктор 37
Башомон, литератор 494, 495
Бейль Моиз, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон, член Комитета общественной безопасности 133, 161
Бенжамен Жакоб, поставщик армии 364, 365, 373
Бентаболь, депутат Конвента от департамента Нижний Рейн 472
Бергоэн, депутат Конвента от департамента Жиронда 143
Бер-Дюолан, редактор 19
Бернонвиль Пьер, генерал, военный министр в 1793 г. 203, 209, 231, 233, 236
Бертелон, комиссар Коммуны в сентябре 1792 г. 81
Бертранде, эмигрант 58
Бефруа, прокурор коммуны Лаон в 1790 г., член директории департамента Эна, депутат Конвента от департамента Эна 355, 376, 380, 419, 420, 422—424, 426, 427, 432
Биго де Сент-Круа, министр иностранных дел с 1 по 10 августа 1792 г. 22, 23
Бийо-Варенн Жак Никола, заместитель прокурора Коммуны, депутат Конвента от Парижа, член Комитета общественного спасения 78, 79, 89, 134, 137, 221, 495
Бирон Арман Луи, герцог де Лозен, член Учредительного собрания, командующий Рейнской армии, затем Итальянской армии 246—249
Биротто, депутат Конвента от департамента Восточные Пиренеи 388, 389, 392
Блай Джек, из общества Конституционных вигов 253
Блан Луи 89, 105, 520, 521
Бове Шарль Никола, врач, депутат Конвента от Парижа 135
Бодо Марк Антуан, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сона и Луара 142, 143, 220, 224, 225, 234, 242, 243, 265, 267, 313, 440
Бодри д'Ассон, один из главарей брессюирского восстания в 1792 г. 118, 119
Бодуэн, комиссар секции Арси (5 сентября 1792 г.) 111, 113
Бомарше Пьер Огюстен Карон де 364
Бонвиль (Бонневиль) Никола, де, литератор, один из основателей «Социального кружка», выборщик от города Парижа 126, 127
Боннье д'Алько Анж, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эро 265, 267
Борда Жан Шарль, член Академии наук 266, 267
Борепер Никола Жозеф, комендант Верденской крепости в 1792 г. 64, 65, 191
Бори, член Парижского муниципалитета в 1790 г. 20, 21
Брауншвейгский, герцог (Карл Вильгельм Фердинанд) 33, 64, 78, 80—88, 90, 106, 132, 141, 159, 176, 204—206, 208, 209, 225, 226, 228—230, 240, 258, 504
Бретёй Луи Огюст, барон де 33, 62, 88, 205—207, 228, 230, 231
Бретеш, г-жа де ла, заведующая гардеробом г-жи д'Артуа 22
Бриссо Жак Пьер 31, 34—38, 48, 49, 56, 62, 76—81, 89, 105, 117, 119, 122, 124—127, 133, 134, 152—154, 158, 162, 163, 166, 167, 185, 189, 262, 278, 293, 334, 357, 405, 439, 441, 446, 461, 467, 471—473, 478, 487, 488, 498, 501, 507, 511—515, 527, 529
Брюн, редактор 19
Буайе-Фонфред Жан Батист, депутат Конвента от департамента Жиронда 142, 424, 425
Буало, прокурор коммуны Авалон, депутат Конвента от департамента Йонна 457, 458
Буасси д'Англа Франсуа Антуан, депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Аннонэ, прокурор-синдик департамента Ардеш, депутат Конвента 329, 364
Буйеро, депутат Конвента от департамента Эр 122
Булль Дж., из Общества реформ, председатель 253

Бурбоны 85
Бургон, м-м де, сообщница Ла Руэри 273
Бурдон из Уазы Фернан Луи, депутат Конвента от департамента Уаза 461
Бурдон Леонар, депутат Конвента от департамента Луаре 20, 21, 460, 461
Буше Франсуа, художник 135, 348
Бюзо Франсуа Никола Леонар, депутат Конвента от департамента Эр 45, 122—125, 128, 172, 193, 197, 445, 447—449, 451, 459, 463, 465, 466—471, 477—479, 487, 514, 515, 518, 527

Валазе — см. Дюфриш-Валазе
Валанс, граф де, в 1791 г.— бригадный генерал, в 1792 г.— генерал-лейтенант в армии Келлермана 239
Валле, депутат Конвента от департамента Эр 122
Ван-Лоо, художник 348
Венсан, главный комиссар-распорядитель кредитов Южной армии 364, 365
Верньо Пьер Виктюрньен, адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда 66—68, 73, 74, 78, 95, 105—107, 122, 125, 126, 143, 153, 159, 224, 238, 243, 326, 439, 441, 455, 456, 459, 461, 464, 465, 487, 488, 514, 526, 527, 531
Вильгельм III (Вильгельм Оранский), король Англии 82, 83
Вите Луи, врач, мэр Лиона в 1789 г., депутат Конвента от департамента Рона и Луара 143, 329, 330, 364
Витгенштейн, князь 249
Вобан, эмигрант 229
Воблан Венсен Мари, граф де Вьено, депутат Законодательного собрания от департамента Сена и Марна 15
Вовенарг Люк де Клапье, маркиз де, французский моралист, автор сочинения «Максимы» 476, 477
Вольтер Франсуа Мари Аруэ 279

Гамбетта Леон 196
Ганнибал 199, 430
Гара, Доминик Жозеф, член Учредительного собрания, министр юстиции в 1792 г., министр внутренних дел в 1793 г. 440, 488, 489, 491, 507, 510, 511
Гарнье де Сент, депутат Конвента от департамента Нижняя Шаранта 298
Гарро, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда 143
Гаспарен, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Буш-дю-Рон 133
Гассенфрац Жак Анри, химик, сотрудник Лавуазье, член Коммуны 10 августа 363, 364
Генрих IV, король Франции 227
Гермёр, член Наблюдательного комитета Парижской коммуны 81
Гёте Иоганн Вольфганг 210
Гёц-Бериштейн, историк 81
Гибер, граф де, бригадный генерал 237
Гийомарэ де ла, сообщник Ла Руэри 274
Гитон-Морво, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кот-д'Ор 15, 265, 267
Гобель, епископ парижский 287
Гомер 242
Гонон М., историк 399
Горса Антуан Жозеф, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза, редактор «Куррье дэ департеман» 127, 135, 159, 528
Готье дю Сионне, по прозвищу Крошка Готье, редактор «Журналь де ла кур э де ла вилль» 19
Гофф Томас, председатель Общества революции Норвича 253
Гракх Тиберий 182
Гране, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Буш-дю-Рон 133
Гранженёв Жан Антуан де, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда 51, 143
Грегуар, аббат 45, 214, 220, 221, 258, 263
Гренар, член администрации Парижского департамента 513
Грибоваль де, генерал-лейтенант 239
Грир Д. 371
Гувьон Сен-Сир Лоран, маркиз, генерал 237
Гужон, один из последних монтаньяров, «мученик прериаля» 385
Гупийо, именуемый Гупийо из Фонтене, депутат Законодательного

собрания, а затем Конвента от департамента Вандея 118, 119
Густав III, король Швеции 475
Гюаде Маргерит Эли, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда 41, 51, 78, 105, 143, 153, 157, 441, 478, 487, 489, 514

Давид Жак Луи, художник, депутат Конвента от Парижа 134, 135, 267
Данже, комиссар секции Попенкур в сентябре 1792 г. 73
Дантон Жорж Жак 28, 29, 42, 46, 59—64, 68, 69, 73, 76, 85, 92, 100, 101, 103, 105, 122, 124, 125, 127, 134, 135, 137, 157, 164—167, 189, 197, 198, 202, 203, 216—220, 221, 233—235, 273, 293, 301—303, 312—314, 439, 444, 445, 450—452, 457, 458, 461, 470, 471, 473, 477, 486, 489, 490, 491, 493, 494, 496—499, 507—512, 518, 523, 524, 527, 532
Дартигуат, депутат Конвента от департамента Ланды 465
Девилль Габриэль, историк 396, 397
Делакруа Жан Франсуа, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эр и Луар 54, 55, 153, 372, 465, 495, 502
Делуш, мэр Брэссюира, один из роялистских вожаков 118, 119
Демулен Камиль 134, 198, 280, 281, 472, 489
Дюпле Элизабет, жена Леба 519
Депорт, французский уполномоченный в Цвейбрюккене 81
Джеймс, комиссар секции Катр-Насьон 73
Джексон Сэмюэл, из Конституционного общества Манчестера 253
Дидро Дени 302
Дийон Теобальд де, генерал, убитый 29 апреля 1792 г. в Лилле своими солдатами 35, 442, 443, 482, 483
Добан А., издатель мемуаров Бюзо 123, 449, 514, 515
Доден, г-жа 527
Доливье Пьер, аббат, кюре Мошана 172, 173, 396, 397
Дорнье, депутат Конвента от департамента Верхняя Сона 377, 378, 380
Дюбай, заместитель председателя второй секции уголовного суда Парижа 488
Дюбайе, депутат Законодательного собрания 15
Дюбарри Жанна, фаворитка Людовика XV 514
Дюбрей Леон 467
Дюбуа-Крансе Эдмон Луи, депутат Учредительного собрания, а затем Конвента от департамента Арденны 45, 47
Дютар, комиссар-наблюдатель Парижского департамента при министре внутренних дел Гара 488, 489
Дюбюск, депутат Конвента от департамента Эр 122
Дюваль, хозяин стекольной фабрики, брат депутата Законодательного собрания от департамента Луар и Шер 391, 393
Дюваль-старший, хозяин металлургического завода, депутат Законодательного собрания от департамента Луар и Шер 393
Дюверье, выборщик и заместитель депутата от Парижа в 1789 г. 22, 23
Дюзо, член первой Парижской коммуны в 1789 г., депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от Парижа 76, 77, 135
Дюко Жан Франсуа, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда 105, 142
Дюма Матьё, депутат Законодательного собрания от департамента Сена и Уаза 15
Дюмолар, депутат Законодательного собрания от департамента Изер 153
Дюмурье Шарль Франсуа 64, 68, 87, 165, 198—201, 204, 206—210, 224—237, 239—243, 246, 251, 363, 373, 461, 474—476, 483, 526
Дю-Мустье (или Дю-Мутье), граф 207
Дюплекс, член Коммуны 513
Дюплен, член Наблюдательного комитета Парижской коммуны 10 августа 95
Дюпон де Немур Пьер Самюэль, депутат Учредительного собрания 20, 21
Дюпор Адриан, депутат Учредительного собрания 19—21, 103, 215
Дюпра, мэр Авиньона, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон 133, 142, 143, 159

Дюран де Майан, член Учредительного собрания, а затем Конвента от департамента Буш-дю-Рон 131, 133
Дюруа, адвокат, судья трибунала в 1791 г. в Берне, депутат Конвента от департамента Эр 122, 394, 395
Дюрюэ, банкир 353
Дюфриш-Валазе, депутат Конвента от департамента Орн 346, 347, 352, 353, 356, 459
Дюфур, член Парижской коммуны 169—173, 185. 394
Дюшатель, депутат Конвента от департамента Дё-Севр 153

Екатерина II 475

Жавог, депутат Конвента от департамента Рона и Луара 143
Жан Бон Сент-Андре Андре, депутат Конвента от департамента Ло 120, 121, 139, 294
Жанна д'Арк 232
Жансонне Арман, адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда 20, 21, 104, 105, 143, 253, 461
Же де Сент-Фуа 143
Жерар, пахарь, депутат Учредительного собрания от Реннского сенешальства 45, 47
Жердре, поставщик армии 365, 392, 393
Жире-Дюпре Жозеф Мари, сотрудник газеты Бриссо «Патриот франсэ» 49
Журдёй, член Наблюдательного комитета Парижской коммуны 95

Изоре, депутат Конвента от департамента Уаза 355, 369, 376, 377
Иоаннисян А. Р. 171, 399

Йоркский, герцог 103, 106

Кальвин Жан 313, 314
Калон, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Уаза 460, 461
Калонн Шарль Александр, де 363
Камбон Пьер Жозеф 50, 51, 100, 101, 105, 107, 110, 224, 225, 289, 290, 292—294, 296—298, 301, 303, 312, 315—321, 335, 361, 363—365, 373, 375, 388, 464, 531
Камю Арман Гастон, депутат Учредительного собрания, а затем Конвента 372, 373, 441
Канма, комиссар Коммуны 379
Капет Людовик — см. Людовик XVI
Каппи, полицейский чиновник, арестованный после 10 августа, 20
Караман, виконт, де 33, 229
Карл IX, король Франции 281
Карон П. 61, 71, 73, 75, 91, 95, 97, 157, 520—524
Карра Жан Луи, журналист, депутат Конвента от департамента Сена и Луара 68, 69, 78, 79, 81, 83—89, 122, 125, 127, 166, 178, 179, 231, 293, 372, 373, 469, 499
Катилина 493, 494, 501
Катон 501
Кауниц Венцель Антон, князь фон, канцлер 84
Келлерман Франсуа Кристоф 196, 197, 203, 208—210, 225, 233, 239
Кераль, командир батальона парижской национальной гвардии 185, 187, 188
Керсен Арман, депутат Законодательного собрания от Парижа, а затем Конвента от департамента Сена и Уаза 134, 135, 265, 447, 467
Кине Эдгар 220, 221, 312, 313, 314
Клавьер Этьенн, министр 91, 523
Клефрэ 87, 205
Клоотс Жан Батист (Анахарсис), депутат Конвента от департамента Уаза 180—182, 184, 185, 313
Колло д'Эрбуа Жан Мари, депутат Конвента от Парижа, член Комитета общественного спасения 134, 137, 220, 473
Коммод, римский император 468
Конде Луи Жозеф, принц де 504
Кондильяк Этьенн Бонно де, философ 511
Кондорсе Антуан, маркиз де, депутат Законодательного собрания от Парижа, а затем Конвента от департамента Эна 81—83, 91, 96, 125—127, 133, 153, 178, 180, 185, 263, 265, 278, 302, 303, 308, 314, 334, 357, 381—383, 439, 441, 445, 461, 471, 499, 500
Конт Изидор Огюст, философ, основатель школы позитивистов 276
Королле, депутат Учредительного собрания от сенешальства Эннебон 45
Коттеро Жан, по прозвищу Жан Шуан, один из роялистских главарей 274, 275

Крёзе-Латуш, депутат Генеральных штатов от третьего сословия, а затем Конвента от департамента Вьенна 342, 343, 353, 354, 356, 362
Кромвель Оливер 506
Кузэн, глава Продовольственного комитета города Парижа 49
Куртуа Александр, общественный обвинитель при военном трибунале Рейнской армии 297, 299
Кусенс Джон, секретарь Общества революции Норвича 253
Кусто (по прозвищу Миньон), комиссар Парижской коммуны 81
Кутон Жорж, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Пюи-де-Дом, член Комитета общественного спасения 461, 462, 466, 467, 472, 518
Кюрни, член администрации Парижского департамента 22, 25
Кюссе, депутат Конвента от департамента Рона и Луара 143
Кюстин Адам Филипп, граф де, бригадный генерал, депутат Генеральных штатов от дворянства бальяжа Мец 243, 246—251, 476, 477
Кютти Луи, владелец типографии в Лионе, издавший труд Л'Анжа 398, 408

Лавиконтери Луи Тома, литератор, депутат Конвента от Парижа 135
Лавуазье Антуан Лоран 363
Лагранж Жозеф Луи, математик, заместитель депутата Конвента от департамента Сена и Уаза 265
Лажар, военный министр в 1792 г. 22, 23, 365
Лажар, двоюродный брат министра-фейяна 365
Лаканаль Жозеф, депутат Конвента от департамента Арьеж 265, 267
Лакруа — см. Делакруа
Лаланд Жозеф Жером де, директор Обсерватории 266, 267
Лалиган-Морийон, осведомитель полиции 272—274
Ламбаль Мари Тереза Луиза, принцесса де 22, 70, 504
Ламет Шарль, граф де, член Учредительного собрания 65, 103
Ламет, братья 15
Ланган, мадемуазель де, сообщница Ла Руэри 272
Л'Анж (Ланж) Франсуа Жозеф 331, 396—404, 406—411, 413—417
Ланжюинэ Жан Дени, член Учредительного собрания, затем депутат Конвента от департамента Иль и Вилен 365, 485
Лантена Франсуа Ксавье, депутат Конвента от департамента Рона и Луара 193, 448, 449, 514, 516
Ланфан, аббат 91, 93
Ланфан, комиссар секции Сицилийского короля 95
Лапорт де, интендант цивильного листа 22, 23
Лапьерр, полковник штаба парижской национальной гвардии 22, 25
Ларевельер-Лепо Луи Мари, депутат Генеральных штатов от третьего сословия Анжерского сенешальства, депутат Конвента от департамента Мен и Луара, член Исполнительной директории в IV г. 262, 263
Ла Рени де, участник штурма Бастилии, арестован после 10 августа 22
Ла Рош Дю Мен 22, 23
Ла Руэри А. Ш. Тюффен, маркиз де 197, 198, 272—274
Ларшен 22
Ласурс Марк Давид, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Тарн 78, 95, 105, 107, 142, 143, 439, 441, 450, 487, 529
Латуш-Шевтель, врач, сообщивший Дантону о заговоре Ла Руэри 197, 198, 273, 274
Лафайет Мари Жозеф, маркиз де (Мотье) 15, 17, 40, 41, 44, 45, 59, 90, 91, 93, 122, 192, 198, 215, 233, 238, 243, 441, 442
Леарди, депутат Конвента от департамента Морбиан 327
Леба Жозеф, депутат Конвента от департамента Па-де-Кале 151, 446, 447, 449, 518, 519
Лебрен, купец из Монпелье, поставщик армии 365
Лебрен Пьер Мари (он же Лебрен-Тондю), министр иностранных дел 81, 227, 523
Леви-Шнейдер Л., историк 120, 121
Легийон, комиссар секции Нотр-Дам в сентябре 1792 г. 73
Лежандр Луи, депутат Конвента от Парижа 135
Лекамю (или Камю), комиссар секции Май в сентябре 1792 г. 111, 113

Лекиньо, адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Морбиан 346, 347, 355, 423—425
Лекуэнтр Лоран, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сена и Уаза 357, 358, 361, 368
Лекуэнт-Пюираво, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Дё-Севр 388, 389, 393
Лемарешаль, член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Эр 122
Ленде Жан Батист Робер, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эр, член Комитета общественного спасения 122, 123, 155, 156
Ленде Тома, член Учредительного собрания, затем Конвента от департамента Эвре 122
Леньело Жозеф Франсуа, комиссар секции Вандомской площади, депутат Конвента от Парижа 19, 135
Лепелетье де Сен-Фаржо Луи Мишель, депутат Генеральных штатов от дворянства города Парижа, депутат Конвента от департамента Йонна 45, 47, 294, 295
Ле Руа (из Алансона), член Якобинского клуба 297, 299
Лефевр Жорж, историк 379, 387
Лефор, член Наблюдательного комитета Парижской коммуны 95, 167
Ле Шапелье И. Р. Г., член Учредительного собрания 380
Лидон, депутат Конвента от департамента Коррез 394, 395
Ликург, легендарный древнеспартанский законодатель 187, 296, 297
Лихтенберже А., историк 171
Лоримье де Шамийи, первый камердинер короля 22
Луазо-Гранмезон, комиссар Коммуны 379
Луве де Кувре Жан Батист, литератор, депутат Конвента от департамента Луаре 79, 89, 127, 485, 490, 493—500, 502—506, 514—517, 527
Луи Филипп 146, 236, 326, 332
Людовик XIV, король Франции 263
Людовик XV, король Франции 163, 273, 342, 353, 411
Людовик XVI, король Франции 12, 18, 19, 21, 36, 83, 86, 103, 133, 144, 145, 226, 228, 229, 239, 299, 349, 352—354, 452, 468, 474, 516, 525
Люкнер Никола, маршал Франции 442
Лютер Мартин 313, 314

Магонье, камердинер старшего из братьев короля 22
Майль Жан Батист, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Гаронна 299
Малуэ Пьер Виктор, член Учредительного собрания 153
Манюэль Луи Пьер, депутат Конвента от Парижа, прокурор Коммуны 19, 54—56 135, 137, 276—280, 282, 294—296, 472
Марат Жан Поль 11, 13, 15, 40—42, 44, 46, 52, 53, 62, 74, 80, 89, 91, 94, 95, 98—100, 106, 107, 110, 112, 116, 117, 124, 125, 127, 129—138, 152—154, 156—159, 162, 166—168, 173, 189—191, 193, 216, 265, 357, 424, 440, 441, 443—445, 450—452, 454—459, 461, 464, 472—474, 476—481, 483—486, 491, 492, 496—499, 502, 514, 521, 524, 525
Маргарот Морис, основатель и председатель Лондонского Корреспондентского общества 256, 257
Марешаль Сильвен, сотрудник «Революсьон де Пари» 23
Марино, художник по фарфору, комиссар секции Пале-Руаяль 73
Мария Антуанетта, королева Франции 36
Маркан, драгун, автор «Записных книжек» 525
Маркандье Рок, журналист, был секретарем и сотрудником Камиля Демулена, затем перешел на службу к Ролану 488, 489, 505
Маркс Карл 220, 417, 423, 464, 531
Махмуд II 243
Матьез Альбер 43, 83, 85, 89, 91, 103, 143, 215, 249, 285, 311, 379, 389, 467, 511, 526, 527
Медичи Екатерина, королева Франции 281
Мелле Эрнест 464
Менвьель, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон 159
Мёнье Жан Батист Мари Шарль, геометр, член Академии наук 508, 509
Мерлен из Тионвиля Антуан Кристоф, адвокат, депутат Законода-

тельного собрания, а затем Конвента от департамента Мозель 31—33, 39, 58, 349, 450
Мерси д'Аржанто Флоримон, граф де, австрийский посол во Франции 205
Мерсье Луи Себастиан 520
Местр Жозеф де 520
Меттерних Клемент, князь де 228, 242, 243
Миллен, главный редактор «Журналь дю суар де ла сгонд лежислатюр» 22, 25
Минос, легендарный царь Кносса 296, 297
Мирабо Оноре Габриель Рикети, граф де 215, 296, 316, 443
Мирабо Андре Бонифас Луи де Рикети, виконт де, по прозвищу «Мирабо-бочка» 469
Мишель, фабрикант, комиссар секции Бобур, служащий полиции 19, 331
Мишле Жюль 210, 215, 396—398
Мишони, комиссар Коммуны из секции Рынка в сентябре 1792 г. 73
Моморо Антуан Франсуа, активный член клуба Кордельеров, член директории Парижского департамента после 10 августа 169—173, 176, 178, 179, 181, 183, 185, 189, 216, 218, 219, 394—396, 464, 465
Монбрион 131
Монж Гаспар, морской министр с 10 августа 1792 г. до 13 апреля 1793 г. 508, 509, 523
Монжуа, редактор «Л'Ами дю руа, дэ франсэ, де л'ордр э сюрту де ла веритэ» 19, 281
Монморен Арман Марк, граф де 504
Моннёз, комиссар секции Плас-Руаяль 73
Моно Габриель, историк 397
Монтескьё Шарль Луи 16, 432, 468, 530
Монтескью, генерал, депутат Генеральных штатов от дворянства Парижа 195, 243, 251, 364, 442
Монтье А., историк 122, 154
Мор, депутат Конвента от департамента Йонна 388, 389, 392, 393
Мори Жан Сиффрен, аббат 469
Мотье — см. Лафайет
Мулен, член Парижской коммуны 513
Мюрер, депутат Законодательного собрания от департамента Вар 285
Мячинский Юзеф, комендант крепости Верден 199

Наварр, г-жа де, камеристка королевы 22
Наполеон I Бонапарт 313, 314, 443
Неккер Жак 363, 386
Нивьер-Шоль, мэр Лиона 330, 331

Обри 22
Одуэн Ксавье, член Коммуны 10 августа 31, 379
Олар Альфонс 45, 215, 311, 313, 527
Орлеанский герцог — см. Филипп Эгалите
Осселен, депутат Конвента от Парижа 135

Панис Этьенн Жан, член Наблюдательного комитета Парижской коммуны 10 августа, депутат Конвента от Парижа 89, 91, 93, 95, 112, 134, 452—454
Пари, королевский телохранитель, убийца Лепелетье де Сен-Фаржо 295
Паризо, редактор «Фёй дю жур» 19
Пасторе Клод Эммануэль, маркиз де, генеральный прокурор-синдик Парижского департамента в 1791 г., депутат Законодательного собрания 15, 153
Паш Жан Никола, военный министр, а затем мэр Парижа 363, 507, 509
Петион де Вильнёв Жером, мэр Парижа, член Учредительного собрания, а затем депутат Конвента от департамента Эр и Луар 27, 45, 55, 88, 102, 111, 112, 117, 123, 156, 159, 162, 190, 191, 276, 278, 439, 441, 446, 451, 457, 459, 561, 496
Петион, г-жа 166
Перру К. 509
Пикок Франсуа, секретарь общества «Друзья народа Великобритании» из г. Ньюингтона 258
Пим Джон, выдающийся деятель Английской революции 1640 г. 262, 263
Пионье Э. 191
Платон 187
Пленвиль, заместитель начальника штаба парижской национальной гвардии 22, 25
Плонжерон Б., аббат 520, 521
Плутарх 448
Помпадур Антуанетта Пуассон, маркиза де 514

Понятовский Юзеф, племянник короля Польши, маршал Франции 475
Портье Луи (Портье из Уазы), депутат Конвента от департамента Уаза 356, 357, 368
Приёр из Марны Пьер Луи, член Учредительного собрания, а затем Конвента от департамента Марна, член Комитета общественного спасения 231
Проли, банкир 249
Прудон Пьер Жозеф 405
Прюдом Луи Мари, основатель и главный редактор газеты «Революсьон де Пари» 23, 96, 134—136, 175, 176, 188, 278, 280, 282, 283, 364, 368, 467, 468, 498, 499
Прюнель де Лиер, мэр Гренобля, депутат Конвента от департамента Изер 142
Пуллек Джент, из общества Конституционных вигов 253
Пуссен, комиссар секции Республики 513
Пуэнт Ноэль, рабочий-оружейник из Сент-Этьенна, депутат Конвента от департамента Рона и Луара 141, 143—147
Пэн Томас 461
Пэр, из секции Французского театра 464, 465

Рабо де Сент-Этьенн Жан Поль, член Учредительного собрания, затем депутат Конвента от департамента Об 153, 439
Раффрон, поверенный в делах Франции в Тоскане, депутат Конвента от Парижа 135
Реаль Гийом Андре, депутат Конвента от департамента Изер 329
Реаль Пьер Франсуа, заместитель прокурора Парижской коммунны в 1792 г. 126, 127, 512
Ребекки Франсуа, марсельский негоциант, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон 128—133, 159, 161, 192, 454, 490, 493
Рейно, адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Луара 502, 503
Рек, барон фон 205
Ренан Эрнест 282
Рету, комиссар секции Тюильри, инспектор хранилища королевского имущества 49
Ривароль Антуан, контрреволюционный журналист и сочинитель памфлетов 207, 317
Ришар, привратник тюрьмы Консьержери 110
Ришу, депутат Конвента от департамента Эр 122
Робер, депутат Конвента от Парижа 135
Робеспьер Максимилиан Мари Изидор де 10, 11, 16—18, 26—28, 30, 31, 34—38, 41—43, 45—47, 55, 56, 62, 73, 78—81, 83, 84, 86—95, 100, 101, 106, 107, 110, 116, 117, 122, 124—134, 137—139, 152, 154, 155, 157, 161, 166, 171, 189, 214—217, 223, 247, 249, 279, 280, 302, 303, 305—314, 334, 357, 397, 428—430, 433, 440, 441, 444, 445, 447, 450—454, 457, 461, 473, 474, 484, 486—488, 490, 492—500, 502—507, 513, 515, 519, 524—527, 530, 532
Робеспьер Огюстен, депутат Конвента от Парижа 134
Робине Ж., д-р, историк, позитивист 276, 277, 281, 299, 312, 314
Ровер, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон 133
Роган Луи Рене Эдуард, кардинал де 85
Розуа дю, критик из «Газетт де Пари» 19, 22, 23
Ролан де ла Платьер Жан Мари, министр внутренних дел с 23 марта до 13 июня 1792 г. и с 10 августа 1792 г. до 23 января 1793 г. 49, 60, 92, 98, 101—103, 124, 126, 142, 153—157, 159, 163, 164, 166, 167, 189, 192—194, 197, 321—325, 327, 331—335, 337, 339, 342, 344, 345, 347, 348, 359, 361—363, 367, 370—372, 421, 432, 445—447, 449, 450, 456, 480, 481, 484—490, 492, 493, 496, 499—501, 503, 505, 508, 509, 512, 513, 515—517, 523, 528, 531
Ролан де ла Платьер Манон Жанна 101, 164—167, 192, 193, 195—197 448, 449, 459, 469, 470, 493, 494, 508, 509, 512—516, 523, 524, 527
Ролан, супруги 165—167, 193, 196, 445, 447, 465, 470, 493, 508, 510, 512, 523
Ромм Шарль, врач и математик, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Пюи-де-Дом 105, 265, 267
Руайу Томас Мари, аббат, основатель газеты «Ами дю руа» 281, 451, 458

Руссо Жан Жак 296, 302, 306, 309—311, 447, 448
Рюль, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нижний Рейн 250, 251, 262
Рюльер, полковник парижской кавалерии, убитый в сентябре 1792 г. 20, 21
Рюо, комендант Лилля 235

Савари, депутат Конвента от департамента Эр 122
Сайан, граф дю, паж Людовика XV, один из организаторов Жалесского лагеря 272, 273
Сансон Дюперрон, мировой судья секции Маконсей 20, 21
Сёдерманландский герцог, регент Швеции (в дальнейшем король Карл XIII) 241
Семонвиль Шарль Луи Юге, маркиз, дипломат, друг Мирабо, при Наполеоне — член Государственного совета 442, 443
Сен-Брис, г-жа, камеристка наследного принца 22
Сен-Жюст Луи, депутат Конвента, член Комитета общественного спасения 172, 356, 378, 429—434, 437—439, 445, 530
Септёй де, первый камердинер Людовика XVI, казначей цивильного листа 349—354
Серван Жозеф, военный министр 102, 103, 192, 195, 197, 199, 203, 225, 231, 363, 507, 508, 523
Сержан Антуан Франсуа, член Коммуны 10 августа, член Наблюдательного комитета Парижской коммуны, депутат Конвента от Парижа 89, 91, 93, 95, 112, 113, 134, 262
Серизье, редактор «Газетт юниверсель у папье-нувель де ла пэи э де ту ле жур» 19
Серр Жозеф, депутат Конвента от департамента Верхние Альпы 377, 424—426
Серье, литератор 155
Сидней Олджернон, выдающийся деятель Английской революции 1640 г. 262, 263
Сиейес Эммануэль Жозеф, аббат, член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Сарта 399, 441, 461
Сийери (Ш. А. Брюлар), граф де Жанлис, маркиз де, депутат Генеральных штатов от дворянства Реймсского бальяжа, затем депутат Конвента от департамента Сомма 231
Сильверспарре де, чиновник Министерства иностранных дел в Стокгольме 65
Симон Антуан, член Парижской коммуны, член клуба Кордельеров, воспитатель дофина до января 1793 г. 19
Смит Адам 386, 419, 432
Собуль Альбер 10, 13, 39, 179, 463
Стеси Джон, из общества реформ Манчестера 253
Субиз Шарль де Роган, принц де, маршал Франции, в 1757 г. его войска потерпели поражение от войск Фридриха II при Росбахе 209
Сулла Луций Корнелий, римский диктатор 110, 501, 506

Табуро де Монтиньи, «бешеный» из Орлеана 379
Талейран-Перигор Шарль Морис, де, епископ Отёнский, член Учредительного собрания 103
Талон Антуан, распорядитель секретных фондов Людовика XVI 103
Тальен Жан Ламбер, секретарь Парижской коммуны после 10 августа, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза 22, 23, 52, 54, 56, 217, 472
Тарже Гюи Жан Батист, депутат Конвента 153
Тарле Е. В. 381
Таубе, барон, министр короля Швеции 240, 243
Темпельгоф, начальник прусской артиллерии 208
Террасон, активный член Якобинского клуба 139
Террэ Жозеф Мари, аббат, генеральный контролер финансов в 1770—1774 гг. при Людовике XV 44
Тибо, г-жа, первая камеристка королевы 22
Тома, депутат Конвента от Парижа 135
Тома, историк 331
Топсан, депутат Конвента от департамента Эр 122
Тувено, генерал 226, 227
Туре, адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия Руанского бальяжа, судья кассационного суда 141, 153

Турзель, герцогиня де, гувернантка детей короля 22
Турзель Полина де 22
Турнё Морис 22, 23
Тюрго Анн Робер Жак, генеральный контролер финансов 386, 419
Тюрио де ла Розьер, адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Марна 17, 18, 27, 30, 37—39, 50, 57, 58, 73, 76, 105
Тэн Ипполит, историк 349, 371

Уокер Томас, из Конституционного общества Манчестера 253

Фабр д'Эглантин, поэт, депутат Конвента от Парижа 23, 134, 135, 166, 167, 197, 198, 458, 459, 474, 508, 523
Фабр из Эро, адвокат, депутат Конвента от департамента Эро 342, 343, 355, 418
Фейо, администратор департамента Вандея, депутат Конвента от департамента Вандея 355, 426
Ферзен Аксель, граф де 62, 64, 65, 88, 205, 228, 230, 231, 240, 242, 243
Ферниг Фелисите и Теофиль, гражданки, выполнявшие обязанности офицеров при штабе Дюмурье 232
Феро, депутат Конвента от департамента Верхние Пиренеи 376, 377, 419, 432
Филипп Эгалите Луи Филипп Жозеф, герцог Орлеанский 77, 134, 236, 237
Филопемен, древнегреческий полководец и политический деятель 493
Фоше Клод, аббат, редактор «Буш де фер», депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кальвадос 514
Фрагонар Жан Оноре, художник 266
Франц II, император Священной Римской империи, австрийский государь 87, 483
Фрей, братья, банкиры 137
Фрерон Луи Мари, депутат Конвента от Парижа 135
Фресин, адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Луар и Шер 391
Фридрих Вильгельм II, король Пруссии 87, 205, 206, 226, 235, 483
Фридрих II (Фридрих Великий), король Пруссии 208, 209
Фуркруа Антуан Франсуа, химик, член Академии наук, заместитель депутата от Парижского департамента, сменил Марата в Конвенте 265
Фурнье Клод (Фурнье-Американец), один из руководителей клуба Кордельеров 23, 487, 488
Фурье Шарль 397, 398, 407, 409—411, 416

Харди Томас, основатель Лондонского Корреспондентского общества 256, 257
Хемпден Джон, выдающийся деятель Английской революции 1640 г. 262, 263

Цезарь Гай Юлий 506
Цетег Кай Корнелий, один из главных сообщников Катилины 501
Цицерон Марк Туллий 493, 501

Шабо Франсуа, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Луар и Шер 43, 44, 47, 105, 129, 136—139, 294, 298, 299, 472, 474, 508
Шалье Жозеф, глава лионских якобинцев, «мученик за дело свободы» 331, 397
Шамбон де Монто Никола, мэр Парижа 511, 512
Шарлети Себастьян, историк 398, 399, 410
Шарлье Луи Жозеф, адвокат, депутат Законодательного собрания, затем Конвента от департамента Марна 326, 327
Шарль Луи, дофин, младший сын Людовика XVI 19
Шартон 22
Шартон, братья (Шерон) 22, 25
Шартре, комиссар из секции Бонконсей, конторский служащий 331
Шассен Ш. Л., историк 119, 275
Шафнер, сообщник Ла Руэри 273
Шерон, братья 25
Шифер Джон Фредерик, член общества «Друзья народа Великобритании» г. Ньюингтона 258
Шометт Пьер Гаспар (Анаксагор) 23, 282, 313, 511—513
Шомье Жаклин, историк 527
Штраус Давид 282
Шудье, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от

департамента Мен и Луара 27, 37, 50, 54, 62, 64
Шюке, историк 191, 199

Эбер Жак Рене 169, 176, 278, 279, 282, 291, 313, 363, 511—517
Эккерман Иоганн Петер, немецкий литератор, секретарь и друг Гёте 210
Эльдерс де, мнимая баронесса, шпионка штатгальтера 85
Энгельс Фридрих 531
Эрминьи д', помощник заместителя начальника штаба национальной гвардии 22, 25
Эро де Сешель Мари Жан, депутат Законодательного собрания от Парижа, а затем Конвента от департамента Сена и Уаза 35, 240, 241, 256, 257, 264
Эспаньяк д', аббат 363, 364

Югенен, временный председатель революционной Коммуны 10 августа 55

Яков II Стюарт, король Англии 83

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ
10 АВГУСТА — 21 СЕНТЯБРЯ 1792 г.

Глава I. КОММУНА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 9

Марат вдохновляет Коммуну 11
Дело директории Парижского департамента 15
Меры общественной безопасности и меры национальной обороны 18
Эгалитарный церемониал 24
Первые трения 27
Кара за преступления, совершенные 10 августа . . . 28
Учреждение Чрезвычайного трибунала 34
Борьба между Коммуной и Законодательным собранием . . . 39
Ожесточение Марата 40
Робеспьер отказывается быть председателем Чрезвычайного трибунала 41
Якобинцы и выборы 43
Жиронда против Коммуны 48
Национальное собрание распускает Коммуну 50
Коммуна сопротивляется 51
Собрание отступает 56
Вторжение 58
Дантон 59
Домашние обыски 62

Глава II. СЕНТЯБРЬСКИЕ ИЗБИЕНИЯ 64

Верден в осаде 64
Коммуна объявляет военный набор 65
Речь Дантона 68
Избиения 70
Ответственность 72
Робеспьер обличает Жиронду 78
Кондорсе защищается 81
Карра и герцог Брауншвейгский 83
Замысел Робеспьера 89
Манифест Наблюдательного комитета Коммуны 94
Осуждение избиений 96
Действия правительства 101
Верньо предлагает отставку Комиссии двенадцати . . . 106
Обвинительная речь Камбона против Коммуны 107
Коммуна пытается прекратить избиения 110
Военная деятельность Коммуны 114

Глава III. ВЫБОРЫ В КОНВЕНТ 117
Контрреволюционная партия 117
Манифест Исполнительного совета 121
Избрание Бюзо 122
Марсель 127
Париж 133
Общие особенности выборов 139
Профессия избранников 141
Боязнь «аграрного закона» 148
Патриотический пыл 150
Первые схватки между партиями 152
План Жиронды против Парижа 154
Избрание Марата оспаривается 158
Нелогичность Барбару 159
Клевета Бриссо 162
Г-жа Ролан обвиняет Дантона 164

Глава IV. СОЦИАЛЬНОЕ БРОЖЕНИЕ И ПЛАНЫ «АГРАРНОГО ЗАКОНА» 169
Декларация прав Моморо 169
Марат и пролетарии 173
«Революсьон де Пари» взывает к великодушию богачей 175
Карра отвергает «аграрный закон» 178
Клоотс опровергает Моморо 180
Керальо против сторонников раздела 185

Глава V. ЛОНГВИ, ВЕРДЕН, ВАЛЬМИ 191
Жиронда и план отступления на юг 192
Дюмурье и аргоннский маневр 198
Герцог Брауншвейгский и его армия 204
Вальми 207

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕСПУБЛИКА

Глава VI. КОНВЕНТ И ПОБЕДА 213
Дух Конвента 213
Дантон отказывается от всех крайностей 216
Уничтожение монархии. Значение Республики 220
Успехи революционных армий 225
Переговоры Дюмурье 226
Кампания глазами эмигрантов 228
Отступление пруссаков 230
Дюмурье в Париже 232
Жемапп 235
Завоевание Бельгии 239

Завоевание Савойи 243
Кюстин на Рейне 246
Адреса из Англии 253
Пропагандистский декрет от 19 ноября 1792 г. 262
Присоединение Савойи 263
Опьянение 265

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТРУДНОСТИ И РАЗДОРЫ

Глава VII. КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЗАГОВОРЫ И РЕЛИГИОЗНАЯ АГИТАЦИЯ 271
Заговор в Бретани 272
Клерикальная агитация 275
Манюэль и праздник тела господня в 1792 г. 276
Полуночная месса в 1792 г. 280
Секуляризация актов гражданского состояния 284
Вопрос о бюджете культов 289
Народное сопротивление 290
Мнение жирондистов 293
Мнение якобинцев 294
Мнение Дантона 301
Мнение Робеспьера 303
Ошибка Кине 312
Глава VIII. ФИНАНСОВОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ 316
Финансовые затруднения 316
Доклад Ролана о коммерческой активности 321
Промышленный кризис в Лионе 325
Идеи Ролана о развитии промышленности 332
Билеты доверия 335
Повышение цен на зерно 341
Цена хлеба 346
Спекуляции короля 349
«Искусственный» голод 354
Причины дороговизны 358
Поставщики 364
Землевладельцы и фермеры 366
Имущества эмигрантов и их стоимость 370
Уплата натурой арендной платы с национальных имуществ 373
Движение заработной платы 375
Средства исцеления, предложенные Кондорсе 381
Народное движение за таксацию 384
Волнения 388
Первый максимум 392
Брошюра Моморо в пользу максимума 394

Проекты и системы: лионский социалист Л'Анж 396
Обсуждение Конвентом проблемы регламентации торговли зерном 417
Речь Бефруа 419
Речь Серра 424
Речь Сен-Жюста 429

Глава IX. РАЗДОРЫ МЕЖДУ ПАРТИЯМИ 439
Новый путь Марата 440
Ошибка Жиронды 444
Бюзо и департаментская стража 447
Дантон, Марат, Робеспьер 451
Марат защищается 454
Жиронда и якобинцы 458
Секции Парижа и голосование путем открытой подачи голосов 463
«Революсьон де Пари» против Жиронды 467
Предупреждение Кондорсе 470
Якобинцы защищают Коммуну 471
Ловкость Робеспьера и Марата 473
Обвинительная речь Ролана против Парижа 484
На трибуне Робеспьер, затем Дантон 489
Выступление Дантона 491
Катилинарий Луве 493
Ответ Робеспьера 502
Кампания Эбера против Ролана 512
Эволюция Леба 518
Дополнительные замечания 520
Сентябрьские избиения 520
Жирондисты и монтаньяры 526
Библиография 533
Указатель имен 537

ЖАН ЖОРЕС

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИБ № 4405

Редактор *Н. В. Рудницкая*. Художник *А. Ф. Серебряков*. Художественный редактор *В. А. Пузанков*. Технические редакторы *Г. В. Трушина*, *М. Г. Акколаева*. Корректор *Р. М. Прицкер*.

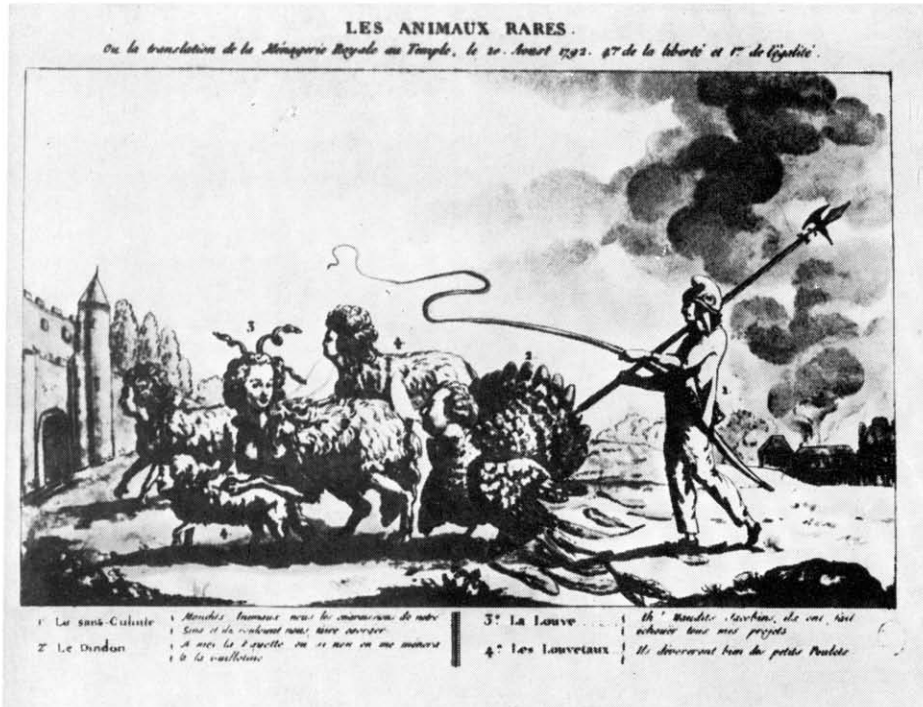
Сдано в набор 27.2.1979 г. Подписано в печать 22.10.1979 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Печ. л. 34,5+3,5 печ. л. вклеек. Уч.-изд. л. 39,76. Тираж 6000 экз. Заказ № 0125. Цена 3 руб. 50 коп. Изд. № 24518. Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17. Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 «Искра революции» Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 103001, Трехпрудный пер., 9.

Марат победитель аристократии. (Bibl. Nat., Est.)

«*Да здравствует Свобода!*» (Musée Carnavalet.)

«Да здравствует Свобода!» (Musée Carnavalet.)

Сброшенная маска. (Bibl. Nat., Est.)

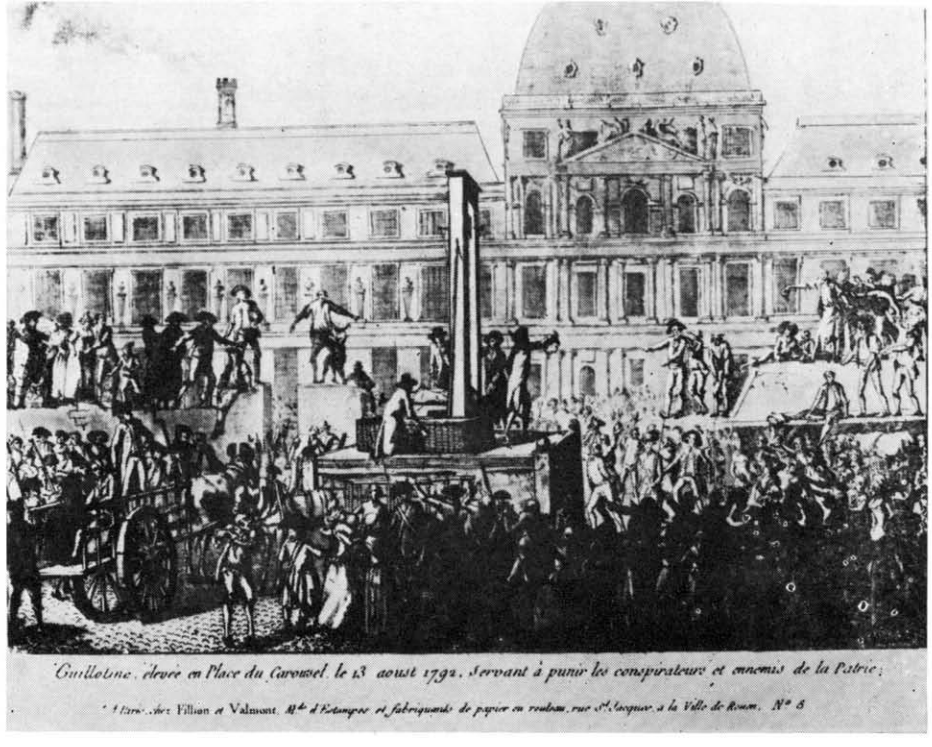


«*Редкие животные*, или перевозка королевского зверинца в Тампль, 20 августа 1792 г., IV г. Свободы и I г. Равенства».

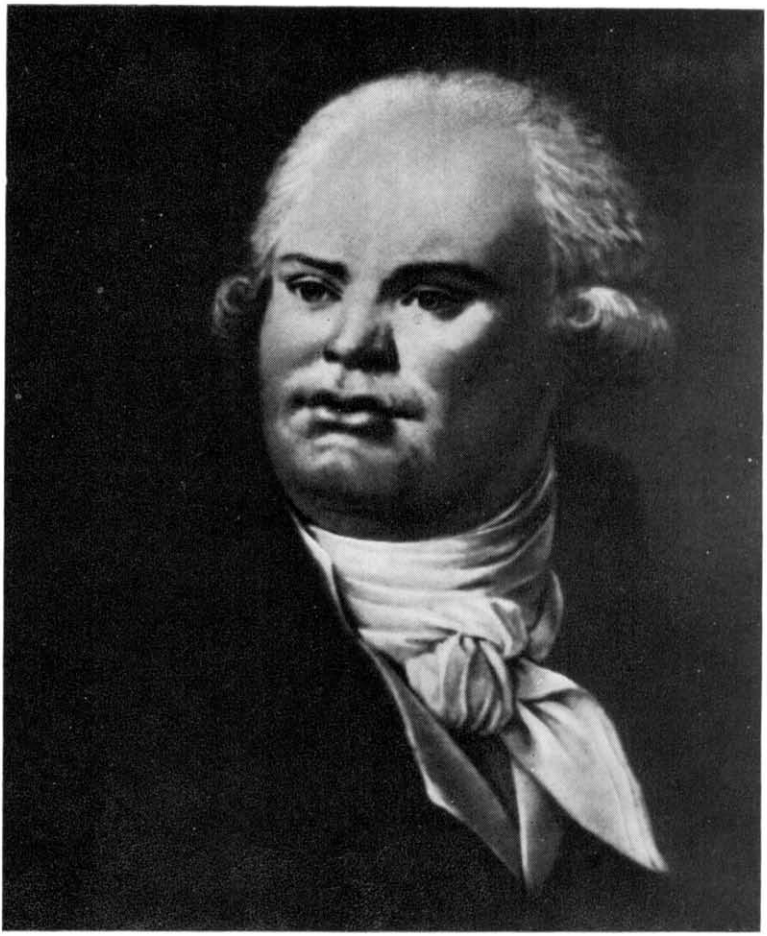
1. *Санкюлот*: «Проклятые животные, мы их вскормили нашей кровью, а они захотели нас погубить!»
2. *Индюк*: «Ко мне, Лафайет, иначе меня отправят на гильотину!».
3. *Волчица*: «О, проклятые якобинцы, они расстроили все мои планы!»
4. *Волчата*: «Они сожрут всех цыплят!»

(По эстампу из музея Карнавале.)

Народ, сверзающий статую Людовика XIV на Вандомской площади. (Musée Carnavalet.)

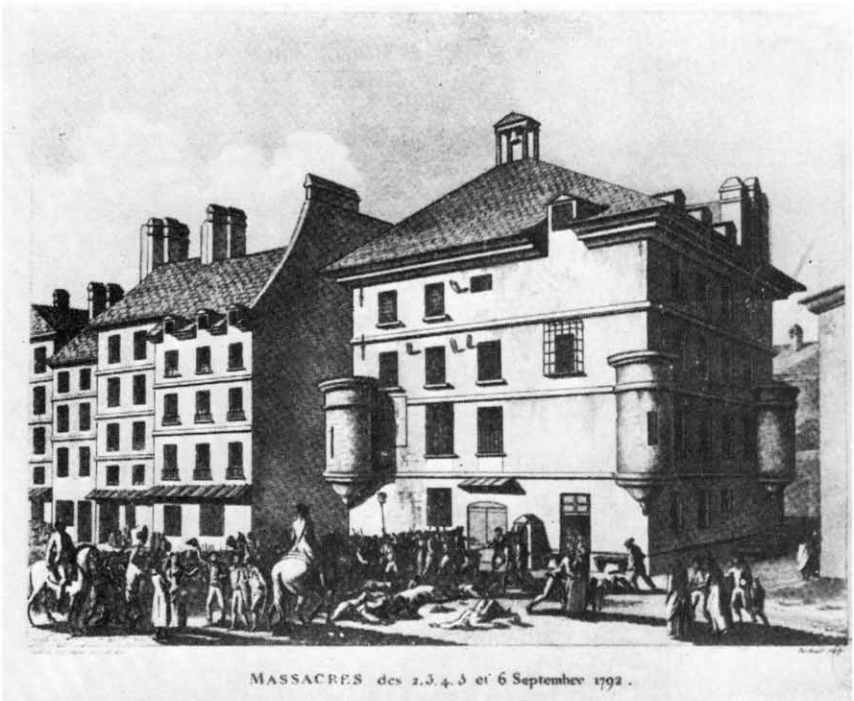


Гильотина, воздвигнутая на площади Карусель, 13 августа 1792 г. (Musée Carnavalet.)



Дантон. (По картине из музея Карнавале.)

«*Марсельеза*». (Bibl. Nat., Est.)



Избиения 2,3, 4, 5 и 6 сентября 1792 г. (По эстампу из музея Карнавале.)

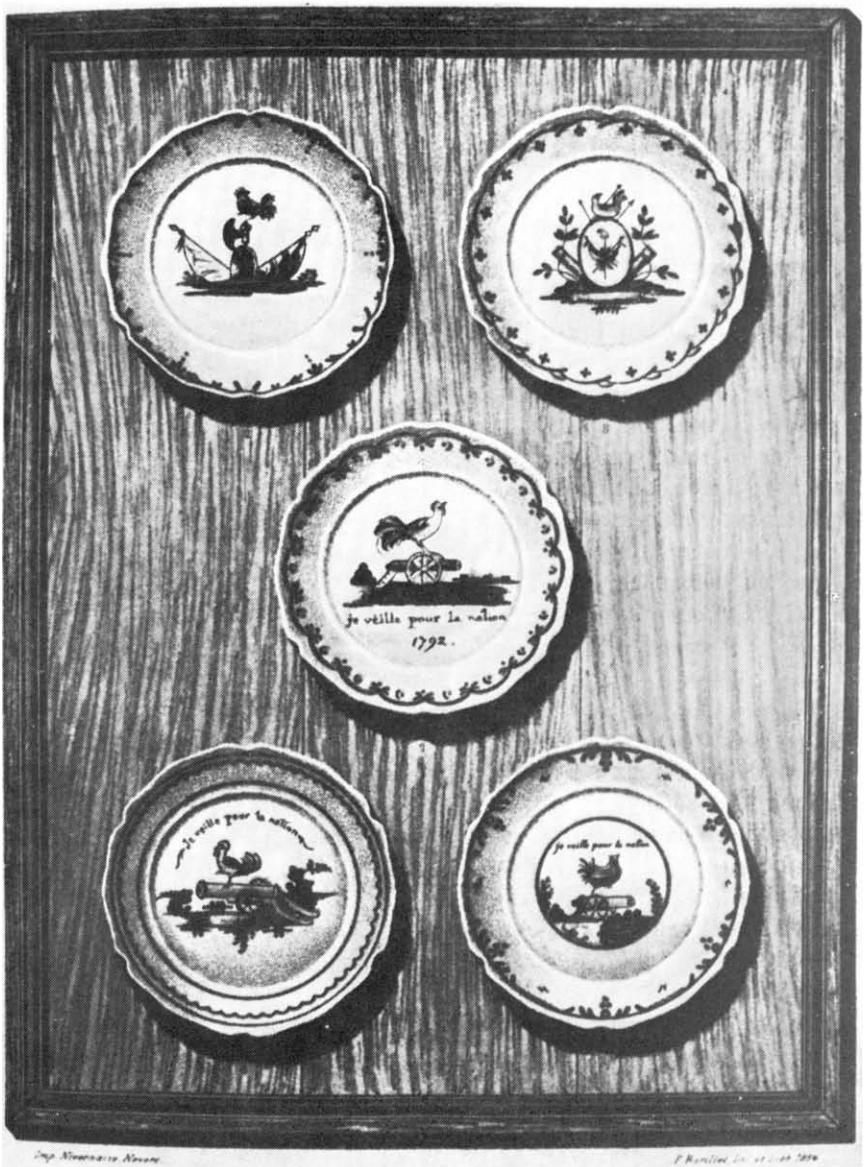
Старая тюрьма Ла Форс, ул. Сицилийского короля, № 2 (этот дом был снесен в 1854 г.). Г-жа де Ламбаль была обезглавлена на второй тумбе слева в сентябре 1792 г. (По эстампу из музея Карнавале.)

Избиение узников из Орлеана. Заключенные, содержавшиеся в тюрьмах Национального Верховного суда в Орлеане, были убиты в пути, при проезде через Версаль. (По эстампу из «Révolutions de Paris», музей Карнавале.)

События 14 сентября 1792 г. Неизвестные лица набрасывались на парижских рынках на женщин, срывая с них часы, серьги и др. Некоторые из этих воров с шарфами членов муниципалитета через плечо были схвачены и убиты на месте. (По эстампу из «Révolutions de Paris», музей Карнавале.)

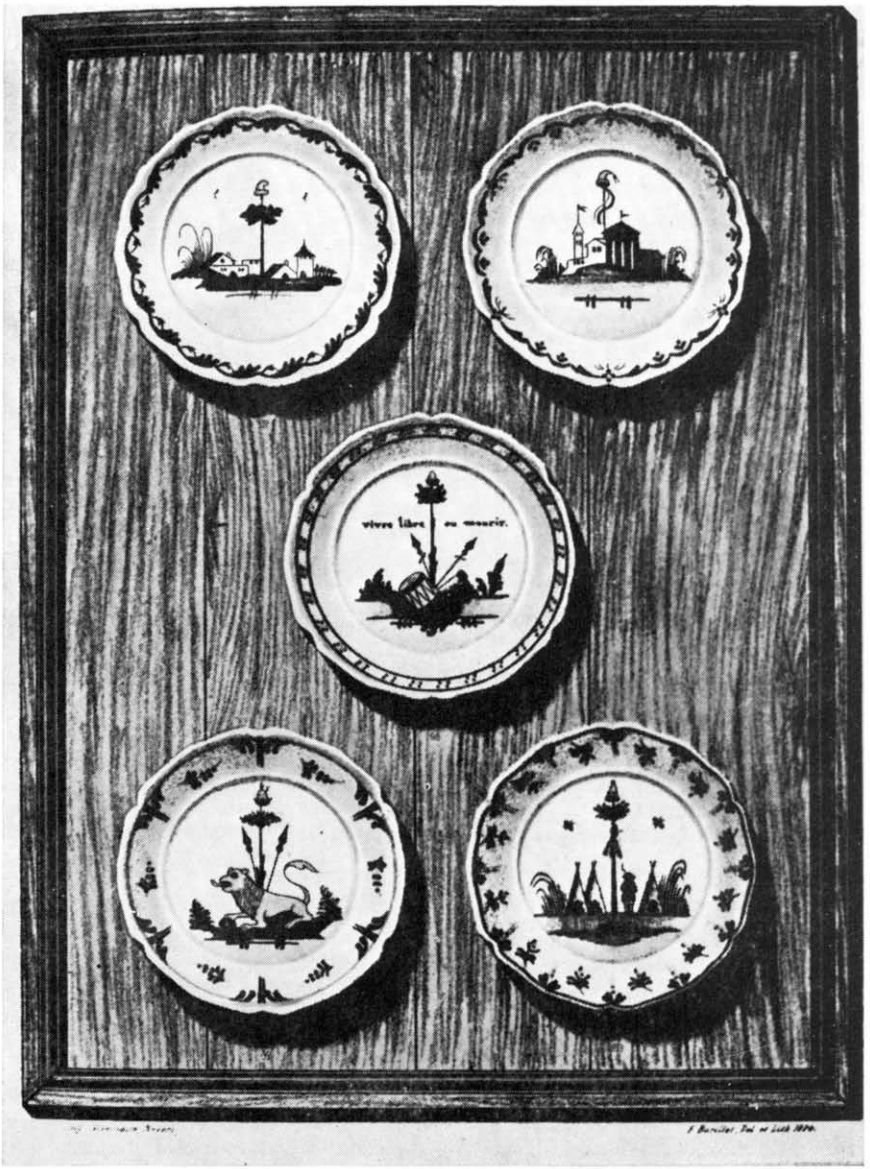
Дни 2 и 3 сентября 1792 г. Наблюдательный комитет Коммуны. (По эстампу из музея Карнавале).

Mapam. (Bibl. Nat., Est.)



Нивернезский патриотический фаянс, 1792 г. (см.: Fieffé et Bouveault. Faïences patriotiques nivernaises.)

Ниверневский патриотический фаянс, 1792 г. (См.: Fieffé et Bouveault. Faïences patriotiques nivernaises.)

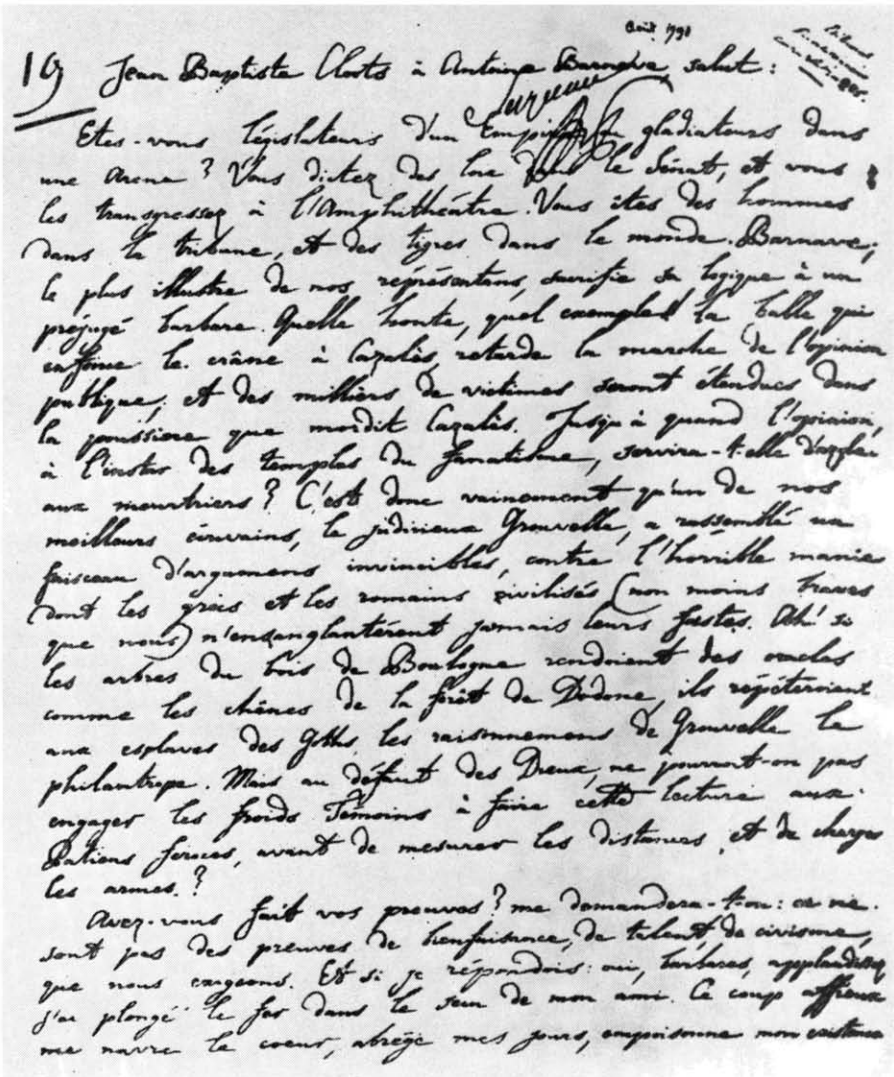


Нивернезский патриотический фаянс, 1792 г. (См.: Fieffé et Bouveault. Faïences patriotiques nivernaises.)

Ниверпезский патриотический фаянс, 1792 г. (См.: Fieffé et Bouveault. Faïences patriotiques nivernaises.)

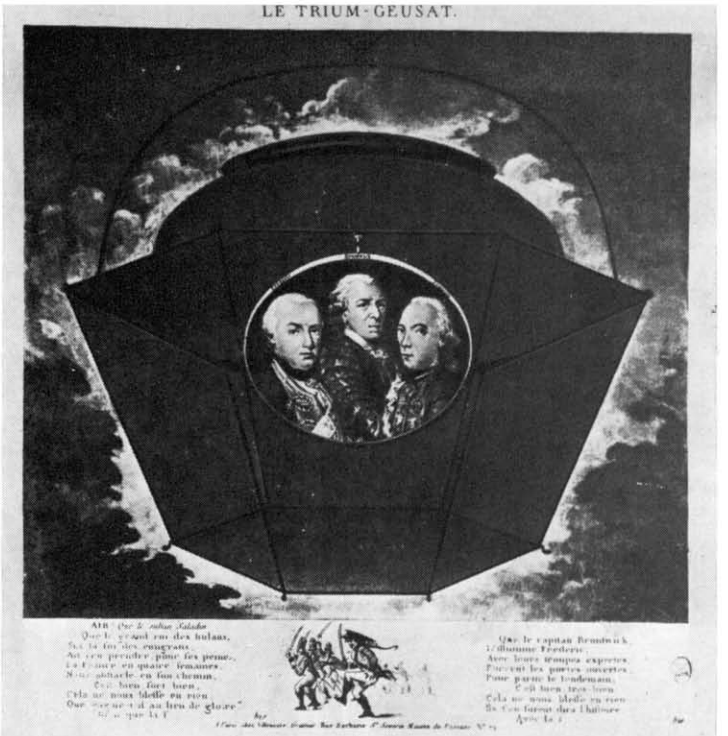
Довольный патриот. Нивернезский фаянс. (См.: F i e f f é et B o u v e a u l t. Faïences patriotiques nivernaises.)

«Да здравствует папаша Дюшен! 1792 г.» Нивернезский фаянс. (См.: Fieffé et Bouveault. Faïences patriotiques nivernaises.)



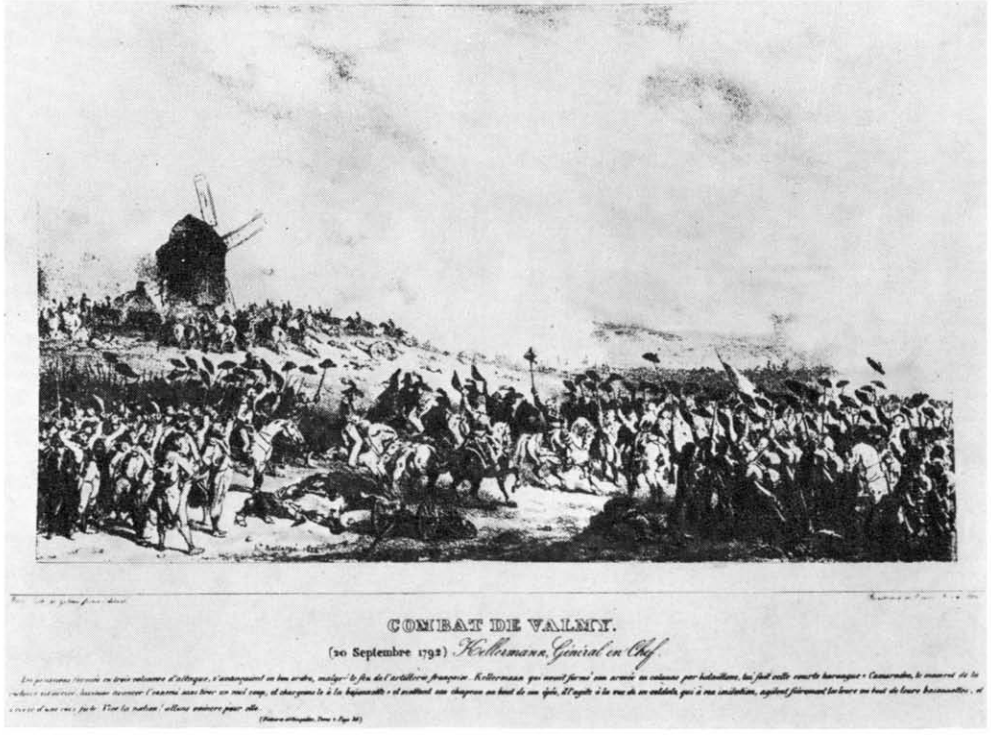
Фрагмент письма Клоотса Барнаву. (По документу из Национального архива.)

«*Анархия*». Контрреволюционный эстамп. (Музей Карнавале.)



Триумгёзат. Фридрих Вильгельм, король Пруссии, герцог Брауншвейгский и император Франц II Габсбург. [Игра слов. «Триумгёзат» бранное выражение, образованное от латинского слова «триумвират» (три человека). «Триумгёзат» означает «Три подлеца». –*Ред.*]

«Публичное покаяние принца Брауншвейгского и сожжение его манифеста». (По эстампу из музея Карнавале.)

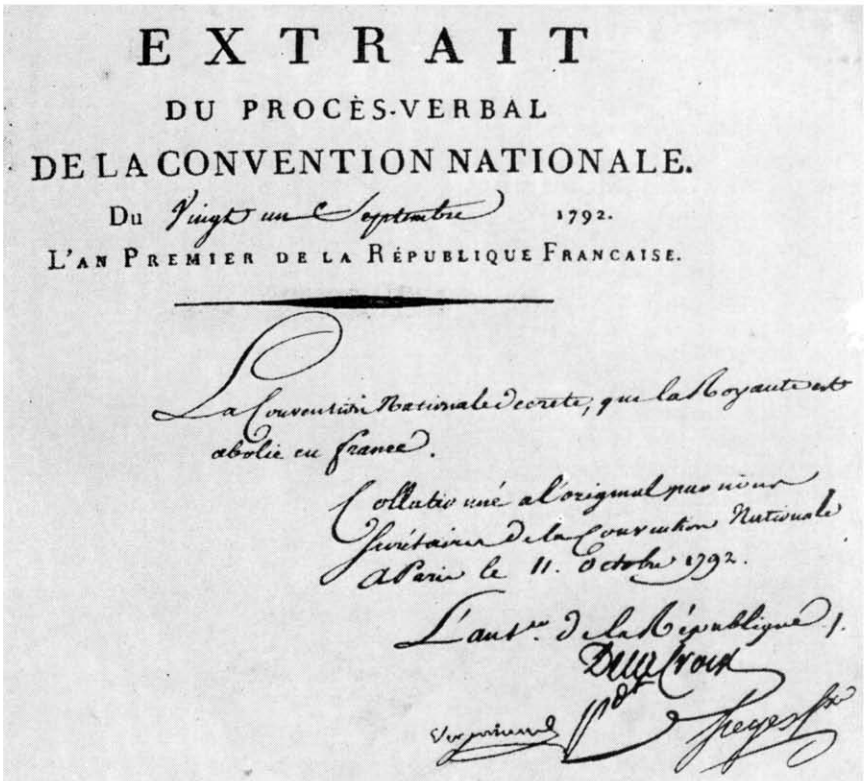


Сражение при Вальми (20 сентября 1792 г.). Главнокомандующий Келлерман. (По эстампу из музея Карнавале.)

Свобода. (По эстампу из музея Карнавале.)

Равенство. (По эстампу из музея Карнавале.)

Разум. (По эстампу из музея Карнавале.)



EXTRAIT

DU PROCÈS-VERBAL

DE LA CONVENTION NATIONALE.

Du Vingt un Septembre 1792.

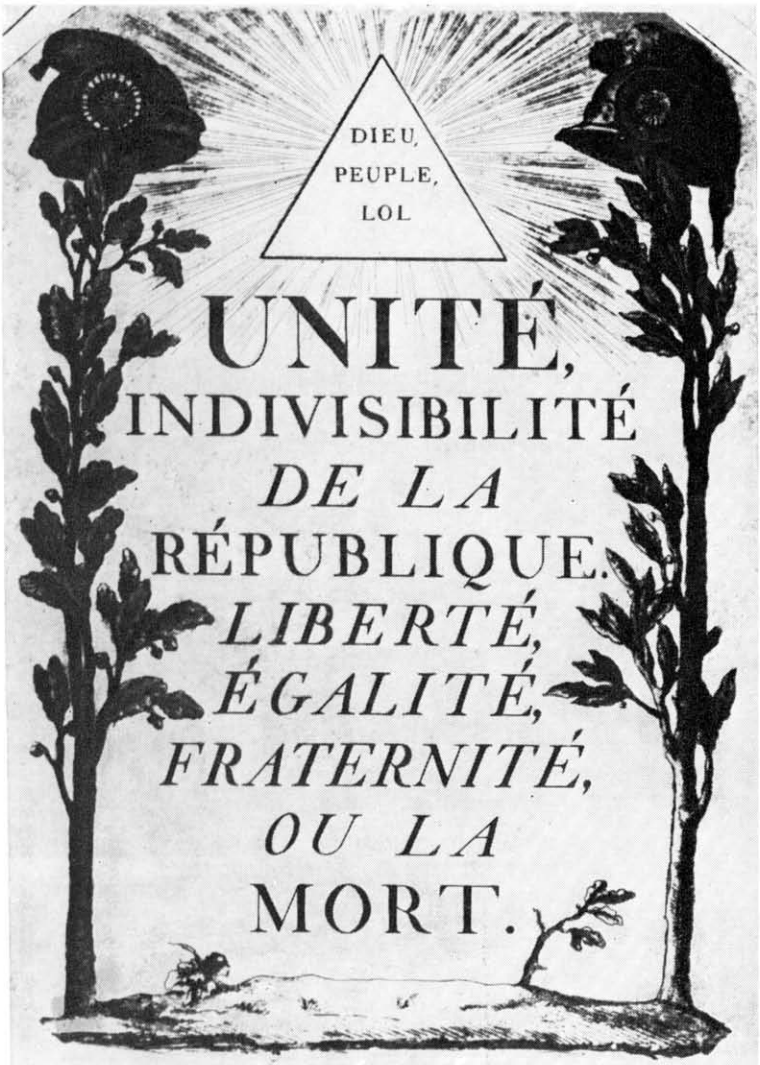
L'AN PREMIER DE LA RÉPUBLIQUE FRANCAISE.

La Convention Nationale decrete, que la Royauté est abolie en France.

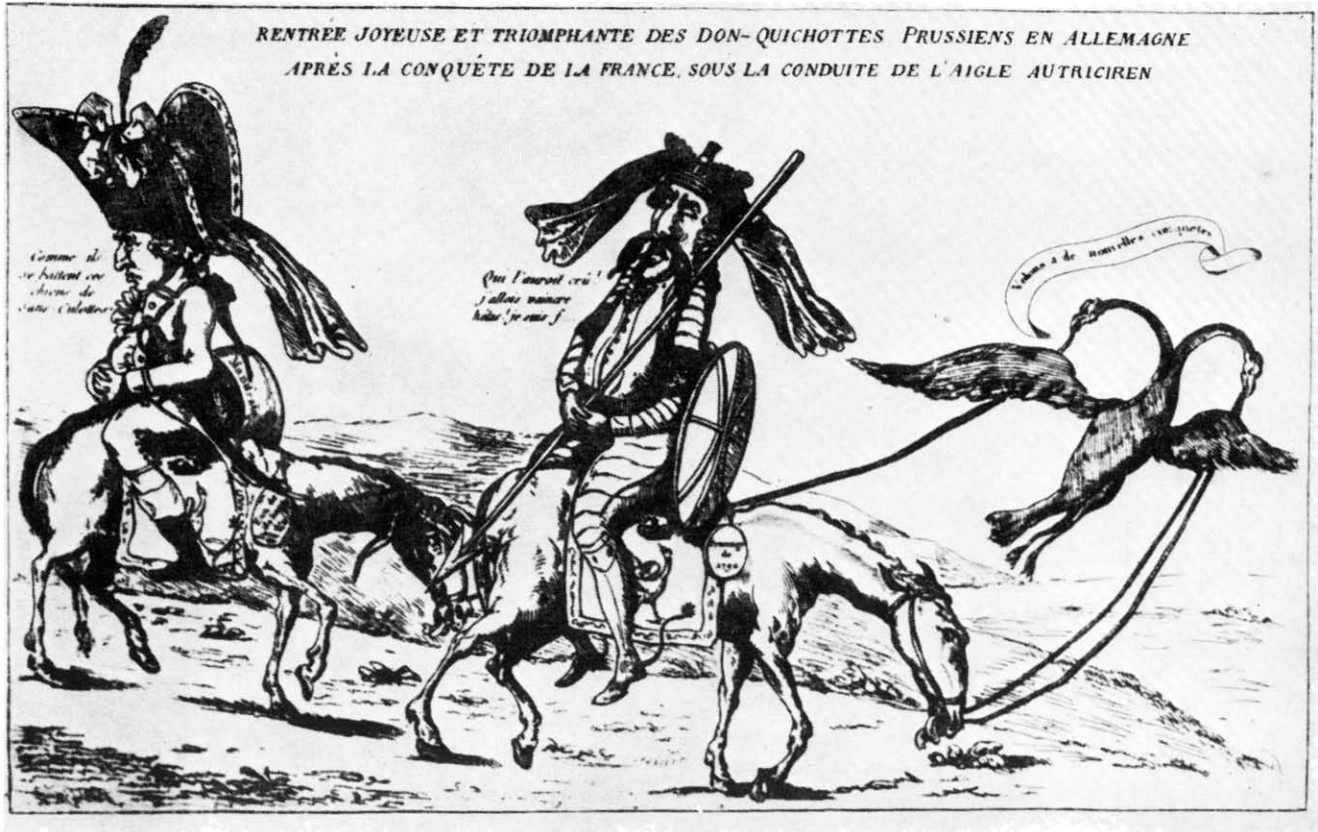
Collationné à l'original par nous Secrétaire de la Convention Nationale à Paris le 11. Octobre 1792.

L'an 1re de la République.

Декрет Конвента, упраздняющий во Франции королевскую власть (21 сентября 1792 г.). (Оригинальный документ, полученный от Жоржа Кена.)



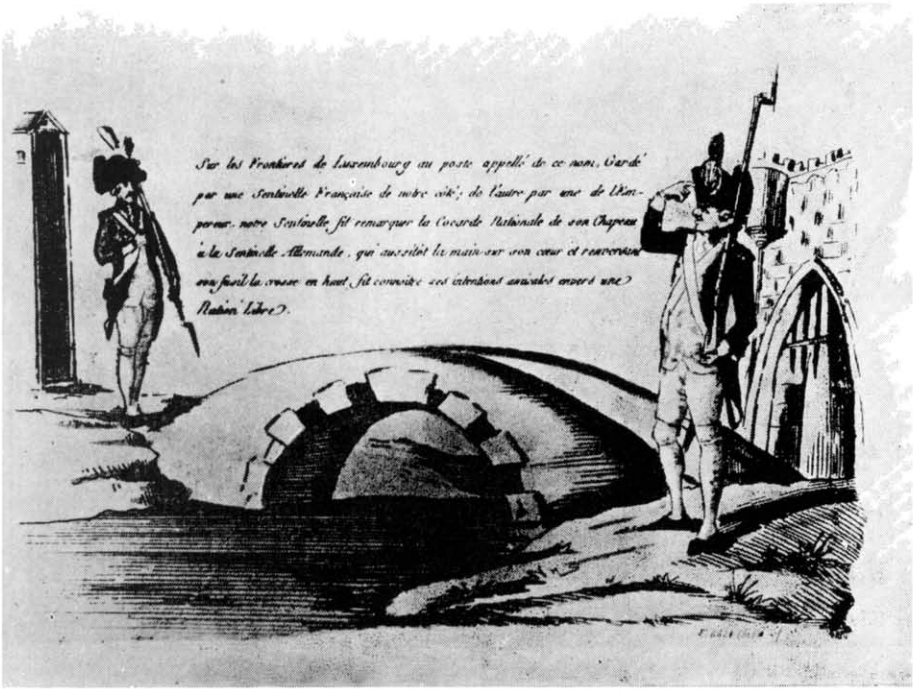
Республиканский девиз. (По эстампу из музея Карнавале.)



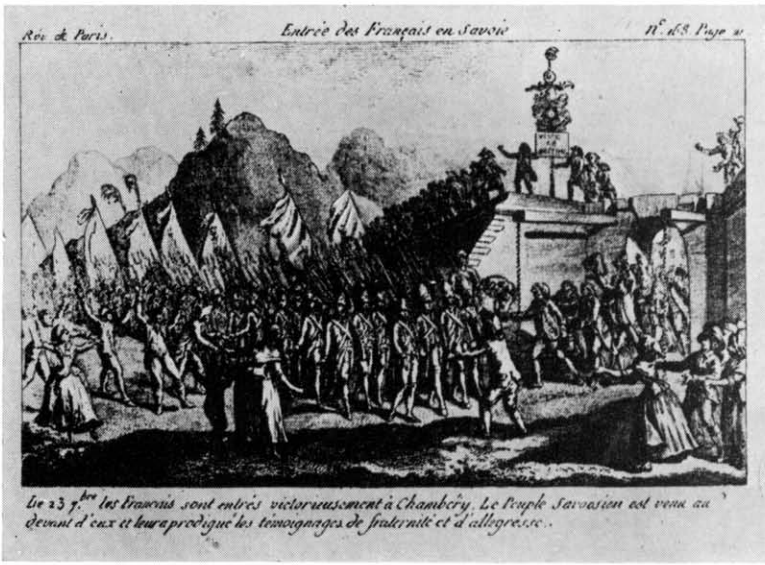
«Радостное и триумфальное возвращение прусских дон-кихотов в Германию после завоевания Франции под водительством австрийского орла». (По эстампу из музея Карнавале.)

Обстрел Лилля. (По эстампу из музея Карнавале.) В последние дни сентября 1792 г. австрийцы, воодушевленные присутствием правителя Нидерландов, подвергли Лилль бомбардировке. Мужество гарнизона Лилля и его жителей свело на нет усилия неприятеля.

«*К оружью, граждане!*» (Bibl. Nat., Est.)

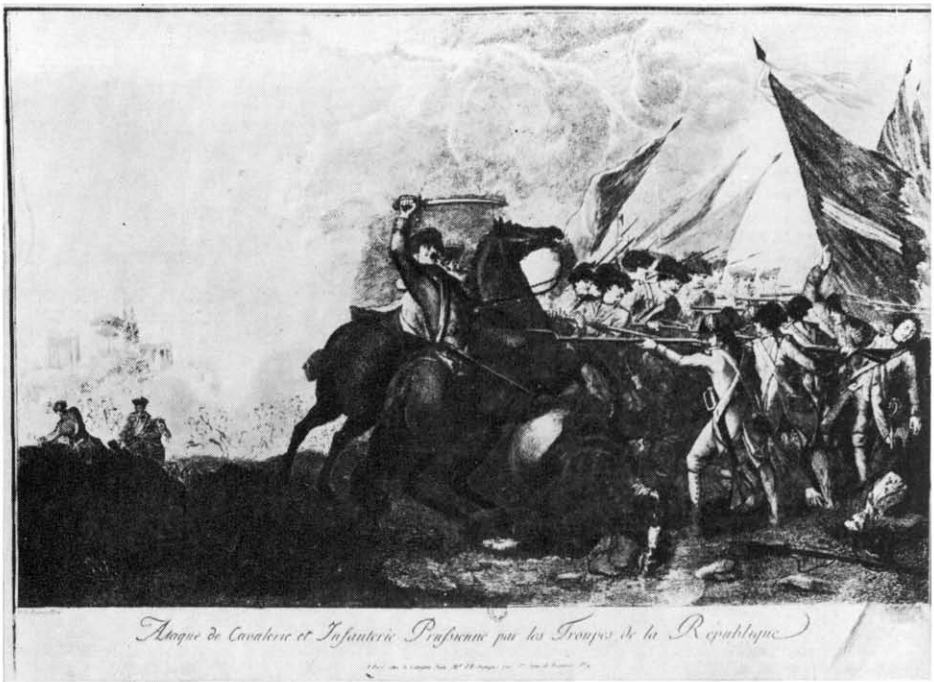


На границах Люксембурга. (Bibl.Nat., Est.)

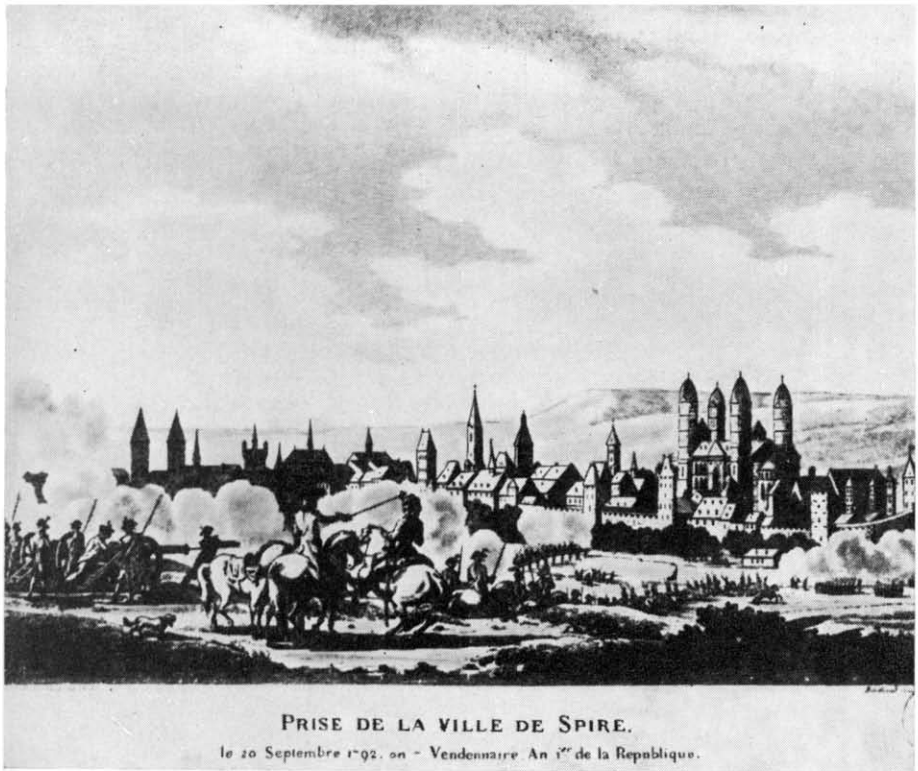


Вступление французов в Савойю. 23 сентября 1792 г. французы победоносно вошли в Шамбери. Савойцы вышли им навстречу, выражая чувства братства и радости. (Гравюра из «Révolutions de Paris», музей Карнавале.)

Великая эмиграция короля сурков. (Bibl. Nat., Est.) [Сурками называли савойцев.—Ред.]

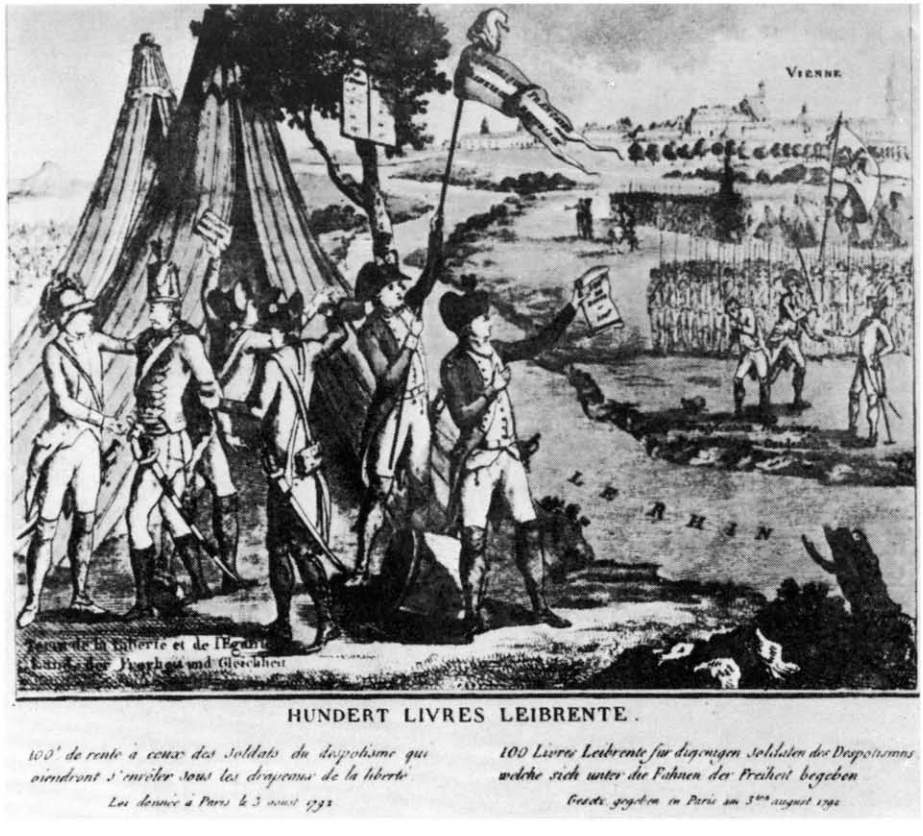


Войска Республики атакуют прусскую кавалерию и пехоту. (Bibl. Nat., Est.)



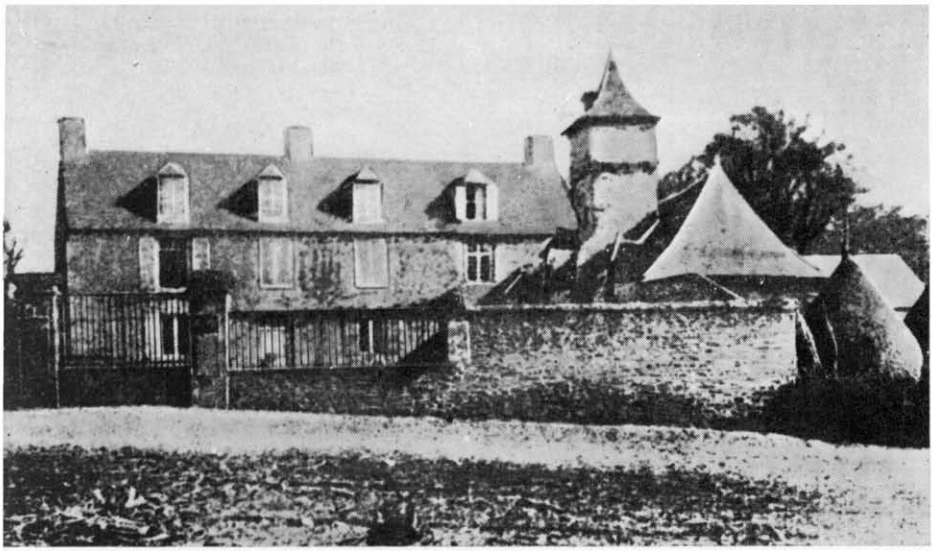
Взятие города Шпейера (29 сентября 1792 г.). (По эстампу из музея Карнавале.)

Генерал Кюстин сажает дерево Свободы в Майнце. (По эстампу из музея Карнавале.)



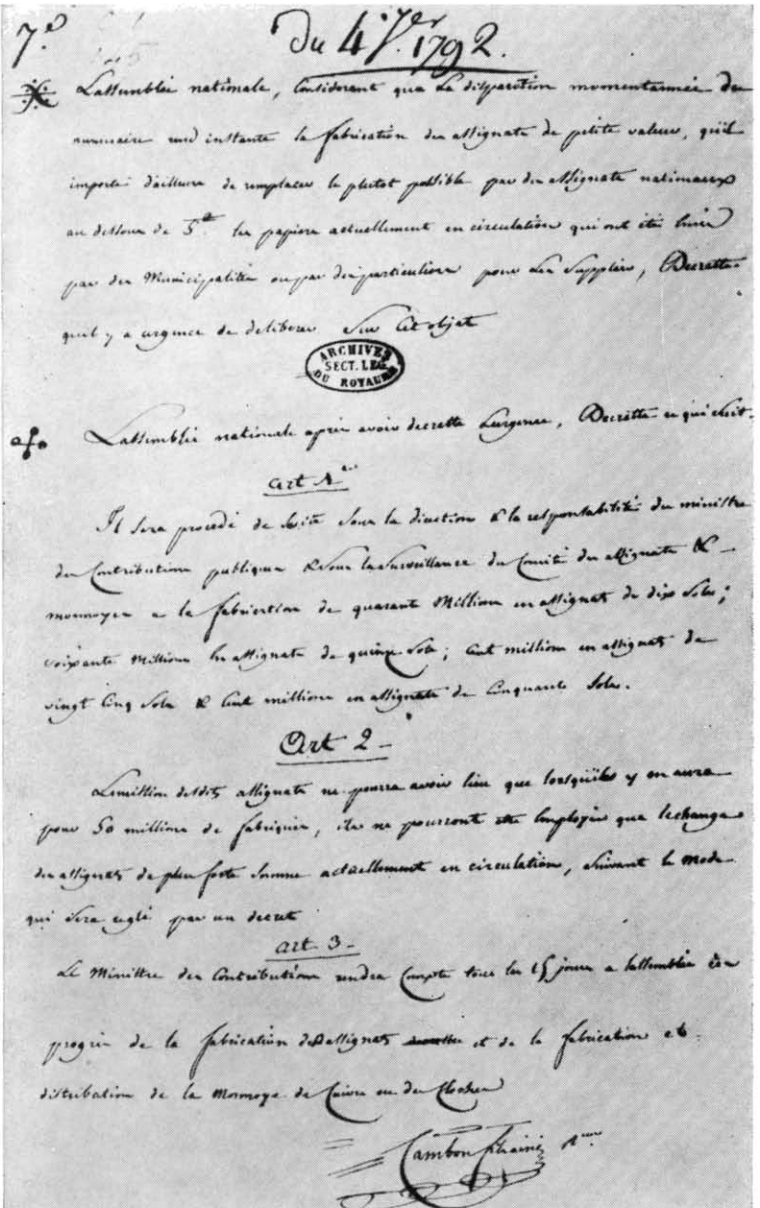
«*Сто франков ренты*». Сто франков ренты тем из солдат деспотизма, которые перейдут под знамена Свободы. (По эстампу из музея Карнавале.)

Преданность Отечеству. (Bibl. Nat., Est.)



Замок Гийомарэ. (Из: G. L e n ô t r e. Le marquis de la Rouërie et la conjuration bretonne. Paris, 1899.)

«*Последняя конституционная процессия — погребение гражданской присяги, которое состоится... 1792 г.*» Контрреволюционная карикатура. (Bibl. Nat., Est.)



7e Du 4 7bre 1792.

L'assemblée nationale, considérant que la disposition momentanée de
remettre sur l'instant la fabrication des assignats de petite valeur, qu'il
importe d'ailleurs de remplacer le plutôt possible par des assignats nationaux
au dessous de 5 l.t les papiers actuellement en circulation qui ont été émis
par des Municipalités ou par des particuliers pour les Supplier, Décrette
qu'il y a urgence de délibérer sur cet objet

ARCHIVES SECT. LEG. DU ROYAUME

L'assemblée nationale après avoir décrété l'urgence, Décrette ce qui suit.

Art 1.er

Il sera procédé de suite sous la direction et la responsabilité du ministre
des Contributions publiques et sous la surveillance du Comité des assignats et
monnoyes à la fabrication de quarante Millions en assignats de dix Sols;
cinquante millions en assignats de quinze Sols; cent millions en assignats de
vingt cinq Sols et cent millions en assignats de cinquante Sols.

Art 2.

Les millions décrétés assignats ne pourront avoir lieu que lorsqu'ils y en aura
pour 50 millions de fabriqués, et ne pourront être employés que lesdits assignats
des plus petites sommes actuellement en circulation, suivant le mode
qui sera réglé par un décret.

art 3.

Le Ministre des Contributions rendra compte tous les 15 jours à l'assemblée des
progrès de la fabrication des assignats ainsi que de la fabrication et de
distribution de la Monnoye de cuivre ou de billon

Cambon Thuriot 1.er

Декрет Законодательного собрания от 4 сентября 1792 г. об изготовлении ассигнатов купюрами мелкого достоинства. Черновик подписан Камбоном. (По документу AE II 1250 из музея Национального архива.)

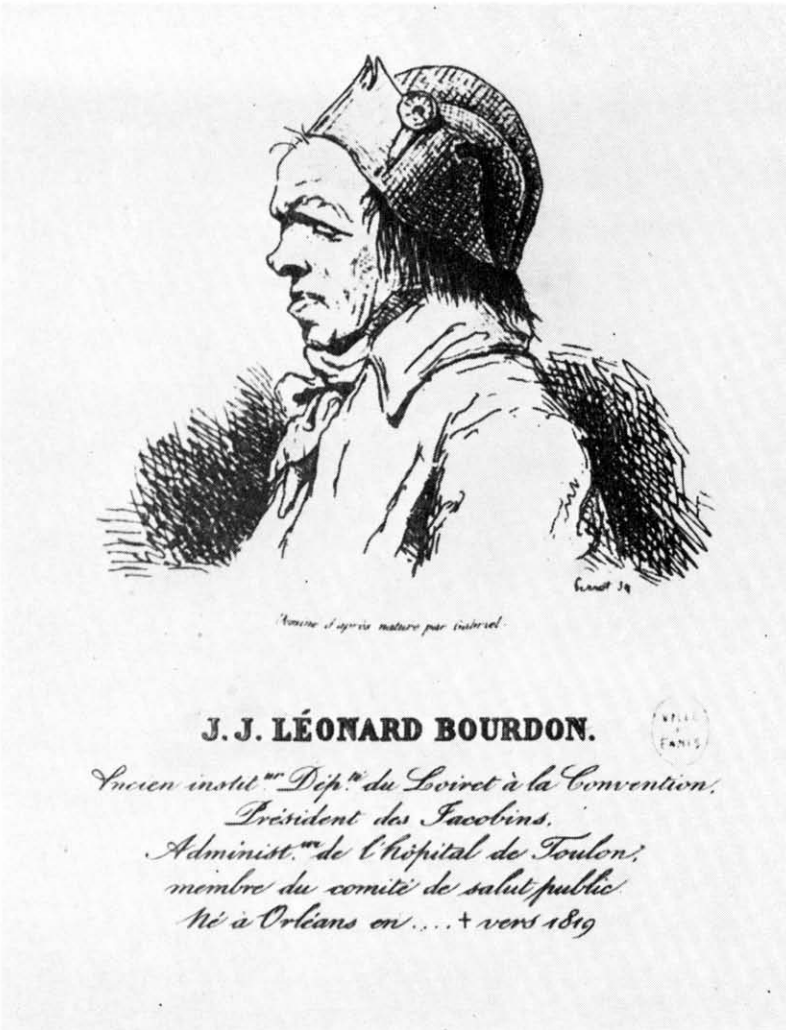
Ассигнат в 10 су. (Bibl. Nat., Est.)

Ассигнат в 400 ливров. (Bibl. Nat., Est.)

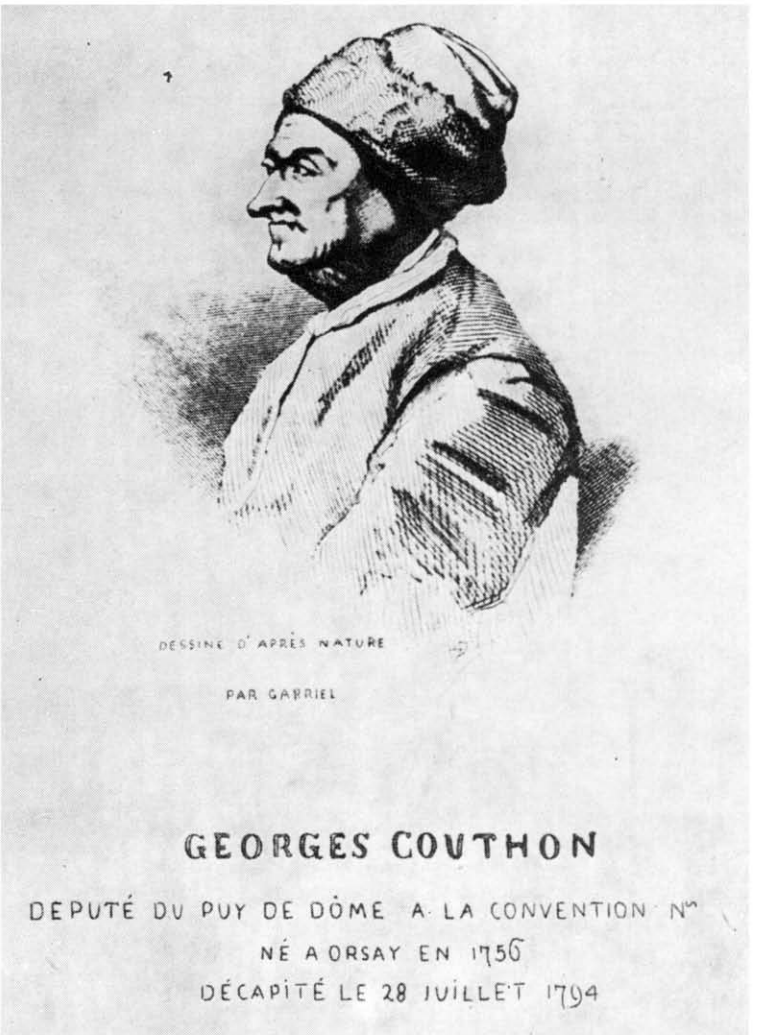
Ассигнат в 50 ливров. (Bibl. Nat., Est.)

Камю. (По документу из музея Карнавале.)

Сен-Жюст. (По документу из музея Карнавале.)

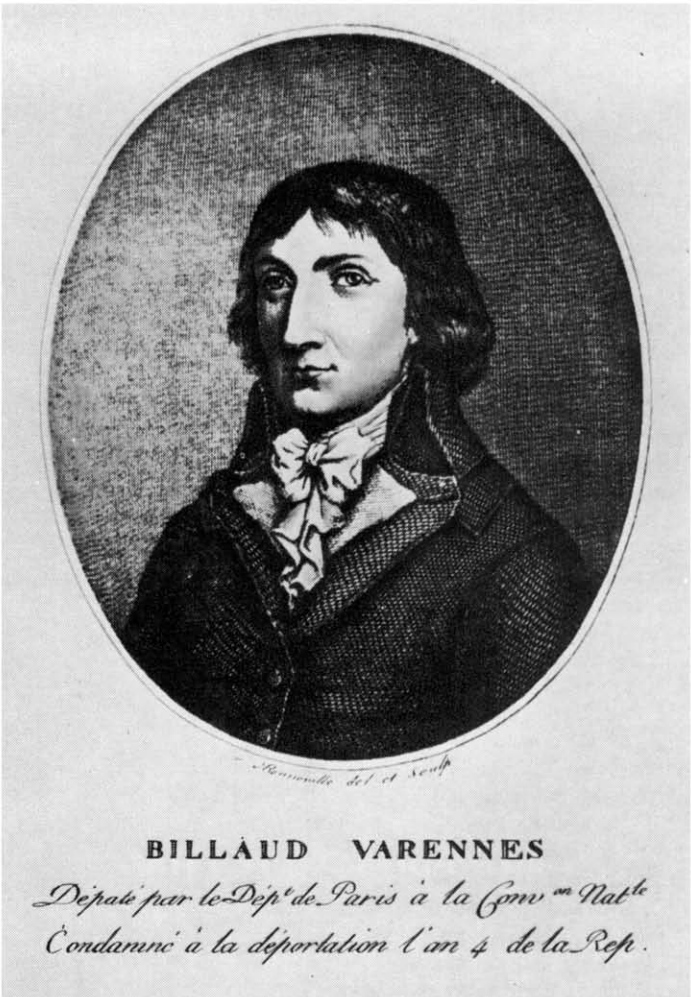


Леонар Бурдон. (По эстампу из музея Карнавале.)



Кутон. (По эстампу из музея Карнавале.)

Фабр д'Эглантин. (По эстампу из музея Карнавале.)



Бийо-Варенн. (По эстампу из музея Карнавале.)

Барер. (По эстампу из музея Карнавале.)

Леба. (По эстампу из музея Карнавале.)

Монументальный, шеститомный труд
«Социалистическая история
Французской революции»
принадлежит перу Жана Жореса,
знаменитого Французского трибуна,
демократа, социалиста,
бесстрашного противника войны,
империализма и реакции.

*

Труд Жана Жореса, посвященный
Великой Французской революции,
выдержал испытание временем
и принадлежит и ныне
к числу лучших работ,
классических трудов по истории
первой Французской революции.

*

«Социалистическая история
Французской революции»,
— пишет А. Собуль, — является
«памятником науки,
творением, проникнутым убеждениями,
составляющими неотъемлемое
достояние французского народа,
рабочих и крестьян, для которых
оно было задумано и написано».

*

Третий том
настоящего русского издания
освещает события 1792 г.,
выборы в Конвент,
установление Республики,
первые успехи революционных войск
в борьбе с коалицией,
борьбу между жирондистами и якобинцами